200 ЗНАМЕНИТЫХ ОТРАВЛЕНИЙ

FOLIO

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Жрецы устраняли фараонов, императоры – приближенных, приближенные – императоров, жены травили мужей и соперниц, те, в свою очередь, – жен… Вариантов – множество. Моцарт, Наполеон, Крупская, Горький, Сталин, Че Гевара, Мэрилин Монро – об их загадочной смерти (отравлении?) не умолкают споры до сих пор. Яды были излюбленным средством Калигулы, Нерона, Екатерины Медичи, Ивана Грозного, Сталина в борьбе за свое могущество (этот список нескончаем).

- Игорь Анцышкин
  - ОТ АВТОРА
  - ЯДЫ В ДРЕВНЕМ МИРЕ
    - ПОД ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМ БОГИНИ ГУЛЫ
    - ОТ ЯДА К БОГУ
    - ПЕРСИДСКИЕ ОТРАВЛЕНИЯ
    - СМЕРТЬ ИЗГНАННИКОВ
    - ЯД И МИФЫ
    - ГЕНИЙ – ЖЕРТВА ИНТРИГ
    - ЯД В ЭЛЛАДЕ
    - СМЕРТЬ СОКРАТА
    - САМОУБИЙСТВО ДЕМОСФЕНА
    - ЦИКУТА, ВОЙНЫ И ПОЛИТИКА
    - ЗАТРАВЛЕННЫЙ ПОЛКОВОДЕЦ
    - ЗАКАТ ЭЛЛАДЫ И ЯД
    - ЦАРЬ-ОТРАВИТЕЛЬ
    - КУБОК ЯДА ДЛЯ ЛЮБИМОЙ
    - КОГДА ЯД НЕ ДЕЙСТВУЕТ
    - ЖЕРТВА СТРАСТИ
    - ЕЩЕ ОДНА ЖЕРТВА СТРАСТИ
    - БРАТЬЯ-СОПЕРНИКИ
    - НЕСЧАСТНЫЕ КЛЕОПАТРЫ
    - НЕСЧАСТНЫЕ ПТОЛЕМЕИ
    - ЯД НА РИМСКИХ ХОЛМАХ
    - ЯД ИЗ РУКИ ЦЕЗАРЯ
    - ОТ КАЛИГУЛЫ ДО НЕРОНА
    - БИБЛИЯ И ЯД
    - ИМПЕРАТОРЫ И ЯДЫ
    - ЗАДУШЕННЫЙ ГЕРКУЛЕС
    - И КАПУСТА НЕ ПОМОГЛА
    - ОСНОВАНИЕ ЛАНГОБАРДСКОГО КОРОЛЕВСТВА
    - БЛАГОЧЕСТИВЫЙ ОМАР

- ИМПЕРАТОР, РАЗВОД И ОТРАВЛЕНИЕ
- ФЕОФАНО И ЕЕ ЛЮБОВНИКИ

○ ОТ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ДО НАШИХ ДНЕЙ

- ОСНОВАНИЕ ПОЛЬШИ И ЧАША ЯДА
- ПОЛКОВОДЕЦ ХАЛИФА
- ЕВНУХ-ОТРАВИТЕЛЬ
- РАЗДОРЫ МЕЖДУ КАРОЛИНГАМИ
- ЗЛОПАМЯТНЫЕ СУПРУГИ
- ОТРАВЛЕННЫЕ ВИКИНГИ
- ПРЕДУСМОТРИТЕЛЬНЫЙ ГЕРЦОГ
- ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ ИОАНН
- ВОЗМУТИТЕЛЬ СПОКОЙСТВИЯ
- БОЯРЕ НЕ ВИНОВНЫ
- БРАТ НА БРАТА
- НЕУДАЧНИКИ ИЗ ГАЛИЧИНЫ
- РЕШИТЕЛЬНЫЙ ТИРАН
- ЕСЛИ БЫ НЕ ОТЕЦ…
- НЕРЕШИТЕЛЬНЫЙ БРАТ
- ТРАГЕДИЯ КРАСАВИЦЫ
- КРЕСТОМ И МЕЧОМ
- ОБВИНЕНИЕ ТРУБАДУРА
- ЯДЫ НА БЕРЕГАХ ИТИЛЯ И АМУРА
- НЕУГОМОННЫЙ КОРОЛЬ
- ПОДАРОК АББАТИСЫ
- ЕПИСКОП-КОЛДУН
- ПОСЛЕДНЕЕ ПРИЧАСТИЕ
- СВАРЛИВЫМ БЫТЬ НЕХОРОШО
- ПОСЛЕДНИЙ КНЯЗЬ ГАЛИЦИИ
- НЕЗАКОННОРОЖДЕННЫЙ
- ЛЮБИМЕЦ КНЯЗЯ
- БРАТ-СВИДЕТЕЛЬ
- СТРАХ КОРОЛЯ
- ЯД ИЛИ ПОЗОР
- БРАТСКАЯ ВОЙНА
- ВСЕ СРЕДСТВА ХОРОШИ
- НЕСБЫВШИЕСЯ НАДЕЖДЫ
- ВЕЛИКИЙ СУЛТАН
- НА БЛАГО КОРОНЫ
- ТРЕТИЙ РИМ
- ВЕСЕЛАЯ СЕМЕЙКА БОРДЖИА
- СКУПАЯ КОРОЛЕВА
- ГОЛУБКУ ОТРАВИЛИ
- ВМЕСТО БЕССМЕРТИЯ – ЯД
- МОСКОВСКИЕ ТАЙНЫ ГЛИНСКИХ

- ИВАН ГРОЗНЫЙ – ОТРАВИТЕЛЬ
- СЛЕДОВАТЕЛЬ АРАП
- ОПАЛА РОМАНОВЫХ
- ЯД ДЛЯ САМОЗВАНЦА
- НЕУДАЧНЫЙ СУД
- ЛЮБОВНИК И ЗАВОЕВАТЕЛЬ
- ПАРИЖСКИЕ ТАЙНЫ МЕДИЧИ
- ЖЕРТВЫ ЗВЕЗД
- ТАЙНА ЗАМКА ГРИПСГОЛЬМ
- КОЗНИ КОРОЛЕВСКОЙ РАЗВЕДКИ
- ЖЕРТВА НАУКИ
- ДЯДИ, ПЛЕМЯННИК И ТРАДИЦИИ
- ВОЗМЕЗДИЕ В ГАРЕМЕ
- ОПАЛЬНЫЙ ОКОЛЬНИЧИЙ
- ОТРАВИЛИ НЕ ТОГО?
- БОЯРСКИЕ ИНТРИГИ
- РОГ ЕДИНОРОГА И БИБЛЕЙСКИЙ КОВЧЕГ
- РИМСКАЯ ЭПИДЕМИЯ
- ЖЕЛЕЗНАЯ МАСКА
- ДОГАДЛИВЫЕ ДОНОСЧИКИ
- ПАРИЖСКИЕ ЖЕНЩИНЫ
- ПРИДВОРНЫЕ ОТРАВИТЕЛЬНИЦЫ
- ДВОРЕЦ И ЯД
- ЗАКОН ПРОТИВ ЯДА
- МЕСТЬ ОРДЕНА
- МАРКИЗ-ШУТНИК
- ПЕРВЫЙ ЛЮБОВНИК ИМПЕРАТРИЦЫ
- СВОБОДА, РАВЕНСТВО, ЯД
- ВРАЧИ ПЕРЕСТАРАЛИСЬ
- ОТРАВЛЕННЫЕ «МОРТУСЫ»
- ЧАШКА ЧАЯ
- СМЕРТЬ РАДИ ОТКРЫТИЯ
- ТРАГИЧЕСКИЙ КОНЕЦ ЛЮБВИ
- СМЕРТЬ БАНКИРА
- КРЕПКИЙ КОФЕ
- КАБАКА И «ДЖУ-ДЖУ»
- КОВАРНАЯ ИМПЕРАТРИЦА
- ДРУЖНЫЕ СУПРУГИ
- ЯД В БЕЛОМ ДОМЕ
- НЕЗАДАЧЛИВАЯ ОТРАВИТЕЛЬНИЦА

○ ЯД И ГЕНИЙ

- ПРОРОК И МСТИТЕЛЬНИЦА
- БЛИСТАТЕЛЬНЫЙ АЛЕКСАНДР
- ОБВИНЕНИЯ И СМЕРТЬ РИЧАРДА

- КОНЧИНА ГЕТМАНА
- ОТДАЙТЕ ВСЕ…
- ГЕНИЙ И ЗЛОДЕЙСТВО…?
- САМОУБИЙСТВО РАДИЩЕВА
- ОТРАВЛЕНИЕ НАПОЛЕОНА
- ЦАРСКАЯ ЛИХОРАДКА
- СМЕРТЬ В БОРДЕЛЕ
- СУД ЧЕСТИ
- СМЕРТЬ РАСПУТИНА
- БОЛЕЗНЬ ЛЕНИНА
- УСТРАНЕНИЕ СОБИНОВА
- НЕУДОБНЫЙ ЛАУРЕАТ
- МАТ ЧЕМПИОНУ

○ ТОТАЛИТАРИЗМ И ОТРАВЛЕНИЯ
- СПЕЦИАЛЬНЫЙ КАБИНЕТ
- МАСКА С ХЛОРОФОРМОМ
- УХОД «ЖЕЛЕЗНОГО ФЕЛИКСА»
- ЧЕМОДАНЧИК ЯГОДЫ И ДРУГИЕ
- СМЕРТЬ НА ВЗЛЕТЕ
- 37-й ПО-МОНГОЛЬСКИ
- СТАЛИН И ЯДЫ
- ХОЗЯИН КУРОРТА
- СМЕРТЕЛЬНЫЙ ДИАГНОЗ
- КОНФЕТЫ ДЛЯ БУРЕВЕСТНИКА
- ТОРТИК ДЛЯ НАДЕНЬКИ
- СЫН ТРОЦКОГО – ЖЕРТВА ОТРАВЛЕНИЯ
- «ПАПУ ВСЕ-ТАКИ УБРАЛИ…»
- «ЭВТАНАЗИЯ» – АКЦИЯ СС
- ОХОТА НА ШТУРМОВИКА
- ТРАГЕДИЯ АДМИРАЛА ДРОЗДА
- ОТРАВЛЕНИЕ СОЮЗНИКА
- СМЕРТЬ ФЕЛЬДМАРШАЛА
- СМЕРТЬ ФЕЛЬДМАРШАЛА-2
- ТОКСИН ДЛЯ ФЮРЕРА
- СМЕРТЬ ГИТЛЕРА
- САМОУБИЙСТВО БОРМАНА
- САМОУБИЙСТВО ГИММЛЕРА
- САМОУБИЙСТВО ГЕРИНГА
- ОТЕЦ ГЕОПОЛИТИКИ
- ОТРАВЛЕНИЯ В ЯНЬАНИ
- «УБИЙЦЫ В БЕЛЫХ ХАЛАТАХ»

○ ШПИОНСКИЕ СТРАСТИ «ПО ЯДАМ»
- СПЕЦЫ И СПЕЦЛАБОРАТОРИИ
- «ПТИЧКУ ЖАЛКО!»

- УБИЙСТВО СВЯТОГО
- ДОЗУ ЯДА – И ПОД КОЛЕСА
- УКОЛ ОТ РАКА
- ПРИГОВОР КРЕМЛЯ ВЫПОЛНЕН
- ПОКУШЕНИЯ НА ОКОЛОВИЧА
- «ТИХИЕ» ОПЕРАЦИИ ЦРУ
- ЦРУ И СИГАРА КАСТРО
- ЛУМУМБАУМЕР НЕ ОТ ЯДА
- «КРАСНАЯ РУКА» С ЯДОМ
- РАЗРАБОТКА ЯДОВ ЦРУ
- СМЕРТЬ МЭРИЛИН
- ЕМУ НЕ ПОВЕРИЛИ
- ЯД ДЛЯ ПИСАТЕЛЯ
- СМЕРТЬ «ЕКАТЕРИНЫ III ВЕЛИКОЙ»
- ШАСТРИ ОБЪЕЛСЯ
- «ОТЕЦ» И ЕГО ПАСТВА
- СМЕРТЬ ТРИАНОНА
- ВАТИКАНСКИЕ ТАЙНЫ
- БОЛГАРСКИЕ ЗОНТИКИ
- СМЕРТЬ «ВТОРОГО ХРУЩЕВА»
- ЗАГАДОЧНЫЙ ГЕНСЕК
- УБИЙСТВО АМИНА
- ЯД ДЛЯ «НОВЫХ»
- БЛИЖНИЙ ВОСТОК И ЯДЫ
- ШУТКА КУХАРКИ
- РИЦИН ДЛЯ «АЛЬ-КАИДЫ»

○ ЯД В ДЖУНГЛЯХ И НА МОСТОВЫХ

- ГАИТЯНСКИЕ ХУНГАНЫ
- ПРИЗРАКИ НОЧИ
- ЗМЕИНАЯ СЕМЕЙКА
- АРАХНОФОБИЯ
- ЯД ДЖУНГЛЕЙ
- ЛЯГУШКИ-ОТРАВИТЕЛЬНИЦЫ
- «ОЙ, НЕ ХОДЫ, ГРЫЦЮ, ТА Й НА ВЭЧОРНЫЦИ…»
- «ЧЕРНАЯ СМЕРТЬ»
- ЯДОВИТЫЕ ДЕТИ БОГОВ
- ТАЙНА «АНТОНОВА ОГНЯ»
- САЛЕМСКИЕ ВЕДЬМЫ
- ВКУСНАЯ РЫБА ФУГУ
- В ПАРАХ ТУЙОНА
- ПОПУЛЯРНЫЙ «Е-605»
- ШПРИЦ И КАТЕТЕР
- РАЗВИТИЕ ТОКСИКОЛОГИИ

        - ТРАВИТЬ ИЛЬ НЕ ТРАВИТЬ?
    - СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
        - ЯДЫ В ДРЕВНЕМ МИРЕ
        - ОТ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ДО НАШИХ ДНЕЙ
        - ЯД И ГЕНИЙ
        - ТОТАЛИТАРИЗМ И ОТРАВЛЕНИЯ
        - ШПИОНСКИЕ СТРАСТИ ПО ЯДАМ
        - ЯД В ДЖУНГЛЯХ И НА МОСТОВЫХ
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5

Игорь Анцышкин
200 знаменитых отравлений

ОТ АВТОРА

Эта книга, как ни парадоксально, не о ядах, хотя практически на каждой странице мелькает это слово. Эта книга о причинах и последствиях использования различных ядовитых веществ. И погружаясь в мир отравлений, показанный автором, читатель узнает его мрачные тайны не с точки зрения специалиста-токсиколога (хотя без специальной терминологии не обойтись), а через призму истории, легенд, мифов, слухов, гипотез, версий.

Практически вся история развития человеческой цивилизации сопровождается ядами. Сначала ядовитые вещества злонамеренные люди черпали в природе. Затем жрецы, алхимики и просто химики внесли свою лепту в расширение ассортимента ядов, ведь спрос рождает предложение. А на протяжении многих веков спрос на средства, которые тихо устраняют врага или соперника, всегда был высок. Понятно, что яд – оружие аристократии, так как простолюдину было не по карману покупать изощренную отраву, и поэтому случаи использования отравляющих веществ (в основном природного происхождения) в среде простого люда отмечались не часто.

История это подтверждает. Жрецы устраняли фараонов, императоры – приближенных, а приближенные – императоров, царственная жена травила мужа, муж – жену и т. д. Вариантов – сколько угодно. История не сохранила все случаи применения ядов в преступных целях. Да если их все хотя бы перечислить, понадобится многотомное издание. А такая цель при написании этой книги не ставилась. Но напомнить о наиболее известных отравлениях и отравителях, которые изменили историю или были вписаны в нее, – вот в чем задача автора. Тем более, что огромное количество смертей от яда произошло в последние 70 лет в нашей с вами бывшей стране.

История всегда обращала больше внимания на кончину известной личности, чем на подробности его повседневной жизни. Личность появилась на жизненной арене, совершила свое деяние и умерла. Так упрощенно можно сказать обо всех, кто попал на скрижали истории. И как увидит читатель, разделы и главы этой книги посвящены именно индивидуальному применению ядов, а не массовому. Боевые отравляющие вещества и случаи их применения остались вне рамок данной книги. Одна смерть – это преступление, миллионы – уже политика. Однако, кроме случаев использования яда в преступных целях против личности или для самоубийства, нельзя было не упомянуть и о программе эвтаназии, проводимой нацистским режимом, а также

о других случаях использования ядов против определенных групп людей.

Последний раздел посвящен рассмотрению природных ядов, которые существуют тысячи лет, на благо или на горе людей. В джунглях или на глубине морской обитают ядовитые растения, плавают и ползают ядовитые существа. Многих из них человек использует в своих целях, но природа не статична, она многообразна, поэтому история естественных ядов продолжается и далека от своего завершения.

Практически до начала XX века отравление было излюбленным modus operandi[1] преступников. Недаром десятки рассказов и романов Артура Конан Доила и Агаты Кристи посвящены как раз расследованию преступлений, связанных с отравлениями. Но развитие химии в XX веке, хотя и расширило количество ядов, одновременно и предоставило возможность криминалистической науке выявлять случаи преступного отравления. Наука о ядах – токсикология – стала самостоятельным разделом прикладной химии и, продолжая развиваться, все более внедряется в сферу отравлений. Сейчас частное лицо практически не имеет шансов остаться безнаказанным, если для своего преступного замысла воспользуется традиционными, апробированными веками способами отравлений и ядовитыми веществами. А если и уйдет от ответа, то за очень большие деньги. При криминологическом исследовании можно стопроцентно установить – применялся ли известный науке яд или нет. Но во многих случаях, когда происходит внезапная смерть известной личности, исследования не проводятся или же результаты экспертизы засекречиваются. И тогда в истории остается только след, предположения, домыслы, а не достоверный факт. Но если логика исторического процесса подсказывает, что преступление не только возможно, но и кому-то выгодно, то от слухов такого рода отмахнуться невозможно.

Специальные лаборатории, разрабатывающие ядовитые вещества для спецслужб или каких-либо преступных организаций, последние годы работают не на усиление воздействия ядов на потенциальную жертву, а на сокрытие их следов в организме объекта отравления. Естественно, сведения об этих разработках не появляются в открытой печати и не могут служить предметом исследования данной книги. Но упомянуть о них просто необходимо, ссылаясь на просочившиеся в органы массовой информации, порой не опирающиеся на документы сведения.

Книга, само собой, не претендует на всеобъемлющий охват информации по данной проблематике, но рассмотрение отравлений на фоне исторического процесса дает возможность

по-новому оценить развитие стран и народов, неожиданные повороты истории или хотя бы отвлечься от повседневной жизни, в которой, хотим мы того или не хотим, нас отравляет окружающая среда, травят средства массовой информации или, например, убивает плохое настроение начальника. Сравнение операций, которые проводили различные спецслужбы, даст возможность лучше понять то, что происходит на политической арене сегодня. Хотя автор должен честно признаться, что ему пришлось исключить из перечня отравлений те, которые произошли в последнее время и вызвали политический резонанс.

Итак, мы приглашаем вас в путешествие по страницам книги, в которой раскрывается мир таинственных ядов и загадочных отравлений.

ЯДЫ В ДРЕВНЕМ МИРЕ

«С сими словами растение мне подал божественный Эрмий;

Вырвав его из земли и природу его объяснив мне;

Корень был черный, подобен был цвет молоку белизною;

Моли его называют бессмертные; людям опасно

С корнем его вырывать из земли, но богам все возможно…богиня

В чашу златую влила для меня свой напиток; но прежде,

Злое замыслив, подсыпала зелье в его; и когда он

Ею был подан, а мною безвредно отведан, свершила

Чару она…»

Гомер. «Одиссея»

ПОД ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМ БОГИНИ ГУЛЫ

Первые письменные упоминания о ядах, которые применялись как в медицине, так и в преступных целях, были найдены при раскопках в Междуречье. Результаты раскопок в древнем городе Ниневии, проводившиеся талантливым английским археологом и ассириологом Джорджем Смитом в 70-х годах XIX века, позволили составить довольно ясное представление об ассиро-вавилонской медицине, которая развивалась в храмах (капищах) ассиро-вавилонских богов. Медициной занимались асу (врачи-практики), ашипу (колдуны-заклинатели) и знахари, изучавшие лечебные травы и готовившие снадобья.

Среди средств, из которых готовились разные лекарственные снадобья, на первом месте стояли растения. «Лечение» и «трава» по-вавилонски обозначались одним словом – «шамму». Лекарственные растения разводили на специальных огородах, редкие снадобья привозили из других стран. Многие рецепты, выбитые на глиняных табличках, прочитаны, но не расшифрованы, так как древние названия растений не часто удается идентифицировать: например, до сих пор не ясно, что обозначают слова «солнечное растение», «сладкая трава», «горькая трава», «полевой стебель» и т. п. Из идентифицированных компонентов можно назвать тимьян, горчицу, сливовое дерево, грушу, фиги, иву, пихту, сосну и библейскую манну. Для разведения лекарственных средств использовали пиво, вино, молоко, растительное масло, часто добавляли поваренную соль и речной асфальт. Из экзотических компонентов известны следующие: панцирь черепахи, высушенная водяная змея и пепел сгоревшей шерсти животных.

Начиная лечение, всегда просили благословения богов, однако в месопотамском пантеоне не было бога – покровителя медицины, как не было и возведенного в ранг бога врача, подобно тому как в Египте почитали Имхотепа, а в Греции – Асклепия. Зато законы по отношению к врачам были суровы – за неправильное лечение им отрубали руки! Древние вавилоняне называли великой врачевательницей богиню Гулу. Имя Гула означало «великая», «большая». Ее священным животным считалась собака (кстати, священными животными у греческого бога врачевания Асклепия тоже были собаки). Из мифов шумеров следует, что Гула была женой бога Нинурты и считалась великой матерью всего живого. У богов-супругов был сын Даму, которому Гула передала «ме» – божественную силу врачевания.

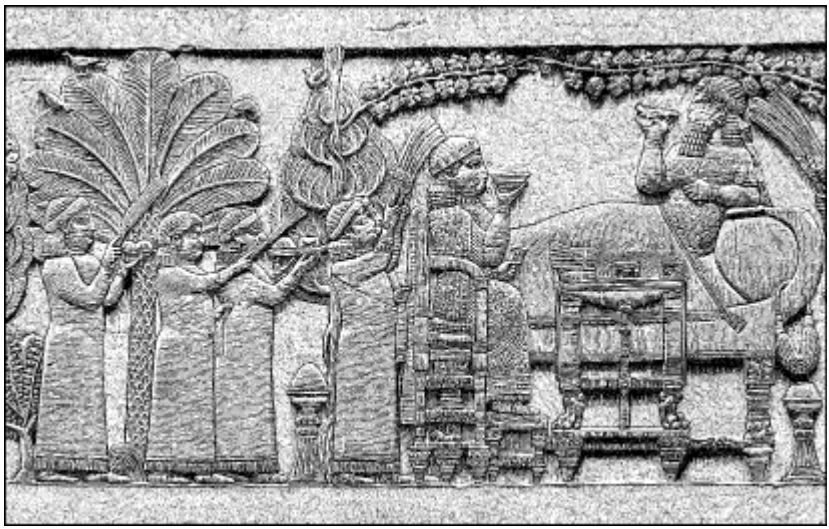
Но одновременно символизируя исцеление, эта богиня символизировала и смерть, так как уже в то время люди понимали, что средство от болезни может нести как выздоровление, так и гибель. Собаки, сопровождавшие богиню, могли принести жизнь, но могли и унести душу. Знание лечебных и ядовитых свойств растений приписывали той же богине, считали ее «госпожой ядов». Примерный текст заклинания, обращенного к богине, гласит: «Гула! Госпожа! Колдунья! Царица всех женщин! Она знакома со смертельным ядом!.. Он может быть введен в тело во все дни ее жизни. Кровь и гной, как воду, может она использовать для своих целей». Сотни подобных заклинаний были найдены в библиотеке царя Ашшурбанипала.

Древние жрецы были хорошо знакомы со свойствами такого смертельного яда, как синильная кислота, вновь открытого химиком Шееле лишь в XVIII веке. В давние века свои тайны врачи тщательно оберегали от непосвященных. Человек,

желавший познать эти тайны, давал клятву молчания, написанную на листе персикового дерева. Там же было написано, что одна косточка персика содержит ничтожную долю синильной кислоты. Нарушившего клятву жрецы отравляли ядом, извлеченным из множества этих же косточек. В эпилоге первого записанного свода законов – кодекса вавилонского царя Хаммурапи – записано, что богиня Гула насылает на клятвопреступника тяжелые болезни.

Впоследствии европейская медицина взяла на вооружение многие рецепты и даже заклинания из ассиро-вавилонской практики. Знания об этом пришли к европейским врачам через Византию. И долго еще после того, как исчез культ богини Гулы, звучали в устах европейских медиков, готовивших лекарства или яды, слова «хилка» и «беша», которые были не чем иным, как обращением к злым духам Мессопотамии: «Сгиньте! Устыдитесь!»

ОТ ЯДА К БОГУ



Ядовитые растения известны не только как лекарства или средства для совершения преступления, они издавна применялись в религиозных и магических мистериях. Описание мистерии, связанной с массовым убийством при помощи ядов, приводит археолог Вулли в книге «Ур Халдейский» (город Ур был одним из древнейших городов Мессопотамии), исследовавший царское захоронение. Обнаруженное захоронение он относит к первой династии, правящей в Уре (около 2500 г. до н. э.), и в результате реконструкции дает следующую живописную картину: «В огромную, пустую, открытую сверху могилу, стены и пол которой устланы циновками, спускалась погребальная процессия: жрецы, руководившие выполнением обрядов, воины, слуги, женщины в разноцветных сверкающих одеяниях и пышных головных уборах из сердолика и лазурита, золота и серебра, военачальники со всеми знаками отличия и музыканты с лирами и арфами… У всех мужчин и женщин были с собой небольшие чаши из глины, камня или металла – единственный предмет, необходимый для завершения обряда. Затем, по-видимому, начиналась какая-то церемония. Во всяком случае, она наверняка сопровождалась до самого конца музыкой арфистов. И наконец, все выпивали из своих чаш смертоносное зелье, которое либо приносили с собой, либо находили на дне могилы. В одной из гробниц мы нашли посередине рва большой медный горшок, из которого обреченные люди могли черпать отраву. После этого каждый укладывался на свое место в ожидании смерти… проверяли, все ли в могиле в должном порядке. Так, в гробнице

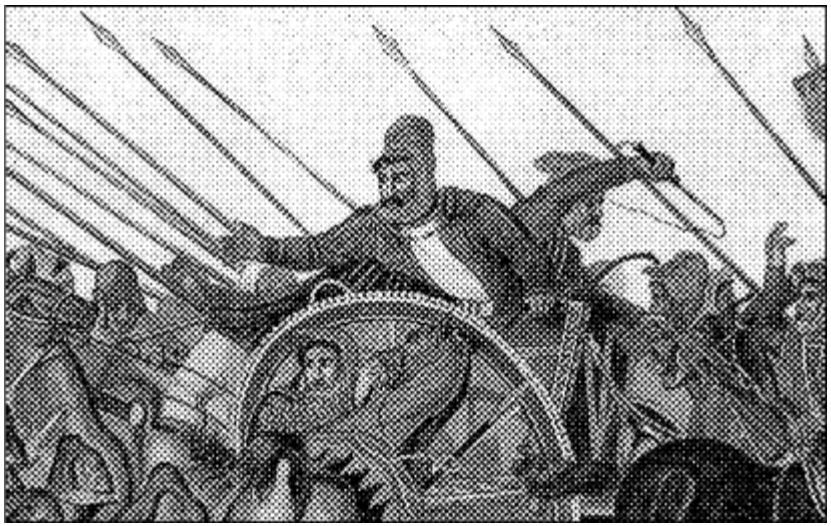
царя… они положили лиры на тела музыкантш, забывшихся последним сном у стены усыпальницы. Потом на тела погруженных в небытие людей обрушивали сверху землю… Очевидно, царские похороны были живописнейшим зрелищем. Ярко разряженная процессия торжественно спускалась в увешанную циновками яму. Золото и серебро сверкало на фоне алых туник. Здесь были не несчастные рабы, которых убивали, как быков, а знатные люди в своих лучших, парадных одеяниях. И шли они на жертву, по-видимому, добровольно. По их представлению, этот страшный ритуал был просто переходом из одного мира в другой. Они уходили вслед за своим повелителем, чтобы служить ему в ином мире точно так же, как они это делали на земле».

Вероятно, эти люди действительно принимали яд добровольно, и был он растительного происхождения, так как другого в то время просто не знали. Яд явно имел свойство успокаивать нервную систему, принося забытье жертве, которая уходила к богам с улыбкой на устах.

Яд «божественного происхождения» существовал не только в мифах и преданиях народов Междуречья. Почти в каждой мифологической системе, созданной народами древности, присутствовал элемент «божественного» отравления. В мифологии индуизма, например, Шива, один из верховных божеств, во время пахтанья богами океана (так создавалась суша) тайно вылил яд калакуту, способный отравить и сжечь Вселенную, что не позволило создать идеальную Землю и идеальных людей. Яды являются постоянным элементом мифологии и у египтян, и у эллинов, и у китайцев, и у других народов мира. А если боги использовали яд, то людям тем более дозволено подражать небожителям.

Во многих восточных странах (Персия, Индия) божественным напитком считалась сома, или хаома, действие которой вызывало экстатическое состояние, фактически же это было нейроорганическое отравление организма с наведенными галлюцинациями и бредом. На Восток традицию употребления сомы принесли арийские племена. Готовили ее жрецы. Они вымачивали стебли неизвестного растения в воде, выжимали сок с помощью давильных камней, процеживали сквозь сито из овечьей шерсти, полученную жидкость разбавляли водой, смешивали с молоком или ячменным соком и разливали в деревянные сосуды. А затем после употребления сомы разговаривали с богами, получая божественные откровения и советы…

ПЕРСИДСКИЕ ОТРАВЛЕНИЯ



Одно из первых достоверных описаний применения ядов в качестве орудия преступления было сделано в Персии. Следует, однако, заметить, что отравления на Востоке не играли в истории государств столь роковой роли, как это было в классические времена в Греции и Риме, а в Средние века – в Европе. Хотя уже царь Ксеркс завел при дворе должность вкусителя ядов, который пробовал пищу перед тем, как ее клали на блюдо повелителю. До него эту работу выполняли священные собаки Ахурамазды, но со временем появились хитрые индийские яды, вкусив которых, собака оставалась здорова, а человек – умирал. Но, тем не менее, яды использовались вовсю… Существует мнение историков, что смерть некоторых персидских правителей явно была связана с отравлениями. К примеру, в марте 522 года до н. э. сын великого Кира, Камбиз, находясь в столице Египта Мемфисе, получил известие, что его младший брат Бардия поднял восстание в Персии и стал царем. Камбиз во главе войска срочно направился домой, но умер по пути при загадочных обстоятельствах… А Дарий I, прославившийся своими походами в Грецию, умер на 36-м году жизни в 486 году до н. э., готовясь к походу в Элладу, и, возможно, не без помощи доброжелателей из числа приближенных, которым уже надоели бессмысленные и дорогостоящие царские походы…

Но вернемся к первому известному отравлению. Греческий врач Ктесий из Кинда (полис в Малой Азии) служил лейб-медиком при персидском дворе. Свое пребывание в Персии он описал в книгах «Ассирийская история» и «Персидская история»,

которые до наших дней не дошли, но, благодаря Плутарху, использовавшему их как источник, кое-какие фрагменты из них стали известны. Среди прочего – и описание первого достоверного отравления.

Персидский царь Артаксеркс I (464–423 гг. до н. э.) очень любил свою жену Статиру. Мать царя, Парисатида, ревновала сына к жене, понимая, что собственная ее власть покоится лишь на сыновьем уважении, тогда как Статира сильна его любовью и доверием. И тогда Парисатида решила покончить с невесткой. Женщины вместе обедали, но, опасаясь друг друга, ели одинаковые кушанья с одних блюд и тарелок. Но однажды поданную к обеду дичь Парисатида разрезала ножом, который с одной стороны был смазан ядом, обтерла отраву об одну половину и подала ее Статире, а сама принялась есть свою часть. Уловка удалась. Умирая в жестоких муках и судорогах, Статира обо всем догадалась и успела рассказать о своем подозрении царю, который хорошо знал неукротимый нрав своей матери. Артаксеркс казнил всех прислужников, однако матери ничего не сказал и не сделал дурного, но отослал ее в Вавилон и решил, что пока он жив, назад она не возвратится. Возможно, именно с этого времени яд стал считаться «женским» оружием. Причем, оружием не только нападения, но и защиты. Защиты чести и любви. В древнеиндийском эпосе «Рамаяна», например, жена Рамы, Сита, грозит ему, что примет яд, если он не возьмет ее с собой в изгнание (Сита – идеал любви и верности для индийских женщин).

Дело Парисатиды продолжили внуки. Борясь за престол, они довели одного из братьев до такого отчаяния, что тот принял яд, положивший конец всем его мучениям.

Несмотря на то что персидские законы жестоко наказывали за отравление, в царских семьях их случалось много, т. к. желавших занять трон из-за многоженства правителя было предостаточно.

Последний из известных истории персидских Артаксерксов – по прозвищу Ох и под номером III – также получил свою дозу. С неслыханной жестокостью он подчинил Персии Египет, усмирил Финикию, за один день убил 80 своих братьев из 150 имевшихся в наличии, резко сократив количество претендентов на престол. Но сам в 338 году до н. э. был отравлен личным врачом по наущению близкого к нему евнуха и полководца Багоаса, труп его был выброшен на съедение кошкам, а из костей изготовили рукоятки для мечей. Несмотря на яд, скопившийся в трупе, кошки выжили. Багоас на этом не успокоился. Он способствовал тому, чтобы владыкой Персии стал Арсес, уцелевший младший брат Оха. Однако через два года и этот царь перестал устраивать Багоаса, и

в июне 336 года до н. э. Арсес был убит вместе со всей своей семьей. Багоас посадил на трон 45-летнего представителя боковой линии ахеменидского рода сатрапа Армении по прозвищу Кодоман. Водрузив на голову тиару персидских царей, тот принял имя Дария III. Багоас и его захотел отправить к праотцам, но Дарий заставил самого Багоаса выпить чашу с ядом. Правда, Дарию все же не довелось поцарствовать всласть: из Европы в Персию вторглись войска Александра Македонского. Так что на Дарий III, после его убийства в 330 году до н. э., династия Ахеменидов закончилась.

Отравления в среде персидской знати во время дворцовых разборок нашли свое отражение в иранской мифологии. Так, в известном «Сказании о Рустаме» богатырь Рустам выстрелом в глаз убивает отравленной стрелой из тамарискового дерева своего лучшего друга Исфандияра, имевшего только одно уязвимое место на теле…

СМЕРТЬ ИЗГНАННИКОВ

28 сентября 480 года до н. э. возле берегов Греции в Саламинском заливе столкнулись в жестокой битве два флота. 650 персидским кораблям противостояли 399 эллинских судов. Но, несмотря на численное преимущество, персы проиграли. Проиграли фактически человеку, который сумел убедить эллинов дать бой персидской армии именно на море. Звали его Фемистокл.

Победа при Саламине вознесла Фемистокла на вершину славы. Он получает в Афинах должность стратега с неограниченными полномочиями. Пользуясь своими правами, в 479 г. до н. э. он начинает восстановление городских стен Афин, заключив союзный договор с греческими полисами и государствами, закладывает основу морского могущества Афин, направляя политику полиса на создание талассократии (морской гегемонии).

Но чем больше успехи, тем больше врагов. Выходец из аристократии, примкнувший к плебсу, вызывает ненависть аристократов. В 471 г. до н. э. афинские аристократы добиваются осуждения Фемистокла народным собранием. Его подвергают остракизму, то есть изгнанию за пределы Афин. Фемистокл направляется в Аргос, где надеется найти убежище. Но тут активизируются его давние враги – спартиаты. Выдвинув обвинение в сношениях Фемистокла с персами, они потребовали у Афин выдачи его для следствия.

Фемистокл вынужден бежать сначала на остров Керкиру, оттуда в Эпир и, наконец, на территории, находящиеся под властью персидского царя. Афинский суд заочно приговорил его к смертной казни с конфискацией всего имущества. Фемистоклу ничего не оставалось, как просить милости у своего смертельного врага. Он направляет письмо царю Артаксерксу, в котором напоминает о своих победах над персами, одновременно указывая и на заслуги перед Ксерксом. Так что его обвинители были кое в чем правы. Фемистокл обещал и в будущем оказывать важные услуги Персии и просил принять его через год, когда он овладеет персидским языком, чтобы разговаривать с царем без посредников.

Когда Фемистокл явился для личной встречи с Артаксерксом, он без всяких колебаний сделал проскинесису (земной поклон), который многие греки отказывались исполнять, считая унижением для свободных людей. Фемистокл настолько понравился царю, что тот сделал его ближайшим своим

советником. Изгнанник охотился вместе с Артаксерксом, его принимала мать царя. В жены ему дали знатную персидскую девицу. «На хлеб» Фемистокл получил город Магнесию, который ежегодно давал 50 талантов дохода, «на вино» – город Лампсак, а «на приправу» – Миунт. Тираны Неант из Кизика и Фаний прибавили еще два города – Перкоту и Палескепсис – «на постель и одежду».

Естественно, все эти милости вызывали зависть и ненависть придворных. Тем более, что Фемистокл был не единственным греческим изгнанником, который имел влияние при дворе. Ближайшим советником Ксеркса был изгнанный из Спарты царь Демарат, сын Аристона. Уже появившись при дворе Царя Царей, он вызвал неприязнь части придворных, решив династический спор Артобазана и Ксеркса, сына Атоссы, в пользу последнего. Он оставался влиятельной фигурой и при Артаксерксе. Два грека при одном царе – это уже слишком. Тем более, что Демарат был последовательным сторонником партии мира, тем более, что изгнанники поддерживали один другого – Фемистокл заступился за Демарата перед царем, который разгневался на того за одну его уж слишком не деликатную просьбу. Царь простил Демарата. Поэтому придворные решили ослабить греческое влияние, ликвидировав Демарата. Несмотря на то что отравителей в Персии жестоко казнили – раздавливали голову между каменными глыбами, – для устранения выбрали яд. Основой для него послужила слюна розовой медузы, иногда попадавшейся у берегов Кипра. В 455 году до н. э. Демарат умер от этого яда в страшных муках с розовой пеной на губах.

Фемистокла со временем ждала та же участь. Он уже не раз находился на краю гибели, которая обрушилась бы на него в случае опалы царя, однако, зная все ходы и выходы во дворце, грек обращался за защитой в царский гарем и откупался от неприятностей большими деньгами. Но смерть коллеги-изгнанника послужила предупреждением. Фемистокл удалился от царского двора в свой город Магнесию и общался с царем посредством писем. И все-таки отравление не миновало его. Около 450 года до н. э., желая избежать участия в походе персов на Элладу, а возможно, понимая невыполнимость своих обещаний завоевать Грецию, Фемистокл сам принял яд. Перед смертью он принес жертву богам, собрал друзей и на прощание пожал им руки. По наиболее распространенной версии, Фемистокл выпил свежую бычью кровь, по другой – быстродействующий яд.

Так на 65-м году жизни заканчивается блистательная карьера великого человека. Узнав о причине и способе смерти Фемистокла, царь испытал к нему еще большее уважение. В

Магнесии на центральной площади поставили памятник изгнаннику и воздвигли великолепную гробницу. Останки его тайно похоронили в Аттике. Почему тайно? Да потому, что Фемистокл был обвинен в измене, а изменник, по законам Эллады, не мог вернуться на родину ни живой, ни мертвый без разрешения народного собрания.

ЯД И МИФЫ

О распространенности ядов в Древней Греции свидетельствуют многочисленные сюжеты об отравлениях, которые мы находим в греческой мифологии. Наиболее популярным мифическим героем у эллинов был Геракл. В жизни он часто сталкивался с ядами, и закончилась она ядом. Уже в раннем детстве он имел дело с ядовитыми змеями. Лежа в колыбели вместе с братом, младенец Геракл задушил двух змей, заползших к ним в постель. Вторым из 12 его знаменитых подвигов было умерщвление лернейской гидры – морской змеи. Она была порождением страшного змеедракона Тифона и Ехидны. От дыхания гидры погибало все живое. У нее было 9 голов, из них одна – бессмертная. Когда Геракл отрубал одну из голов, на ее месте вырастали две. Победил же Геракл гидру благодаря помощи Иолая, который прижигал свежие раны гидры горящими головнями, так что головы уже не вырастали вновь. Отрубив последнюю, бессмертную голову, Геракл закопал ее в землю и привалил тяжелым камнем. Разрубив туловище гидры, Геракл погрузил острия своих стрел в ее смертоносную желчь и, благодаря яду, получил смертоносное оружие, от которого не было спасения.

Эти стрелы и сыграли роковую роль в судьбе героя. Уже во время исполнения четвертого подвига произошла трагедия. Направляясь на охоту за Эриманфским вепрем, Геракл остановился у кентавра Фола, который радушно угощал героя. Привлеченные запахом вина, к пещере Фола ринулись, вооружившись камнями и стволами деревьев, другие кентавры.

Геракл частью перебил нападавших, частью разогнал. Фол, удивляясь смертоносной силе стрел, вытащил одну из них из тела погибшего кентавра и нечаянно уронил себе на ногу. Яд гидры тут же умертвил его. После смерти Фола боги забрали его на небо и превратили в созвездие Стрельца.

Во время этой схватки случайно был ранен и кентавр Хирон, воспитатель Ахилла и учитель врача Асклепия. Страдая от неизлечимой раны, которая разъедала его тело, бессмертный Хирон жаждал смерти и просил богов принять его жертву, забрав бессмертие в обмен на свободу Прометея. Боги услышали мольбу кентавра и позволили ему умереть, сделав так, что именно Гераклу довелось освободить мятежного титана.

Совершая свои подвиги, Геракл неоднократно использовал отравленные стрелы. При взятии Трои он обстреливал ими защитников, что ускорило падение города. Геракл грозил стрелами даже самому Гелиосу, богу солнца, и устрашил его. Захватывая на острове Эрифия коров Гериона, герой убил из лука сначала пастуха Эвритиона, а затем застрелил из лука самого Гериона, имевшего три головы и три сросшихся тела. Добывая яблоки Гесперид, Геракл убил отравленной стрелой дракона Ладона, а возвращаясь, поразил стрелой орла, терзавшего печень Прометея. Когда на Флегрейских полях произошла битва между богами и титанами, то Геракл своими стрелами добивал поверженных гигантов, полулюдей-полузмей.

Если рассмотреть жизнь Геракла целиком, то смертоносные стрелы принесли ему больше горя и огорчения, чем славы. Слишком много невинных людей, близких герою, пострадало от яда лернейской гидры. Во время одного из приступов безумия, насланного богами, Геракл расстрелял стрелами свою жену Мегару и сыновей. Придя в себя, он страдал от горя, но тот, в кого попали его стрелы, уже не мог выжить. И смерть самого героя косвенно связана с его страшными стрелами.

Будучи знаменитым, свершив все свои подвиги, Геракл посватался к дочери Ойнея Деянире. Победив соперника, речного бога, герой женился на своей избраннице. Переправляясь через реку Эвен, он поручил кентавру Нессу перевезти Деяниру. Во время переправы Несс посягнул на честь Деяниры, и Геракл выстрелил из лука в выходящего из воды Несса. Умирающий кентавр посоветовал Деянире собрать его кровь, так как она поможет ей чудесным образом сохранить любовь мужа, если он вдруг к ней охладеет. Когда впоследствии Геракл, взяв город Эхалию и убив царя Эврита, увел с собой в качестве пленницы его дочь Иолу, Деянира из ревности и желания вернуть мужа пропитала кровью Несса хитон героя, полагая, что таким образом

сохранит его любовь. Однако кровь Несса, погибшего от стрелы Геракла, смазанной желчью лернейской гидры, превратилась в яд. Хитон, принесенный спутником героя Лихасом (посланцем Деяниры), сразу прирос к телу надевшего его Геракла, и яд стал проникать сквозь кожу, причиняя невыносимые страдания. Под действием яда Геракл в припадке бешенства бросил Лихаса в море возле острова Эвбея. Узнав о случившемся, Деянира закололась мечом, а Геракл отправился на гору Эту, где разложил костер, взошел на него и попросил спутников зажечь огонь. Разжег костер случайно оказавшийся вблизи Эты Пеант, царь города Лилибеи, так как спутники героя отказывались это сделать. Геракл подарил Пеанту свой лук и стрелы. Перед смертью он распорядился отдать Иолу замуж за своего сына Гилла. Когда огонь разгорелся и пламя охватило Геракла, с неба спустилась туча и унесла героя на Олимп, где он был принят в сонм бессмертных богов.

Упоминание о ядовитых стрелах Геракла встречается и в других мифах. Так, по одной из версий, стрелы и лук Геракл подарил своему другу Пеанту, у которого был сын Филоктет. Будучи одним из женихов Елены, Филоктет принял потом участие в походе за похищенной красавицей. Когда ахейское войско направилось к Трое, чтобы отомстить за похищение Елены, с ним поплыл и Филоктет, взяв с собой знаменитые лук и стрелы Геракла. Но по дороге он был оставлен ахейцами на острове Лемнос из-за невыносимого зловония, которое издавала его незаживающая рана от укуса ядовитой змеи. Змея укусила его на острове Тенеды во время жертвоприношения. Десять лет страдал Филоктет от боли и одиночества. Позднее греки вернулись за ним, ибо, по пророчеству, Троя не могла быть завоевана без лука и стрел Геракла. Ахейцы отправили за ними Одиссея и Диомеда. Хитростью овладев луком и стрелами и убедив Филоктета присоединиться к ним, ахейские герои привезли страшное оружие под стены Трои. Город пал, а стрелой Филоктета на 10-м году осады был убит похититель Елены – Парис. Покинутая троянским царевичем, нимфа Энона отказалась его лечить от поражения ядом, так как ее неверный муж, бросивший нимфу ради красавицы-ахейки, убил их сына Корива, который пленился красотой Елены, и Парис умер.

Хорошо разбиралась в ядах и снадобьях дочь колхидского царя Ээпа красавица Медея. Влюбившись в предводителя аргонавтов Ясона, она ядовитым зельем усыпила дракона, охранявшего золотое руно. При создании своих чародейских зелий Медея использовала смертоносный аконит. После долгих скитаний Ясон и Медея поселились в Коринфе, где колхидская

принцесса родила Ясону двух сыновей – Мермера и Ферета. Когда Ясон задумал жениться на дочери коринфского царя Креонта Главке, Медея, проклиная неблагодарного мужа, решила отомстить ему. Она послала сопернице пропитанный ядом пеплос (плащ) и венок, надев которые, Главка сгорела заживо вместе с отцом, пытавшимся спасти дочь. Убив своих детей, Медея улетела на колеснице, запряженной крылатыми лошадьми, а обезумевший от горя Ясон покончил жизнь самоубийством. Кое-кто считает, что именно нефть была тем воспламеняющимся ядом, которым Медея пропитала одежду Главки.

Впоследствии Медея появляется в мифе о герое Тесее. После убийства Главки она поселилась у царя Эгея в Афинах и обещала вылечить его от бесплодия. В это время является из странствий сын царя Тесей. Медея внушает Эгею подозрения насчет неузнанного сына и предлагает царю опоить юношу ядом. За трапезой Тесей вынимает меч, чтобы разрезать мясо, и отец узнает свой меч по клинку. Эгей отшвыривает чашу с ядом, обнимает сына и прогоняет Медею…

В греческих мифах часто встречается упоминание о ядовитых змеях и пауках. Наиболее известен миф об Арахне, дочери красильщика тканей из Колофона. Арахна искусно выткала ткань с изображением любовных похождений Зевса, Посейдона и Диониса. Разоблачение интимных тайн Олимпа вызвало гнев богов. Афина, посетив мастерскую Арахны, разорвала ткань, а мастерицу ударила челноком. От огорчения Арахна повесилась, но Афина вытащила ее из петли и превратила в паука, вечно ткущего паутину. Брат Арахны, Фалонг, за сексуальную связь с сестрой был превращен в фалангу.

Про Арахну были написаны картины великими художниками Возрождения – Рубенсом, Тинторетто, Веронезе и Веласкесом.

О ядовитых змеях древние эллины знали предостаточно. В мифе о беззаветной любви Орфея и Эвридики последняя попадает в царство мертвых – Аид из-за укуса ядовитой змеи, на которую Эвридика наступила, спасаясь бегством от любовного домогательства Аристея, сына Аполлона. Меламп, сын основателя Иолка, смог получить свой пророческий дар лишь после того, как воспитанные им змееныши прочистили ему языками уши. Он же первым начал лечить болезни при помощи трав. Жестокий Орест, сын Агамемнона, царя Спарты, убивший свою мать, умер от укуса ядовитой змеи в Аркадии.

Жена критского царя Миноса за внебрачные связи мужа наслала на него недуг: из его пениса выползали змеи, скорпионы и сколопендры, убивая при соитии с Миносом смертных женщин. Лишь одна Прокрида, дочь Эренфея, бежавшая на Крит из-за

ревности мужа, осталась жива, выпив любовный напиток из травы моли, а затем этим же лекарством излечила Миноса, заставив его выпустить всю скверну в мочевой пузырь козы.

Богиня мести Алекто, одна из Эриний, выпившая яд Горгоны, вливала злобу в сердце царицы латинов Аматы, змеей вползала в грудь царицы и доводила ее до безумия. Царица подговорила латинян идти войной против Энея, а когда погубить последнего не удалось, Амата покончила с собой. Эриния Алекто своего злого дела не оставила и начала подстрекать Турна, вождя рутулов. Она явилась к нему в облике старухи с развевающимися вокруг головы змеями.

Когда проходил знаменитый в истории Эллады поход «семерых против Фив», армия двигалась через Немею. Нянька местного царя Офелета пошла показать воинам источник с питьевой водой. Но пока она ходила, ребенок, которого она нянчила, оставленный без присмотра, погиб от укуса змеи. Вожди убили змею и учредили в память о погибшем царском сыне Немейские игры…

ГЕНИЙ – ЖЕРТВА ИНТРИГ

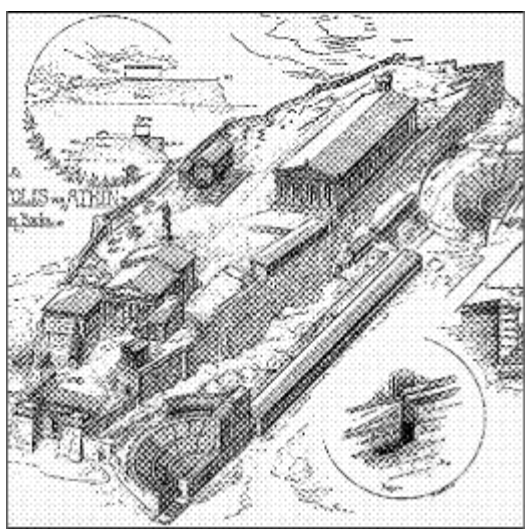
В период расцвета греческой талассократии и афинской демократии известный эллин вверил свою судьбу яду. Скульптор Фидий прославился не только своими скульптурными работами – его статуя Зевса Олимпийского в Олимпии считалась одним из семи чудес света (ее изображение дошло до наших дней лишь в описании Павсания и на монетах), но и как хороший организатор. Он был главным смотрителем работ у великого афинского стратега Перикла, идеолога гегемонии Афин на море, выделившего огромные личные средства для переустройства Афин. За всеми архитектурными проектами присматривал Фидий. Но и творчество не забывал. Именно благодаря Периклу и своему таланту он создал фигуру Афины, украшенную золотом, которая прославила своего творца и одновременно его погубила. Сразу же после установки статуи Афины на Перикла посыпались обвинения. Активизировались враги стратега, которые не могли предъявить ему обвинения в неправильном ведении боевых действий в начавшейся Пелопонесской войне, но вознамерились погубить его через скульптора, которому он покровительствовал. Фидия обвинили в краже золота, которое пошло на украшение фигуры богини. Но по совету предусмотрительного Перикла Фидий сделал скульптуру разъемной, части ее можно было снимать и перевозить, что показало невиновность мастера. Тогда Фидия обвинили в том, что он устраивал свидания Перикла с гетерами. А также, и это было наиболее серьезным обвинением, что на щите Афины Паллады он изобразил себя и Перикла. Скульптор пытался доказать, что изображенный им Тесей, походивший лицом на Перикла, прикрыл это лицо рукой с мечом, и разобрать детали невозможно, но суд решил, что это сделано сознательно. Фидия обвинили в святотатстве. Его бросили в тюрьму, где враги подсунули ему яд, чтобы свалить вину за отравление на Перикла, якобы желавшего избавиться от свидетеля. Но имеются источники, в которых утверждается, что Фидия за огромную взятку в 40 талантов выкупили жители города Элиды, где мастер затем создал свою знаменитую скульптуру Зевса и позже умер.

Но по другим данным, Фидий все же умер в 570 году до н. э. в тюрьме в возрасте 70 лет. А его обвинителя Мемнона судьи освободили от налогов и приставили к доносчику телохранителей, чтобы спасти его от мести. Мемнона потомки забыли, а творения Фидия живут и поныне.

ЯД В ЭЛЛАДЕ

Древние греки создали такую науку, как политика, а в политике, как известно, все средства хороши. Поэтому и искусство отравления в Элладе тоже было широко распространено. В наши дни бактериальные яды называются токсинами от греческого слова «токсикон» («toxikon» – яд). Происхождение этого слова восходит к тем временам, когда наконечники стрел смазывали ядом. Эллины называли эту операцию «токсикон фармакон».

Известная всем клятва Гиппократа (V–IV век до н. э.) содержала такие слова: «Я не дам никому просимого у меня смертельного средства и не покажу пути для подобных замыслов». Один из первых ботаников древности Феофраст (372–287 гг. до н. э.) всю девятую книгу своего «Исследования о растениях» посвятил лекарственным и ядовитым растениям, их происхождению, сбору и способам применения. Сбором и заготовкой лекарственных растений занимались в Элладе «ризотомы» (корнекопатели, корнерезы), а продажа лекарственных растений находилась в руках фармакополов, которые «методом тыка» узнавали, какое растение лечит, а какое калечит.



Греческие мифы неоднократно обращаются к ядам и необычным травам. Зевс победил страшного драконозмея Тифона благодаря тому, что мойры уговорили чудовище попробовать для увеличения силы так называемые «однодневные плоды» (ядовитое растение однодневка); Одиссей получил от Гермеса волшебную траву моли, как противоядие от чародейства Кирки: вырывать

моли с корнем из земли могли только боги – человек погибал; Геката – повелительница теней в подземном мире, богиня призраков и ночных кошмаров – знаток ядовитых средств; Медея из мифа об аргонавтах – колдунья и жестокая отравительница. Овидий в «Послании героинь, или Героиды» воспевает «траву Медеи», она же аконит:

> «Знай: пока есть на земле и булат, и отравы, и пламя,
> Мести лихой ни один враг не избегнет моей».

Появление этого ядовитого растения греки связывали с потусторонним миром. В мифе о Геракле рассказывается, что когда он боролся со стражем Аида – трехголовым Цербером, то привел его в такое бешенство, что пес стал испускать слюну, из которой и выросло ядовитое растение аконит (название его происходит от города Акона, связанного с именем Геракла, или от слова «акон», что значит «ядовитый сок»).

Аконит был наиболее распространенным ядом растительного происхождения. Известно около 300 разновидностей аконита, и все они ядовиты, хотя использовались в Средние века в арабской и персидской медицине как лекарство. Яд содержится в клубнях аконита. Смерть при его использовании наступает от прямого действия яда на дыхательные центры. Феофраст писал, что «яд из него (аконита) составляют определенным способом, который известен не всем. Поэтому врачи, не знающие этого состава, и дают аконит как содействующий пищеварению, а также в других случаях. Если его выпить с вином и медом, то вкус его совершенно неощутим. Яд из него составляют с расчетом на то, чтобы он подействовал в положенный срок: через два, три, шесть месяцев, через год, иногда через два года. Очень тяжело умирают люди, чахнущие от него в течение долгого времени; самая легкая смерть от него мгновенная. Растений, которые бы служили противоядием от него, какие, мы слышали, есть от других ядов, не найдены… Покупать его недозволенно, и за такую покупку карают смертью». Аконитом отравил себя на острове Эвбее Аристотель, потеряв веру в идеалы добра. Наиболее распространенный вид растения в Европе – «аконит высокий».

К ядовитым веществам относили и свежую бычью кровь. Считалось, что она является быстродействующим ядом. Неоднократно в источниках упоминалось об отравлении бычьей кровью. Например, царь Фригии Мидас, правивший во второй половине VIII века до н. э., потерял свое государство в результате вторжения киммерийцев. От горя он отравился именно бычьей кровью.

Эллины имели также и «государственный яд», называемый цикутой (болиголов). Минимальная смертельная доза для человека составляет всего несколько миллиграммов. Содержащийся в цикуте яд кониин вызывает паралич окончаний двигательных нервов. Судороги, вызываемые ядом, приводят к удушью. Феофраст ссылается на врача Фра-сия, который «нашел, говорят, такое средство, которое делает смерть легкой и безболезненной. Он брал сок болиголова, мака и других таких же трав и приготовлял крохотные пилюли, весом около драхмы… Противоядия от этого средства нет вовсе».

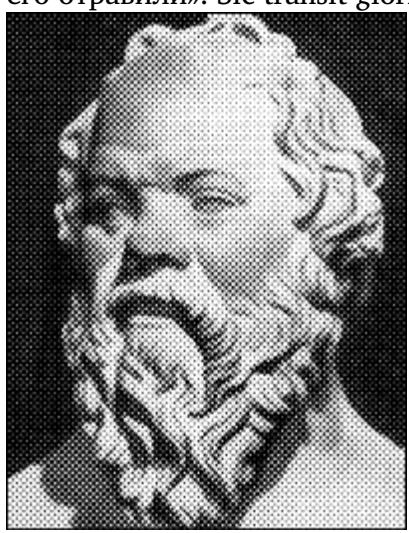
О смертоносной цикуте писали римский историк Плиний Старший: «Цикута, яд, страшный при потреблении, использовали в Афинах, чтобы научить преступников»; Тацит: «Это яд, которым убивали преступников в Афинах»; Сенека: «Яд, которым умерщвляются осужденные уголовным судом афиняне». Следует сказать, что кроме цикуты, у эллинов были и другие виды наказания. Применялось забрасывание камнями, утопление (Македония), обезглавливание (Массилия), сбрасывание в каменоломню (Спарта, Сиракузы), удушение (Спарта), распятие (Афины), но отравление было самым эстетичным видом наказания. В то же время самоубийство казалось эллинам возмущением против установленного богами порядка, и потому самоубийцы считались нечистыми.

Яд цикуты использовался долгие столетия и был орудием казни даже во времена заката Афин. Междоусобная Пелопонесская война закончилась в 404 году до н. э. капитуляцией Афин. В город вернулись изгнанники, принадлежавшие к аристократии. Именно они составили Совет тридцати, а потом и трех тысяч, управлявший Афинами, имея за спиной поддержку Спарты. Желая отомстить за свое изгнание и унижение, аристократы начали массовые репрессии. Сначала они казнили сикофантов (доносчиков), но это показалось маловато. Совет выпросил у спартиатов гарнизон для Афин и с помощью его начальника, гармоста Каллибия, начал массовые аресты сторонников демократов. Число казненных достигло полутора тысяч человек. Но были среди аристократов умеренные люди, не желавшие обескровливать родной город. Их лидером был Ферамен. Он выступил против главы Непримиримых Крития. Но Ферамен рассчитывал на слово, а Критий – на оружие. Критий вызвал в совет юношей с кинжалами и поставил перед помещением Совета солдат гарнизона, а потому легко добился у Совета санкции на арест Ферамена, который, видя, что слова не действуют, искал защиты у алтаря Гестии. Подручные Крития оторвали арестованного от алтаря, провели через агору и

заставили выпить цикуту перед членами Совета. Ферамен стоически выпил яд и выплеснул оставшиеся на дне капли, проговорив: «Дарю это моему ненаглядному Критию». Следует заметить, что с началом упадка эллинской культуры изменились и объекты отравлений государственным ядом. Ведь если в период расцвета Эллады их жертвами становились политики и философы, то позднее чести быть отравленным удостаивались лишь стратеги и военачальники. Когда вместо разума используется меч, то сила идеи уже не грозит обществу, как в мирное время.

СМЕРТЬ СОКРАТА

«Цикута сделала Сократа великим… он выпил сок цикуты как способ стать бессмертным», – писал позднее Сенека. Сократ был известным в Афинах философом-софистом, который первым обратился к проблеме человека и разума. Он проповедовал свое учение в доме и на улицах, площадях, в общественных и частных заведениях. Используя изощренные доводы, он всегда выходил победителем в дискуссиях. Вокруг него постепенно образовался кружок молодежи, которая отвергала устоявшийся образ мышления и жизни старшего поколения. С годами деятельность и философские принципы, исповедуемые Сократом, несколько подзабылись, хотя о факте смерти философа потомки помнят. В 1968 году 13-летняя школьница из Швеции Карен Ларссон получила премию за свое короткое сочинение: «Сократ был греческий философ. Он ходил среди людей и давал им хорошие советы. За это они его отравили». Sic transit gloria mundi[2].



Большое волнение в февральские дни 399 года до н. э. вызвало в Афинах сообщение, что молодой, не очень известный писатель Мелет подал жалобу на семидесятилетнего философа, требуя его смерти. Текст обвинения гласил: «Это обвинение составил и подтвердил присягой, подал Мелет, сын Мелета из дема Питтос, против Сократа, сына Софроникса из дема Алопеки: Сократ повинен в отрицании богов, признанных городом, и во введении новых божественных существ; повинен он и в совращении молодежи. Предлагается смертная казнь».

550 судей приняли участие в процессе. Триста человек против двухсот пятидесяти приговорили Сократа к смерти. В

основном на проголосовавших за казнь повлияло «высокомерие» философа. Это был первый приговор в Афинах, когда карали не за дела, а за отвлеченные понятия и идеи, хотя существует версия о гомосексуальных наклонностях Сократа, особенно его пристрастии к красавцу-ученику Алкивиаду, по которому вздыхали многие мужчины Афин, но, возможно, она выдумана его врагами, желавшими очернить память философа, хотя подобная страсть во времена Сократа и не считалось чем-то преступным.

Сократ не хотел просить о помиловании. Он сказал своим судьям: «… Не жизнь, а хорошая смерть является для смертного наибольшим благом». По ряду соображений его казнь была отложена на 30 дней. Его уговаривали бежать, но он остался в заключении и продолжал беседовать со своими друзьями, рассуждая о жизни и смерти. Сократ сказал им: «Я ведь, граждане, старый человек, и смерти мне бояться не пристало; что приносит людям смерть, я не знаю. Если загробного мира нет, то она избавит меня от тяжкой дряхлости, и это хорошо; если есть, то я смогу за гробом встретиться с умершими мудрецами и обратиться со своими расспросами к ним, и это будет еще лучше. Поэтому давайте разойдемся: я – чтобы умереть, вы – чтобы жить, а что из этого лучше, нам неизвестно».

Описание смерти философа дал Платон в диалоге «Федон». «Когда Сократ увидел тюремного служителя, то спросил его: «Ну, милый друг, что я должен делать с этим кубком?» Тот ответил: «Ты должен только испить его, затем ходить взад и вперед до тех пор, пока у тебя не отяжелеют бедра, а потом лечь, и тогда яд будет продолжать свое действие». Сократ очень бодро и без злобы опорожнил кубок. Он ходил взад и вперед, а когда заметил, что бедра отяжелели, то лег прямо на спину, как велел ему тюремный служитель. Затем этот последний стал дотрагиваться до него время от времени и исследовать его стопы и бедра… После этого служитель сильно сжал ему стопу и спросил, чувствует ли он что-либо при этом. Сократ ответил: «Нет». Служитель надавил сначала на колено, затем надавливал все выше и показал нам, что тело становится холодным и оцепенелым. После этого он прикоснулся к нему еще раз и сказал, что как только действие яда дойдет до сердца, то наступит смерть. Когда уже живот сделался совершенно холодным, Сократ раскрылся (он лежал прикрытый) и сказал: «Мы должны Асклепию принести в жертву петуха, сделайте это немедленно», – то были последние его слова. «Будет исполнено, – ответил Критон, – но подумай, не имеешь ли еще чего-нибудь нам сказать». Но Сократ ничего не ответил, вскоре после этого тело вздрогнуло. Когда служитель раскрыл его, то глаза были уже неподвижны. Увидя это, Критон закрыл ему рот и

глаза».

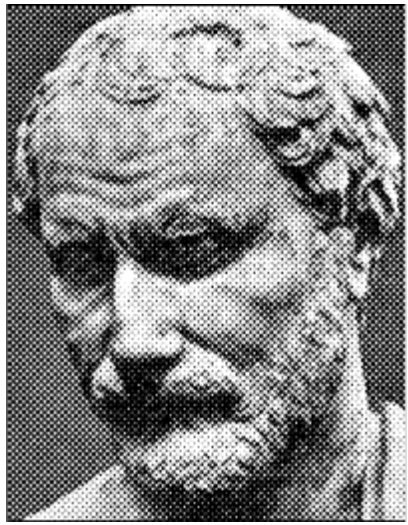
Жертвоприношение петуха богу врачевания Асклепию полагалось обычно за выздоровление. Кого или что имел в виду Сократ, неизвестно, а может, это была его последняя шутка. Но смерть философа не принесла спокойствия эллинам. Сразу же после казни Сократа в сократовских школах (сократиках) разгорелась борьба за наследие учителя. Ее с ожесточением вели разные партии, отстаивая чистоту учения в их понимании.

САМОУБИЙСТВО ДЕМОСФЕНА

В IV в. до н. э., когда победоносные войска Александра Македонского завоевывали Азию, в Греции уничтожались остатки антимакедонской оппозиции. Глашатаем всех недовольных правлением грубых македонян долгое время был афинский оратор Демосфен. Еще во время правления отца Александра, Филиппа, Демосфен всячески настраивал греческие полисы против Македонии, порицая все действия Филиппа, и любой его шаг использовал против македонского царя. Разъезжая по Греции, оратор произносил зажигательные речи против Филиппа (филиппики), чем навлек на себя ненависть македонян. В вину Филиппу вменялось и его желание отравить врагам воду. Ему было указано, что «нельзя нарушать закон богов и нужно уважать клятвы старых граждан». Имелись в виду законы Солона (IV века до н. э.). Антимакедонская пропаганда Демосфена была действенна, так как он никогда не выступал, не продумав все заранее. Поэтому аргументы Демосфена разили наповал.

Оратор был неподкупен. Он никогда не брал деньги у Филиппа, сколько бы тот ни предлагал. Правда, Демосфен охотно брал золото от персов. А для борьбы с Македонией царь Персии отдал приказ отпускать деньги без счета. Именно благодаря пламенным речам Демосфена греческие полисы собрали против македонян войско из 15 тысяч гоплитов. Демосфен уговорил воинов идти в битву, несмотря на плохие предсказания оракулов. В 338 году до н. э. битва состоялась возле Херонеи в Беотии, и греки ее проиграли. Демосфен бежал с поля боя, первым бросив свой щит.

Когда весть о неожиданной смерти Филиппа стала известна Демосфену, он с такой радостью сообщил об этом народному собранию Афин, что заслужил даже порицание сограждан, так как у оратора за неделю до того умерла дочь, и он был в трауре. Демосфен не рассчитывал, что молодой наследник обладает достаточными талантами, чтобы пойти по стопам отца. И теперь, когда Александр был на вершине славы, пришло время расплаты для врага македонского царя. Влияние Демосфена в Афинах пошатнулось, особенно когда Демосфен еще раз проявил слабость духа, сбежав из состава посольства, направленного к Александру, побоявшись показаться ему на глаза.



Полностью оратор дискредитировал себя в истории с Гарпалом. Приближенный к македонскому царю Гарпал бежал во время похода в Индию, захватив с собой большие ценности – более 5000 талантов. Сделать это ему было довольно просто, так как он был казначеем Александра. Он обратился к Афинам с просьбой предоставить ему убежище. А чтобы просьба не была отклонена, дал взятку Демосфену – золотую чашу и 20 талантов. Однако афиняне боялись Александра и отказали Гарпалу, тем более, что с ним было целое войско – 6000 наемников, бежавших из македонской армии, и вводить их в полис было опасно. Тут всплыло дело о взятке оратору. Враги Демосфена с радостью воспользовались компроматом. Он был приговорен к штрафу в 50 талантов и заключен в тюрьму. В 323 году до н. э. Демосфен с помощью друзей бежит из заключения. Он покидает Афины, но не надолго. Когда умер Александр, народное собрание принимает решение о возвращении Демосфена.

Но Александр настиг оратора даже из могилы. Анти-патр, оставленный правителем Македонии, потребовал от Афин выдачи Демосфена, и когда стали поступать сведения, что македонское войско движется к городу, Демосфен и его соратники бежали на Калаврию (остров у северо-восточного берега Пелопоннесса), где оратор искал защиты у алтаря Посейдона, надеясь на давний обычай неприкосновенности тех, кто нашел убежища храма. Посланники македонян, так называемый отряд «Охотников за беглецами», во главе с Архием, прибывшие следом на остров, стали уговаривать Демосфена выйти из храма и поехать к наместнику Македонии, который, дескать, не сделает ему ничего дурного. Когда уговоры перешли в угрозы, Демосфен сказал, что хочет написать несколько слов близким. Он удалился в глубь храма и взял палочку для письма, в полости которой была

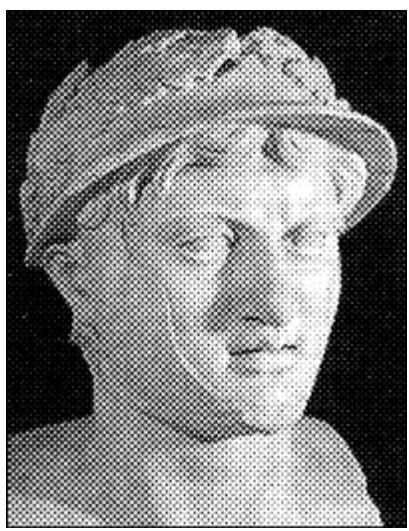
спрятана цикута. Делая вид, что задумался, Демосфен медленно пожевывал палочку (по другой версии, он вынул яд из какой-то тряпочки и проглотил, а наемники подумали, что он глотает золото; еще одна версия – яд хранился в полом браслете, который оратор никогда не снимал с руки). Потом он застыл в неподвижности, закутавшись в плащ и опустив голову. Копьеносцы насмехались над ним, думая, что он окаменел от страха, обзывали трусом и ничтожеством. Когда Демосфен почувствовал, что яд оказывает действие, он смело ответил на насмешки Архею, а потом завернулся в тогу, сделал несколько шагов, подошел к алтарю, со стоном упал и умер.

Демосфен умер в 322 году до н. э. и был похоронен в ограде храма. Немного погодя афиняне поставили вблизи храма Посейдона памятник великому оратору, а позднее его прах перенесли в Афины. На центральной площади города в 280 году до н. э. поставили бронзовую статую философа, где были выбиты такие слова: «Если бы мощь, Демосфен, ты имел такую, как разум, власть бы в Элладе не смог взять македонский Арей». (Плутарх. «Демосфен».) Единственным утешением оратору мог бы послужить тот факт, что, по некоторым версиям, Александр тоже умер от яда.

ЦИКУТА, ВОЙНЫ И ПОЛИТИКА

Противники и поборники Македонии также не избегли гибели, которую им несла цикута. После смерти Александра ее отведали его союзники.

Сорок пять раз Фокион выбирался афинянами стратегом за справедливость и рассудительность. Он не заискивал ни перед царями, ни перед народом. В свое время, когда молодой Александр только занял престол, при встрече с ним Фокион советовал положить конец войне в Элладе и «возложить ее на плечи варваров, если он стремится к славе». Тем не менее, вспыльчивый Александр настолько ценил Фокиона, что выслушивал его доброжелательно. Когда Демосфен осыпал бранью Александра, Фокион увещевал оратора известными словами из «Одиссеи»: «О, злополучный! Зачем раздражаешь ты грозного мужа?»



После смерти Александра в греческих полисах, которые надеялись на ослабление Македонии, снова закипели политические страсти, и афиняне под влиянием антимакедонских настроений приговаривают Фокиона к смерти. В тюрьме, когда уже терли цикуту, кто-то из друзей спросил Фокиона, что он хочет передать своему сыну. «Я хочу ему сказать, – ответил Фокион, – чтобы он не держал злобы против афинян».

Союзником македонцев, погибшим от яда, был и известный полководец Агафокл (360–289 гг. до н. э.). Он был предводителем войска наемников. Поддерживая добрые отношения с Македонией, Агафокл действовал против греческих полисов,

расположенных на острове Сицилия. Его армия успешно провела несколько военных кампаний, и в 317 году до н. э. предводитель наемников становится легитимным тираном богатого греческого полиса Сиракузы. Продолжая походы (ведь наемникам нужно платить), в 304 году до н. э. Агафокл подчиняет себе всю греческую часть Сицилии и становится царем. Он женится на дочке бывшего полководца, а ныне фараона Птолемея I. Свою дочь Агафокл выдает замуж за эпирского царя Пирра, впоследствии врага Рима.

Обеспечив себе, благодаря матримониальным связям, поддержку союзников, Агафокл замахнулся на большее – решил стать императором и захватить для этого южную часть Италии. Но замыслы его раскрылись, и римляне, не желая тратить деньги на войну, потратили их на наемного убийцу. Агафокла отравили, и так как у него не было сыновей, то в Сиракузах и других полисах, входивших в зону влияния Агафокла, снова расцвела демократия, но ненадолго. Дело Агафокла продолжил его зять – эпирский царь Пирр. Свой четвертый брак он оформил с дочерью Агафокла, Ланисой, получившей в приданое остров Киркиру. Но семейная жизнь у них не сложилась. Ланиса из ревности бросила Пирра и сошлась с македонским царем Деметрием.

Однако Пирр не забыл о замыслах тестя завоевать Италию, и это решение привело его к гибели, хотя и не от яда, как Агафокла. Но попытки отравить царя делались. Когда Пирр вернулся на родину из изгнания в Эпир, его соправитель Неоптолем организовал против царя заговор с целью извести его (отравить ядом через виночерпия). Однако Пирр опередил заговорщика, и сам устранил его во время пиршества. Когда Пирр уже воевал против римлян, ему прислал весточку командующий войсками противника Фабриций, в которой тот предупреждал, что получил письмо от царского врача с предложением отравить его. Прочитав послание и узнав о злом умысле, Пирр казнил лекаря и в благодарность отпустил пленных римлян. Но хотя судьба и хранила его от яда, царство свое он все же проиграл на полях сражений.

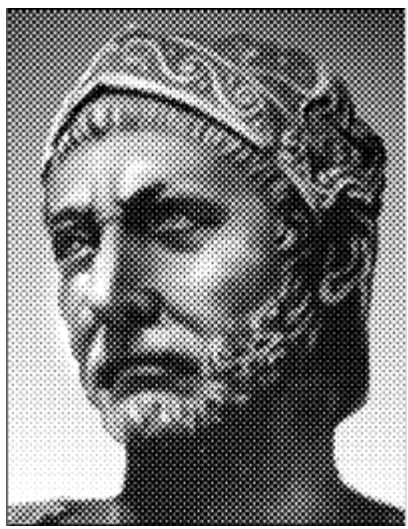
Жертвой антимакедонских репрессий стал и Аристотель, знаменитый философ, которому его современники не могли простить долголетней близости к царю Александру. При этом во внимание не принималось ни охлаждение отношений между учеником и учителем, ни возможное участие Аристотеля в заговоре против Александра. После смерти царя те, кто раньше помалкивал, решили отыграться на его престарелом учителе. Против философа было выдвинуто обвинение в святотатстве. Предлогом стал написанный Аристотелем 12 лет назад гимн в

честь Гермия, где последний будто бы обожествлялся. Не желая разделить участь Сократа, Аристотель со словами, что «не желает, чтобы сограждане второй раз совершили преступление против философии», покинул Афины и поселился в городе Халкиде на острове Эвбея, где через год, в 322 году до н. э., умер. Существуют свидетельства современников, что он принял популярный в то время яд аконит.

ЗАТРАВЛЕННЫЙ ПОЛКОВОДЕЦ

Не менее чем имя Александра Македонского известно в военной истории имя карфагенского полководца Ганнибала. В отличие от македонского царя, Ганнибал не был полновластным правителем, он играл подчиненную роль, связанный по рукам и ногам кафагенскими политиками, что и послужило причиной краха его карьеры и смерти.

Ганнибал Барка, сын Гамилькара, родился в 247 году до н. э. Получив прекрасное образование у лучших учителей, выписанных из Греции, он изъяснялся на четырех языках. Но учение не прельщало будущего военного гения, а вот все, что было связано с войной, представляло для него несомненный интерес. Обучался Ганнибал искусству военачальника сначала у отца, затем у своего шурина Газдрубала, грозы иберийских племен. С 225 года до н. э. сенат Карфагена доверил молодому человеку командование конницей.



Ганнибал доказал в войнах Карфагена, что выбор был не случаен. В 221 году до н. э. армия избирает его, а сенат утверждает главнокомандующим. Получив в свои руки войско и полномочия, Ганнибал развязывает войну, которая вошла в историю под названием 2-й Пунической. В 218 году до н. э. он захватывает в Испании союзный римлянам город Сагунт, стремительно переходит через Альпы и вторгается в Италию. Легионы римлян терпят одно поражение задругам. В 216 году до н. э. происходит знаменитое сражение при Каннах, вошедшее во все учебники и ставшее обязательным для изучения в военных академиях всего мира.

Но за спиной Ганнибала стоял сенат, большинство которого составляли купцы. Чем блистательнее были победы карфагенского войска в Италии, тем скупее становился денежный ручеек из метрополии. В 216 году до н. э. Ганнибалу пришлось перевооружить свое войско трофейным римским оружием, так как поставки новых вооружений из карфагенских арсеналов прекратились.

Ганнибал был готов вернуться в Карфаген, однако побежденные, но все такие же спесивые римляне предложение мира отклонили. И оказались правы. Истощенное карфагенское войско, не в состоянии достичь стратегических целей, бесцельно разбрелось по итальянским равнинам. В 203 году до н. э. Ганнибал был отозван на родину для отражения римского вторжения. Но денег, как всегда, не было, патриотизм угас, героев что-то не видно, есть войско наемников, которое в 202 году до н. э. при Заме было наголову разбито римлянами.

Больше Ганнибал за Карфаген не воевал. Ему долгое время приходилось писать отчеты о потраченных суммах и отвечать на вопросы сенатских следователей о причинах неудач в Италии. Суд, который организовали враги Ганнибала, признал его изменником, казнь была неизбежна. В 195 году до н. э. полководец бежит из неблагодарного города и находит себе приют у сирийского царя Антиоха III.

УАнтиоха было много амбиций, много врагов, но мало ума. Он так до конца и не понял, какой шанс дала ему судьба, послав Ганнибала. Он держал победителя римлян на посылках, ни разу не доверив командование над своими войсками. Асам царь, успешно проиграв все кампании, которые вел против Рима, сдался на милость победителя.

Ганнибал опять бежит и находит пристанище у вифин-ского царя Прузия, но римляне настигли его и там. Пользуясь консультациями Ганнибала, Прузий вел удачную войну с пергамским царем Эвменом II, союзником римлян, к которому он и обратился за помощью против вифинцев. Римский сенат направил в Вифинию своего посла, Тита Квинтия Фламинина, избранного консулом в 198 году до н. э., потребовавшего именем римского народа выдачи давнего врага. Это была личная инициатива посла, который разгневался, узнав, что враг Рима Ганнибал еще жив. Слабовольный Прузий согласился. Тита впоследствии порицали в Риме за его кровожадность.

Существовало древнее пророчество о смерти Ганнибала: «Ливийский край сокроет Ганнибала прах». Сам Ганнибал считал, что речь здесь идет о Ливии и могиле в Карфагене; но в Вифинии, недалеко от моря, было место, подле которого расположилось

большое селение, называемое Ливи-ной. Там и жил Ганнибал. Он никогда не доверял Прузию и опасался римлян, а потому устроил в доме семь подземных ходов, которые под его комнатой расходились в разных направлениях и кончались выходами вдали от дома.

Дом, где проживал Ганнибал, был окружен римскими легионерами, но взять полководца живым они не смогли. Услышав о требовании Тита, Ганнибал попробовал спастись, воспользовавшись подземным ходом, однако встретил царскую охрану у выхода, и, не видя путей к спасению, решил покончить с собой. Не дожидаясь, пока солдаты взломают дверь, Ганнибал принял яд. Одни источники сообщают, что он выпил бычьей крови, но Ливии утверждает, что у Ганнибала был яд, который он приказал растворить в чаше. Последними его словами были: «Я хочу избавить римский народ от его опасений». Так ушел из жизни предпоследний великий полководец античности.

Странно закончил свою жизнь победитель и разоритель Карфагена Сципион Эмилий Африканский Младший. Герой 3-й Пунической войны, покоритель Испании, прославленный полководец, ушедший в отставку, принял участие в политических событиях, разворачивающихся в Риме, на стороне аристократов-сенаторов. Его противниками были братья Гракхи, родственники Сципиона, выступавшие за реформы в пользу римского плебса. Сестра Тиберия Гракха была замужем за Сципионом. Вместе с Тиберием Сципион воевал в Африке, где у них возникли разногласия по личным мотивам. Мать братьев Гракхов требовала от сыновей свершения каких-либо действий, говоря, что в Риме ее называют «тещей Сципиона, а не матерью Гракхов».

Авторитету известного воина реформаторы не могли ничего противопоставить, и в один прекрасный день Сципион Африканский был найден мертвым у себя дома. От чего настала смерть, римляне так и не смогли установить. Существовало три версии – Сципион был слабого здоровья и умер сам; Сципиона тайно задушили прокравшиеся в дом враги по наущению Гракхов; Сципиона отравили все те же враги. Как говорили, среди убийц, прокравшихся в дом, был и Гай Гракх, а впустила их в спальню Сципиона его жена Семпрония, родная сестра Гракхов.

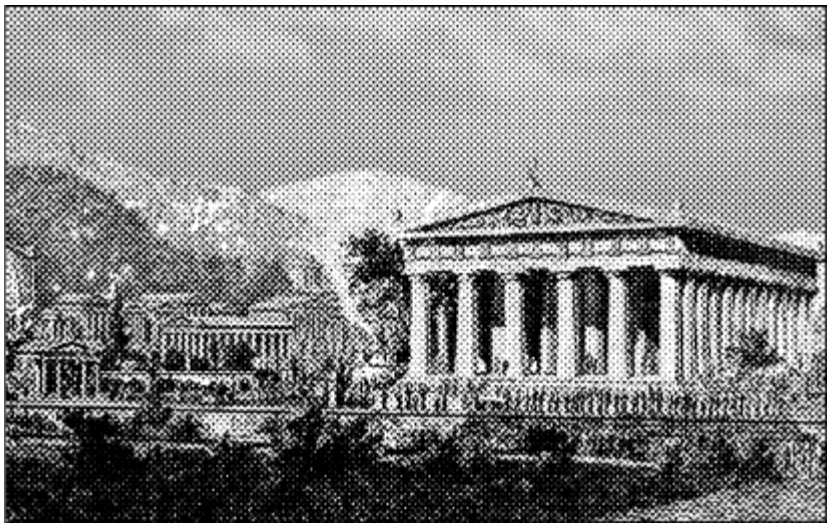
ЗАКАТ ЭЛЛАДЫ И ЯД

В период упадка Эллады, вызванной междоусобными войнами, погиб от яда и прославленный греческий полководец Филопемен из Мегалополя. Возглавляя в боях ахейцев, он не проиграл ни одной битвы. Его успехи содействовали укреплению Ахейского союза и подрыву влияния Спарты в Элладе. Но в возрасте 70 лет, в 183 году до н. э., по воле случая во главе неопытных воинов, будучи в восьмой раз избранным ахейским стратегом, Филопемен попал в плен к своему личному врагу Динократу из Мессины.

Плененного стратега кинули в мессинское «казнохранилище» – подземелье, куда не проникал снаружи ни воздух, ни свет; оно не имело дверей, входное отверстие заваливалось большим камнем. Филопемена спустили туда и, завалив вход каменной глыбой, поставили вокруг вооруженных людей, так страшились этого непобедимого воина. Ахейцы, узнав о пленении своего стратега, потребовали выдачи пленника и стали готовиться к походу на Мессину. Динократ понял, что враг вот-вот ускользнет из его рук. И когда с наступлением ночи разошлись взволнованные мессинцы, он отворил темницу и послал туда раба с ядом, приказав поднести отраву Филопемену и подождать, пока тот не выпьет. Пленник воспринял предстоящую смерть спокойно, лишь перед тем, как выпить яд, спросил о своих всадниках, чье отступление он прикрывал. Узнав, что они спаслись, Филопемен сказал: «Хорошо. У нас дела еще не совсем плохи». Не произнеся больше ни слова, не испустив ни единого вздоха, он выпил яд и лег на пол темницы. Через несколько минут Филопемен скончался. Ахейские отряды вторглись в Мессению и захватили город. Денократ успел покончить с собой, те из мессинцев, кто требовал казнить стратега, тоже ушли из жизни. Тело Филопемена сожгли, а урну непобедимого полководца торжественно захоронили в Мегалополе, его родном городе.

Античные греки хорошо понимали опасность знаний о ядах и возможностях тех, кто владеет этими знаниями. Поэтому в медицинском этическом кодексе, известном как клятва Гиппократа, было оговорено, что врач не имеет права давать яды больному и никаких средств беременным женщинам для изгнания плода.

ЦАРЬ-ОТРАВИТЕЛЬ



После распада империи Александра появилось много новых государств. Одни быстро исчезали, другие существовали сотни лет. Государством, просуществовавшим сотни лет, был Пергам. Но и ему под давлением Рима пришлось исчезнуть. Последним пергамским царем был Аттал III Филометр, сын Эвмена II, неумение воевать которого послужило причиной смерти Ганнибала. Он царствовал всего пять лет, с 139 по 133 год до н. э. Едва вступив на престол, новый царь обрушился с репрессиями на своих друзей и родственников. Одним из объектов царского гнева стал Аристоник, побочный сын царя Эвмена (его мать была дочерью музыканта-кифареда из Эфеса), и сводный брат Аттала. Аристоник сумел скрыться от царских ищеек. Очистив дворец от недругов, Аттал впал в меланхолию и, чтобы отвлечься, занялся отливкой бронзовых статуй. Но и это занятие ему прискучило и он увлекся садоводством, украсив аллеи сада своими бронзовыми скульптурами.

Аттал был большим знатоком растительного мира; он сам сажал и выращивал в дворцовых садах лекарственные и ядовитые растения, изучал свойства их соков, плодов, время сбора. Возможно, на изучение флоры царя подвигла участь одного из его предшественников, Селевка III Керавна, отравленного своими приближенными. Аттал выращивал белену, чемерицу, цикуту, наперстянку, живокость и другие растения, содержащие ядовитые алкалоиды. Существует предание, что, составляя ядовитые смеси, он проверял их действие не только на врагах, но и на друзьях. Однако угрызения совести якобы заставили его запереться в

своем дворце, где он и умер от солнечного удара, сооружая в саду памятник своей матери Стратонике. Перед смертью Аттал III завещал свое царство народу Рима, который превратил Пергам в провинцию Азию.

Римское правление установилось не сразу. В 133 году до н. э. после смерти царя претендентом на престол объявил себя вынырнувший из ниоткуда сводный брат Аттала, Аристоник. Он поднял восстание рабов и упорно сражался против римских легионеров, но был захвачен в плен, отправлен в Рим и там милосердно задушен в тюрьме.

КУБОК ЯДА ДЛЯ ЛЮБИМОЙ

Сын нумидийского царя Галы, Масинисса, когда воспитывался в Карфагене, познакомился с прекрасной Софонибой. Она была не только красива, но и происходила из знатного карфагенского рода. Отцом ее был полководец Газдрубал, сын Гисгона. Нубийский принц влюбился в карфагенянку и получил от Газдрубала согласие на брак с нею. Однако, когда Газдрубалу в 213 году до н. э. понадобилось привлечь на сторону Карфагена Сифакса, короля западных нубийцев-массесилян, то он, недолго думая, отдал свою дочь ему в жены, несмотря на то что она уже была помолвлена с Масиниссой.

Принц, обиженный поступком коварного Газдрубала, заключил союз с римлянами. Когда же Сифакс в 203 году до н. э. был побежден хитроумным Сципионом, попал в плен и был перевезен в Рим, Софониба, встретившись случайно с Масиниссой, бросилась перед ним на колени и просила его спасти ее и не дать римлянам перевезти ее со Сифаксом в Рим.

Тогда Масинисса вновь воспылал любовью к прекрасной Софонибе и немедленно, в тот же день, женился на любимой им бывшей невесте, полагая, что этим спасет ее от римского плена. Когда Сципион высказал по этому поводу свое неодобрение, то Масинисса, не в силах расстаться с Софонибой и не желая выдать ее римлянам, поднес ей кубок с ядом, который она немедленно выпила до дна. Царь Масинисса оставался верен свои римским союзникам до конца, одновременно помня о своем унижении карфагенянами. Умер он в 149 году до н. э. в очередном походе на коварный город купцов.

КОГДА ЯД НЕ ДЕЙСТВУЕТ

Последний великий противник Рима и наследник эллинистической цивилизации жил в Крыму (тогда Таврида). Речь идет о царе Понта и Боспора Митридате ГУ Евпаторе (Дионисе) (132-63 гг. до н. э.). Французский писатель Расин в трагедии «Митридат» писал о крымском царе: «Немного есть имен, более известных, нежели имя Митридата: жизнь и смерть его составляют значительную часть римской истории, и, даже не принимая во внимание одержанных им побед, можно сказать, что три виднейших военачальника Республики – Сулла, Лукулл, Помпеи – обязаны своей славой одному только его поражению».

Предание говорит, что отец Митридата был отравлен и что он сам с юности решил избежать подобной участи. История повествует о необыкновенных садах Митридата, где росли удивительные растения. Из них он якобы составлял не только ядовитые смеси, но и противоядия. Свойства своих ядов Митридат обычно проверял на преступниках, приговоренных к смерти. Историки древности писали: для того, чтобы сделать себя неуязвимым к действию ядов, Митридат систематически принимал их маленькими дозами и тем самым, возможно, развил в организме своеобразное «привыкание» к их действию. О привыкании к растительным ядам рассказывает Феофраст. Он описывает забавный случай: однажды фармаколог, желая показать свою осведомленность, проглотил на глазах у покупателей несколько ядовитых корешков, но был посрамлен находившимся тут же пастухом, который съел целую связку подобных растений, чем лишил продавца его славы. Дело в том,

что пастухи обычно каждый день ели эти сладкие ядовитые корни. Имя пастуха осталось неизвестным, а токсикологи и до настоящего времени называют привыкание к ядам «митридатизмом».

Митридат начиная с 89 года до н. э. вел множество войн с Римом, отвоевав немало территорий в Малой Азии, но выстоять против регулярных римских когорт не смог. Двадцать пять лет продолжалась борьба римлян с Митридатом. Эта борьба со стороны Рима велась без всяких компромиссов – еще в 89 году до н. э. армия Митридата в городах римской провинции Азия перебила 80 тысяч римлян и италиков без различия пола и возраста.

В 66 году до н. э. разбитый Помпеем и оставленный союзниками Митридат с небольшой свитой бежал в свои боспорские владения. По прибытии в Боспорское царство он силой захватил своего сына Махареса, оставленного правителем вместо себя. Пока отец воевал с Римом, Махарес за его спиной сговорился с римлянами, за что и был приговорен отцом к смерти. Сестры и жены Митридата находились в Понте, в городе Фарнакии, и, казалось, были в безопасности, но он, предвидя свое поражение и не желая оставлять женщин на потеху грубым римлянам, послал к ним евнуха, чтобы тот предал их смерти тем способом, который каждая женщина сочтет для себя легким и безболезненным. Многие выбрали яд.

Помпеи неумолимо приближался. Он не спешил, рассчитывая на разложение армии врага, да и природные условия не позволяли двигаться быстрым маршем. Помпеи намеревался пройти до Каспийского моря и зайти в тыл Митридату, но вынужден был повернуть назад из-за множества ядовитых пресмыкающихся, хотя находился от моря всего на расстоянии трех дней пути. Но его расчет на разложение в армии и измену оказался верным. Когда младший сын Митридата, Фарнак, изменил отцу и армия перешла на его сторону, то от Митридата отшатнулись последние союзники. Царь приказал верному рабу заколоть его мечом. Предания, однако, гласят, что перед этим он велел подать себе чашу с ядом, но яд на него не подействовал.

В связи со смертью Митридата римские воины приносили жертвы и устраивали пиры – как в честь десятков тысяч врагов. Труп Митридата был подарен Фарнаком Помпею, однако царя трудно было опознать (слуги при бальзамировании забыли удалить мозг, и труп разложился); но его узнали по шрамам. Помпеи так и не решился взглянуть на тело своего врага, однако с удивлением рассматривал роскошную одежду и оружие царя. Изменник Фарнак II, впоследствии ставший боспорским царем,

решил со временем отделиться от Рима, но был разбит Юлием Цезарем в 47 году до н. э. Эта победа породила бессмертное выражение Цезаря – veni, vidi, vici: пришел, увидел, победил.

Смерть давнего врага Рима произошла на 57 году его правления, в 63 году до н. э. Понтийское царство было превращено в римские провинции Вифинию и Понт, а записки Митридата, в которых он описывает свои эксперименты с ядами, были размножены, стали популярным чтивом и, одновременно, руководством к действию в Риме и его провинциях.

ЖЕРТВА СТРАСТИ

Наиболее опасным врагом царя Митридата был римский полководец Луций Лициний Лукулл, начавший свою военную карьеру при Сулле. В нескольких кампаниях в 74–64 годах до н. э. он разгромил Митридата, главный враг Рима сначала стал просто мелким властителем, а затем погиб сам и погибло его царство, оставшиеся в живых и не мыслили сопротивляться римлянам. Заодно с боспорским царем Лукулл разгромил и армянского властителя Тиграна II Великого. Добить Митридата Лукуллу не позволили его же собственные солдаты, уж слишком большую добычу захватили римские легионы, чтобы думать о боях. Все мечтали поскорее вернуться в Рим с награбленным. И хотя недоброжелатели обвиняли Лукулла в том, что он специально затягивает войну с целью собственного обогащения, но все-таки Помпею, назначенному сенатом уничтожить Митридата, делать там было нечего: лучшие войска боспорского царя погибли, флот был уничтожен, страна разорена.

В 66 году до н. э. Лукулл вернулся в Рим и просил триумфа, который после долгих споров в сенате был ему дан лишь три года спустя. Однако Лукулл во время ожидания не унывал и жил, можно сказать, припеваючи. Богатства Боспорского и Армянского царств стали основой самого крупного состояния в Риме, хотя первые миллионы сестерции Лукулл заработал, будучи квестором, ведая перечеканкой денег и снаряжением флота. Лукулловы пиры пережили века, став нарицательным именем для обозначения благосостояния. В Риме, кроме богатого дома, Лукулл владел еще садами, где вырастил невиданное для римлян вишневое дерево, привезенное им с Востока; славились его роскошные виллы в Тускулуме, Кампании и других местностях. Лукулл был справедлив, обходителен, щедр, весьма аристократичен в своих привычках. Он был библиофилом и собирал рукописи; его библиотека была доступна для всех желающих, кроме, естественно, рабов.

Но Лукулл недолго наслаждался своим богатством. После возвращения Помпея, окончательно довершившего разгром Митридата, богач, вместо того чтобы наслаждаться жизнью, примкнул в сенате к партии аристократов и повел борьбу против Помпея и Цезаря. Однако политическая борьба ему прискучила, он начал искать утешения в оргиях, которые давали ему отдохновение. А когда его друзья и соратники покинули Рим – Цицерон был изгнан, а Катон отправлен на Кипр, – Лукулл совсем отдалился от государственной деятельности. И в семейной жизни у него были нелады. Первая жена, Клодия, как и вторая, Сервилия, были распутницами. Поэтому, желая доказать себе, что он мужчина, Лукулл предался разврату.

В 56 году до н. э. популярного в Риме богача Лукулла не стало. Причиной стал «любовный напиток», которым он подпитывал свою мужскую силу, порастраченную в войнах, застольях и сексуальных приключениях. Снадобья ему готовил Каллисфен, вольноотпущенник, не имевший достаточных знаний. Эти «любовные» напитки постепенно сводили Лукулла с ума. Выпив очередную порцию афродизиака, он, в отличие от предыдущих раз, почувствовал не подъем физических сил, а их упадок. Через короткое время Цезарь и Помпеи вздохнули с облегчением – враг, дававший деньги их противникам, был устранен с политической арены, и они начали свары между собой.

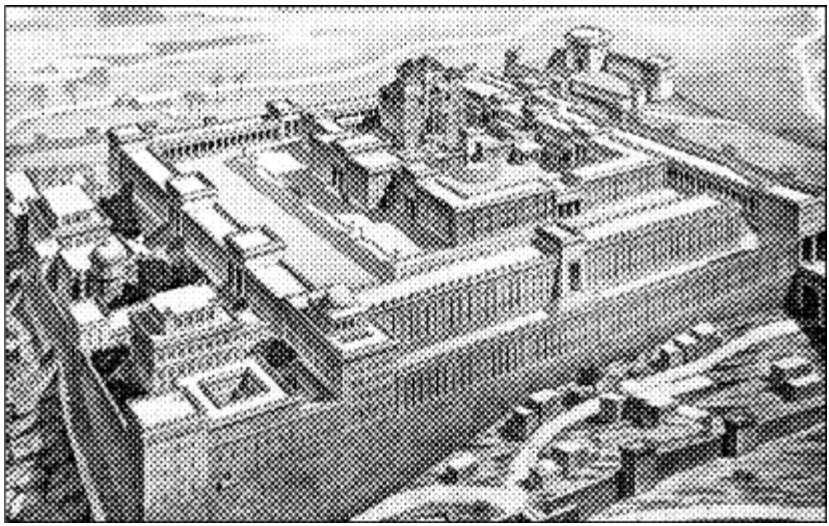
ЕЩЕ ОДНА ЖЕРТВА СТРАСТИ

Римская общественность в I веке до н. э. была потрясена появлением невиданной дотоле поэмы «De rerum natura» («О природе вещей»). Известный поэт Овидий утверждал, что возвышенные стихотворения поэмы могут погибнуть только в тот день, когда погибнет Земля. Но автор не мог услышать похвальных слов – он был мертв. Поэму создал не очень известный римский поэт, Тит Лукреций Кар. Время его рождения и смерти точно не известны. По данным блаженного Иеронима, умер Лукреций на 44 году жизни, и год его смерти совпадает с годом совершеннолетия Вергилия. Основываясь на этом, можно отнести рождение поэта к 99 или 95 году до н. э.

Написание поэмы и смерть Лукреция последовали в результате отравления, как и в случае с Лукуллом, афродизиаком. Употребив «любовный» напиток, поэт впал в помешательство, свою поэму он писал между припадками сумасшествия. В чеканных строках классической латыни Лукреция звучит призыв обратиться к учению Эпикура; он раскрывает строение мира, освобождается от страха смерти и страха перед богами. Муки Лукреция были невыносимы, и он покончил жизнь самоубийством, получив тем самым возможность проверить свою точку зрения на окружающий и потусторонний миры.

Некоторые главы поэмы были написаны действительно словно в бреду, поэтому Цицерон дополнил и исправил некоторые строки, а лишь затем выпустил ее в свет. Так к любителю напитка страсти пришла посмертная слава.

БРАТЬЯ-СОПЕРНИКИ



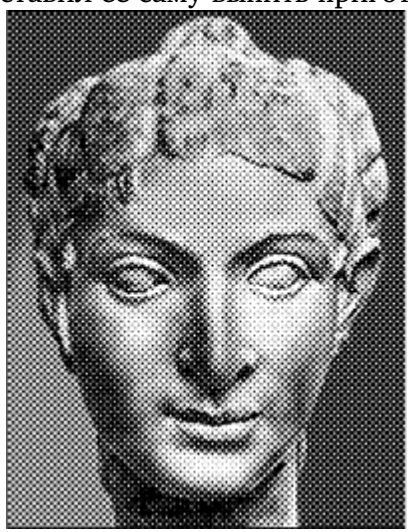
Со II века до н. э. в Иерусалиме правила династия Маккавеев. Но царствование всех представителей этой династии было какое-то неудачное. Все первосвященники и цари из этого рода умирали, можно сказать, странно. Последний царь династии, Иоанн Гиркан II, правил Иудеей вместе с женой Александрой. Функции были разделены. Иоанн был первосвященником, а Александра носила корону. Правила она бесславно до 70 года до н. э. После ее смерти Иоанн Гиркан II был провозглашен царем в Иерусалиме, однако принужден был взять в соправители своего младшего брата – Аристовула II, который быстро постарался захватить и царский скипетр, и посох первосвященника. В 69 году до н. э., когда началась борьба за престол, Аристовул сумел удержаться при власти, купив помощь римского легата в Сирии Скавра. Когда же в 64 году до н. э. Помпеи попытался решить спор между братьями, желая прекратить смертоубийство на улицах Иерусалима, Аристовул, после тщетных попыток подкупа, был взят в плен и проведен по улицам Рима в триумфальном шествии Помпея. Позже он бежал из столицы империи, в 56 году до н. э. опять появился в Иудее и начал войну с Иоанном Гирканом и римлянами, закончившуюся вторичным его пленением. В 49 году до н. э. Юлий Цезарь освободил Аристовула как жертву репрессий Помпея и послал с двумя легионами в Сирию, но прежде чем Аристовул успел что-нибудь завоевать, его отравили приверженцы Помпея, от яда умер и его сын Александр.

Все остальные представители дома Маккавеев были истреблены Иродом Великим.

НЕСЧАСТНЫЕ КЛЕОПАТРЫ

Наши современники в большинстве своем знают только одну Клеопатру, египетскую царицу, особенно после голливудского фильма с Элизабет Тейлор в главной роли. Однако в истории их было несколько, и у каждой была трагическая судьба, связанная с ядами.

Первая Клеопатра была сирийской царицей. С 149 года до н. э. она – жена Александра Валу, узурпатора сирийского престола. После смерти мужа вторично вышла замуж за Димитрия Никатора, царя сирийского. Когда последний во время плена у парфян женился на парфянской царевне Родогуне, Клеопатра вступила в брак с Антиохом VIII и убила Димитрия после возвращения его из плена. Также она убила одного из своих сыновей, Селевка, задумавшего завладеть престолом, и возвела на трон второго своего сына, Атиоха VIII Гриппа. Но царь не захотел подчиняться властолюбивой матери и решил править единовластно. Тогда Клеопатра приготовила ему яд, но Антиох узнал об этом и заставил ее саму выпить приготовленную отраву.



Сестра ее, тоже Клеопатра, царица египетская, вела себя подобным же образом. После смерти своего мужа Птолемея VII она делила престол со своим старшим сыном Птолемеем VIII (Латиром), которого женила по египетскому обычаю на его родной сестре, Клеопатре Селене, но вскоре подняла в Александрии мятеж против сына, что заставило его бежать из страны. На престол она возвела своего младшего сына – Птолемея-Александра. Однако тот хорошо знал свою мать и не доверял ей. При первых же признаках недовольства Клеопатры

Птолемей-Александр сбежал. Клеопатра, приготовив яд, настоятельно призывала сбежавшего царя вернуться в Александрию, но отравить непослушного сына ей не удалось – он опередил ее.

Следует сказать, что у Птолемея-Александра была первая жена, которую он отверг ради своей сестры Клеопатры Селены (она также звалась Клеопатрой и была его же сестрой). Когда родной брат-муж бросил ее, в 117 году до н. э. она вышла замуж за двоюродного брата Антиоха Кизикского, занимавшегося в это время ведением междоусобной войны с собственным братом, Антиохом Гриппом. Попав в плен к Антиоху Гриппу, Клеопатра была отравлена его женой, которая люто ревновала пленницу к мужу. Что интересно, отравительница также носила имя Клеопатра, но с приставкой Трифена, и одновременно была сестрой своей жертвы. Муж отравленной Клеопатры, Антиох Кизикский, отомстил убийце.

После всех этих запутанных отношений и семейных отравлений история наиболее известной Клеопатры, дочери египетского царя Птолемея, представляется слишком банальной. В 52 году до н. э., в 17 лет, она стала сопровительницей и женой своего девятилетнего брата Птолемея XII. Когда ее изгнали, она пленила красотой Цезаря, несмотря на свой известный в истории длинный нос. Он передал ей правление. У нее родился сын Цезарион, признанный Юлием Цезарем своим наследником. Когда же убили Цезаря, Клеопатра в образе Венеры покорила Антония. В битве при Акциуме Клеопатра первая обратилась в бегство со своими 60 кораблями, а затем ложным известием о самоубийстве довела Антония до решения наложить на себя руки, а потом, после неудавшейся попытки прельстить своей красотой Октавиана, отравилась ядом или, быть может, приложила к своей груди ядовитую змею. Словом, сюжет достаточно ясный. Кстати, Октавиан Август хотел сохранить Клеопатре жизнь: он даже посылал к ней псиллов (лекарей), чтобы те высосали яд из ранки.

Так что все Клеопатры, похоже, были одинаково несчастны, независимо от того, кто из них был красивее.

НЕСЧАСТНЫЕ ПТОЛЕМЕИ

Династия египетских Птолемеев постепенно все слабела. Упадок начался уже при внуке основателя династии Птолемея I, который звался Птолемей IV.

Птолемей IV Филопатор правил с 221 по 204 год до н. э. Будучи самовластным и могущественным, Птолемей правил кроваво и жестоко, а от жестокостей своих отдыхал развратничая. У подданных он получил прозвище Трифон – изнеженный. Видя, что дела в государстве идут все хуже и хуже, царь потреблял все больше и больше алкоголя и бывал трезв лишь тогда, когда совершал богослужения. Он слушался советов только любовницы Агатоклеи и гетер, нашептывающих ему свои просьбы. Но изданные в пьяном угаре указы Птолемея проходили цензуру у военачальника Сосибия, который фактически и осуществлял функции правителя.

Оставляя Филопатру написание героических трагедий и постройку храма великого Гомера, Сосибий воевал в Сирии с Антиохом и вмешивался в дела Греции. Сосибий правил страной по-военному, казня любого, кто посмел поднять голос против него.

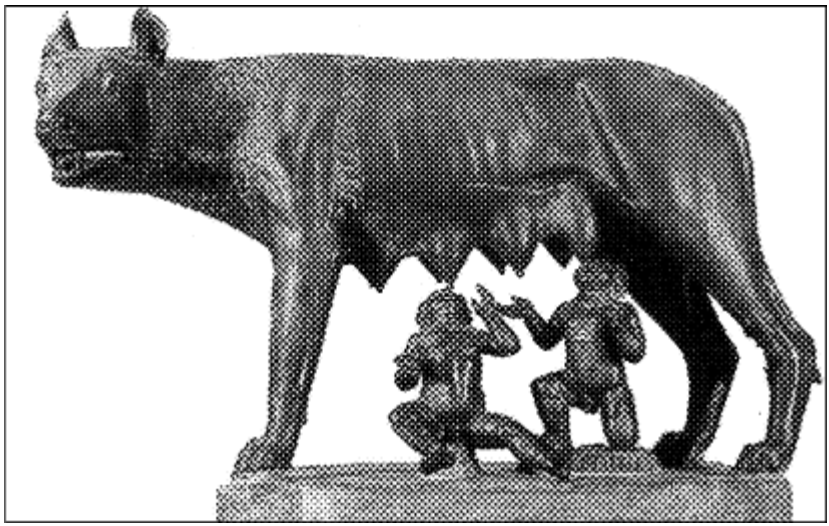
Желая окончательно упрочить свое влияние на Птолемея, Сосибий вместе с помощником Агафоклом убил мать царя, Беренику II, и его брата Мага. Но, войдя во вкус, Сосибий уже не мог остановиться и заодно подсыпал яд самому Птолемею. В день загадочной смерти царя была убита и его жена, Аренноя III. Царем Египта стал сын отравленного, Птолемей Эпифан V. Но так как ему было всего шесть лет и он был сирота, то регентом при юном царе стал Сосибий, рядом с ним – верный помощник Агафокл. Страна строевым шагом маршировала к благоденствию.

Такие же сложные династические распри происходили в соседнем с Римом государстве – Парфии. Здесь полководец тоже затмил славу царя, но все повернулось иначе, чем в Египте.

Один из членов римского триумвирата Марк Красе, оставив Цезаря и Помпея разбираться между собой, отправился на поиски славы и денег в Азию. Денег он там нашел предостаточно, а вот славы не очень. После того, как войска Красса прошлись по сирийским землям, он направил свои легионы за Евфрат, в земли парфянского царства. Правящий в Парфии царь Ород, не чувствуя в себе достаточных сил, чтобы противостоять римлянам, принял командование войсками, которые выступили против Армении, а на Красса направил войска во главе с полководцем Суреном (говорят, что Сурен(а) – это не имя, а почетное звание). Хорошо экипированная парфянская конница и умелое командование Сурена позволили быстро разобраться, что положение легионов, шагающих по пустыне вдали от баз снабжения, весьма нелегкое. В июле 53 года до н. э. Красе и большая часть легионеров погибли, кое-кто сумел уйти в Сирию, пленных парфяне отправили в гарнизоны на индийской границе. Для Орода же главное было то, что Сурен обрел лавры победителя римлян, которые до того неоднократно били парфян. Пришлось Сурена убрать. Но и после убийства полководца Ород не обрел спокойствия. Его здоровье начало резко ухудшаться, болезнь постепенно осложнилась водянкой. Тогда его второй сын Фраат, завидовавший славе отца – победителя римлян, решил отравить его. Но болезнь воспрепятствовала проникновению яда, и отрава вышла из организма вместе с водой, больному же полегчало. Тогда Фраат выбрал более надежный способ покончить с царем: он задушил его. Завистливый сын стал править под именем Фраата III, а чтобы память про Сурена и Орода исчезла совсем, вернул

римлянам знамена и орлов легионов Красса.

ЯД НА РИМСКИХ ХОЛМАХ



В первом своде римских законов за убийство с помощью яда предполагалась смертная казнь. Но в знаменитых законах XII таблиц (451–450 гг. до н. э.) уже была оставлена лазейка для отравителей: «Если кто-либо говорит об яде, то должен добавить, вреден ли он или полезен для здоровья, ибо и лекарства являются ядом». В императорском Риме отравления приобрели настолько массовый характер, что пробователи пищи объединились в особую коллегию, как и ремесленники. Единственным отличием этого объединения от других было то, что состав коллегии быстро обновлялся. Обычай чокаться также пришел из Рима и был связан с необходимостью показать, что в вине нет яда, путем выплескивания его из одного кубка в другой.

Но несколько веков в Риме происходили массовые отравления граждан, не подпадавшие ни под один закон. Римляне практиковали использование свинцовых труб для проведения городского водопровода. Вода в них содержала недопустимо высокую концентрацию свинца, что приводило к болезням и даже смертельным случаям. Некоторые историки связывают падение Римской империи с массовым отравлением свинцом, вызвавшим постепенную деградацию населения Рима, в том числе и знати в императорском дворце.

Первое судебное дело об отравлениях было рассмотрено в Риме в 331 году до н. э. Отравления обрушились на знатных патрициев как эпидемия, которой и приписывали поначалу происходящее. Однако слуги и домочадцы умерших от неизвестной болезни патрициев заподозрили неладное. По

доносу некоей рабыни дело о внезапной эпидемии поступило в сенат: у патрицианок, имена которых сохранила история – Корнелия и Сергия, были обнаружены различные снадобья, но они уверяли, что это лекарства, а не яды. Однако, когда их заставили показать безопасность этих лекарственных средств на себе, они погибли. При расследовании было выявлено и казнено 100 женщин-отравительниц.

По римскому законодательству преступления, связанные с отравлениями, так же как и предательство, заговор, убийство из-за угла, относились к категории государственных преступлений и подлежали ведению сената, а расследование поручалось претору. На частых судебных разбирательствах, связанных с отравлениями, римские адвокаты составили состояние. А дела порой были настолько запутаны, что процессы тянулись годами. Вот пример такого запутанного дела, известного по «Речи в защиту Клуенция Габита», которую произнес на суде известный римский оратор и адвокат Цицерон. Попробуйте, дорогие читатели, разобраться в сути дела – это история матери, женившей на себе мужа своей дочери, а затем его убийцу, до этого женатого пять раз и избавлявшегося от своих жен с помощью разного рода преступлений. Она отравила своего мужа-убийцу и затем обвинила в этом отравлении собственного сына. И таких дел было множество. В одном из них участвовал Цицерон. В 56 году до н. э. Клодия, жена претора Целера, обвинила своего любовника Целия в попытке отравить ее. Цицерон взял на себя защиту Целия.

Большую роль во всех этих уголовных преступлениях играли врачи. Причем, в Риме врачами были только иностранцы – рабы или вольноотпущенники, римляне считали это занятие низким. Поэтому, давая или продавая яд клиенту, врач не испытывал особых угрызений совести – не своих же травит! Иногда врач отравлял больного просто по незнанию, так как врачами порой назывались лишь для того, чтобы облегчить участь раба.

Плиний Старший возмущался, что врачи плохо ориентируются в свойствах и названиях препаратов и, например, вместо индийской киновари добавляют в лекарство сурик, а сурик – яд. Катон Старший вообще зачислял римских врачей в одну группу с отравителями. Зато большинство из лекарей соревновались между собой в придумывании снадобий, для приготовления которых использовали самые экзотические заморские компоненты, в результате взвинчивая стоимость лекарств до астрономических сумм. По сведениям Плиния, придворный лекарь получал 250 000 сестерциев в год. В истории остались имена известных врачей Древнего Рима. Эвдем – личный врач и друг Ливии, жены Друза, сына Тиберия, помогал ей, пока

ее муж не умер от яда. Знаменитой Мессалине, жене Клавдия, помогал ее врач Валент.

Для приготовления снадобий римские врачи использовали книгу о лекарственных травах Диокла из Корисста (I век до н. э.), а также труд о травах Диоскуриада. Рецепты составлялись по книге Секстия Ингера и Скрибония Ларса (I век н. э.). Позднее были составлены обширные своды лекарственных средств Квинта Серена (III век), Марцелла Эмпирика (406 год) и Феодора Присциана (408 год). В этих книгах, кроме безобидных рецептов, давались сведения о ядах, о магических обрядах. И то, и другое римские лекари широко использовали в своей практике.

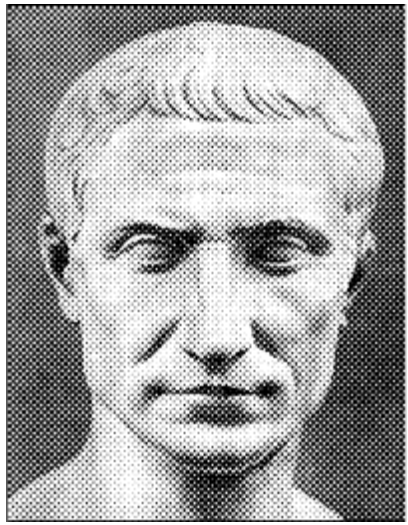
В Риме хорошо знали двух братьев, греков с острова Кос: Квинта Стертиния и Гая Стертиния – римские имена они приняли, по всей видимости, став вольноотпущенниками. Первым начал свою деятельность в Риме Квинт Стертиний – вероятно, в 30-е годы I века н. э. Затем он обучил брата и выхлопотал ему место придворного лекаря императора Клавдия. По версии Тацита, Агриппина, последняя жена Клавдия, желая освободить для Нерона престол, воспользовалась услугами придворного врача, который во время пира «как бы затем, чтобы вызвать рвоту, ввел в горло Клавдия смазанное быстродействующим ядом перо, хорошо зная, что хотя затевать величайшее преступление невозможно, не подвергаясь опасности, зато преуспевший в них щедро вознаграждается». Тем временем частная практика в городе приносила Квинту Стертинию еще больший доход, чем его брату служба при дворе. Братья построили себе роскошные виллы под Неаполем, оставив наследникам более 30 млн сестерциев. На вопрос: «В чем сила, брат?», они могли смело отвечать: «В ядах».

Из этого следует, что еще более, чем в среде римских патрициев, яды были распространены при императорском дворе. В римском законодательстве известен закон Корнелия, который ввел диктатор Корнелий Сулла. В 82 году до н. э. он развязал террор, используя особые списки жертв – проскрипции. Любой римлянин мог безнаказанно убить человека, занесенного в эти списки, и получить часть его имущества. Но одновременно Сулла издает закон, запрещающий убийства и отравления, – за них налагаются крупные штрафы. О противоречии этого закона и реальности не раз говорил Цицерон, который и сам позднее попал в проскрипционный список Антония.

ЯД ИЗ РУКИ ЦЕЗАРЯ

Даже знаменитый полководец Юлий Цезарь в начале своей карьеры не гнушался яда. Будучи консулом, он для дискредитации враждебной ему в сенате партии нанял доносчика; тот должен был объявить, что его подговаривали убить Помпея, и, представ перед ростра[3], назвать имена подстрекателей. Но так как одно или два из этих имен были названы «для вида» и только возбудили подозрения в обмане, Юлий Цезарь разочаровался в успехе столь опрометчивого замысла и, как полагают, устранил доносчика ядом. Однажды и на Цезаря покушались. И опять яд. Юлию пришлось казнить раба Филемона, своего секретаря, который обещал врагам отравить его. Но казнил, правда, гуманно, без пыток.

Его наследник, божественный Август, в начале своей карьеры тоже испробовал щепотку яда. Октавиан Август в 43 году до н. э. начал свое правление с войны против бывшего соправителя Марка Антония. Правда, война началась, когда подосланные Августом наемные убийцы не справились с заданием. Война была молниеносной и закончилась через два месяца. Воспользовавшись боевыми действиями, Август убрал тех, кто ему не нравился. Консула Гирция он убил в спину в бою. А консул Панса умер от подсыпанного ему в рану яда. Желая отвести от себя подозрения, Август дал приказ арестовать врача консула, Гликона, по обвинению в отравлении. Еще раз Август использовал яд против своего сына. Друз, сын Августа, был известным полководцем, за подвиги в войне с германцами его удостоили оваций и триумфа. Но умер он внезапно, совсем молодым, в летнем лагере от странной болезни. Этот лагерь римляне потом так и называли «проклятый». Умер, потому что был неосторожен. Вслух говорил о своем намерении вернуть прежний республиканский строй. Август заподозрил его в заговоре и отозвал из провинции, подальше от армии. Но так как Друз медлил с отъездом, то император уверился в своих подозрениях и по прибытии сына в летний лагерь отравил его.



Яд использовался и для сведения счетов с жизнью. Если это происходило в присутствии свидетелей, то сенат не считал это преступлением, хотя император мог объявить самоубийцу преступником. При Тиберии многие из тех, кого вызывали на суд, закалывались дома, уверенные в осуждении, избегнув тем самым травли и позора; многие принимали яд в самой курии; но и тех, и других, с перевязанными ранами, полуживых или даже умирающих волокли в темницу.

В Риме было широко известно мужественное самоубийство одного из врагов римлян в Союзнической войне полководца Гая Ведацилия. В 90 году до н. э. началось восстание жителей латинских городов против Рима. Гай Видацилий, Тит Лафриний и Публий Веттий около Фалернской скалы, соединивши свои войска, обратили в бегство когорты Гнея Помпея и преследовали его до города Фирма. Лафриний со своим войском остался у Фирма, осаждая запершегося в городе Помпея, но потерпел поражение, был убит, а его войска бежали в Аускул. Помпеи, воодушевленный победой, пошел на Аускул и приступил к его осаде. Город Аускул был родиной Видацилия. Он поспешил на выручку с восемью когортами, однако жители отказались ему помочь. Тогда Видацилий прорвался в город и с силами, которые он смог собрать, обрушился на жителей Аускула, обвиняя их в трусости и неповиновении. Не надеясь отстоять город, Видацилий напоследок перебил всех живших там своих врагов. Затем в храме был сооружен костер, и на нем было поставлено ложе. Видацилий устроил пир. Во время питья из круговой чаши он принял яд и, возлегши на костер, велел друзьям поджечь его. Таким образом Гай Видацилий, сочтя своей долгом умереть за родину, покончил с собой.

Первым из римских императоров, ставших на скользкую

дорожку отравителей, был Тиберий из рода Клавдиев. Он наследовал трон императора в 14 году до н. э. у своего приемного отца, Октавиана Августа, но характером пошел в мать, Ливию. Она отравила своего мужа, дала яд не одному родственнику императора Августа. Сыновья Марка Агриппы, Гай и Луций, были усыновлены Октавиа-ном. Но они мешали Ливии. На пути к испанским владениям Луций внезапно умер, а Гай, вернувшись из Армении раненным, быстро угас. Медленно отравляя Августа, Ливия довела его до смерти. Предчувствуя свою кончину, император, подозревая Ливию, направил Фабия Максима на остров Планазию, чтобы вернуть в Рим своего непутевого внука, Агриппу Постума, и передать ему трон. Максим открыл эту тайну жене Марции, а та рассказала Ливии. В результате Максим никуда не поехал, а внезапно умер. Агриппу впоследствии задушили.

Правление Тиберия стало шоком для римлян, которые привыкли к благородной тирании предыдущих императоров. Казни, пытки, конфискации, извращения, прелюбодеяния как из рога изобилия обрушились с приходом к власти Тиберия. Не зная удержу в своих преступлениях, новый император не чурался и ядов – как возможности решить дело в свою пользу без особых хлопот. Он даже бравировал своей безнаказанностью.

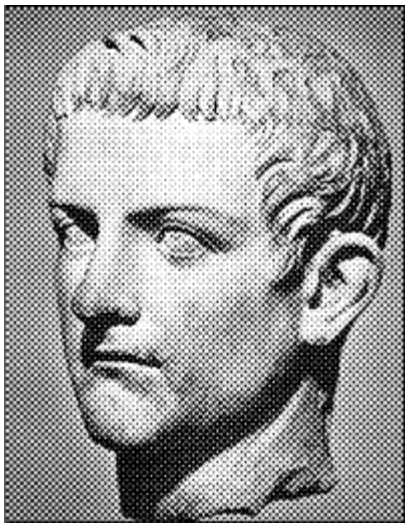
Агриппина, его невестка, после смерти мужа жила во дворце, и Тиберий никак не мог найти предлога для ее удаления. Однажды за обедом он протянул ей яблоко, но она не решилась его отведать. После этого он даже не приглашал ее к столу, объявив, что его обвиняют в отравлении. Между тем и то и другое было подстроено заранее: он должен был предложить ей яблоко для испытания, она – отказаться от него как от заведомой гибели. В конце концов Тиберий постоянными придирками довел свою невестку до самоубийства.

Глядя на императора, его окружение тоже использовало простой путь для решения личных проблем. Жертвой стал сын Тиберия Друз, его любимец, внезапно умерший в Риме. Сначала император подумал, что Друз в свои 23 года погиб от дурной болезни и невоздержанности; но когда он узнал, что его отравила жена Ливилла и ближайший помощник Луция Элия Сеян, не было никому спасения от пыток и казней. Дни и ночи проводил Тиберий в пыточных камерах, разбирая многочисленные доносы. Но Сеяна он не покарал, а возвысил, чтобы покончить с потомством Германика, скончавшегося в Сирии, но тот, к сожалению римлян, не преуспел в этом деле, и Сеяна в 31 году казнили.

Умер Тиберий не своей смертью, ибо в атмосфере созданной

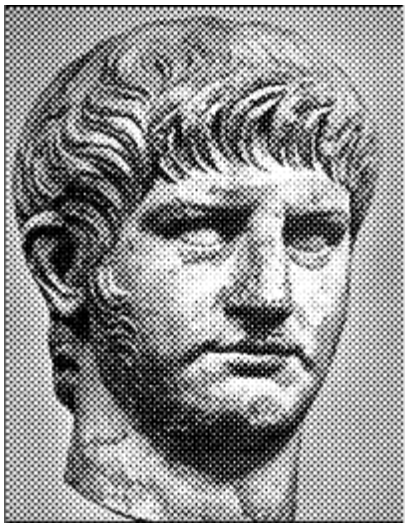
им всеобщей ненависти умереть своей смертью было бы счастьем и удачей. Умер он на Лукулловой вилле, так как давно по наущению Сеяна уехал из Рима, в возрасте 78 лет на 23-м году правления. Болезнь началась с болей в боку. Некоторые современники полагали, что медленный и разрушительный яд Тиберию подсыпал внучок Гай, сын Германика, который втерся в доверие к жене Макрона, командира преторианской гвардии, и благодаря ей сумел подсунуть деду отраву. Умирающий еще дышал, когда Гай велел снять у него с пальца перстень с императорской печатью. Но нетерпеливому внуку показалось, что дед сопротивляется. Тогда Гай приказал накрыть Тиберия подушкой и сдавил ему горло. Внук был достоин своего деда, а после смерти Тиберия даже превзошел его. Но жители Рима не могли предвидеть будущего и поэтому встретили смерть Тиберия ликованием. А внук Гай, которого прозвали Калигула, почтил Тиберия похвальным словом и пышными похоронами.

ОТ КАЛИГУЛЫ ДО НЕРОНА



Калигула

Наиболее одиозными фигурами среди римских императоров были Гай Калигула и Нерон. Они остались в истории во многом благодаря различным злодействам. Не на последнем месте в арсенале их преступных средств были яды, жертвами которых стали их близкие, приближенные и просто те, кому посчастливилось жить в Риме во времена правления императоров отравителей.



Нерон

Германик, отец Гая Цезаря Калигулы, был сыном Друза. Усыновленный Тиберием, своим дядей по отцу, стал консулом. Когда он был послан к войскам в Германию, пришла весть о кончине Августа, но все легионы решительно отказались присягать Тиберию и предложили Германику верховную власть, но Германик успокоил их, а потом разбил врагов и отпраздновал триумф. Он вторично был избран консулом, но еще до вступления в должность был отправлен навести порядок в провинциях на Востоке. Здесь, победив царя Армении, обратив Каппадокию в римскую провинцию, скончался на 34-м году жизни (19 год до н. э.) в Антиохии – как подозревали современники, от яда. На всем его теле проявились синие пятна, на губах выступила пена. Кроме того, сердце его при погребальном сожжении было найдено среди костей невредимым; а считалось, что сердце, тронутое ядом, по природе своей не может сгореть. Перед кончиной Германика в его доме нашли извлеченные из могил человеческие останки, начертанные на свинцовых табличках заговоры и заклинания, полуобгоревший прах, сочащийся гноем. Смерть Германика приписывали приказу Тиберия и стараниям Гнея Пизона, наместника Сирии, которому из-за злоупотреблений Германик приказал покинуть провинцию. Признаки отравления проступили на теле не отчетливо, но тело все же сожгли. А чтобы окончательно замести следы, исполняющий обязанности наместника Сирии Сенций отравил в Риме известную составительницу ядов Мартину. Позднее сенат за это убийство приговорил Пизона к смертной казни.

Из Сирии же впоследствии, по приказу Калигулы, в колоссальном количестве ввозили обнаруженный в этой стране минерал аурупигмент. Император намеревался получить из него золото для своей казны, так как минерал своим цветом был схож с благородным металлом, но после обработки получался яд – мышьяк.

Калигула («сапожок» – так его ласково прозвали солдаты германских легионов) после трагической смерти отца Германика, а позже и матери, несколько лет воспитывался в доме своей бабушки Антонии. Добрая матрона хорошо изучила характер внука и не ждала от него ничего доброго в будущем. От зоркого ока Антонии не укрылись признаки извращенной натуры мальчика. Она понимала, сколько хитрости и актерства таится в красивых жестах нового властителя. Более того, когда Калигула дорвался до императорского трона, у Антонии хватило мужества порицать императора столь же сурово и откровенно, как и тогда, когда он был маленьким и дерзким мальчишкой. Калигула не простил ей этого.

Об истинных причинах смерти Антонии ходили разные слухи. Одни говорили, что она умерла после того, как внук грубо обошелся с ней, другие утверждали, что она сама свела счеты с жизнью, а некоторые твердили, что Антонию отравили. Так или иначе, но император даже не принял участия в похоронах бабки. Из окон дворцовой трапезной он спокойно наблюдал, как где-то вдали поднимается дым погребального костра.

Неожиданно для всех, даже для самого себя, Калигула казнил своего брата Тиберия, прислав к нему военного трибуна. Причиной стал запах лекарств, который шел от Тиберия, как будто Калигула боялся, что брат его отравит, и принял меры предосторожности. «Как? Противоядие против цезаря?» – и брата не стало. Богатые римские граждане, боясь конфискаций, в своих завещаниях объявляли императора сонаследником. А Калигула считал для себя оскорблением, что после такого объявления они еще продолжают жить, и многим из них он посылал отравленные лакомства.

Прожил Калигула 29 лет, правил 3 года, 10 месяцев и 9 дней. Он был великим знатоком ядов, знал их свойства, составлял различные смеси и, по-видимому, проверял их на рабах. Когда гладиатор по имени Голубь одержал победу, но был слегка ранен, Калигула вложил ему в рану мазь из смеси ядов, которую с момента смерти гладиатора начал называть «голубиной» и записал под этим названием в список своих отрав. Однако, несмотря на эти знания, Калигула все-таки попробовал и на себе некую отраву. Его любовница, а потом и жена, Цезония не отличалась особой красотой, поэтому она решила испробовать на муже привораживающее зелье, которое должно было вызвать в нем любовь, а вызвало безумие.

После смерти Калигулы был обнаружен огромный ларь, наполненный различными ядами. Преемник Калигулы, Клавдий, сжег содержимое этого зловещего ларя, сгорели и яды, и записи императора-отравителя. Но, кстати, от яда уберечься Клавдию не удалось, а наследовал ему Нерон, который перещеголял в преступлениях даже Калигулу.

У Нерона тоже был конфликт с близкой ему женщиной – матерью. Она сыграла в становлении характера императора большую роль. В 41 году Агриппина, мать Нерона, после гибели Калигулы почувствовала, что ее положение упрочилось. Из ссыльной на Понтийские острова она превратилась в племянницу императора и заняла подобающее ей место на римских холмах. Ей удалось развести и женить на себе Криспа Пассивна, имевшего огромное состояние, оцениваемое в 200 миллионов сестерциев. Но брак Агриппины и Пассивна оказался бездетным. А поскольку

у него не было потомства и от предыдущей жены, он объявил своими наследниками жену и пасынка Луция, сына Агриппины от первого брака с Домицием. Судьба Пассивна после составления завещания была предрешена. Предусмотрительная супруга и заботливая мать, боясь, как бы завещание не претерпело ненужных ей изменений, отравила мужа. По крайней мере, так решительно утверждал весь Рим.

Следует добавить, что женщины в Древнем Риме не отставали в применении яда от мужчин, а иногда даже отличались большей жестокостью. Вот история из времен раннего Рима. У римского царя Тарквиния Древнего было два сына – Луций и Арруний, женатые на сестрах Тулли-ях, дочерях царя Сервия Туллия. Одна из них, Туллия, имела свирепый и властолюбивый нрав. Она отравила своего мужа, не имевшего амбиций, и свою сестру, и вышла замуж за Луция. Его она подговорила убить своего отца Сервия. После совершения злодейства Туллия, смеясь, промчалась по телу отца на колеснице.

Пока юного Нерона воспитывал философ Сенека, Агриппина продолжала восхождение по социальной лестнице. Осенью 48 года недоброжелателями и врагами была убита жена императора Клавдия Мессалина. Следующей претенденткой на императорское ложе стала Агриппина, опиравшаяся на клику вольноотпущенников. 25 февраля 50 года она уговорила своего нового мужа усыновить ее сына Луция Домиция, чье полное имя после усыновления императором стало звучать: Нерон Клавдий Друз Германик Цезарь. «Нерон» – слово сабинское, означает «мужественность». Эту «мужественность» и пришлось потом испытать на себе его матери.

Так же, как и судьба Пассивна, после подписания завещания судьба императора Клавдия была предрешена чадолюбивой Агриппиной. Упреждая возможные шаги Клавдия против нее и ее сына, она сделала все, чтобы закрепить победу. Октябрь 54 года стал для Нерона и его матери триумфальным на пути к трону.

Как ей удалось совершить преступление? Лишь несколько лиц было посвящено в это мрачное дело. Неизвестно почему, но никто из них так и не проговорился. Дворцовой прислуге известны были только отдельные детали событий, а их можно истолковать по-разному.

Император занемог сразу же после вечернего пира, на котором было подано одно из его любимых блюд – грибы. Существовал обычай: каждое блюдо властителя предварительно пробовал так называемый прегустатор, как правило, один из самых доверенных вольноотпущенников. Итак, тому, кто хотел подсыпать яд в блюдо, предстояло вовлечь в дело и прегустатора,

которым в то время был Галет. Некоторые утверждали, что он действительно подал грибы с ядом, изготовленным отравительницей Локу-стой.

По рассказам очевидцев, яд подействовал не сразу. Но другие утверждали, что тотчас после этого блюда у Клавдия началась рвота. Ужас охватил посвященных. Агриппина кивнула Гаю Стертинию, личному врачу императора, которому тот полностью доверял. Лекарь подбежал, якобы для того, чтобы помочь Клавдию, сунул ему глубоко в горло перо, употребляемое для вызова рвоты, однако и оно было смазано сильнодействующим ядом.

Император промучился всю ночь. Умер он только на рассвете. Смерть Клавдия скрывали от подданных в течение несколько часов. И только в полдень, когда преторианцы твердо определились в своих намерениях поддержать Нерона, было объявлено: «Только что император скончался. Приветствуем преемника – любимого сына его, Нерона Клавдия Друза Германика Цезаря!» Нерон не был инициатором умерщвления Клавдия, но знал о нем и не скрывал этого: так, белые грибы он с тех пор называл по греческой поговорке «пищей богов», потому что белые грибы, поднесенные Клавдию, были отравлены.

Мечта Агриппины осуществилась, рядом со своим семнадцатилетним сыном она стала фактической правительницей империи. На римских монетах появилась надпись: Agrippina Augusta DM Claudii Neronis Caesaris – Агриппина Августа, жена Божественного Клавдия, мать Нерона Императора. На другой стороне монеты гораздо более скромно перечислялись титулы Нерона.

Но Агриппина забыла, что сын был плотью от плоти ее. Материнские объятия на троне совсем не нравились молодому императору, но мать и ее яды были ему еще нужны. А потенциальным врагом был Британик, настоящий сын Клавдия, который скрывался где-то в темных переходах дворца. 12 февраля Британику исполнилось четырнадцать лет, он по римскому закону стал совершеннолетним. Положение было угрожающим, так как он мог претендовать на трон отца, но через два месяца угроза была ликвидирована.

Была привлечена уже известная нам Локуста. Она приготовила яд для Британика, но доза была недостаточна, и Британик отделался только послаблением желудка. Нерон был так разъярен, что избил отравительницу и заставил ее прямо у себя в опочивальне сварить новый яд. Его испытали на козле, который погиб через пять часов, снова перекипятили и дали поросенку, околевшему на месте. Судьба Британика была решена.

Так повелось, что вся императорская семья одновременно приступала к трапезе. Британик, как подросток, ел отдельно вместе со своими друзьями по играм. Их осталось совсем немного, но Тит, сын Веспасиана, продолжал бывать во дворце, именно он и стал свидетелем, рассказавшим правду о происшедшем. Блюда, подаваемые Британику, сначала пробовал, как и у императора, специальный прегустатор. Во время обеда ему прямо из кухни принесли какое-то кушанье; прегустатор снял пробу и подал блюдо мальчику, но оно было слишком горячее, и тот не пожелал его есть. Тотчас же туда влили кружку холодной воды. Британик, едва прикоснувшись к еде, через короткое мгновение парализованный упал на ложе. Тит, возлежавший рядом с ним, уже подносил ко рту кушанье из той же миски, из которой минуту назад зачерпнул его товарищ, но стоило ему взглянуть на соседа, как он уже не мог проглотить ни крошки. Британик не в состоянии был издать ни звука, он начал задыхаться. Некоторые сотрапезники вскочили с мест. Другие замерли, не шевелясь. Все взоры обратились к Нерону. Тот лежал, небрежно опершись на ложе, словно бы ничего не произошло. Он спокойно заявил: «Это из-за падучей. Он страдает ею с раннего детства. Сейчас придет в себя».

Агриппина и Октавия, родная сестра Британика, сохраняли невозмутимое спокойствие. Но в их глазах отражался смертельный ужас. Юношу вынесли из зала. Снова зазвучали веселые застольные беседы и музыка. Тело Британика сожгли в ту же ночь.

Ликвидировав соперника, Нерон предопределил участь матери, которая была уже не нужна. В марте 59 года он окончательно решил избавиться от ее опеки. Понимая, что в отношении ядов она будет особенно осторожна, любящий сын организовал ряд покушений, которые оказались неудачными. Три раза давал он матери яд, но он не подействовал. И когда Нерон понял, что она постоянно принимает противоядие, то Агриппина была просто заколота мечом.

После смерти матери Нерон извел и своего наставника – философа Сенеку. Он заставил его покончить с собой, хотя Сенека не раз просил позволить ему уехать с императорских глаз долой и отказывался от богатства. Но Нерон каждый раз давал священную клятву, что подозрения философа напрасны и что он скорее умрет, чем причинит наставнику зло. Но Сенека все-таки умер, перерезав себе вены из-за коварства Нерона.

Близкие к императору люди продолжали гибнуть вокруг Нерона. Бурру, начальнику преторианцев, он пообещал дать лекарство от болезни горла, а послал ему яд.

Вольноотпущенников, богатых и дряхлых, которые были когда-то помощниками и советниками при его усыновлении императором и воцарении, извел отравой, подсыпанной им в пищу или питье.

Когда начались волнения в войсках и восставшие подходили к Риму, Нерон в целях безопасности решил отравить весь сенат, но сенаторы были люди опытные и спрятались на конспиративных квартирах.

От меча, как и его мать, погиб и сам Нерон, яд Локус-ты, который он хранил на черный день в ларце, пропал, когда слуги разбежались, заодно ограбив дворец. И императору, бежавшему из своих покоев, пришлось принять смерть от руки собственного раба, который зарезал своего господина.

БИБЛИЯ И ЯД

В Книге книг Библии неоднократно упоминаются различные яды. На древнееврейском языке слово «яд» звучало как «рааль». В тексте священной Книги яд часто называют словом «желчь».

Иеремия 8:14: «Что мы сидим? Собирайтесь, пойдем в укрепленные города, и там погибнем; ибо Господь, Бог наш, определил нас на погибель и дает нам пить воду с желчью за то, что мы грешили пред Господом». Там же 9:15: «Посему так говорит Господь Саваоф, Бог Израилев: вот, Я накормлю их, этот народ, полынью, и напою их водою с желчью».

Так как народ Израиля много времени проводил в пустыни, в Библии часто упоминаются ядовитые змеи и их яд. «Мерерах» – яд змеи, который, по мнению древних, находился в их желчи. Книга Иова 20:14: «То эта пища его в утробе его превратится в желчь аспидов внутри его». Лука 10:19: «Се, даю вам власть наступать на змей и скорпионов и на всю силу вражию, и ничего не повредит вам». (Кстати, именно на эту цитату ссылаются пасторы некоторых христианских общин в глухих уголках запада и юга США, поощряя свою паству во время радений брать в руки ядовитых змей). Числа 21:6: «И послал Господь на народ ядовитых змеев, которые жалили народ, и умерло множество народа из сынов Израилевых». Ядовитая змея не причиняет никакого вреда проповедующему язычникам апостолу Павлу.

К ядам относилось и слово «рош» (змеиный яд). Оно встречается в Книге Иова 20:16: «Змеиный яд он сосет; умертвит его язык ехидны». Амос 6:12: «Вы между тем суд превращаете в яд и плод правды – в горечь».

В Откровении Иоанна Патмосского также упоминается отрава. Когда вострубил Третий Ангел: «И третья часть вод сделалась полынью, и многие из людей умерли от вод, потому что они стали горьки…» Пятый Ангел насылает на землю саранчу, но необычную, а с ядом. «…И мучение от нее подобно мучению от скорпиона, когда ужалит человека».

Случай массового отравления описан в Книге Чисел, когда Господь послал во второй раз странствующим по пустыне евреям, которые стали роптать на невкусную манну небесную, стаю перепелок, летевших из-за моря. Числа 11.33: «Мясо еще было в зубах их и не было еще съедено, как гнев Господень возгорелся на народ, и поразил Господь народ весьма великою язвою». 11.34: «И нарекли имя месту сему «Гробы прихоти», ибо там похоронили прихотливый народ». Это место в Библии нашло свое научное подтверждение. Директор Пастеровского института в Алжире, профессор Сержон, открыл, что на Синайском полуострове время от времени действительно появляются «ядовитые перепелки». Эти птицы перед отлетом в Европу собираются в Судане и едят там зерна, которые содержат яд, не действующий на их организм, но опасный для тех, кто попробует их мясо.

Пищевое отравление описано и в истории о пророке Елисее. Четвертая Книга Царств. 4:38–41: «Елисей же вернулся в Галгал. И был голод в земле той; и сыны пророков сидели пред ним. И сказал он слуге своему: поставь большой котел, и свари похлебку для сынов пророка. И вышел один из них в поле собирать овощи, и нашел дикое вьющееся растение, и набрал с него диких плодов полную одежду свою. И пришел и накрошил их в котел с похлебкою, так как они не знали *их.* И налили им есть. Но как скоро они стали есть похлебку, то подняли крик, и говорили: смерть в котле, человек Божий! И не могли есть. И сказал он: подайте муки. И высыпал ее в котел, и сказал *Гинезию:* наливай людям, пусть едят. И не стало ничего вредного в котле». Вероятно, дикорастущее растение имело плоды, содержащие вредные токсины, а пророк Елисей знал, как их нейтрализовать, и сумел спасти голодных трапезников. Знания о ядовитых и лечебных травах героям Библии даровал Господь. Так, посланник

небес архангел Рафаил обучает Ноя после потопа, как различать целебные травы. Рафаил предстает перед патриахом в образе змеи.

О ядах упоминается и в связи с апокрифической историей жизни Иоанна Богослова. Перед тем как император Домициан сослал Иоанна Богослова на Патмос, его пытали и хотели умертвить у Латинских ворот Рима, но ни кипящее масло, ни яд не смогли повредить святому (возможно, роль противоядия сыграло обещание Христа: «…и если что смертоносное выпьют, не повредит им». Евангелие от Марка 16:18). На иконах Иоанна Богослова часто изображают с сосудом в руках, из которого исходит демон яда в виде змейки.

ИМПЕРАТОРЫ И ЯДЫ

Виттелий, надевший на себя императорскую тогу в 69 году, был женат на Петронии, дочери консула, и имел от нее сына Петрониана, незрячего на один глаз. Петрония, хорошо зная жадность мужа, свое состояние оставила сыну с условием, что он выйдет из-под опеки отца. Виттелий ласково поговорил с сыном, а вскоре, как полагают, отравил его, уверяя, что сын покушался на отцеубийство, но от угрызений совести сам выпил яд, предназначенный отцу. Знатных людей, особенно своих сверстников, Виттелий всячески обхаживал, заискивая перед ними, чуть ли не делился с ними властью, а потом с присущим ему коварством убивал. Одному из облагодетельствованных он своими руками подал отраву в холодной воде, когда тот в горячке попросил пить. Еще не будучи императором, Виттелий поверил в предсказание, что станет правителем лишь после смерти родителей. Тогда он решил уморить мать голодом, а когда она попросила яд, то получила его от сына тут же.

Император Траян (98-117 гг.) под страхом наказания запретил выращивать в садах аконит, т. к. сок растения уж очень часто использовался для убийства и самоубийств. Во время царствования Септимия Севера (193–211 гг.) вышло постановление: если отравитель – человек из народа, отправить его на работу в рудники; если знатное лицо – подвергнуть заключению, даже если при этом не был причинен вред. Если же отравление закончилось смертью – смерть ожидала того, кто дал яд.

Но сын его, Марк Аврелий Антонин (Каракалла), не считался с отцовским законом. Каракалла царствовал шесть лет (211–217 гг.) и был убит, как и его предшественники. После смерти Каракаллы во дворце было найдено множество ядов, которые ему присылали из Азии частью в дар, а частью за очень большие деньги. Предания называют имена его сподвижников, умевших смешивать яды и занимавшихся черной магией и алхимией. Возможно, Каракалла не только приобретал яды, но и перепродавал их в римские провинции как весьма дорогостоящий и востребованный товар. После смерти Каракаллы его коллекция была уничтожена, и память о нем стала ненавистна римлянам.

За Каракаллой Римом правила не менее неприятная личность – император Гелиогабал (с июня 218 по март 222 года). Занимался он настолько отвратительными делами, что и сам понимал неотвратимость возмездия, тем более, что сирийские жрецы предсказали Гелиогабалу насильственную смерть. Чтобы не попасть в руки мстителей, император загодя подготовил себе пути отхода в мир иной. Под рукой у него была веревка из шелка, золотые мечи и быстродействующий яд, спрятанный в драгоценных перстнях. Все очень стильно и благородно, но смерть настигла Гелиогабал а в отхожем месте.

А вот Гальба, занявший императорский трон после Нерона, отравителей презирал. Будучи наместником провинции, он осудил одного опекуна, который извел ядом сироту, чтобы получить после него наследство. Гальба приговорил злодея к распятию на кресте, а когда тот стал взывать к законам, заверяя, что он римский гражданин и судить его может только сенат, Гальба, словно облегчая ему наказание, велел ради утешения и отдавая почет распятому, перенести его на другой крест, повыше других и побеленный.

Говоря о нравах той эпохи, Диоскорид писал в начале нашей эры: «Предохраняться от яда трудно, так как его незаметно дают, делают это так, что ошибаются даже знающие. Горечь они снимают, прибавляя сладкое, скверный запах устраняют, добавляя пахучие вещества. Смешивают яд с лекарством, которое, как они знают, дают больному. Прибавляют его в питье, пиво, вино, суп, мед, чечевичные блюда, во все, что съедобно». А если рассмотреть все многочисленные истории отравлений в императорском дворце, то все эти Нероны, Калигулы и иже с ними просто презираемые древними римлянами преступники парриципиды – убийцы близких родственников.

ЗАДУШЕННЫЙ ГЕРКУЛЕС

У римского императора Марка Аврелия Антонина в 161 году родился сын, который унаследовал от своих предков имя Луций Элий Аврелий Марк Антонин Коммод. Но доблести, долженствующие быть у лица императорского звания, как-то обминули наследника блестящего и добродетельного Марка-Аврелия. Отец хотел воспитать из сына достойного гражданина. Он возил его с собой в походы в Азию, заставлял участвовать в битвах на Дунае против маркоманнов и кадов. Сын терпеливо ждал смерти воинственного отца. В 180 году смерть настигла императора, и юный Коммод, избавившись от надоедливой опеки отца, заключив невыгодный для Рима мир, поспешил в столицу наслаждаться жизнью и короной властителя полумира.

Управление империей он поручил своим любимцам – Перенниcу и Клеандру, которые с удовольствием возложили на свои плечи это скучное занятие. Себя же император Коммод провозгласил Римским Геркулесом, а досуг свой посвятил гладиаторским боям в амфитеатре с людьми и дикими животными. Жалости к поверженным соперникам он не знал как на арене, так и вне ее – к реальным или мнимым врагам. Смерть и конфискация имущества в пользу казны стала повседневной практикой. Жестокие казни развлекали Геркулеса в короне. Особенно страшным пыткам и казням подверглись участники заговора 183 года, который возглавила сестра императора Лицилла. Когда же в 192 году он решил казнить надоевших ему любовницу Марцию, приближенного Эклекта и префекта гвардии Лэта, последние, узнав о нависшей угрозе, решили его отравить.

Но яд не подействовал на закаленный организм Римского Геркулеса. Тогда заговорщики провели в покои императора гладиатора Нарцисса, который голыми руками задушил «Геркулеса», поставив под сомнение честность побед Коммо-да в гладиаторских боях.

И КАПУСТА НЕ ПОМОГЛА

Диоклетиан, бывший с 284 по 305 год римским императором, очень хорошо знал нравы политиков Рима. Он сам пришел к власти с помощью мечей преторианской гвардии, а уроком для него стала судьба его предшественника, императора Марка Аврелия Кара, далматинца по происхождению, который правил с сентября 282 по июль 283 года. То был император-воин. Кар за свое короткое правление усмирил германцев и сарматов на Дунае, одержал победу над персами в Месопотамии, покорил древнюю перекую столицу Ктесифон и, победоносно переправившись через Тигр, внезапно скончался во время грозы в своей походной палатке. При этом причина смерти так и не была установлена: то ли от удара молнии, то ли от яда, подсыпанного ему сыновьями, жаждавшими получить императорскую тиару.

Поэтому в 305 году Диоклетиан благоразумно отказался от титула и власти и передал императорские регалии другим. Но, будучи человеком предусмотрительным, он сделал своими преемниками четырех человек, каждый из которых подозревал другого в измене, а тихий бывший император спокойно доживал в своем имении. Диоклетиан сделал августами Галерия и Констанция, а в кесари были возведены Север и Максимиан.

Скинув с себя бремя власти, бывший император отправился на родину, в свою любимую Черногорию, в поместье вблизи города Салона. Там он прожил восемь лет в уединении, читая книги философов и поэтов, занимаясь обустройством своего тихого гнездышка.

Его политический прогноз оправдался – он спокойно жил, а в Риме грызлись кесари и августы. На попытку Максимиана и Галерия убедить его возвратиться к власти, Диоклетиан ответил, что если бы они видели, какова капуста, которую он сам посадил и вырастил, то не стали бы в другой раз приставать к нему со своим предложением.

Но когда смута в Риме окончилась и бразды правления взял в свои руки Константин, об императоре-пенсионере вспомнили. И несмотря на его успехи в огородничестве, возможного претендента на венец императора решили убрать. Как утверждает историк Аврелий Виктор, это сделали с помощью яда, насильно заставив проглотить Диоклетиана порошок.

Уход с политической и исторической арены крупных фигур, достойных строителей Римской империи, привел к тому, что власть в Вечном городе постепенно переходит к христианским иерархам и главе церкви– Папе Римскому. И события,

развернувшиеся в V веке н. э., служат подтверждением этому факту.

В 452 году на Рим двинулось грозное войско предводителя гуннов Атиллы, которого перепуганные италийцы тут же прозвали Бичом Божьим. Кроме гуннов в войско входили гепиды, герулы, остготы и туринги. Союзническую поддержку Аттиле оказывал король вандалов Гейзерих. За три месяца похода на Рим было сметено с лица земли восемь крупнейших городов Италии. Но Рим остался невредимым. Церковь провозгласила это чудом и заступничеством небесных сил, но, вероятно, все было гораздо прозаичнее. С трудом управляемая армия варваров насытилась добычей, а выкуп, данный папой, показался Аттиле достаточно весомым, чтобы не терять время под стенами Рима. Тем более, что в разношерстном войске Аттилы внезапно вспыхнула эпидемия. Но наивный гунн еще не знал, с кем он связался. Церковь не прощает обид, особенно в денежных вопросах. Папа Лев I подбросил воителю в лагерь, раскинувшийся в Паннонии, красавицу. И в 453 году Аттила внезапно умирает загадочной смертью на брачном ложе с подаренной папой красоткой. Ее звали Ильдека, она была германского происхождения. Она воспользовалась помощью папы, чтоб проникнуть к Аттиле, у нее были личные причины для мести. Во время походов великий гунн истребил ее народ. А чуть позднее скоропостижно скончался и сын Аттилы – Энлак. Созданная гуннами империя развалилась на части, и Рим на некоторое время оказался в безопасности благодаря заступничеству небесных сил и ловкости папы Льва I. Однако уже в 455 году вандалы во главе с Гейзерихом, которому указал путь Аттила, разграбили Рим, унося с собой в Северную Африку все, что только можно было унести.

ОСНОВАНИЕ ЛАНГОБАРДСКОГО КОРОЛЕВСТВА

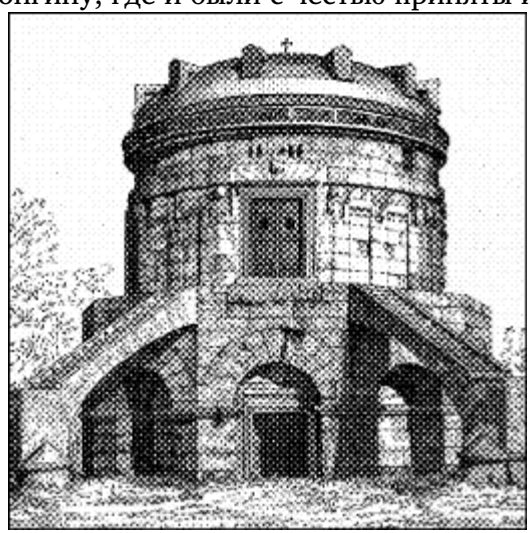
На развалинах Римской империи возникло множество мелких и крупных королевств, основанных варварами. Наиболее близким к культуре Рима было государство, основанное лангобардами.

Альбоин – основатель варварского Лангобардского королевства Италии – прославился юношей в походах своего отца, лангобардского короля Одоина. По народному преданию, записанному историком Павлом Диаконом, он убил в бою сына короля гепидов Ту-ризанда, невзирая на это, отважился проникнуть в лагерь этого короля, желая получить меч из его рук. Сделавшись властителем Паннонии, где жили в то время лангобарды, Альбоин заключил союз с другими варварами против короля гепидов Кунимунда и нанес ему решительное поражение в 566 году. Сам Куни-мунд пал на поле битвы вместе с храбрейшими из своих подданных, а владения его поделили между собой лангобарды и авары.

Дочь Кунимунда, красавица Розамунда, вынуждена была согласиться на брак с Альбоином. Передав свои владения аварам и усилив армию двадцатью тысячами саксов, Альбоин решил в 568 году переселиться в Италию, знакомую по прежним походам; к этому подстрекал его, как утверждали, бывший императорский экзарх (наместник) Нарзес, желавший отомстить за свой отзыв из Италии. Преемник Нарзеса, Лонгин, не имел достаточно сил и средств для того, чтобы оказать Альбоину серьезное сопротивление, и последний завладел вскоре большей частью городов Северной Италии. Один только Милан защищался мужественно, да укрепленная Павия, умиравшая от голода, сдалась лишь после трехлетней осады (в 572 году).

Альбоин сделал ее столицей своего королевства, в состав которого входила вся верхняя Италия, за исключением Венеции, Равенны и прибрежных городов Лигурии. Он погиб в 573 году, став жертвой мести своей супруги. Рассказывают, что однажды на пиру Альбоин заставил ее пить из кубка, сделанного по его повелению из черепа отца Розамунды – Кунимунда. Розамунда, возмущенная этим поступком, вознамерилась отомстить. Она знала, что некий благородный лангобард по имени Алмахильд, оруженосец Альбоина, юноша до безумия храбрый, влюблен в одну из ее женщин, и сговорилась с этой женщиной устроить так, чтобы он провел ночь с ней, королевой, вместо своей возлюбленной. Та указала ему, куда он должен прийти на

свидание, и он улегся в постель в темном покое с Розамундой, думая, что имеет дело с ее прислужницей. После того, как все совершилось, Розамунда открылась ему и поставила его перед выбором: либо он умертвит Альбоина и завладеет навсегда и престолом, и ею, либо будет казнен Альбоином, как осквернитель королевского ложа. Алмахильд согласился убить Альбоина. В помощники себе он взял одного из дружинников по имени Передей. Розамунда тайно передала меч мужа убийцам, и они заклепали ножны так, что Альбоин оказался безоружен перед лицом смерти. Но, совершив убийство, когда король спал, они увидели, что троном им не завладеть, к тому же опасались, как бы с ними не расправились лангобарды, которые Альбоина любили. Поэтому, захватив с собой все королевские сокровища и дочь Альбоина, они бежали в Равенну к византийскому наместнику Лонгину, где и были с честью приняты им.



Пока происходили все эти события, император Юстин скончался, и преемником его стал Тиберий, который до того увяз в войне с парфянами, что не в состоянии был оказать какую-либо помощь Италии. Вот тут Лонгин и решил, что наступило для него удобное время сделаться с помощью Розамунды и ее золота королем лангобардов и всей Италии. Он поделился своим замыслом с Розамундой и уговорил ее убить Алмахильда, а его, Лонгина, взять в мужья. Она согласилась, и когда Алмахильд после бани захотел пить, поднесла ему заранее приготовленный кубок с отравленным вином. Выпив едва половину кубка, он внезапно ощутил, что боль разрывает внутренности, понял, в чем дело, и принудил Розамунду проглотить остатки яда. Любимая жена основателя Лангобардии закончила свой путь, извиваясь в мучительных судорогах, которые вызвал яд, а Лонгин потерял надежду на королевскую корону.

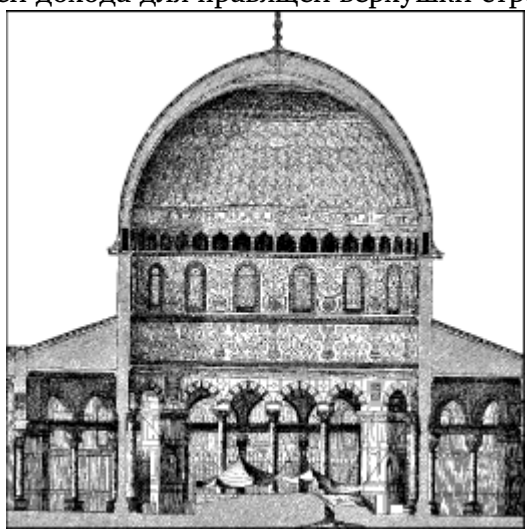
БЛАГОЧЕСТИВЫЙ ОМАР

Омейядские халифы, завоевавшие государство с помощью Аллаха и зеленого знамени пророка, не долго были едиными и могучими. Их поразили те же болезни, что и другие династии. Только изредка появлялись правители, достойные отцов-основателей. В конце VII века таким правителем стал Абд аль-Малик, который правил с 685 по 705 год. Он восстановил былое могущество халифата, завоевал Иерусалим, заключил мир с Византией, правда, за золото. С помощью византийских архитекторов аль-Малик построил в Иерусалиме огромную мечеть «Купол скалы» и поощрял хадж не в Мекку, а к новой мечети. Но ему был необходим преемник, твердый в делах веры и готовый принять управление халифатом. Сыновья, как это часто бывает, не подходили ни по каким критериям. И халиф вызвал в Дамаск своего племянника, которого в народе звали Омар Благочестивый.

Аль-Малик, желая показать свое благорасположение к родственнику, выдал за него замуж свою дочь Фатиму. В государственном совете Омар сидел выше сыновей халифа. Несмотря на свою приверженность вере, Омар не чурался радостей жизни. Он легко тратил деньги на благовония, роскошную одежду и породистых лошадей. Золотом он платил поэтам за рифмованные строки. Когда Омар был наместником в Медине, один поэт за свое произведение получил 15 верблюдиц, стоивших в то время целое состояние.

Но, несмотря на благоволение аль-Малика к Омару, после смерти халифа его престол занял сын Сулейман, а не племянник. Просидел он на нем недолго. Внезапно умерла его любимая жена, Сулеймана от горя разбил паралич. Халиф Сулейман оставил завещание, по которому власть переходила в руки его двоюродного брата Омара, так как сын халифа Эйюб умер раньше отца. Однако войско присягнуло Абд аль-Азизу, дяде Омара. Омар готов был отказаться от трона, не желая втягивать страну в междоусобицу, но аль-Азиз подтвердил завещание. Так после долгих треволнений Омар Благочестивый стал халифом Омаром II. Это был один из немногих действительно верующих Омейядов. Его лицо со шрамом от удара копытом лошади в Дамаске стало хорошо известно его подданным. Став халифом, Омар отказался от своих сибаритских привычек. Он ездил только на муле, отказался жить в роскошном дворце, заботился о пополнении казны, щедро оплачивал услуги армии, для поддержания мира, выполняя заветы Корана, помогал нуждающимся. Для

распространения мусульманской веры отменил подати для перешедших в ислам, что значительно усилило приток неофитов в немусульманских провинциях. Благочестие стало обязательным при дворе – не о женщинах велись разговоры, но о ночных молениях, изучении и толковании Корана. Халиф даже запретил употребление катты, которую сам пророк не запрещал. Катта – ядовитый дикорастущий кустарник. Листья его содержат ряд сильных стимуляторов, позволяющих преодолеть усталость, голод, сон. Из Эфиопии оно проникло в Йемен, а затем по всей Аравии, откуда обычай жевать растение принесли неутомимые (возможно, именно благодаря катте) воины Аллаха. Катта позволяла мусульманам обойти запрет Корана на вино и расслабиться. Кстати, в годы построения социализма на юге Аравии в Народно-Демократической Республике Йемен (70-80-е годы XX века) посадки катты вытеснили даже плантации знаменитого йеменского кофе, и наркотические растения стали главной статьей дохода для правящей верхушки страны.



Но, несмотря на установившееся благочестие, родственников и придворных больше волновал вопрос престолонаследия. Сын Омара, которого он назвал в честь дяди Абд аль-Маликом, славившийся своей религиозностью, скончался в возрасте 19 лет. Придворные были готовы еще немного поизучать Коран и не поспать ради молитв, зная, что после смерти Омара они отдохнут. Но чашу их терпения переполнило заявление халифа, что власть он передаст любому благочестивому человеку, даже не состоящему с ним в родстве. Тут же халифу подсыпали яд в питье, а после похорон все его приближенные с облегчением переехали обратно во дворец и зажили нормальной жизнью.

ИМПЕРАТОР, РАЗВОД И ОТРАВЛЕНИЕ

В Византии, последнем осколке античного мира, продолжали процветать нравы, так хорошо известные в Древнем Риме. Один из первых константинопольских императоров, Валент (364–378 гг.), опубликовал закон, по которому лица, заподозренные в отравлении, подвергались смертной казни. В правление Юстиниана I (вступил на престол в 527 г.), когда уже было приведено в систему все римское законодательство, законы, регулирующие наказания за преступления, становятся особенно строгими. Всех изготовляющих любовные напитки, владеющих тайной колдовства отравителей приговаривали к смерти на кресте, сжигали или бросали в клетку с дикими зверями. Не щадили также врачей, если доказывали, что лечение было связано с преступлением. Но желающих продать за золото отраву не переводилось. Еще при императоре Константине отравители составляли особую профессиональную группу.

Борьба в императорском дворце, опять-таки несмотря на строгие законы, на протяжении веков шла с использованием самых коварных методов, среди которых на первом месте были различные яды. Как пример можно привести историю восхождения на престол императрицы Ирины. В 780 году умирает император Лев IV. Его жена Ирина становится регентшей при наследнике и безжалостно расправляется со своими противниками, главным образом, из лагеря иконоборцев. Однако через десять лет ей приходится уступить трон своему сыну Константину, достигшему совершеннолетия.

Следует сказать, что сын ее был нормальным ребенком и

почитал свою мать. В 792 году он вернул ей титул императрицы, сделал сопровительницей. Но Ирина хотела абсолютной власти. Тогда она и задумала интригу в духе античных трагедий.

Константин не любил свою жену. Он воспылал страстью к одной из приближенных своей матери по имени Феодора. И Ирина поощряла эту страсть, возбуждала чувство отвращения сына к жене. Чтобы скомпрометировать Константина окончательно, Ирина предложила ему обвинить жену в попытке отравления императора. Были спешно найдены вазы с мутной жидкостью, которую объявили ядом. Константин силой, под угрозой осуждения, принудил жену уйти в монастырь и обвенчался с Феодорой. Но ему никто не поверил. И самое главное – не поверил патриарх Тарасий, который прилюдно объявил императора обманщиком. Обвинения патриарха поддержали священники и монахи многочисленных константинопольских церквей и монастырей. Недовольство, подогреваемое Ириной, перекинулось в широкие слои плебса. И 17 июня 797 года мать, собрав вокруг себя офицеров гвардии, свергла сына. Константин бежал, но его схватили. В «зале порфиры», где по традиции императрицы разрешались от бремени и где родился он сам, палач по приказанию матери выколол Константину глаза. Остаток жизни экс-император провел во дворце в качестве узника в обществе любимой жены, в полной зависимости от милостей горячо любимой матери.

ФЕОФАНО И ЕЕ ЛЮБОВНИКИ

После смерти 15 марта 963 года византийского императора Романа II (959–963), который заболел внезапно, промучился 5 дней и отошел в мир иной, в Константинополе разгорелась борьба за власть. Одним из наиболее реальных претендентов на престол был видный полководец Никифор Фока. Двинув на столицу свои войска, он торжественно вступил в нее 16 августа 963 года. Население ликовало. Патриарх и клир торжественно встречали нового властелина империи. Через месяц узурпатор окончательно и законно утвердился на престоле, и 20 августа 963 года его женой стала любвеобильная красавица Феофано, в девичестве Анастасия, дочь трактирщика, вдова Романа II.

Именно она в 959 году подучила первого мужа отравить отца, императора Константина VII Багрянородного.

Верный муж и неблагодарный сын отважился дать отцу отраву вместо слабительного. Решившись на подобное преступление, Роман приказал стольнику Никите дать отравленное питье императору. Константин, приняв чашу, внезапно поскользнулся и большую часть напитка разлил. Оставшегося количества яда было недостаточно для мгновенной смерти, но император стал плохо себя чувствовать и на 15-м году царствования тихо угас. Его невестка, став императрицей, торжествовала.

Однако властвовал Никифор не очень долго. Им была недовольна аристократия и, самое главное, его жена. Особенно ей не нравились планы мужа оскопить ее детей – Василия и Константина, сыновей Романа, будущих императоров. Зимой 969

года был составлен заговор. И в одну из ночей, в два часа по полуночи, в спальню императора проник глава заговорщиков. Подкравшись к спящему Никифору, он разрубил ему голову. Это произошло 11 декабря 969 года.

Место в опочивальне Феофано занял еще один военачальник – Иоанн Цимисхий, двоюродный брат погибшего Фоки. Но на этот раз красавице не повезло. Цимисхий оказался предусмотрительнее Фоки.

Феофано хорошо знали в Константинополе. Ее можно было бы назвать роковой женщиной. Ей приписывали отравление супруга, императора Романа II; молва утверждала, что к яду Феофано прибегала и в других случаях, устраняя своих врагов. Правда это или нет, кто сейчас скажет. Но Фоку она точно подставила под меч. Феофано была беспощадна к своим родственникам. Не одна византийская царевна окончила свои дни в монашеской келье, куда ее кинули по приказу императрицы. И власть Цимисхий получил из ее рук. Рук, которые ласкали его, которые принадлежали его верной любовнице.

Он тоже любил ее, но боялся. Поэтому со вздохом облегчения пошел навстречу требованиям патриарха наказать убийц Никифора Фоки. Патриарх соглашался короновать его только после удаления Феофано. Ее сослали в монастырь Проти, расположенный на одном из Принце-вых островов. Через несколько месяцев она бежала: понятно, что ей было тяжело жить в маленькой келье после огромного императорского дворца. Феофано искала спасения в храме Св. Софии, но ее схватили и отправили в далекую фему Армениаки в глухой монастырь Дамидисо.

И хотя Иоанн Цимисхий удалил возможную отравительницу, умер он все равно от яда. Как-то раз император возвращался из похода в Сирию. Его армия шла по землям в Киликии, находившимся в управлении проедра Василия-евнуха. Цимисхия поразила бедность и нищета населения. Стало ясно, что проедр ворует не по чину. По возвращении в Константинополь Цимисхий решил разобраться с Василием. Проедр узнал о роковом для него решении и принял предупредительные меры. Для отдыха император остановился в доме патрикия Романа. Расположившись на ложе и расслабившись, Цимисхий принял из рук какого-то евнуха-слуги чашу бодрящего напитка. Но в питье находился яд. На следующий день конечности императора одеревенели, телом овладела слабость, а врачи не могли распознать заболевание. Цимисхий поехал в Константинополь. Едва вступив в императорский дворец, он слег в постель, снедаемый ядом. Желая заслужить прощение грехам, он перед

смертью щедро раздавал деньги бедным, особо отмечая прокаженных. Цимисхий скончался 11 декабря 976 года. Отравленное питье императору поднесли, вероятнее всего, по заказу проедра Василия, но не исключается и версия, что Цимисхия достала нежная женская ручка из далекого монастыря.

Феофано вернулась в Константинополь через шесть лет, когда уже давно умер неверный Цимисхий. Вернее, вернул ее сын, император Василий II, но с условием: не касаться более государственных дел. Она умерла всеми забытая в лабиринтах императорского дворца.

Хотя император Василий и не одобрял методов действия своей матери, но уроки мастерства отравления усвоил хорошо. В 987 году вспыхнуло восстание Варды Фоки против Константинополя. Действия мятежников, которых поддержала часть армии, были успешными. Варда Фока уже мнил себя императором и посадил в тюрьму претендента на корону, своего дальнего родственника Варду Склира, чьи войска он разбил в бою. А законному императору Василию II в отчаянии пришлось призвать на помощь воинов обращенного в христианство киевского князя Владимира. Именно они сыграли решающую роль в разгроме войск Варды Фоки при Абидосе в 989 году. Спустя недолгое время проблема с претендентом была решена окончательно в пользу Василия. Его врагу слуга поднес отраву, Фока умер, и мятеж на том закончился.

ОТ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ДО НАШИХ ДНЕЙ

«Аптекарь: Всыпь этот порошок в любую
Жидкость и выпей все.
Имей ты больше
Сил, чем двадцать человек – умрешь
Мгновенно».

В. Шекспир. «Ромео и Джульетта».

ОСНОВАНИЕ ПОЛЬШИ И ЧАША ЯДА

Легендарный польский король VIII века Лешек завещал после своей смерти королевство сыну Помпилиушу. На то время это был человек со странностями, так как воевать не любил. Эта нелюбовь к войне вызвала нелюбовь и презрение к нему подданных, а главное, родичей, которые воевать любили, а потому считали себя более достойными носить корону. Подданные дали Помпилиушу прозвище Хотышко («метелка»), так как на голове у него болталась прядь длинных волос.

Первыми претендентами на корону Лешка были его братья, дядья Помпилиуша. Возможно, им бы удалось без труда отправить на тот свет миролюбивого племянника, если б не его умная, как в сказках, жена. Руководствуясь ее советами, Помпилиуш делает вид, что находится при смерти из-за тяжелой болезни. Он созывает своих «любимых» родственничков и, желая поссорить их, предлагает избрать наследника из их же компании. Пока дядья ссорились и рядили, кому достанется корона, жена Помпилиуша приносит томимым жаждою из-за жаркого спора родственникам питье. А питье было отравлено, и дядья, так и не поделив корону, умерли.

Чтобы показать свою решимость и уберечься на будущее от родственников или других претендентов на корону, Помпилиуш приказывает тела дядьев земли не предавать, а бросить на землю для устрашения. В своем указе он говорит о божественной воле, покаравшей преступников. Но пережил он родичей ненадолго.

Как гласит легенда, на запах трупов сбежались огромные мыши и «напали на вышеупомянутого Помпилиуша. И нельзя

было спастись от них ни огнем, ни мечом, ни палками, и они, преследуя по пятам, стали его кусать». Помпилиуш с женой и сыном бежали в отдаленную крепость, и там, как гласит легенда, изгрызенный мышами, он умер. Вероятнее всего, Помпилиуш умер от инфекционной болезни, занесенной в польскую столицу крысами. А наследовал ему Пяст I, основатель самой великой королевской династии Польши.

Будучи родичами Лешку, Пясты пытались загладить вину Помпилиуша перед кровными родственниками. Но сыновей и внуков отравленных ни угрозами, ни подачками, ни силой Пясты так и не смогли склонить к послушанию и заключению мирного соглашения. Долгие годы длился конфликт и закончился только после полного уничтожения потомков отравленных Помпилиушом родственников.

Но яд, тем не менее, все еще оставался действенным оружием в польских междоусобицах. Он не раз применялся в 150-летней сваре, которую начали сами Пясты. В 1139 году умер король Болеслав III Кривоустый, перед смертью разделив королевство между четырьмя сыновьями. Хотел как лучше, а вышло – полтора века кровавых разборок. Наиболее обделенным оказался младший сын – Казимир, которому в момент смерти отца исполнилось всего два года.

Пока правил старший брат Болеслав IV Кудрявый, Казимир рос и набирался сил. А когда брат его умер, то младший из Болеславовичей предъявил свои права на краковский престол. В 1177 году Казимир начал борьбу с Мешком III, и в 1178 году он одерживает победу, а свергнутый Мешко вынужден был через год бежать из Польши. Казимир, чувствуя себя уверенно, вмешивается в политику ближайших соседей.

В Киевской Руси в 1187 году умирает галицкий князь Ярослав Осмомысл, о котором упоминается в «Слове о полку Игореве». Начинается и на Волыни борьба между княжескими сыновьями. Казимир выступил против Владимира Ярославича и поддержал незаконнорожденного Олега Настасьича, первенца своей сестры. Олег сел в Галиче, а изгнанный Владимир укрепился в Перемышле. Однако после ухода войск Казимира княжение Олега длилось недолго. В 1192 году он был отравлен галичскими боярами, посадившими на княжеский стол в Галиче Владимира Ярославича.

А уйти Казимир был вынужден из-за обострения в 1191 году раздоров между претендентами на корону. Вернувшись, король погасил волнения и помирился с претендентом, племянником Болеславом. Но это перемирие было только внешнее. Исход борьбы за корону решила чаша с ядом.

В 1194 году король Казимир II Пяст праздновал день Святого Флориана. Во время беседы с духовным лицом он немного отпил из бокала с вином и тотчас упал. Бросившиеся на подмогу приближенные установили смерть. И пястовская междоусобица вспыхнула с новой силой.

ПОЛКОВОДЕЦ ХАЛИФА

Багдадский халифат долгие годы был грозным врагом для любых недругов, благодаря уму своих правителей, силе воинов и умению полководцев. Одним из таких «тигров халифата» был Тахир бен Гуссейн бен Мусаб-Зульяминейн. Последняя приставка к имени означала «обладатель двух десниц». Во время боя Тахир держал сабли в двух руках, владел ими виртуозно, что было редкостью и служило поводом для удивления и восхищения современников. Тахир родился в 776 году, юношей поступил на службу в войска наследника халифа Мамуна. Правитель Багдада заметил молодого воина после подавления восстания в Самарканде в 806–810 годах. Но звезда Тахира взошла после смерти халифа Харуна-аль-Рашида, отца Мамуна.

Харун-аль-Рашид оставил власть сыновьям Амину и Ма-муну, сделав их соправителями. Но в 810 году Амин объявил своим наследником сына, обойдя брата Мамуна, а себя назначил единственным правителем халифата. В 811 году в халифате вспыхнула междоусобица. Желая опереться на новых военачальников, не погрязших в интригах двора, Мамун поставил Тахира во главе своих войск. Амин же выставил против Тахира старого полководца своего отца, Али ибн-Ису. В 811 году состоялась битва возле Рея, и Тахир одержал победу. К Мамуну перешли все области к востоку от Тигра. Армия Тахира продолжала победоносное наступление, и в 813 году захватила Месопотамию, штурмом взяла Багдад. Коварный, но незадачливый брат Амин был схвачен и казнен.

После завершения гражданской войны и окончательного

воцарения Мамуна в 813 году, Тахир был назначен наместником в Джезиру (Месопотамия) и одновременно оставался военным начальником Багдада. Правление Мамуна не всем пришлось по вкусу и поэтому восстания в различных провинциях халифата были перманентными. Сколько Тахир ни прилагал усилий, подавить недовольства так и не смог.

Видя тщетность его усилий, халиф в 821 году смилостивился и назначил Тахира наместником всех областей, расположенных к востоку от Багдада. Тахир отправился к новому месту службы в Хорасан, оставив в столице сына Абдаллаха. Но недолго исполнял он обязанности наместника. В 822 году в Мерве при чтении пятничной молитвы (херабы) он не упомянул имя халифа, что в то время считалось враждебным действием. Шпионы тут же донесли в Багдад. Халиф не долго думал и отправил к Тахиру наемного убийцу. Все надо было сделать тихо, чтобы не оттолкнуть расправой с Тахиром других полководцев. Подсыпав яд в еду, убийца выполнил задание. Тахир скоропостижно скончался в том же году. Халиф, естественно, был прав в своем подозрении, так как и сам бы на месте Тахира пытался захватить трон. Мятежный правитель действительно готовился к началу боевых действий против Багдада, но его смерть только отсрочила, а не предотвратила падение халифа. Сын Тахира и его внуки вошли в историю как правители династии Тахиридов, названной так по имени отравленного полководца.

ЕВНУХ-ОТРАВИТЕЛЬ

В X веке уже клонилась к закату блистательная династия Ихшидов. Основателем ее был узбек из Ферганской долины Джефф (умер в 861 году). Меньше чем за сто лет он и его преемники захватили Египет, Сирию и часть Месопотамии. Последним великим представителем этой династии был Мохамед Абу-Беир. В 928 году он получает от халифа титул Ихшида – «князя князей». Он вел упорную борьбу с нарождающейся династией Хемданидов и победил. Но он умер в 945 году, и для наследников его настали черные дни.

Регентом при малолетнем Ихшиде Абу-Касыме Ануджуре был назначен евнух, арап Кафур, талантливый полководец, искушенный и коварный политик. Не имея возможности создать свою собственную династию, Кафур решил продлить дни своего пребывания на каирском троне. В 961 году, когда воцарение Ануджура было уже не за горами, он отравил своего воспитанника и стал регентом при его брате Алие. Но в 966 году и Алия отправляется вслед за братом. После громкого спора – наследник осмелился потребовать возвращения трона у регента – все решила щепотка яда, растворенная в питье, которое поднесли разгоряченному спором юному Ихшиду.

Кафур остался самовластным правителем Египта и Сирии, лишь формально подчиняясь халифу Моты. Но Кафур недолго узурпировал трон. Голод, нападения врагов, протест населения против убийства молодых Ихшидов – все это быстро свело евнуха в могилу. И в 968 году в Египте установилась власть новой династии Фатимидов, которые долгие годы правили из Каира.

Традиции отравления, несмотря на калейдоскопическую смену династий, народов и религий, продолжали жить в Египте и культивироваться его правителями. Проходили столетия, а яд все так же оставался способом решения политических и династических проблем. Московский купец Трифон Коробейников побывал в Египте во времена царствования Ивана Грозного и услышал в Александрии следующую историю.

Один приближенный к правителю «врач-жидовин восхоте в Египте всех христиан погубить и искоренити. И прииде ко царю египетскому Гаврилу и глаголи ему: «Царю, живут у тебя христиане в Египте: не достоит им на твоей земле жити, зане погание суть, и неправая их вера, вели им свою турскую веру держати, или нашу жидовскую». И рече ему царь: «Яз бы до вечера их перетурчил, да есть у них патриарх старец, а сказывают его свят, и яз того блюдусь». И рече емужидовин: «Не блюдни ты,

царь, того старца, дай его мне на мою руку, дам яз ему зелья такова: пол-ложки бы выпил – полчаса жив не будет». Царь же рек ему: «Аще того старца предаш смерти, то всех христиан потурчю, или смерти предам их». И повелел царь патриарху быть к себе».

В присутствии султана патриарх и врач устроили горячий диспут о вере, закончившийся приглашением патриарху прийти через неделю и выпить чашу яду. Неделю патриарх молился, а затем «прииде со християны пред царя в палату… Кубок же стояша на окне полон отравного зелья… Жидовин же взял кубок и принес к патриарху полон отравного зелья, и верху кубка исполнено пеною. И рече жидовин к патриарху: «Возьми сию чашу и испей. Аще будет вера ваша правая, и ты будеш цел и неврежен, а аще будет неправая ваша вера, и ты смерти вкусиш»… Патриарх же испи чашу до дна, и абие показалось ему вино сладкое и хорошее, и неврежен бысть патриарх и цел. И рече патриарх царю: «Вели ми дати мало воды»… И влияше воду в кубок и, пополоскав мало, принес к жидовину и рече ему: «Аз твоее руки и от добрые веры пил смертное зелье, а ты от моея недоб-рыя веры испей воды».

Лекарь отказывался пить воду из кубка, но правитель заставил его, «а жидовин испи тое мало воды, и абле тело его поча пухнути. Он же побеже в дом свой роздут. Царь же посла за ним янычанина, да видит, что будет над ним. И паки за полгодины приде янычанин и рече ко царю: «Окоянный жидовин зле живот свой испровер-же, разседеся утроба его, излияся». Так закончилась эта религиозная дуэль на ядах. А султану тоже не поздоро-вилося. В 1517 году султан Селим I покорил Египет «и того царя Гаврила, что зелье давал пити, велел его обе-сити в железных вратех в царском платье», а патриарх александрийский Сильвестр за свою веру и непоколебимость во время диспута прославился на всем Ближнем Востоке.

РАЗДОРЫ МЕЖДУ КАРОЛИНГАМИ

Когда умер император Людовик Благочестивый, то среди расплодившихся Каролингов начались ссоры, которые все чаще переходили в прямые кровавые столкновения. Еще когда Каролинги только захватывали власть, их династия была проклята. Это проклятие было наложено на Каролингов магами из-за злодейского убийства последних представителей династии Меровингов. Меровинги, правившие с V века, были потомственными королями-магами и чудотворцами. Каждый из монархов имел отличительный знак – родимое красное пятно в виде креста, расположенное под сердцем или на лопатке. Когда король-маг умирал, на его черепе делали продольные разрезы, чтобы в момент смерти душе легче было покинуть тело и соединиться с божественным миром. Последний Меровинг – король Дагоберт II – был вероломно убит на охоте.

Династию Каролингов все время их правления преследовали раздоры и свары. Особенно был недоволен завещанием отца Карл, прозванный Лысым. В 829 году он добился пересмотра ленных владений и завладел большими землями. В 843 году в результате борьбы с братьями получил во владение почти всю Францию, которую, правда, не сумел уберечь от норманнов.

Но его честолюбие Францией не ограничилось. И тут как раз умирает император Людовик II, племянник Карла Лысого. Дядя покойного императора, воспользовавшись тем, что прямой наследник императорского титула, его же брат Людовик II, занят междоусобицами в Германии, поспешил в Рим и успел вовремя. В 876 году он захватил корону Италии и корону Священной Римской империи и стал императором Карлом II Лысым, и тут же начал претендовать на германскую корону. Тем более, что брат его Людовик, поспешая с армией на юг, опустошил Лотарингию, но по дороге умер. Желая упрочить свою власть в Италии, Карл отправился в поход на арабов по призыву папы Иоанна VIII. В Тортоне император встретился с папой, ожидал подхода вассальных графов, которые так и не появились. Зато пришел племянник, Карл Немецкий, незадолго до того отстоявший Германию от дяди-императора. Видя слабость своей армии и не надеясь на племянника, Карл II отправился восвояси, но до дома так и не доехал. Его свалила лихорадка, а личный врач, еврей Седекия, по многочисленным просьбам племянника Карла дал императору яд вместо лекарства. И в 877 году императорская корона стала вакантной.

Карл Немецкий не сразу возложил на себя императорский венец. Сначала он разобрался с другими претендентами и только в 881 году стал Карлом III Немецким. Как приложение к короне в 885 году ему досталась Франция. Но, как и дядя, уберечь ее от опустошительных набегов норманнов он не сумел. Не желая вступать в бой, который мог бы проиграть, император предпочел откупиться. Возможно, Карл II был просто мирным человеком, так как даже обвинения в прелюбодеянии в адрес своей жены воспринимал равнодушно.

Не таким был Арнульф, побочный сын баварской ветви Каролингов. Он родился около 850 года и после смерти отца получил Каринтию. Этого ему показалось мало. Осенью 887 года он с армией баварцев и славян напал на дядю. Карл II, верный своему обычаю, в бой не вступал, а просто отказался от власти. Арнульф пожаловал ему несколько владений, и бывший император удалился от дел. Но времена были такие, что на покое особо не проживешь, и в 888 году Карл скоропостижно умер в Швабии.

Арнульф, пользуясь тем, что брак императора был бездетным, захватил немецкий трон. Разбив в походах моравские племена и нанеся несколько поражений норманнам, он упрочил свой международный авторитет. Видя силу Арнульфа, папа Формозо пригласил его в Рим, где предложил пойти походом на своего врага, герцога Гвидо Сполетского, засевшего в Риме. Поход начался в 894 году, но Арнульфу, захватившему Рим, пришлось срочно его прервать из-за измены Рудольфа Баварского. Пока он был в Германии, Рим был захвачен врагами папы. В 895 году Арнульф двинулся на Рим, который обороняла уже вдова герцога Гвидо – Агильтруда. Взяв Вечный город штурмом, Арнульф удостоился благословения папы, и в 896 году был коронован

императором.

Но наслаждаться обретенными титулами ему пришлось не очень долго. Во время осады Агильтруда подкупила одного из вельмож Арнульфа, и тот подсыпал своему повелителю медленно действующий яд. Из Рима император отбыл уже смертельно больным. Никакие лекари вылечить его недуг не смогли, и 8 декабря 899 года император Арнульф умер в Регенсбурге после недолгой, но мучительной болезни. Ему наследовал Людовик III Слепой.

В X веке мы видим уже окончательный упадок Каролингов. Династия некогда могущественных правителей, чей основатель Карл Великий потряс Европу, могла надеяться лишь на своего последнего представителя – Людовика V.

Сын Лотаря III, он был одновременно и его соправителем. В 986 году Лотарь умер, и Людовик был выбран на Компьенском совете королем Франции. Владения короля были ничтожны: он владел только Ланом и его окрестностями. Мрак царил в душе Людовика. Летописи того времени замечают, что он «nihil fecit», то есть ничего не хотел делать, может, попросту был ленивым. Так он и вошел в историю как Людовик Ленивый.

Приближенные с жалостью смотрели на короля, который в тоске бродил без дела по дворцовым комнатам. И они его отравили, чтобы не мучался. Он не имел детей, и престол перешел к новой династии – Капетингам, несмотря на то что в 754 году папа Стефан III за услуги, оказанные франкскими королями Риму, запретил, под угрозой отлучения от церкви, избирать франкам других правителей, кроме Каролингов. Но времена меняются. Травили Каролингов, вероятнее всего, мышьяком, так как этот яд был хорошо франкам известен. Несмотря на то что получение белой триокиси мышьяка обходилось очень дорого, его свойства были отлично изучены средневековыми фармацевтами.

ЗЛОПАМЯТНЫЕ СУПРУГИ

Шел 1028 год от Рождества Христова. В Константинополе – смутные времена. В императорском дворце умирал Константин VIII. Мужского потомства у него не было, и это приводило в смятение как придворных, так и простолюдинов. Из трех дочерей императора старшая, Евдокия, постриглась в монахини, а две другие – Зоя и Феодора – достигли уже преклонных лет. Тем не менее, решено было выдать одну из них замуж и возвести императорского зятя на престол. Предпочтение было отдано 60-летнему вельможе Роману из знаменитой фамилии, связанной узами родства с царствующей династией. Так как император был при смерти, то действовали необыкновенно быстро. 12 ноября состоялся брак 50-летней Зои с Романом, причем, с разрешения патриарха Алексия, жену кандидата на престол тут же поспешно постригли (Феодора, бывшая чуть моложе Зои, отказалась от чести замужества при таких условиях), а через три дня император Константин умер.

«Просвещенный и добросердечный», как называли нового правителя в своих панегириках придворные стихоплеты, Роман III Аргир не обладал ни талантами полководца и правителя, ни силой воли; это однако не мешало тщеславному императору мечтать о лаврах Александра Македонского и могучего Траяна, воображая себя государственным гением, или философом, или богословом. Все правление его было рядом колебаний и уступок. Стремясь к популярности у населения, Роман выкупал пленных у печенегов, облегчал долговые обязательства и отменял казенные недоимки. Ища поддержки церкви, строил храмы, увеличивал церковные доходы, привилегии, преследовал по закону сирийских схизматиков. Правда, эти преследования вышли ему боком. Освященный церковью поход в 1030 году на сирийских сарацин полностью провалился. Император с остатками армии бежал в Константинополь.

Зато успешной была травля свояченицы Феодоры. Ненависть к ней заставила Романа с Зоей забыть собственные неурядицы. Роман не мог простить Феодоре ее отказа от брака с ним и, чтобы отомстить, ограничил ее доходы, стеснил свободу и приставил шпионов; Зоя, из зависти, возненавидела свою умную, мудрую сестру. Феодора была обвинена в намерении захватить престол вместе с магистром Прусняком, сыном последнего болгарского царя. Началось следствие, во время которого поплатились жизнью или свободой многие вельможи – Прусняк, императорский зять Константин Денген и сама Феодора, которую принудили

постричься в монахини.

Но начавшиеся неприятности на этом не закончились. Зоя вошла во вкус и, лишившись объекта ненависти в лице Феодоры, принялась за мужа. Император пал жертвой заговора евнуха Иоанна, доверенного лица Романа, а вдохновительницей заговора была распутная царица Зоя (не дождавшись потомства, Роман охладел к супруге) и ее фаворит, красавец Михаил, брат Иоанна, приставленный к императорской спальне. Заговорщики не спешили, поэтому яд был подобран медленный. Роман заболел в 1033 году, и, хотя многие подозревали отравление, благополучно скончался в 1034 году. В день его смерти императрица Зоя отдала руку, сердце и венец красавцу Михаилу.

ОТРАВЛЕННЫЕ ВИКИНГИ

В сагах викингов яд упоминается не реже, чем в античных мифах и хрониках. Например, землетрясения, по поверьям викингов, были связаны с ядами. Хитроумного бога Локи поймали асы и, связав кишками, вытащенными из тела его собственного сына Нари, приговорили к пыткам. Над головой Локи повесили ядовитую змею, изо рта которой постоянно капал яд. Когда капли яда падали на Локи, он так содрогался от боли, что тряслась земля. В последней битве перед концом света – Рагнареке – сражаются бог Тор и Ермунганд, змей, обвивающий обитаемую землю. Тор поражает змея насмерть, но и сам умирает от изрыгаемого Ермунгандом яда. В исландском варианте саги о Нибелунгах один из Нибелунгов – Гуннар, брошенный врагами в ров со змеями, погибает от укуса змеи. Поэтому неудивительно, что яд использовался северными воинами и в решении спорных вопросов.

Правнук викинга Хрольва Пешехода, основавшего Нормандию на берегу Ла-Манша, Родберт, или Ролло, снискавший себе шумную известность под именем Роберта Дьявола (в немалой степени он обязан этой известности замечательной опере Джакомо Мейербера), чтобы упрочить положение нормандских герцогов среди европейских монархов, а заодно замолить безвременную кончину отравленного им в 1028 году брата Ричарда III, совершил паломничество в Иерусалим, но на обратном пути был отравлен собственными слугами в Никее. Стремясь во что бы то ни стало попасть или в рай, или в Валхаллу, Родберт перед смертью завещал 100 золотых на церковь и велел заколоть 100 пленников на алтаре Одина.

Нормандским герцогом стал сын Ролло Вильям Незаконнорожденный (его матерью была дочь кожевника) который немедленно включается в набеги на берега Англии, приведшие в конце концов в 1066 году к ее завоеванию. Сын отравленного герцога вошел в историю как Вильям, или Вильгельм Завоеватель.

Завоевателем Англии нормандский герцог стал благодаря запутаннной политической ситуации на острове. В 1016 году умирает король саксов Этельред II Неповоротливый. После него правят сыновья – Эдмунд II Железнобокий и Эдвард Добрый. Затем власть над саксами захватил кровный враг Этельреда – датчанин Кнут Могучий. Он добыл себе не только престол, но и брачное ложе саксонского короля, женившись на его вдове Эмме, сестре Роберта Дьявола. Не желая огорчать жену, он не убивает сыновей Этельреда, а просто изгоняет их с острова. 18 лет датский конунг правил зелеными холмами Англии, а в 1042 году из Нормандии прибывает Эдуард Исповедник, и корона переходит к нему. Он был могущественным правителем. Например, именно к нему за помощью обратился шотландский принц Малкольм, отца которого Дункана убил Макбет. Малкольм благодаря Эдуарду вернул себе трон.

В 1053 году Эдуард Исповедник завещает английскую корону Харальду, тестю киевского князя Владимира Мономаха. Но Харальду предвещают всякие несчастья, так как он носит корону без церковного благословения. И несчастье действительно является в образе внучатого племянника Эммы, жены короля Кнута. Племянника, родом из Нормандии, звали Вильгельм.

ПРЕДУСМОТРИТЕЛЬНЫЙ ГЕРЦОГ

Когда Вильгельм Завоеватель, герцог Нормандский, пересек Ла-Манш и мечом добыл себе королевство в 1066 году в битве при Гастингсе, он оставил на родине свои ленные земли, которые, лишившись государя и армии, могли бы стать легкой добычей воинственных соседей. Но этого не случилось.

Наибольшее опасения у Вильгельма вызывали бретанские герцоги. Воинственный Конан Кривой в 990 году объединил земли в одно владение, что стало постоянной угрозой для соседей. В 1047 году ему наследовал его сын – Конан II. Он пошел в отца и большую часть своего времени проводил в походах, нападая пока на мелкие владения, но жадно поглядывал и на более крупные герцогства и княжества. Именно его опасался Вильгельм, планируя высадку в Британию.

Проблема была решена давним и проверенным способом. Вместо утомительной и дорогостоящей войны – щепотка яда, кошелек с золотом и предатель в замке Конана решили дело. Имея обеспеченный тыл, Вильгельм Нормандский с легкой душой отправился на завоевание королевской короны.

Следует добавить, что отравление, с которого началось строительство английского королевства, было скорее исключением, чем правилом, как, например, в Византии. Вольтер отмечал отличительную черту англичан – в истории их политические отравления не играли сколько-нибудь значительной роли. Хотя эти слова французского просветителя, вероятнее всего, были преувеличением, красивой фразой, брошенной как упрек французской монархии. Англичане и их

короли – тоже люди, и ничто злодейское, как показывает история, им не чуждо.

ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ ИОАНН

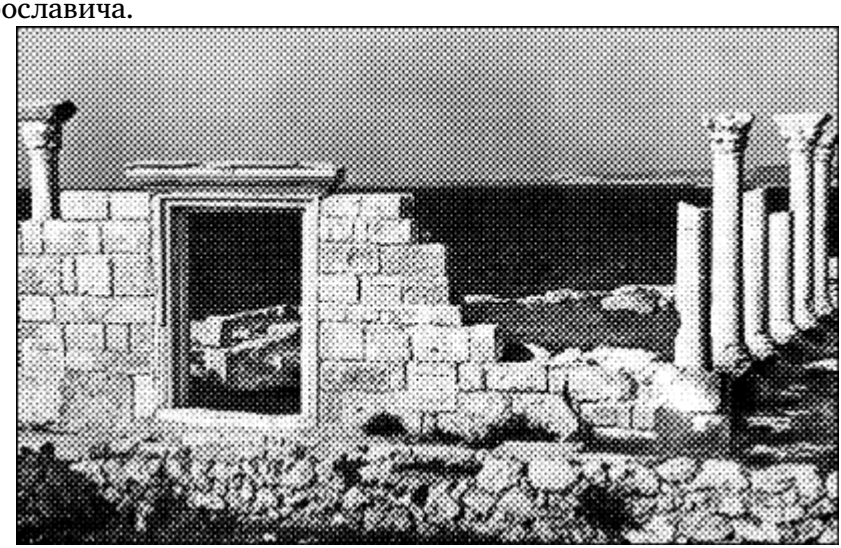
Византийского императора Иоанна II Комнена прозвали Колоиоанном за его душевную красоту. Подобные люди редко попадали на императорский престол и обычно, заканчивали плохо. Едва он утвердился на престоле в 1118 году, как против него был составлен заговор, во главе которого встала сестра его Анна. Раскрыв случайно намерения заговорщиков, император не испытал гнева, простил их и, что самое удивительное, оставил им все имущество.

Царствование Иоанна Комнена прошло в беспрерывных походах. Он успешно воевал с печенегами (они уже не нападали на границы империи), разобрался с сербами. Но его честь не позволила выдать родственника венгерского императора Стефана, что привело к войне. Неоднократно Иоанн ходил походами на Восток. Перед его мечом склонились армяне, государь Антиохии признал ленную зависимость от Византии. Борьба с турками шла с переменным успехом. Последний поход император совершил в 1142 году, незадолго до смерти.

Конец его блистательному и милостивому, с точки зрения подданных, правлению положили крестоносцы. Им совсем не нравились его планы полного изгнания мусульман из Палестины и усиление влияния Византии. Иерусалимский король Фульк открыто поддерживал турок в борьбе с Иоанном. Не имея армии, которая могла бы противостоять армии Комнена, крестоносцы имели достаточно золота, которое легко перевесило все воинские доблести Иоанна. Был нанят убийца, во время охоты пустивший в спину блистательному императору отравленную стрелу. Золото и яд сделали свое дело – угроза влиянию крестоносцев в Палестине была ликвидирована, а Византия сделала еще один шаг к своему полному краху, так как подобного Иоанну Комнену императора на троне в Константинополе больше не было.

ВОЗМУТИТЕЛЬ СПОКОЙСТВИЯ

Князь Ростислав Владимирович был внуком Ярослава Мудрого и в 1056 году по праву получил в свои владения Галичину, или Червенские города, как говорили в то время, сел на престол во Владимире-Волынском. Но сидеть спокойно на княжеском престоле вдалеке от стольного града Киева ему стало неинтересно. Тем более, что киевский князь запрещал беспокоить замиренных соседей – Венгрию и Польшу. Поэтому Ростислав решил сам поискать себе славы и нового княжества. Еще более укрепил его в этой мысли отказ Ярославичей передать ему в 1063 году Смоленск, оставшийся без князя после смерти Игоря Ярославича.



В Киевской Руси наиболее беспокойной землей было Тмутараканское княжество. Отделенное от основных земель государства бесконечным Диким полем, оно воевало и торговало со степняками, Византией, народами Кавказа. Беспокойному княжеству и князь нужен был беспокойный. Вместе с Ростиславом на юг уходила и неуемная молодежь, которой было тесно за стенами городов. Среди них были, например, два родовитых отрока – Порей и Вышата, сын Остромира, посадника Новгородского.

В 1064 году Ростислав с небольшой дружиной внезапно появляется в Тмутаракани и выгоняет оттуда без боя своего двоюродного брата, князя Глеба Святославича. Обиженный Глеб обращается за помощью к отцу, великому князю Святославу, и тот посылает на юг ратников, желая помочь сыну. На короткое время Ростислав вынужден покинуть свое новое княжество. Но Глеб

Святославич вернулся ненадолго. Местные жители уже успели полюбить энергичного искателя приключений. Ростислав вернулся назад.

Он начал успешно воевать с соседями. Его победоносные стяги развевались в предгорьях Кавказа и горах Крыма. Ростислав брал дань с касогов и других народов Азовско-Черноморского региона. Летописи так описывали этого князя-воителя: «Був Ростислав муж добрый на рать, ростом гарный и красный лицом, ласковый до убогих».

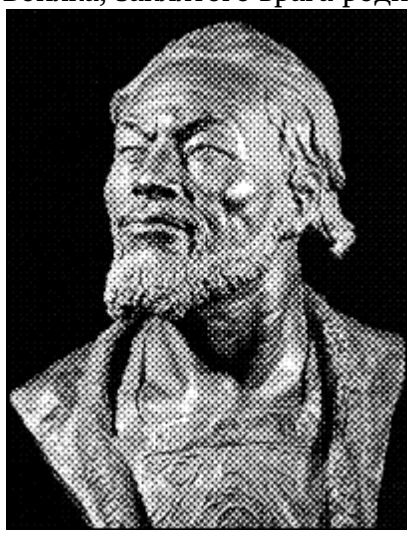
Однако подобный сосед совсем не понравился Византии, чьи колонии в Крыму находились в упадке и вполне могли стать добычей князя. Поэтому колониальные чиновники делали все возможное, чтобы сдружиться с Ростиславом, одновременно держа нож за спиной. Во время одного дружественного визита в Херсонес (Корсунь) князь был приглашен на пир к наместнику – катепану. Там он и угостился вином с византийским ядом. Смерть прославленного воителя вызвала восстание жителей, которые были благодарны Ростиславу за походы на степняков. Херсонесцы побили катепана камнями. Имеется и другая версия. Катепан гостил в Тмутаракани и был приглашен на княжеский пир. На пиру, где была и дружина князя, катепан, взяв чашу с вином, объявил: «Князь! Хочу пить за твое здоровье», тот отвечал: «Пей». Катепан выпил половину вина, а другую подал князю, но прежде дотронулся до края чаши и выпустил в нее яд, спрятанный под ногтем. По его расчетам, от этого яда князь должен был умереть на восьмой день. После пира катепан отправился в Корсунь и объявил, что в такой-то день Ростислав умрет. После смерти князя катепана действительно забили камнями жители Херсонеса, опасаясь мести княжеской дружины.

Ростислав Владимирович умер от яда 3 февраля 1065 года и был похоронен в тмутараканской церкви Пресвятой Богородицы. Ростислав был женат на дочери венгерского короля, которая после смерти мужа собралась на родину. Великий князь Изяслав отпустил ее, но сыновей удержал на Руси. Сыновья впоследствии прославились, основав великую династию князей Галицких.

БОЯРЕ НЕ ВИНОВНЫ

Долгое время бытовало мнение, что князя Юрия Долгорукого отравили. Некоторые российские историки до сих пор считают, что князь умер не своей смертью – его отравили киевские бояре.

А сюжет этой детективной истории закручивался в XII веке. Князь Юрий Владимирович ростовский, более известный как Долгорукий, так как далеко от своей земли промышлял в чужих владениях, в 1156 году завладел Киевом и всею землею киевской. При этом вызвал возмущение киевлян тем, что, будучи сыном Владимира Мономаха, грозы половцев, взял себе в союзники Свенча, сына хана Боняка, заклятого врага родного отца.



Сыновей своих Долгорукий посадил на престолы: Андрея – в Вышгороде, Бориса – в Турове, Глеба – в Переяславе, Василька – на Поросье. Вели себя новоприбывшие не как братья, а как злые захватчики. Современник так описывал князя: «Был роста немалого, толстый, лицом белый, глаза невелики, великий нос долгий и искривленный, брада малая, великий любитель жен, сладкой пищи и пития, более о веселиях, нежели о расправе и воинстве прилежал; но все оное состояло во власти и смотрении вельмож его и любимцев».

Однако недолго продолжалось правление «ростовских». Юрий Долгорукий, как можно понять из описания, был не дурак выпить. Может, оттого, что всю жизнь мучился болями в позвоночнике, и алкоголем их заглушал. Как-то в среду 10 мая 1157 года князь Юрий «зело попировал с воеводою по имени Петрило», а в четверг занемог. Так и не выздоровев, через пять дней князь умер, чем несказанно обрадовал киевлян. Они тут же разграбили княжеский

двор, звавшийся Красным, и его загородный дом на левом берегу Днепра, который сам князь называл раем. Также пограбили и двор Василька, сына Долгорукого, который держал он в Киеве; перебили суздальцев и ростовских по городам и селам, имения их разграбили. «Вы нас грабили, разоряли, жен и дочерей наших насильствовали; несть нам братия, но не приятели» – так говорили восставшие против суздальско-ростовских князей киевляне. Под шумок сын Долгорукого Андрей, сидевший в Вышгороде, сбежал, не дожидаясь мести, а заодно прихватил с собой икону Вышгородской Божьей Матери, которая затем стала наибольшей московской святыней под именем иконы Владимирской Божьей Матери. А сам похититель впоследствии получил прозвище Боголюбский и был канонизирован.

Умершего князя похоронили скрытно, что придало еще больше таинственности его смерти. Московские летописцы обвиняли в смерти Долгорукого «преступных бояр киевских». Еще при жизни Юрий Долгорукий просил похоронить его в храме Спаса на Берестове неподалеку от Киево-Печерской лавры. Но после нашествия Батыя следы могилы затерялись окончательно. Лишь в 1909 году, когда были проведены археологические раскопки у фундамента церкви Спаса на Берестове, обнаружили три саркофага. Это дало возможность предположить, что в одном из них находится тело Долгорукого. Однако лишь в 1991 году, когда один из саркофагов вскрыли, ученые убедились, что это действительно останки князя. Через некоторое время была проведена экспертиза костей – на наличие в них признаков отравления. Однако следов отравления неорганическими ядами, вроде мышьяка, цинка или меди, в костях не обнаружили. Заключение экспертов дало возможность отчасти снять давнишнюю вину с киевских бояр, хотя вопрос об отравлении ядом органического происхождения остался открытым.

БРАТ НА БРАТА

Начиналась эта история как в сказке. Отдал великий князь киевский, Изяслав Владимирович, один из последних киевских князей, свою дочь, красавицу Ефросинью, замуж за короля венгерского Гейзу П. Могуч был король. Воевал с Византией за контроль над Сербией, а жена ему сыновей рожала. Но в 1161 году Гейза умирает и оставляет престол своему двенадцатилетнему сыну Стефану III.

Малолетством короля сразу воспользовался византийский император Мануил Комнен, тоже один из последних великих императоров. При его дворе давно подвизались братья умершего короля – Стефан и Владислав. Император направил к венгерским границам армию и двух претендентов на престол. Венгры сначала отвергли притязания императорских ставленников, но старое оружие Византии – золото – сделало свое дело. Молодому королю изменили многие вельможи, и ему пришлось уступить корону своему дяде Владиславу.

Однако недолго правил младший брат. Через полгода какая-то таинственная болезнь унесла короля. Престол занял Стефан. Но когда знать и народ узнали, что новоиспеченный король в знак благодарности готов отдать Мануилу провинцию Сирмию, Стефана изгнали из столицы. Королем опять стал молодой Стефан III.

Но император Комнен не отчаивался. Он пообещал венграм признать их короля и даже предложил направить в Константинополь младшего брата Стефана III, Белу, за которого предложил отдать свою дочь, а после смерти своей, так как у

Мануила не было сыновей, посадить зятя на престол. В предвкушении будущего трона Бела поехал к императорскому двору. Но там его ждало разочарование. От второй жены у Мануила родился наследник! Все отыграли назад. Надежду на престол убили, молодую невесту отобрали… В качестве утешительного приза Бела получил руку императорской свояченицы. Но не смогли отобрать у Белы вновь приобретенных знаний о хитростях византийских царедворцев. Видя, что в Константинополе ему ничего не светит, он взял судьбу в свои руки.

В 1173 году его люди отравили брата Белы, короля Стефана III. Окрыленный надеждой на корону, Бела помчался в Венгрию. Но блицкриг не состоялся. На родине уже образовались две партии. Одна требовала подождать разрешения от бремени жены отравленного короля; другая, которую возглавляла мать Белы, Ефросинья Изяславовна, хотела посадить на престол младшего брата Белы. Чтоб сорвать плод с дерева, Беле пришлось еще долго воевать и мечом, и ядом, пока он не завладел такой вожделенной короной.

НЕУДАЧНИКИ ИЗ ГАЛИЧИНЫ

В середине XII века умер га-лицкий князь Володарь, и остались после него два сына – Ростислав и Владимирко. Владимирко оказался поэнергичнее и поухватистее своего брата. Собрав дружину, завоевал волости брата и довел его до скорой смерти. Умер Ростислав Володаревич, а волости его – Перемышльская и Теребовлян-ская – достались брату. Это вызвало гнев Ивана Ростиславича на загребущего дядю, который племяннику, сидящему в Звенигороде подо Львовом, ничего из отцовского наследия не оставил. Начал князь Иван искать себе защиты у врагов дяди и нашел ее в Киеве. В 1144 году под Звенигородом сошлись рати Владимирка и Всеволода Ольговича киевского. Но до битвы дело не дошло, Владимирко, чувствуя себя слабее, просто купил мир.

Затих Иван Ростиславич, но зимой, когда уехал галиц-кий князь на охоту в пущу, воспользовался моментом. Послали за ним жителя Галича и ввели его к себе в город, посадили на дедовский престол. Три недели дядя осаждал племянника, но тот в Галиче держался крепко. Однако во время одной из ночных вылазок отрезали Ивана с небольшим отрядом от города, и вынужден был он бежать в Киев. А князь Владимирко, войдя в Галич, казнил Ивановых приверженцев лютой казнью.

Начались скитания безземельного князя Ивана. Пришлось уйти ему с Руси и направиться в город изгнанников – Берлад, что стоял на молдавской земле. Люди, собиравшиеся там, носили прозвище берладников и были чем-то вроде наших казаков. И князь Иван получил прозвище Берладник и носил его уже до

самой смерти, так как не смог получить себе вотчину и служил разным князьям, продавая им свой меч и дружину.

В 1146 году появился Иван Берладник в Новгород – Северском, придя на помощь Святославу Ольговичу, выступившему против киевского князя Изяслава. Но Изя-слав Давыдович и его союзники оказались сильнее. Поэтому князь Иван, взяв у Святослава плату за помощь в размере 200 гривен серебром и 12 золотом, решил в бой не встревать, а уйти подобру-поздорову.

Вместе с дружиной перешел он на службу к князю Ростиславу Мстиславичу смоленскому. А в 1149 году его пригласил ростовский князь Юрий, будущий Долгорукий. Князь начал войну с Новгородом и нуждался в поддержке. Иван с дружиной напал на отряд новгородцев, но бой закончился ничем – обе стороны понесли тяжелые потери. В благодарность за помощь, когда Юрий Долгорукий утвердился на киевском престоле, в 1158 году согласился выдать Ивана Берладника его врагу, двоюродному брату Ярославу Галицкому. Князя Ивана привезли в кандалах из Суздаля в Киев, где его ждали послы Ярослава с большой дружиной. Но за князя-изгоя заступился киевский митрополит и игумены, которые пристыдили Долгорукого за то, что тот изменнически готов был отдать врагам человека, пролившего за него кровь и верно служившего ему.

Князь Юрий отправил Ивана в оковах в Суздаль, но пленный князь туда не прибыл. По дороге его отбили воины Изяслава Давыдовича черниговского. Берладник остался служить в Чернигове, и когда умер Долгорукий, прибыл вместе с Изяславом в Киев. Но недолгой была спокойная жизнь Берладника при великом князе киевском. Двоюродный брат, опасаясь влияния Ивана в Галиче, поднял на него всех князей Руси, Польши и венгерского короля. В вину Берладнику ставилась его служба разным князьям. Но Изяслав отказал в выдаче союзника прибывшим послам, однако Берладник, не желая компрометировать покровителя, сбежал из Киева в степь, к половцам.

Иван Ростиславич решил начать партизанскую войну против своих обидчиков. С половецкими отрядами он занял придунайские города, захватил на Дунае два галицких судна и начал преследовать галицких рыбаков. Присоединив к половцам 6000 опытных берладников, князь Иван вторгся в Галицкую землю, захватил город Кучельмину и осадил Ушицу. Гарнизон князя Ярослава крепко держался в Ушице, но его сопротивление слабело, так как жители сбежали к Берладнику. Через стену перескочило 300 человек. Половцы требовали захватить

ослабевшую Ушицу, но князь им отказывал, не желая подвергать жителей разграблению. В конце концов половцы озлобились и, бросив союзника, ушли в степи. Ушицу берладники так и не взяли, Изяслав Давыдович призвал Берладника и его дружину в Киев, которому угрожали Мономаховичи.

Верность этих князей друг другу привела к потере Киева. Решив оказать помощь Берладнику в свержении Ростислава галицкого, князь Изяслав пошел в поход, но потерпел неудачу, а на киевский престол сел Ростислав Ольгович.

Ивану Берладнику пришлось уносить ноги от своих врагов. Иван Ростиславич на этот раз добежал до греческой земли, но и там его настигла рука убийц. В 1161 году князя отравили в городе Солуне. Но остался претендент на галицкий престол, сын Берладника Ростислав Иванович. Его судьба была такой же, как и у его отца.

В 1189 году галичане обратились к Ростиславу, безудельному князю, который жил у смоленского князя Давида Ростиславича, с приглашением занять галицкий престол. Ростислав Иванович согласился, набрал себе дружину, с которой захватил два города, и пошел на Галич. Чаша весов склонялась на его сторону. Престол в Галиче после смерти Ростислава галицкого был свободен, народ признавал молодого князя законным наследником, бояре тоже готовы были его признать. Но вмешался венгерский король Бела, он привел свою армию и не дал боярам перейти к Ростиславу Ивановичу. Увидя столь многочисленных врагов, дружина Ростислава потребовала отступить, но он отказался, говоря, что «уже мне наскучило скитаться на чужой земле, хочу голову положить на своей отчине». Князь Ростислав бросился в середину галицких и венгерских полков, те окружили его со всех сторон, снесли с коня и полумертвого от ран понесли в Галич. В городе начались волнения, горожане решили отбить своего князя и посадить его на престол. Узнав об этом, Бела приказал отравить князя, что и было сделано.

Со смертью Ростислава эта ветвь галицких князей угасла.

РЕШИТЕЛЬНЫЙ ТИРАН

Когда в 1180 году умер византийский император Мануил Комнен, власть перешла к его двенадцатилетнему сыну Алексею II, провозглашенному императором, и к молодой регентше, матери Алексея, Марии Антиохийской. Вокруг красивой вдовы толпились поклонники. Она «приблизила к своему ложу» протосебаста Алексея и предоставила ему всю полноту власти в государстве. Тут же образовался заговор недовольных, во главе которого стояли принцы и принцессы императорской фамилии. Будучи преданы своим окружением, они, чтобы спасти жизнь, возмутили народ и заперлись в храме Св. Софии, где были осаждены войсками регентши. Дело кончилось соглашением и амнистией.

Этой смутой решил воспользоваться Андроник Комнен, двоюродный брат покойного императора; как все члены этой фамилии, он был энергичен, храбр и умен; сопровождал Мануила во многих походах. Но все его достоинства перечеркивались безграничным честолюбием, распутством и жестокостью. Его удалили от двора, но два раза Андроник покушался умертвить императора. Он вступал в сговор сначала с венграми, потом с турками, был прощен и назначен правителем Энона на Черном море. Вступив в зрелые лета, Андроник остепенился и стал писать богословские трактаты.

Но когда он узнал о константинопольском заговоре, в котором были замешаны его сыновья Мануил и Иоанн, то решил не упустить своего шанса. Он встал в позу поборника нравственности, осуждая любовные похождения регентши и

выступая защитником юного императора. Народный мятеж открыл ему ворота столицы.

Андроник велел выколоть глаза протосебасту Алексею, потом со слезами бросился к ногам молодого государя, посетил могилу Мануила и там поплакал. Андроник вторично короновал императора и сам его нес на руках в церковь. Затем он обвинил в измене императрицу и заставил сына подписать смертный приговор матери, которую затем задушили и кинули в море. Еще раньше подсыпали яд дочери Мануила Марии и ее мужу, цезарю Иоанну. Вожди знати были ослеплены. Причем погибли даже соратники новоиспеченного тирана, помогавшие ему захватить власть.

Сенат вынужден был провозгласить его соправителем, перед голосованием некоторые сенаторы, отобедав, отошли в мир иной. Андроник «неохотно» короновался. Он поощрял веселую жизнь племянника, но недолго. В 1183 году молодой государь был задушен в постели. Андроник, станцевав на его трупе, велел отрезать ему голову и бросить тело в море при звуках музыки. Синод даровал ему отпущение грехов.

Затем шестидесятилетний тиран женился на одиннадцатилетней невесте Алексея II, Агнессе французской. Новые казни обрушились на аристократию. Был вырезан восставший город Никея. Та же участь постигла Бруссу и Лопадион. Не выдержав притеснений, в сентябре 1185 года восстала столица империи. Бунт возглавил Исаак Ангел (будущий император). Открыли тюрьмы. Штурмом взяли дворец. Поймав Андроника, восставшие мучили его несколько дней. Вырвали бороду, отрезали руку, выкололи глаз, выбили зубы. Потом свергнутого тирана возили по городу, побивая камнями и обливая кипятком. Затем его привезли на ипподром и повесили за ноги, а солдаты забавлялись тем, что кололи и резали Андроника. Наконец тиран умер.

На нем прервалась династия Комненов. А истина, что народ заслуживает того правителя, которого имеет, подтвердилась еще раз.

ЕСЛИ БЫ НЕ ОТЕЦ…

Потрясатель Вселенной, великий Темучин, или Чингисхан, родился в 1155 году на берегах благословенной реки Керулен в необъятных монгольских степях. Отца будущего завоевателя звали Йессугай-багатур. Багатур не в смысле богатырь, а в смысле титула знатного человека. Йессугай действительно происходил из влиятельного рода Борджигинов племени тайчжиутов и был богатым человеком. За его богатство и влияние он был избран нойоном племени «монгол».

Тысячные отары и стада позволяли Йессугаю иметь несколько жен. Одну из жен – Оэлун, родившую ему сына, он отбил у меркитского хана Эке-Чиледу. Новорожденного младенца он назвал Темучином по имени незадолго до того убитого им татарского хана. Имя воина Йессугай дал сыну, так как нашел у него на ладошке сгусток крови. По поверьям монголов, это было знамением, предвещавшим могучего и свирепого властелина. Хотя есть версия, что имя Темучин означает «кузнец», а эта профессия у монголов была в почете, так как кузнецам покровительствовал сам бог Тенгри.

Прошло время, и Йессугай нашел одному из своих сыновей невесту. Посватав сына и, по обычаю, оставив его в доме невесты, Йессугай-багатур отправился домой. В пути он повстречал татар, которые, узнав багатура, радушно приветствовали его, накормили обедом и подсыпали ему в питье отраву. Через три дня Йессугай умер. После смерти нойона в 1164 году распался созданный им улус в районе реки Онон. Семью Йессугая покинули подданные и нукеры (придворные), и, что самое главное, воины нашли себе другого господина.

Вдовы с малолетними детьми скитались по степям и лесам. Голод был их постоянным спутником. Они питались кореньями, дичью и рыбой. В это голодное и холодное время выковался железный характер Темучина. Он был готов на все, только бы вырваться из нищеты. Юношей он бросил родных и присоединился к разбойникам и быстро стал атаманом.

Итак, если бы не отравление отца, то Темучин вырос бы, не зная лишений и тревог, и может быть, не было бы Потрясателя Вселенной, который мечтал завоевать мир до последнего моря. И, возможно, умер бы основатель династии Чингизидов своей смертью, на берегах благословенной реки Керулен, а не на чужбине от яда, которым были смазаны зубы красавицы Хатун.

Случилось это происшествие с Чингисханом в 1247 году в Китае. Старому хану привели в шатер молодую тангутскую ханшу Кюрбел-дишин-Хатун. Перед входом телохранители ее тщательно и с удовольствием обыскали и ничего не нашли. А оружием женщины, пожелавшей отомстить за свой народ, завоеванный монголами, были смазанные ядом зубы. После смертельного укуса, когда яд подействовал на Темучина, ханша, не желая подвергаться мучительным пыткам, бросилась в воды реки Хуанхэ.

НЕРЕШИТЕЛЬНЫЙ БРАТ

В конце XII века болгарам уже невмоготу стало жить под крылом просвещенной и православной Византии. Знать и народ Болгарии помнили времена независимости, помнили великих болгарских царей. Ослабление империи в результате внутренних раздоров давало шанс болгарскому народу. И народ им воспользовался.

Второе Болгарское восстание – так в истории называют этот период. Во главе недовольныых бояр и народа стали братья – Асень, Петр и Калоян. Они были из богатого «болярского рода», кровные родичи бывшего болгарского царя Шишмана. Братья владели неприступными крепостями на реке Янтре – Тырново и Трапезница.

Среди братьев энергией и умом выделялся Асень (впоследствии вся династия болгарских царей стала называться его именем). Он возглавил болгарское войско, которое успешно разгромило армию византийцев в Родопских теснинах.

В 1187 году на престол возрожденного Болгарского царства сели два соправителя – Асень I и Петр. Когда братья были просто болярами, предводителями восстания, их считала своими остальная знать. Но когда они царской властью стали управлять страной из своей новой столицы Тырново, требуя повиновения и уплаты налогов, то сразу же стали неугодными для бывших единомышленников.

Первым решили убрать энергичного Асеня. Нашелся убийца – силач и смельчак Иванко, который своим мечом в 1196 году убил царя. Но согласия среди заговорщиков не было, и Иванко пришлось бежать в Византию, которая с радостью приняла убийцу грозного врага.

На престоле остался Петр (Калояна сперва держали заложником в Византии, потом, по молодости, он выполнял различные поручения на границе). Петр был полной противоположностью брату. Он был не практик, а теоретик. Очень любил книги, собрал большую библиотеку. Был мягким, добросердечным и нерешительным. Он верил людям, а уже в то время, стоящий на вершине власти должен был верить только себе, да и то не всегда.

Правил Петр всего год. Видя его характер, окружавшие бояре быстро составили новый заговор. Но так как Петр был тихий, то и убрать его решили по-тихому, с помощью яда. Нашелся придворный виночерпий, соблазненный золотом и высокой должностью. Яд подобрали такой, чтоб смерть не была

мучительной, ведь Петр никому ничего плохого не сделал. Поэтому царь умер легкой смертью.

Но лучше бы заговорщики этого не делали. С границы примчался Калоян, который характером весьма походил на старшего брата. Быстро проведя следствие, он раскрыл отравителя и заговорщиков. Виночерпия бросили с Лобной скалы, служившей в Тырново местом казней, а заговорщикам пришлось спешно бежать вслед за Иванко в Византию. Династия Асеней обосновалась на болгарском престоле всерьез и надолго.

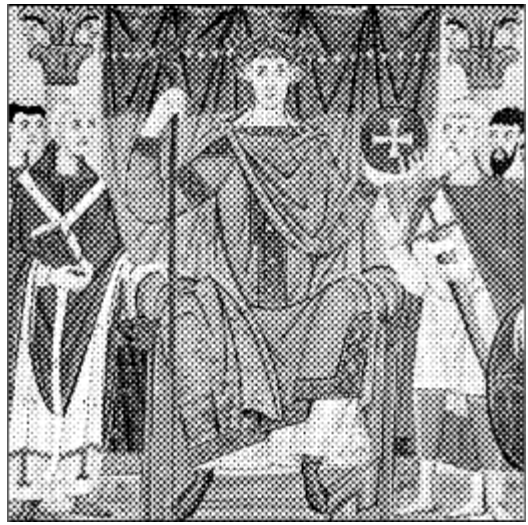
ТРАГЕДИЯ КРАСАВИЦЫ

У немецкого короля и императора Великой Римской империи Филиппа было четыре дочери, но не было наследника. Поэтому все претенденты на престол с вожделением дожидались, кого же выберет в женихи император. Особенно много претендентов было на руку старшей дочери Беатрис. Это объяснялось тем, что именно муж Беатрис по праву старшинства после смерти Филиппа сможет претендовать на корону. Да и сама Беатрис была достаточно привлекательна, чтобы разжечь огонь страсти в груди прагматичных немецких рыцарей своими алыми губками, голубыми глазами и чудесными золотыми локонами.

Но Филипп не спешил объявить имя счастливца. Он обещал юную дочь то одному, то другому владетельному князю. Это императора и сгубило. В июне 1208 года Филипп пировал на свадьбе своей племянницы в городе Бам-берге. Устав от пиршественных забав, император решил отдохнуть со своими приближенными в шатре. Там его и застал пфальцграф Огто фон Виттельсбах, один из одураченных претендентов на руку принцессы. Не разводя долгих церемоний, он всадил меч в живот Филиппа, разом решив все проблемы наследования.

Смерть Филиппа предоставила прекрасную возможность его врагам захватить корону, а затем и самого императора. Был созван съезд немецких князей во Франкфурте, который постановил передать корону Вельфов, к которым принадлежал и зарезанный Филипп, Штауфенам, с которыми покойный враждовал. Чтобы примирить сторонников Филиппа и вновь избранного короля Оттона, было решено отдать последнему в жены Беатрис. Принцесса не стала перечить съезду, но поставила одно условие – отомстить за отца. Ей пошли навстречу, и в 1209 году отрубленная голова несостоявшегося жениха и состоявшегося убийцы была брошена в воды Дуная.

А в мае 1209 года в Вюрцбурге пышно отпраздновали помолвку Оттона и Беатрис. Радовался и Папа Римский Иннокентий IV. Именно он поддерживал нового короля и дал разрешение на брак, так как жених и невеста были близкими родственниками (за разрешение на брак два немецких монастыря получили земли и угодья). Все были рады: Отгон – приданому невесты, ведь достояние императорского дома досталось ему; Беатрис – мести; папа – немецкому союзнику; князья – окончанию гражданской войны. А горожане хоть пива выпили и повеселились.



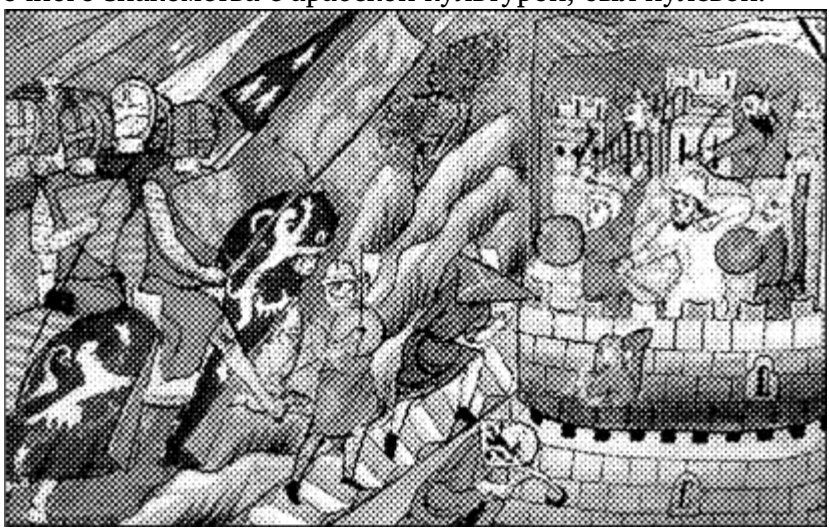
Но недолго радость царила в душах людей. Оттон отправился в Италию за императорской короной и там такого натворил, что буквально через месяц стал противником папы, отлучившего его от церкви, приобрел кучу врагов, и немецкие земли опять были объяты гражданской войной.

Но война войной, а женитьба женитьбой. О любви речи быть не могло. Оттон просто заключил политический союз с союзниками покойного императора, гарантом этого союза стала Беатрис. В 1211 году между битвами и набегами отпраздновали свадьбу. Скромно, особо не роскошествуя, так как деньги были нужны на войну. Но юная жена императора Отгона не долго согревала его супружеское ложе. Через несколько недель она скоропостижно скончалась.

Эти недели были для нее мукой, и избавлением от страданий стала чаша с ядом, которую ей поднесла соперница, страстная итальянка, привезенная Отгоном из похода в Италию. Оттон равнодушно отнесся к смерти нелюбимой жены. Но последствия смерти Беатрис, которая тут же стала героиней менестрельских баллад, были для императора ужасны. Все враги объединились против него, а немногочисленные друзья покинули. В 1214 году армия императора была разбита во Фландрии. Отгона лишили короны, и стенающий о Беатрис экс-император и экс-муж вынужден был провести остаток своей жизни запертым в маленьком родовом замке. Умер Оттон в одиночестве в 1218 году, дожив лишь до 43 лет.

КРЕСТОМ И МЕЧОМ

Одним из самых поразительных, грандиозных и бесполезных проектов объединенной средневековой Европы были крестовые походы. За освобождение Гроба Господня погиб цвет европейского рыцарства. Результат же всех этих прогулок на Восток, не считая побочного знакомства с арабской культурой, был нулевой.



В конце концов и самим рыцарям надоело эта бессмысленное мотание по пескам в поисках неуловимой конницы сарацин. Поэтому, когда папа Иннокентий III провозгласил Четвертый Крестовый поход, рыцари, объединившись с Венецией, решили пойти другим путем. Для разминки захватили и разграбили христианский город Задар, который считался конкурентом венецианским купцам на Адриатике. А потом вместо Иерусалима направились в Константинополь. Неважно, что там тоже жили христиане, важно то, что тогда это был самый богатый город.

Для легитимности своих притязаний крестоносцы прихватили эмигранта из Византии, который принадлежал к одному из древних родов, имевших некоторое право на императорскую корону. То был бежавший в 1203 году на остров Корфу Алексей Ангел. С ним заключили соглашение о гонораре за предоставление ему трона.

Многочисленное войско рыцарей и пехотинцев было доставлено под стены византийской столицы летом 1203 года на венецианских судах, которые дож Венеции предоставил им в кредит. То было уже не первое нашествие освободителей Гроба Господня на христианский город. В апреле 1097 года к Константинополю подошли отряды итало-сицилийских рыцарей

под предводительством Боэмунда Тарентского, участники Первого крестового похода. Заплатив положенную сумму, рыцари получили от императора Алексея Комнена право на пребывание в городе. Боэмунд поселился во дворце в качестве гостя императора. Но хорошо зная нравы византийского двора, он отказался, опасаясь яда от присланных ему блюд из императорской кухни. Пожелав все же проверить искренность императора, Боэмунд щедро угостил свою свиту блюдами, присланными Алексеем Комненом. На следующий день предводитель рыцарей подробно расспрашивал своих слуг о самочувствии. Но в тот раз все обошлось без яда и кровопролития.

Сейчас все было по-иному, так как главной целью крестоносцев стало обогащения, а не Гроб Господень. Осада была непродолжительной. Правивший в Константинополе император Алексей III не пользовался популярностью у знатных родов и плебса после введения многочисленных налогов и проводимых репрессий. Поэтому 17 июля 1203 года император, прихватив семью и казну, бежал из города. Власть в осажденной столице фактически перешла в руки представителя знатного семейства Дуков по прозвищу Мурцуфл («насупленный») – он получил его так из-за своих густых бровей и глубоко запавших глаз.

По его предложению жители Константинополя 18 июля возвели на престол императора Исаака II Ангела, человека совсем уже преклонного возраста, отца Алексея, прибывшего с крестоносцами. От имени Ангела Мурцуфл и другие патриции вели переговоры о сдаче города. Договорившись о более или менее приемлемых условиях, обе стороны пришли к соглашению. Одним из условий была коронация беглеца с Корфу, и 1 августа 1203 года к Исааку II в качестве соправителя определили императора Алексея IV, его сына.

Вступив на престол, Алексей сразу же выплатил войску крестоносцев 100 тысяч червонцев. Но, отдав долги дожу и поделив остаток между собой, вожди крестоносцев и простые воины остались недовольны. Поэтому каждый начал искать что и где плохо лежит в Константинополе. Участились столкновения между горожанами и освободителями Гроба Господня. Алексей IV, посаженный на престол чужеземцами, против не выступал и во всем поддерживал. Особенно обострились отношения между сторонами после гигантского пожара 19 августа, который возник во время грабежа, учиненного крестоносцами.

Во главе недовольных встал Мурцуфл. Сначала он организовал отряды самообороны. 1 января 1204 года сделал попытку поджечь флот крестоносцев. На престоле к этому

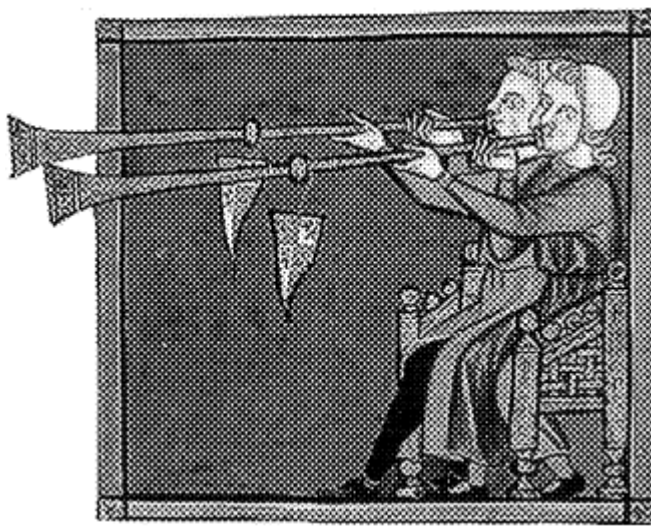
моменту остался один Алексей. Исаак II, не выдержав постигших его испытаний, умер. Начиная с января Мурцуфл предпринял три попытки отравить императора, но то ли яд попался слабый, то ли организм Алексея IV был крепкий. Мурцуфл, не дождавшись положительного результата, решил действовать силовыми методами. Его официальное положение давало свободный вход во дворец, и в ночь на 28 января 1204 года он арестовал императора. Алексея отвели в тюрьму, где через несколько дней он был задушен. Не ядом, так веревкой, но Мурцуфл своего добился.

5 февраля 1204 года Мурцуфла короновали под именем Алексея V. Однако царствование его было непродолжительным, хотя и бурным. Крестоносцы обиделись, когда их выгнали из Константинополя, и снова осадили город. После многих сражений и пожаров столица Византии 13 апреля 1204 года пала еще раз. На этот раз святое войско не сдерживали никакие договоренности, и Константинополь ободрали как липку. Для дележа были свалены в огромные кучи золотые и серебряные монеты, посуда, церковная утварь, ткани. Когда все поделили, то решили отказаться от похода в Палестину, а избрать собственного императора и остаться в Константинополе. Перед выборами казнили экс-императора Алексея V. В назидание горожанам его сбросили с Феодосийского столпа. А на престол сел Бодуэн, граф Фландрский, который процарствовал весьма недолго. Попав в плен к болгарам, он, по приказу царя Калояна, тоже был казнен.

ОБВИНЕНИЕ ТРУБАДУРА

Шедшие на завоевание Гроба Господня крестоносцы, забыв о цели своего похода, надолго застряли на землях Византийской империи. Поделив богатства и земли Константинополя, новоиспеченные император, бароны, графы и князья занялись любимым занятием – интригами.

Каждый следил за каждым, и каждый завидовал каждому. В августе 1206 года предметом зависти стал граф Анри д'Эно. Его брат, король Латинской империи Балду-ин, пал от меча болгар, которые, по своему невежеству, не признавали за крестоносцами никакой святости. Рыцари короновали брата погибшего, но в душе у каждого из них шевелился червячок сомнения – а почему не меня?



Чтобы упрочить трон, Анри (Генри) в 1207 году взял в жены Марию, дочь болгарского царя Калояна, виновника смерти Балдуина. На первое место Анри ставил не месть, а политику. Этот шаг дал возможность Латинской империи прожить десять более или менее мирных лет.

Но долгий мир и долгое царствование все более утомляло окружение императора. Они начали искать возможность изменить ситуацию. И она была предоставлена. В 1216 году император Анри решил посетить соседнее Солунское королевство, чтобы решить вопрос престолонаследия. Но первый же пир, данный в честь знатного гостя, оказался для гостя роковым. 11 июня 1216 года в возрасте 40 лет Анри скончался.

Константинополь надел траур. Все следили друг за другом, желая узнать: кто оказался самым хитрым. Обстановку разрядил

рыцарь-трувор (трубадур) Конон де Бетюн. Он сочинил эпитафию, в которой прозрачно намекалось, что смерть императора пришла из уст, которые целовали его, из глубины глаз, в которых таилось коварство и измена. Разнеслась молва – в смерти императора Анри повинна императрица Мария, дочь коварного Калояна. После смерти мужа она становилась регентшей при малолетнем сыне Балдуине, наследнике престола. Мария не выдержала злобных наговоров и нападок, постриглась в монахини.

Если не Мария дала яд, то кто же? Летописи называют двух виновников смерти императора-крестоносца. Одного считают непосредственным исполнителем, он жил в Салониках. Это был регент Солунского королевства Оберто де Бьяндрате. Именно его намеревался убрать Анри, когда отправился в Салоники. Второй жил в Константинополе и подстрекал первого на убийство. Им считают шурина Анри, который в случае смерти Анри становился регентом при малолетнем Балдуине. Однако насладиться властью ему не удалось: вскоре он погиб от рук тех же непокорных болгар, которые теперь мстили за смерть родственника-императора.

Маленького Балдуина постепенно отодвинули подальше от трона, на который села правительница, а первым советником у нее стал «проницательный» трубадур.

ЯДЫ НА БЕРЕГАХ ИТИЛЯ И АМУРА

На берегу Волги, или Итиля, как ее называли тюрки, в XIII веке раскинула свои шатры столица монгольской Золотой Орды. Хотя большинство жилищ было из войлока и необожженной глины, все же то была настоящая столица огромного государства, протянувшегося от Дуная на западе до Сибири на востоке. И как во всякой порядочной столице, пусть и молодого государства, в ней кипели интриги. А где интриги, там и яд. Главным источником доходов для Золотой Орды был ясак, собираемый с российских и украинских княжеств. Поэтому поступление денег зависело от того, насколько умел сборщик дани – князь, получивший ярлык на великое княжение. Из-за этого и гибли князья, становясь жертвой различных придворных монгольских группировок.

Особенно отличилась в делах отравительских Туракин-ханум – старшая жена хана Угедея, сына Чингисхана, мать Гуюка, хана Великой Орды, раскинувшейся на берегах Амура. Сначала она пробовала яды на своих приближенных, пробивая путь к Каракорумскому трону своему сыну Гуюку. При этом травила коварно и скрытно. Отправив приблизительно в 1240 году на тот свет хана Угедея, она сумела обвинить в его смерти других. Из-за коварства Туракин-ханум был забит до смерти царевич Урджукен и завернули в кошму и кинули в реку сестру Угедея, обвиненную в колдовстве.

Затем Туракин-ханум приступила к выдаче ярлыков на великое княжение. Точно известно, что ее жертвой стал князь Ярослав Всеволодович, великий князь Владимиро-Суздальский, отец Александра Невского. Князь был тесно связан с Золотой Ордой. Он стал первым великим князем, получившим в 1243 году ярлык на княжение от монгольского хана. В 1245 году вместе с братьями Святославом и Иваном, а также с племянниками он снова посещает Орду. Хан Батый, одарив подарками, отпускает гостей домой – всех, кроме Ярослава. Его он посылает на берега Амура. Здесь в августе 1246 года Ярослав Всеволодович стал свидетелем воцарения хана Гуюка, сына отравленного Угедея. Затем он «принял много томления» в ожидании приема у великого хана. Но дождался только угощения у ханши Туракин.

30 сентября 1246 года Ярослав умер от таинственной болезни, как раз на седьмой день после угощения в юрте Туракин-ханум. Посол Папы Римского Плано Карпини писал, что «все тело его удивительно посинело». Покойника перевезли во Владимир, где и похоронили в Успенском соборе. Причин отравления две. Первая – князь был слишком независимым, чем не понравился ханше, вторая – Ярослав был оклеветан своим земляком, Федором Яруновичем, но в чем состоял донос – неизвестно. В летописи сказано, что князь был отравлен «за неназванные вины». Известный российский историк, специалист по кочевникам Лев Гумилев вообще отрицает вину ханши и перекладывает ответственность за смерть Ярослава Всеволодовича на лазутчиков Ливонского ордена, которые тайно действовали в Каракоруме, желая устранить своих врагов и заручиться поддержкой татар.

А Туракин не успокоилась на достигнутом и сразу же отправила письмо сыну убиенного, Александру Ярославичу Невскому, приглашая его в гости и обещая отцовское наследие и ярлык на великое княжение. Но Александр благоразумно отказался. Уберечься от яда он все же не смог. Побывав в Золотой Орде и получив ярлык на великое княжение, князь Александр, возвращаясь домой, внезапно занемог. Предчувствуя свой конец, принял постриг под именем Алексея и умер, возможно, от татарского угощения, уже в монашеском чине. И потом еще не раз угощения у монгольских правителей заканчивались для российских князей смертью. Как, например, для тверского князя Ярослава Ярославича, который не сумел добыть себе ярлык великого князя и от «скорби» внезапно умер по дороге из Орды домой.

НЕУГОМОННЫЙ КОРОЛЬ

Не все было спокойно в датском королевстве в середине XIII века. После смерти популярного в народе короля Вальдемара Победителя претендентами на престол стали два его сына. Один, Абель, умный, а второй, Христофор, неугомонный. Он родился в 1219 году и был младшим в семье. Поэтому после смерти отца в 1245 году королем провозгласили старшего брата Абеля, а Христофору достался титул «господина» Лоланда и Фальстера. Титул был так себе, средненький, и Христофор, затаив обиду на брата, знать, духовенство и неблагодарный народ, решил ждать своего часа.

И дождался. 29 июня 1252 года, после смерти Абеля, Христофор был провозглашен королем Дании, с приставкой цифры I. Избрание Христофора нарушило права племянника его, сына и наследника Абеля, и положило начало многолетней борьбе между двумя ветвями королевского дома. Кроме династических распрей, Христофору пришлось вести борьбу с высшим духовенством, усмирять волнения крестьян и воевать с Норвегией. Словом, скучать королю было некогда.

Справиться со всеми Христофор не мог и поэтому желал хоть как-нибудь уменьшить число врагов. Когда норвежский король Гакон Гаконин появился со своим флотом под Копенгагеном, Христофор решил помириться с этим врагом и даже заключил с ним оборонительный союз.

Другое дело церковь. Борьба с духовенством достигла высшего напряжения в феврале 1259 года, когда Христофор, раздраженный отказом архиепископа Якова Эрландсена

короновать его сына Эрика, заточил того в темницу. Этим он навлек на всю страну интердикт и вызвал открытое возмущение многих епископов, которые заключили союз с князем Яримаром Рюгенским и вторым сыном умершего короля Абеля, Эриком. Союзники двинули свои войска на Копенгаген. Христофор вступил с ними в отчаянную борьбу. Но его неугомонный характер уже достаточно поднадоел даже его приближенным. Не дожидаясь исхода противоборства, кто-то из близких короля подсыпал яд и навеки угомонил неугомонного.

ПОДАРОК АББАТИСЫ

Конец XIII века в Западной Европе проходил под знаком борьбы папы и французского короля. Папа Бонифаций VIII искал союзников против Филиппа IV, но постепенно терял силы в неравной борьбе. В начале XIV века государственный совет Франции по инициативе ближайшего советника короля – Гильома Ногаре обвинил папу в том, что тот противозаконно занимает папский престол, и вынес решение о немедленном созыве церковного собора, который осудил бы Бонифация VIII как еретика, симониста и чудовищного преступника. В то же время королевские чиновники начали агитацию по всей стране против папы, утверждая о необходимости спасти Францию и церковь от угрожающей им опасности со стороны преступного наместника Св. Петра.

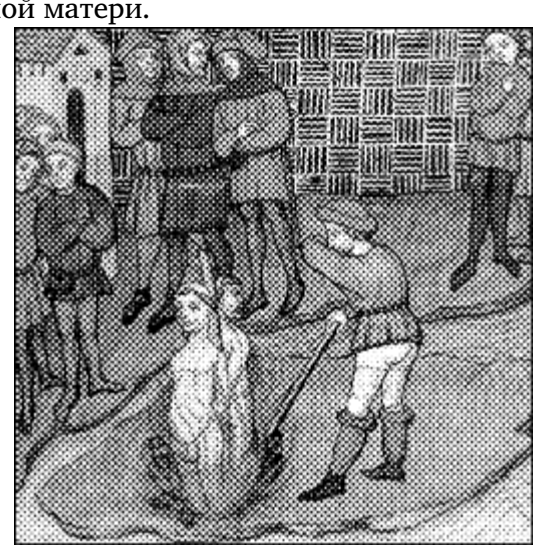
По поручению Филиппа IV, Ногаре отправился в Италию, организовал противников папы в небольшой отряд, многих подкупил, и вместе с двумя кардиналами, которых Бонифаций VIII преследовал по личным мотивам, настиг папу в его резиденции – Ананье, где арестовал и, утверждают, даже избил его. Однако в Ананье начались манифестации «против иностранцев», а вскоре из Рима прибыли для спасения сошедшего с ума Бонифация VIII 400 всадников, с которыми 86-летний папа перебрался в Рим, где через месяц (11 октября 1303 г.) умер. Начались долгие поиски кандидата на папский престол. Общая растерянность привела к тому, что избран был безвольный монах, ставший папой Бенедиктом IX (1303–1304 гг.), который должен был все и всех простить, за исключением Ногаре и некоторых других «прямых виновников чудовищного преступления, совершенного разбойниками». Однако «разбойники» не предстали перед судом, ибо некий молодой человек, одетый в монашеское платье, предложил Бенедикту IX от имени некоей аббатисы свежие винные ягоды (виноград), от которых тот благополучно и быстро скончался. Так была решена проблема противостояния папского престола и французской короны.

Следующий папа был полным ставленником французского двора, и именно с него началось «авиньонское пленение пап», приведшее к многолетнему запустению Рима и беспрерывной борьбе пап и антипап.

ЕПИСКОП-КОЛДУН

В 1302 году во французском королевстве вспыхнул скандал. Труайского епископа Гишара обвинили в том, что он извел ядом королеву Бланку Наваррскую. Бедный епископ не знал, что делать. Но так как он все же не был бедным и догадывался, чего от него хотят, ему удалось откупиться от обвинения, уплатив дочери отравленной королевы, Жанне, супруге Филиппа Красивого, громадную по тем временам сумму – 80 000 туринских ливров.

На время все затихло. Но когда через три года умерла и королева Жанна, то снова появились желающие потрясти мошну епископа-«отравителя». Гишара схватили и обвинили в употреблении ядов. Утверждали, что епископ был влюблен в королеву и добивался от нее взаимности, а так как она на его ухаживания не поддавалась, то он прибег к содействию дьявола. Дьявол научил его сделать восковую фигурку и окрестить ее. Епископ все это проделал это, но его любовные притязания были снова отвергнуты; с досадой он бросил восковую фигурку в огонь. А так как она представляла собой королеву – та, когда ее колдовское изображение погибло, тоже умерла внезапно от какой-то непостижимой и скоротечной болезни. Утверждали также, что детей королевы Гишар тоже решил принести в жертву. Епископ, мол, хотел выместить на них свое озлобление против их добродетельной матери.



Гишара таскали по судам до 1313 года, и отпустили только тогда, когда конфисковали все его огромное состояние. Справедливость восторжествовала – золото оказалось в кармане у

короля.

ПОСЛЕДНЕЕ ПРИЧАСТИЕ

В 1308 году недовольные императором немецкие князья организовали заговор и зарезали Альбрехта I. В Германии, и так неспокойной, воцарилась анархия. Символом стабильности стала церковь, которая искала нового короля. И воспреемник опустевшего престола был найден. В том же году архиепископ Майнцский короновал Генриха, графа Люксембургского. Генрих стал править под именем Генриха VII. Первым своим указом он приказал организовать пышные похороны зарезанного предшественника. Затем занялся успокоением страны. Как ни странно, а примирить враждующие стороны ему удалось. Благодетельное правление нового короля прославляли церковные иерархи Германии и даже папа, который, вообще-то, не любил немецких королей.

Но, как многие короли до и после него, Генрих обломал себе зубы на итальянских походах. В октябре 1310 года с 5000-тысячным войском он перешел Альпы и двинулся на Рим. Его поход поддерживал папа Климент V, и поэтому партия гвельфов в итальянских городах-государствах встречала короля с распростертыми объятиями. Не спеша продвигаясь вперед, захватывая города, примиряя давних врагов или же казня их, Генрих VII стремился в Рим к долгожданному императорскому венцу. В июне 1312 года его желание осуществилось, и императорская корона увенчала его голову. На этом удача от него отвернулась.

Население Рима восстало, недовольное мизерными подачками новоиспеченного императора. Папа, недовольный

отказом поддержать его политические претензии, отлучил императора от церкви. Французский король, поддерживающий родственников в Неаполе, куда нацелился Генрих, начал плести интриги и организовывать заговоры среди итальянцев, которые это просто обожали.

Очутившись в окружении врагов, император обратился за поддержкой к любимому сыну Иоанну. Тот оставался в Германии и чувствовал себя довольно уверенно, утвердившись на Богемском престоле. Получив послание от отца, Иоанн в начале 1313 года собрал сейм в Нюрнберге и провел указ об оказании всемерной поддержки итальянскому походу императора и о признании похода всегерманским делом. Солидное подкрепление пришло в Италию к Генриху, и тот уверенно выступил против Роберта Неаполитанского.

Но в разгар похода, в августе 1313 года, в небольшом городке Буонконвенто Сиеннской области, Генриха VII настигает внезапная смерть – и это на 51-м году жизни! Это произошло, как в один голос писали хронисты того времени, от яда. А яд был дан императору доминиканским монахом во время причастия. Кто конкретно «заказал» Генриха, осталось неизвестным. «Все было возможным», – повторяя слова хроники XIV века, скажем мы.

Поход тут же закончился. В Германии воцарилась анархия. Партии гвельфов и геббелинов снова начали резать друг друга на улицах итальянских городов. И только одно осталось после Генриха – шайки наемных солдат, или «ольтрамонтани», как их называли итальянцы, заполонившие всю Италию.

СВАРЛИВЫМ БЫТЬ НЕХОРОШО

Великому французскому королю Филиппу IV Красивому наследовал сын, который был полной противоположностью отцу. На момент смерти короля его наследнику Людовику исполнилось двадцать пять лет. Умом он не блистал и более походил, как бы мы сейчас сказали, на закомплексованного тинейджера. Бесхарактерный, беззаботный, неуверенный в своих силах Людовик вечно ходил насупленный – в ожидании окрика отца или еще какой-либо неприятности. Отыгрывался принц на нижестоящих и поэтому получил прозвище Сварливый.

С этим прозвищем Людовик X и вошел в историю рода Капетингов. Смерть отца и коронация не очень изменили его характер. Сев на престол, он первым делом занялся решением судьбы своей жены, Маргариты Бургундской, которая томилась в заточении по обвинению в супружеской измене. По приказу новоиспеченного монарха его супружницу ликвидировали, а он получил возможность вновь испытать себя на супружеском ложе. Хотя прозвище «рогатый» так и осталось за Людовиком.

Всеми делами при дворе вершил дядя, Карл Валуа, типичный вояка и недалекий политик. Именно по его наущению Людовик провозгласил возвращение порядков своего прадеда, Людовика Святого, – тогда в государстве главенствовала разнузданная феодальная вольница. И именно дядя нашел своему племяннику-королю новую невесту, прелестную блондинку Клеменцию, принцессу из Неаполя.

Женитьба как-то утешила Сварливого и даже улучшила его характер. На некоторое время он забыл и о неудачном походе во Фландрию, и о пустой казне, которую пытался пополнить, в 1315 году отпустив за крупный выкуп крепостных крестьян в своих владениях в Шампани и Наварре. Большую радость королю принесла беременность жены. Появилась надежда на продолжение династии именно по линии Сварливого.

Но дожить до появления наследника Людовику было не суждено: его отравили. Может быть, родственники, которые сами мечтали о престоле, может быть, соратники отца, которых он бросил в темницы, может быть, тамплиерское «подполье», мстящее за разгром своего ордена. Как бы там ни было, но в 1316 году король скончался от яда, уступив место своему брату.

ПОСЛЕДНИЙ КНЯЗЬ ГАЛИЦИИ

Галицко-Волынское княжество, ставшее наследником великой славы Киева, к XIV веку уже утратило свою силу и клонилось к упадку. Междоусобицы князей, боярские измены, заговоры соседей привели к тому, что князей из династии Данилы Галицкого фактически не осталось. Поэтому в один из моментов относительного спокойствия галицким боярам пришлось искать князя в чужой земле. Их выбор пал на Юрия-Болеслава.

Он был сыном мазовецкого князя Тройдена и Марии, сестры галицких Юрьевичей. Благодаря материнской крови Болеслав смог претендовать на княжение. Желая получить княжеский престол, он в 1325 году переходит из католичества в православие и к имени Болеслав присоединяет второе – Юрий.

Но православное крещение не сделало князя тихим и покорным. Его политика отличалась от устремлений боярства. Желая закрепить свои связи с Западом, Юрий-Болеслав в 1331 году женится на дочке могущественного литовского князя Гедимина, которая при православном крещении получает имя Евфимия.

Галицкий князь погружается в интриги европейской политики. Он заключает союз с прусскими рыцарями и вместе с ними в 1337 году осаждает Люблин, наказывая поляков за притязания на Галицию и Волынь. Но если во внешней политике его деятельность была успешной, то во внутренней – вызывала сопротивление.

Желая принести образование и религиозную веротерпимость в галицкие земли, Юрий-Болеслав не возбранял католическим священникам строить костелы, вести проповеди и обучать детей. Для развития ремесел князь приглашал мастеров из Германии и Богемии. Этим были недовольны ремесленники в городах – их пугала конкуренция, духовенство православной церкви боялось папства, паства уходила, на простых людей давило налоговое бремя, деньги были нужны для обеспечения военных походов. А главное, боярство было тоже недовольно. Юрий-Болеслав зажал их железной рукой рыцаря, выжигая огнем и мечом крамолу и измену. Но если основная масса недовольных была далека от княжеских палат, то бояре были рядом… Словом, для устранения князя был выбран яд.

Яд частенько появлялся на княжеских пирах на Руси. Даже в былинах о киевских богатырях упоминается отрава. Самого Добрыню Никитича некая Маринка, или Марина Игнатьевна, полюбовница Змея Тугарина, хотела женить на себе при помощи

чар. В былине Маринка названа «отравщицей», «зельницей», «кореньщицей» и «чародейкой». О том, чем она занимается, было хорошо известно. Мать предупреждала Добрыню:

«…Не ходи-ко ты во улицы Игнатьевски.
Во те ли переулки во Маринкины.
Та ли блядь Маринка да потравница
Потравила та Маринка девяти ли молодцов,
Девяти ли молодцов да будто ясных соколов,
Потравит тебя, Добрынюшку, в десятке».

Былина говорит о том, что отравления носили массовый характер и жертвами Маринки были первые люди Киевской Руси:

«Много казнила да народу она русского,
Много тут князей да князевичей,
Много королей да королевичей,
Девять русских могучих богатырей,
А без счету тут народушку да черняди!»

Была ли такая Маринка в действительности, и для чего она занималась своей деятельностью – неясно. Но зато понятно, откуда брался яд для отравителей в Киевской Руси и распространенность такового явления, как отравление, среди киевской знати.

Князя Юрия-Болеслава отравили в 1340 году во Владимире-Волынском. Как описывает в своей летописи Франтишек Пражский, яд был настолько силен, что тело «треснуло на части». Летописец прямо обвиняет бояр, но то, что Юрием-Болеславом были недовольны и низшие слои населения, подтверждает бунт, вспыхнувший тотчас после его смерти. В городах началось избиение его сторонников. Православные священники призывали убивать католиков, что и делалось народом с превеликим удовольствием. В конце концов разъяренная толпа ворвалась в один из княжих теремов и убила жену Юрия, Офку, как презрительно называли ее простолюдины.

Со смертью Юрия-Болеслава династия галицких князей прервалась.

НЕЗАКОННОРОЖДЕННЫЙ

Генрих Трастамаре, родившийся в 1338 году, был незаконнорожденным сыном кастильского короля Альфонса XI, и это клеймо всю жизнь преследовало его. Он был умным и мужественным человеком, но для окружавших его кастильских грандов все равно оставался незаконнорожденным.

Когда умер отец Генриха, тому пришлось бежать в Португалию, спасаясь от «любящего» братца, которого в народе прозвали Петром Жестоким. Стиль правления Петра способствовал возникновению оппозиции, которой волей-неволей пришлось обратиться к незаконнорожденному.

Восстания, возглавляемые Генрихом, дважды заканчивались неудачей. Сначала в 1354 году, в 16 лет ему пришлось бежать во Францию. Собравшись с силами, возмужав, набравшись военного опыта в войне Арагона с Кастилии, Генрих в 1366 году практически добился победы над братом, но был разбит наголову еще одним блистательным наследником с берегов Альбиона – Черным принцем, и снова бежал во Францию.

1369 год принес долгожданную победу и королевскую корону. Незаконнорожденый Генрих стал Генрихом II, королем Кастилии. Время его правления было временем мира и спокойствия для государства. Отбив все поползновения агрессивных соседей, Генрих II энергично возрождал порядок в делах государственного управления Кастилии. Но как бы ни был хорош, он все же оставался незаконнорожденным, и окружавшая его знать не забывала об этом. Итог печален – в 1379 году Генриху подсыпали яд. Корона перешла к его законному и покладистому сыну Иоанну I, а незаконнорожденного с почестями похоронили в королевской усыпальнице.

ЛЮБИМЕЦ КНЯЗЯ

Князю Дмитрию Донскому выпал нелегкий жребий. Еще с Ордой не разобрались, еще Литва грозила нанести удар в спину, еще удельные князья пытались собрать силы, а тут – церковные проблемы. После смерти митрополита Феогноста в церкви киевской и московской установилось двоевластие. Константинопольский патриарх благословил одновременно сразу двух митрополитов – Романа и Алексия. В конце концов святые отцы, некоторое время поконфликтовав, разделили епархии. Роману достались Литва и Волынь, а Алексий перебрался в Москву.

Но конфликт не был исчерпан. В 1358 году Алексий появился в землях Романа в Киеве, в ответ Роман в 1359 году приехал в Тверь, где его приветствовали князь и бояре.

Алексий же твердо вел свою политику на подчинение светских князей московскому князю, а духовных – московской митрополии. Не будучи греком, Алексий умел поддерживать постоянное расположение двора и патриарха константинопольского к себе и к Москве. Эта промосковская позиция митрополита вызывала возмущение удельных князей. В Константинополь писал жалобу смоленский князь Святослав, тверской князь Михаил подавал на Алексия в суд. В конце концов жалобщики, поддержанные литовским князем Ольгердом, добились решения константинопольского патриарха о постановке на митрополию по смерти Алексия серба Киприана, под чью власть перешли бы все земли.

Это не устраивало московского князя. Церковь должна

поддерживать Москву. Вот здесь, как черт из табакерки, и появляется коломенский священник Дмитрий Иванович Тешилов, прозванный в народе Митяем (позднее в монашестве он получил имя Михаил). То был человек «видный, наружности красивой, грамотный, с речью легкой и чистой, голосом громким и приятным, умеющий истолковать книжную премудрость как надо, память имел изумительную, знал все старинные повести, книги и притчи…» За эти достоинства великий князь Дмитрий и взял Митяя к себе в духовники и печатники. С каждым годом влияние Митяя росло. Великий князь ему ни в чем ни отказывал, а всякое дело челобитчикам было вернее решать через духовника, а не прямо через князя.

Вот Митяй, по замыслу Дмитрия, и должен был стать преемником Алексия на митрополичьем престоле. Но Алексий сопротивлялся, он хотел передать свой посох Сергию, игумену Троицкого монастыря, однако тот сам отказался. Тогда Алексий стал искать другого воспреемника – кого угодно, но только не Митяя.

Однако, несмотря на возражения Алексия, Митяй с помощью князя сделал головокружительную карьеру, которая поразила современников. Как раз во внутрикремлев-ском Спасском монастыре освободилось место архимандрита. До полудня Митяя постригли в монахи, а после обеда назначили архимандритом. Дальше начались переговоры с неуступчивым митрополитом. Великий князь долго его упрашивал, сам приходил к нему, посылал брата двоюродного Владимира Андреевича, бояр – но все напрасно. «Кому даст Господь Бог, Пречистая Богородица, патриарх и вселенский собор, того я и благословлю». Так и скончался упрямый старец в 1377 году, не благословив Митяя.

Но Митяй не унывал. По смерти Алексия тут же занял двор митрополита, облачился как митрополит и править стал как владыка. При этом предложил Дмитрию вообще отказаться от услуг Константинополя, а закрепить де-юре свое положение путем собрания епископов из московских и соседних земель. Князь согласился, но восстал епископ суздальский Дионисий. Собрание было сорвано, и Митяй решил податься на прием к патриарху. Одновременно решил искать должности митрополита и Дионисий. По просьбе Митяя Дмитрий арестовал неуемного епископа. Дионисий дал слово не мешать Митяю, и князь под ручательство Сергия Радонежского его освободил, несмотря на протесты любимца. Митяй лучше знал своих коллег и оказался прав. Дионисий сбежал в Нижний Новгород, оттуда в Сарай и прямым путем подался в Константинополь.

А тут еще и Киприан заявился, направляясь из Киева в

Москву на свое законное место. Великий князь, рассвирепев, разослал заставы, Киприана схватили и с бесчестием отправили назад.

Нужно было действовать решительно, и Митяй, собрав деньги на подарки со всей митрополии, отправился к патриарху. Великий князь позволил занять тысячу рублей серебром и даже больше под свое великокняжеское имя. Он дал своему любимцу подписанные им (но без указания сумм) заемные письма.

Митяй отправился в сопровождении трех архимандритов и других духовных лиц, а также большого боярина великокняжеского Юрия Кочевина и митрополичьих бояр. В дороге было много приключений. Мамай захватил посольство, правда, продержал недолго и взял немного. Затем по морю Черному, через волны бурные… И вот уже видны золотые купола константинопольские. И тут… Митяй скоропостижно умирает после легкой и непродолжительной болезни. Это случилось в сентябре 1379 года.

Корабль с телом претендента и посольством оставался на виду у города и «не поступал с места ни тамо, ни семо, а инии мнози корабли плаваху мимо его, минующе семо и овамо». Погоревав чуток, сотоварищи Митяя продолжили путь. Правда, на корабле началась драка между сторонниками архимандритов Иоанна и Пимена. Пименовцы пересилили, едва не убив Иоанна, и на одном из пустых листов, подписанных князем, написали, что Дмитрий просит назначить митрополитом Пимена, архимандрита горицкого, из Переяславля. Прибыв в Константинополь, привезли Митяя «в Галату, и ту погребен быть». Используя заемные письма князя, заняв денег у итальянских и восточных купцов, заплатив кому следует, Пимен получил у патриарха утверждение на митрополичий престол.

Но в это время до Москвы дошел слух о насильственной смерти Митяя. Князь загоревал: «Я не посылал Пимена в митрополиты, послал я его как слугу при Митяе; что сделалось с Митяем, не знаю, один Бог знает, один Бог и судит, только Пимена я не приму и видеть его не хочу».

Пимена по приезде задержали, сняли белый клобук и отправили в заточение. Перед Киприаном пришлось извиниться и принять его в Москве. Но все-таки смерть Митяя пошла Пимену на пользу. Через время Киприан попал в немилость, и Дмитрий, волей-неволей, возвел погубителя, своего любимца, на престол московского митрополита.

БРАТ-СВИДЕТЕЛЬ

Во время битвы на Куликовском поле в 1380 году литовский князь Ягайло, будучи союзником Мамая, фактически предал его, не нанеся удар в тыл московскому войску. Что послужило причиной, до сих пор выясняют историки. Существует версия о подкупе Ягайлы Дмитрием Донским. Кто знает?

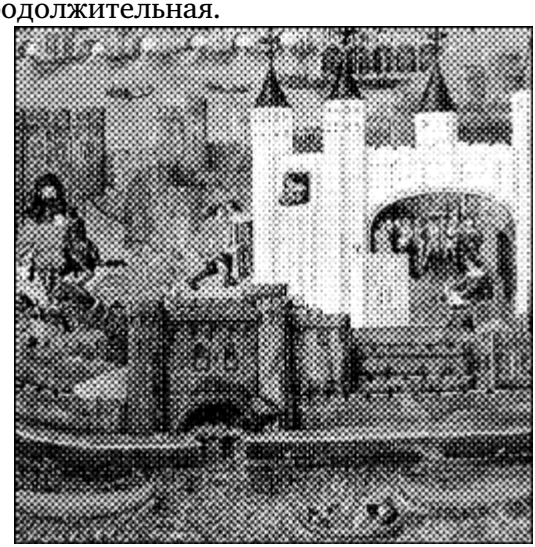
Но в военных походах князю всегда сопутствовал его брат, преданный военачальник Вигунт. Он и Ягайло были сыновьями одной матери, Ульяны Александровны, княжны тверской, второй жены Ольгерда. Был крещен матерью по православному обряду и получил имя Федора-Василия. Во владения Вигунту было отдано керновское княжество.

Вигунт всегда был покорен брату, и Ягайло ценил это. Ради брата Вигунт в 1386 году перешел в католичество, когда сопровождал Ягайлу в Краков на переговоры с поляками о коронации того на польский престол. Теперь уже с новым именем – Александр, он несколько раз ходил в походы по приказу литовского князя. Но Ягайла не мог успокоиться. Ведь Вигунт был той приближенной особой, которая знала всю подноготную истории с Мамаем и Дмитрием Донским. Поэтому в 1392 году по приказу измученного необходимостью принять роковое решение Ягайлы Вигунт получил свою порцию яда и благополучно умер. Вопрос о свидетелях был закрыт.

СТРАХ КОРОЛЯ

Конец XIV века. Англия. Тауэр. Король Ричард II все более теряет контроль над ситуацией. Мощное народное движение грозит покончить с его абсолютной властью, приближенные, ропща на бессильного короля, устраивают заговоры. Смерть смотрит в глаза королю.

Ричард отказывается от вина и мяса, ограничиваясь яйцами всмятку, полагая по наивности, что их нельзя отравить. Сложная процедура проверки с помощью лангье – оправленных в золото змеиных зубов и рога нарвала, краснеющих от яда, не устраивает – слишком продолжительная.



Ричард всегда опасался тайных убийц. Теперь детские страхи грозили перерасти в манию. Смертельная опасность подстерегала на каждом шагу. Кружка с водой, разрезанный плод, свечка, ночная рубашка – всюду мерещилась отрава. Вид вертела или даже простой кочерги мог довести несчастного юношу (он родился в 1377 году, править начал не достигши двадцатилетия) до истерики. Рассказы о жуткой кончине Эдуарда II, которому раскаленный прут засадили в прямую кишку, не выходили из головы. Каминные приспособления в королевских покоях были строжайше запрещены.

В постоянной атмосфере подозрительности окружение короля быстро редело. Герцог Глостер посажен в тюрьму, граф Варвик сослан на остров Мэн, граф Эрендель обезглавлен, двоюродный брат короля Генрих Ланкастерский изгнан и лишен всех прав.

Удушающая атмосфера дворца требовала хоть какой-то разрядки. В 1399 году Ричард отправляется на завоевание

Ирландии. И все-таки смерть его была насильственной. В 1399 году в Англию возвращается изгнанный Ричардом двоюродный брат герцог Ланкастер и, пользуясь отсутствием Ричарда, возглавляет на севере страны мятеж баронов против короля. Армия Ричарда, парализованная отсутствием монарха и части армии, была разбита, и герцог воцарился под именем Генриха IV. Вернувшийся из Ирландии король попал в тюрьму, откуда переслал в парламент акт отречения.

Ричарда II, захваченного мятежниками, последнего из рода Плантагенетов, новый король в сентябре 1399 года заточил в замок Понтефракт, или Помфрет, близ Уэйкфилда. Через четыре месяца Ричард умер при невыясненных обстоятельствах. По одной версии, он сам уморил себя голодом, опасаясь яда. По другой, его все-таки отравили по приказу короля Генриха IV.

Интересно, что и последующий английский король Ричард, под номером III, тоже имел дела с отравлениями, тоже кончил плохо и тоже был последним в династии.

В 1483 году умирает Эдуард IV Йорк. Он оставляет править Англией двенадцатилетнего сына Эдуарда V, лордом-протектором и опекуном назначает своего брата, герцога Ричарда Глостерского. Брат же, недолго думая, решает стать полновластным правителем. Он бросает в Тауэр своих племянников – короля Эдуарда и его брата Ричарда, где мальчиков удавили по приказу узурпатора (а может, и не удавили, но судьба их неизвестна).

Новый король Ричард III правит твердо и жестоко. В 1484 году умирает его малолетний сын, и он в горе обвиняет в смерти жену, Анну Уорвик. В 1485 году она была отравлена по приказу мужа. Жестокость короля вызывает постоянные заговоры, которые Ричард подавляет. Но один из заговоров все-таки удается, и 22 августа 1485 года в битве при Босуорте войска мятежного Генриха Ричмонда разбили армию Ричарда III. В Англии воцаряется династия Тюдоров. Кстати, Ричард III был единственным английским королем, кроме Ричарда Львиное Сердце, который принял смерть на поле боя с оружием в руках, отстаивая свое право на корону.

ЯД ИЛИ ПОЗОР

Когда родился Баязет, точно неизвестно: в 1354 или в 1360 году. Но это не суть важно. Славу свою он приобрел уже в зрелом возрасте, славу, благодаря которой стал известен в истории как Баязет Молниеносный.

Вступив на трон Османской империи в 1389 году, Баязет напрочь забыл о своем гареме. Как молния обрушивалась непобедимая тогда турецкая конница на соседние народы. Он захватил Сербию, Болгарию, Македонию, Фессалию, совершал набеги на Морею (1394) и Венгрию (1396).

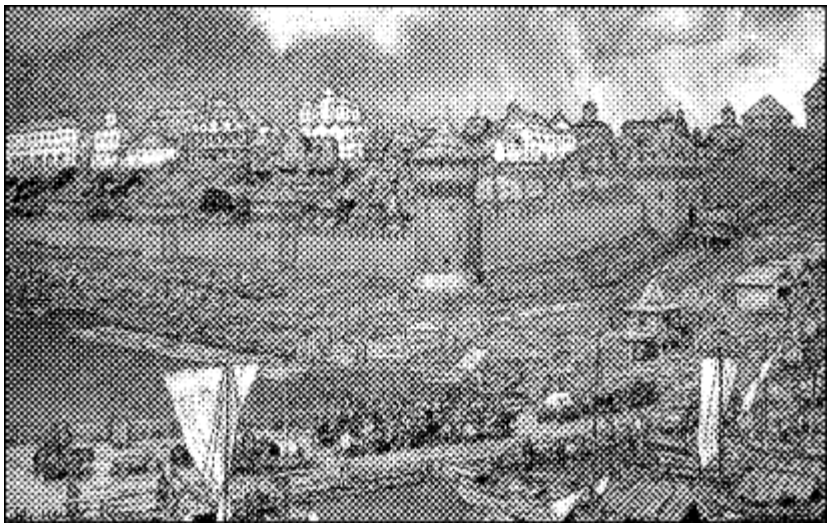
После битвы у города Никополя имя Баязета гремело по всей Европе, когда в 1396 году он разбил там объединенные силы европейских крестоносцев. После этого Балканы полностью подчинились Баязету. Пала перед ним и Босния, униженно платила дань Валахия. Баязет установил протекторат над остатками Византийской империи, иногда устраивая для развлечения очередной штурм Константинополя.

Но, воюя на Западе, он не уследил за надвигающейся бедой с Востока. Хромоногий старец Тимур решил укоротить слишком стремительного султана. Для начала он направил ему письмо с требованием беспрекословно повиноваться. Баязет, перед которым склонились столько властителей от Китайской стены до Средиземного моря и египетской границы, высокомерно принял послов грозного хана, требовавшего покорности, и, отказав ему в мире, вынужден был двинуть войска навстречу Тимуру. В июле 1402 года войска Баязета и Тимура сошлись под Анкарой (Ангорой) в Галации. Произошла величайшая битва в истории

человечества, в которой участвовало до миллиона воинов. Полководцы были сильны, силы равны. Исход битвы решило золото. Подкупленные анатолийские эмиры бросили Баязета и перешли на сторону Тимура. Битва была проиграна.

Не выдержав позора, Баязет отравился в плену у Тимура. Ограбленная полчищами захватчиков, Анатолия находилась в полном запустении. Плач стоял над полями, по которым брели опухшие от голода беженцы. Смута и резня не утихали: за трон сражались сыновья султана Баязета.

БРАТСКАЯ ВОЙНА



В феврале 1425 года после 36-летнего правления умер великий князь московский Василий Дмитриевич. Его смерть привела к одной из самых продолжительных междоусобиц в истории Москвы, которую вели между собой сыновья и внуки Дмитрия Донского. Против малолетнего князя Василия Васильевича выступил его дядя, Юрий Дмитриевич звенигородский, с сыновьями. В эти распри были втянуты Великое княжество Литовское и Золотая Орда. Причиной же стало завещание князя Дмитрия Донского, по которому его наследником на троне должен был стать старший сын, Василий, преемником же Василия – следующий сын Дмитрия, Юрий, получивший в удел Галич. Княжение Василия Дмитриевича на Москве продолжалось свыше тридцати пяти лет – с 1389 до 1425 года, но, готовясь к смерти, он завещал свой великий престол не полному сил и здоровья брату и даже не старшему своему сыну, а младшему, Василию Васильевичу, десятилетнему мальчику.

До 1434 года дядя ходил войной на племянника, а племянник на дядю. Заключались перемирия и тотчас разрывались, когда одна из сторон получала преимущество. В Орду возились бесчисленные взятки. Москва несколько раз переходила из рук в руки, уделы менялись, как перчатки. И когда скоропостижно скончался Юрий Дмитриевич, борьба не только не утихла, а вспыхнула с новой силой. Теперь за великокняжеский стол боролись между собой братья – родные и двоюродные. У них были свои обиды друг на друга. Так, Василий Косой был обижен за поношения на свадьбе Василия Васильевича. Чтоб не ударить в

грязь лицом, он надел на бракосочетание все лучшее из платья, в том числе и золотой пояс. А Софья, мать великого князя, при всех сорвала пояс с Василия Косого и обвинила его в воровстве. Мол, пояс принадлежал Дмитрию Донскому и был похищен из его сокровищницы. Василий с братом Дмитрием в гневе покинули свадебный пир и той же ночью выехали в родной Галич, по пути разграбив Ярославль.

Сначала в Москве в результате успешных боевых действий обосновался Василий Юрьевич Косой. Бывший великий князь Василий Васильевич в то время скитался по степи, ища поддержки у татар. Поэтому против Косого выступили его родные братья, два Дмитрия – Шемяка и Красный. Не желая признавать правителем родного брата, они обратились к двоюродному, Василию, и пригласили его на престол.

Косой бежал сначала в Новгород Великий, а затем, собрав войско, выступил на братьев. В 1435 году войско великого князя разгромило собранное с бору по сосенки войско Косого, но тот сумел свести поражение к ничьей, и двоюродные братья заключили мир. Правда, недолгий.

Уже через месяц Косой захватил Устюг и перевешал всех воевод московских. И тут великий князь совершил большую ошибку, которая привела к тому, что он получил прозвище Темный.

В Москву приехал Дмитрий Шемяка пригласить Василия Васильевича к себе на свадьбу. А Василий, заподозрив в нем сторонника Косого, велел задержать и бросить посланца в поруб. Это было для Шемяки смертельной обидой, и он так и не простил ее великому князю до самой смерти.

Пока Шемяка томился в темнице, Василий и Дмитрий Красный вблизи Ростова, несмотря на хитрости противника, разбили рать Косого. Василия взяли в плен, отвезли в Москву и там ослепили. Шемяку потом выпустили и, заключив с ним договор, отпустили домой. Но бывший пленник лишь ждал своего часа. И дождался.

В 1439 году Шемяка отказал в помощи Москве, когда та была осаждена ханом Улу-Махметом. Но Василий сумел отбиться, а затем пошел походом на злопамятного брата. Разгромив его, он заключил с двоюродным братом мир, и на этом, казалось, все затихло. Но в 1445 году Шемяка снова воспользовался татарским набегом.

Двое сыновей Улу-Махмета, который засел в Нижнем, пошли походом на московские земли. Василий с войском двинулся на перехват под Суздаль, где стал лагерем на речке Каменке. 6 июля князь и воеводы вступили в бой, но врага не обнаружили, после

чего с воодушевлением вернулись в лагерь и начали праздновать победу. Пили много и серьезно, всю ночь. А на утро, еще не проспавшись, узрели татарское войско. Битва развернулась подле Евфимьева монастыря. Результат был плачевный: с перепоя потеряли не только рать, но и сам великий князь в плен попал.

Когда в Москве узнали об участи Василия, то поднялся «плач великий и рыдание многое», говорит летописец. А вдобавок 14 июля вспыхнул один из частых в истории Москвы пожаров. Выгорел весь город, не осталось ни одного дерева, «а каменные церкви распались и стены каменные попадали». Сгорело более 700 человек. Великокняжеская семья спешно уехала в Ростов. Москва осталась без защиты.

Улу-Махмет в это время отправил посла к Шемяке, предлагая купить пленника, но переговоры затянулись. Желая скорее получить выкуп, хан тогда обратился к московским

боярам. Цена за Василия была заломлена по тем временам несусветная – 200 000 рублей, но пришлось платить. Естественно, бояре собирались платить не из собственного кармана – когда ж это было, чтоб служивый человек отдавал свое, – а содрать с подданных. Начались волнения среди податных слоев, а Шемяка еще и слухи распускал, что великий князь обещал отдать хану все Московское княжество, что сам удовлетворится Тверью. И началось.

В феврале 1446 года Василий уехал молиться в Троицкий монастырь. А Шемяка и можайский князь в это время овладели Москвой, схватили мать и жену великого князя, казну его разграбили, бояр повязали и тоже пограбили. Посланцы Шемяки спешно отправились в монастырь, желая захватить Василия. Великий князь был предупрежден о заговоре, но не поверил в это, а когда ратники Шемяки подошли к стенам монастыря, было уже поздно. Боярин Шемякин Никита Константинович захватил Василия в Троицкой церкви, где тот молился у гроба Сергия Радонежского, также схватили ближних бояр, только сыновья князя Иван и Юрий смогли уйти.

16 февраля 1446 года бывшего великого князя Василия ослепили и сослали в Углич вместе с женой, а мать его Софью Витовтовну отослали в Чухлому. Шемяка мог торжествовать – он отомстил за брата, за свою поруганную честь и вернул великокняжеский престол. Но взять власть – одно, а удержать ее – другое. Многие удельные князья, получив поддержку литовцев, выступили в защиту Василия. И тогда Шемяка осенью 1446 года с епископами, архимандритами, игуменами, отправился в Углич, где со слезами на очах, со словами примирения выпустил Василия и семью его из заточения. После доброго застолья

Шемяка дал в кормление Василию Вологду и успокоенный уехал в Москву. И сделал большую ошибку, которая и привела его к гибели.

Сторонники Василия только и ожидали его освобождения. Тут же собралось войско и быстро выступило на Москву. На подмогу Василию двинулись и татары. Может быть, Шемяка и отбился бы, но в тылу поднялась Москва, куда прибыл 17 февраля 1447 года великий князь Василий Темный. Именно под этим именем, из-за ослепления, он и войдет в историю. Шемяка запросил мира. Мир был милостиво дан. Но Шемяка не успокоился, да и как он мог успокоиться после того, как побывал великим князем? Но с вершины путь только – вниз.

В 1449 году он разрывает все целовальные грамоты и осаждает Кострому. Неудачно. В 1450 году терпит поражение под Галичем, собственной столицей. Шемяка бежит в Новгород, старинное убежище московских оппозиционеров. Новгород признает его великим князем. Набрав новое войско, Шемяка выступает на Двину и 29 июня без боя захватывает Устюг. Почти на два года город становится его столицей. Шемяку поддерживают вятичи. Но в начале января 1452 года против него выступает Василий II Темный. Шемяка сжигает посады Устюга и уходит в лесные дебри на Двину. Но тут у него снова появляется надежда. В 1452 году литовский магнат Александр Чарторыский женится на дочке Шемяки и оказывает помощь войском своему тестю. Осенью 1452 года Шемяка опять в Новгороде и оттуда совершает набег на Кашин.

Великий князь и московские бояре, видя, что силой Шемяку не угомонить, принимают решение. Доверенный дьяк Василия, Степан Бородатый, просвещенный книгочей и гуманист, привозит в Новгород отраву. Яд берет новгородский боярин Иван Котов (называют еще имя посадника Исаака Борецкого) и передает его шемякин-скому повару с чудесным именем Поганка. Повар начиняет ядом курицу и подает князю. После 12 дней мучений Шемяка скончался. 23 июля 1453 года с радостной вестью в Москву прибыл подъячий Василий Беда, за что и был пожалован в дьяки.

Скоро все узнали о причинах смерти Шемяки, и очень быстро забылся «Шемякин суд» – символ мздоимства и коррупции, и в народной молве князь превратился в героя и мученика. Вдова Дмитрия Шемяки, Софья Дмитровна, оставалась в Новгороде до 1456 года, а сын после смерти отца ушел в Литву. Поганка же, единственный из всех участников отравления мучимый совестью, постригся в монахи и отмаливал до конца дней своих великий грех смертоубийства.

Проклятие и запрет новгородцам иметь какие-либо дела даже с потомками Шемяки уничтожили воспоминания о месте погребения этого искателя приключений. Однако через полтораста лет после смерти князя Дмитрия начались его новые скитания, но, скажем так, под другим углом зрения.

С 1611 по 1617 год Новгород был оккупирован шведами войсками под командованием знаменитого полководца Делагарди. Один из шведских отрядов размещался в Юрьевом монастыре. И как-то шведские солдаты занялись поисками клада в Георгиевском соборе. Но вместо клада, вскрыв одну из гробниц, обнаружили останки двух человек. Тело одного, прекрасно сохранившееся, было в княжеском облачении. Солдаты вытащили останки из гробницы и прислонили покойного князя к стене «аки жива». Узнав о находке, новгородский митрополит Исидор потребовал выдачи останков, утверждая, что это «блаженный» князь Федор Ярославич, старший брат Александра Невского. Останки торжественно перенесли в Софийский собор, князя Федора объявили святым, положили в раку и вплоть до 1918 года поклонялись его мощам.

И все было бы хорошо, если б не раскопки в 1933 году археолога Каргера. Именно он нашел в Георгиевском соборе еще одну могилу князя Федора. Теперь ученым пришлось заинтересоваться первым Федором. И после антропологических исследований, корпения над летописями был сделан однозначный вывод – тело, которому поклонялись 200 лет, принадлежит преданному анафеме Дмитрию Шемяке, а второй труп, найденный шведами в гробнице, принадлежал его дочери Марии Чарторыской. Сохранности тела, как это бывало неоднократно, способствовал яд, проникший в организм князя.

ВСЕ СРЕДСТВА ХОРОШИ

В середине XV века не было другого короля, подобного французскому королю Людовику XI, которым бы так не восхищались и одновременно не презирали. Это был король новой формации, который отбросил все феодальные представления о рыцарской чести, на первое место поставив выгоду. Его соседи, особенно герцог Бургундский Карл Смелый, часто называли Людовика королем-купцом. Но тот не обижался, делал свое дело и упорно шел к созданию единого французского королевства, в котором правил бы король, а не его могущественные вассалы. Подкуп, убийства из-за угла, предательство – для него все средства были хороши. Он предвосхитил идеи, изложенные Макиавелли в его «Государе». Одним из радикальных средств, которыми не гнушался прагматичный король, был яд.

Его отец, Карл VII, в последние годы жизни не находил себе места из-за ссоры с Людовиком. Он хорошо знал, на что способен его любящий сын. Долгие годы у Карла VII была любимая женщина – Агнесса Сорель, фрейлина, принадлежащая к роду мелкопоместных дворян. Она любила короля, никогда не ссорилась с его законной супругой Марией Анжуйской, а та не преследовала соперницу. Агнесса родила королю трех дочерей и не претендовала на престол. Но Людовика это не устраивало. И когда Агнесса в тяжелых родах произвела на свет девочку, наследник решил больше не рисковать и дал любовнице отца яд. Через несколько недель любимая короля угасла. С этого момента Карл VII утратил интерес к жизни и решил покончить с собой,

уморив себя голодом. Пищу Карл отказывался принимать, чтобы не умереть в страшных муках, так как опасался присланного Людовиком яда.

Когда принц Людовик стал уже не просто Людовиком, а королем Людовиком XI, он не отказался от простого и дешевого способа устранять своих противников. Но прибегал к нему изредка, более надеясь на силу золота, так как в целом был человеком мирным и незлобивым. Только по воле обстоятельств он был принужден отравить своего брата. Карл Гиенский слишком далеко зашел в своем намерении жениться на единственной наследнице Карла Смелого. Союз брата с Бургундией стал бы угрозой власти Людовика, и поэтому тот был просто вынужден отравить любимого брата.

В 1472 году Карл Гиенский скоропостижно умер, съев персик, данный ему неким монахом-бенедиктинцем. Главный советник Карла – Лекке – торжественно объявил, что виной смерти герцога был король французский, и взял под стражу монаха, подавшего персик; но тогда случилось странное событие: дьявол унес монаха из темницы. Конечно, современники догадывались, кто был этот дьявол и чье золото досталось стражникам, давшим показания о невероятном событии. Пошли слухи. Но Людовик не обращал внимания на сплетни и насмешки, а просто присоединил земли брата Карла к своим владениям.

НЕСБЫВШИЕСЯ НАДЕЖДЫ

История Джема, сына султана Мухаммеда II и брата Баязета II, хорошо известна в Европе. Вот пример несчастливой судьбы. Родившийся в 1459 году Джем уже в 16 лет был назначен наместником провинции Карамании. После смерти отца он восстал против брата-султана: взял Брус-су, где провозгласил самого себя султаном, но, разбитый полководцами Баязета, бежал в Египет. Здесь он еще раз попытался оказать сопротивление, однако был разбит окончательно и бежал на Родос к гроссмейстеру рыцарского ордена иоаннитов магистру д'Обюссону.

Рыцари-монахи с радушием приняли юного принца, но, опасаясь за его жизнь, в 1482 году отправили в одно из своих комтурств во Францию, предварительно заключив с ним договор, по которому Джем обязался, став султаном, открыть все гавани Турции для кораблей ордена, освобождать ежегодно без выкупа 300 христиан и т. д. Но, узнав про союз Джема с Родосом, султан Баязет II, в свою очередь, предложил не менее выгодный договор, который к тому же был более реальным, чем будущие милости Джема. Единственным условием для заключения договора Баязет ставил пребывание Джема под постоянным контролем ордена.

Рыцари согласились на синицу в руках, и все попытки Джема освободиться из мрачной крепости иоаннитов были безуспешными. Пленнику ничего не оставалось, как писать печальные стихи о несбывшихся мечтах. В конце концов, это графоманство надоело рыцарям, и они в 1489 году передали Джема папе Иннокентию VIII. Теперь султану Баязету пришлось вести переговоры о судьбе брата с Римом. Сначала он писал Иннокентию, а когда тот умер, переговоры пришлось вести с его преемником Александром VI. В 1494 году Баязет II направил послание папе, в котором предлагал ему по возможности быстрее освободить Джема от тягот сего мира и переселить душу его в лучший мир. За услугу по переселению папе предлагалось 300 000 дукатов на покупку какого-нибудь поместья и, сверх того, еще всякое добро. Папа Александр предложенное принял, но османский принц превратился уже в настоящий товар, в предмет торга: Александр уступил его за 20 000 дукатов в 1495 году французскому королю Карлу VIII.

Но королю не удалось нажиться за счет султанской казны. Папа имел свое понятие о чести, поэтому передал Джема уже отравленным медленным ядом. Принц умер в Неаполе весьма скоро, поступив во владение к французскому королю, которому

пришлось еще и потратиться на погребение. Но пока шла вся эта возня вокруг Джема, следует заметить, что турецкие войска на христианскую Европу не нападали, и это единственный плюс во всей этой неприглядной истории.

ВЕЛИКИЙ СУЛТАН

1453 год стал годом траура для христианства. В этот год пал Константинополь. Великий правитель и полководец Мехмед II, прозванный Завоевателем, на пепелище столицы Византии основал Стамбул, столицу новой империи Османов.

Мехмед II был умным, жестоким, скрытным и властолюбивым человеком с железной волей. Эта воля у него была выкована в беспощадной борьбе за власть, которая шла в серале между многочисленными отпрысками его отца. Мехмед был сыном наложницы, и восшествие на престол для него было делом случая и неслыханной удачи. Но чтобы эта удача его не покинула, воссев на трон, он приказал уничтожить всех возможных претендентов на престол, не пожалев даже девятимесячного брата. Жестокость Мехмеда II была столь велика, что его именем пугали детей. Когда итальянский художник Беллини писал его портрет, султан повелел отрубить голову одному из рабов только для того, чтобы продемонстрировать художнику сокращение мышц. Великий султан был тираном, но тираном, не чуждым искусства и науки. Он владел несколькими языками, увлекался астрономией, математикой и философией.

После Константинополя Мехмед II завоевал небольшую, но важную в торговом отношении Трапезундскую империю. Десять лет он сражался с караманским беем и правителем Ак Коюнлу Узун Хасаном и победил его. В дальнейшем султан собирался завоевать Венгрию, Италию и Германию. Он даже году высадился в Южной Италии в 1480 году, но его постигла неудача. Он потерпел поражение в войне и в жизни. Неистового воителя

отравил его собственный врач по приказанию сына султана – принца Баязида, который устал ждать смерти отца.

Сын не был преступником, он просто видоизменил закон, который принял его отец. Закон гласил: «Тот из моих сыновей, который вступит на престол, вправе убить своих братьев, чтобы был порядок на земле». Баязид просто подставил в эту формулировку «отца» вместо «братьев».

Яд продолжал оставаться средством решения династических вопросов в Османской империи вплоть до нового времени. Так, в 1808 году властителем Османской империи стал султан Махмуд II, сын Абдул-Гамида. Придя к власти, он круто изменил внутреннюю политику умирающей империи Османов. Правда, правление он начал с традиционных казней многочисленных родственников и приближенных. Образцом для подражания у Махмуда была французская империя, возглавляемая блистательным Наполеоном. Желая быть равным своему кумиру, молодой султан начал реформы в государстве, в первую очередь, в армии. В 1826 году он окончательно уничтожил корпус янычаров. Главным идейным вдохновителем новых веяний стала мать Махмуда, креолка с острова Мартиника, Эме ди Ривера, в султанском гареме получившая имя Сул-таниса Кахисидиль.

Именно она помогла своему сыну заключить договор с Парижем о присылке современного оружия и французских инструкторов. Сделать это было нетрудно, так как Эме приходилась кузиной французской императрице Жозефине. Фактически именно султанша-вдова управляла страной, а ее сын правил. Но окончательную победу реформ Эме не увидела. После неудачной попытки Наполеона вернуться во Францию она потеряла поддержку дипломатов, присланных из Парижа Бурбонами, как слишком тесно связанная с бонапартистскими кругами. А враги в Стамбуле не дремали. Желая лишить Махмуда идейного вдохновителя, они направили удар против Эме де Риверы. Ее давняя соперница Айша, в жилах которой текла горячая кровь курдского рода Саладинов, подсыпала султанше медленно действующий яд, который убивал креолку в течение года. Умерла Эме 22 августа 1817 года и была похоронена со всеми почестями в Стамбуле. Возможно, ее ранняя смерть привела к тому, что сын ее в междоусобных войнах утратил Грецию, Сербию, Македонию, Молдавию, Валахию и Египет, хотя и продержался на престоле до 1839 года.

НА БЛАГО КОРОНЫ

На западе Украины, соответственно – на востоке Польши, располагались земли Белзской волости, которая занимала верхнее течение Западного Буга. Главный город этой волости – Белз – лежал на пересечении торговых путей из галицкой, волынской, мазовецкой и сандомирской земель. Первым князем Белза в XII веке стал Всеволод, младший брат галицко-волынского князя Романа Мстиславича. В 1234 году это небольшое, но стратегически важное приграничное княжество окончательно вошло в состав галицко-волынской державы Данила Романовича.

Однако с ослаблением галицко-волынских князей беды и несчастья обрушились на Белзское княжество. Практически весь XIV век происходило опустошение приграничных с Польшей земель. Один за другим организовывали походы поляки на Белз, пока это княжество не перешло в их руки. После захвата Белза произошла кража одной из древних святынь. Поляки вывезли из Белза в Ченстохов икону Богородицы византийского письма, которая в свое время принадлежала жене князя Всеволода, византийской принцессе. В настоящее время эта икона является величайшей святыней польського народа, впрочем, как и икона Владимирской Божей Матери в России, тоже вывезенная из Киевской Руси.

Окончательно утвердилось Белзское княжество как польская вотчина в 1388 году: его получил в наследственное владение мазовецкий князь Земовит IV. Но белзские земли, находящиеся в приграничье и населенные, в основном, русинами, так и не стали составной частью польских коронных земель. Белзские князья к тому же владели плоцкомиравским и сохачевским княжествами в Мазовии. Формально они были вассалами польского короля, но сохраняли автономию, имели свой собственный государственный строй, войско, казну. Сохранение такой независимости было нежелательно для польских королей. И тогда проблему присоединения было решено уладить без шума и пыли.

Решению этого вопроса способствовало то, что на смену умудренных опытом властителей, князей Земовита IV, Земовита V и Владислава I, пришла молодежь, окруженная продажными придворными. В 1442 году на престол взошел Земовит VI. Он правил до 1455 года, когда в возрасте 17–18 лет был отравлен посланцами польского короля. Княжескую корону надел его брат Владислав II, который правил тоже недолго. В ночь с 26 на 27 февраля 1462 года последний белзский князь был отравлен во

имя государственных интересов польской короны. Княжество было ликвидировано и включено в Польское королевство как отдельное воеводство.

ТРЕТИЙ РИМ

Условия для того, чтобы Московия могла претендовать на титул Третьего Рима, созрели в царствование Иоанна III, который в начале своего правления носил прозвище Горбатый из-за сутулости и высокого роста, но в конце правления получил прозвище Грозный за свои военные походы.

Родился будущий Грозный, кстати, дедушка более известного Ивана Грозного, в семье великого князя Василия Темного в 1440 году. Был он послушным сыном и еще молодым, по желанию отца и по политическим соображениям, женился на Марии Борисовне, дочери великого князя тверского. Но Иоанн не долго жил с нелюбимой женой. В 1462 году он восходит на престол, а в 1467 году скоропостижно и, главное, вовремя умирает нелюбимая жена. Кончина ее вызвала много толков. Тело покойной так распухло, что покров, который прежде был велик и висел по краям, теперь уже не мог прикрывать покойницу. Великий князь принужден был начать расследование. Быстро сыскали виновницу. Дознались, что одна из женщин великой княгини, Наталья, жена Алексея Полуектова, посылала пояс госпожи к ворожее. Иоанн рассердился и на мужа, и на жену и шесть лет не пускал Полуектова к себе на глаза, но потом, конечно, смилостивился и даже наградил.

Остался Иоанн III вдовцом с сыном, тоже Иоанном, по прозвищу Молодой. Князь сына любил: своя кровинушка, наследник. Все указы писались от имени двух Иоаннов. Но жизнь идет, великий князь не в годах еще, и начались поиски невесты. Сыскалась она довольно быстро. Это была наследница из рода

византийских императоров Софья Палеолог.

Константинополь, столица Византии, пал под ударами воинственных турок-сельджуков. На его стенах до последнего дыхания бился император Константин, а его брат, Фома Палеолог, захватив семью и ценности, быстренько сбежал в Венецию. Его дочку Зою, в православии Софью, и предложил великому князю, через посредничество итальянского монетного мастера Ивана Фрязина, он же Жан Баттиста делла Вольпе, Папа Римский Павел П. Он имел тут свой интерес, желая распространить католичество через покровительствуемую им девицу на московских землях. В феврале 1469 года началось сватовство и переговоры с греками. Сладились по тем временам быстро, и в 1472 году Софья выехала в Москву через Псков. 12 ноября 1472 года состоялся торжественный въезд свадебного поезда в Москву, и в тот же день прошло и венчание.

Современники так писали про новую великую княгиню: «Эта была женщина необыкновенно хитрая». Для того чтобы привязать Иоанна к себе, Софье нужно было родить. И 26 марта 1479 года появляется на свет первый сын – Василий-Гавриил. И тут в Кремле возрождаются все мрачные традиции многовековой кровавой истории Византии. Иоанн Молодой стал на пути сына Софьи, и решила она эту проблему так, как решали ее бабки и прабабки, и пра-пра… Тем более, что Софья преобразует Московское княжество по византийским канонам. При дворе появляются роскошные украшения, гербы, личные и государственные. В 1497 году впервые на печати великого князя изображается двуглавый орел. Третий Рим пышно расцветал на берегах Москва-реки.

В 1490 году старший сын великого князя и сам великий князь Иоанн разболелся ломотою в ногах (камчюгом, как тогда говорили). Но был, на его счастье, в Москве лекарь, мисер Леон, еврей, вызванный московскими послами из Венеции. Леон сказал отцу хворого: «Я вылечу сына твоего; а не вылечу, вели меня казнить смертною казнью». Великий князь приказал лечить. Леон стал давать больному лекарства внутрь, а к телу прикладывать склянки с горячей водой, но от этого лечения Иоанну ставало все хуже и хуже, и он, несмотря на старания лекаря, скончался 32-х лет от роду. Великий князь велел схватить Леона и без всякого допроса, как только покойнику минуло 40 дней, казнил смертью лютою. До последней минуты ждал лекарь-неудачник освобождения. Не дождался, а молва прямо указала, что Софья отравила неугодного ей пасынка. Позднее князь Курбский в своих письмах к Ивану Грозному обвинял его бабушку и дедушку в отравлении Иоанна Молодого.

После смерти сына великий князь еще пытался как-то сохранить память о нем. Иоанн Молодой был женат на Елене, дочери Стефана, молдавского господаря, и имел сына Дмитрия. На этого сироту и решили некоторые из приближенных Иоанна III сделать свою ставку. Двор разделился на противников и сторонников Софьи. А она не могла дождаться своего часа. По ее наущению сын Василий в 1497 году организует заговор против отца. Но в декабре заговор раскрывают, и участникам ночью на Москве-реке рубят головы, руки и ноги. Сына Василия разгневанный великий князь сажает под стражу на его двор. Тут и Софья попала под подозрение. Донесли Иоанну, что приходили к его жене ворожеи с зельем поганым. Этих лихих баб обыскали, зелье забрали, а самих ночью в Москве-реке утопили. После этого дознания Иоанн стал опасаться своей жены-византийки.

Пользуясь опалой жены и сына, партия внука подняла голову. Его сторонники сумели добиться, что 4 февраля 1498 года в Успенском соборе Кремля венчали Дмитрия на великое княжение. На аналое лежала шапка Мономаха, на царевича возложили бармы, для него поставили в соборе третье кресло. На двух сидели Иоанн и митрополит.

Но тут опала постигла главных сторонников Дмитрия. Его мать Елена и ее приближенные стали сторонниками жидовствующей ереси протестанского толка, которую занесли в Московию из Киева. В 1499 году казнили и сослали как еретиков князей Патрикеевых и Ряполовских. Патрикеевым было оказано некоторое снисхождение – за них заступился митрополит. Софья воспряла духом. Сына Василия освободили из-под стражи, и Иоанн назначил его великим князем Новгорода и Пскова. Получив доступ к ложу великого князя, Софья даром время не теряла, и 11 апреля 1502 года опала была наложена Иоанном на внука Дмитрия и мать его Елену. Их посадили под стражу, и сидел великий князь Дмитрий в темнице до самой своей смерти в 1509 году. После кончины Иоанна III в 1505 году сводный брат Дмития, Василий, не только не освободил узника, а наоборот, усилил караул.

ВЕСЕЛАЯ СЕМЕЙКА БОРДЖИА

Наибольшей популярностью в Средневековье пользовались яды из Италии. А наиболее известными их составителями были представители семьи Борджиа. В 1492 году испанская королевская чета, Изабелла и Фердинанд, желая иметь влияние в Италии, истратили 50 тысяч дукатов на подкуп голосов конклава в пользу своего кандидата, испанца Родриго Борхи (латинизированное Борджиа, Борджа), в папстве принявшего имя Александра VI.

Новый папа и его семейка превратили Ватикан в гнездо разврата, тем самым положив начало будущему расколу католической церкви и появлению протестантизма. Высокое положение Александра VI и преступления, творимые в его семье, нашли отражение в бесчисленных записках современников и историков. Об отравлениях знатных лиц сообщают не только хронисты, но и преемник Александра VI на папском престоле Юлий II. Вот отрывок из старой хроники: «Как правило, использовался сосуд, содержимое которого в один прекрасный день могло отправить в вечность неудобного барона, богатого служителя церкви, слишком разгоряченную куртизанку, излишне шутливого камердинера, вчера еще преданного убийцу, сегодня еще преданную возлюбленную. В темноте ночи Тибр принимал в свои волны бесчувственное тело жертвы «кантареллы»…»

«Кантареллой» в семье Борджиа называли яд, рецепт которого Чезаре, сын папы, якобы получил от своей матери Ваноцци Катанея, римской аристократки, любовницы отца. Яд содержал, по-видимому, мышьяк, соли меди и фосфор. Впоследствии

миссионеры привезли из завоеванной в то время Южной Америки ядовитые местные растения, но папские алхимики готовили смеси столь ядовитые, что одна капля яда могла убить быка.

«Завтра утром, когда проснутся, Рим узнает имя кардинала, который в эту ночь заснул своим последним сном», – такие слова приписывают Александру VI, который будто сказал их сыну Чезаре накануне праздника в Ватикане, имея в виду, что праздничный стол будет использован для отравления неугодных кардиналов.

Предания гласят, что то ли папа, то ли его дочь Лукреция владели ключом, рукоятка которого заканчивалась незаметным глазу острием, натираемым ядом. Будучи приглашенным открыть этим ключом покои, где хранились произведения искусства, гость слегка оцарапывал кожу руки, и этого было достаточно для смертельного отравления. У Лукреции была игла, внутри которой находился канал с ядом. Этой иглой она могла в толпе погубить любого человека.

Ее брат Чезаре не уступал сестре. Его мечтой было создание собственного королевства из мелких итальянских княжеств. «Его дерзость и жестокость, его развлечения и преступления против своих и чужих были так велики и так известны, что все в этом отношении передаваемое он переносил с полным равнодушием… Эта страшная зараза Борджа длилась в течение многих годов, пока смерть Александра VI позволила людям снова вздохнуть свободно». Не раз прибегал жестокий Чезаре к услугам врача-грека Никифора Каталаки, когда ему было нужно устранить кого-либо со своей дороги. Каталаки пользовался полным доверием Борджиа, который хорошо оплачивал его содействие. У Чезаре Борджиа было кольцо с незаметно открывающимся углублением, где хранился яд, который можно было всыпать в бокал вина. Знаменитые кольца с ядом, принадлежащие Борджиа, отнюдь не выдумка авторов детективов, некоторые из них сохранились до сегодняшнего дня. Так, на одном стоит дата – 1503 год, имя Чезаре Борджиа и девиз на старофранцузском языке: «Выполняй свой долг, что бы ни случилось». Под оправой этого кольца была вмонтирована скользящая панель, образующая крохотный тайник для яда. Описывают также кольцо, которое было гладким с наружной стороны пальца, а с тыльной стороны имело приспособления из металла в виде львиных когтей. В них были проделаны желобки, через которые яд при рукопожатии попадал под кожу. Чезаре, скрытый под маской, в толпе, на празднике, на балу хватал руку человека, которого задумал убить, пожимал ее и незаметно выбрасывал кольцо.

Из наиболее известных преступлений, которые совершил

Чезаре с помощью яда, можно назвать попытку отравления собственного брата дона Хуана, которая сорвалась из-за бдительности пажа. Кубок с приготовленным Каталаки ядом был намеренно разлит. Позднее дон Хуан погиб, но не отравленный, а убитый наемным убийцей.

Папа Александр VI орудовал ядами с куда большей решимостью, нежели его сын. Никто не смел стоять на пути Его Святейшества. Он решил отравить неугодного ему кардинала Орсини и всех его приближенных. Преступление должно было совершиться во время веселой оргии в Ватиканском дворце. Яд для пирушки был приготовлен Каталаки. Веселье было продолжительным, танцы сменялись пением, обнаженные девушки приковали внимание седовласых прелатов, но вдруг среди гостей произошел переполох: кардинал Орсини забился в судорогах в своем кресле, и из груди его вырвался крик: «Измена, я отравлен!» Все обернулись к папе.

Вид его был ужасен. Он встал с кресла и, взглянув на жертву своей мести сверкающими глазами, громко закричал на весь зал: «Так Борджиа поражает своих врагов!» Началось общее смятение, гости в страхе спешили покинуть вероломного хозяина, но это смогли сделать далеко

не все. Большинство родственников и друзей отравленного кардинала постигла такая же участь.

Папа Александр VI не ограничился убийством кардинала Орсини и его родственников, чтобы удержать в своих руках пошатнувшуюся власть. Участь Орсини разделили и другие противники Борджиа. По приказанию папы был отравлен моденский кардинал. Убийцей стал его приближенный, Себастьян Пинцон; оставшееся после кардинала огромное наследство Александр VI присвоил, отдав небольшую часть злата Пинцону in premium sanguinis (премия за кровь). За кардиналом моденским последовал венецианский кардинал Михиэль, отравленный в собственном доме. Убийцы передали папе 23 632 дуката, найденные у кардинала, и Александр VI любовался золотом в то время, когда его жертва еще боролась со смертью.

Смерть Александра VI была случайной. Новой жертвой Борджиа должен был стать кардинал Адриан ди Карнето. Накануне ужина у Чезаре папа снабдил одного из слуг-шпионов медленно действующим ядом, который тот должен был влить в кубки намеченных жертв. Яд был изобретением Каталаки, и, как уверял грек, противоядия не существовало.

Но в силу роковой для папы ошибки он сам осушил бокал отравленного вина, в то время как Чезаре разбавил его водой. Каталаки сумел спасти своего патрона, но дни папы были

сочтены. Александр VI скончался после четырех дней мучений, а двадцативосьмилетний Чезаре остался жив, но долго страдал от последствий отравления. Незадолго до этого происшествия по приказу Александра VI был убит его младший сын Джоффре, и с последовавшей вскоре в 1506 году смертью Чезаре кровавый род Борджиа прервался. Потомкам остались изображения всей зловещей семейки, запечатленные на фреске «Возрождение» великого Пентурикьо. Там и Александр VI, и Чезаре Борджиа с убиенным братом, а в образе святой девственницы Екатерины Александрийской изображена Лукреция Борджиа.

Правление Александра VI, основанное на преступлениях и щедро сдобренное ядом, скорее не исключение, а правило для папства того времени. Хорошо, например, известна история папы Иоанна VIII (872–882 гг.), который на протяжении всех лет своего правления вел борьбу с хитрым епископом портоским Формозой, едва не объявившим себя патриархом болгарским. Когда эта акция не удалась, епископ привлек на свою сторону римский народ, и папе пришлось бежать во Флоренцию. Иоанн хитростью заманил к себе Формозу и арестовал его. Но убить не решился, чтобы не восстановить против себя римскую чернь, и всюду возил епископа с собой. В конце концов Иоанн вернулся в папскую резиденцию в Риме и вскорости трагически погиб от рук своих родственников, которые проникли во дворец, пытаясь овладеть сокровищами, хранившимися там. Они заставили папу принять сильный яд. А когда яд не подействовал, ему попросту молотком пробили череп.

Александр VI пришел к власти в конце XV века, в начале столетия действовал не менее энергичный и злодейский папа – Иоанн XXIII, бывший пират Балтазар Косса. Он имел некоторое образование и за свои воинские таланты попал в папскую курию, где быстро сделал карьеру. Со временем он начал сам убирать и избирать пап. Папа Иннокентий VII правил с 1404 по 1406 год. Он прославился коварным убийством десятков видных римских граждан, тела которых были потом выброшены из окон Ватикана. Лишил его тиары кардинал Косса с помощью яда. Яд кардиналу поставлял некий аптекарь из Перуджи. Отрава действовала постепенно, человек испытывал слабость, вялость и полное отсутствие аппетита, истощенный организм угасал. В 1409 году был избран Александр V, который в 1410 году скончался от яда Коссы. Нельзя сказать, что Косса совершал слишком большие преступления, так как индульгенция за отравление стоила всего лишь полтора дуката – смешная цена. Убрав папу Александра, Косса избрал папой самого себя и правил до 1415 года. В августе 1414 года он отравил королей неаполитанского, иерусалимского

и венгерского, использовав контактный яд, которым заразил королевскую любовницу, бывшую свою пассию. Однако в 1415 году Ионна XXIII низложил Констанцский собор, на котором припомнили всех убиенных Коссою пап. Косса отказался признать решения собора и бежал к императору Фридриху Австрийскому, но под давлением европейских государей император был вынужден арестовать беглеца во Фрейбурге. Посидев в камере, бывший папа отказался от своего титула и был прощен. Его назначили тускуланским епископом, и он умер в 1419 году в Болонье. Лишь в XX веке католическая церковь вычеркнула его из списка пап, а имя Коссы, Балтазар XXIII, передали другому папе.

СКУПАЯ КОРОЛЕВА

Когда у миланского герцога Иоанна Галеацца Сфорца и его жены Изабеллы Арагонской в 1493 году родилась дочь, никто не предполагал, что она будет королевой полуварварской страны на востоке. Бона, как назвали девочку, с детства отличалась красотой и энергичностью. С возрастом эти качества усилились, поэтому родители мечтали поскорее выдать ее замуж. Когда император Карл V просватал Бону за польского короля Сигизмунда I, герцог и его жена облегченно вздохнули и с радостью согласились. В знойной Италии, с разлитыми в атмосфере изменой и страстью, дочь с ее красотой и энергией могла нажить себе много неприятностей и испортить репутацию.

Прибыв в Польшу, Бона Сфорца быстро подчинила влюбившегося в нее короля-вдовца. Она еще при жизни мужа играла важную роль в делах королевства, но не смогла сплотить вокруг себя политической партии. Ее гордость и пренебрежение ко всему польскому отталкивали от нее шляхтичей и особенно шляхтянок, которые завидовали красоте «итальянской курвы». Оставаясь среди толпы одинокой, Бона направила все свои силы на преумножение личных богатств, выдавливая из королевских имений все возможные прибыли.

Когда умер Сигизмунд, королева стала полновластной хозяйкой Польши, и тем более неожиданным был для нее бунт сына, Сигизмунда-Августа. Вопреки желанию матери и всего государства, молодой король женился на Варваре Радзивилл. Разъяренная непослушанием сына, пытаясь вернуть свое влияние, Бона прибегла к излюбленному в Италии методу решения проблем. Она воспользовалась ядом и отравила молодую невестку.

Сигизмунд-Август возненавидел мать. Разногласия между ними привели к тому, что Бона, под угрозой судебного преследования, вынуждена была покинуть королевство и уехать на родину. При этом она увезла из Польши огромные богатства. Исчислялись они гигантской суммой, о величине которой можно судить хотя бы по тому, что Бона дала в долг испанскому королю Филиппу II 420 000 золотых дукатов, которые после ее смерти Польша тщетно пыталась получить обратно.

Экс-королева умерла в своем княжестве Бари в Италии в 1557 году. Она тоже стала жертвой яда, который подсыпал Боне ее собственный врач, позарившийся на деньги, посуленные ему наследниками из рода Сфорца. Видно, правы были родители Боны, когда пытались уберечь свое дитя от воздуха Италии.

ГОЛУБКУ ОТРАВИЛИ

В европейскую историю возлюбленная датского короля Христиана II вошла под именем Дивеке, или Голубка. Она родилась в 1488 году в купеческой семье города Амстердама. Ее мать, Сигбрит Виллумс, переехала после смерти мужа в норвежский город Берген. Здесь и познакомился принц Христиан со своей Голубкой. Он перевез любимую в Осло, а после восшествия на престол в 1513 году поселил ее с матерью в королевском дворце в Копенгагене.

Христиан не мог жениться на дочке купца. Но даже после вынужденной женитьбы на сестре Карла V его любовь к Голубке не угасла. Но все испортила купеческая вдова. Пользуясь влиянием дочери на короля, она постепенно прибрала к рукам наиболее важные государственные дела, предоставив возможность влюбленным голубкам ворковать вдали от королевского дворца. Естественно, это вызвало недовольство знати, которая могла еще стерпеть самодурство короля, но не купчихи. Жертвой разбирательств двух партий пала Голубка. В 1517 году Дивеке скоропостижно скончалась от яда, который ей подсыпали придворные.

Но отстранить купчиху от власти дворянам не удалось. Положение еще более усугубилось, когда полный горя и отчаяния король начал репрессии против знати. Кровь полилась рекой. Первой жертвой обезумевшего короля пал молодой дворянин Торбон Оксе, тщетно домогавшийся руки Голубки и обвиненный в ее смерти. Любовь, смерть и репрессии в Датском королевстве послужили сюжетом для нескольких драм и романов.

Возможно, за любовь пострадала и другая красивая женщина, жившая в то же время, что и Дивеке. В 1476 году в Англии скончался последний герцог Моулбрей. После него осталась единственная дочь и наследница Анна. Благодаря своему состоянию и титулу, она стала достойной парой герцогу Йоркскому, второму сыну короля Эдуарда V. Но дворец есть дворец, и герцогиня Анна недолго блистала при дворе. Она скоропостижно скончалась, и лишь в 1965 году при исследовании ее трупа были обнаружены следы мышьяка и ртути. Но это следы медленного отравления или неумелого лечения, сказать трудно.

ВМЕСТО БЕССМЕРТИЯ – ЯД

3 марта 1513 года портовая рвань Санто-Доминго, города молодого, но уже имевшего худшие черты и нравы испанских портов, была возбуждена. На кораблях, готовых к отплытию с экспедицией, которая отправлялась на поиски новых земель для короля Фердинанда, экипаж был набран из стариков. Их морщинистые лица и седые волосы вызывали насмешку остававшихся на берегу. Но адмирал был невозмутим. Его эскадра, отдав швартовы, двинулась на поиски неизведанного.

Командовал экспедицией Хуан Понсе де Леон, губернатор Пуэрто-Рико, кавалер и адмирал. И гнала его вперед не жажда славы и богатства, а страх. Страх перед смертью. Денег и сокровищ у него было предостаточно. Сотни индейцев сожжены во время поисков золота, десятки селений в испанской островной колонии стонали под тяжестью поборов де Леона. Но мешки с золотом не радовали губернатора. К чему богатство, если впереди могила?

Невиданный мир открылся испанским конкистадорам после 1492 года. И этот мир был наполнен золотом и чудесами. Неужели не было нигде средства для обретения вечной молодости? Де Леон жадно слушал легенды о волшебном острове Бимини, где бьет из-под земли сладкий источник вечной жизни и молодости. Мечта позвала в дорогу.

Корабль, на котором Хуан Понсе де Леон поднял свой флаг, назывался «Эсперанца» (надежда). Палуба была заставлена пустыми бочонками для животворной воды Бимини. Но адмирал знал, что вода сама в руки не придет. Поэтому в экспедицию он взял с собой больше сотни наемников и собак, натасканных на охоту на людей. Главную цель экспедиции хранили в тайне. А экипаж был специально подобран из людей, которые знали о старости не понаслышке и сами мечтали о воде Бимини.

Скоро раздался и долгожданный крик: «Земля!» Но то был не остров Бимини. Корабли подошли к южной оконечности Багамских островов, и дальнейший их путь пролегал через архипелаг. Экспедиция двигалась медленно, моряки приставали к каждому острову, пробовали воду. Но увы, их морщины не исчезали и седина оставалась.

Уныние воцарилось на кораблях. Пришел первый день Пасхи. Впередсмотрящие увидели берега, утопающие в зелени. Это была нынешняя Флорида. Пышная растительность, огромное количество птиц и зверей наталкивало на мысль – а не рай ли это земной? Со вспыхнувшим энтузиазмом дегустировалась вода

бесчисленных источников. Корабли шли быстрее – мимоходом де Леон открыл Гольфстрим. Но главная цель ускользала из рук. Не помогали и пытки индейцев, которые молчали о чудесной воде, даже когда сжигали их селения вместе с женщинами и детьми. Команда была разочарована, тем более, что не нашли даже золота, и, опасаясь бунта, адмирал отдал приказ повернуть назад.

Хуан Понсе де Леон вернулся к исполнению своих служебных обязанностей. Горечь поражения не мог подсластить даже указ испанского короля о назначении его губернатором острова Бимини, Флориды и Пуэрто-Рико. Бимини в руки не дался!

А годы продолжали лететь, и страх смерти становился все сильней и сильней. Еще раз выпросив у испанских подданных необходимые ему суммы, де Леон организует новую экспедицию. Шел 1521 год от Рождества Христова, а озабоченному губернатору исполнился 61 год. По тем временам это была уже глубокая старость.

Губернатор мифического Бимини нанял два корабля и 200 солдат. Не задерживаясь на Багамах, экспедиция двинулась к берегам Флориды. Но ситуация изменилась. Индейцы помнили пришельцев, которые на предложения мира отвечали выстрелами из аркебуз. Поэтому поиски чудесного источника превратились в череду постоянных сражений и мелких стычек. Индейцы Флориды были значительно примитивнее, чем цивилизованные ацтеки, и поэтому испанцев не боялись. Тем более, что панцири из прессованного хлопка не могли защитить солдат от удара копья или стрелы. К тому же наконечники индейских копий были смазаны ядом. Безнадежное предприятие продолжалось до тех пор, пока во время боя де Леон сам не заполучил отравленную стрелу в левую ногу.

Впавшего в бред командира поместили в адмиральской каюте, а экспедиция повернула на юг. Ирония судьбы – у тех, кто искал воду жизни, не было воды для поддержания жизни собственной. Моряки и уцелевшие солдаты слизывали росу с топоров и ружей. А в каюте, покинутый всеми, мучился от жажды Хуан Понсе де Леон. Его нога распухла, покрылась багровыми пятнами и издавала зловоние, которое отпугивало подчиненных. Но губернатор Бимини не ощущал боли. В бреду ему казалось, что он стоит на своем острове, молодой, сильный, вкушающий сладостную воду из источника бессмертия. Таким счастливым он оставался до последнего своего вздоха. Тело жаждущего бессмертия адмирала было зашито в парусину и выброшено за борт.

МОСКОВСКИЕ ТАЙНЫ ГЛИНСКИХ

Князь Михаил Львович Глинский был известен и популярен не только в Великом княжестве Литовском или Московии, но и далеко за их пределами. Современник так описывал эту личность: «Князь Глинский, человек смелый, великолепных способностей, телом крепок и в опасности отважный». Род Глинских происходил от татарского князя, прибывшего в Литву при Витовте.

Глинский служил при дворах императора Максимилиана, курфюрста саксонского Альбрехта, с его войском ходил во Фризию, был в Испании и Италии. Стал любимцем великого князя Литовского Александра. Глинский был при нем «маршалком дворным» – министром двора и начальником дворцовой гвардии. Брат, Иван Львович, в 1505 году стал киевским воеводой, брат Василий – старостой Берестейским. В то время говорили, что Глинские держат «чуть ли не половину Литвы».

Но все проходит в этом лучшем из миров. Великий князь Александр заболел. Пошли слухи, что сам Глинский метит на его место. Подозрение литовской шляхты вызывало и то, что князь лично наблюдает за ходом болезни и никого к больному не пускает. Когда же врачи не помогли, Глинский прислал знахаря – «пророка балинского» – из-под Олькуша. Это подлило масла в огонь, и общее мнение стало однозначным – Александра отравили по наущению Глинского.

Перед смертью великого князя в 1506 году Глинский получил под свое командование литовское войско, собранное для похода на татар. Пока он был в походе, в Вильно паны после смерти Александра быстро избрали великим князем Жигмонта. Первым

же указом он лишил Глинских всех их должностей. Будучи не робкого десятка, Михаил Львович летом 1507 года организует восстание всех недовольных новым князем Литвы. Моральную и финансовую поддержку ему оказывает Московия, так как великий князь Василий из-за того, что Александр умер бездетным, а женой его была сестра великого князя, сам пожелал сесть на престол в Вильно. А осенью 1507 года Москва присылает на подмогу небольшое войско. Это был сигнал участникам восстания для начала военных действий. Первым делом ударили на Гродно, где сидел враг Глинских, пан Заберезский. Гродно взяли, пану отрубили голову. Но попытки взять Вильно (где была казна княжества) и Ковно не удались. Не удались и другие планы. Последней ставкой для восставших была осада Минска, которая продолжалась две недели, но литовское войско подоспело на выручку, и в июле 1508 года Глинский с единомышленниками бежал в Москву. «На приезд» великий князь пожаловал Глинским города Малоярославец и Медынь, да сёла под Москвой. А с Литвой Москва 19 сентября заключила один из многочисленных «вечных миров».

Результатом неудачного восстания стала московская война 1511 года, начатая по инициативе Глинского. Целью ее было взятие Смоленска, который великий князь Московский Василий пообещал отдать Глинскому. Великий князь ходил на Смоленск и в 1512 году, и в 1513 году, но лишь с третьего раза, в 1514 году, с помощью агентов Глинского, Смоленск был взят. Но Глинский его не получил. Разочарованный, он начал переписку с Жигмонтом, зондируя почву для возвращения и собираясь бежать в Литву из-под Смоленска, однако в Москве об этом узнали, и князя за измену приговорили к смерти. Его спас только переход в православную веру. Казнь заменили на заточение, и Глинский надолго засел в тюрьме, не помогло даже заступничество посольства императора Максимилиана во главе с Герберштейном в 1517 году.

Тем временем в Литве печально закончила свои дни Елена, вдова великого князя Александра, сестра Василия III. Отец ее не любил и выдал замуж без приданого, считая, что оказал честь литовскому князю, дав тому возможность породниться с Великим князем Московским. Бедной Елене пришлось писать письма и упрашивать отца выделить ей хоть что-нибудь. Неохотно Иван III выслал после долгих уговоров 500 горностаевых шкурок, кречетов и изумрудный перстень, который Елена за верную службу подарила Василию Тимофеевичу Пушкину. На перстне были изображены бармы и шапка Мономаха. Говорят, этот перстень потом остался в роду Пушкиных и был на пальце у Александра

Сергеевича на Черной речке. Побуждаемая братом, Елена, получившая приданое и воспрявшая духом, все время пыталась упрочить московское влияние в Вильно. В конце концов Жигмонт, чтобы не шпионила, сослал ее в 1517 году в Бирштаны и там расправился с нею чужими руками. Виленский воевода Радзивилл и другие паны направили к Елене королевского посланника, волынца Гитовта, дали ему зелье и письма к слугам Дмитрию Федорову и ключнику Дмитрию Иванову. Слуги, прочитав в письме обещания наградить за злодеяния, приготовили зелье, добавив в напиток меду, и дали испить великой княгине. В тот же день ее не стало. Сообщивший эту трагическую весть в Вильно Дмитрий Иванов получил в награду поместье.

А тем временем великий князь Василий влюбился в племянницу Глинского Елену (дочка Василия Львовича Глинского). Причем настолько сильно полюбил литовскую девицу, что даже бороду сбрил на польский манер, чтобы только угодить любимой. Елена не устояла перед такой самоотверженностью, а старые бояре плевались тайком: «Голомозый!» Великий князь женился на ней в январе 1526 года. Счастье опять улыбнулось Глинскому, и двери темницы перед ними отворились. В 1530 году дядю молодой великой княгини выпустили. Правда, за Глинского поручилось три вельможи, которые собрали 5000 рублей отступного, а за этих вельмож поручилось еще 47 человек. Но как бы там ни было, вскоре князь уже командовал войсками в походе на Казань.

Но брак этот был проклят, так как Василий III женился на юной Елене в нарушение церковных правил – при живой жене, насильно постриженной в монахини. Первая жена великого князя, Соломония, была бездетна, и какие бы снадобья она ни принимала, изменить этого не могла. 23 ноября 1525 года начался розыск по обвинению в колдовстве великой княгини Соломонии Сабуровой. Родной брат обвиняемой Иван Сабуров дал показания, что она держала у себя ворожею Стефаниду и вместе с ней прыскала волшебной заговоренной водой «сорочку и порты, и чехол, и иное которое платье белое» своего супруга. В том же году Василий вырвал у церкви разрешение на развод, и Соломонию под именем Софьи постригли в монахини и отправили в Суздаль. Через три года новая супруга великого князя затяжелела, и 25 августа 1530 года родила сына Ванечку, будущего Ивана IV Грозного, а потом разродилась еще одним сыном – Георгием.

Однако недолгим было счастье венценосного отца. В сентябре 1533 года занемог князь Василий, возвращаясь с богомолья из Троицкого монастыря по дороге на охоту под Волоколамск. И

началось все с пустяка. На левом княжеском бедре появилась багровая болячка с булавочную головку. Василий сначала и внимания не обратил. Несмотря на боль, ездил на охоту, на пирах бражничал. А болячка все больше и больше болит. Послал великий князь за Михаилом Львовичем Глинским – знал Василий о его опытности в лечении князей – и за иноземными лекарями Николаем Булевым и Феофилом. У великого князя был еще один лекарь, немец Антон, которого Василий держал в большой чести, но он до консилиума не дожил. Ему было поручено лечить татарского князя Каракучу, принадлежавшего к дружине царевича Дарьяра. При лечении Антон уморил Каракучу «смертным зельем на смех», как говорит летописец. Великий князь выдал лекаря сыну Каракучи, тот, получив его, хотел отпустить лекаря за деньги, но Василий не согласился и велел убить; тогда татары свели Антона на Москва-реку под мост зимой и зарезали ножом, как овцу. Аристотель Фиоровanте, строитель Кремля, когда узнал о смерти коллеги-иностранца, испугался и начал проситься домой, но великий князь велел его за это схватить и, ограбив, посадить под стражей на дворе покойного немца Антона.

Поэтому количество лекарей у постели больного было ограничено. По совету Глинского лекари начали прикладывать к болячке пшеничную муку с пресным медом и лук печеный, от этих лекарств болячка начала рдеть и загнивать. Начали прикладывать мазь, стало выходить много гноя, в груди начала чувствоваться тягость. Лекари давали рвотное, но аппетит у князя пропал, и с постели он уже не вставал. Все это время болезнь Василия скрывали. В конце ноября великого князя перевезли в Москву, где в своих палатах, предчувствуя неизбежный конец, Василий сжег старое завещание, написанное еще при Соломонии, и составил новую духовную запись. Сам он скорбел телом и изнемогал, однако боли не чувствовал, рана не увеличивалась, но дух от нее был тяжел. Лекари под чутким руководством Глинского ничего сделать не могли. Перед смертью у него начал неметь язык и отниматься конечности, но Василий все же смог настоять на принятии иноческого сана. Постригшись в монахи, великий князь умер и «дух вышел из него в виде тонкого облака». Это случилось 3 декабря 1533 года.

Смерть эта случилась слишком рано. Глинские не успели еще полностью врасти в московский «бомонд» и считались пришлыми литовцами. Поэтому, несмотря на то что после смерти великого князя Василия II Михаил Глинский стал одним из регентов при племяннице и малолетнем царе Иване Васильевиче, его ждал новый крутой поворот в судьбе.

Его власти и европейскому лоску позавидовал любовник

Елены, князь Овчина-Оболенский. Глинскому припомнили его происки у ложа Александра, а заодно обвинили в отравлении другого великого князя – Василия. Быстро нашлись обвинители, которые заявили, что Глинский хочет править Москвой «с единомышленником своим Михаилом Воронцовым». В августе 1534 года Михаил Львович опять попадает в тюрьму, в ту же камеру. Но возраст и здоровье уже не те, и надежды на лучшее мало. Через несколько недель, в сентябре того же года, он умирает в тюремном застенке.

Почти пять веков была покрыта глубокой тайной причина смерти тридцатилетней красавицы-царицы Елены Глинской – матери будущего царя Ивана Грозного, родившегося 25 августа 1530 года. После смерти мужа, Василия III, она стала регентшей при малолетнем сыне. За пять лет Елена успела провести денежную реформу, выиграть войну с Литвой, заключить выгодный для Московии мир со Швецией, оставить в политической изоляции Казанское ханство и построить новые города на границах страны. 3 апреля 1538 года Елена умерла. В своих записках австрийский посол Герберштейн говорит, что ее отравили враги ее фаворита князя Овчины-Телепнева-Оболенского. Во главе враждебной князю и Елене партии стоял князь Василий Васильевич Шуйский. Через семь дней после смерти регентши враги схватили Овчину, а также его родственников. Бывшего всесильного фаворита уморили голодом в темнице.

Но лишь недавно ученые установили причину скоропостижной смерти правительницы, подтвердив тем самым мнение Герберштейна. Специалисты получили возможность вскрыть гробницу царицы в Архангельском соборе Кремля. Сотрудники Московского медико-криминалистического бюро провели экспертизу савана, которым было обернуто тело, обрывков одежды и образец костной ткани. Во всех трех случаях оказалось, что количество ртути в десять раз превышает естественные нормы.

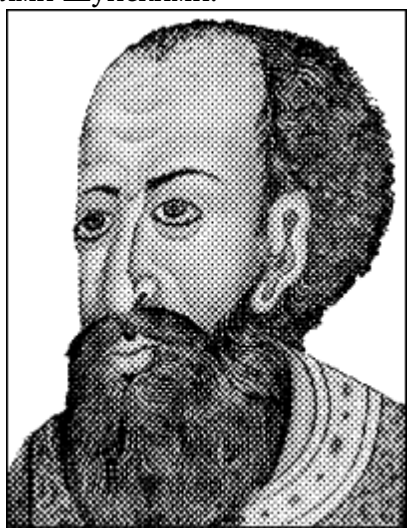
Глинская была отравлена, определили эксперты. Либо ртуть подкладывали в еду, либо смазывали ее одежду. Царица Елена пала жертвой боярских кланов, которые рвались к кормилу власти при юном царе. Ее смерть привела к тому, что регентство, одна за другой, захватывали боярские клики, а Иван Васильевич был заброшен и забыт. Наблюдая после смерти матери шабаш безвластия, Иванушка в темных подклетях царского дворца постепенно становился Иваном Грозным, человеком с нарушенной психикой, боящимся и ненавидящим свое окружение. Опыт Елены Глинской и ее отца был правильно истолкован

наследником, который залил Московию кровью и сломал хребет знатным боярским родам.

Судьба оставшихся в живых Глинских была не менее печальна. В 1547 году один за другим несколько пожаров опустошили Москву, приведя разоренных и оплакивающих сгоревших посажан – жителей посада – в неистовство. Москвичи обвинили во всех своих бедах родственников царя – князей Глинских. Ударив в набат, народ кричал, что Анна Глинская, бабка царя, вынимала сердца человеческие да клала в воду, да тою водою, ездя по Москве, кропила дома, оттого Москва и выгорела! Смерть литовской поджигательнице! Народную версию поддержала боярская Дума, которая завидовала литовским выскочкам. Утром 26 июня москвичи двинулись на Кремль. Переговоры с духовником царя и боярами ни к чему не привели, и, ворвавшись в Успенский собор, толпа выволокла дядю царя (его воспитателя – «уя») Юрия Глинского, убила его и стала грабить дома Глинских и их слуг. 29 июня 1547 года посажане направились в Воробьево, требуя от царя выдачи его дяди, Михаила Глинского, и бабки. Царь посулил посажанам удалить Глинских от власти, и на этом влияние родственного царю рода закончилось.

ИВАН ГРОЗНЫЙ – ОТРАВИТЕЛЬ

Правление царя Ивана Васильевича Грозного было нелегким, полным крутых поворотов, вознесений и падений фаворитов, а также изощренных пыток, до которых царствующая особа была склонна. У народа московского от нововведений иногда волосы дыбом становились, а когда появилась опричнина, то многие из Москвы выехали от греха подале. Окружали царя люди темные, советчики хитромудрые, но заканчивали они, как правило одинаково – у Малюты Скуратова. Юный царь рано почувствовал вкус крови. Первых бояр он казнил уже в 1543 году, а в свои 13 лет разделался с навязанными ему после смерти матери опекунами – князьями Шуйскими.



Одним из ближайших советников молодого царя был Алексей Федорович Адашев. Был, пока Иван IV не заматерел силушкой при взятии Казани и Астрахани. Советы Адашева разгромить и третье татарское ханство в Крыму царь отклонил, а весьма умного советчика отправил на войну в Ливонию, которая Грозному была нужнее, чем степной Крым.

Однако перед отправкой на Ливонский фронт Адашева и еще одного бывшего советчика Сильвестра обвинили в отравлении первой жены царя, царицы Анастасии Захарьиной-Кошкиной. Обвиненные в преступлении просили у Грозного милости – дать им очную ставку с обвинителями, но так как тайным обвинителем был сам царь, в милости им было отказано. Собрался собор из бояр и духовенства, который рассмотрел дело советников-отравителей и засудил их. Сильвестра отправили в церковную тюрьму в Кирилло-Белозерский монастырь, а Адашева – на войну.

С мая 1560 года Адашев служил воеводой в Ливонии, помогал князю Курбскому, еще одному неудачливому советчику. Удачное воеводство Адашева совсем не понравилось Ивану Грозному, его взяли под стражу и привезли в недавно захваченный Дерпт. Там в 1561 году, внезапно заболев и промучавшись два месяца горячкой, вчерашний советник и любимец подозрительно быстро скончался, несмотря на заверения лекарей об отсутствии опасности для здоровья больного. Вскоре казнили и его брата. По делу «отравителя» Адашева в Москве была казнена некая вдова, полька Мария-Магдалена (вероятнее всего, это псевдоним) с пятью своими детьми, обвиненная в связи с Адашевым и чародействе. На родственников Адашева и бояр, имевших с ним отношения, была наложена опала.

В отравлении любимой жены Анастасии царь обвинил князя Курбского и других бояр. В ноябре 1559 года он увез ее больную из Можайска, и тогда у царя возникла стычка с советниками. Вовремя уклониться от советов сумел один князь, остальные отправились на плаху. Грозный писал Курбскому: «За что с женою вы меня разлучили?..

Если бы не отняли юницы моей… Кровавых жертв и не было бы. Только бы на меня с попом не стали, то ничего бы и не было, все учинилось от вашего самовластия». Вводя опричнину, Иван IV среди других обвинений еще раз подтвердил обвинение боярам в отравлении Анастасии, в том, что замышляли они убийство детей его. По делу об отравлении Анастасии, которое длилось долгие годы и служило царю постоянным мотивом для упреков боярам, пострадал и престарелый князь Воротынский, реабилитированный после ссылки и желавший только одного – дожить спокойно. Но это ему не удалось. Старик был подвергнут пыткам по доносу своего слуги, обвинившего его в чародействе и злых умыслах против царской семьи. После конфискации имущества «злодея», замученного пытками старика повезли в заключение на Белое озеро, где он уже сидел до того, но по дороге ему повезло – князь скончался.

Возможно, из-за постоянных разговоров об отравлении яд стал одним из любимых средств расправы у царя. Но вообще-то грозный царь свои недостатки и преступления любил сваливать на других. Вот, например, что он писал в 1550 году польскому королю Сигизмунду-Августу: «Мы к тебе не раз писали о лихих делах от жидов, как они наших людей от христианства отвадили, отравные зелья к нам привозили и пакости многие нашим людям делали». Неизвестно, что за «отравные зелья» привозили еврейские купцы, вероятнее всего, какие-нибудь экзотические

лекарства. Подтверждением тому может служить факт, что еще при жизни польского короля Сигизмунда Старого «евреи брестские были выгнаны из Москвы, и товары их сожжены за то, что они привозили продавать мумею». Зато Иоанн купил у аугсбургских купцов жезл из рога единорога, который был при нем на трапезах. А также царь имел посох, тоже сделанный из рога единорога. А нужны они были ему для постоянного контроля, так как считалось, что рог единорога безошибочно реагирует на яды в еде и питье.

Очень быстро и подозрительно умерли вторая и третья жены царя. В 1569 году без болезни скончалась Мария Темрюковна, которая опостылела Ивану Грозному своими бесконечными ссорами. В октябре 1571 года, выбрав лучшую из 2000 представленных девиц, женился он на Марфе Собакиной, дочери новгородского купца, которая через три недели тихо отошла в мир иной. В ее смерти Иван опять обвинил бояр, что отравили Марфу еще невестой, до венца. Гнев царя пал на родственников предыдущей царицы, Марии. Был посажен на кол ее брат Михаил Темрюкович, бывший любимец царя, умерщвлен был и другой любимец, Григорий Грязной, вместе с несколькими именитыми лицами. Также без всяких болезней упокоилась и пятая жена, Анна Васильчикова, сумевшая продержаться год возле царственного супруга.

Плохо кончил и ближайший родственник царя, имевший право на престол, последний удельный князь Владимир Андреевич Старицкий. Иван Грозный использовал его для провокации: он, притворившись больным, узнал, кто из приближенных чем дышит. После этого он отобрал у Старицкого удел и держал его под строгим надзором. Постоянными притеснениями довел княгиню Евфросинью до пострижения в монастырь. А в январе 1569 года князь и все его семейство были убиты. Имеются сведения иностранцев о гибели князя, его жены и двух сыновей. Свидетельства разнятся: кто из послов доносил, что Старицких зарезали, кто – что головы отрубили, но большинство мемуаристов были уверены, что отравили. Царь, вызвав к себе в Александрову слободу последнего удельного князя Владимира Старицкого с женой и детьми, предложил им чашу с ядом. «Слыхал я, хотели вы меня отравить, а теперь вот сами пейте», – и гости царя молча выпили. Потенциальный соперник был ликвидирован.

В 1571 году во время новгородского и псковского погромов Иван IV инспирировал дело по обвинению архиепископа новгородского Пимена и новгородских приказных людей в измене и попытке ядовитым зельем извести государя. Естественно, конец

их был предопределен.

В конце опричнины большим влиянием при дворе пользовался лекарь и астролог Елисей Бомелий, голландец по происхождению. Этот лекарь изучал медицину в Кембридже и занимался астрологией, за что был посажен лондонским архиепископом в тюрьму, откуда его вызвал царский посол. Он не только лечил Грозного, но и познакомил его с тайнами астрологии, частенько составлял для него гороскопы и между делом приготовлял яды для впавших в немилость придворных. Некоторых, например спальника Григория Грязнова, он умертвил собственноручно. С его подачи Иван Грозный завел чаши, вырезанные из ядовитого плюща, вином из которых потчевал провинившихся царедворцев. В 1572 году по приказу Грозного Бомелий отравил 100 опричников. В 1575 году был предан суду архиепископ Леонид. Его пытали, и он, не выдержав муки, покаялся в том, что участвовал в заговоре против царя и впал в ересь, занимаясь колдовством и составлением зелий. Во время суда были сожжены «ведьмы», помогавшие архиепископу чародействовать. Главным свидетелем обвинения был Бомелий.

О силе влияния Бомелия знали среди народа. Вот что писалось в Псковской летописи: «…а к царю прислали немца, лютого волхва, именем Елисея, и был он у него в приближении, любимцем. Навел Елисей на царя страхованье, стал тот бегать от нахождения неверных и совсем было отвел царя от веры: на русских людей царю свирепство внушил, а к немцам на любовь преложил». Подобно этому было сделано описание Бомелия еще в одной рукописи. Заканчивалась она вполне оптимистично: «Но приспело время мести Божьей: встали окрестные города и попленили его земли, города разорили, людей поразили и до царствующего града дошли: царь, видя беду, покаялся и сжег чародея со товарищами его».

Конец лекаря в 1579 году был гораздо прозаичнее, народ безмолвствовал, а царь злодействовал. В конце концов Бомелий так запутался в интригах, что решил бежать из Московии. На границе его схватили бдительные стрельцы и, доставив в Москву, отдали на попечение и следствие к Малюте Скуратову. Астролог медленно поджаривался на огромном вертеле. Как писал англичанин Джером Горсей, сначала Бомелий надеялся на помощь «соумышленников» – царских любимцев, приставленных Грозным к царевичу Ивану. Когда же истязания развязали ему язык, он стал оговаривать всех подряд, но это не облегчило его участи. Также англичанин рассказывал подробности о пытках Бомелия: «Ему выворотили из суставов руки, изрезали спину проволочными плетьми, потом в этом виде привязали к

деревянному столбу и поджаривали, наконец, еле живого посадили на сани и повезли через Кремль, где он тотчас умер». По другим источникам, чародея прилюдно сожгли под одобрительные крики народа во славу доброго царя.

Вскоре, в 1584 году, обдумывая очередной коварный ход за шахматной доской, умер и Иван Грозный. Незадолго до смерти, он вдруг весь распух, и внутренности у него начали гнить, от него исходил отвратительный запах. К царю спешно приглашались иноземные врачи, знахари и знахарки с далекого севера. Но все напрасно. Тело его покрывалось волдырями и ранами. Вонь от него становилась невыносима.

Царь каждый день во время болезни посещал свою сокровищницу, где с помощью драгоценных камней исследовал свое здоровье. Однажды он позвал с собой английского купца Горсея, которому прочитал целую лекцию о значении каждого камня: «Вот прекрасный коралл и прекрасная бирюза, которые вы видите, возьмите их в руку, их природный цвет ярок; а теперь положите их на мою руку. Я отравлен болезнью, вы видите, они показывают свое свойство изменением цвета из чистого в тусклый, они предсказывают мою смерть. Принесите мой царский жезл, сделанный из рога единорога, с великолепными алмазами, рубинами, сапфирами, изумрудами, другими драгоценными камнями большой стоимости; жезл этот стоил мне 70 тысяч марок, когда я купил его у Давида Говера, доставшего его у богачей Аугсбурга. Найдите мне несколько пауков…» Он приказал своему лекарю Иоанну Ейлофу обвести на столе круг; пуская в этот круг пауков, он видел, как некоторые из них убегали, другие подыхали. «Слишком поздно, он (т. е. жезл) не убережет меня теперь. Взгляните на эти драгоценные камни. Этот алмаз – самый дорогой из всех и редкостный по происхождению. Я никогда не пленялся им, он укрощает гнев и сластолюбие и сохраняет воздержание и целомудрие; маленькая его частица, стертая в порошок, может отравить в питье не только человека, но даже лошадь». Далее царь рассказал о возможностях рубина, изумруда и сапфира – его любимого камня. Но знание геммологии[4] не помогло Грозному.

18 марта 1584 года, когда царю внезапно стало плохо, среди придворных началась паника – одни посылали за водкой, другие – в аптеку за ноготковой и лавандовой водой. Но Грозному нужен был только священник, и над полумертвым царем провели обряд пострижения и нарекли его Ионой. Под этим именем и отошел государь в мир иной. Странное течение болезни вызвало немало кривотолков, поэтому неудивительно, что после смерти царя пошли слухи о его отравлении злодеями-боярами. Дьяк Тимофеев

писал об отравлении Грозного Годуновым и Вельским: «Жизнь же яростиваго царя… времени ближние сего зельства его ради сокращения участиа: Борис… сложившийся купно з двома в тайномыслии об убиении его с… царевым приближеным возлелюбником… Богданом Вельским». Голландский купец Исаак Масса писал в письме, что царь, по его словам, «день ото дня становясь все слабее… впал в тяжкую болезнь, хотя опасности еще не было заметно; и говорят, один из вельмож, Богдан Вельский, бывший у него в милости, подал ему прописанное доктором Иоганном Эйлофом питье, бросив в него яд: так ли это, было известно одному Богу». Одной из причин, которая могла подвигнуть Годунова на отравление, было желание Иоанна IV расторгнуть брак своего сына Федора с Ириной, сестрой Годунова. Но смерть царя последовала вовремя, и в ночь его смерти (с 18 на 19 марта 1584 года) на престол был возведен тишайший Федор, а с ним получил власть и его родственник Годунов. В пользу версии отравления свидетельствует последующая ссора между Годуновым и Вельским, вызвавшая опалу последнего.

Сомнительна ситуация и с завещанием Грозного. Иван IV, предчувствуя близость смерти, продиктовал завещание ближнему дьяку Савве Фролову, который вскоре скоропостижно скончался, из-за чего возникло подозрение в его отравлении, чтобы царское завещание не стало известно. Во всяком случае, при коронации Федора Иоанновича оно оглашено не было.

Здесь следует отметить, что Сталин как-то заметил, что одна из ошибок Ивана Грозного состояла в том, что «он не сумел ликвидировать пять оставшихся крупных феодальных семейств, не довел до конца борьбу с феодалами – если б он это сделал, то на Руси не было бы Смутного времени».

Когда ученые в XX веке вскрыли гроб, они не смогли ни подтвердить, ни опровергнуть факт отравления Грозного. В костях царя академиком М. Герасимовым было обнаружено повышенное содержание ртути, но это могло быть и следствием приема лекарств, в состав которых во времена Грозного часто входила ртуть.

СЛЕДОВАТЕЛЬ АРАП

На исходе XVI века, в бытность царем Бориса Годунова, приказные дела Московского царства зафиксировали расследование по факту отравления крымского царевича Мурат-Гирея.

Злодейство свершилось в Астрахани, где в эмиграции жил несчастный царевич и куда его конкуренты из Крыма прислали убийц. Как говорилось языком документов того времени – «бусурманы прислали ведунов и его испортили». Астраханские воеводы, которые по приказанию царя стерегли претендента на престол Крымского ханства, обнаружив, что царевич «испорчен», нашли ему лекаря-арапа. Арап сказал, что Гирея вылечить нельзя, пока не сыщут ведунов, которые его попортили. Взяв с собой стрельцов, пошел арап в юрты татар, что стояли у Астрахани, перехватал там ведунов и начал их мучить.

Ведуны, не выдержав допроса третьей степени, сказали: «Если кровь больных не замерзла, то можно пособить». Тогда умный арап велел ведунам метать из себя кровь в лохань, и они выметали всю кровь, которую выпили из сонного царевича, жен его и других татар и тем их «испортили». Ведуны рассказывали арапу по порядку: вот это кровь царевича, вот это его жен, вот это других татар; кровь царевича и одной из его жен вся замерзла, и потому ведуны сказали, что им живым не быть; чья же кровь не замерзла, и если помазать ею больного, то он останется жив.

Когда царевич умер от замерзания крови, то воеводы поспешили донести обо всем подробно царю; царь отправил в Астрахань следователя Астафия Пушкина, с приказом пытать ведунов, по чьему умышлению испортили царевича, «а после пытки пережечь». Пушкин пытал ведунов накрепко разными пытками, но расколоть не смог. Тогда тот же арап-следователь сообщил, что так у них ничего не допытаться. Он предложил положить им в зубы конские удила, повесить их за руки и бить их не по телу, а по стене против них. Такого психологического давления ведуны не выдержали и все рассказали.

Воеводы после пытки велели их сжечь, и жег тот же арап, как говорили свидетели, мастерски. Когда ведунов жгли, то слетелось «многое множество» сорок и ворон, что подтвердило правильность обвинительной позиции арапа. К сожалению, о дальнейшей следовательской карьере арапа сведений в царских приказах не осталось.

ОПАЛА РОМАНОВЫХ

Имя Бориса Годунова, царя не наследственного, а вымоленного, в народе постоянно было связано с ядами. То ли характер такой у нового царя Московии был, то ли народ зряшное наговаривал. Только вот общее мнение было одно – травят в Кремле, и баста! Хотя, когда давали служилые люди подкрестную клятву новому царю, обещали не вредить ему ни ядовитым зельем, ни чародейством: «Мне над государем своим царем и над царицею и над их детьми, в еде, питье и платье, и ни в чем другом лиха никакого ни учинять и не испортить, зелья лихого и кореньев не давать и не велеть никому давать, и мне такого человека не слушать, зелья лихого и кореньев у него не брать; людей своих с ведовством, со всяким лихим зельем и кореньем не посылать, ведунов и ведуний не добывать на государское лихо. Также государя царя, царицу и детей их на следу никаким ведовским мечтанием не испортить, ведовством по ветру никакого лиха не насылать и следу не вынимать никаким образом, никакою хитростию. А как государь царь, царица или дети их куда поедут и пойдут, то мне следу волшебством не вынимать. Кто такое ведовское дело захочет мыслить или делать и я об этом узнаю, то мне про того человека сказать государю своему царю или его боярам, или ближним людям, не утаить мне про то никак, сказать вправду без всякой хитрости…»

Но Годунов-то такой клятвы не давал. В течение 20 лет Борис Годунов, потомок татарина Мурзы Четя, управлял Московией как правитель, а затем как самодержец. Один из членов польского посольства писал в Варшаву: «Годунов полон чар и без чародейства ничего не предпринимает». Но подкосил чародея голод, начавшийся в 1601 году и до самого 1604 года людей моривший. «А за то Господь покарал, что отроков невинных к иноземцам-табашникам посылал в студенты в Англию, Францию и Германию!» – кричали кликуши на площадях.

Еще когда Борис состоял при царе Федоре Иоанновиче, кротком и умом некрепким, людская молва не оставляла правителя в покое. У царя дочка родилась, а народ сразу: сын, а Годунов его подменил. Стоило царю умереть в ночь с 6 на 7 января 1598 года, как молва сразу – отравил царя Борис Годунов, и точка. В «Повести, како отомсти» (1606 г.) царь Федор умирает «от неправеднаго убивствия» Борисом. Дьяк Тимофеев называет Годунова не иначе как «раб, отравивший своего господина», а купец Иоганн Масса пишет: «Убежден в том, что Борис ускорил «смерть» Федора при содействии и по просьбе своей жены». Польский гетьман Жолкевский, говоря о смерти царя Федора в 1598 году и характеризуя Годунова, заявлял, что «он отравил и самого царя Федора». Кстати, у Федора Иоанновича, как и у его батюшки, недоброй памяти Ивана Грозного, тоже обнаружили позднее повышенное содержание ртути в останках. Так что молва и очевидцы событий, может, и не ошибались.

Послал Годунов окольничего Богдана Вельского крепость Борисов возводить в чистом поле. Возвел окольничий крепость, а потом вдруг оказался в опале. Хотя, может, и за дело – донесли Годунову, что царем Борисовским себя возгордившийся окольничий называл. А в народе сразу слух. Бельский-то, мол, своему духовнику повинился, что по наущению Годунова отравил царей Иоанна и Феодора, но совесть заговорила. А духовник тайну исповеди не сберег и патриарху рассказал, а патриарх – царю. А царь, вестимо, опалу на окольничего, да еще повелел лекарю-шотландцу красоту у Вельского изничтожить – бороду вырвать.

Да и смертоубийство царевича Дмитрия не обошлось без яда. Еще до смертоубийства от ножичка пытались опоить царевича. Англичанин Флетчер писал, что будто от яда, предназначенного

Дмитрию, умерла его кормилица, хотя по другим данным она осталась жива-живехонька.

Говорили, что царевичу давали яд в пище и питье, но напрасно. Годунов даже совещание собирал с ближними и родственниками о методах устранения Дмитрия.

Кто его знает, кого там 15 мая 1591 года зарезали в Угличе – царевича или подменыша, но известно, что 19 мая ночью Афанасий Нагой, дядя царицы Марии, постучал в ворота аглицкого подворья в Ярославле и вызвал на двор аглицкого посла Джерома Горсея, своего давнего знакомого. Нагой объявил, что в Угличе по приказу Годунова зарезали царевича, что царицу-мать отравили: «У нее вылезают волосы, почти слезает кожа. Именем Христа заклинаю тебя: помоги мне, дай какое-нибудь средство». Англичанин Нагого в дом не пустил, а вместо противоядия вынес всего лишь «банку с чистым прованским маслом и коробочку венецианского териака», которые могли дать только психологический эффект. Но все же то ли лекарства помогли, то ли напутал Нагой, но очевидцы сообщали, что, произнося обвинения Годунову в смерти сына, царица Мария была энергична и здорова. Потом мучился царь Борис сомнениями – того ли ножичком пырнули и будет ли его царскому величеству блаженство на том свете?

Известен еще один случай. В 1602 году в августе появился в царстве Московском жених, которого за дочку государя Ксению засватали. Жених знатный – принц Иоанн (Ганс), сын Фредерика II Датского и брат датского короля Христиана. Красивый, молодой – двадцать лет ему было. Но то ли климат не подошел принцу датскому, то ли еще какая причина, а захворал в Москве жених и 28 октября того же года упокоился с миром. А народ сразу смекнул – это его Годунов извел, который, видя, как все полюбили Иоанна, побоялся, чтоб после не возвели его на престол вместо сына Бориса Годунова – Федора. Был еще один принц, которого хотели за Ксению сватать, но тот похитрей оказался. Сын жертвы Грипсгольмского замка, шведского короля Эрика XIV, Густав после смерти отца бежал за границу и жил в Италии, подальше от сумрачных берегов родины. В Московию Густав приехал с удовольствием, так как поиздержался, но жениться отказался. Ему родной протестантизм был ближе, а главное – любовница милее годуновской дочки. Царь с досады забрал у неудавшегося зятя богатую Калугу и дал ему на кормление разоренный следствием Углич. И несчастный князь татарский Симеон Бекбулатович, которого Грозный во времена опричнины вместо себя на престол сажал, тоже на Бориса обижался. Говорил-де, что он ослеп от выпитого вина, которое

прислал ему в подарок Годунов.

Все эти слухи, ходившие вокруг дворца об отравлениях, надоели царю, и решил он сам злодеев сыскать. А искать далеко и не надо. Вот они, под боком, волками смотрят. Клан Романовых, знатный да многочисленный, каждый готов не то что яду подсыпать, но и ножом пырнуть. Нашелся, правда, честный человек, дворовый этих самых Романовых, мелкий помещик Бартенев, который казначеем служил боярским. Пришел во дворец кремлевский, да всю правду и сказал. Тут как раз на Москве кампанию развернули – за правду. Кто правду скажет, тому милость царская и прибыль большая. Вот Бартенев и сказал. А чтоб правду подтвердить, вместе с дворецким Семеном Годуновым набрал мешки разных кореньев, да и подложил Федору Никитичу Романову в кладовую. А царь Годунов за правдой окольничего Салтыкова послал. Тот дом обыскал и правду нашел. Мешки с кореньями злодейскими прямо на двор патриарха перевезли. Народ сбежался, давка, крики, все правде удивляются. Романовым слова сказать не дали, под стражу злодеев, а заразом родичей и приятелей их – князей Черкасских, Жестуновых, Репниных, Сицких, Карповых. Чуть не попался под горячую руку и мелкий прихлебатель Романовых – Григорий Отрепьев, но уцелел и скрылся. Его время еще не пришло.

Началось следствие. Ну, естественно, не без дыбы да угольев жарких. Следователем заделался князь Михаил Салтыков. Правду-то нелегко найти. Но сыскали мастера пыточные. В июне 1601 года состоялся приговор боярской Думы. Не царь судил, а сами бояре. Приговорили всех к ссылке по местам разным и удаленным. Когда везли ссыльных, то сопровождавшие их приставы говорили: «Вы, злодеи-изменники, хотели достать царство ведовством и кореньями». И древком бердыша по загривку били. Пережили эту ссылку только два брата Романовых – Федор (он же инок Филарет, будущий патриарх и отец царя Михаила) и Иван Никитичи.

А Годунову правда-то не помогла. Плохо кончил. И как молва сказывала, отравили-то Бориску, чтобы воссел на престол чудом спасенный отрок царского рода Дмитрий, а может, и не Дмитрий вовсе. 13 апреля 1605 года умер Борис Годунов, и все волнения для него по поводу «кровавых мальчиков в глазах» закончились. Скончался он внезапно, на 53-м году жизни. Сидел за столом, ел, пил, а как встал и поднялся на вышку, чтобы Москвой златоглавой полюбоваться, то почувствовал колотье и дурноту, кровь хлынула из носа, ушей и рта, полилась рекою, а лекари не могли остановить ее. «Царю Борису, вставши из-за стола после кушанья, и внезапно прииде на него болезнь можа и едва успе

поновитись и постричи, в два часа той болезни и скончась». Бояре у ложа смертного спросили, не желает ли он, чтобы они присягу дали наследнику, сыну его, но Годунов успел лишь промолвить: «Как Богу угодно и всему народу». Затем у него отнялся язык. Над полумертвым царем произвели посвящение в схиму и нарекли Боголепом. Вскоре царь отошел в мир иной.

Пошли слухи, что сам царь, злодеяний своих не выдержав, яд принял. Англичанин Горсей так описывает смерть Годунова и его семьи: «Царь Борис Федорович, его жена царица, сын и дочь выпили яд, легли головами вместе, трое из них умерли сразу, а сын еще мучился, и некоторые видные люди из их семьи провозгласили его царем всея Руси Иваном Борисовичем». Но это лишь фантазия английского купца, основанная на официальной версии, придуманной близкими царевича Дмитрия. Наемник же Маржерет передает, что Годунов скончался от апоплексического удара. А вот в народе еще говорили, что изменщики во дворце отраву подсыпали. Болезнь Годунова пытались сохранить в тайне, да от народа разве что утаишь? Бориса, по его собственному распоряжению, отнесли на носилках из дворца в церковь, чтобы показать народу, что он еще жив. Но было уже поздно. Как бы то ни было, а 20 июня вступил в первопрестольную новый правитель и наступило в Московии Смутное время.

Когда же сел на престол то ли царевич, то ли беглый монах, Дума боярская, поразмыслив, приказали могилу Годунова в Архангельском соборе раскопать и труп экс-царя выкинуть. А дьяки Молчанов и Шерефединов руководили казнью царской семьи. После того как всех порешили путем удушения, боярин Василий Голицын созвал народ и объявил, что царица и царевич со страху «испиша зелья и помреша, царевна едва оживе». А когда царевна оживе, то Отрепьев ее совратиша, а потом в монастырь. По Москве же распустили слухи, что Борисова вдова не снесла пытки каждоминутного ожидания расправы: находясь в своем доме под стражей, она приготовила отраву, выпила сама и дала детям. Ксения не успела еще выпить, как увидела, что матери и брату дурно: они упали, и Ксения не стала пить. Появилось даже предсмертное письмо Федора к царю Дмитрию, где было сказано: «…Будь уверен, что мы, наша дорогая мать и сестра, для тебя пьем мы чашу смерти; будь царем с твоим потомством; ты имеешь право; будь правосуден ко врагам, любим подданными, милосерд к бедным, будь всегда счастлив». Говорили, что Дмитрий, прочитав это письмо, заливался слезами, но все эти слухи и письма были обычной пропагандистской кампанией.

В народе же пошла молва, особенно когда поляки, что пришли с царевичем, людям поперек горла стали, что жив Борис,

а вместо него в могиле железное изображение ангела. А другие говорили, что точно, жив царь, а опоил Борис какого-то человека, похожего на себя, велел положить в гроб и распустить молву, будто Борис умер. Жалели царя, да поздно уже было, разгулялся в Смутное время народ не на шутку.

ЯД ДЛЯ САМОЗВАНЦА

Царевич Дмитрий, или Гришка Отрепьев, кому как нравится, заявлял не раз, что Господь его сохранил не только от ножа Годунова, но и от яда. Поэтому он писал в прелестном письме, подброшенном в Москву, «упреки и вины царю заявляя», что не только его хотели извести, а что Годунов «приказал выколоть глаза Симеону, царю Казанскому, великому князю удельному Тверскому, сына его Ивана приказал отравить». Может, это письмо и подсказало Годунову, каким методом уморить воскресшего не ко времени царевича, которого не взял ножичек.

Когда войска царевича вступили на московскую землю, Годунов направил против претендента на престол войска и начал разоблачительную кампанию, доказывая, что царевич уцелеть не мог. А когда все это не помогло, послал убийц с ядом. Три инока 8 марта 1605 года явились в Путивль, где стояли войска Дмитрия, с грамотами от Годунова и патриарха и успели склонить на свою сторону двух приближенных претендента. Но их схватили, грамоты прелестные у них отобрали, однако карать не стали и отпустили. И тут один из трех, самый старший, добровольно сознался, что у них есть яд, которым они хотели уморить царевича. «У моего товарища есть в сапоге яд, страшный яд, если к нему прикоснуться голым телом, то тело распухнет, и человек в девятый день умрет; твои приближенные согласились с ним, решили яд в кадило и окурить тебя этим ядом вместе с ладаном; они подкуплены Борисом и пересылали ему письма». Яд действительно был найден в сапоге у младшего инока. Дмитрий сказал уличенным в злодеянии: «При ваших сединах, вы

решились на такое дело, коварные злодеи, так-то заплатили вы за милость и милосердие, когда я даровал вам жизнь? Бог обнаружил ваши злодеяния чрез этого монаха». Царевич Дмитрий опять проявил милосердие и карать подосланных убийц не стал, а отдал на суд людской. А народ в порыве негодования растерзал злодеев, а предателей-приближенных расстреляли из лука.

В это время Бориса Годунова в Москве уже не было, а народ единодушно сгонял с трона и его сына Федора. Безбородый Богдан Вельский призывал народные массы, кинувшиеся грабить все, что под руку попадется: «А вы ступайте в погреба немецких докторов, Борисовых любимых иноземцев: они богаты и нажились при Борисе, были у него советниками и наушниками назло православному народу. Выпейте их напитки и все добро их возьмите». Не мог Вельский простить своей бороды иноземному лекарю.

Однако очередное чудесное спасение не помогло воскресшему царевичу. Все-таки впоследствии оказался он фальшивым, и народ в порыве негодования растерзал Лжедмитрия. Новый боярский царь, что после самозванца был, Василий Иванович Шуйский, тоже отравой против врагов своих баловался. В 1607 году он принял предложение немца Фридриха Фидлера, аптекаря из Кенигсберга, отравить Ивана Болотникова, власти царской угрожавшего. Перед тем как отправиться в Калугу с ядом, немец клятву дал: «Во имя пресвятой и преславной Троицы я даю сию клятву в том, что хочу изгубить ядом Ивана Болотникова; если же обману моего государя, то да лишит меня Господь навсегда участия в небесном блаженстве; да отринет меня навеки Иисус Христос, да не будет подкреплять душу мою благодать Св. Духа, да покинут меня все ангелы, да овладеет телом и душою моею дьявол. Я сдержу свое слово и этим ядом погублю Ивана Болотникова, уповая на Божью помощь и Св. Евангелие». «Клятва эта до того была страшная, – говорит современник, – что волосы дыбом поднимались у тех, кто слышал ее». Растроганный царь дал хитрому Фидлеру лошадь и 100 рублей, обещая в случае успеха дела 100 душ крестьян и 300 рублей ежегодного жалованья. Однако немец, приехав в Калугу, открыл все Болотникову и отдал ему приготовленный яд. Вот так Шуйский хотел по примеру Годунова избавиться от врага. Когда в Москве узнали о поступке Фидлера, то стали колоть глаза всем немцам этой изменой: «Вот какова честность немецкая», – говорили москвичи. Болотникова все же в конце концов угомонили, но и Шуйский не усидел на царском троне.

НЕУДАЧНЫЙ СУД

Ипполит Альдобрандини взошел на папский престол под именем Климента VIII. Это произошло в 1592 году, а в 1605 папа почил в бозе. Начало его правления было довольно удачным, и ничто не предвещало столь печального конца. Климент VIII сумел найти общий язык с королем-прагматиком Генрихом IV и помог ему закончить религиозную войну во Франции. Король, благодарный папе за покровительство, но еще более за то, что Климент разрешил ему развод с развратной Марго Валуа, подарил папскому престолу герцогство Феррарское. Климент VIII был покровителем искусств и вызвал в Рим поэта Тассо для увенчивания его лаврами, но поэт не дожил до почестей.

Под монастырь папу подвели свои же. Два крупнейших католических ордена, бенедиктинский и иезуитский, затеяли свару по чисто отвлеченному вопросу – об отношении благодати к свободе воли. При этом, правда, пострадала не одна тонзура, пробитая крестом во время богословского диспута. За третейским судом монахи обратились к папе. Вопрос, который был поставлен ребром, находился достаточно далеко от папских забот, поэтому Климент решил переложить бремя ответственности на плечи созданной им конгрегации, а сам отказывался высказывать какое-либо мнение. Такая позиция самоустранения вызвала возмущение широких религиозных кругов. Нужен был четкий ответ наместника Бога на земле – соотносится благодать или не соотносится? Понимая, что с Климентом каши не сваришь, за дело взялись иезуиты – как более искушенные в проблемах поиска истины. Желая получить ответ от папы, они сделали ставку на преемника Климента VIII, а уклоняющегося от ответственности папу без колебаний отравили.

ЛЮБОВНИК И ЗАВОЕВАТЕЛЬ

Вальтер Деверо граф Эссекс прожил недолго, всего 36 лет – с 1540 по 1576 год. Но жизнь его прошла под знаменами Марса и Венеры.

Сначала он носил титул виконта Герсфорда. При дворе появился после вступления на престол Елизаветы, ревностно помогал в борьбе с ее противниками. Виконт служил королеве как придворный, как неутомимый любовник и как военачальник. Впоследствии последняя функция стала превалировать, что привело к охлаждению отношений с королевой, так как в глазах Елизаветы амурные дела были значительно важнее, нежели военные.

В 1568 году, находясь во главе кавалерийского отряда, Вальтер предотвратил похищение Марии Стюарт католиками. Затем подавил восстание графов Нортумберленда и Вестморленда, за что получил титул графа Эссекса. В 1572 году он составил план подчинения ирландских графств короне и за свой счет снарядил отряд в 1200 человек; за ним последовали многие дворяне, частично из любви к приключениям. Приключений на долю отряда выпало предостаточно. В 1573 году экспедиция отчалила из Ливерпуля, но зимние бури заставили Эссекса бросить якорь в Белфасте. Отряд страдал от болезней и недостатка еды; многие умерли, другие дезертировали. Осталось не более 200 человек, когда граф наконец получил подкрепление и смог выступить в поход.

Военные действия были удачными, кровавые расправы Вальтера надолго запомнились ирландцам. Новые фавориты

королевы призывали убрать Эссекса из Ирландии как слишком удачливого, и Елизавета приказала ему возвращаться. Но пылкий Эссекс не подчинился королеве. Усмирив острова, он вернулся в Лондон победителем, что немедленно продемонстрировал королеве в постели. Монаршия милость была возвращена.

В 1576 году Эссекс был назначен графом-маршалом Ирландии. Он переехал в Дублин, где и вскоре скончался. Смерть его покрыта тайной. Общее мнение склонялось к тому, что графа отравил некий Лейстер, давний любовник его жены, который сочетался браком с графиней сразу же после смерти Эссекса. Чтобы успокоить слухи, было проведено медицинское обследование трупа, признаков отравления обнаружено не было. Но общее мнение не изменилось, так как у вдовы было достаточно золота, чтобы купить любое заключение. Королева, кстати, особо не переживала: уж очень Эссекс увлекался победами на войне, оставляя бедняжку в одиночестве.

ПАРИЖСКИЕ ТАЙНЫ МЕДИЧИ

Французская королева Екатерина Медичи (1519–1598 гг.) стала причиной смерти многих знатных особ Франции. При жизни мужа, короля Генриха II, Екатерина не играла в политике сколько-нибудь значительной роли. Происхождение из семьи банкиров, правителей Флоренции, которых французская знать считала вульгарными торговцами, не позволяло ей претендовать на уважение дворянства. И даже ее родство с папой Климентом VII, которому она приходилась внучатой племянницей, не играло никакой роли.

После неожиданной смерти Генриха II (он был ранен на турнире) она осталась с четырьмя сыновьями, старшему из которых, Франциску II, едва минуло 15 лет. Смерть быстро унесла этого сына, и Екатерина стала регентшей при десятилетнем короле Карле IX. Королева-мать вовсю пользовалась итальянской наукой интриг и политических обманов. Ничто не могло остановить ее на пути желаний: яд был ее главным оружием. Екатерина опиралась на традиции дома Медичи, к ее услугам были и исполнители, знатоки черной магии, астрологи – два итальянца, Тико Браве и Космо (Козимо) Руджиери, и флорентиец Бианки, большой мастер изготовления отравленных духов, душистых перчаток, женских украшений и косметики. Лейб-врач королевской семьи, известный хирург Амбруаз Паре, считал, что все эти предметы несут смерть, и писал, что лучше было бы «избегать этих духов, как чумы, и выпроводить их [этих лиц] из Франции к неверным в Турцию».

Екатерина Медичи лавировала между двумя партиями –

католической во главе с герцогами Гизами, и протестантской во главе с адмиралом Гаспаром де Колиньи и принцами крови. Екатерине приписывают две попытки отравить адмирала Колиньи. В результате отравления погибает брат адмирала, а сам он отделывается коликами. Во второй раз отравителя задержали и повесили. Результатом вражды двух партий стала Варфоломеевская ночь (с 23 на 24 августа 1572 г.), когда были вырезаны тысячи протестантов, после которой начались гонения на гугенотов по всей Франции.

Екатерину считают виновницей смерти королевы Наваррской – Жанны д' Альбре, матери будущего короля Франции Генриха IV, активной деятельницы партии гугенотов. «Причиной ее смерти, – писал протестант д'Обинье, – был яд, который через надушенные перчатки проник в ее мозг. Изготовлен он был по рецепту мессера Рено, флорентийца, сделавшегося после этого ненавистным даже врагам этой государыни». Королева Жанна погибла от мышьяка, этот же яд был обнаружен и у человека, пытавшегося отравить Колиньи. Одобряя попытки отравления Колиньи, канцлер Карла IX, впоследствии кардинал Бираг, говорил, что исход религиозных войн должен решаться поварами и лицами, обслуживающими кухни. Эту политическую мудрость подтвердила ожесточенная охота Екатерины на братьев Колиньи.

Защитник французских протестантов адмирал Гаспар Колиньи избег мучительной смерти от яда. Его сначала ранили пулей из ружья, а потом добили во время Варфоломеевской ночи. Зато два его брата стали жертвами ядов Медичи. Одетт Колиньи стал кардиналом в 16 лет. Но в 1561 году торжественно перешел в протестантство. Это было связано не с духовным перерождением кардинала, а с нежеланием мириться с целибатом. Кардинал хотел жениться на Изабелле Готвиль, придворной даме герцогини Савойской. В 1563 году папа издал буллу об отлучении любвеобильного кардинала от церкви. С тех пор Колиньи назывался графом Бовэ, хотя и продолжал подписываться: «Кардинал Шатильонский». Во время второй религиозной войны во Франции (1567–1568 гг.) Колиньи был уполномоченным послом гугенотов. В 1568 году он бежал в Лондон, откуда собирался вернуться после Сен-Жерменского мира. Были собраны чемоданы, но выехать экс-кардинал не успел. Агенты Медичи подсыпали ему яду в бокал. Третий брат Колиньи, Франциск, слыл энергичным воякой. Он впервые отличился на стороне короля в кампании 1542 года, в 1551 году был взят в плен и заточен в тюрьму в Милане. В 1556 году после освобождения перешел в протестантизм и в 1560 году выступал за немедленное начало военных действий. Он отличился во многих

сражениях. В 1567 и 1568 годах руководил восстаниями гугенотов, но и его настигла длинная рука Екатерины Медичи. Яд свел на нет успехи протестантов, оставшихся без вожака. Так завершилась охота на братьев Колиньи. Екатерина Медичи могла торжествовать. Правда, не очень долго. В конце концов королем Франции стал ненавистный ей Генрих IV, предводитель гугенотов.

ЖЕРТВЫ ЗВЕЗД

Итальянский математик Кардано был и философом, и медиком, и астрологом. Сперва он занимался исключительно медициной, но с 1534 года состоял профессором математики в Милане и Болонье; однако для увеличения своих скромных доходов профессор не оставлял врачевания, а также продолжал выпускать альманахи. Его взгляды на мир очень не нравились Томмазо Кампанелле. По роду службы Кардано приходилось составлять гороскопы.

Однажды он составил гороскоп себе, причем звезды показали, что умрет он 75 лет от роду – в 1576 году. Однако много лет спустя, когда наступил предсказанный срок, Кардано был еще бодрым и здоровым. В тот же день он покончил жизнь самоубийством, отдав, как говорится, жизнь за астрологию, но не посрамив своего профессионального умения.

Джероламо Кардано был страстным игроком. Полжизни он потратил на проверку математическим путем вариантов выигрышей и проигрышей в азартных играх. Сделанный прогноз собственной смерти стал для него ставкой в большой игре, в которую он играл всю жизнь. На его решение о самоубийстве повлияло также нежелание проиграть судьбе свою суперставку – жизнь.

Согласно предсказаниям астрологов звезды благоприятствовали главному пирату Средиземного моря Хайр-эд-Дину, мечу Аллаха, бейлербею Алжира и Туниса Барбароссе II. Но звезды не благоприятствовали тому, кто сменил рыжебородого пирата. И действительно, его сын Хасан командовал пиратским флотом всего 4 года, проявив себя, в отличие от отца, не лучшим флотоводцем. На его место султан назначил Салаха, сподвижника Барбароссы, который сумел изгнать испанцев из многих районов Средиземноморья. Но, пробыв бейлербеем всего три года, Салах умер от яда во время осады Орана. После его смерти средиземноморская пиратская империя, созданная Барбароссой, приходит в упадок и распадается.

ТАЙНА ЗАМКА ГРИПСГОЛЬМ

Его называли сумасшедшим. Возможно, он и был им, а возможно, и нет. Непомерная стыдливость, мучительные угрызения совести и при этом крайняя жестокость приводили на плаху или под кинжал самых близких друзей. Изысканная утонченность, литературный, музыкальный талант, способность в живописи, лингвистике, с одной стороны, ханжество, самодовольство, грубость, жестокость – с другой. Исключительные знания по математике, астрономии, логике, теории военного дела и полное неумение применить их на практике. Пылкая любовь к самым высокородным дамам тогдашней Европы – Елизавете Английской, Марии Стюарт и женитьба на простой солдатской дочери. Трезвый ум политика и приведшая к помешательству подозрительность фанатика. Эта личность – самый противоречивый монарх средневековой Швеции Эрик – под номером XIV.

На становление его личности тяжелым грузом легли годы, проведенные в звании принца. С детства его отец Густав I Ваза установил за сыном тайный и неусыпный надзор. Густав побаивался своего энергичного первенца и хотел отдать королевскую корону либо старшему сыну второй жены Иоанну, либо кому-нибудь из младших сыновей – Магнусу или Карлу.

Все же королем на двадцатом году жизни в 1560 году стал Эрик XIV. Первым делом молодой король максимально ограничил привилегии и влияние братьев. Он добился принятия особой статьи конституции, по которой его братья, владевшие огромными наследными герцогствами, становились вассалами

короля.

Далее он обратил свою энергию на внешнюю политику. Новый король, как и многие его предшественники, мечтал видеть Балтийское море внутренним бассейном Швеции. При этом, стремясь захватить Ливонию, Эстляндию, остров Готланд и другие территории, он хотел сделать эти земли личными владениями короля, а не государства.

Поэтому действия брата Иоанна Эрик воспринял как личную обиду, которую простить не мог. Брат его вошел в союз с Польшей и в качестве залога за крупную сумму кредита взял у польского короля семь хорошо укрепленных пунктов в Ливонии, что стояли как раз на пути армии Эрика. Для укрепления союза Иоанн женился на сестре польского короля Сигизмунда-Августа Екатерине. Бешенству короля Эрика не было предела. Он обвинил Иоанна в государственной измене и добился решения риксдага о лишении герцога всех прав, имущества и жизни. Иоанн, призвав финнов к оружию, выступил против короля. Гражданская война закончилась для Эрика удачно: он взял последний оплот мятежного брата – крепость Або, тогдашнюю столицу Финляндии, осада которой длилась два месяца, и захватил в плен самого Иоанна вместе с молодой женой. Начавшаяся война с Данией заставила отложить расправу с мятежником. Иоанна отправили в замок Грипсгольм.

А пока герцог томился за каменными стенами, его брат Эрик терпел неудачу за неудачей, в которых, в основном, виноват был сам. Никто не писал так много и так споро, как Эрик, особенно дипломатические письма. Он вел обширную переписку с Иваном Грозным, в котором чувствовал родственную душу. Эрик пообещал московскому царю отдать за него Екатерину, жену брата, а у того просил Эстонию и помощь против датчан. Грозный согласился и направил в Швецию посольство с условиями договора. Год потели посольские в бобровых шубах, но подписи Эрика под договором так и не добились. Все это время король чудил. Иногда он выпускал Иоанна из темницы, а себя самого объявил заключенным, который будто ждет милости от короля. В страхе просил послов забрать его в Москву, сдать на милость царя. Причем он настолько заморочил головы послам, что когда случился настоящий переворот, московский посол Шерефетдинов заподозрил, что события в Стокгольме – тоже обман, что король не желает выполнять взятых на себя обязательств. Удержаться на престоле во время чудачеств Эрику удавалось лишь благодаря хорошо обученным телохранителям. Он набирал из школ молодых людей, простых, не аристократов, и приближал их себе. Именно они контролировали ситуацию во дворце.

Но чудачества и для психики короля даром не прошли. Эрик XIV стал очень подозрительным. Видя всюду измену и заговоры, он обрушился на титулованную знать. В 1562 году в Швеции казнили одного человека, в 1563 году – уже 50, из них по делу Иоанна -32, а всего до октября 1567 года было казнено 232 человека. Не только палачам хватало работы. В припадке ярости король сам приводил свои приговоры в исполнение. Так, он заколол кинжалом одного из знатнейших людей страны – Нильса Стура. Периоды неистового гнева и жестокости сменялись периодами раскаяния. Король заставлял народ молиться за казненных. Но затишье было недолгим. И вновь лилась кровь знатнейших шведских родов. Так долго продолжаться не могло. Реальные заговоры расцветали один за другим. В стране открыто заговорили о том, что король сошел с ума. Одна из попыток устранить «сумасшедшего» закончилась удачно. 29 августа 1569 года началось восстание, и на трон брата воссел Иоанн, ставший королем Иоанном III. А Эрик занял камеру своего брата в замке Грипсгольм. Во время смены королей невинно пострадали и терпеливые московские послы – восставшие их ограбили. Недолго думая, в Москве в ответ ограбили шведских послов.

Но новый король искал радикального решения проблемы свергнутого брата. Так всегда бывает: гонимый вдруг становится предметом жалости народа. А народ жалел о «добром» короле, который боролся со знатными. Знать была разочарована в милостях нового короля. Провалилось несколько попыток освободить узника. Начиная с января 1577 года коронованного пленника планомерно травят. Март того же года стал роковым для экс-короля. Эрик XIV скончался в мучениях. Его по приказу Иоанна с королевскими почестями похоронили в стенах Вестеросского собора. По стране поползли слухи об отравлении. Но они так и остались слухами. Официальная шведская история версию об отравлении не признает.

Только почти через 400 лет тайна была разгадана. В 1958 году шведские ученые, специалисты в области ядерной физики Т. Вестермарк и Б. Сьостранд, взяв пробы из захоронения Эрика, поставили точку в этой таинственной истории. Они облучили пробы в стокгольмском ядерном реакторе, а затем измерили гамма-излучение образовавшихся радиоактивных изотопов в тех интервалах энергии, которые характерны для мышьяка и ртути. Одновременно с облучением образцов облучались и эталоны, заранее содержащие эти элементы. Затем строились графики отношения интенсивностей излучений образца к эталону в зависимости от времени, в течение которого распадаются радиоактивные изотопы. Построенные графики четко показали

присутствие ртути в восьми взятых пробах. Именно этим популярным в то время ядом и травил Иоанн своего «сумасшедшего» брата.

КОЗНИ КОРОЛЕВСКОЙ РАЗВЕДКИ

Елизавета была великой королевой и великой женщиной, и ее величие поддерживала королевская разведка, лучшая в Европе. Шефом ее был лорд Уолсингем. Главным для него было обеспечение безопасности королевы и нейтрализация происков испанской короны. Для решения этих задач все средства были хороши. Именно Уолсингем разыграл комбинацию, которая уже после его смерти привела всех ее участников на эшафот.

У Елизаветы личным врачом был некто Лопес, португалец по происхождению. Поскольку он лечил королеву, его привлек к сотрудничеству Уолсингем, который через врача начал интриговать в пользу претендента на португальский престол дона Альто. А так как Португалия в то время была вассалом Испании, то королева милостиво внимала нашептываниям врача, даже разрешила оказать помощь дону Альто. В 1589 году была предпринята попытка водворить дона Альто в Лисабон, но она оказалась неудачной. А затем – нашествие испанской Армады. Во главе разведки встал новый фаворит королевы граф Эссекс. Для поддержания своего реноме при Елизавете он решил устроить нечто вроде фиктивного заговора и покушения на королеву. Для этого был расконсервирован Лопес и оживлен португальский проект. Дон Альто после первой неудачи растратил все английские деньги. Его приверженцы при виде пустого кошелька переметнулись к испанцам. Эссексу надо было срочно искать новых и решительных фигурантов.

Еще в 1586 году некий Вега предложил испанцам отравить претендента на португальскую корону, причем всего за 25 или 30 тысяч дукатов. Но эта была всего лишь попытка выпросить деньги у дона Мендосы, испанского посла в Париже. Позднее Вега начал действовать все более активно, утверждая, что договорился с доктором Лопесом, который был готов подсыпать яд дону Альто в слабительное; нужны были лишь письменные подтверждения от Филиппа II или его министров. В это время Вега уже работал на Эссекса, а его предложения были провокацией. Эссекс нашел еще одного энергичного сообщника. В 1590 году был составлен план похищения дона Альто, который, сидя без денег, мечтал тайно уехать из Англии. Разведка раскрыла заговор, и его организатор Мануэль де Андрада был арестован. И снова возникает Лопес, который выкупает Андраду из тюрьмы и помогает ему уехать в Париж. Там Андрада пробирается к испанскому послу Мендосе и сообщает, что королевский лекарь предложил ему стать посредником между Лондоном и Мадридом, будто он ищет мира

даже ценой выдачи дона Альто. Испанцы поручили Андраде вернуться в Лондон и продолжить переговоры. Лопесу послали бриллиант и кольцо из коллекции драгоценностей шкатулки Филиппа II – наличных денег в испанской казне не было. Через три года этот бриллиант сочли главным доказательством согласия Лопеса отравить Елизавету.

А пока интрига раскручивалась. В 1591 году Андраду арестовывают в Лондоне, и он предлагает свои услуги английской разведке. Эссекс принимает его на службу, селит в доме Лопеса. Но Андрада стреляный воробей, он, чувствуя ловушку, ищет вход. В 1593 году, не получив денег за сведения об испанской армии в Голландии, Андрада снова переходит на службу Испании. Эссексу приходится искать другого фигуранта для будущего процесса. И его находят снова в доме Лопеса.

По приказу Эссекса был арестован португалец Феррера де Гама. У него находят письмо, в котором сообщается о покупке жемчуга, мускуса и янтаря. Следователи сочли это шифровкой, скрывающей подробности отравления Елизаветы. Тут же был арестован главный подозреваемый – доктор Лопес. Феррере сообщают, что доктор начал давать показания и валит все на него. Тот, в свою очередь, топит Лопеса. Феррера рассказывает, что оба они – участники заговора, заготовили яд, но травить должны были не королеву, а дона Альто.

Но эти подробности были уже не важны, главное, заговор раскрыт, и Эссекс решил использовать материалы следствия против своего соперника Роберта Сесила. Однако не успел: Сесил доложил о заговоре первым. Елизавета упрекает Эссекса в аресте личного врача и поспешности, которая нужна при ловле блох, а не при раскрытии заговора. Тогда Эссекс дает приказ применить пытки и добивается своего. 18 февраля 1594 года Феррера под

угрозой дыбы показал, что «он имел намерение… чтобы доктор отравил Ее Величество королеву». Еще один португалец, близкий к Лопесу, боясь пытки, дал такие же показания.

24 февраля начались допросы Лопеса. Несколько недель палачи выбивали из лекаря нужные показания, пока несчастный старик не признался во всем, что ему надиктовал Эссекс.

Был назначен скорый суд. Напрасно Лопес пытался уверить судей, что все его признания вырваны под пыткой, он – невинная жертва, запутавшаяся в хитросплетениях разведывательных операций. Он и его «сообщники» были признаны виновными и приговорены к «квалифицированной» казни (медленное отсечение частей тела). Королева, понимая надуманность дела, но не желая ссориться с любимцем, осталась в стороне. Сюжет «дела Лопеса» использовал Шекспир в «Венецианском купце».

А Эссексу этот фальшивый заговор не помог. Вскоре Елизавета лишила его милости, и тогда он организовал настоящий заговор, который и привел его на плаху.

ЖЕРТВА НАУКИ

В небольшом датском городишке Кнудструпе в середине XVI века в семье добропорядочных горожан Браге родился мальчик, которого назвали Тихо. Тихо Браге – так потом звучало его имя в веках. Родители, дивясь уму своего отпрыска, готовили его к карьере юриста. В мечтах они видели Тихо в мантии члена Королевского суда в Копенгагене. Но сам мальчик видел лишь звезды, и это определило его судьбу. В 13 лет он уже постигает право в университете, однако все карманные деньги спускает на книги об астрономии. В 1563 году Тихо тайком наблюдает прохождение Сатурна через Юпитер и находит ошибки в расчетах Коперника. Родители, так и не дождавшись от сына диплома юриста, отошли в мир иной. Браге получил солидное наследство, но главное – свободу для занятий астрономией.

Его имя приобретает известность в ученых кругах Европы, и молодого астронома берет под свое покровительство датский король Фридрих П. Он дарит ученому остров Гвеен в Зундском проливе. Из королевской казны отпускаются средства на постройку обсерватории, покупку инструментов и содержание. Браге также тратит большую часть своего личного состояния. Но денег ему не жалко.

В короткое время на острове вырастает Ураниенбург (1580 г.) – город, которому покровительствует муза Урания, настоящий оазис учености, до которого не дотянуться церковникам и филистерам. Ученые из передовых стран Европы считают честью посетить остров и поделиться своей мудростью. Коронованные особы считали своим долгом проведать остров

ученых и подарить им свое благорасположение. Толпы студентов бродят по серым камням острова в поисках знаний и кружки пива. Порядок и уют вносит в Ураниенбург сестра Тихо – милая София.

Открытия следуют за открытиями. Описывается поверхность Луны, создается звездный каталог и, главное, нет здесь никакой бюрократии и надзора. Но такая идиллия не могла продолжаться долго. Умирает король-покровитель, и на престол Дании восходит король Христиан IV, который не понимает, зачем нужно тратить казенные деньги на никому не нужные звезды. Лучше закупить побольше мушкетов, а на Гвеен отправить ревизоров. Ураниенбург пал, не выдержав осады бюрократов. В 1597 году Тихо Браге покидает Данию.

Но мечта о земле обетованной для ученых мужей осталась. Он мечется по Европе, от двора к двору, надеясь отыскать покровителя. И в 1599 году, желая проявить свою благотворительность, император Рудольф II, обитавший в Праге, берет Браге на службу. Неподалеку от столицы астроному отводят замок Бенак и земли рядом. Вновь появляется надежда на создание нового Ураниенбурга. Но этой надежде не суждено сбыться.

В октябре 1601 года астроном внезапно заболевает. Этим вечером он побывал на банкете у барона фон Розенберга. Вернувшись домой, Браге свалился в горячке. Пять ночей без сна, с высокой температурой истощают организм. На шестой день больной впадает в беспамятство. Браге приходит в себя на десятый день болезни и, чувствуя приближение смертного часа, отдает распоряжения. Утром 24 октября Тихо Браге скончался, произнеся напоследок: «Я жил не напрасно?» Наверное, хорошо, что он не знал, что все инструменты и записи погибнут через два десятка лет после проигранной чехами битвы на Белой горе!..

Официальное заключение врачей гласило: смерть от воспаления мочевого пузыря. Но тут же поползли слухи об отравлении – католическая церковь недолюбливала ученого. Но слухи так и остались слухами. И только в XX веке подозрения подтвердились. В 1991 году Национальный музей Чехии передал послу Дании шкатулку с лоскутом савана и прядью волос Браге. В 1993 году волосы были исследованы в Лейпциге, и эксперты установили в них наличие ртути, в сто раз превышающее норму. В 1996 году шведские эксперты в Лундском университете подтвердили выводы предыдущей экспертизы.

Кто конкретно отвечает за смерть ученого, точно неизвестно. Возможно, действительно монахи-иезуиты, а может, кто другой. Американцы Джошуа и Анна-Ли Джилдер в книге «Небесная

интрига» обвинили во всем Кеплера, желавшего завладеть научным наследием учителя. Вопрос остается открытым.

ДЯДИ, ПЛЕМЯННИК И ТРАДИЦИИ

Василий Шуйский

М. Скопин-Шуйский

Начало XVII века принесло в Московию темное время Смуты. Межцарствие возносило на вершину власти самозванцев и интриганов. Но это время дало возможность выдвинуться и талантам, которые в иной час не продвинулись бы дальше прихожей боярской Думы. Самым талантливым и бесстрашным среди них был князь Скопин-Шуйский.

Михаил Васильевич принадлежал к многочисленному клану

Шуйских. Поэтому семи лет от роду он был отдан в учебу, а затем определен к царскому двору. Хотя Шуйские вели свой род от Рюрика, но влиянием при царе Иване Грозном не пользовались. Только чехарда с престолонаследием после смерти царя, интриги и опалы влиятельных родов позволили им приблизиться к трону.

Благодаря их возросшему влиянию, в 1604 году 18-летний Михаил был пожалован в стольники, а в 1605 году Лжедмитрий I произвел его в «великие мечники». Михаил Васильевич «с мечом стоял» на свадьбе Дмитрия и Марины Мнишек. Лжедмитрий поручил Василию Шуйскому провести следствие по делу об убийстве царевича Дмитрия в Угличе, т. е. самого себя, а Михаилу Васильевичу, его четвероюродному племяннику, привезти царицу Марию Нагую, вдову Ивана Грозного, в Москву.

После смерти самозванца на престол взошел Василий Шуйский, который назначает своего энергичного молодого родственника воеводой. Скопин-Шуйский в 1608 году принимает участие в свадебном обряде. Михаил на свадьбе своего дяди царя выступает в роли дружки, а его жена – свахи со стороны царской невесты. Михаил Васильевич принимает участие в боях против крестьянской армии Болотникова. Затем его посылают на переговоры со шведами в Новгород. Уговорив скандинавов, он в мае 1609 года набирает войско и, получив наемников от шведов, выступает против врагов своего дядюшки.

Под Торжком, Тверью и Дмитровой Скопин-Шуйский разбивает Лжедмитрия II и освобождает поволжские города. Нужно сказать, что главную роль в его войске сыграли отряды иноземцев. Шли они впереди – и враг бежал, останавливались на отдых – и война замирала. В марте 1610 года Скопин-Шуйский снимает осаду с Москвы и торжественно вступает в столицу. Путь к славе и к смерти открыт.

12 марта Скопин и командир шведских наемников Яков Полонус Делагарди, француз по происхождению, протестант по вероисповеданию, выезжают торжественно в Москву. По приказу царя бояре встретили Михаила у городских ворот с хлебом и солью; но горожане предупредили их, задолго до места торжественной встречи привечали героя, падали ниц и со слезами били челом в благодарность за то, что очистил Московию от врагов. Современные полководцу писатели сравнивали прием Скопина с торжеством Давида, которого израильтяне почитали больше, чем Саула. Царь Василий, однако, не показал знаков

неудовольствия, напротив, встретил племянника со слезами радости. Иначе вел себя второй дядя Михаила, князь Дмитрий Шуйский.

Царь Василий от позднего брака своего имел только двух

дочерей, которые умерли вскоре после рождения; следовательно, брат его Дмитрий считал себя наследником престола, но узрел страшного соперника в племяннике Скопине, которому любовь народная при не утвержденном еще порядке престолонаследия сулила царский венец.

Василий Шуйский имел откровенную беседу со столь популярным родственником, но тот сумел доказать ему, что притязаний на царский венец не имеет. Хотя и не поведал дяде, что сподвижник Болотникова, дворянский сын Ляпунов, прислал ему грамоту, где всячески поносил царя. А Василию Ивановичу сие уже донесли, и молчание племянника было ох как подозрительным. Несмотря на то что царь не выказывал ни малейшей неприязни к Скопину, народ, не любивший старших Шуйских, толковал уже о вражде дядей с племянником. Делагарди, слыша толки о зависти и ненависти, остерегал Михаила, уговаривал его как можно скорее оставить Москву и выступить к Смоленску против короля Сигизмунда.

Но рок вел полководца к гибели. 23 апреля 1610 года Михаил Васильевич был на крестинах в доме князя Ивана Михайловича Воротынского. С прелюбезной улыбкой на лице поднесла ему чашу тетка его, княгиня Екатерина, жена Дмитрия Шуйского (дочь Малюты Скуратова, сестра царицы Марии Годуновой). Через некоторое время у Скопина тут же на пиру возникло обильное кровотечение из носа, он потерял сознание и после двухнедельных мучений умер. Делагарди послал к Скопину-Шуйскому иноземных лекарей, но никто уже не мог спасти князя Михаила.

Когда пошел слух об отравлении, толпы народа двинулись к дому царского брата, но были разогнаны войсками. Смерть племянника не принесла хорошего его дядьям. Вместо усиления власти Шуйские наткнулись на стену ненависти московского дворянства, что ускорило их падение и пленение поляками впоследствии.

Современник Шуйских, дьяк Иван Тимофеев, так писал об этом деле: «Но вскоре он был своими родными, которые позавидовали его добру, отравлен смертоносным ядом. Некоторые говорят, что виновником угашения жизни его был дядя, носивший венец». Другой автор писал следующее: «Они же, умышленники, долго удобного случая искали, и, обманув лестью, со многими хитростями принесли и поставили перед ним яд смертоносный. Он же, лукавства не ведая, испробовал питье, и вскоре овладела им злая и смертная лютая мука. Врачи многие приходили к нему, и не могли ему никакой помощи оказать. Была же кончина его 29 апреля».

В народной былине пелось о том, что случилось со Скопиным-Шуйским:

«В те поры та дело сделала,
Наливала чашу зелена вина,
Подсыпала в чару зелья лютого,
Подносила чару куму крестовому.
А князь от вина отказывался:
Он сам не пил, куму почтил.
Думал князь – она выпила,
Она в рукав вылила.
Брала же она стакан меду сладкого,
Подсыпала в стакан зелья лютого,
Подсыпала куму крестовому.
От меду князь не отказывался,
Выпивает стакан меду сладкого,
Как его тут резвы ноженьки подломилися,
Его белы ручи опустилися…
Уж как брали его тут слуги верные,
Подхватили под белы руки,
Увозили князя к себе домой».

Даже похоронить Скопина-Шуйского удалось не сразу. По всей Москве искали колоду для богатырского тела его, но так и не нашли, пришлось доставлять издалека.

А дяде убиенного пришлось за грехи его тяжкие пережить падение, польский плен и смерть на чужбине, после которой останки его стали предметом дипломатического торга. Василий Иванович Шуйский был последним царем, прямым наследником Рюрика. После изгнания поляков в Москве воцарились потомки боковой ветви Рюриковичей – Романовы. Но если интервентов им изгнать удалось, то старые дворцовые обычаи, привнесенные из Византии, сохранились. Это хорошо видно на примере выбирания невесты для молодого царя Михаила Федоровича Романова. В 1616 году по всему Московскому царству-государству выбирали невест для царя-батюшки. И из всех претенденток выбрали ко двору девицу Марью Ивановну Хлопову. Привезя ее в хоромы царские, по обычаю сменили девице имя на Анастасию. И дело неспешно двигалось к бракосочетанию, как вдруг донесли Михаилу, что невеста его опасно больна. Это в корне меняло дело. Несчастную девицу Хлопову тут же со всеми родными сослали в Тобольск.

Судьба несостоявшейся царицы изменилась к лучшему с возвращением отца молодого царя, благочестивого Филарета.

Ссыльных начали потихоньку переводить ближе к Москве, а в 1620 году перевели в Нижний Новгород. В это время у царя дела семейные складывались неважно. В 1621 году состоялось неудачное сватовство в Дании, в 1623 году – в Швеции. Видя, что так и бобылем можно остаться, дал приказ царь Михаил разобраться, а что же там было со своей, московской невестой? Отец невесты Иван, взятый на следствие, со слезами на глазах утверждал, что ее отравили Салтыковы, дав Марьюшке для аппетита какой-то водки из аптеки, и когда дочурка занемогла, рвотой замучившись, то Салтыков объявил, будто болезнь ее неизлечима. Проверили следователи изложенные факты, и точно, все так и было. Разгневанный царь приказал выслать многочисленных Салтыковых по деревням, мать отравителя заключили в монастырь. Поместья и вотчины у Салтыковых отобрали в казну за то, что они «государевой радости и женитьбе учинили помешку». Но царь все же не вернул Хлопову, оставив экс-невесту и родню ее в Нижнем, только кормовых велели выдавать вдвое. А жену все-таки царь себе нашел дома, по отечественным эталонам красоты.

Но опять судьба отвернулась от царского величества. Всем была хороша княжна Марья Владимировна Долгорукая, но в год свадьбы скоропостижно скончалась, неведомо от чего. Летописец того времени утверждал, что она была порченная. На следующий год государь женился на Евдокии Стрешневой, дочери незнатного дворянина. На этом мытарства Михаила Федоровича наконец-то закончились.

Но следует заметить, что боязнь ядовитых зелий осталась у него на всю жизнь. Поэтому по всему царству постоянно искали отравы и отравителей. Например, в Тобольске обыскали какого-то протопопа и нашли у него в коробке «траву багрову, да три корня, да комок перхчеват бел»; воевода тотчас дал знать об этом царю, и по указу протопоп вместе с коробкой был отослан в Москву. А в 1632 году Михаил Федорович писал псковским воеводам, что «… лазутчики, пришед из-за рубежа, сказывали, что в литовских городах баба-ведунья наговаривает на хмель, который из Литвы возят в наши города, чтоб этим хмелем на людей навести моровое поветрие». Вследствие царской паранойи запрещено было, под угрозой смертной казни, покупать хмель в Литве. В июне 1635 года в Москву приехал обнищавший силистрийский митрополит Иоаким с просьбой о милости и сообщил, зная чем угодить царю: «чтоб государь велел свое здоровье остерегать от грамот турского царя и от подарков его; не было бы какого насылочного дурнота турского султана в грамоте и подарках, потому что на государя султан имеет досаду за мир с польским королем». Митрополиту,

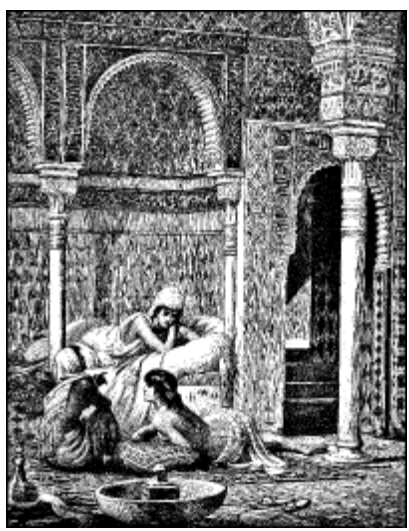
естественно, вынесли благодарность за бдительность.

Но кто его знает, может, и прав был государь, опасаясь потравы. Умер Михаил Федорович как-то быстро, не по-царски, а может, и наоборот, в точности, как и все другие цари – от яда. Кто его знает. Во всяком случае, 11 июля 1645 года, в день своих именин, Михаил Федорович почувствовал себя дурно, а уже 13 июля ночью помер. Царица Евдокия ненадолго пережила супруга. Так на царстве остался отрок-сиротинушка Алексей Михайлович, будущий «тишайший» царь.

ВОЗМЕЗДИЕ В ГАРЕМЕ

В 1644 году 40-летний Ислам-Гирей, из рода славных татарских Гиреев, наконец-то добился своего. В июне, путем подкупа турецкого султана и его приближенных, ему удалось сместить с трона своего младшего брата Мухаммеда. Брат отправился в изгнание на остров Родос, а счастливый взяткодатель стал Ислам-Гиреем III, Бахчисарайским ханом.

Его десятилетнее правление совпало с трудным положением соседних держав, что значительно усилило значение Крыма. В Порте царили усобицы, вследствие чего Ислам-Гирей мог держаться гораздо более независимо относительно султанского правительства, чем его предшественники. Еще более укрепило значение Крымского ханства то обстоятельство, что украинские казаки, начав освободительную войну против Польши, искали союза с татарами.



Этот союз между Хмельницким и Ислам-Гиреем дал последнему повод энергично вмешиваться в дела соседних государств. Но быстрый успех во внешней политике вскружил хану голову, он перестал ценить своего казацкого союзника. В результате в 1651 году под Берестечком татары предали казацкое войско, что привело к полному поражению. Разрыв между Киевом и Бахчисараем длился до 1653 года. В 1653 году совместный поход казацко-татарского войска закончился победой над поляками под Жванцем. Но Ислам-Гирей остался верен себе. За обещание поляков исправно платить дань, на которую претендовал хан, и за разрешение в течение 40 дней брать в плен украинских крестьян Ислам-Гирей опять отступился от своего

союзника.

Его политика была направлена на ослабление как поляков, так и казаков, он возмечтал, чтобы Крымское ханство играло решающую роль в событиях в Восточной Европе. Но такое балансирование на острие казацких сабель не могло продолжаться долго. Ислам-Гирей не ушел от возмездия казацких разведчиков, а разведка их, созданная Хмельницким, успешно действовала в Варшаве, Москве и Бахчисарае. Смерть настигла хана неожиданно, прямо в его святая святых – гареме. Пленная казачка (имя ее история не сохранила) отомстила Ислам-Гирею за беды, которые тот принес Украине. Она принимала хана в своей спальне, улыбалась, подала ему чашу с отравленным вином, а потом ее зарубили саблями телохранители хана.

То, что казаки не чурались ядов, свидетельствует и польский хронист, который, описывая сражение под местечком Красным, говорит о казацких луках с отравленными стрелами: «Так, пан Диков, подстреленный стрелою в горло, сразу опух, и хотя скоро вырвал стрелу, но тело у него полностью посинело». Так что использование яда украинской героиней было не в диковинку в казацкой среде.

ОПАЛЬНЫЙ ОКОЛЬНИЧИЙ

Подписание договора о военном союзе между Украиной и Московией в 1654 году стало возможным во многом благодаря представителю царя Алексея Михайловича на переговорах в Переяславе, окольничему Бутурлину. Именно его умение подкупить и улестить было решающим фактором во многом унизительном для украинцев процессе переговоров. Царь признал заслуги Бутурлина, пожаловав ему за Переяслав, как за выигранную битву, «дворянство, крытую золотым атласом соболью шубу и прибавку к жалованью».

Василий Васильевич Бутурлин был хорошо известен при дворе. Службу начал в 1634 году. В 1640 году был пожалован в стольники, а через десять лет получил чин окольничего. Зная его непреклонный нрав и умение выполнять царскую волю вопреки всем трудностям, Алексей Михайлович назначил Бутурлина своим наместником на украинских землях.

Окольничий сразу показал свой великодержавный нрав, чувствуя себя в Киеве как в завоеванной области. Начались конфликты. Сначала с духовенством, когда отобрали землю у Софии Киевской под строительство крепостцы. А потом и с гетманом, который требовал выполнения условий договора и просил прислать войска, а не наместников для сбора налогов. Войск царь не дал, они были заняты в Белой Руси, которую Трубецкой отвоевывал у Радзивиллов. Польско-татарское войско без труда зимой 1654/55 года прошлось по Правобережной Украине, сжигая и уничтожая все на своем пути. Бутурлин же с небольшими силами маневрировал возле Киева, требуя от Хмельницкого выполнения требований царя в части финансов и административного переустройства на московский лад.

Но постепенно и до него дошло, что царские инструкции выполнить практически невозможно, гетман и его приближенные и не думают о том, чтобы сделать Малороссию покорной провинцией Москвы. Если дело так и дальше пойдет, то ждет его отзыв в Московию и отставка, а он еще не поживился как следует на богатых украинских землях.

Поэтому, когда началась летняя кампания 1655 года, то небольшое московское войско, состоящее из солдат и наемников, Бутурлин присоединил к казакам Хмельницкого. И не зря. Военная кампания изрядно пополнила его мошну.

Осенью после победных реляций, регулярно отсылаемых Бутурлиным Алексею Михайловичу, царь начал получать доносы на своего верного наместника. Доносы писали не казаки, а

обиженные подчиненные окольничего. Основываясь на фактах, Бутурлина обвиняли в том, что он брал взятки от польских городов и замков, за это обходя их стороной. А те города, которые московское войско захватывало, грабил и сжигал, забирая добычу себе вместо присоединения к короне. За большие деньги замирился с ханом вместо того, чтобы «ударить на татар и не дать возможности провести переговоры гетману и хану».

Царь только и ждал предлога, чтобы свалить на кого-нибудь вину за неудачи в Украине. Когда в конце 1655 года Бутурлин прибыл в Киев, из Москвы уже пришел приказ об опале и отзыве окольничего, а «друзья» сообщили, что царь принял решение отрубить голову своему наместнику. Впав в депрессию, Бутурлин не выдержал и «декабря против 21-го числа (по н. с. 31 декабря) в ночи боярина и дворецкого и воеводы Василия Васильевича в Киеве не стало». Окольничий принял яд, чтобы не подвергаться позору опалы.

Слуги обрядили тело и отправили в Москву. Но царь, узнав об этом, дал приказ сжечь тело по дороге. Но от посмертной опалы Бутурлина спасла его жадность. Во время кампании 1655 года казацко-московское войско захватило Люблин. А в этом городе хранилась известнейшая реликвия – частица животворящего Креста Господня. Люблинцы очень гордились своей реликвией и даже за 400 000 злотых отказались в свое время продать ее Папе Римскому. Но Бутурлин, захватив заложников, под угрозой смерти выдавил реликвию из горожан и отправил ее в Москву. Именно за этот подвиг царь отменил свой приказ и дозволил похоронить тело Бутурлина в монастырских стенах.

Бутурлин выбрал именно яд для ухода из жизни, так как в царствование Алексея Михайловича отравление было не редким явлением в кремлевских палатах. И про то говорилось в полный голос. Духовник царя Андрей Савинов требовал от царской семьи, «какою отравою убейте мне супостата моего патриарха». Имелся в виду патриарх Иоаким, который обвинял духовника в ереси. Савинов в этом богословском споре нашел веский аргумент, привычный для Кремля, – яд.

ОТРАВИЛИ НЕ ТОГО?

В декабре 1673 года на острове Чертомлык, который находился поблизости современного села Капуловки Никопольского района Днепропетровской области, появился странный человек. Запорожская Сечь после трудов ратных отдыхала зимой, а тут волнение пошло среди казаков.

Человек этот объявил себя царевичем Симеоном, сыном царя Алексея Михайловича. И объяснял удивленным, но не слишком, потому что и не такое видали, казакам, что, похвалившись погубить бояр, и первым из них – деда своего, боярина Илью Милославского, возбудил этим гнев матери своей, царицы Марии Ильинишны, которая повелела стряпчему Севастьянову отравить его; но тот, отравив певчего, лицом похожего на царевича, тайно отослал последнего в Архангельск, откуда тот пробрался на Дон и у Стеньки Разина находился кашеваром. Подвыпив, царевич показывал казакам в подтверждении своих слов тайные царские знаки на теле.

Казаки поили и кормили Симеонушку, а слухи тем временем о чудесном явлении царевича докатились до Москвы. Озабоченный появлением «сына», царь Алексей Михайлович срочно послал грамоту, в которой пояснял казакам, что царевич Симеон родился 3 апреля 1664 года, а умер 18 июня 1668 года, четырех лет от роду, а ежели б живой остался, то было бы ему всего 9 лет, и вообще этот «Симеон» в действительности сын варшавского мещанина Ивашка Воробьев, подданный князя Дмитрия Вишневецкого.

Но казакам грамота не понравилась. История, рассказываемая Симеоном о яде и чудесном спасении, пришлась им больше по душе. Тем более, что и из Москвы подарков давно не было. Поэтому кошевой атаман Иван Сирко, с дозволения общества, отправил в Москву посольство, которое просило царя еще раз лично удостоверить, что царевич не есть царевич. Царь поспешил

посольство наградить, казакам подарки снарядить, а Симеона попросил выдать. Честно говоря, Симеон всем на Сечи уже надоел. Кормить и поить полгода даром и слушать одно и тоже казакам прискучило. Поэтому кошевой атаман Иван Дмитриевич Сирко, с дозволения запорожского общества, отослал Симеона в Москву: разбирайтесь-ка вы сами. Лже-Симеона казнили в Москве 16 сентября 1674 года.

БОЯРСКИЕ ИНТРИГИ

В златоглавой Москве умирал царь – «тишайший» Алексей Михайлович. Но назвать «тихим» период его царствования нельзя. В трудах и заботах провел на троне свой век государь, а ныне почил в бозе. Он отринул все мирские заботы и среди них главную – кому же оставить царство Московское? Хотя от своих жен имел тринадцать детей, но вопрос оставался открытым. Умирал царь вроде бы от скорбута – хронической цинги. В начале января 1676 года Алексей Михайлович слег от простуды и больше не встал. Перед своей кончиной, которая случилась в ночь с 29 на 30 января 1676 года, освободил сосланных и простил должников.

Среди царского двора на момент смерти государя сильнейшей партией была нарышкинская во главе с боярином Матвеевым. В борьбе с этим кланом объединились все остальные приближенные к царю, решив отложить грызню между собой на потом. Целью было посадить на престол несильного умом царевича Федора Алексеевича, и для этого были пущены слухи и наветы. Несчастного царевича, скорбного не только духовно, но и физически, желавшие добраться до власти бояре волокли для принятия присяги в Грановитую палату на руках. А получив искомую присягу, тут же начали свару с Артамоном Матвеевым.

Боярина Матвеева обвинили сначала в том, что он утаил смерть царя, подкупил стрельцов, чтоб они стояли за младшего царевича, Петра Алексеевича, и только ночью известил бояр. Но глава враждебной Матвееву партии, князь Юрий Долгорукий, с верными ему боярами успел посадить на престол Федора Алексеевича, старшенького брата, но умом послабее Петра. Утвердившись возле трона, враги Матвеева решили окончательно избавиться от грозного боярина.

Артамона Сергеевича Матвеева обвинили во многих винах: в покушении на жизнь царскую, в чернокнижии. Сделать это было тем легче, что боярин заведовал царской аптекой. И тем более, что смерть царя Алексея была для всех полной неожиданностью – был он еще далеко не старым и казался крепким человеком. Нашелся и доносчик – лекарь Давид Берло, который якобы самолично видел, как Матвеев занимается чернокнижием и готовит яды. Да еще письмо подметное в палаты царские доставили, в котором Матвеева обвиняли в том, что волшебством хотел помешать женитьбе царского величества на своей воспитаннице Нарышкиной. Это последнее обвинение было полностью лживым, так как все происходило совершенно иначе, но враги Матвеева и это зачли ему в вину. Ведь донос был о женитьбе царской.

А дела свадебные у Романовых в XVII веке были больным местом. Еще когда в начале своего царствования «тишайший» Алексей Михайлович решил найти себе жену, то дела у него пошли так же неудачно, как у отца его Михаила Федоровича. В начале 1647 года по царскому повелению по всей Московии начали собирать невест. Из 200 девиц, отобранных в первом туре, выбрали во второй тур шесть самых красивых, а финалисткой стала дочь Федора Всеволжского. Узнав о своем счастье, по женскому обычаю победительница от сильного потрясения упала в обморок. Тут же заключили, что она больна падучей болезнью, и победительницу быстренько сослали с родными в Сибирь. Причиной обморока несостоявшейся невесты, по одной версии, были испортившие Всеволжскую матери и сестры знатных девиц, которых царь не выбрал, а по другой – боярин Морозов. Он был близок к царю, но хотел стать еще ближе, и для этого надо было женить Алексея Михайловича на одной из сестер Милославских, а

самому жениться на другой. Во время следствия по делу испорченной невесты крайнего нашли быстро. Им стал Мишка Иванов, крестьянин боярина Никиты Ивановича Романова. Его обвинили в «чародействе, в косном разводе и в наговоре». Мишку казнили, а царь 16 января 1648 года женился на Марье Милославской. Морозов же, будучи вдовцом 50 лет, женился на ее сестре Анне. Поэтому обвинения, возведенные на Матвеева, были восприняты в Кремле с пониманием и учетом уже имевшегося опыта.

В начале царствования Алексея Михайловича такие интриги у Морозова еще могли пройти. Царь после смерти родителей чувствовал себя одиноко и искал поддержки у ближайшего окружения. Поэтому он был привязан к Морозову и даже спас его во время соленого бунта от восставших. Позднее, почувствовав себя увереннее, Алексей Михайлович отодвинул Морозова в тень. И в следующий раз царь уже самостоятельно в 1670 году выбирал из 67 претенденток новую жену.

Но несмотря на желание царя самому устроить свою судьбу, за его спиной уже маячила тень Артамона Сергеевича Матвеева. Благодаря своим ухищрениям, тот втайне от царя вывел в царицы племянницу одной из своих жен (урожденной Гамильтон) Наталью Кирилловну Нарышкину. Она выиграла смотр царских невест, проходивший с ноября 1669 года по май 1670 года. Но тут у Матвеева все чуть не сорвалось. При дворе появилась Авдотья Ивановна Беляева, сразившая и царя, и его приближенных невиданной красотой. Надо было что-то делать. И Артамон Сергеевич распространил во дворце подметные письма, в которых охаивались все претендентки, прошедшие последний тур отбора, кроме Беляевой. Родичи Беляевой тут же попали под пытки и быстренько признались в слишком вольных речах и, что особенно преступно, в попытке сговора с царскими врачами для «соумышления злодеяния после женитьбы царского величества на Авдотье».

Беляевых и красавицу – кого на плаху, кого в Сибирь, а 22 января 1671 года Алексей Михайлович венчался с Нарышкиной. Вскоре после этого Матвеев возглавил самый главный среди других Посольский приказ и получил чин окольничьего. В грамотах и указах появилась новая формулировка – «По указу великого государя и по приказу боярина Артамона Сергеевича Матвеева».

Поэтому падение с таких вершин для Матвеева было особенно болезненным, тем более, по ложному доносу, извращавшему его роль во время царской женитьбы. В 1676 году Матвееву зачли указ, что «указал великий государь быть на

службе в Верхотурье воеводою». Забрав сына, племянников, монаха, священника, учителя, дворню большую да две пушки, отбыл Морозов в ссылку. Но догнал его по дороге донос Берло, и в Лаишеве Матвеева остановили: приехал полуголова московских стрельцов Лужин и потребовал книги лечебника, в котором многие статьи писаны цифирью, потребовал выдачи двух людей: Ивана-еврея и карлу Захара. Матвеев на требования отвечал, что книги такой у него не имеется, а людей выдал. С месяц прожил опальный Матвеев в Лаишеве, когда опять из Москвы обыск, опять забрали кого-то из людей и взяли показания у боярина о том, как составлялись и подносились лекарства больному царю. Матвеев показал, что лекарства составлялись докторами Костериусом и Стефаном Симоном по рецептам, а рецепты хранятся в аптекарской палате. Всякое лекарство перед царским употреблением отведывал прежде доктор, потом он, Матвеев, а после него дядьки государевы, бояре – князь Федор Федорович Куракин и Иван Богданович Хитрово, после же, что оставалось, допивал опять он, Матвеев, в глазах государя.

Затем ссыльных перевели в Казань, и там Матвееву объявили его вину. Оказывается, дядьки государевы показали, что боярин никогда не пил остатков, что с доктором Стефаном и переводчиком греком Спафари, запершись, читали черную книгу. После дознания по указу государя, а фактически по навету врагов Матвеева, отняли у него боярство и вместе с сыном сослали в Пустозерск.

Однако не сломили боярина ни невзгоды, ни холода. Вернулся в кремлевские палаты и опять стал грозой для врагов своих. Но 14 мая 1682 года, после смерти на 21-м году жизни царя Федора Алексеевича, поднялись стрельцы, удалые молодцы. Сначала били своих начальников. Рассекли на части думного дьяка Ларионова, заведовавшего Стрелецким приказом. Заодно ограбили и его дом. А при ограблении нашли каракатицу сушеную, которую дьяк держал в виде редкости. «Это змея, – закричали стрельцы-молодцы, – вот этою-то змеею он отравил царя Федора». Не со зла потом убили сына Ларионова, Василия, а за то, что знал про змею у отца и не донес. На следующий день начали искать «врача-отравителя» фон Гадена, которого обвиняли в отравлении Федора. Не отходя от царской аптеки, взяли на бердыши и боярина Матвеева, заведовавшего царскими лекарствами и уличенного уже в свое время в злодейских умыслах, и родню его. И очень сильно искали лекаря Данилу Гадена, который в аптеке с Матвеевым зелья изготовлял.

Но так как ушлого лекаря-немца нигде не смогли сыскать, то в досаде убили его помощника, Гутменьша, и 22-летнего сына

фон Гадена. Хотели было и жену лекарскую попользовать да умертвить, но царица Марфа Матвеевна выпросила ей жизнь. Толпы озверелых стрельцов ходили по кремлевскому двору и требовали выдать им злодеев, Ивана Нарышкина да доктора Данилу. Врач Даниил фон Гаден сначала прятался от бунтовщиков в Марьиной роще, но затем голод пригнал его в Немецкую слободу. Там его рано утром 17 мая в одежде нищего, в лаптях и повязали стрельцы. Сразу ударили в набат, созывая на суд праведный. Стрельцы, напившись до безобразия, в одних рубахах, с бердышами и копьями пошли огромной толпой ко дворцу, ведя впереди себя свою несчастную жертву. К ним вышли и начали заступаться царевны и царица Марфа Матвеевна, уверяя разъяренных поимщиков, что Гаден на их глазах делал лекарства и пробовал их, и им давал. «Это не одно и только, что он уморил царя Феодора Алексеевича, он чернокнижник, мы в его доме нашли сушеных змей, и за это надобно казнить его смертию», – отвечали царице стрельцы. И взяли фон Гадена на дыбу и пытали его жестко в Константиновском застенке. И сознался Даниил в помощи боярину-отравителю, который подсыпал-таки зелье государю и уморил его. И просил лекарь три дня сроку, чтоб указать всех, кто виновен. Но срубили голову ему стрельцы удалые, а тело разрубили на куски на Красной площади. И была это последняя жертва бунта стрелецкого, о котором потом столб в Кремле напоминал, а у Петра Алексеевича нервная падучая от переживаний случилась.

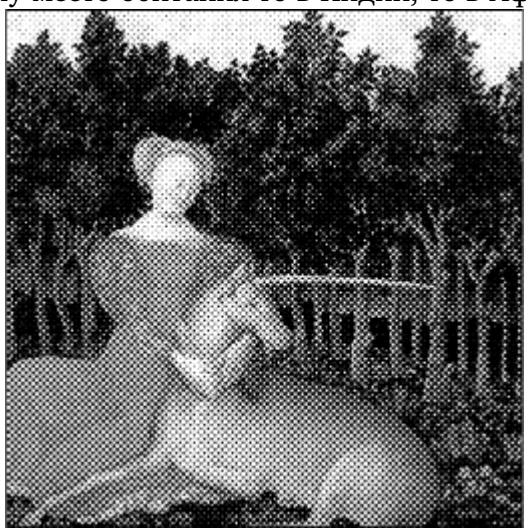
За границей также прослышали про стрелецкий бунт. Из Польши сообщали своим европейским конфидентам, что «царь Феодор Алексеевич хотел подать помощь Польше, но бояре не позволили, а потом и жену его, которая носила фамилию Грушевских, отравили, а напоследок и самого царя извели и весь род царский истребить хотели». События и причины бунта, пусть и в искаженном виде, а получили резонанс за границей.

Смерть Матвеева не успокоила царскую семью, и хоть затем столб с условиями замирения стрелецкого бунта снесли, но поиски отравителей в Москве продолжались. В мае 1698 года, например, стольник Петр Волынский донес на дворовую Авдотью Нелидову, обвинив ее в порче. По наказу правительницы Софьи Алексеевны Авдотью взяли на допрос, и она показала: «Была я в Преображенском и вынула землю из-под следа государева и эту землю отдала для составу крестьянской женке Фионе Семеновой, чтоб сделала отраву у себя в доме, чем известь государя на смерть», затем: «Ходила я в Марьину Рощу с этим составом и не улучила времени, чтоб вылить его из кувшина в ступню государеву». Состав этот, показывала Авдотья, был красен, точно

кровь: «Если б мне удалось вылить его в ступню, то государь не жил бы и трех часов». Под государем имелся в виду братец Петр Алексеевич, злейший враг Софьи. Поэтому, желая убедиться в действенности отравы, с целью ее дальнейшего исследования, она приказала еще раз поднять Авдотью на дыбу. Каково же было разочарование правительницы, когда Авдотья закричала, что все поклепала. Так и не сумела до своего падения Софья Алексеевна отыскать достойного отравителя.

РОГ ЕДИНОРОГА И БИБЛЕЙСКИЙ КОВЧЕГ

В Средневековье существовала твердая убежденность в том, что никакой яд не может подействовать в том случае, если напитки пить из рога единорога. Самые ранние изображения этого мифического животного относятся к III тысячелетию до н. э. и были найдены в Индии в легендарном городе Мохенджо-Даро. Древние эллины считали единорога реальным животным и определяли ему место обитания то в Индии, то в Африке.



Это мифическое животное описывал еще греческий историк Ктесий в своей книге про Индию: «Там водятся дикие ослы, ростом больше лошади. Тело у них белое, голова темно-красная, а глаза голубые. На лбу рог». Ктесий утверждал, что рог единорога на конце заострен, у основания белого цвета, в середине – черного и оканчивается пурпурным. Он также писал, что порошок, соскобленный с этого рога, является отличным противоядием и пьющие из рога защищены от судорог и отравлений. В представлениях персов единорог был трехрогий, шестиглазый, девятиротый, с золотым полым рогом; стоит он посреди океана и рогом очищает волны от всяческого загрязнения. В мифологии Древнего Китая известно целых шесть видов единорога. Китайцы называли это животное цинлинь и считали, что живет оно 1000 лет. Цинлинь в китайской мифологии имел тело оленя, шею волка, хвост быка, один рог, заканчивающийся мягкой шишкой, копыта коня, разноцветную шерсть. Когда цинлинь идет по земле, то не сломает и травинки, не раздавит букашки, он не ест живых тварей, а питается чудесными злаками.

На средневековых столах знатных особ в Западной Европе были распространены «креденцы» (от латинского «credere» – доверять). Они представляли собой нарядно украшенную крышку, которой накрывали выставленную на стол еду и питье. Перед началом трапезы повар торжественно снимал креденец и пробовал приготовленное. Внутри же этой крышки прикрепляли, для гарантии от отравления, рог единорога. На одной европейской миниатюре XV века изображен Св. Бенедикт, отшвыривающий поданный ему кусок хлеба, рядом с ним фигура единорога как символ того, что святой угадал, с Божьей помощью, отраву.

В силу единорога верили долгие столетия, вплоть до начала нового времени. На поиски его посылали целые экспедиции. Каждый уважающий себя и дорожащий своей жизнью монарх имел хоть маленький, но собственный рог единорога. За него платили бешеные деньги и не жалели ни серебра, ни золота. Например, рог, принадлежавший в XVII веке английской королеве Елизавете I, стоил 40 000 (по другим данным, 10 000) фунтов стерлингов.

Стремлением обезопасить себя царствующие особы и богатые людей рангом пониже плодили многочисленных мошенников, которые, опираясь на сочинения Ктесия и других древних ученых, создавали поддельные произведения искусства. При этом покупатели выслушивали целые поэмы, посвященные смертельно опасной охоте на единорогов. Целая европейская сеть торговцев получала хорошую прибыль от массового производства и продажи чашек и солонок из поддельных «рогов единорога». Вера в чудодейственный рог была настолько велика, что лишь в годы Французской революции в дворцовом этикете была отменена церемония снятия пробы с королевских блюд на предмет обнаружения в них яда.

Рассказывали, что самым популярным способом добывания рога считался способ приманивания единорога на наживку. Наживкой служила прелестная девственница. Добытчики рога сажали юную деву под дерево. Влекомый ароматом целомудрия единорог выбирался из лесной пущи и осторожно приближался к прелестнице, чтобы преклонить голову ей на колени. Девственница нежно поглаживала его рог, пока убаюканный единорог не засыпал. Тогда коварная доставала припрятанный топор и, торжествуя, отрубала рог, клича на помощь охотников с собакой. Зачарованные слушатели не скупились на оплату диковинки, добытой таким хитроумным способом. Большим разочарованием для европейцев стало то, что, когда они добрались до тех мест, где якобы водился единорог, толстокожее

неповоротливое животное не соответствовало легендам и на девственницу не обращало никакого внимания.

В Московии единорога называли «инрогом», или «инроком». Считалось, что существо это бесполое, срок жизни ему 532 года, после чего единорог приходит к берегу моря, сбрасывает свой рог и умирает, а сброшенный рог превращается в гигантского червя, из которого рождается новый единорог. «Единорог – зверь, всем зверям зверь» – пелось в старинной российской песне. Представления об этом мифическом животном были самые фантастические. Например, утверждалось, что индрик-зверь (единорог) – подземный зверь, «ходит по подземелью, словно солнышко по поднебесью». А вот описание диковинного существа из одной московской рукописи XVII века, так называемого «азбуковника»: «…Се зверь, коню зело подобен, с копытом раздвоенным, брадою козьей, коего лоб длинным витым рогом увенчан. Быстр он весьма и дик. Охотникам зверя сего схватить никогда не удается. Единый же способ таков: молоденькая непорочная девица, в лесу сев, ласкою к себе неукротимого зверя приманив, положит главу его к себе на колени. Зверь же, ласкою плененный, тут же немедля и уснет. Ловцы тогда им без усилий овладеют… Рог сей к тому же и упруг – окружат единорога охотники у края пропасти, вмиг мощным прыжком вознесется над скалами и вот уже летит в пропасть, выставив рог. Согнется рог и тут же распрямится».

Крымский хан Менги-Гирей прислал Ивану III перстень с частицей рога диковинного зверя из «Индустанской земли». Считалось, что если к перстню прикоснуться языком перед началом трапезы, он охранит от отравления. Кубки и чаши, отделанные этим рогом, якобы издавали «шипение», если в них наливали отравленное вино. В начале XVII века процветала в Париже у Нового моста лавчонка, где торговали обыкновенной водой, но в кадку погружен был кусок «единорожьего рога». Вода считалась лекарственной, и ее охотно покупали.

Кроме рога, в те времена те, кто опасался яда, искали еще одно чудесное средство – смолу Ноева ковчега. Предание, популярное в позднее Средневековье, гласило, что смола, которой Ной просмолил бревна своего ковчега, имеет чудодейственную силу. После того как ковчег оказался на Арарате, местные жители стали добывать эту смолу, перемалывать ее в порошок и употреблять в качестве универсального противоядия. Килограммы этого порошка позволили многочисленным искателям «ноевой семьи» поправить свое материальное положение, а верящим им – убавить свое.

Также боящиеся отравления использовали драгоценные

камни, якобы менявшие цвет и предупреждавшие о беде. Пили из кубков, сделанных из материала, который запотевал, если в вино был всыпан яд. Наиболее прославленным талисманом считался камень под названием «безо-ар» (от арабского слова «безодар» – ветер, т. е. вещество, рассеивающее силу яда). Этот блестящий, с зеленовато-черным отливом камень извлекался из желудка жвачных животных: антилоп, коз, лошадей и др. Заглатываемый камешек, волосы или другие неперевариваемые предметы в желудке животного обволакивались холестерином, холевой кислотой, фосфорнокислыми солями, т. е. превращались в камень, типичный при желчно-каменной болезни. Ценился такой камень на вес золота, а иногда и дороже золота.

Безоаровый камень был у английской королевы Елизаветы I (1533–1603 гг.). В начале XIX века персидский шах прислал безоаровый камень Наполеону, но император сказал, что это пустое суеверие и велел бросить камень в огонь. Возможно, зря, ведь считается, что умер он от отравления. В XX веке антитоксичные свойства безоара подтвердил американский биохимик Эндрю Бенсон. Он сообщил, что в камне действительно имеются два механизма обезвреживания соединения мышьяка. Между фосфорнокислыми солями камня и соединениями трехвалентного мышьяка происходит реакция обмена. Пятивалентные соединения мышьяка связываются в нетоксичный комплекс с гидролизным кератином, образованном в камне из белка волос.

А вот цари древнеармянского царства верили в силу пестрого змеевика. Этот минерал, по их мнению, обезвреживал любой яд. К камням, обеспечивающим безопасность владельца, относили и полудрагоценный сердолик, который мог защитить от злых чар.

Много слухов ходило о связи ядов с алмазами. Считали, что алмаз «излечивает слабоумных и бесноватых. Если к алмазу поднести яд, алмаз запотеет, из него выступит влага». Считали также, что алмаз лишается блеска под действием свинца, обнаруживает неверность жен, а алмазный порошок является опасным ядом. Долгое время в Европе ходила легенда, что известный врач Парацельс был отравлен алмазным порошком. В XVII веке Ансельм Боэций де Боот из Брюгге писал, что «алмаз, в отличие, например, от мышьяка, не усваивается организмом и поэтому не может превращаться в какую-либо ядовитую субстанцию. Он не обладает свойствами яда как целиком, так и в виде порошка, хотя ученики Парацельса до сих пор утверждают обратное». В XVIII веке выводы де Боота подтвердил Урбан Фридрих Брюкман. В книге «Рассуждения о драгоценных камнях» он писал: «Древние также неправильно полагали, что алмаз не

дает магниту притягивать железа, обезвреживает яды, помогает от беспокойства и тоски и поэтому зовется анахитом (освобождающим от страха). Некоторые и в наше время ошибочно считают, что алмазный порошок можно употреблять как смертельный яд, так как при приеме внутрь он якобы разрезает кишки». Значит, неправ был Иван Грозный, державший алмаз в своей сокровищнице как потенциально смертельный яд.

Хотя в средневековой Индии была известна история любви, закончившаяся трагически именно из-за отравления драгоценным камнем. В Центральной Индии находился небольшой султанат Манду. И правил им султан Баз Бахадур, и была у него в гареме любимая жена Рупамати («красавица»), пережившая всяческие унижения и родительский гнев, чтобы попасть в гарем к любимому. Отец даже хотел отравить ее опием, чтобы не позорила его честь, но потом разрешил влюбленным сыграть свадьбу. Все хорошо бы, но тут император из династии Великих Моголов Акбар решил положить конец независимости султаната. Во главе войск был поставлен Адхам-хан, который легко разбил небольшое султанское войско. Он стал обладателем всех сокровищ Баз Бахадура, в том числе и его гарема, где была Рупамати, известная своей красотой. Рупамати, желая избежать бесчестья, переоделась цветочницей и попробовала сбежать. Но воины Адхам-хана поймали ее и убили помогавших ей братьев. Прошло несколько дней, и наконец красавица сменила гнев на милость и согласилась принять в своих покоях изнывавшего от вожделения Адхам-хана. Когда он пришел, Рупамати встретила его прощальными стихами, потому что за мгновенние до того, как он появился, она проглотила толченый изумруд и теперь готовилась к смерти. Рупамати умерла, но что было причиной ее смерти – самовнушение или камень, трудно сказать.

Не надеясь на волшебный камень и «креденцы», владыки заводили при своих дворах должности пробователей, которые были в свое время и при дворах римских императоров. В Европе они получили название «мундшенки».

Интересное приспособление находилось в Средние века в столице Византии. Побывавший в XII веке в Константинополе новгородский купец так описывал эту диковинку: «Там же наров (засов) вкладают в рот мужа и жены, да аще кто будет яд змеин снел, или отравлен како, то не может выняти изо рта, дондеже вся злоба изыдет слюнами изо рта». То есть путешественник описывал приспособление для излечения отравленных. При захвате Константинополя крестоносцами в 1203 году западные рыцари также дивились загадочному предмету: «В Святой Софии у дверной ручки главных ворот висела трубка-засов из какого-то

неизвестного сплава; а величиной она была с рожок, в который трубят пастухи. Кто вставлял в рот эту трубку, то едва лишь он ее, бывало, вставит, как трубка эта присасывалась к нему и высасывала из него всю эту немочь, так что вся она вытекала вон через глотку, потом трубка эта держала его так крепко, что заставляла его изнемогать от натуги, закатывать глаза, и он не мог уйти до тех пор, пока трубка не высасывала из него всю немочь; а кто был больше болен, того трубка и держала больше, если же ее брал в рот человек, который не был болен, то трубка и не держала его ни мало ни много». Из подобных описаний можно сделать вывод, что в этом «засове», возможно, использовался пневматический принцип для очищения желудка от ядовитых веществ.

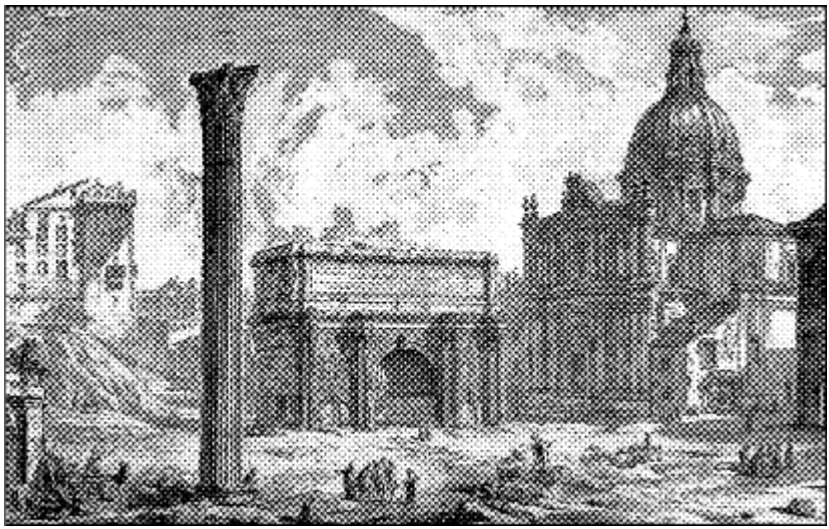
Но иногда боящиеся отравлений пугались не того, что следует, и оберегались совершенно напрасно. Дурной славой в средневековой Европе пользовалось, например, растение мандрагора из семейства пасленовых и совершенно незаслуженно, хотя ведьмы и колдуны не мыслили себе отравных зелей без этого корня. Мандрагоре сверхъестественные качества приписывались в силу определенных снотворных и возбуждающих свойств, а также сходства ее корня с нижней частью человеческого тела. Подземные стебли-корни у мандрагоры своеобразно ветвятся, образуют толстые (до 25 см) крахмаловместилища. В корнях растения содержатся алкалоиды гиосциамина, скополамина, атропина и другие. Пифагор называл мандрагору «человекоподобным растением». Согласно поверьям, тот, кто услышит стон, издаваемый мандрагорой при ее выкапывании из земли, должен умереть; чтобы избежать смерти человека и вместе с тем удовлетворить жажду крови, якобы присущую мандрагоре, при выкапывании этого растения рядом сажали собаку на привязи, которая, как считалось, погибает в агонии, когда корень появляется из земли.

Существовало поверье о происхождении мандрагоры из поллюции повешенного человека. В поверьях украинского народа мандрагора (переступень) вырастает из трупов деток, умерших без крещения. Может превращаться в ребенка и неожиданно исчезать. Юноши носили кусочки мандрагоры в качестве любовного амулета. В Средние века представление о том, что мандрагора может вызывать зачатие, обусловили появление целой индустрии изготовления поддельных мандрагоровых корней.

В Аравии считалось, что мандрагора ночью светится, и ее называли «свечой шайтана», в Европе называли «цветком ведьмы», считалось, что колдуны с помощью мандрагоры могут лишить

человека красоты и рассудка, околдовать, причинить вред здоровью. Вместе с тем, мандрагора может сделать человека неуязвимым, помогает обнаруживать сокровища, клады, может использоваться для предсказаний и других чародейских штучек. А вот отравить мандрагора никого не могла, и поэтому боялись ее зря.

РИМСКАЯ ЭПИДЕМИЯ



В 1659 году папа Александр VII получил сообщение, что в Риме вспыхнула эпидемия отравлений и что в этих преступлениях замешаны светские женщины, жертвами которых стали их мужья или любовники. Папа приказал расследовать дело, была выявлена некая Иеронима Спара, занимавшаяся гаданием и продававшая яды. Отравительница якобы назвала имя Тофаны, которая то ли давала ей яды, то ли обучила их изготавливать. Все женщины, замешанные в отравлениях, были казнены. Не вызывает сомнения, что существовала в действительности очень ловкая отравительница, которая звалась Тофаной или Тофанией (Теофания ди Адамо), но, вполне возможно, что этим именем легенды называют не одну отравительницу, так как исторические сведения достаточно путаны.

Другая версия рассказывает о Тофане, проживавшей в Неаполе и продававшей за большие деньги таинственную жидкость в маленьких пузырьках с изображением святого. Они были распространены по всей Италии и назывались неаполитанская водичка, «аква Тофана» или «манна Святого Николая Барийского». Жидкость была прозрачна и бесцветна и не вызывала подозрения, так как изображение на бутылочках святого позволяло думать, что это церковная реликвия. Деятельность отравительницы продолжалась до тех пор, пока лейб-медик Карла VI Австрийского, исследовавший жидкость, не заявил, что это яд и что в состав его входит мышьяк. Тофана не признала свою вину и спряталась в монастыре. Аббат и архиепископ отказались ее выдать, так как в тот момент церковь конфликтовала со светской

властью. Негодование в обществе было столь велико, что монастырь окружили солдаты. Тофана была схвачена, казнена, а тело ее забросили в монастырь, в котором она скрывалась. Хроники сообщают, что это произошло в Палермо в 1709 году (по другим источникам – в 1676 г.) и что Тофаной было отравлено более 600 человек. Имеются сведения еще об одной Тофане, которая промышляла со своими ядами во Франции.

ЖЕЛЕЗНАЯ МАСКА

Николя Фуке по критериям Французского королевства был родом не из знатной семьи. Но по меркам нарождающейся буржуазии он был благородного происхождения – из семьи банкиров и судовладельцев. Фуке, как и его родственники, пошел по финансовой части. А так как в то время во Франции без хорошего покровителя прожить было невозможно, молодой Николя нашел поддержку в лице кардинала Мазарини, который с удовольствием принял под свое крыло молодого финансиста, так как знал его семью и его таланты.

Помогая финансами и советами во время борьбы кардинала за власть, Фуке, перебиваясь на должности интенданта армии, дождался того момента, когда Мазарини стал всевластным министром и начал править королевством. В 1653 году победивший кардинал назначил своего финансового советника одним из двух суперинтендантов (министров) финансов. Целых 18 лет преданно служил кардиналу Фуке, помогая тому обогащаться.

На должности суперинтенданта таланты Фуке раскрылись полностью. Он выступал в роли царя Мидаса, по его воле любое желание регентши, Анны Австрийской, обеспечивалось золотом (впоследствии он обратился к ней за защитой, намекнув на ее интимные связи, но этим лишь обозлил королеву-мать). Любой военный поход Мазарини был обеспечен финансово. Ничего, что бедные еще больше беднели, что монета весила меньше. Главное – отчетность, а эта важная вещь для любого банкира была в порядке. Был в порядке и сам Фуке. Он разбогател достаточно,

чтобы не знать, куда девать деньги. Он становится меценатом. Художники, поэты, актеры вьются вокруг точно мухи.

Беда подкралась неожиданно. Умер Мазарини – покровитель, который спасал от ревизий. Но Фуке не знал, что покровитель ненавидел своего банкира, только терпел из нужды. Перед смертью, в 1661 году кардинал передал компромат на Фуке Людовику XIV. Изложенное в документах кардинала подтвердил и донос Кольбера, коллеги Фуке на ниве финансов, который долгое время собирал компрометирующие факты и документы на соперника.

Король приказал начать неофициальное расследование. И сразу же всплыли убийственные для министра факты. Одним из фактов, который был квалифицирован как государственная измена, стала покупка в сентябре 1658 года за 1 млн 300 тыс. ливров острова Бель-Иль в Атлантическом океане. В предчувствии плохих времен, Фуке купил остров, перестроил бывший там монастырь, возведя на его месте крепость, и нанял небольшую армию наемников, которая подчинялась только ему. Все это было нарушением закона, что и подтолкнуло короля к аресту финансиста. А тут еще масла в огонь добавил родной брат министра Базиль, которому не хватало 150 тысяч ливров ренты в год, и он завидовал богатству родственника. В январе 1661 года он обвинил Фуке в воровстве, в расходовании 30 млн казенных денег на собственное строительство и принуждение женщин к сожительству. Этот донос попал к королю.

Начав атаку на своего министра, Людовик сначала лишил его права подписи чеков для оплаты секретных государственных расходов, а на них шли миллионы. Затем король пообещал Фуке почетный титул герцога, даруемый только самым родовитым дворянам, но не судебным крючкотворам. Людовик уговорил Фуке продать должность генерального прокурора, дававшую некоторую неприкосновенность, за 1 млн 400 тыс. ливров. Но все бы обошлось без скандала, если бы Фуке не сделал своим врагом новую фаворитку короля Луизу де Лавальер. Желая угодить Людовику, Фуке предложил Луизе 200 тысяч за сближение с королем. Оскорбленная дама все рассказала своему покровителю. Король принял решение об аресте Фуке, но перед этим успел занять у того денег. 4 сентября 1661 года Фуке арестовал де Сен-Мар – помощник лейтенанта мушкетеров д'Артаньяна. Благородный гасконец отказался быть тюремщиком, несмотря на приказ короля (хотя, по другой версии, именно д'Артаньян арестовал Фуке и держал его в заточении).

Под охраной 40 мушкетеров Фуке был отвезен в Отель де Руже, затем по подземному ходу переправлен на корабль и под

охраной 100 человек начал свои скитания по тюрьмам Франции. В дороге он подписал документ, предписывающий коменданту Бель-Иля сдаться.

При аресте были захвачены бумаги Фуке, которые он неосторожно хранил дома. Среди них была рукопись под красноречивым названием «Проект восстания против Мазарини», написанная в 1658 году. Вместе со следствием 15 ноября была назначена ревизия. Результаты ее были однозначны. Король решил устроить показательный процесс над вором и изменником. 3 декабря 1661 года начались заседания специально назначенной судебной палаты по делу экс-министра Фуке. Но результаты заседаний были совсем не такие, каких ожидал Людовик. Крал, но в меру, в основном, исполняя приказания Мазарини, остров Бель-Иль целостности королевства не угрожал, сношений с иностранными дворами с целью измены не имел. Многие документы, изобличающие Фуке, были подделаны Кольбером и Лувуа, которые сразу же после ареста Фуке захватили все финансовые учреждения в стране. Дело затягивалось. Король потребовал от судей вынесения вердикта. Наконец, в 1664 году члены палаты (9 – за смертную казнь, 13 – за изгнание) приговорили подсудимого к изгнанию, чем накликали на себя гнев короля. Фуке за границей, с такой-то головой, сколотит себе еще одно состояние и будет жить, припеваючи, назло Людовику. Собственным указом король приговаривает Фуке к пожизненному заключению.

Николя Фуке темной ночью вывозят из Парижа. Путь его лежит в Северную Италию, в крепость Пиньяроль, где под охраной де Сен-Мара (за свою верную службу тюремщик потом получил должность коменданта Бастилии) он проведет 15 долгих лет без связи с волей. Лишь в мае 1679 года его жена и дети получили первое и последнее свидание. Все отвернулись от семьи Фуке, и только секретный агент французского правительства Гурвиль, который раньше был на связи у Фуке и работал на Мазарини, передал семье заключенного 100 000 ливров на проживание.

И все эти годы Фуке хранит молчание о тайнах короля и королевской семьи, доверенных ему Мазарини. Где бумаги, раскрывающие секрет рождения короля (говорили, что Мазарини был тайным супругом Анны Австрийской), и другие, не менее пикантные подробности из жизни главы королевства, следствие установить не смогло. И в конце концов Людовик решает – раз не нашли, то и не найдут. И по приказу короля тюремщики 23 марта 1680 года дают на ужин заключенному Фуке яд. Он умирает, а бумаги действительно так и не нашли. Чтобы причина гибели

узника не выплыла наружу, акта о смерти не составляли, вскрытия не делали, гроб сразу запломбировали государственной печатью.

А при чем чем же тут Железная маска? В то же время, что и Фуке, в Пиньяроле сидел таинственный узник в железной маске. И некоторые исследователи считают, что таинственным узником мог быть и Фуке. Но это только гипотеза.

ДОГАДЛИВЫЕ ДОНОСЧИКИ

Не так давно быть доносчиком считалось прибыльным и уважаемым делом. Еще в императорском Риме сикофант (доносчик) получал хорошее вознаграждение от щедрот цесаря. Это уже в Московии появилась мудрость: «Доносчику – первый кнут», которая заставила некоторых из них призадуматься, но число доносов не уменьшила, ибо любая власть при любой политической системе, даже самой демократической, может удержаться лишь тогда, когда опирается на штык (армия) и на донос (спецслужбы).

Но обратим свой взор на родину парламентской демократии – Англию XVII века. Бурные события английской революции и реставрация монархии породили целую плеяду профессиональных доносчиков. Двое из них, Отс и Тондж, вошли в историю благодаря своей интуиции.

В августе 1678 года они подали в королевскую канцелярию на имя короля обширнейший донос. В нем шла речь о том, что против Карла II затевается католический заговор. Карл не поверил, но будучи, как и все короли, осторожным, особенно когда дело идет о его персоне, отправил донос и доносчиков, главным из которых был Титус Отс, к одному из министров для расследования.

Патриотически и монархически настроенные граждане повторили свои показания: им стало известно, что французский король Людовик XIV, иезуиты и католические епископы готовят убийство милостивого короля и его брата (католика по вероисповеданию!) герцога Йоркского, затем хотят высадить в Англии озверелых ирландских наемников с целью уничтожения протестантов. В Ланкашире якобы уже завербованы три тысячи преступников, готовых в любой момент предать Лондон и его жителей огню и мечу. Король и его брат должны погибнуть от яда. Отравить Карла и Якова будто бы поручили врачу королевы Уэкману и секретарю герцогини Йоркской Коулмену.

У министра от россказней информированных доносчиков волосы стали дыбом. Тут же было назначено следствие. И доносчики действительно кое в чем оказались правы. Секретарь герцогини Коулмен и правда был всамделишным французским шпионом! Тайный совет отдал приказ о его аресте. При обыске были захвачены компрометирующие бумаги. Этого было достаточно, чтобы поверить Отсу и Понджу. Казна выплатила им вознаграждение. Но Отсу этого показалось мало. Он дополнительно сообщает, что 24 апреля 1678 года в центре

Лондона в таверне «Белая лошадь» состоялось сборище иезуитов-заговорщиков, обсуждавших отравление Карла II и герцога Йоркского.

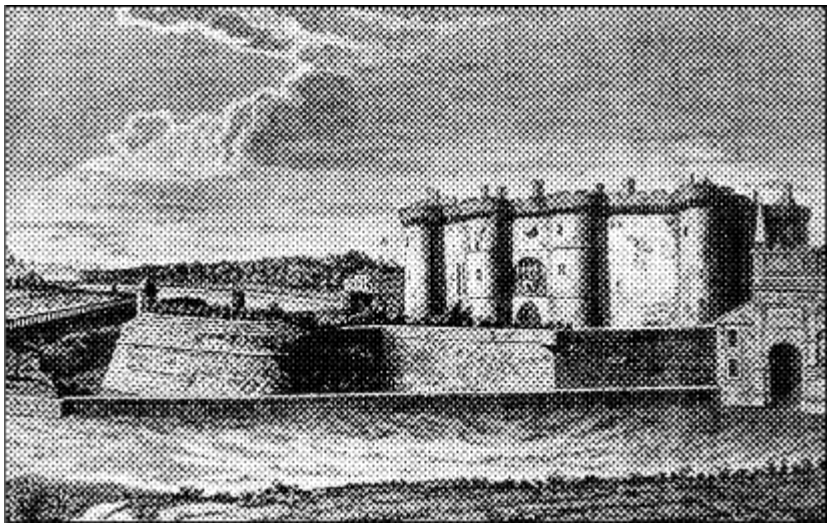
Следствие сначала с недоверием отнеслось к этой информации – алчность доносчиков была хорошо известна. Но каково же было изумление членов Тайного совета, когда донос Отса подтвердился. Действительно, в этот день в таверне собирались иезуиты. Правда, с мирной целью. Но это уже никого не интересовало.

Разоблачения Отса, обрастая по дороге все новыми и новыми подробностями, докатились до мирных горожан. В Лондоне началась паника. В ожидании нападения сброда муниципалитет мобилизовал городское ополчение. На улицах Лондона и в других городах начался стихийный самосуд над католиками. Отса прославляли как спасителя отечества. Ему присылали приветственные адреса и пожертвования от благодарных сограждан. С целью уберечь разоблачителя от мести врагов, Отсу выделяют апартаменты в Уайтхолле, король назначает патриоту пенсию в 1200 фунтов стерлингов, к нему приставляют телохранителей. Страна находится на грани гражданской войны.

Но постепенно страсти утихают. Ирландские наемники не высаживаются, Лондон не горит, а если и горит, то по привычному недосмотру. А тут еще на беду Отса на престол в 1865 году вступает Яков II, католик. Он не забыл, как его единоверцев бросали в Темзу. Отса переводят из Уайтхолла в Тауэр и предают суду по обвинению в лжесвидетельстве. И вина его была доказана. Титус Отс, бывший спаситель отечества, был приговорен к жестокому публичному бичеванию. Но доносчики, как и донос, бессмертны. Отс выжил, и пока на престоле был Яков, он сидел на хлебе и воде в темнице.

Но Титус был везучий человек. После переворота 1688 года королем становится протестантский лидер Вильгельм II Оранский. Отс тут же пишет петицию в парламент как жертва католических репрессий и спаситель отечества. Его выпускают на волю и король восстанавливает ему пенсию. Больше доносов об отравлениях Отс не пишет, а живет спокойной жизнью заслуженного ветерана и зажиточного буржуа.

ПАРИЖСКИЕ ЖЕНЩИНЫ



Это было самое громкое криминальное дело во время правления «короля-солнца» Людовика XIV. Мари-Мадлен д'Обрей, маркиза де Бренвилье, жила в Париже. Обвиненная в убийстве множества людей с помощью мышьяка, в том числе своего отца и двух братьев, она была казнена в 1676 году (ее обезглавили, а тело сожгли). Но даже перед смертью маркиза не призналась в совершенных ею преступлениях.

В 1663 году Мадлен де Бренвилье было тридцать три года. Среднего роста шатенка с голубыми глазами и пышными локонами. Она экстравагантна, распущенна и крайне впечатлительна. Четыре года она была любовницей некоего Годена, кавалерийского офицера, который называл себя Сент-Круа. Отец маркизы, известный в парижском свете, был недоволен поведением дочери и ее связями. Он добивается у короля ареста Сент-Круа, которого берут прямо в карете маркизы и бросают в Бастилию. Во время двухмесячного тюремного заключения он знакомится с итальянцем по имени Экзили, настоящее имя которого – Эджиди, большим докой в отношении ядов. В свое время Эджиди состоял на службе у шведской королевы Кристины и следил, чтобы королеву не отравили. После выхода из тюрьмы Сент-Круа и маркиза часто наведываются к известному швейцарскому фармацевту и аптекарю Кристоферу Глазеру, владельцу лавки в предместье Сен-Жермен. Втроем они разрабатывали яд, который потом назвали «рецептом Глазера». Для того чтобы испытать «рецепт», Мадлен посещает, якобы в благотворительных целях, парижские больницы и раздает

подарки больным: варенье, вино, бисквиты. Многие из этих больных вскоре умирают, отведав кушанья, переданные им прелестными ручками маркизы, но врачи считают их смерть естественной.

Маркиза не простила отцу заточение ее любовника. Три года спустя, в феврале 1666 года, она начинает подсыпать ему малые дозы мышьяка. Отец жалуется на головные боли, потерю аппетита, рвоту, зуд и боли в груди, выглядит бледным. Его личный врач не может ни поставить диагноз, ни вылечить больного, и отец маркизы уезжает в загородный дом, рассчитывая на благотворное воздействие деревенского воздуха. Состояние его действительно улучшается, но, ничего не подозревая, он на свое несчастье приглашает дочь приехать погостить к нему. Через некоторое время неприятные симптомы возобновляются, и он возвращается в Париж, чтобы проконсультироваться с другим врачом. Маркиз чувствует себя все хуже и хуже, его постоянно рвет. Понимая, что смерть близка, он составляет новое завещание в пользу дочери, желая отблагодарить ее за заботу. Проводив нотариуса, Мадлен дает отцу выпить рвотное вино, содержащее раствор солей сурьмы и калия, прописанное врачом. Организм отца не выдерживает этого удара, и 10 сентября он умирает – восемь месяцев спустя со дня получения первой порции мышьяка. Вскрытие ничего не обнаруживает. Позже на следствии маркиза призналась, что дала отцу двадцать восемь – тридцать доз мышьяка; один из подкупленных ею слуг, Гастон, подсыпал хозяину столько же, если не больше.

Через четыре года Мадлен убивает двух своих братьев, чтобы, завладев их наследством, поправить свои финансовые дела, пошатнувшиеся в результате непомерных трат на развлечения и любовные утехи. Старший брат отравлен своим слугой Ляшоссе, которого нанял по рекомендации сестры. Он умирает через три месяца, и его, как и отца, последние две недели мучают приступы рвоты. У врачей не возникает никаких подозрений. Младший брат отравлен тем же слугой и умирает в сентябре того же, 1670 года. Но на этот раз маркизе не повезло. Врач, присутствовавший при вскрытии, заявляет, что причиной смерти может быть отравление мышьяком. Но преданную дочь и добрую сестру, которая не находит себе места от горя, никто не подозревает.

Войдя во вкус и желая обрести полную свободу, Мадлен пытается отравить мужа, который был в свое время навязан ей заботливым отцом. Перед казнью, исповедуясь духовнику, она рассказала, что первым симптомом отравления у маркиза была внезапная слабость в ногах. Но муж почему-то заподозрил неладное. Зная, что у маркизы есть любовник, он начинает

подозревать жену в желании освободить брачное ложе. Однажды, когда Сент-Круа обедает у них, маркиз говорит слуге: «Не меняйте мне стакан, но споласкивайте его каждый раз перед тем, как наполнить». Уединившись после обеда, Мадлен и ее любовник решают отказаться от своего плана. Здоровье маркиза восстанавливается.

Маркиза подсыпа́ла мышьяк своим слугам, которые слишком много знали, друзьям, которые чем-либо огорчали ее, многочисленным любовникам, которые не удовлетворяли ее, но дозы никогда не были смертельными. Однажды слуга, съев предложенную ею ветчину, почувствовал острые боли, «похожие на удар кинжала в бок». Один из ее любовников, Брианкур, опекун ее сына, которому она созналась после ночи любви в убийстве отца и братьев, угрожает донести на нее, когда в один прекрасный день она объявляет ему о намерении отравить его сестру. Мадлен завлекает Брианкура в свою спальню, где Сент-Круа пытается заколоть его кинжалом. Неудачливому любовнику удается спастись, но, по непонятным причинам, в полицию он не заявляет.

Все эти годы, несмотря на частую гибель и болезни окружающих ее людей, несмотря на закрадывающиеся подозрения у близких и даже у мужа, несмотря на обнаруженный при вскрытии в теле ее брата мышьяк, никто так и не посмел обвинить Мадлен. Но беда пришла оттуда, откуда ее не ждали. Внезапно умирает от совершенно естественных причин ее любовник и соучастник Сент-Круа. Не ожидая смерти, он не замел после себя следы. При описи имущество Сент-Круа был обнаружен несгораемый шкаф с ядами и тридцатью четырьмя письмами Мадлен, в которых она откровенно описывает преступления, совершенные ею с помощью Сент-Круа и Ляшоссе. Маркиза отправляется к вдове любовника, чтобы попробовать завладеть письмами, но поздно. Они попадают в руки офицера полиции по имени Пикар. Не обратив вначале внимания на, как он полагал, любовные послания, впоследствии Пикар, изучив письма должным образом, открывает дело против маркизы. Вдова младшего брата на основе информации, полученной из полиции, тоже начинает процесс против Мадлен. Той не остается ничего другого, как бежать в Англию.

Еще через четыре года, посчитав, что все успокоилось, маркиза приезжает на континент, и ее арестовывают в монастыре в Льеже. Полиция задерживает и Ляшоссе, которого подвергают дознанию с пристрастием. Он упорно все отрицает, но не выдерживает пытки, назначенной ему по настоянию золовки маркизы. Это «испанский сапог» – деревянные колодки, которые

постепенно сжимаются и раздавливают кости ног. Не выдержав мучений, он сознается во всем и приговаривается к четвертованию. Процесс против маркизы длится четыре месяца. Брианкур, который все-таки пошел в полицию, становится свидетелем обвинения. Спокойная, уверенная в себе, отвергающая все улики маркиза не соглашается с обвинением. Но факты – упрямая вещь, и суд приговаривает ее к смертной казни.

Священник, отец Пиро, знаменитый теолог-иезуит, должен принять у приговоренной последнюю исповедь и дать причастие. В долгих беседах он убеждает маркизу раскаяться, чтобы спасти душу, которая, как он поясняет, должна будет провести время в чистилище, ожидая Высшего суда. «Но как я узнаю, что я в чистилище, а не в аду?» – обескураживающе наивно спрашивает Мадлен. И все же она не решается сознаться. Чтобы она назвала имена сообщников, ее подвергают пытке водой (через воронку, вставленную в рот, внутренние органы наполняются водой, пока не разрываются), но она молчит даже тогда, когда ей угрожают вечными муками ада. Тюремщики, отступившись, передают неукротимую маркизу в руки палача.

В сопровождении огромной толпы Мадлен де Бренвилье в телеге доставляют на место казни. Она остается бесстрастной и безмолвной в те полчаса, что палач готовит ее к казни, отрезая ей волосы и привязывая к эшафоту. Она даже помогает ему. Палач тоже не ударил лицом в грязь, он сумел отрубить ей голову с одного удара.

Француженки всегда остаются француженками – и на плахе, и в постели. Перед ними трудно устоять, а любовь к ним иногда страшнее всяких ядов. К примеру, 19 февраля 1715 года, за полгода до собственной смерти, король Людовик XIV принял в Версале персидского посла Риза Бега. Для короля и придворных это был экзотический спектакль. Пышные одежды персов, восточное славословие было чем-то новеньким для пресыщенного впечатлениями двора. Конкретных дипломатических результатов, правда, не было, но посла оставили погостить.

А Ризе Бегу экзотическим местом показался Париж. Ему нравился дом, где его поселили, изумляли французские кулинары, в восторг приводили парижанки. Но хорошее не может длиться вечно. 13 августа 1715 года Людовик подписал торговый договор с Персией, министерство двора выдало на 200 тысяч ливров подарков шаху, и безутешный посол был вынужден покинуть прелестный Париж. Риза Бег отплыл из Гавра на французском фрегате и по дороге посетил Копенгаген, Гамбург, Берлин. В Данциге его ждали приятные и неприятные неожиданности. Приятные – у него родился сын. В одном из

больших посольских ящиков Риза Бег вез свою любовницу, парижанку мадам Эпине, которая и поднесла послу радостный подарок. А неприятной неожиданностью была кража части багажа и подарков шаху. Но счастливому отцу было не до этого. 21 месяц добиралось посольство до Исфагана, прибыв в столицу Персии в мае 1717 года. Все эти месяцы каждый вечер мадам Эпине своим искусством любви возвращала Риза Бега в прекрасные ночи Парижа. Но при въезде в столицу счастливого посла встретили черные вестники. Шах вынес ему осуждение за утрату подарков и за подписание невыгодного для Персии торгового договора. Суровая действительность сразила Риза Бегу наповал. И он у ног своей любимой принял яд и умер. Ах, эти парижанки! Даже в суровых условиях Востока они найдут элегантный выход из щекотливой ситуации. Мадам Эпине, не отходя от тела, принимает мусульманство и становится любимой женой в гареме брата посла. Париж, как и Восток, – дело тонкое.

ПРИДВОРНЫЕ ОТРАВИТЕЛЬНИЦЫ

Королевский двор Людовика XIV отличался роскошью и множеством красивых женщин. Любовные приключения были обычным явлением как для короля, так и для его приближенных. Но любовь шла рука об руку с отравлениями. На сцене амурных связей начинает играть роль женщина по имени Ла Вуазен. Она поддерживает алхимиков, принимает участие в организации мануфактуры и, по-видимому, зарабатывает большие деньги. Ла Вуазен умна и наблюдательна, она прекрасный физиономист и составила классификацию, в которой связывает черты лица с определенными чертами характера человека. Официально она гадалка, предсказывает судьбы, но и приемы черной магии входили в арсенал ее профессиональных возможностей: колдовство, любовные средства, а также яды создали ей рекламу в Париже. «Нет для меня ничего невозможного», – говорила она своим клиентам. Ла Вуазен не только предсказывала наследникам смерть их богатых родственников, но даже бралась на деле помочь исполнению своих предсказаний. Французы со свойственной им иронией называли ее средства «порошок для наследования».

Люди, близкие ко двору, были поклонниками Ла Вуазен. Так, фаворитка короля, в то время всесильная маркиза де Монтеспан (1641–1707 гг.), получила от Ла Вуазен любовное зелье, которое втайне давала королю, боясь потерять свое влияние на него. Существует недоказанное предположение, что в ее планы входило отравление Людовика. Много раз к Ла Вуазен обращалась Олимпиада Манчини (графиня Суассон), племянница покойного кардинала Мазарини. Графиня, домогаясь любви короля, принесла гадалке некоторые его вещи и хотела, чтобы колдунья сделала ей «любовную куклу», подобную той, которая за сто лет до того была заготовлена во время процесса Ла Моля. К Вуазен также захаживали герцогиня Буйон, маршал Люксембург, другие видные придворные, крупные чиновники.

У Ла Вуазен было много подручных. Эта компания повергала в страх и недоумение не только суеверных женщин, но и таких людей, которых нельзя было назвать слабыми и легковерными: среди них были члены королевской семьи и административного аппарата Парижа. Чтобы положить конец злодеяниям, которые все больше распространялись и создавали в столице обстановку террора, король учредил особый суд. Этому суду поручалось вести следствие исключительно по делам об этих тайных преступлениях и строго наказывать виновных. Была создана

комиссия, которая заседала в Арсенале, в так называемой «пылающей комнате». Это название было дано ей в связи с тем, что помещение, в котором собиралась комиссия, обтянули черной тканью, и освещалось оно только факелами. Заседания длились три года, с апреля 1679 года по июль 1682 года. Председателем суда был назначен генерал-лейтенант парижской полиции Габриэль Николас де ла Рени, человек честный, неутомимый и справедливый в решениях. Парламент жаловался, что этот суд посягает на его права, но король ответил, что для рассмотрения преступлений, в которых могли быть изобличены знатнейшие придворные особы, нужно тайное судилище, подобное тому, каковое имеет место в Венеции или в Мадриде.

Ла Вуазен и ее соучастники были приговорены к смертной казни. При обыске у них были обнаружены мышьяк, ртуть, растительные яды, порошок шпанской мушки и биологические ингредиенты (остатки животных, экскременты, кровь, моча и т. д.), которые тогда рассматривались как яды. Хотя для короля специально даже яда не надо было искать. Его запросто могли отравить без всякого злого умысла его собственные придворные врачи. Людовику в качестве средства от всех болезней – подагры, бессонницы, головных болей, несварения желудка и даже насморка – прописывали в лошадиных дозах слабительное. Лекари назначали королю лекарства с самыми невероятными ингредиентами – от растертой в порошок гадюки до лошадиного навоза. Так что смерть могла ждать венценосца в любой поданной ему микстуре.

Перекрестные допросы отравителей бросали тень на многих знатных особ и вызывали панические настроения вокруг короля. Так, например, получив вызов в суд, графиня Суассон пришла в такой ужас и отчаяние, что король разрешил ей оставить

Францию. Она уехала в Нидерланды и прожила за границей весь остаток своей жизни. Будучи племянницей кардинала Мазарини, графиня Суассон еще при жизни дядюшки хотела с помощью волшебства и яда заполучить побыстрее все наследство несметно богатого родственника. Через несколько лет после побега она очутилась при испанском дворе. Кстати, где б графиня ни появлялась, всюду случались загадочные смерти. В Мадриде ее считали виновницей ранней кончины испанской королевы, француженки по происхождению. Так что сбежала она не зря.

Король постоянно следил за работой комиссии, особенно его беспокоили сообщения о связи мадам де Монтеспан с преступниками, хотя допрашиваемые неохотно называли имя фаворитки. Маркиза Франсуаза де Монтеспан появилась в спальне короля после того, как предыдущая фаворитка, Луиза де Лавальер, раскаялась и в апреле 1674 года ушла в монастырь. У Монтеспан были светлые волосы, голубые глаза и пышные формы. Ее острый язычок хорошо знали при дворе – она не щадила никого, лишь бы развлечь Людовика. А король строил ей корабли, выписал для развлечения медведей в Версаль (их убрали только после того, как они ободрали все обои во дворце). Маркиза проигрывала в карты целые состояния. Король построил ей дворец, но он ей не понравился, тогда его сломали и построили заново. Дворец стоил 2800 тысяч ливров. Пока король не добился развода маркизы, от ревнивого мужа ее охраняли телохранители из дворян. Однако уже в апреле 1675 года любовь прошла, и после ссоры с королем Франсуаза переехала в Париж, где связалась с Ла Вуазен, мечтая вернуться в постель бывшего любовника.

Вуазен показала, что герцогиня угрожала, что королю не поздоровится, если он не вернет ей свою милость. Опасаясь темпераментной фаворитки, король еще больше от нее отдалился, и ее место постепенно заняла мадам де Монтенон (при дворе ее пренебрежительно называли Скаррониха, так как она была вдовой писателя Скаррона). Людовик давно уже подозревал в подобных преступлениях Монтеспан. Тем более, что даже когда шло расследование, госпожа де Монтеспан умудрилась отравить в 1680 году другую фаворитку короля, 19-летнюю герцогиню де Фонтаж. Король запретил производить вскрытие тела умершей: ему не хотелось получить окончательное доказательство отравления и вины бывшей фаворитки. Король вообще имел либеральную привычку прощать отравителей – видя в присутствии яда во дворце неизбежное зло. Так, 30 июня 1670 года умерла Генриетта Английская, жена Филиппа I, герцога Орлеанского. Смерть случилась на 26 году ее жизни, после того

как несчастная выпила бокал цикориевой воды. Воду отравил маркиз д'Эффиа, который признался в своем преступлении королю, оправдываясь тем, что Генриетта настраивала мужа против него. Король отпустил отравителя с миром.

А ведь модницам тогда и без соперника или соперницы можно было отравиться чрезвычайно легко. Косметические средства, которыми покрывали свои тела красавицы XVI–XVIII веков, были отнюдь не безопасны. Еще древние римлянки использовали пудру, приготовленную из порошкообразного свинца, – для придания коже особого оттенка. И вплоть до XIX века пудру делали из углекислого свинца, ядовитого вещества, разрушающего кожу. Если дама регулярно пудрилась, то к тридцати годам кожа ее лица портилась необратимо. И тогда на лицо ей приходилось накладывать все более толстый слой свинцовых белил. Мода на пудру к XVII веку в Европе распространилась повсеместно. Дамы наносили ее на кожу, смешав с яичным белком, – чем толще, тем лучше. В XIX веке англичане для приготовления пудры стали использовать мышьяк, придававший красоту коже и отравлявший красавицу. На Среднем Востоке женщины употребляли ядовитые свинцовые пасты для подкрашивания глаз, бровей и ресниц.

Но бывшая фаворитка короля, удаленная от двора, позабыла даже про косметику и тем избежала общей участи. Мадам де Монтеспан, мать восьмерых детей, которых родила королю, в 1691 году ушла в монастырь Св. Иосифа. Она сама когда-то его и организовала. Людовик назначил ей пенсию в 1200 тысяч ливров. В монастыре маркиза жила одиноко, все время молилась, почти все содержание отдавала бедным, носила подвязки и пояс с гвоздями. Умерла в 1707 году в возрасте 66 лет.

Слишком много имен было названо в связи с разбирательством в деле о ядах, и король стал тормозить работу комиссии, тем более, что в обществе начало проявляться раздражение и стали спрашивать: «Доколе лейтенант полиции будет заниматься инквизицией?»

За три года было проведено 210 сессий, вызвано на допрос 319 человек, из них 218 были арестованы, так как в той или иной степени подозревались занятием алхимией, колдовством, черной магией, отравлением, 36 человек казнены публично. 22 февраля 1680 года главную преступницу Ла Вуазен сожгли. В этот день Мольер остался без зрителей: все отправились смотреть публичную казнь, ставшую явлением редким.

Комиссия по «делу о ядах» была распущена в июле 1682 года. Министр Лувуа приказал держать в тайне показания Маргариты Вуазен с обвинениями Монтеспан в преступных замыслах против

короля. Затем все донесения относительно мадам де Монтеспан были записаны в отдельный журнал и листок за листком собственноручно сожжены королем.

Людовику XIV на протяжении царствования хватало головной боли с отравителями. Только закончился процесс Ла Вуазен, как новый скандал с ядами обрушился на королевский двор. У испанской королевы Марии-Луизы была закадычная подруга, жена герцога Браччиано, принцесса Юрсен. Одновременно она была и корреспонденткой Франсуазы Ментенон, фактической жены французского короля.

Юрсен вела личную войну с претендентом на испанский престол, который наследовал корону в случае отречения короля Испании Филиппа V. Этим претендентом был герцог Орлеанский, сын брата короля, тоже Филиппа. Юрсен обвинила герцога в заговоре против испанской короны. Филипп V прислал Людовику письмо, в котором подтверждал сведения о заговоре сторонников герцога. Французский дофин потребовал голову своего двоюродного брата. Канцлер Поршатрен получил приказ короля привлечь герцога Орлеанского к суду. Остроты событиям добавила внезапная смерть дофина 3 марта 1711 года. Почти одновременно с ним оспа унесла из жизни его жену. Сразу молва обвинила герцога в отравлении супругов. Герцога стали третировать при дворе, и он потребовал у короля публичного суда, готов был добровольно отправиться в Бастилию. Король, избегая очередного скандала, решил спустить дело на тормозах. Но Юрсен ему не позволила. Она рассылала письма, распускала слухи, плела сеть, в которую должен был попасться несчастный претендент. По ее наущению в Пуату арестовывают монаха-францисканца, подозреваемого в подготовке убийства короля Испании. И опять возникает слух, что следы покушения ведут к герцогу Орлеанскому.

Затравленный неутомимой Юрсен герцог запил. Его часто видят пьяным в неподобающих королевской особе местах. Герцог в глазах многих стал олицетворением всего худшего – жестокий, беспощадный отравитель. Кампания по его очернению прекратилась только со смертью королевы Марии-Луизы, когда влияние принцессы Юрсен при испанском дворе закончилось.

Любовницы и яд привели к запутанной ситуации и в соседнем с Францией Савойском герцогстве. Его правитель – герцог Виктор Амедей, имея «земель немного и войск немного», проводил политику лавирования между различными силами, но больше опасался Франции, которая была под боком. Дела его стали особенно плохи, когда враги Савойи объединились в Аугсбургскую лигу. А тут еще к герцогу пришла любовь, не давая

сосредоточиться на внешней политике.

Виктор Амедей влюбился в графиню Верю из Турина. Она разделяла чувства герцога и предвидела, к чему идет дело. Графиня честно предупредила мужа, что не сможет устоять против законного сюзерена. Но муж и даже свекровь не представляли глубины чувств герцога и настаивали на участии графини в придворных праздниках. Не желая быть притчей во языцех, графиня уехала во Францию, надеясь, что со временем чувства герцога остынут. Но когда она вернулась, ситуация стала еще хуже. Герцог, пользуясь своими правами, нагрянул в спальню графини. Она не устояла. Непредусмотрительный муж уехал с детьми во Францию. Там он с горя завербовал полк драгун и поступил на службу к Людовику XIV, пытаясь в сражениях забыть о своем бесчестье.

Графиня же переселилась в герцогский дворец и хотя боялась необузданного нрава Виктора Амедея, однако царила в его дворце. У нее сразу появилась море поклонников и врагов. И графиню, вспомнив нравы Версаля, тут же отравили. Но герцог отлично знал своих приближенных и поэтому сразу же прибег к своей богатейшей коллекции противоядий, хранившейся в тайнике. Он спас свою возлюбленную, ведь он любил ее. Он был предан ей, даже когда она переболела оспой. 15 лет герцога и графиню согревал огонь пылкого чувства. Виктор Амедей мог простить любимой все. Все, кроме вмешательства в политику герцогства. А графиня шпионила для Франции. И в 1699 году герцог, наступив на горло собственной любви, изгоняет Верю из своего дворца. Она же, боясь мести оскорбленного возлюбленного, бежит во Францию. Герцог в отместку конфискует все ее имущество. Пылкая страсть, многолетняя любовь, спасение от яда – все осталось далеко в прошлом.

Несколько лет графиня проводит в монастыре, дожидаясь, когда ее позабудут. Она выходит из него только в 1704 году – после того как муж наконец-то нашел свою смерть в бою. Графиня получает наследство и переезжает в Париж, где становится хозяйкой модного салона и героиней истории о былой великой любви.

ДВОРЕЦ И ЯД

Наступивший XVIII век и царствование нового короля Людовика XV не означали, что эпоха ядов закончилась. Опять, как и в прошлое царствование, слухи об отравлениях сопровождали болезни и смерти знатных особ. Слухи эти питались тем, что вокруг скучающего короля постоянно шла борьба за влияние на него между его фаворитками и придворными чинами.

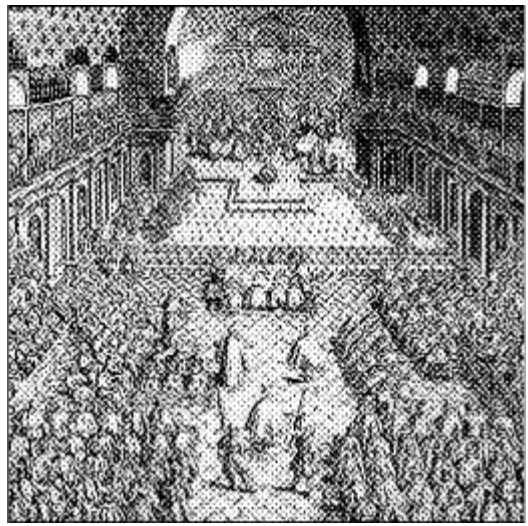
При этом почти каждый, кто боролся за внимание монарха, держал на всякий случай под рукой или яд, или того, кто этот яд приготовит. Известная в истории мадам де Помпадур, любовница короля, держала при себе собственного парфюмера Лоренцо Менотти. Лоренцо заработал 2 млн франков, изготовляя для мадам духи «Мосты Версаля», «Берег Слоновой Кости», «Аромат тропического леса», «Орхидеи», румяна «Звезды Эллады», белила «Легконогая Диана», пудры «Федора» и «Карнавал в Венеции». За его секретами охотилась вся модная Европа. Но не менее Лоренцо был известен Европе и его дед, Петро Менотти, который изобрел порошок, называемый в Венеции «порошком дьявола». Он легко растворялся в вине и убивал мгновенно. Венецианский Совет Десяти назначил деда парфюмера главным государственным отравителем. Лоренцо тоже знал секрет этого снадобья и, по мере необходимости, снабжал им мадам де Помпадур.

Борьба за теплое место у королевского трона не прекращалась ни на минуту. Она достигла особого накала, когда в продолжение небольшого промежутка времени умерли фаворитка короля маркиза де Помпадур, дофин, дофина и, наконец, королева. Подозрения пали на министра иностранных

дел герцога Шуазеля, которого перед смертью обвиняла в отравлении маркиза де Помпадур. Хроники говорят, что дофина Мария-Жозефина, принцесса Саксонская, также считала, что ее отравили. Она уверенно об этом заявила Людовику и действительно умерла через две недели. При вскрытии ее тела в присутствии 14 врачей было объявлено, что признаков отравления не нашли. Тем не менее, Шуазель был отстранен от власти.

На другой стороне Ла-Манша, в туманном Альбионе, также баловались ядами. Во второй половине XVI века на престол вступает Елизавета (1558 г.), дочь Генриха VIII и Анны Болейн. Рядом с «королевой-девственницей» – ее официальный любимец, Роберт Дадли, граф Лестер. На совести Лестера много преступлений: он ненавидит и боится соперников, ревнуя их к королеве и надеясь, что его связь с Елизаветой закончится браком. Согласно хроникам, Лестер знал рецепты многих ядов, а свой любимый называл «итальянский утешитель». Это заставляет думать, что в состав яда входил мышьяк, который обычно присутствовал в итальянских ядах. Желая как-то успокоить врагов, Лестер женился в 1550 году на молоденькой Эми Робсарт. Но не желая тревожить коронованную любовницу, он не представил Эми ко двору, и она жила, по настоянию мужа, затворницей в загородном доме. Эми умирает в 25 лет при загадочных обстоятельствах, молва обвиняет Лестера в ее отравлении. Официальная версия объясняет смерть Эми несчастным случаем. Согласно наиболее распространенной легенде, Лестер спустя некоторое время погиб случайно, выпив яд, приготовленный для другого.

ЗАКОН ПРОТИВ ЯДА



Несколько слов о мышьяке. Окись мышьяка, или белый мышьяк, при растворении в воде и обычных жидкостях не дает окраски и запаха. Растворимость его мала, но достаточна для оказания вредного воздействия: 60 мг – смертельная доза, а симптомы отравления сходны с признаками заболевания холерой. При периодическом или длительном применении малых доз картина отравления может быть настолько разной, что в старину ее путали с различными заболеваниями, даже венерическими. Вероятно, мышьяк был известен еще галлам, от них его восприняли в Италии и во Франции, где он быстро вытеснил растительные яды, затем мышьяк появляется во всех государствах и княжествах Западной Европы. В Средние века свойства белого мышьяка были хорошо известны и характеризовались словами: «Если кто съест хотя бы горошину этого вещества или даже меньше – погибнет. Способов лечения не существует». Со временем свойства мышьяка были хорошо изучены алхимиками, врачами и аптекарями. В связи с распространением опасных знаний старались ограничить законами продажу не только мышьяка, но и ядовитой сулемы. По-видимому, первые законодательные ограничения появились в Италии. В 1365 году в Сиене красный мышьяк (реальгар) и сулему аптекарю разрешалось продавать только людям, которых он хорошо знал, а в XV веке продажа этих ядов вообще была запрещена, и аптекарь, нарушивший постановление, подвергался наказанию. Аналогичный запрет вышел в Германии в 1485 году. После дела маркизы де Бренвилье французский парламент принял меры

против свободной продажи мышьяка. Постановление гласило, что продажа мышьяка может быть разрешена «врачам, фармацевтам, золотых дел мастерам, красильщикам и другим нуждающимся в нем лицам после выяснения их имен, положения и места жительства». Имя покупателя должно было быть занесено в особую книгу. Но желающие заняться ядовитой бытовой химией могли купить яд и в обход законов, были б только деньги.

МЕСТЬ ОРДЕНА

Несколько столетий символом хитрости, вероломства и фанатизма в Европе служил орден иезуитов. Его явные и тайные представители проникли во все страны и влияли на политику многих государств. А одним из рычагов отцов-иезуитов было золото. Миллионы, накопленные за столетия, недвижимость, завещанная и приумноженная орденом, делала иезуитов независимыми не только от государства, но даже от папы. В конце концов с властью иезуитов решено было покончить, хотя и не такими методами, как с тамплиерами. Сначала иезуиты были изгнаны из католической Португалии. В 1764 году орден запретили во Франции, а в 1767 году – в Испании, Неаполе и Парме. Запрещение сопровождалось разоблачениями о злоупотреблениях иезуитов.

Но папа Климент XIII до самой своей смерти в 1769 году все еще пытался спасти авторитет иезуитского ордена, без которого он не мыслил католической церкви. Вокруг папского престола уже нашлись люди, которые требовали спасти авторитет папы и «вечное величие» папства путем принесения в жертву иезуитов, а также искать пути примирения с державами, изгнавшими монахов. Наиболее активным среди противников ордена стал кардинал Ганганелли.

Сам он был из семьи врача, учился, кстати, в иезуитском коллегиуме, поступил в орден францисканцев. Идеи просвещения, которые волновали общество в XVII веке, кардинал не считал враждебными Риму, и вообще он отличался редкостным свободомыслием. Он любил природу, изучал ее, стремился к простой жизни и уединению. В 1758 году о Ганганелли говорили все священники католической церкви и не только. Он выступил против обвинения евреев в употреблении христианской крови в ритуальных целях, когда подобному обвинению подверглись польские евреи в городе Ямполе на Днестре.

Это свободомыслие и защиту евреев Ганганелли не могли простить кардиналы, которые собрались на конклав после смерти Климента XIII. Понадобилось переголосовывать 185 раз, пока не победили враги иезуитов. Ганганелли стал Климентом XIV. Избранию способствовал и ультиматум, выдвинутый послами Испании, Португалии и Франции при Святом Престоле. Они довели до конклава свое требование – кто бы ни был избран папой, он должен уничтожить орден иезуитов. А император Священной Римской империи Иосиф II лично прибыл на конклав, чтобы поддержать это требование.

Новый папа не сразу приступил к уничтожению иезуитов. Слишком сильна еще была их власть. Он медлил и колебался, выслушивая различные мнения прелатов и многочисленных комиссий. И только 21 июля 1773 года он издал буллу «Dominus ac Redemtor noster», которая уничтожала орден «на веки вечные» и подробно мотивировала эту меру. В булле говорилось, что иезуитский орден сеял везде смуту, что из-за него невозможно сохранение мира в церкви и что тщательное расследование его деятельности подтвердило правильность обвинений.

Результатом уничтожения иезуитов было примирение с римским престолом католических держав и возвращение церковных владений, захваченных Францией и Неаполем при Клименте XIII. Но радости от победы папа не испытывал. Климент XIV был уверен, что иезуитское подполье лишит его жизни за уничтожение их ордена; действительно, вскоре он умер, и современники были уверены, что его отравили иезуиты. Ходили слухи об «аква тофане», известном итальянском яде – без вкуса, запаха и цвета.

Папа умер победителем, но и иезуиты позднее своего добились. Пусть и не сразу, а все-таки их орден в эпоху Реставрации в 1814 году возродился.

МАРКИЗ-ШУТНИК

В XVIII веке был известен писатель, который использовал афродизиак и свои книги писал явно в любовном помешательстве. Речь идет о маркизе де Саде, певце сексуальных извращений и группового секса. Широкую огласку получил один из скандальных случаев использования афродизиака маркизом, приведший к массовому отравлению всего бомонда города Марселя.

В этом городе в ночь с 21 на 22 июня 1772 года маркиз де Сад устроил бал, на который пригласил цвет общества и угостил приглашенных шоколадными конфетами, начиненными шпанскими мушками и мускатным орехом. Эти дополнения к шоколаду являлись сильнейшими афродизиаками, и последовавшие после этого события привели к самому громкому судебному процессу в Марселе того времени.

Очевидец событий, на счастье, уцелевший, так описывал этот трагический бал: «Оно [возбуждение] было так сильно, что все, кто ел эти конфеты, воспылали бесстыдной страстью и с яростью стали предаваться всевозможным любовным излишествам… Бал закончился трагически. Все залы являли собой сплошное ложе разврата. И эта «афинская ночь» продолжалась, к немалому удовольствию де Сада, до самого утра, когда изнеможенные страстью засыпали на коврах в самых смелых позах. Много лиц умерло от излишества, к которому их побудила яростная похотливость; другие до сих пор совершенно больны». Суд осудил маркиза, несмотря на то, что он утверждал, будто то была попытка всего лишь невинно пошутить. Но на суде не была

рассмотрена версия о сатанинском жертвоприношении, ведь бал происходил в ночь летнего солнцестояния – время, когда сатанисты приносят свои жертвы. Маркиз де Сад хорошо знал оккультные науки и время для своей «шутки» выбрал явно не случайно.

Следствие о событиях в Марселе вела палата парламента в Эксе. Против маркиза и его лакея было вынесено постановление и приговор, по которому они за содомию и отравление осуждались на смертную казнь. Приговор был заочный, так как де Сад и его слуга к этому времени уже перебрались уже в Женеву, а оттуда в Шамбри в Савойе. Шесть лет провел маркиз за пределами Франции. За этот срок приговор был кассирован и заменен изгнанием из Марселя на три года и штрафом в 50 ливров.

Де Сад охотно заплатил штраф и поклялся вообще не приезжать в провинциальный Марсель. В 1878 году он обосновался в Париже и снова взялся за старое. Во французской столице произошел громкий скандал, когда маркиз опять угостил гостей на костюмированном балу шпанскими мушками. В результате пострадали высокопоставленные особы, а несколько дам умерло. Де Сад бежал, но в этот раз компанию ему составила свояченица. Но, несмотря на побег, маркиз не избег ни сумасшедшего дома, ни камеры в Бастилии.

Примерно в то же время у восточных владык Пенджаба также возникла страсть к возбуждающим средствам, а именно – к некоему напитку. Этот напиток, который пили только раджи, назывался «королевским вином». В вино добавляли измельченные драгоценные камни и растворенный жемчуг. Примесь драгоценных камней считалась в Пенджабе сильнейшим возбудителем, и вино было крепкое, как водка. Но подобное употребление драгоценных камней могло привести к нежелательному результату, а по-простому – к смерти. Поэтому на каждой бутылке «королевского вина» был прикреплен ярлык, где был написан рецепт вина, стояла подпись министра, в присутствии которого вино было изготовлено. В рецепте значилось: столько-то рубинов, столько-то изумрудов, жемчуга, алмазов, золота. А подпись давала гарантию некоторой безопасности, ведь если раджа умирал после принятия возбудителя, то казнили министра, который подписывал рецепт.

ПЕРВЫЙ ЛЮБОВНИК ИМПЕРАТРИЦЫ

Будучи еще женой наследного принца Петра, будущая императрица Екатерина не упускала возможности присмотреть для себя наиболее породистых мужчин елизаветинского двора. Тем более, что стареющая Елизавета смотрела сквозь пальцы на шалости фрейлин, а от жены наследника престола ждала лишь рождения сына. А от кого, на то милость Божия.

Совершив переворот в 1762 году и избавившись от мужа, новоиспеченная императрица Екатерина II не стала лишать себя никаких радостей жизни. Об ее амурных похождениях и смене десятков любовников история сохранила множество анекдотов и мемуаров. Но был у нее и первый.

Человеком, который не только поддержал впоследствии смелую эскападу жены против мужа, мятежницы против законного императора Петра III, но и утешил Екатерину в постели, был Григорий Григорьевич Орлов – один из пяти братьев Орловых, поднявших гвардию в поддержку будущей Екатерины Великой и не прогадавших.

Григорий Орлов стал известен своей удалью и храбростью в Семилетней войне, когда в азарте боя был ранен под Цорндорфом. Но чины и ордена ему принесла не военная удача, а мужественность любовника. К титулу графа он, «попав в момент», прибавил титул князя Римской империи. Получил звания генерал-адъютанта, генерал-директора инженеров, генерал-аншефа и генерал-фельдцейхмейстера. Григорий, хотя и писал с трудом, но возглавил Вольное экономическое общество, принимал участие в комиссии 1767 года, которая рассматривала

крестьянский вопрос, а рассмотрев, решила, что рановато свободу лапотной России даровать.

Энергией Григорий отличался не только на императорском ложе, но и в исполнении поручений «любимой Кати». Его деятельность по организации карантина в Москве спасла вторую столицу от полного вымирания вследствие приключившейся чумы. За работу в области здравоохранения Орлов получил именную золотую медаль, на аверсе которой был выбит его профиль, а на реверсе – римский герой Курций, бросающийся в пропасть, и слова: «И Россия таковых сынов имеет». В Царском Селе была сооружена триумфальная арка с надписью: «Орловым от беды избавлена Москва».

Но все эти знаки внимания были только попыткой утешения. Место в спальне императрицы занял другой. Молодой, смазливый и недалекий Васильчиков нужен был Екатерине для отдыха от энергичного Орлова, а заодно и от его энергичных братцев.

Получив отставку, Григорий решил покинуть Петербург. В спутницы жизни он выбрал двоюродную сестру, фрейлину императрицы Екатерину Зиновьеву. К имени «Катя» он уже как-никак привык. В июле 1778 года молодожены уехали из России в свадебное путешествие в Швейцарию. На короткое время Орлов вернулся в Петербург, но у жены открылась чахотка, и любящий муж повез ее лечиться за границу.

Но, несмотря на продолжительное лечение, в 1782 году на берегу Женевского озера скончалась Екатерина Орлова. Муж, поставив надгробие из черного мрамора на ее могиле в Лозанне, вернулся в Россию. А вскоре весь Санкт-Петербург гудел: не выдержав смерти жены, Григорий Орлов сошел с ума.

Его безумные речи и поступки, о которых сплетничали во всех салонах столицы, могли вызвать гнев императрицы и опалу на весь род Орловых. И тогда во дворце брата Алексея собрались все пять Орловых. Григорий, хотя и в умопомрачении, но все же в состоянии был связно общаться, сам высказал просьбу о даровании ему смерти. Отужинав все вместе в парадном зале дворца, Орловы отослали лакеев и приступили к смертельному обряду. Алексей передал Григорию кубок отравленного вина. И безумный брат со словами: «до дна» выпил яд. Это произошло 13 апреля 1783 года. Так ушел из жизни, не оставив после себя потомства, один из блистательных Орловых, первый, но не последний фаворит Екатерины П.

Использовать яд подсказало знакомство, которое они водили с известным авантюристом графом Калиостро во время пребывания того в Северной Пальмире. В 1779 году Калиостро прибыл в Санкт-Петербург. Несколькими удачными излечениями

особ высшего петербургского света ему удалось создать себе репутацию. К Калиостро хлынули пациенты, платя золотом за его советы и лекарства. Это вызвало негодование среди петербургских врачей. Особенно на заморского лекаря нападал лейб-медик императрицы Роджерсон. И тогда Калиостро, чтоб прекратить нападки и дальше спокойно опустошать кошельки пациентов, предложил лейб-медику соревнование: поскольку дело касалось превосходства соперников по части медицины, то пусть каждый из них приготовит яд в виде пилюль и даст противнику, чтобы проглотил их при свидетелях. А затем воспользоваться противоядием. Тот, у кого противоядие окажется лучше, будет считаться победителем. Но придворный врач, наслышанный о талантах Калиостро, от такого состязания отказался.

Этот случай с «ядовитой дуэлью» наделал много шуму в придворных кругах, и Орловы не остались в стороне. Так что возможно, что именно поэтому они и выбрали яд для прекращения мучений Григория.

СВОБОДА, РАВЕНСТВО, ЯД

С самого рождения в 1743 году Жану Антуану Николю Корншоту, маркизу де Кондорсе, была уготована блестящая карьера. Карьера придворного или военного, на худой конец, архиепископа. Но поступив в 9 лет в иезуитскую школу в Реймсе и блестяще закончив ее, молодой маркиз занялся наукой.

Это было дурным тоном. Но Кондорсе не обращал внимание на шушукающихся по углам престарелых светских львиц. В 1769 году он становится членом Академии наук Франции. В 1777 он уже секретарь Академии. Его страсть – не придворные балы, а математика.

Но, отринув придворный мир, маркиз не сумел удержаться и на горних вершинах науки. С 1774 года по 1791 год он – чиновник министерства финансов, друг и помощник министра Тюрго. А финансы – это кровь страны. И ученый, видя, как из года в год эта кровь застаивается, не может удержаться – он становится над схваткой и уходит в политику.

В конце 80-х годов Кондорсе становится убежденным республиканцем. После бегства Людовика XVI в Варенн, маркиз основывает первую республиканскую газету под названием «Республиканец». В 1791 году Кондорсе избран комиссаром казначейства. Но остановить галопирующую инфляцию ему не удается, и в конце года, с целью изменить законы, маркиз становится депутатом. Математический склад ума помогает Кондорсе занять должность президента Законодательного собрания.

Его интересы лежат теперь в области народного просвещения. Без образованного народа не построить свободной Франции. Но чтобы дать образование народу, нужно время, и Кондорсе всегда голосует за военные расходы и увеличение армии, которая должна оградить страну от врагов внутренних и внешних.

За заботами маркиз не замечает, что обстановка во Франции, и даже в Конвенте, где он состоит депутатом, меняется и притом не в лучшую сторону. Глаза его открылись, когда в 1793 году Конвент отверг проект конституции, выработанный комиссией, которую он возглавил. Он пытается апеллировать к народу, но коллеги по Конвенту обвиняют его в «заговоре против единства и нераздельности Французской республики» и объявляют Кондорсе вне закона. Кондорсе бежит от Конвента.

Беглого маркиза спрятала в своем будуаре вдова скульптора Вернэ. Теперь у Кондорсе есть время обдумать свое положение и на досуге заняться любимой математикой. А за стенами уютного особняка бушуют разгоряченные толпы парижан, требующие крови. 5 сентября 1793 года объявляется большой террор. 31 октября обезглавлены друзья Кондорсе – вожди жирондистской партии. Кондорсе, как человек чести и дворянин, более не считает для себя возможным скрываться у вдовы и подвергать ее опасности ареста в случае внезапного обыска. 6 апреля 1794 года, закончив свою последнюю научную работу, маркиз покидает убежище. Он направляется в окрестности Парижа, и тут его хватают бдительные якобинцы. Арестованного контрреволюционера и кровопийцу-маркиза бросают в тюрьму, где он должен дожидаться своей очереди на гильотину. Но у Кондорсе нет желания развлекать публику видом своей отрубленной головы, и 9 апреля он принимает яд, который хранил в перстне. Жертва ускользнула от палачей.

В те дни, когда шла охота на маркиза, его бывшие коллеги-депутаты раскручивали историю, в которой были замешаны ярые революционеры, не чета Кондорсе, но по своим моральным качествам они далеко уступали маркизу.

В октябре 1793 года Конвент по предложению депутата Делоне принял декрет о предоставлении права Ост-Индской компании провести самоликвидацию, но только под наблюдением представителей государственной власти. Что такое ликвидация крупной компании и как на этом можно нагреть руки – рассказывать читателям не стоит. Это было прибыльным делом тогда и остается прибыльным делом в наши дни.

В комиссию по ликвидации вошла группа банкиров, которых лоббировал Делоне. Включились в ликвидацию и некоторые

депутаты – такие как одиозный Шабо, бывший монах-капуцин, автор экстремистского «Катехизиса санкюлота», женатый на сестре банкира Фрея, австрийского шпиона. Однако прибыльность дельца породила завистников. Поползли слухи о фальсификации декрета в пользу ликвидаторов. Санкюлот Шабо решил себя обезопасить доносом на сообщников. 14 ноября он сообщил Робеспьеру о финансовых махинациях и заговоре против республики, в которых принимал участие, но лишь с целью разоблачить врагов народа. Он назвал роялистских агентов, среди них Жака-Рене Эбера, издателя погромной газеты «Папаша Дюшен»; объявил, что взятки депутатам передавал барон Батцель, член ликвидационной комиссии. На эти деньги «эбертисты», по словам Шабо, хотели поднять мятеж.

Робеспьер, желая выглядеть беспристрастным, посоветовал Шабо обратиться в Комитет общественного спасения. Доносчик отдал комитетчикам 100 тысяч ливров, переданных ему для раздачи заговорщикам. Довод был весомым. Начались аресты. Арестовывали в основном крайне левых противников Робеспьера. 21 декабря арестовали Эбера. Самого Шабо, для сохранности, комитет поместил в тюрьму Люксембург. Но экс-монах не унывал, а писал письма в Комитет, в которых называл все больше имен заговорщиков и расхитителей народного имущества.

Однако 16 марта 1794 года Шабо узнал о докладе Комитета, переданном в Конвент на утверждение. В этом докладе он был признан одним из главных обвиняемых, ему полагалась гильотина. Тогда Шабо пишет письмо-завещание для Конвента и в 3 часа дня с криком «Да здравствует республика!» выпивает заранее приготовленный яд. Но, не выдержав боли, начинает кричать и звать на помощь. Когда охрана ворвалась в камеру, самоубийца корчился в конвульсиях на нарах. Пришедшим на помощь он драматическим жестом указал на запечатанный конверт с завещанием.

Но он не умер, видать, такие подлецы не умирают так просто. Шабо доставили в больницу и дали противоядие. Три дня доносчик был на грани жизни и смерти и все-таки выжил. Выжил, чтобы увидеть 24 марта 1794 года (или 4 жерминаля 2 года Революции) смерть на гильотине жертв своих доносов, а 2 апреля быть обвиняемым на процессе, после которого он последовал на гильотину, как и остальные «эбертисты».

ВРАЧИ ПЕРЕСТАРАЛИСЬ

Настоящие поэты всегда умирают рано. В 37 лет ушел из жизни певец Шотландии Роберт Берне. В 1796 году он умер от ревмокардита. Но через 48 лет старый друг его юности Джон Томсон поднял вопрос о действительных причинах смерти Бернса.

Томсон был медиком и, изучив болезнь друга, пришел к выводу, что над Бернсом ставились эксперименты по изучению результатов разных методов лечения. Лечащий врач был убежден, что поэт страдал болезнью печени, и систематически прописывал ему большие дозы лекарства, содержащего ртуть. Берне очень тяжело переносил лекарство и, по мнению Томсона, его смерть – типичный случай медицинского отравления.

В 70-е года XX века была исследована прядь волос Бернса. Анализ подтвердил наличие ртути, правда, не в летальной дозе. Но волосы могли быть более раннего происхождения. Случай с Бернсом в XVIII веке был не единичным. Врачи массово прописывали лекарства на основе ртути. В Венеции популярен был ртутный пластырь, который накладывали на грудь заболевшего и после такой процедуры спасти несчастного мог лишь Господь Бог.

Подобный случай «залечивания» произошел ранее с английским королем Карлом II Стюартом. Он сам был неплохим химиком и много времени проводил в своей химической лаборатории, расположенной в Уайтхолле, составляя различные противоядия против известных ему ядов. Но во многих знаниях – многие печали. Когда король заболел, 13 лучших врачей Лондона

вели борьбу за его здоровье. За 6 дней болезни Карл получил 58 различных лекарств и противоядий, так как слишком хорошо знал науку о ядах и не доверял ни одному препарату. Причина смерти короля так и не была установлена. В XX веке, применив нейтронно-активационный анализ, обнаружили в волосах Карла ртуть в количествах, в десятки раз превышающих норму. Слишком много лекарств он попробовал в поисках единственно верного.

ОТРАВЛЕННЫЕ «МОРТУСЫ»

4 апреля 1866 года неизвестный выстрелил из двуствольного пистолета в прогуливающегося по Летнему саду государя-императора Александра II. Покушавшийся, схваченный на месте преступления, впоследствии оказался Дмитрием Каракозовым, из дворян Саратовской губернии, вольнослушатель Московского университета. За расследование взялись III отделение и получившая неограниченные полномочия Верховная следственная комиссия.

Абсолютно случайно эта комиссия во главе с графом Муравьевым вышла на след студенческого кружка в Московском университете, во главе которого с 1863 года стоял Николай Андреевич Ишутин. Комиссия радовалась успеху, но после того как следствие раскрыло тайную террористическую организацию «Ад», ликованию не было пределов, но и страху тоже.

Террористы из «Ада» поставили перед собой три задачи: 1. Следить один за другим во избежание колебаний. 2. Убивать особо злых помещиков и управителей. 3. Построить в России социализм. Решать эти задачи должны были 30 добровольцев – «мортусов» (по-латыни «смертников»). Но сверхзадачей было убийство Александра II Освободителя.

Но каким образом его убить? На этот счет разработали специальный план. Сначала «мортусы» на общем собрании бросали жребий. На кого он падет, тот становится цареубийцей. Избранный «судьбой» «мортус» должен был навсегда отдалиться от кружка, вести жизнь разгульную и распутную: все подозрения полиции надо отвести заранее. С целью же маскировки разрешалось писать доносы. Перед самим покушением «мортус» принимал медленно действующий яд, обезабраживал себе лицо химикатами и клал в карман многозначительную записку: «Мы требуем полного надела крестьянам».

На дело отправлялись вдвоем: цареубийца и следующий за ним по жребию «мортус»: если цареубийца промахивался, то его товарищ ликвидировал неудачника на месте, заметая следы. Через некоторое время покушение повторялось, и так до бесконечности.

У жандармов волосы стали дыбом, когда они прочитали устав «Ада». Тем более, что студенты-кружковцы придумывали и другие проекты, не менее зловещие. Например, «мортус» поступает на службу к почтмейстеру, а остальные устраивают притон и по наводке грабят почту на Киевской дороге. Или вот – «мортусы» собирались освободить Чернышевского, отравив его охрану, даже

добыли яд. Но какое же страшное разочарование постигло членов Следственной комиссии, когда они поняли, что не зловещие карбонарии собирались в кружке у Ишутина, а обычные российские Маниловы, прожектеры и фантазеры.

Среди них нашелся только один, который все эти разговоры за бутылкой красного и чайной колбасой воспринял всерьез – Каракозов. И умудрился не попасть в царя с нескольких метров, а яд проглотить побоялся, так и оставил его лежать в кармане, хотя прокламацию, как того требовал устав «Ада», написал и в тот же карман положил.

Следствие, несмотря на явную абсурдность вины арестованных, подошло к концу. Одиннадцать человек предстали перед судом. Двое из них, Ишутин и Каракозов, были приговорены к повешению. Игра с красивой смертью в конце завершилась вульгарной веревкой на шее.

В среде молодежи того времени был распространен гимн с такими словами:

«Настанет блаженное время,
Когда уж из наших костей
Поднимется мститель суровый,
И будет он нас посильней».

Красиво умереть мечтали многие, но стать «мортусом» духу хватило у единиц.

Впоследствии народовольцы, в ряды которых влилась часть «ишутинцев», использовали яд для сведения счетов с жизнью или в акциях протеста. Например, Николай Яковлевич Стронский, арестованный в 1874 году по делу «193-х», отравился в Петропавловской крепости в 1877 году, находясь в депрессии; Берта Абрамовна Каминская, народница, агитировала в среде московских рабочих, арестована в 1875 году, привлечана по процессу «50-ти», в заключении сошла с ума, в 1876 году отдана под опеку родителей и отравилась в 1878 году.

В 1838 году на сибирской реке Каре было найдено золото. Рудник принадлежал царской семье, поэтому для удешевления стоимости металла на Каре работали каторжане. С 1873 года туда начали присылать и политических заключенных. Условия содержания для них были иными, а вот отношение со стороны администрации оставалось неизменным, как уже было заведено для уголовников. В том числе применялись телесные наказания. Естественно, политические, считавшие себя выше каторжной «кобылки», потребовали к себе особого отношения. Им мало было особых условий содержания, им хотелось уважения.

Осужденные на каторжные работы «политики» держали прислугу из обычных заключенных. Политкаторжане выписывали, если желали того, из столицы одежду по последней парижской моде, в которой и щеголяли. Зимой катались на санках с горок, летом гоняли чаи в тенечке. Занимались штудированием наук, читали французские романы, увлекались хоровым пением. На участках расчищенной тайги разбивали огороды и выращивали рекордные урожаи овощей и чудесные цветы. Мужчины на досуге играли в шахматы и городки.

В августе 1888 года генерал-губернатор Корф приказал отправить в Читу народоволку Е. Ковалевскую, отказавшуюся встать в его присутствии. Ковалевская лежала на скамье во дворе, потому что была больна. Не вдаваясь в расспросы, губернаторская свита увидела в этом прямой вызов и потребовала, чтобы осужденная поднялась. Тогда Ковалевскую подняли силой и отправили с каторги, что было выполнено с «вопиющими издевательствами».

Коллеги по агитаторской работе, М. Ковалевская (Мария Павловна, 29 лет, жена дворянина, бывшего учителя киевской военной гимназии и киевского института благородных девиц, арестована 11 февраля 1879 года по делу киевской типографии, осуждена на 14 лет и 10 месяцев каторги, во время Карийской трагедии играла решающую роль), М. Калюжная и Н. Смирницкая объявили голодовку, требуя «руки прочь» от Ковалевской, а заодно и снятия с должности коменданта каторги Масюкова. Генерал-губернатор уехал от греха подальше.

Но спокойствие воцарилось ненадолго. 31 августа 1889 года 27-летняя Надежда Константиновна Сигида дала пощечину коменданту Масюкову в ответ на простое, исконно российское ругательство. Комендант донес об обиде в Читу, и генерал-губернатор Корф дал приказание подвергнуть Сигиду телесному наказанию. 7 ноября 1889 года ей дали 100 ударов розгами в присутствии солдат и офицеров, после чего на следующий день она скончалось. Ее товарки решили выразить протест против смерти подруги.

Те же Ковалевская, Калюжная и Смирницкая принимают яд и умирают. 12 ноября в мужской тюрьме, решив солидаризоваться с женщинами, 16 политических заключенных принимают яд. Но не совсем удачно – концентрация яда оказалась недостаточной. Едва придя в себя, И. Калюжный и С. Бобков добираются до банки с порошком морфия и принимаются глотать его целыми горстями, теперь доза становится смертельной. Двое из заключенных умирают, остальных откачал лекарь.

Резонанс от «карийской трагедии», как назвали либеральные

газеты эти события, разнесся по всей империю. Политзаключенных перевели с Кары на Акатуй. В 1890 году Романовы ликвидировали каторгу на Каре, и золотодобыча шла силами наемных рабочих. Е. Ковалевская, из-за которой все и началось, дожила до 1944 года.

ЧАШКА ЧАЯ

В середине XIX века на просторах китайских провинций Шеньси, Ганьсу и Синцзяна, а также в Джунгарии и Восточном Туркестане бушевало восстание, о котором мало известно. А по количеству жертв, массовости сражений оно не уступает нормальной европейской войне. Против войск китайского императора воевали плохо обученные отряды народа дунганов. Восстание началось в 1861 году. Весь мир следил за гражданской войной в Америке, на Азию не обращали внимания.

А в это время один за другим китайские полководцы пытались разбить мятежных горцев. Только в 1872 году удалось вытеснить дунганов непосредственно из китайских провинций и перенести театр военных действий в Джунгарию и Восточный Туркестан. Но операция по очистке Туркестана от повстанцев оказалась нелегким делом. У дунган появился талантливый полководец, настоящий народный вождь – Якуб-бек. В решительном сражении (1872 г.) он наголову разбил китайские войска под командованием Лаотай-хана.

Сплотив разрозненные дунганские ханства, Якуб-бек создал сильное централизованное государство на основе мусульманства. Но за его спиной притаилась измена. Разбив врага на востоке, Якуб-бек обратил свое внимание на запад. Оттуда надвигались российские войска, пытавшиеся захватить Кульджу и Кокандское ханство. На их пути встали конники Якуб-бека, и его участь была решена. То, что не удалось ружьям китайских солдат, сумела сделать щепотка яда.

Подкупленный россиянами тайджа Нияз-бек, оставшийся не у дел после создания государства дунганов, заплатил много золота чилимчи (человеку, подающему кальян) Якуб-бека, и тот поднес ему в чае отраву, от которой бек и умер в 1877 году. Расчет оказался верным. Государство дунганов, оказавшись без вождя, тут же распалось, и воодушевленные китайцы разгромили восставших на востоке, а российские войска подчинили себе Кокандское ханство.

СМЕРТЬ РАДИ ОТКРЫТИЯ

XIX век был веком великих открытий. Если раньше путешественники охотились за золотом, рабами или пряностями, то в век науки главной целью исследователей стали знания и слава. В то время наиболее желанными объектами для путешественников были истоки Нила и полюса Земли. Экспедиции отправлялись одна за другой и большая часть из них не возвращалась.

В 1871 году достичь Северного полюса решил Чарльз Френсис Холл из североамериканских Соединенных Штатов. Он думал добраться до полюса на корабле (была такая теория, что на Северном полюсе море свободное ото льда). Его пароход «Полярис» смело шел на север, но преодолеть паковый лед слабая паровая машина не смогла. Холл повернул на юг и бросил якорь у берегов Гренландии.

Среди ледников и айсбергов северного острова он решил основать базовый лагерь. Дальнейший путь на север Холл решил проделать на санях. До полюса надо было пройти почти тысячу километров. Но для исследователя это расстояние казалось пустяковым. Ведь уже покорена 83-я параллель, до которой еще никто не добирался. Но если Холл был одержим идеей открыть Северный полюс, то его спутники более реалистично подходили к вопросу дальнейшего путешествия. Однако они понимали, что Холла не остановить уговорами и стенаниями по поводу трудного путешествия. Его характер уже испытали на себе капитан и научный руководитель экспедиции, которым пришлось признать свое поражение в конфликте из-за выбора места для базовой стоянки.

Поэтому, не начиная новых дискуссий, Холла просто-напросто отравили мышьяком, который предназначался для корабельных крыс. Американские газеты трубили о внезапной смерти полярного исследователя, не вынесшего тягот путешествия, о его одинокой могиле, затерянной среди айсбергов. Спутники Холла помалкивали. Тайна была открыта только в 1968 году, когда вскрыли могилу на северно-западном берегу Гренландии. Нейтронно-активационный анализ точно указал причину смерти – отравление, хотя имя убийцы так и не раскрыто.

Погоня Холла за славой окончилась таинственной смертью, и тайной же была окутана смерть российского ученого Михаила Михайловича Филиппова, который гнался уже не за славой, а за знаниями.

11 июня 1903 года в газете «Русские ведомости» было опубликовано письмо, в котором говорилось следующее: «Речь идет об изобретенном мною способе электрической передачи на расстояние волны взрыва, причем, судя по примененному методу, передача эта возможна и на расстояние тысяч километров… Опыты замедляются необычной опасностью применяемых веществ, частью весьма взрывчатых, как NC13 (треххлористый азот), частью крайне ядовитых».

Это письмо прислал ученый и литератор Филиппов, живший в Петербурге. На следующий день, 12 июня, изобретатель был обнаружен мертвым, лежащим на полу возле стола, уставленного приборами и ретортами. Попытки вернуть его к жизни оказались безуспешными. Врач записал в медицинском свидетельстве: смерть наступила от неизвестной причины.

Филиппов в начале XX века был хорошо известен в научных кругах России и за рубежом. Он закончил Петербургский университет, в 1892 году защитил диссертацию в Гейдельберге. В 1894 году стал редактором журнала «Научное обозрение». Филиппов напечатал более 500 научных работ на естественно-научные, исторические и философские темы. Он хорошо был известен в кругах революционеров, потому что был марксистом и его теоретические статьи часто печатались в марксистских изданиях.

В полиции было проведено дополнительное исследование тела, но проводившие его врачи пришли к разным выводам. Одно заключение гласило, что смерть последовала от паралича сердца в результате органического порока сердца. Другой же эксперт заявил, что смерть случилась по причине добывания паров синильной кислоты в целях самоотравления. В Малой Советской Энциклопедии о Филиппове сказано, что «погиб от отравления газами во время производства опытов… первый марксист». Большая Советская Энциклопедия утверждает, что Филиппов «погиб во время проведения опытов по передаче энергии взрыва на расстояние».

Версия самоотравления вряд ли подходит 45-летнему ученому, который только что сделал важное открытие. А вот насильственное отравление как раз ложится в версию происшедшего. Кто стал виновником гибели Филиппова, неизвестно, но несколько версий выдвинуть можно.

1. Филиппова отравили российские спецслужбы. Он был тесно связан с революционерами и использовать «луч смерти» против Зимнего дворца они не постеснялись бы.

2. Иностранные спецслужбы, имевшие в России разветвленную шпионскую сеть. Дать опаснейшее оружие в руки

российской армии значило изменить всю военно-политическую ситуацию в Европе в преддверье приближающейся войны.

3. Революционные организации, которым Филиппов отказался передать свое изобретение как убежденный марксист, противник террора.

Но, может быть, открытия не было, а Филиппов все нафантазировал, будучи литератором? Вот что Максим Горький пишет в своих воспоминаниях о Филиппове: «…который несколько лет работал над передачей электротока по воздуху и в конце концов зажег из Петербурга люстру в Царском Селе. На этот факт не было обращено должного внимания. Филиппова через несколько дней нашли в его квартире мертвым, аппараты и бумаги его арестовала полиция».

Вот так со смертью Филиппова пропало его изобретение, которое могло бы изменить ход истории.

ТРАГИЧЕСКИЙ КОНЕЦ ЛЮБВИ

Упадок Австро-Венгерской империи наиболее ярко проявился в XIX веке, главным образом в связи с отсутствием достойных личностей в правящей династии. Правда, было одно исключение, которое, как всегда, подтвердило правило.

Рудольф Франц Карл Иосиф – эрцгерцог и кронпринц австрийский, родившийся в 1858 году, был единственным сыном императора Франца Иосифа. Престарелый монарх возлагал на наследника большие надежды, и он, казалось, готов был их полностью оправдать. Рудольф владел всеми языками народов, населявших Австро-Венгерскую империю. Он любил поэзию, хорошо рисовал. Юный эрцгерцог выпустил две книги путевых заметок, в которых высказал критические мысли о состоянии империи. Рудольф интересовался вопросами вооружения армии, отличился на посту командира пехотной дивизии, имел чин генерал-лейтенанта от инфантерии.

Однако блестящее будущее наследника престола было перечеркнуто любовной страстью. В 1881 году Рудольф женился на 17-летней Стефании, дочери бельгийского короля Леопольда П. Но династический брак для будущего монарха оказался несчастливым. Его характер сильно изменился. Он стал нервным и раздражительным. Причина было в том, что незадолго до своей женитьбы он влюбился в красивую румынскую баронессу, и эта связь для Рудольфа стала фатальной.

20-летняя баронесса Вечера блистала на светских раутах Вены. И все чаще вместе с ней видели эрцгерцога. Слухи дошли до дворца. Рудольф не скрывал своей любви. Он мечтал о разводе с принцессой и о женитьбе на красивой румынке. Но император взял с него слово забыть об этом безумии и порвать с Вечерой. Как послушный сын Рудольф не мог перечить воле отца, но нашел в себе силы разрубить гордиев узел.

30 января 1889 года наследник был найден с простреленной головой и с разряженным револьвером в руке в охотничьем замке Мейерлинг близ Вены. На той же кровати лежала отравившаяся стрихнином баронесса Вечера. На столике было оставлено письмо, в котором Рудольф сообщал о своем отказе от престола Габсбургов. Официальная версия полицейского расследования гласила о внезапной смерти

Рудольфа от удара. Страшную подробность, что эрцгерцог был найден кастрированным, утаили от публики.

Смерть этой блестящей личности открыла путь к престолу престарелому эрцгерцогу Карлу Людовику, брату императора, а

после смерти последнего его сыну Францу Фердинанду, чья бездарная политика на Балканах стала причиной начала Первой мировой войны.

Из-за любви и связанным с ней отравлением покончил жизнь самоубийством и видный ирландский политик Чарлз Парнелл, лидер ирландской фракции в британском парламенте. В 1887 году газета «Таймс» обвинила его в подстрекательстве террористов, опубликовав фальшивое письмо Парнелла, в котором тот призывал англичан к убийству. Но Парнел сумел оправдаться, его авторитет еще больше возрос. Тогда в 1890 году пресса начала травить его из-за любовной связи с замужней женщиной, Кэтрин О'Ши. К осуждению адюльтера подключилась и католическая церковь, пользовавшаяся большим авторитетом среди ирландцев. В 1891 году, не выдержав этого «полоскания грязного белья», из-за чего страдала любимая женщина, Парнелл покончил собой или же, по другой версии, яд ему подсыпали враги.

СМЕРТЬ БАНКИРА

Жак де Рейнах, парижский банкир, был евреем. Но это не имело никакого значения, так как жулик – понятие наднациональное. Отцом его был франкфуртсткий банкир, получивший титул барона от прусского и итальянского королей за оказанные им финансовые услуги. В конце XIX века банк Рейнаха гремел и процветал. Его филиалы были в Греции, Малайе, Сиаме, Алжире, Португалии, Венесуэле. Рейнаху покровительствовал лидер радикальной партии Франции Жорж Клемансо. Через банковские счета рейнахского банка прокручивались деньги Панамской компании, о которой писали все газеты мира.

В 1879 году инженер и предприниматель Фердинанд Лессеп, под руководством которого был построен и открыт Суэцкий канал, основал Всеобщую компанию межокеанского канала с целью прорыть Панамский перешеек. Работы шли медленно, затраты оказались выше, нежели предполагалось. Выпуски дополнительных акций не раскупались. Для поддержания ценных бумаг Панамской компании был необходим заем под гарантию государства. Руководство компании выделило солидные средства в «фонд пропаганды» для дачи взяток нужным людям. Желающих запустить руку в этот фонд оказалось столько, что средства исчерпались за несколько недель.

Но все же «барашки в бумажках» сыграли свою роль, и 28 апреля 1888 года парламент утвердил заем: 281 голосом – «за» и 120 – «против». Поверив государству и руководству компании, простые французы вложили в панамские ценные бумаги 300 млн франков. Но было уже поздно. Рейнах знал, что добром все это не кончится, на него имелся компромат, связанный с убийством, и те, кто тянули деньги из фондов компании, все это время шантажировали банкира, не давая ему «соскочить с крючка».

В феврале 1889 года было принято решение о ликвидации компании в связи с банкротством. Началась паника среди мелких акционеров. Ревизия выявила, что из 1 млрд 330 млн полученных компанией франков 612 млн пошли собственно на строительство, а 718 млн разошлись неизвестно куда в Париже. В июне 1892 года, когда были получены окончательные данные о судьбе активов Панамской компании, генпрокурор возбудил дело против пяти руководителей – Фердинанда де Лессепа, его сына Шарля, Мариуса Фонтана, барона Коттю и инженера Гюстава Эйфеля, который незадолго до того, в 1889 году построил знаменитую башню.

6 сентября 1892 года в газете «Либр пароль» («Свободное слово») появилась статья, сообщавшая, что банкир Жак де Рейнах и его помощник Артон по поручению руководства компании подкупили депутатов. Чтобы прекратить нападки в свой адрес, Рейнах передал газете список подкупленных депутатов. Министр финансов Рувье и Клемансо просили хозяина газеты, бывшего министра внутренних дел Констана, не компрометировать Рейнаха в газете. Но тот решил торпедировать правительство и на сделку не пошел. Прощаясь с Клемансо на улице, охваченный отчаянием, Рейнах произнес: «Я пропал».

И 20 ноября 1892 года лакей нашел его в спальне мертвым. 21 ноября Жюль Делаэ, правый депутат, заявил с трибуны парламента, что Панамская компания подкупила 150 депутатов. Была создана парламентская комиссия, установившая, что квартиру Рейнаха «забыли» опечатать, а его труп сразу же похоронили. В день смерти банкира за границу сбежал его помощник Артон, которого арестовали лишь в 1893 году.

Но депутаты не удовлетворились найденными документами, в которых раскрывались финансовые аферы, а потребовали эксгумировать труп банкира с целью определить причину смерти. Официальная версия – кровоизлияние в мозг – не удовлетворяла народных избранников. Правительство Эмиля Лубе отказало парламенту в этом требовании и вследствие этого пало. Тело банкира было поднято на щит большой политики. Новое министерство Рибо, в котором министром юстиции был Леон Буржуа, а министром внутренних дел стал Лубе, сформировалось именно на основе требования об эксгумации и потому получило название «министерством вскрытия трупов».

Буржуа отдал приказ провести эксгумацию трупа Рейнаха. Но так и не был получен четкий ответ на вопрос – отравление или нет? Экспертиза не признала, но и не отвергла того, что смерть наступила от яда. Конфискованные бумаги банкира и другие полученные данные сделали этот ответ ненужным. Было доказано, что Рейнах принимал участие в даче взяток и в других сомнительных операциях Панамской компании и опасался разоблачения своих финансовых махинаций.

Но дело смертью банкира не закончилось. Депутаты начали выяснять – кто и сколько получил. Клемансо, например, обвинили в получении 2 млн франков. Как истинный француз он вызвал на дуэль обвинителя – депутата Деруледа. Парламентарии стрелялись друг с другом 6 (!) раз, но ни один их них так и не попал в другого. Естественно, они этим удовлетворились. В 1893 году состоялся суд, приговоривший руководителей Панамской компании к солидным штрафам и тюремному заключению, но

кассационный суд отменил приговор, и все оказались на свободе. Затем состоялся суд над подкупленными депутатами. Судили не 150, а всего лишь 5 человек. Четверо из них виновными себя не признали, и их отпустили прямо из зала суда, а пятый оказался честным человеком и признался, что получил взятку, за что судья и приговорил его к 5 годам заключения и 750 тыс. франков штрафа.

Кроме одного депутата, пострадали еще тысячи вкладчиков, которым не досталось ничего, только пачки обесцененных акций на память.

КРЕПКИЙ КОФЕ

Милан Обренович, самодержец сербский, в конце XIX века был любимым героем газетчиков. Даже его рождение дало повод для многочисленных фельетонов, так как Милан родился через тринадцать месяцев после смерти отца. В 1869 году он занял белградский конак (дворец) под именем короля Милана IV.

Правление его в качестве вассала Оттоманской империи было веселым и расточительным. За короткое время Сербия обзавелась 255 млн франков государственного долга. «Едим ношенное, носим брошенное, живем краденым» – не унывал царь. Зато его бедные, но гордые подданные получили от Милана вполне демократическую конституцию. Она была тем более кстати в связи с тем, что благодаря интригам европейских политиков в 1889 году Сербия обрела независимость. Ничего, в общем-то, не изменилось, лишь Милан поменял цифру IV на I. Уже с 1883 года Милан заключил тесный союз с Австро-Венгрией и брал из нее займы для своих нужд.

Но политика его, как говорят в наше время, была многовекторной. Если золото и оружие он получал у австрийцев, то жену, а это не менее важно, ему предоставила Российская империя. Украинка, уроженка Одессы, дочь офицера Наталья Петровна Кешко стала хозяйкой царского дворца в Белграде. Но любовь продолжалась лишь до момента рождения наследника престола Александра. Затем царственные супруги пребывали в состоянии перманентной семейной войны. Боевые действия иногда выплескивались на улицы Белграда, предоставляя прохожим бесплатное развлечение.

Король не стал победителем как в баталиях на семейном фронте, так и в настоящей войне. С треском проиграв болгарам битву при Сливинце, Милан провозгласил себя генералиссимусом, но полководцем стать не сумел. Сербам надоели его долги, его проигранные битвы, семейные скандалы, которые были предметом обсуждения даже в парламенте. Милана заставили отречься от престола в пользу сына. Экс-король просто так сдаваться не пожелал. Он требовал, кроме пенсии от сына, еще миллион франков. Доведенные до отчаяния сербы собрали деньги, и Милан отбыл в Монте-Карло.

Но денег ему хватило ненадолго. В 1897 году Милан I вернулся в Белград. В целом его возвращение не вызвало больших волнений. Сынок Александр пошел в папу. Долги Сербии стали еще больше, зависимость от австрийцев усилилась, к тому же Александр в 1894 году отменил конституцию, которая хоть как-то

сдерживала алчность короля.

После возвращения Милана дела в государстве пошли еще хуже. Надежды сербов не сбылись. Теперь надо было кормить двух королей. Негодование народа нарастало. Чтобы расправиться с оппозицией, Милан использовал в 1899 году покушение на свою королевскую особу. Босниец Княжевич стрелял в царя, но пистолет оказался неисправен. Сотни врагов трона были брошены в тюрьмы. Но Милану это не помогло. В 1900 году ему опять пришлось покинуть Белград. И снова перед отъездом несчастные подданные вынуждены были собрать ему в дорогу миллион.

На этот раз Милан решил экономить, так как еще одного возвращения уже могло и не быть. Он поселился в Вене. Вместе с ним отбыла в эмиграцию и его любовница, фрейлина и нянька сына Драга Машина, урожденная Луневац. Это была последняя ошибка Милана I. Драга уже успела сменить престарелого самодержца на его сына. И поездка в Вену была нужна только для того, чтобы поднести королю в изгнании чашку крепкого кофе, приправленного ядом. Похоронив в Вене бывшего любовника, Драга вернулась в Сербию, чтобы занять место в постели царя Александра. Милой шуткой любовников стала фраза, которую Драга говорила королю, имея в виду врагов: «А не заварить ли нам для него кофеек покрепче?»

КАБАКА И «ДЖУ-ДЖУ»

Как-то так получается, что монархи и яд неразделимы. Смерть от щепотки яда грозит тем, кто сидит на престоле, и даже тем монархам, которые удалились от дел. Это вывод подтверждает история угандийских королей – кабак.

В 1856 году умирает кабака Уганды Суна. По законам королевства после его смерти в живых оставили лишь трех сыновей, остальное многочисленное мужское потомство сожгли на погребальном костре. Новым кабакой стал старший сын под именем Мутеса I. То был реформатор: он создал флот на озере Виктория, принял ислам, отказавшись от культа предков. В его правление угандийцы в 1862 году увидели первого белого человека. Но Мутеса не был последователен в своих реформах. В начале 70-х он вернулся к вере предков, а 200 придворных, крепко поверивших в Аллаха, сожгли. Мутесу посетил известный путешественник Стэнли, начавший в Уганде проповедь христианства, и кабака стал христианином. Чтобы слово Христово не заглохло в джунглях, Мутеса, перед уходом Стэнли, украл у него проповедника Даллингтона. В 1879 году Мутеса, войдя во вкус реформ, послал в Лондон делегацию, которая предложила королеве Виктории, как вдовой правительнице, выйти замуж за кабаку и занять достойное место в его гареме. Белая королева почему-то отказалась от лестного предложения, а потом кабаке стало не до нее. Мутеса заболел. Врачи-протестанты не помогли, помогли лекари из католической миссии. Кабака стал привечать последних и развлекался тем, что устраивал теологические споры в своем дворе. Но 23 декабря 1879 года снова заявил о возврате к вере предков, так как колдуны вылечили Мутесу от гонореи. Он вернул традицию ношения национальной одежды, когда кабака с головы до ног был закутан в ткани и леопардовые шкуры, а придворные носили платье значительно короче, слугам же предписан был лишь короткий и узкий передник. В то же время они обязаны были заботиться о том, чтобы их бедра не были обнажены, более чем следует. Затем еще два раза кабака становился мусульманином. Аллах его и покарал. Мутеса умер от запущенной гонореи в результате приема лекарства, которое ему дали правоверные занзибарцы. Как заявили впоследствии горе-врачи, кабака умер потому, что не выполнил условий лечения – не есть соли и не сердиться.

Потомок кабаки и сам кабака Мутеса II также закончил свою жизнь неестественным образом. После обретения Угандой независимости он в 1966 году после военного переворота бежит в

Лондон. Английское правительство экс-кабаку не признало, а так как все средства Мутесы остались в Кампале, ему пришлось перебиваться с хлеба на воду. Он нашел себе приют в благотворительном обществе Р. Кар-Гомма, заботившегося о жителях лондонских трущоб. Бывший повелитель занимался теперь сбором пожертвований, уборкой общественных туалетов, составлением песенников для нищих и только изредка получал знаки уважения от угандийских эмигрантов. Здоровье его было в полном порядке, но 21 ноября 1969 года ему подали ужин, и он, отведав его, внезапно умер в возрасте 45 лет. При вскрытии печень, почки и сердце оказались здоровыми, и Скотленд-Ярд закрыл дело. Но среди народа Уганды еще долго ходили слухи, что Мутесу II погубило сильное «джу-джу», насланное на него угандийскими колдунами за пренебрежение верой предков.

КОВАРНАЯ ИМПЕРАТРИЦА

На китайских равнинах отгремели залпы «опиумной войны», которая доказала, что Поднебесная империя уже не является центром мира, а «заморские дьяволы» далеко обогнали статичную консервативную китайскую цивилизацию.

В Запретном городе в своем дворце от огорчений и треволнений умирал император Цинской династии Сяньфэн. Но даже приближение смерти не давало императору успокоения. Он с тревогой думал о том, что будет в императорском дворце после его кончины. Особенно его тревожила прекрасная юная наложница И, которая станет после его смерти вдовствующей императрицей, так как родила Сяньфэню наследника. Она прекрасна, как цветущая лилия, но язык ее раздвоен, как жало у змеи, слова жалят, как хвост скорпиона, а замыслы ее черны, как дела у хорька в курятнике. Без сомнения, она сразу же постарается захватить власть, и тогда законная императрица Нюхулу не сможет ей противостоять. Поэтому умирающий оставил специальный указ, по которому императрице Нюхулу давалось право в случае необходимости контролировать И. Император благополучно скончался и был захоронен в своей персональной гробнице. Нюхулу получила императорское Цы Ань, а И стала зваться Цы Си. Цы Ань родилась в княжеской семье и потому с жизнью не сталкивалась, была неопытной и недалекой. А вот Цы Си знала, хочет от жизни. Она быстро подчинила себе Цы Ань и узнала о существовании указа покойного Сяньфэня. Цы Си заделалась закадычной подругой вдовствующей императрицы и была ею до тех пор, пока Цы Ань под ее давлением и в ее присутствии не сожгла указ императора. Прошло немного времени, и вдовствующая императрица Восточного дворца Цы Ань умерла. Одни говорили, что она съела присланное Цы Си печенье, другие – что выпила бульон, который Цы Си якобы сама приготовила.

Цы Си стала единовластной властительницей сотен миллионов подданных, так как ее сын Цзай Чунь, он же император Тунчжи, во всем доверял своей заботливой матери, боясь чем-нибудь прогневить ее. Но если сын как-то мог избегнуть гнева Цы Си, то невестка была обречена. В результате громкого семейного скандала и император, и его жена в страхе покинули покои Цы Си. Тунчжи заболел и после долгой продолжительной болезни умер, как говорят, то ли от запущенной венерической болезни, то ли от оспы. Цы Си не забыла о невестке, теперь императорской вдове, и за месяц уморила ее голодом.

В императорском дворце страх внезапной смерти витал в воздухе. Он отравлял даже удовольствие от еды, когда на стол императрицы выставлялось 100 блюд, правда, из них ели не больше 20, остальные разбирались прислугой. У всех, кто принимал участие в императорской трапезе, на каждом блюдце или в каждой чашке лежала серебряная пластинка, с помощью которой проверялось, не отравлена ли пища. Для этой же цели перед подачей любого блюда его сначала пробовал евнух. Эта церемония называлась «пробование яств». Но никакой гарантии, что медленно действующий яд не был подсыпан, никто дать не мог. Поэтому все императорские наложницы завели собственные аптеки и личных аптекарей с полным набором противоядий. Последний император Циньской династии Сюаньтун вспоминал, что если его брат «Пу Цзе ел вместе со мной, и на столе лежала еда, приготовленная его женой, я ждал, когда Пу Цзе первым ее попробует, и лишь тогда немного ел сам». А перед тем, как вкушать пищу, во дворце обращались с молитвой к богине Гааньинь. Считалось, что если произнести ее имя, то спасешься от яда и других бед.

Такая ситуация не была чем-то необычным для императорского двора. Яд издавна был одним из факторов, влиявших на длительность правления и восхождения на императорский трон преемников. Китайцы приписывали открытие свойств ядов мифическому императору Шен-Нунгу, жившему 140 лет, примерно между 2838 и 2699 годами до н. э, и ставшим впоследствии богом аптекарей и земледельцев. Он якобы оставил описание 70 растительных ядов и противоядий. В истории Китая случаи раннего ухода из жизни правителей, которые принимали настойки, гарантирующие вечную жизнь, известны во множестве. «Положи две унции растертой серы и две унции растертой селитры на сковороду… зажги три стручка гледичии и брось их так, чтобы вся смесь вспыхнула пламенем. Когда огонь угаснет… добавь дерево и древесный уголь» – так звучал рецепт лекарства для обретения бессмертия, составленный известным китайским фармацевтом Сунь Симло. Пять императоров танской династии (618–907 гг.) умерли в страшных мучениях, принимая лекарства Суня, прежде чем в IX веке догадались использовать лекарство для «бессмертия» как смесь для намазывания зажигательных стрел.

Даосские монахи в китайских легендах часто достигают бессмертия. Это им удавалось с помощью снадобья бессмертия цисинсань (порошок семи звезд). Существует рассказ о том, как даосскому монаху Бо Яню удалось создать эликсир бессмертия и для испытания он взял с собой в горы собаку и трех учеников – одного послушного и двух скептиков. Уйдя подальше от людей, дал Бо Янь попробовать эликсир собаке, и собака сдохла. Тогда сам принял порцию и тоже умер. «Нет, – сказал на это верный ученик, – не может быть, чтобы Бо Янь умер случайно. Не иначе у него были к тому причины». Он тоже попробовал эликсир и тоже умер. Два скептика решили больше с такими опытами не связываться и ушли подобру-поздорову. А Бо Янь ожил и оживил верного ученика на зависть скептикам. Но такой happy end возможен лишь в легендах.

Иногда для поисков компонентов для лекарств, способных дать бессмертие, снаряжались гигантские морские экспедиции, как, например, это сделал император Цинь Шихуан-ди, прославившийся возведением Великой Китайской стены, пожелавший жить вечно. Бессмертия никто из императоров не обрел, а вот лекарства уморили многих. Недаром в китайской мифологии души дурных лекарей попадали в ад, в ведомство второго судилища. Там эти души жили в нечистотах, и их кололи вилами. В девятое судилище китайского ада попадали изготавливающие яд. Их души разрезали на мелкие части или

удавливали веревкой. Кого из аптекарей куда отправлять, решал Яо Вань – врач и алхимик, «князь лекарств» – еще один бог-покровитель аптекарей и врачевателей.

Но все же бессмертия, по мнению философов-даосов, достигнуть было возможно. Согласно учению мэй, дань («внутренняя алхимия»), человек должен в самом себе «выплавить» средство достижения бессмертия – чудесную бусинку, яшмовую драгоценность – бессмертную и чистую, которая и все его тело сделает яшмовым. Ну, естественно, и бессмертным. Но самый лучший рецепт бессмертия, хотя тоже небезопасный, если им злоупотреблять, предложил Жун Чэн, учитель Хуанди. Он предложил достигнуть бессмертия путем половой активности. Ну, а у кого не хватало силы духа пойти этим путем, тот мог подождать, пока не отведает чудесного персика диаметром 1 м, дарующего вечную жизнь, что вырастает раз в три тысячи лет.

Поиски бессмертия восточными владыками продолжаются и в наши дни. Товарищ Мао Цзэдун для продления жизни пил грудное молоко женщины. Сегодня один из самых засекреченных объектов Корейской Народно-Демократической республики – Пхеньянский исследовательский институт по проблемам долголетия. Он был создан в начале 70-х годов XX века с единственной целью – найти пути продления жизни сначала любимого вождя Ким Ир Сена, а затем и его сына, любимого руководителя Ким Чен Ира. Рецепты, предлагаемые исследователями, не менее замысловаты, чем у китайских императоров. Например, извлекают «эликсир вечной молодости» из печени синей акулы и мяса льва.

Но вернемся к Цы Си. Так как больше сыновей у нее не было, она, чтобы удержаться у власти, усыновила племянника и в 1874 году возвела его на престол под именем императора Гуансюя. Весь Китай трепетал перед Цы Си. Она собирала налоги, она ведала казной и армией, она вела переговоры с иностранцами. По ее инициативе были потрачены огромные средства на модернизацию флота, который в 1894 году был полностью уничтожен японцами. Несколько десятков миллионов лянов серебра (лян равен 31,25 г) были пущены на ветер. От флота осталась, как говорили, лишь мраморная лодка в парке Ихэюань. Старея, Цы Си становилась все деспотичнее. Каждый день кто-нибудь из сотен евнухов, обслуживающих ее, подвергался жестокому наказанию. В конце концов и император Гуансюй перестал ей подходить. Слишком много времени он проводил с иностранцами, стал независимым, требовал отчетов о финансах. В 1898 году Цы Си отстранила императора от власти, а в 1899

году объявила его больным, чтобы, пользуясь этими слухами, отравить беднягу и возвести на престол другого племянника – Пу Се. Однако сделать этого ей не удалось, так как группа иностранных дипломатов пригрозила военным вмешательством, если император внезапно умрет.

Тогда, желая отомстить «заморским дьяволам», Цы Си стала поддерживать националистические и традиционалисткие организации ихэтуаней. Это движение, название которого переводится как «Кулак во имя справедливости и согласия», зародилось на полуострове Шаньдунь, где были германские колонии. В 1900 году начались погромы в кварталах иностранцев, а затем разразилось восстание, вошедшее в историю как «восстание боксеров». В Китай, для защиты иностранных граждан и их собственности, были введены войска восьми великих на то время держав. Цы Си тут же поддержала интервенцию – уж слишком разошлись «боксеры», начав громить и цинских чиновников. В августе 1900 года интервенты, по приглашению императорского двора, вошли в Пекин. Восставшие были разгромлены хорошо вооруженными иностранными войсками. Китай выплатил «за помощь» иностранцам миллиард лянов серебра. Цы Си решила ориентироваться на Российскую империю, сдав царю в аренду Ляодунский полуостров, где была развернута морская база, печально известный Порт-Артур.

Но все когда-нибудь кончается. Подошло к концу и правление неистовой Цы Си. В ноябре 1908 года императрица отметила свой день рождения и сразу же после празднеств заболела дизентерией. В ее возрасте это было смертельно. Но даже находясь на смертном одре, она не оставила своих привычек. Как только ее здоровье ухудшилось, скончался и ненавистный ей император Гуансюй. Император был абсолютно здоров. Но ему прислали лекарство для лечения легкой простуды от имени Юань Шикая, новой звезды на небосклоне китайской политики начала XX века, сделавшего себе карьеру на крови восставших ихэтуаней. Вообще, все лекарства, которые выписывал главный дворцовый лекарь, должны были приниматься сановниками Департамента двора, а если болезнь считалась серьезной, то и членами Государственного совета, и только после этого их принимал император. В связи с болезнью императрицы жизнь дворца была расстроена, и процедура нарушена. Император выпил лекарство, и через два часа умер. Многие грешили на Юань Шикая, но более правдоподобна версия, что Цы Си, предчувствуя наступление смертного часа, приложила свою маленькую ручку к смерти Гуансюя и не дала ему пережить себя. Император умер, а через два дня, 21 ноября 1908 года, с чувством глубокого

удовлетворения скончалась Цы Си, правившая 57 лет. А через три года, в 1911 году, Цинская династия была свергнута, и Китай объявлен республикой.

ДРУЖНЫЕ СУПРУГИ

В конце 1911 года вся европейская прогрессивная общественность в лице убежденных марксистов была потрясена трагической смертью четы Лафарг, которые в начале XX века были символом и памятью об ушедшем в небытие вожде и учителе пролетариата Карле Марксе.

Поль Лафарг и без Маркса был значительной политической фигурой. Родился он в 1842 году в городе Сантьяго на Кубе. В зрелом возрасте получил известность как философ, публицист, один «из самых талантливых и глубоких распространителей идей марксизма». Лафарг изучал медицину в Парижском университете.

В Париже он и познакомился с Лаурой Маркс. В 1868 году Поль получил диплом хирурга и женился на ней.

Лаура Лафарг родилась в 1845 году и была второй дочерью Карла Маркса. Она была верной дочерью революционера, стала верной женой революционера. Вместе с мужем работала в пролетарских районах Парижа, вместе с ним пережила ужасы падения Парижской коммуны. В 1872 году Лафаргам пришлось эмигрировать в Лондон. В сыром туманном Альбионе Лаура пережила смерть двух маленьких сыновей.

В 1881 году Поль и Лаура вернулись в Париж. Впереди была революционная работа, распространение марксизма во всем мире, но пыл борьбы уже угас. Лауре было тяжело вдвойне. Она потеряла детей, пережила всех членов родительской семьи. Звание хранительницы литературного наследия Карла Маркса вряд ли могло ее утешить.

А жизнь все тянулась и тянулась, а коммунизм все не

наступал. Лафарги постепенно приходят к мысли, причем, и муж и жена одновременно, что 70 лет – это предельный возраст человеческой жизни, потом человек становится бесполезным членом общества. Позднейшие марксисты из КПСС или КПК вряд ли бы согласились с таким тезисом, но Лафарги были родом из романтического XIX века. 1 декабря 1911 года супруги приняли яд. Газета «Юманите» опубликовала предсмертную записку Поля Лафарга: «Я умираю с радостной уверенностью, что дело, которому я посвятил уже 45 лет, восторжествует. Да здравствует коммунизм, да здравствует международный социализм!»

Хоронили Поля и Лауру 3 декабря. Сошлась вся социалистическая и эмигрантская община Парижа. С речью выступил Ленин, даже он не удержался от слез. На французский язык написанное выступление ему перевела женщина, хорошо его понимавшая, – Инесса Арманд. Через несколько лет эти близкие друг другу люди тоже уйдут из жизни почти одновременно, и конец Лафаргов будет похож на финал жизни Ульянова-Ленина.

ЯД В БЕЛОМ ДОМЕ

На всем протяжении истории США не раз бывали случаи, когда президента насильно отстраняли от его должности. Делалось это с помощью кинжала, револьвера, снайперской винтовки или импичмента. Но 29-го президента убрали с помощью яда.

Уоррен Гамалиель Гардинг был живым воплощением американской мечты, примером того, что «кто был никем, тот станет всем». Родился он в 1865 году в небогатой семье. Трудовой путь начал рабочим на лесопилке. Затем последовательно сменил профессии типографского рабочего, страхового агента и учителя. Набравшись знаний и уверенности в себе, Гардинг в 1884 году становится владельцем небольшой газеты в штате Огайо и начинает заниматься политикой.

Некоторая эрудиция, отточенная речь страхового агента и педагогические приемы учителя позволяют ему в 1915 году пройти в сенат от республиканской партии. Пост президента в то время занимал известный всему миру миротворец – Вудро Вильсон. Но его карьера шла к закату. Слишком много внимания уделял он внешней политике, слишком большим был чистоплюем и моралистом. Стране нужен был новый лидер – свой в доску парень, который бы вместе с простыми американцами мог бы радоваться миру и жизни, а не запрещать выпивку.

И таким «своим парнем» стал Гардинг. Выборы 1920 года были первыми, в которых приняли участие женщины. Это тоже сыграло свою роль – новый президент был довольно привлекательным и любил женское общество. 16 миллионов американцев отдали за него свои голоса. Немало контрабандного виски выпили за нового главу Белого дома избиратели.

Итак, правление «своего парня» началось. Принципы нового курса администрации изложил в начале 1921 года сенатор Г. Лодж: «Чем меньше правительство Соединенных Штатов будет вмешиваться в дела бизнеса, тем лучше». Окружение Гардинга, как и он сам, было полностью с этим согласно.

Гардинг был своим парнем для многих. Не было ни одного правительственного учреждения, куда бы президент не посадил своего приятеля, знакомого или случайного собутыльника. Невмешательство в дела бизнеса вовсе не означало отстранение от дел, где пахло деньгами. Коррупция поразила весь бюрократический аппарат американского правительства снизу доверху.

За время правления Гардинга три министра были вынуждены

уйти в отставку, двое предстали перед судом, одного посадили в тюрьму. Взятки крутились бешеные, аферы – невиданные. Такого разгула продажности Америка не знала ни до ни после. Как пример можно привести аферу с землями госрезерва.

В конце 1921 года крупные нефтепромышленники До-гени и Синклер, подкупив министра внутренних дел А. Фолла, незаконно заполучили в аренду обширные нефтеносные районы в штатах Вайоминг и Калифорния, не подлежащие передаче в частные руки. Заплатив тысячи долларов, магнаты выкачали миллионы. За Фоллом взяточничеством прославились генпрокурор Г. Догерти и глава федерального бюро помощи ветеранам Ч. Форбс.

Ну и президент не отставал. Тяжелое детство требовало компенсации. В скором времени оргии в Белом доме стали любимой темой журналистов. Девочки, которых поставляла жирующая на «сухом законе» мафия, ванны с шампанским, кокаин и другие атрибуты «сладкой жизни» стали постоянными в резиденции президента. Именно при бесшабашной экономической политике Гардинга было положено начало Великой депрессии.

Престиж власти падал стремительно. Анекдоты про неутомимого в постели президента, слухи об астрономических взятках гуляли по стране. Гардинг, уничтожив контроль над большим бизнесом, сделал свое дело и должен был уйти. Но убрать его законным путем оказалось невозможно. Начав процедуру импичмента, слишком много грязи можно было вытащить наружу. Поэтому во время одной из оргий президента угостили ядом.

Неожиданная смерть в августе 1923 года вполне здорового Гардинга ошеломила общественность США. Никто не поверил в ее естественные причины. Но вице-президент Кулидж 8 августа быстренько с почестями похоронил своего шефа и, постаравшись замять дело, принял на себя бразды правления. Чтобы удовлетворить толпу, было раскрыто несколько небольших афер, некоторые чиновники очутились за решеткой. Правление 29-го президента навсегда осталось черным пятном на Белом доме.

Существует версия, что жертвой отравления стал и 36-й Президент США, Линдон Б. Джонсон, уже находившийся в отставке.

НЕЗАДАЧЛИВАЯ ОТРАВИТЕЛЬНИЦА

Масуми Хаяси исполнилось сорок лет, а богатства она не нажила. Это ее сильно огорчало. Но, работая в отделении крупной страховой компании, Масуми не могла рассчитывать на солидное вознаграждение. А вокруг шумит XXI век и манит своими соблазнами. И Масуми не выдержала.

Она начала завышать суммы страховки при заключении договоров, но ждать результата аферы Масуми было невмочь. Она решила ускорить процесс собственного обогащения. Летом 2002 года во время общегородского праздника, готовя для горожан острый соус карри, она подсыпала в него мышьяк. В результате 70 человек отравились, четверо из них умерло. Теперь оставалось только ждать, когда потерпевшие обратятся за компенсацией, и подсчитывать денежки.

А тема отравлений не сходила со страниц японских газет. У Масуми появились последователи. Власти обещали найти преступника, полиция – приложить все силы. Но искать долго не пришлось, незадачливая отравительница сразу же попала под подозрение. Все семьи, которые были на празднике, более или менее пострадали. Все, кроме семьи Хаяси. Этого было достаточно. А когда один из торговцев опознал в Хаяси странную женщину, которая купила у него мышьяк, то все стало ясно. Мотив преступления – деньги, следователи вычислили это сразу же.

Как одной из самых жестоких, хотя и не самых умных преступниц, суд вынес Масуми Хаяси смертный приговор. Ее ожидает смерть через повешение. Пример отравительницы из Японии показывает, что в наши дни нет уже былого блеска в преступлениях, когда на кону стояла корона или страстная любовь. Банальный яд, банальная женщина, банальная причина и банальный финал. О времена, о нравы!

ЯД И ГЕНИЙ

«Разве не мог бы я без особых хлопот так замесить этот бальзам, что рука у вас прогнила бы до плечевого сустава и жизнетворная кровь в ваших венах свернулась в испорченный студень? Или что помешало бы мне прибегнуть к более тонкому способу и заразить вашу комнату летучими эссенциями, от которых свет жизни меркнул бы постепенно, пока не угас, как факел среди гнилостных испарений в иных подземных темницах?»

В. Скотт. «Пертская красавица»

ПРОРОК И МСТИТЕЛЬНИЦА

Не одно десятилетие продолжается противостояние мусульманского мира и израильтян на Ближнем Востоке. В этой борьбе используется весь возможный арсенал оружия тайной войны, в том числе и яды. Использование ядов в борьбе израильтян с воинственными арабами уходит в далекое прошлое, в легендарные времена пророка Мухаммеда. Родившийся в 570 году, «год слона», Мухаммед, или Магомет, начал свою проповедь на 40-м году жизни – в 610 году. Воодушевленные святым словом Корана, воины пророка под зеленым знаменем один за другим покоряли города и племена Аравии. А в то время среди аравийских племенных образований было достаточное количество и еврейских общин. Еврейские племена и города, в основном, сохраняли нейтралитет в племенных и религиозных сварах арабов, иногда только поддерживая ту или иную сторону. Но когда власть Мухаммеда окрепла, он решил подчинить себе и не признающих Аллаха евреев.

Понимая надвигающуюся опасность со стороны воинственного пророка, евреи обращались к магии и колдовству для уничтожения своих врагов. Один еврей-некромант с дочерьми сделали из воска маленькое изображение Мухаммеда и проткнули его семью иголками, обвили затем тетивой с семью узлами и бросили в колодец. Однако попытка извести избранника Аллаха не удалась. Сам архангел Гавриил указал пророку место, где лежит колдовская фигурка, от которой ухудшается его здоровье.

Вторая попытка иудеев оказалась гораздо удачнее. На

расстоянии пяти дней пешего хода от Медины был город Хаибар, в котором жили евреи и куда собрались все изгнанные Магометом из других мест иудеи. Пророк решил покончить с этим гнездом оппозиционеров-неверных. Во главе 1200 пехотинцев и 200 всадников он прибыл под стены Хаибара. Помолившись на утесе Аллаху, Магомет начал осаду. Первые два штурма были отбиты героически защищавшимися евреями. И только во время третьего штурма соратник пророка Али сумел водрузить на стенах города зеленое знамя пророка. Падение Хаибара произошло в 628 году.

Победители стали лагерем вблизи места битвы. К шатру Мухаммеда пришла еврейка по имени Зейнаб и изъявила покорное желание перейти в истинную веру пророка. Вождь арабов благосклонно принял в дар от неофитки барашка, высоко оценив желание Зейнаб перейти в ислам. Взяв в руки лопатку ягненка и отправив в рот первый кусок, пророк почувствовал что-то необычное, выплюнул его, но в тот же миг ощутил в животе острую боль. Впоследствии Мухаммед говорил своим последователям: «Лопатка сказала мне, что она отравлена». А вот один из его последователей, по имени Башар, или иначе Бишра ибн аль-Бар, ничего не услышал, съев большой кусок баранины, упал и умер в судорогах. Впоследствии его причислили к тем, кто принял мученическую смерть за веру.

Все в лагере Магомета переполошились и запаниковали. Зейнаб, которая приготовила еду, была племянницей Мархаба, могучего воина, убитого на стене города Али. Она смело созналась в содеянном, называя свой поступок законной местью за то зло, которое Мухаммед причинил ее племени и семейству: «Я думала, если ты действительно пророк, то откроешь угрожающую тебе опасность, если же только глава племени, то ты погибнешь, а мы освободимся от страха». Как поступил пророк с отравительницей, точно неизвестно. Есть две версии – или отдал на месть родственникам Башара, или отпустил за красоту.

И хотя пророк остался в живых, но яд был настолько силен, что Мухаммед до конца своих дней так и не оправился.

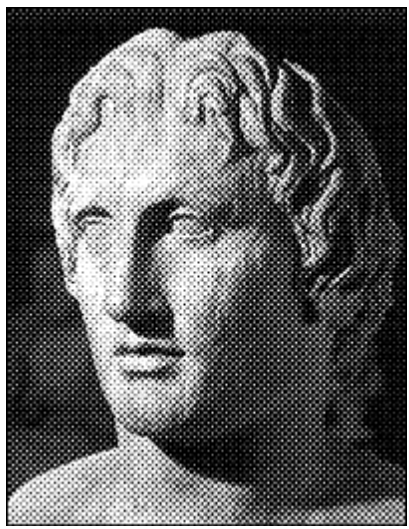
Перед смертью за Мухаммедом ухаживала лишь любимая жена Айша, от пророка удалили всех, даже жен. Ближайшие соратники в это время делили власть и наследство Мухаммеда. Среди правоверных начались волнения. 8 июня Мухаммед показался в дверях своего шатра, благословляя идущих на утреннюю молитву, а через несколько часов в тот же день пророк скончался. В 632 году 8 июня в возрасте 63 лет Мухаммед умер от отдаленных последствий отравления. Рядом с местом, где он умер, соорудили мечеть.

Соратники и последователи пророка не смогли без него

договориться и перессорились между собой. Прямой наследник Мухаммеда имам Али был убит, а его старший сын, второй шиитский имам, – отравлен. На защиту прав семьи пророка выступил младший сын Али, третий шиитский имам Хуссейн, и тоже был зверски убит. Убийства, а среди них и отравления, в среде наследников пророка продолжались и далее на протяжении веков.

БЛИСТАТЕЛЬНЫЙ АЛЕКСАНДР

Как говорили некоторые древнегреческие историки, ядом для отравления блистательного завоевателя Александра Македонского снабдил его приближенных наставник полководца, Аристотель. Одной из причин, которые могли побудить философа к убийству своего ученика, была расправа Александра с родственником Аристотеля, официальным летописцем похода в Азию, Каллисфеном, который приходился философу внучатым племянником. Каллисфен был привлечен по делу «пажей», молодых македонцев из окружения царя, которым не нравился его переход от македонской простоты к азиатскому деспотизму. Тем более, что как и некий царь-реформатор более позднего времени, Александр начал свои реформы с приказа македонцам сбрить бороды. Эти и другие примеры «азиачивания» привели к заговору. Соратники царя организовали заговор среди македонцев и пытались убить Александра. Их идейный вдохновитель Каллисфен оказался в тюрьме, где и умер, приняв яд, переданный Лисимахом.



И хотя после того, как промучавшись 10 дней в лихорадочном бреду, великий полководец умер, никто и не помышлял об отравлении, так как на теле Александра не было следов разложения, несмотря на жару, а это считалось верным признаком отсутствия яда, однако через пять лет правда всплыла.

Мать Александра, Олимпиада, провела расследование смерти сына и многих из окружения царя казнила. Подозрение Олимпиады пало на виночерпиев, так как говорили, что, желая избавиться от лихорадки, Александр выпил «чашу Геракла»

(большая чаша с вином) и, как писал Диодор, «словно пораженный сильным громом, громко вскрикнул и застонал». После этого ему стало совсем плохо, и друзья вынесли Александра из зала на руках. Олимпиада приказала выкинуть из могилы останки Иола, подававшего вино на последней трапезе царя. Олимпиада не могла избавиться от подозрений, так как сама хорошо знала, что такое яды. Арридей, сын царя Филиппа от одной из наложниц, сошел с ума от яда, который ему подсыпала Олимпиада, расчищая своему сыну путь к трону.

По мнению американских исследователей, Александру давали яд растительного происхождения, причем в несколько приемов, чтобы поддержать уровень отравляющих веществ в организме. Следует сказать, что угроза отравления все время висела над полководцем. Когда его войско следовало по Киликии, Александр выкупался в реке Кидн и подхватил сильнейшую лихорадку. Ему было некогда болеть, и царь потребовал сильных лекарств, которые подняли бы его на ноги. Врачи не брались за такое лечение, боясь в случае смерти царя обвинения в отравлении. Согласился лишь один акариянин Филипп. Он с детства следил за здоровьем Александра и хорошо знал организм царя. На него тут же нашли компромат, показав Александру письмо от давнего сподвижника полководца Пармениона, в котором тот утверждал, что Дарий обещал Филиппу большие деньги за отравление своего врага, а также сделать врача мужем своей дочери. Однако полководец принял лекарство из рук Филиппа и показал ему донос только после выздоровления. Во время процедуры излечения Александр находился на краю гибели, и из глубокой комы Филиппу удалось вывести царя только с помощью сильных запахов – еды и вина.

Угроза отравления со стороны Дария, впрочем, была совершенно реальна. Персидский царь выделил для убийства Александра огромную сумму в 1000 талантов золотом. Но на деньги никто не польстился. По древнегреческим источникам, в качестве яда, который все же попал Александру в организм, послужила холодная как лед вода, что каплями стекает с какой-то скалы возле Нонакриды в Аркадии. Ее собирают и сберегают в ослином копыте. Ни в чем другом сберечь воду нельзя, потому что она своим ледяным холодом и едкостью уничтожает любую посуду.

Таких источников, из которых можно было набрать яд, в античной Греции и Риме было немало. Витрувий в своей работе «Об архитектуре» упоминает источники в Тер-рацине и Фессалии: ни скот, ни дикие звери к ним не приближались, а люди, неосторожно испившие из них, умирали, так что еще в более

ранние времена Нептунов источник в Террацине пришлось засыпать. «В Македонии, в том месте, где похоронен Эврипид, по правую и по левую руку его надгробного памятника стекаются воедино два ручья; у одного из них любят закусывать и отдыхать путники ради прекрасного качества воды, к ручью же по другую сторону памятника не подходит никто, потому что, говорят, вода его смертоносна». И в самой Италии, «на Корнетовом поле у Кампанской дороги есть роща с родником, у которого видны валяющиеся кости птиц, ящериц и других пресмыкающихся». Следует заметить, что людям античного времени было из чего выбирать. Вода была не только ядовитой или неядовитой, а на любой вкус. В Пафлагонии был источник, вода которого и без вина пьянила. От воды на острове Кишнин люди теряли разум. В Аркадии от воды, вытекающей из пещеры, пьяницы трезвели, а от воды в Тарсе и Магнесии люди обретали прекрасные вокальные данные. Зато родник в столице Персии мгновенно лишал людей зубов. Так говорили, а как было на самом деле…

Но, вероятнее всего, как это обычно и бывает, Олимпиада во время своего расследования казнила не тех. По утверждениям античных историков, главным виновником и погубителем Александра был Антипатр, наместник Македонии, а помогал ему в этом деле его сын Кассандр. Сын Александра Македонского, тоже Александр, но IV, был провозглашен царем Македонии, а опекуном его стал Антипатр. Когда же сподвижник великого царя Антипатр в 319 году до н. э. умер, то его сын Кассандр разошелся вовсю. Он вытеснил из Македонии Полиперхонта, ставшего правителем после смерти отца, и решил сам стать царем. Он захватил в плен и взял под стражу юного царя вместе с матерью, а затем начал постепенную расправу с родственниками Александра Македонского. Первой он уничтожил в 316 году до н. э. грозную Олимпиаду, имевшую авторитет среди царей-диадохов, сподвижников Александра, а спустя некоторое время, в 310 году до н. э., погубил вдову Александра и его сына-подростка. Избавившись от возможных соперников, Кассандр в 306 году до н. э. стал македонским царем.

Через 8 лет после основания города, в Александрию Египетскую въехала двухосная колесница с золотыми ободами и спицами. Спицы были украшены львиными головами из массивного золота, держащими в пасти копье. Тащили колесницу мулы с золотыми коронами на головах, с золотыми колокольцами и ожерельями на шее. На колеснице стояло отлитое из золота сооружение, напоминающее паланкин, золотой трон, украшенный живыми цветами, гирлянды меняли каждый день. А внутри паланкина стоял золотой гроб, где, окруженное благовониями,

покоилось тело Александра. Распоряжался траурной церемонией Птолемей, сын Лога, сумевший переиграть остальных диадохов в споре о судьбе останков великого завоевателя. Семь дней с Александром III Македонским прощались, а потом забальзамировали. Тело хотели перевезти в Македонию, но в Сирии его перехватили отряды Птолемея I, чтобы захоронить царя в Мемфисе.

Может быть, это тело и принесло удачу в дом новоиспеченного фараона Египта. Династия Птолемеев царствовала три с половиной столетия, к тому времени все остальные династии, основанные военачальниками Александра, исчезли с лица земли.

ОБВИНЕНИЯ И СМЕРТЬ РИЧАРДА

Не избежал обвинений в употреблении ядов против своих врагов и «король-рыцарь» Ричард Львиное Сердце. Впервые обвинения против короля прозвучали в 1191 году под стенами Аккры. Французский король Филипп Август был сильно обижен на своего компаньона по завоеванию Гроба Господня. Удачливый и щедро плативший золотом блестящий воин и полководец, неутомимый и бесстрашный авантюрист, английский король полностью отодвинул в тень своего формального сюзерена. Не только множество средних и малых воинов, но и более знатные люди, например, обслуга боевых машин Филиппа и даже ближайшие его вассалы, такие как Анри, граф Шампанский (племянник как Филиппа, так и Ричарда), бросали Филиппа и переходили на службу к Ричарду. Буквально за пять дней английский король сломил дух защитников Аккры и поставил их на грань капитуляции перед крестоносцами.

Филипп Август, завидуя и тихо злобствуя, искал повод для очернения своего блестящего врага, который и не догадывался, что он «враг» французскому королю. Филипп вел за спиной союзника переговоры с Саладином, одновременно обвиняя в предательстве своего вассала Ричарда, также связанного с сарацинами. «Французская» партия открыто заговорила о коварстве Ричарда, когда Филипп слег от одной из многочисленных инфекционных болезней, поразивших лагерь крестоносцев. По лагерю пошли слухи об отравлении французского короля «врагами». Они распространялись очень осторожно, ведь оба короля официально оставались союзниками, и заглохли после выздоровления Филиппа, в связи с чем атмосфера в лагере крестоносцев немного разрядилась.

Обвинение в отравлении Филиппа всплыло вновь в 1193 году, когда Ричард скрепя сердце заключил на три года перемирие с Саладином, воинственным султаном, и бросился спасать свои европейские владения. Французский король в это время, захватив часть владений английской короны на континенте и продолжая вторгаться во владения Ричарда, объезжал европейские дворы и возводил на «короля-рыцаря» всяческую напраслину. Он обвинял Ричарда в засылке убийц к герцогу Монферратскому и отравлении самого Филиппа, «отчего он оплешивел». Этот «черный пиар» дал свои плоды, австрийский герцог Леопольд захватил Ричарда, пробиравшегося на родину. Естественно, что за этим пленением стояли интересы европейской политики, а не мифическое отравление, но и это обвинение пригодилось для

формального пленения.

Однако дальнейшее развитие событий привело к освобождению английского короля при посредничестве Папы Римского. Вырвавшись на волю, Ричард коршуном набросился на своих обидчиков, проведя последние годы своей жизни в беспрестанных походах, возвращая отобранные у него земли. Во время одного из таких походов в 1199 году на лиможского виконта Адемара V, который захватил часть казны, принадлежавшей английской короне, «король-рыцарь» и нашел свою смерть. И именно от яда.

«Пришел король Англии с многочисленным войском и осадил замок Шалю, в котором, так он думал, было скрыто сокровище… Когда он вместе с Меркадье обходил стены, отыскивая, откуда удобнее произвести нападение, простой арбалетчик по имени Бертран де Гудрун пустил из замка стрелу и, пронзив королю руку, ранил его. Король, не медля ни минуты, вскочил на коня и, поскакав в свое жилище, велел Меркадье и всему войску атаковать замок, пока им не овладеют…»

Замок взяли, но смерть уже стояла у изголовья ложа Ричарда. Стрела была отравлена.

«А когда замок был взят, велел король повесить всех защитников, кроме того, кто его ранил. Ему, очевидно, он готовил позорнейшую смерть, если бы выздоровел. Ричард вверил себя рукам врача, служившего у Меркадье, но при первой попытке извлечь железо тот вытащил только деревянную стрелу, а острие осталось в теле; оно вышло только при случайном ударе по руке короля».

Не надеясь на выздоровление, Ричард приказал составить завещание. Дал распоряжение, «чтобы его мозг, кровь и внутренности были похоронены в Шарру, сердце – в Руане, тело

же – в Фонтенбло, у ног отца…»

Перед смертью король решил проявить великодушие. «Он велел привести к себе Бертрана, который его ранил, и сказал ему: «Какое зло сделал я тебе, что ты меня убил?» Тот ответил: «Ты умертвил своей рукой моего отца и двух братьев, а теперь хотел убить меня. Мсти мне, как хочешь. Я охотно перенесу все мучения, какие только ты придумаешь, раз умираешь ты, принесший миру столько зла». Тогда король велел отпустить его, говоря: «Смерть мою тебе прощаю…» И, развязав оковы, пустил его, и король велел дать ему сто солидов английской монеты… Но Меркадье без его ведома снова схватил Бертрана, задержал и по смерти Ричарда повесил, содрав с него кожу…» Так, под вечер 6 апреля 1199 года на 42-м году жизни умер от яда король, который не был отравителем, но которого в этом обвиняли, а его отравитель, милостиво отпущенный им, не ушел от расплаты.

КОНЧИНА ГЕТМАНА

23 августа (по ст. стилю) 1657 года хутор Субботов был заполнен народом. Плач и рыдания заглушали церковное пение. «То не ветры осенние бушевали в дубраве, – говорится в думе того времени – то плакали и вопили казаки, погребая батька своего старого Хмельницкого». А смерти Богдана предшествовала долгая болезнь, которая мучила гетмана с весны. И эту болезнь окружавшие гетмана люди упорно связывали с отравлением. Существует легендарная версия отравления Хмельницкого. Мол, приехал какой-то польский шляхтич хорошей фамилии под видом, будто ищет руки дочери Богдана. Прожив у него несколько времени, получил согласие гетмана, потом снова собрался в путь под предлогом приготовления к браку и обещал скоро быть в Чигирине. Выезжая из дому, на прощальном обеде жених предложил будущему тестю выпить вместе с ним за здравие невесты привезенной с собой водки, которой хвалился как редкостью. Отперши свой погребец, он воспользовался временем, когда Хмельницкий отвернулся, и налил его чарку водки не из той склянки, из которой наливал для себя. В водку положен был медленно убивающий яд. Нареченный жених уехал и не являлся более в Украине. Говорят, что он был научен на такое злодейство польской шляхтой, желавшей избавиться от сильного врага любыми способами. С тех пор Хмельницкий начал сохнуть, хиреть и день ото дня приближаться к гробу.

Но эта версия не выдерживает критики. Уже тот факт, что две дочери Хмельницкого, Катерина и Елена, в 1657 году были замужем, развеивает миф о шляхтиче. Хотя в своих спорах

польские шляхтичи отнюдь не гнушались пользоваться отравой. В 1574 году при короле Стефане Батории во время родовой стычки Христоф Зборовский прямо указывал на канцлера Яна Замойского, обвиняя в том, что тот хотел отравить его; но человек, на которого Зборовский указывал как на подосланного Замойским отравителя, высвободившись из-под власти Зборовского, объявил, что последний обещаниями, угрозами и пытками заставил его признать себя виновным и указать на Замойского. Шляхтичи отложили в сторону яды и схватились за сабли, защищая свой гонор.

Украинский историк Н. Костомаров и ряд других исследователей связывают версию отравления с политикой Московского государства.

Отход Хмельницкого от царя был вызван нежеланием Москвы соблюдать Переяславское соглашение о союзе двух народов. Сепаратные переговоры Варшавы и Москвы, к которым украинские эмиссары не были допущены, ставили под угрозу существование независимой Украины. Отсутствие военной поддержки со стороны московского союзника уже привело казацкое войско практически на грань полного уничтожения. Желание московской церкви подчинить Киевскую митрополию вызывало постоянный поток жалоб гетману от православного духовенства Украины. Гетман предвидел далеко вперед, и опасения его впоследствии оправдались. Андрусовское перемирие 1667 года между московитами и поляками привело к ополячиванию Украины, а часть ее превратило в полуколониальную провинцию Московии. Гетман пытался восстановить отношения со старыми союзниками в Семиградщине, Швеции. Именно по этой причине царь Алексей Михайлович 19 апреля 1657 года отправил к Богдану с выговором окольничего Федора Бутурлина и дьяка Василия Михайловича. После бурных разговоров с московским посольством гетман слег окончательно, и более улучшения в его здоровье не было до самой смерти. Несговорчивый гетман стал помехой в проведении московской политики на украинских землях.

После погребения тела в Субботове власть над Гетманатом перешла в руки слабовольного сына Богдана – Юрия Хмельницкого, который, уступая нажиму Москвы, переписал статьи Переясловского договора в нужном царю русле. А останки гетмана после того, как Правобережную Украину Москва снова отдала полякам, были выкинуты Чаплицким из могилы и развеяны по ветру.

Существует версия, что еще один украинский гетман умер от яда – Иван Мазепа. В некоторых источниках говорится, что, не

выдержав тяжести поражения, он покончил с собой в Бендерах. Но это всего лишь версия. 2 октября 1709 года престарелый гетман умер от физического и психического истощения в возрасте 70 лет.

ОТДАЙТЕ ВСЕ…

«Отдайте все…» именно эти слова, по воспоминаниям тех, кто стоял у ложа умирающего императора, сказал Петр I. А отдавать было что. Из средневековой посконной Московии Петр Алексеевич железной рукой выковал Российскую империю. Вместо звонкоголосого благовеста загремели пушки, вместо лампадок задымили табачищем трубки, вместо зеленых рощ появились черные литейные заводы. Многое сумел изменить царь-реформатор за свое правление. Многим переломал хребет, загоняя своей тростью в западную цивилизацию восточное пыльное захолустье. И теперь, после победы над шведами, постройки Санкт-Петербурга, создания флота российского, привнесения образования в страну свою, мог отдохнуть и насладиться плодами трудов своих неустанных.

Да, многое изменил государь-император, многое, но не суть человеческую, которая под камзолом аглицким да буклями парижскими оставалось все той же хитрой, завистливой и подлой азиатской натурой. Только на смертном одре Петр понял это, но было поздно.

Последние дни перед смертью император чувствовал себя прекрасно. Он встречался с командором Берингом и развивал дальнейшие прожекты экспедиций в Америку. Встречался с учеными и рассматривал планы новых учебных заведений. Ездил в Кунсткамеру смотреть новые природные кунштюки, доставленные в коллекцию. В Сенате был объявлен Указ о намечающейся поездке Петра в Ригу.

И вдруг как обухом по голове – император занемог, лежит в

постели. 16 января 1724 года ему становится вдруг совсем худо. Собирается консилиум – доктор Блументрост, итальянский профессор Ацциарати, из Москвы примчался лекарь Бидлоо. Прописанные врачами лекарства помогают, Петру становится легче. Доктор Ацциарати дает понять посланнику Кампредону, что царь практически здоров. 22 января прошла лихорадка. Врачам приходилось осторожно подходить к лечению больного, так как законы России были суровы по отношению к неудачливым лекарям. В 1700 году бояре слушали дело Алексея Каменского, человека боярина Петра Салтыкова. Его обвиняли в том, что он лечил боярина и от лекарств боярин помер скорой смертью. Каменский оправдывался тем, что лекарства давал для сна, а не для отравы, а слуга боярина вместо того чтоб дать чуть-чуть, вылил все за один раз. Решая, что делать с загубившим больного лекарем, бояре вспомнили прецедент. В 1686 году лекаря Туленщикова сослали в Курск за то, что он лекарю Харитонову вместо раковых глаз отвесил по пьянке золотник сулемы. Харитонов же, естественно, своего больного уморил. Был дан тогда царский указ лекарям: кто нарочно или ненарочно кого уморит, того казнить смертью. Но в петровское время людишек не хватало, и к Каменскому решили указ не применять, а сослать в Азов на галеры. А чтоб не было больше недоразумений, в 1700 году аптеки были переданы в ведение Посольского приказа. Травы и зелья запретили продавать с рук и знахарям.

Однако вместе с врачами уже несколько дней в царском дворце находился опальный светлейший князь Меншиков, изгнанный месяц тому с глаз долой Петром, но проникший в его покои и вышедший оттуда только после смерти императора. Именно с его приходом начинаются странные вещи. Несмотря на улучшение, императора причащают, а затем Петра прооперировали, извлекши, как говорят, 2 фунта урины. По мнению членов консилиума, операция была не нужна. Но ухудшения не было, и 26 января Петр собирается «в уме и доброй памяти писать новое завещание». А перед этим решил подкрепиться гречневой кашей с салом и отварной осетринкой. Не успели унести остатки еды, как начался припадок, конвульсии, потом на 2,5 часа император потерял сознание, а когда очнулся – разговаривать уже не мог. Состояние его здоровья стало катастрофически ухудшаться. Началось заражение крови. По чьему-то приказу дворец окружили гвардейцы. У постели, не отходя ни на миг, дежурил генерал-прокурор, адъютант царя, Петр Иванович Ягужинский, а за портьерой нервничал Меншиков. Нервничал, потому что Ягужинский ненавидел Меншикова и в последние часы жизни царя не допускал светлейшего к

умирающему.

Одновременно против Меншикова и Екатерины шла контригра определенной части придворных. Они намеревались, воспользовавшись смертью «чертушки», убрать петровских любимцев, Екатерину и царских дочек арестовать, а затем, по московскому обычаю, отправить их в монастырь. Потом реформы Петра остановить и ввести старые благолепные порядки. Гвардию нейтрализовать с помощью армии Михаила Голицына, дислоцированной в Украине. Так что у светлейшего была причина нервничать и спешить. И наконец-то 26 января Петр Алексеевич Романов промолвил свои исторические слова и умер в неполных 53 года. В последние дни своей жизни царь попытался милостью загладить свои грехи. 26 января отпустили из заключения всех каторжан, кроме убийц, а 27 января помиловали всех приговоренных к смертной казни, кроме разбойников. Помогло ли это царю предстать перед судом Всевышнего, трудно сказать. 40 дней, по обычаю царского двора, его тело было выставлено для всеобщего обозрения на парадном императорском ложе. 8 марта, после церковного отпевания и прощания, тело царя упокоилось в Петропавловском соборе.

В своих донесениях иностранные посланники приводили следующие причины внезапной смерти. Кампредон – лечили из рук вон плохо, а болезнь и смерть есть следствие необузданных юношеских увлечений; саксонский посланнник Ле Форт – камень повредил мочевой пузырь; посол Горн – наличие в мочевом пузыре едкой материи; также саксонец, Мардефельд – из-за страданий душевных. Мемуарист Вильбуа, бывший при дворе, писал, что царь «умер от задержания мочи, вызванного воспалением язвы, которая с давних пор была у него на шейке мочевого пузыря».

На Западе в «самиздате» XVIII века появился документ с описанием кончины царя, в котором было сказано, что смерть наступила «от дурной почечной болезни». Отправляясь в Ригу, Петр собирался заодно полечить водами желудок, функции которого летом нарушались. Но больше он ни на что не жаловался. Специалист по токсикологии в 50-х годах XX века рассмотрел ход и симптомы болезни императора и решительно отверг все предположения о причинах болезни – аналогичные симптомы могли появиться у Петра лишь в том случае, если бы ему регулярно давали в небольших дозах сулему.

Qui prodest? Кому выгодно? – спрашивали древние римляне, которые знали толк в причинах смерти своих императоров. 14 ноября 1724 года по указу Петра был казнен правитель вотчинной канцелярии императрицы Екатерины камергер Вилим Монс де ла

Круа. Казнен по обвинению в коррупции, так как добровольно выдвинул против себя доказательства во взяточничестве, не желая впутывать императрицу в рассмотрение дела о прелюбодеянии в царской спальне. Через 10 или 12 дней после казни по приказу царя Екатерине показали тело ее любовника и его голову, насаженную на кол посреди площади. Петр заставил ее пересечь эту площадь по диагонали, чтобы перед ней предстало все это ужасное зрелище. По приказу императора отсеченная голова была помещена в банку со спиртом и поставлена в личные покои его жены Екатерины. Страшные скандалы устраивал в покоях своей супруги император: «Он имел вид такой ужасный, такой угрожающий… Он был бледен как смерть. Блуждающие глаза его сверкали. Его лицо и все тело, казалось, было в конвульсиях. Он раз двадцать вынул и спрятал свой охотничий нож, который обычно носил у пояса… И все это время он лишь тяжело дышал, стучал ногами и кулаками, бросая на пол свою шляпу и все, что попадалось под руку». Такие скандалы случались в последний месяц перед смертью Петра очень часто. Император хотел учинить над неверной женой суд в Сенате, чтобы устроить ей публичную казнь. Екатерину от страшного царского гнева защитили граф Толстой и граф Остерман. По делу Монса пострадали и приближенные к царственной чете. За содействие прелюбодеям был бит батогами и сослан на три года на каторгу любимый шут императора – Балакирев.

Почти одновременно был отстранен от президентства в военной коллегии и удален от двора Александр Меншиков. Петр давно подозревал, а вернее, знал о его мошеннических операциях с казенными деньгами и имуществом. Еще в 1711 году он обвинял Меншикова в хищениях, но ум и полезность Александра Даниловича перевешивали его злодеяния. Но всему приходит конец, и когда фаворит зарвался окончательно, император решил – все! По счетам светлейшего князя была назначена ревизия Сената. Его также лишили президентства в Военной коллегии, благодаря чему махинации Меншикова с поставками для армии были вскрыты.

Именно эти двое близких к императору, но попавших в опалу и имевших жалкое будущее, находились в последние дни возле Петра. Не попадаясь ему на глаза, они контролировали всю ситуацию с лечением и уходом за больным Петром. И от смерти императора выиграли больше всего они.

Меншиков огласил о восшествии на трон матушки-императрицы Екатерины, 7 мая 1724 года ее короновали, одновременно создав Верховный тайный совет, чем изолировали ее от реальной власти. А ровно через два года императрица

внезапно занемогла. Скончалась Екатерина от непонятной слабости, которая длилась два месяца и причин которой лекари не знали и не искали. Свидетельством необычности заболевания могут послужить воспоминания современника, в которых говорится, что «императрица не могла выпить весь ликер, предложенный ей князем Меншиковым, и отдала остатки одной из своих фрейлин по имени Коли, иначе мадам Гаррю. Она выпила остаток, который ей показался очень скверным, и через несколько дней почувствовала себя плохо. Ее муж-итальянец подозревал, что она, вероятно, была отравлена, и поэтому давал ей в течение нескольких дней противоядие, благодаря которому ему удалось ее вылечить. Но это было не так просто, так как она еще очень долго страдала». Императрице же никто противоядия не давал, 5 мая 1727 года началась агония, и 6 мая Екатерина скоропостижно скончалась. А светлейший князь стал соправителем великой Российской империи, узаконив свою власть с помощью завещания покойницы. Хотя фельдмаршал Сапега божился, что никакого завещания и в помине не было и он все время болезни матушки провел у ее ложа.

Став соправителем, Меншиков сначала выступал против преемника Екатерины, юного Петра II, но затем ему пришла в голову мысль выдать замуж за юного царя свою дочь Марию и утвердить на престоле династию Меншиковых, если, естественно, родился бы сын. Светлейший уже однажды пытался провернуть подобную комбинацию, сватая свою сестру за Петра Алексеевича, но с царем у него ничего не получилось, а тут вроде дело было улажено. Так вовремя случившаяся смерть «мин херца» позволила светлейшему, которого Петр называл «дитятею своего сердца», ускользнуть от правосудия и подняться на вершину власти.

Долго на ней он, к его глубокому сожалению, не удержался. Слишком уж крученый был Петр II, внук Петра и сын убиенного царевича Алексея. Долго терпеть опеку Меншикова не смог и отправил его в ссылку, в далекую Тобольскую губернию. А заодно с отцом и постылую Марию, которую ему навязывал светлейший. 12 ноября 1729 года в сельце Березово бывшего генералиссимуса и бывшего адмирала не по уставу, без пушечной пальбы и торжественной церемонии, похоронили у церкви, которую он срубил для себя в свободное время. И могила, и тело бывшего сотрясателя высших петербургских сфер сгинули в водах реки Сосьвы. А история про нетленный труп Меншикова – это легенда (в 1825 году тобольский губернатор и историк Бантыш-Каменский открыл в Березове могилу, где лежал сохранившийся труп, одетый по моде XVIII века, но то была могила одной из дочерей светлейшего).

ГЕНИЙ И ЗЛОДЕЙСТВО…?

Вольфганг Амадей Моцарт

Антонио Сальери

Несмотря на свою популярность и творческую плодовитость, Вольфганг Амадей Моцарт испытывал постоянную нужду в деньгах. Поэтому, отпраздновав свое 35-летие, он с головой ушел в работу. Друзьям и родственникам он казался в этот последний год жизни нервным и изнуренным. Но когда он слег 20 ноября 1791 года, никто и подумать не мог, что конец гениального композитора близок. В биографии Моцарта, вышедшей в 1828 году, перечислялись симптомы болезни: «Все началось с отеков

кистей рук и ступней и почти полной невозможности двигаться, затем последовала рвота. Это называют острой сенной лихорадкой». Диагноз был подтвержден в официальной венской книге регистрации умерших.

Но сам Моцарт подозревал иное. За несколько дней до смерти он говорил: «Мне дали «аква-тофану» и рассчитали точное время моей смерти». Яд «аква-тофана» (по имени известной отравительницы) готовился с использованием мышьяка. 31 декабря 1791 года берлинская газета сообщила о смерти композитора: «Поскольку тело раздулось после смерти, некоторые считают, что его отравили». Сын Моцарта Карл Томас писал, что тело его отца так вздулось и запах разложения был так силен, что вскрытие не производилось. В отличие от большинства трупов, которые холодеют и теряют гибкость, тело Моцарта оставалось мягким и эластичным, как у всех отравленных.

Моцарт скончался около часа ночи 5 декабря 1791 года. Симптомы болезни Моцарта не напоминали отравление известными в то время ядами, но, тем не менее, слухи об отравлении распространились сразу же. В качестве наиболее вероятного яда называли сулему, хотя у Моцарта был сильный жар, в то время как сулема вызывает резкое понижение температуры тела. Заметим еще, что как раз в XVIII веке в моде было лечение двухлористой ртутью (сулемой) некоторых болезней, и нередко чрезмерная дозировка вызывала отравление. Доктор Клоссет, лечащий врач и друг Моцарта, хорошо разбирался в признаках отравления ртутью и легко мог бы заметить симптомы отравления. Отравлениями в ту пору интересовался и Саллаба, привлеченный к консилиуму. В год смерти Моцарта по его инициативе была учреждена кафедра судебной медицины. Поэтому ему бы не составило труда распознать заурядное отравление.

И еще одно обстоятельство смерти Моцарта требует внимания. То, что место его захоронения оказалось затерянным. По легенде, тело композитора свалили в яму с бездомными и бродягами. Это в то время не вызвало никакого удивления. Постоянные эпидемии требовали особых правил захоронения, лишь в совершенно экстраординарных случаях разрешалась индивидуальная могила. Ну, а если покойный умер от заболевания, похожего на инфекционное, то прямой путь ему в общую могилу. Моцарта похоронили по третьему разряду, и его похороны обошлись родственникам в 11 флоринов и 56 крейцеров.

Однако, несмотря на все консилиумы и мнения врачей,

версия об отравлении продолжала жить. Молва и история отвели роль главного отравителя Антонио Сальери. Он был придворным композитором, писал много и талантливо, но общественное мнение австрийской столицы вкладывало в его уста слова зависти по отношению к Моцарту. Сальери умер в 1824 году. За год до смерти он заявил, что всякие подозрения в отравление Моцарта – это гнусная клевета, но затем престарелый композитор попытался покончить жизнь самоубийством. Младший сын Моцарта заявил, что Сальери не убивал его отца, «но поистине отравил ему жизнь интригами».

Второй подозреваемый в смерти Моцарта менее известен. Это масон Франц Хофдемель, состоявший в той же ложе, что и композитор. Его жена Магдалена брала уроки музыки у Моцарта. Через несколько дней после смерти Вольфганга Амадея Хофдемель яростно набросился на свою беременную жену с бритвой, искалечив и изуродовав ее лицо, шею и руки, а затем покончил с собой. Магдалена выжила и родила через пять месяцев ребенка, отцом которого, по слухам, был Моцарт. Бетховен позднее указывал на связь Магдалены и Моцарта. Так что версия отравления на почве ревности имела под собой основание.

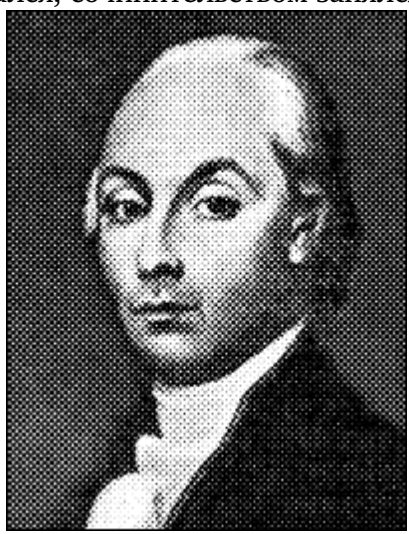
Третьим подозреваемым было общество франкмасонов, отравивших Моцарта за то, что он раскрыл их тайны в опере «Волшебная флейта». Премьера ее состоялась в Вене в 1791 году. Но вероятнее всего, то были слухи, распространяемые врагами масонов, так как франкмасоны не раз еще давали композитору после премьеры заказы на музыку. А через несколько дней после смерти Моцарта великий магистр его ложи воздал ему должное как «наиболее любимому и достойному» из ее членов и назвал кончину композитора «невосполнимой потерей».

В 1984 году врач Питер Дж. Девис после исследования истории болезни пришел к выводу, что причиной смерти Моцарта стало сочетание стрептококковой инфекции, почечной недостаточности и кровоизлияния в мозг. Но это тоже гипотеза, что же стало подлинной причиной – ревность, зависть или бацилла – мы вряд ли узнаем.

САМОУБИЙСТВО РАДИЩЕВА

Никто даже представить себе не мог, что 31 августа 1749 года в глухой деревеньке Верхнее Аблязово, неподалеку от Пензы, в семье мелкопоместного дворянина родится «бунтовщик, хуже Пугачева».

Да, речь идет об авторе печально известной книги «Путешествие из Петербурга в Москву» – Александре Николаевиче Радищеве. Почему печально известной? Потому, что эта книга не принесла ничего хорошего ни ее автору, ни крепостным крестьянам России, ни школьникам, которых Минобразование СССР обязывало прочесть хотя бы отрывок из нечитабельного произведения. А всё французы нашкодили. Если бы не Вольтер, Дидро, Руссо и иже с ними, был бы Радищев типичным представителем своего класса. Пошел бы по прокурорской линии (он уже в 1775 году был обер-аудитор, занимал должность дивизионного прокурора), завел бы семью, прикупил бы землицы, крепостных, да жил бы себе поживал. Ан нет, в масоны подался, сочинительством занялся.



В 1783 году оду «Вольность» сочинил. Решил матушку-императрицу потешить, которая сама вирши писала да с Вольтером корреспонденствовала. Но меры не знал. Обиделся, когда ему милостиво указали на его место. «Самиздатом» занялся. В 1789 году у себя в доме в маленькой типографии издал тиражом 650 экземпляров свое «Путешествие…»

Крестьянам от этого сочинения было ни жарко ни холодно, а образованные расхватали книжечку с прилавка купца Зотова. Образованные – они «завсегда с удовольствием гадости про

власть читают», а потом хихикают. Это из образованных XVIII века в XIX веке интеллигенция вылупилась, которая довела до совершенства искусство показывать кукиш в кармане любому власть предержащему лицу. Матушка Екатерина II мудра была и изволила сказать о прокуроре-критикане, подавшемуся в сочинители: «Он бунтовщик, хуже Пугачева».

30 июня 1790 года Радищев был арестован и посажен в Петропавловскую крепость. Судили коллеги-юристы и дали высшую меру, но смертная казнь высочайше была заменена на «десятилетнее безысходное пребывание» в Илимском остроге. Мало было образованных, вот и жалела их самодержавная сочинительница.

Вот уж в Сибири Радищев разошелся! Вот уж понаписывал! Бочками чернила изводил. А чего не писать? Ссылка в царское время – это не лесоповал в Колымлаге. Тем более, срок не досидел. Павел I, в пику умершей мамаше, всех амнистировал, всех, кто еще не помер. Так что вернулся в 1797 году Радищев под Москву, в родные пенаты. Но не успокоился. Продолжал писать. Уже и Павла похоронили, и Александр I свою амнистию провел, а Александр Николаевич все пишет и пишет. Дописался уже до конституции и ограничения монархической власти.

Может быть, так бы все и продолжалось, если бы писал да в бюро складывал, а он уже мыслию воспарил в горние выси и в Конвенте себя ощутил. Разбудил мыслителя не «Колокол», а граф Завадовский, председатель Комиссии составления законов. Он Радищеву напомнил, что раз уж тот в Сибири побывал, то и от второго раза грех зарекаться.

Очнулся Александр Николаевич. Но не в Конвенте он, не законодательствует на благо свободной России, а в сельце Немцово слушает, как истопник Пахом с кухаркой Агафьей браниться. И до Москвы недалеко, а не проедешь. Дорога – болото. А соседи-помещики как на дурачка смотрят. В штосс не играет, на охоту не выезжает, крепостных девок не заваливает, рябиновку не потребляет. Масон-с, вольтерьянец.

Скучно, горько, душно. 11 сентября 1802 года в 9 часов утра Радищев принимает яд и после долгих мучений ночью умирает.

ОТРАВЛЕНИЕ НАПОЛЕОНА

5 мая 1821 года в окружении немногих приближенных и английской охраны умер экс-император Франции Наполеон Бонапарт. Человек, чья воля, ум и решительность изменили политическую карту мира начала XIX века. Умер на острове Св. Елены посреди Атлантического океана и умер не своей смертью.

До самых последних дней жизни Наполеон оставался грозным противником как для Англии, так и для вновь воцарившейся во Франции династии Бурбонов. У него не было ни армии, ни флота. Но был он Наполеоном. Человеком, чье имя поднимало миллионы и свергало с престола любую династию. Его враги уже убедились в этом, когда Наполеон бежал с Эльбы. Возможность второй успешной попытки возвращения «узурпатора» приводила в трепет заточивших его на острове врагов. А то, что это возможно, не вызывало никаких сомнений.

Бонапартисты, оставшиеся верными своему кумиру, плели заговоры и строили планы освобождения Наполеона. Рассматривалась возможность десанта на Св. Елену из Бразилии. Конструировались хитроумные подводные лодки, которые незаметно для английской эскадры, курсировавшей вдоль острова, должны были вывезти пленника.

Доклады секретных служб передавались в Лондон и Париж, создавая атмосферу неуверенности и страха в ожидании, что Наполеон со дня на день сбежит со скалистого островка.

Ничего удивительного, что в конце концов было принято окончательное решение по этому вопросу. В коммюнике французского правительства после кончины Наполеона

содержалась причина его смерти – «болезнь потери сил», то есть рак, но уже сразу после похорон экс-императора этот диагноз будет подвергнут сомнению. Европейские врачи, изучившие историю болезни Наполеона, высказали сомнение в правильности поставленного диагноза и полезности прописанных медикаментов. Обострившаяся и достигшая своей критической точки к началу мая 1821 года болезнь Бонапарта усугубилась решением консилиума английских врачей, которые прописали ему сильное слабительное – десять кристаллов хлористой ртути.

Хлористая ртуть (каломель) – широко использовалось в медицине того времени, причем, спектр болезней, которые она, по мнению медиков XIX века излечивала, был почти бесконечным. Доктора прописывали ее даже в том случае, когда другие лекарства уже не действовали, надеясь на ее слабительный эффект.

Каломель сама по себе не наносит вреда организму, но становится смертельно опасной в сочетании с горьким миндалем, компонентом оршада. Оршад – прохладительный напиток из сока орехов сладкого миндаля (миндального молочка) с сахаром. А этот напиток Наполеон пил каждый день. Миндальные орехи, которые входят в состав напитка, содержат цианистую (синильную) кислоту, она активизирует хлористые соединения ртути, обычно в каломели инертные. Жертва, принявшая комбинацию этих веществ, быстро теряет сознание, слепнет и глохнет, продольная мускулатура парализуется. Автономная нервная система может продолжать функционировать еще некоторое время.

Желудок жертвы может отреагировать и быстро вытолкнуть токсичное соединение каломели и оршада. Именно для того, чтобы этого не произошло, несколько раньше в организм Наполеона было введено рвотное. Если желудок тотчас же не очистится от ядовитой смеси, то смерть неизбежно наступает через день-два, что и случилось 5 мая.

Доза в десять кристаллов оказалась несомненно смертельной. За несколько лет до этих событий на острове Св. Елены проводились опыты, выявившие смертельную реакцию организма на смесь оршада и каломели. В обычных условиях английские врачи прописывали два кристалла, немецкие и шведские – всего один кристалл. Прописанная доза предназначалась не для лечения врага Англии, а для его убийства.

Версию о насильственной смерти Бонапарта могло бы подтвердить или опровергнуть медицинское исследование при эксгумации трупа и перевозке останков экс-императора во Францию в 1840 году. Тем более, что свидетелей вскрытия

могилы изумило состояние тела. Когда рабочие вскрыли могилу, оттуда было извлечено четыре гроба, в последнем из которых покоился прах Бонапарта. Два из них были металлические, но про герметизацию речь не шла. Тем более, что тело Наполеона не бальзамировалось и было предано земле таким, каким оно было после вскрытия. С момента погребения прошло 19 лет, но останки Наполеона не были тронуты тлением. Свидетели отметили, что казалось, император спал. Контраст между прекрасно сохранившимся телом и истлевшей одеждой был поразительным.

Причиной подобного явления мог быть мышьяк. Он является смертельным ядом, но в то же время предохраняет ткани от разложения. Именно это явление послужило разгадкой причины таинственной болезни, мучившей Бонапарта и усугубленной рекомендациями английских врачей. Но ни тогда, ни позднее, анализов на наличие ядовитых веществ в останках Бонапарта специалистами не проводилось.

В 50-е годы XX столетия, взяв на вооружение гипотезу об отравлении Наполеона, исследования провел, по собственной инициативе, шведский химик Стен Форсхувуд. Прочитав «Мемуары» Маршана, верного слуги императора, в которых тот высказывает предположение об отравлении своего хозяина мышьяком, шведский химик решил подтвердить или опровергнуть гипотезу. Однако, собрав всю возможную информацию, он не смог без проведения экспертизы дать точный ответ о причинах смерти Наполеона.

Отравление мышьяком трудно поддается диагностике. Его признаки те же, что и у других распространенных болезней. Кроме того, противоречивость некоторых симптомов еще больше затрудняет диагноз: чередование сонливости и бодрствования, полная потеря аппетита и приступы неутолимого голода. Поэтому, хотя факты, собранные Форсхувудом, и подтверждали возможность отравления, стопроцентной уверенности не было.

Добраться до праха Наполеона, который хранился в саркофаге в гробнице парижского Дома инвалидов, шведский химик не имел никакой возможности. Поэтому для экспериментального подтверждения своей гипотезы он сосредоточил свои усилия на поисках волос императора. Занимаясь медицинскими исследованиями, Форсхувуд узнал, что волосы превосходно подходят для измерения содержания мышьяка в человеческом теле. Если не останки, то хоть волосы Бонапарта могли послужить доказательством преступления, совершенного на острове Св. Елены.

Клочок волос шведскому химику удалось получить у принца Наполеона, наследника императорского трона, потомка младшего

брата императора Жерома Бонапарта – майора Лашука, который проживал в Париже. Анализ волоска был проведен в 1960 году отделением судебной медицины университета в Глазго, Шотландия. Заключение гласило: «После анализа, проведенного согласно методу активации, обнаружено, что образец, посланный вами и помеченный H. S., содержит 10,38 микрограмма мышьяка на один грамм волос. Эта пропорция свидетельствует, что искомое лицо получило относительно высокое количество мышьяка».

Обычная норма содержания мышьяка в человеческих волосах составляет, соответственно, всего 0,8 микрограмма. Но это в наши дни, когда природная среда загрязнена сверх меры, а во времена Наполеона доза содержания должна была быть значительно меньше. Доказательство преступления налицо. Форсхувуд не остановился на достигнутом. Проведя анализ имеющихся документов, он пришел к выводу, что отравителем был приставленный Бурбонами к Бонапарту генерал Монтолон. И именно он по приказу Версаля долгое время отравлял пленника, способствовал смертельному разрешению кризиса болезни в мае 1821 года. Следует заметить, что яд уже угрожал жизни Наполеона. 11 апреля 1814 года в Фонтенбло император подписал безусловное отречение за себя и за свое семейство. А ночью, находясь в депрессии, Бонапарт принял яд, но на него он не подействовал. Но именно яд положил конец жизни потрясателя Европы.

Так посреди Атлантического океана, на скалистом острове, куда сейчас даже не заходят корабли, была решена судьба императора и завоевателя всей Европы. Немного яда, и Бурбоны могли спать спокойно, хотя это им и не помогло, революция 1830 года навсегда лишила их трона.

Но кроме англичан и Бурбонов есть еще некая личность, которая вполне годится на роль отравителя, так сказать, частным образом. Некоторые исследователи обвиняют в отравлении графа Монталона, который по завещанию Наполеона получил большое состояние, причем, очень кстати. Но не хочется верить, что простая уголовщина стала причиной смерти великого человека.

И все же, несмотря на проведенные тщательные исследования, тайна смерти Наполеона продолжает волновать историков, химиков, врачей. В 2001 году эксперты Страсбургского института судебной медицины провели спектральный анализ прядей волос Наполеона и подтвердили, что уровень содержания мышьяка в них от 7 до 8,5 раз превышает норму. По их мнению, которое не расходится с выводами предыдущей экспертизы, это несомненно может служить доказательством того, что император

умер от медленного и регулярного отравления.

Однако, опираясь на результаты тех же экспертиз, в 2004 году группа врачей из Сан-Франциско, возглавляемая Стэнли Карчем, заявила, что причина смерти императора не отравление, а лечение, при котором врачи предписывали ему сильнодействующие лекарства. В частности, Наполеону прописывали рвотное средство – виннокислую сурьму (сурьма-калий-тартрат). Последней каплей стала 600-миллиграммовая доза хлористой ртути (в пять раз больше нормы), назначенная Наполеону в качестве слабительного за два дня до смерти. Огромная потеря калия с жидкостью нарушила водно-солевой баланс в организме бывшего императора, что привело к ухудшению работы сердца.

«Конечно, версия отравления выглядит более привлекательной, – заявил Карч. – Однако существуют очень веские доказательства того, что Наполеона погубил не яд, а врачи». Ну, врачам-то лучше знать возможности своих коллег залечить больного и без яда. Но в то же время факт, что последние месяцы жизни Наполеон страдал от рака желудка, не ставится под сомнение ни одним из современных исследователей. «Он мог умереть от отравления или от неправильного лечения, даже если это так, то, вне сомнения, это лишь на несколько недель приблизило его кончину, он все равно умер бы от рака», – считает доктор Фил Корсо из клиники штата Коннектикут.

Если рак действительно убивал Бонапарта, то ему надо было поблагодарить своих тюремщиков за отравление, которое дало ему возможность избежать более мучительной смерти.

ЦАРСКАЯ ЛИХОРАДКА

18 февраля 1855 года в санкт-петербургских и московских газетах появился «Бюллетень № 1» о состоянии здоровья царя Николая I: «Его Величество заболел лихорадкой… 13 февраля Его величество выхода к литургии иметь не изволил». Постепенно информация в бюллетенях становилась все более тревожной. «Бюллетень № 2»: «Лихорадка Его Величества к вечеру 17 февраля усилилась. Отделение мокроты от нижней доли правого легкого сделалось труднее». На другой день, 19 февраля появился «Бюллетень № 3», оповестивший, что болезнь усилилась и это «делает состояние Его Величества опасным». Затем «Бюллетень № 4» сообщил об «угрожающем Его Величеству параличном состоянии легких». 20 февраля новых известий не появилось. 21 был опубликован Манифест о кончине императора.

Между тем царь умер еще 18 февраля, вскоре после полудня (в Москву первые известия о его кончине поступили не из Санкт-Петербурга, а из Берлина). «Сей драгоценной жизни, – говорилось в официальном документе, составленном графом Блудовым, – положила конец простудная болезнь (grippe), вначале казавшаяся ничтожной, но, к несчастью, соединившаяся с другими причинами расстройства, давно уже таившимися в сложении, лишь по-видимому крепком…»

Это была довольно странная оценка здоровья высокого, крепко сложенного мужчины 58 лет. От его зычного окрика падали в обморок даже сильные офицеры. Единственной причиной возможного расстройства могла быть только неудачно начавшаяся война.

Министр и личный друг Николая, граф Киселев, свидетельствует:

«В последние месяцы император утомлялся, и сколько ни желал преодолевать душевное беспокойство – оно отражалось на лице его более, чем в речах, которые при рассказе о самых горестных событиях заключались одним обычным возгласом: “Твори, Бог, волю Твою!”»

Не успели в церквах отслужить панихиды по усопшему императору, как разнесся слух, что внезапная смерть была самоубийством. В рукописной студенческой газете «Слухи» писалось:

«Разнеслись слухи о том, что царь отравлен, что оттого и не хотели его бальзамировать по прежнему способу, при котором, взрезавши труп, нашли бы яд во внутренностях… Слух этот произвел очень различное впечатление: одни радовались, другие удивлялись, третьи говорили, что так и должно быть, поделом ему, мошеннику. Но особенно замечательно, как сильно принялось это мнение в народе, который, как известно, верует в большинстве, что российский царь и не может умереть естественно, что никто из них своей смертью не умер».

Перед лейб-медиком Мандтом закрылись двери всех аристократических салонов – он подозревался если в не цареубийстве, то в потакании самоцареубийству! Современники свидетельствуют, что Мандт боялся выходить на улицу, «…ибо народ, пожалуй, и разорвал бы его на части, но не более как для того, чтобы потешиться законным образом, не опасаясь того, что на толпу верноподданных вдруг наведут пушки и брызнут картечью».

Власть, борясь со слухами, распространила много, даже слишком много брошюрок о том, как царь «мирно скончался», простясь с семьей и благословив подданных. Но слухи продолжали циркулировать в обществе даже через десятилетие после смерти Николая. Так как официальным известиям не верили никогда, то, выслушав Манифест о смерти «после гриппа», многие вспоминали, что задушенный Павел I умер от «апоплексического удара», а смерть от проломленного черепа Петра III формулировалась как смерть от «геморроидальных колик». Стоило объявить похороны не через два месяца, как предписывалось протоколом, а через шесть недель – и многоопытная публика сразу смекнула: это неспроста.

В 1914 году в печати появилось небольшое, но интересное сообщение, основанное на словах В. В. Пеликана, бывшего председателя Медицинского совета, директора Медицинского департамента военного министерства и близкого друга лейб-

медика императора Мандта. По его словам, «Мандт дал желавшему во что бы то ни стало покончить с собой Николаю яду». Пеликан приказал Венцлю Груберу (профессору анатомии) бальзамировать императора. О вскрытии тела покойного императора Грубер не преминул составить протокол и, найдя протокол этот интересным в судебно-медицинском отношении, отпечатал его в Германии. За что был посажен в Петропавловскую крепость, где и содержался некоторое время. Что интересно – Николая бальзамировали дважды!

«Удав, тридцать лет душивший Россию…» – так отзывались о Николае I некоторые современники. Другие видели в нем «Дон Кихота самодержавия, властелина, подобного Петру Великому, который удержал империю на пути самобытного исторического развития». Истина была, как всегда, посредине.

Впоследствии практика выпуска фальшивых бюллетеней возродилась почти через 100 лет, но, как и при кончине Николая I, правду утаить не удалось.

СМЕРТЬ В БОРДЕЛЕ

Болгары чтили его как героя Шипки и ставили памятники. В Средней Азии, которую он залил кровью, за цвет его мундира назвали «белым генералом». В России XIX века он был наиболее популярным генералом, изображения которого на лубочных картинках ходко продавались. Сам он честно признавался, что к славе шел по костям своих солдат. Имя Михаила Дмитриевича Скобелева было овеяно легендами при жизни, и смерть его также вызвала многочисленные версии и легенды.

1882 год стал для Скобелева годом разрушенных иллюзий. Он уже не нужен военному министерству, любимая женщина покинула его, слава о его победах в Болгарии и оазисе Геок-Тепе забывалась. 22 июня, получив месячный отпуск, генерал в сумрачном настроении прибыл в Москву.

Вечером 25 июня Скобелеву, очевидно, захотелось найти забвение в кутеже. На углу Петровки и Столешникова переулка находилась гостиница «Англия», которая, по сути, была второразрядным борделем. На вечер Скобелев снял роскошный номер во флигеле вместе с его обитательницей – немкой Вандой. В ее обществе и провел он последние часы своей жизни. Поздно ночью Ванда прибежала к дворнику и закричала, что у нее в номере скоропостижно умер офицер. Покойник был сразу опознан, прибывшая полиция быстро погасила панику среди жильцов дома и немедленно переправила тело Скобелева в гостиницу Дюссо, в которой он остановился.

Поползли всевозможные слухи. Цензура не пропустила в газеты подробностей этой кончины. Самая распространенная

версия гласила, что Скобелев был отравлен. Ее не могло поколебать даже заключение патологоанатома: «Скончался от паралича сердца и легких, воспалением которых он страдал еще так недавно».

По версии одних, смерть Скобелева была делом рук немцев и немка Ванда, которую в Москве прозвали «могилой Скобелева», действовала как агент Бисмарка. Прямых доказательств не существовало, но логически эта версия основывалась на непримиримой ненависти Скобелева к немцам и на той дикой радости, которая поднялась в немецкой печати по поводу смерти такого талантливого противника.

По другой версии, Скобелев был отравлен бокалом шампанского, присланным ему из соседнего номера какой-то подгулявшей компанией, пившей за здоровье «белого генерала». И дело объясняли не происками немцев, а происками правительства Александра III. Народная молва твердила, что в дни предстоящей коронации предполагалось низложить императора и возвести на престол Скобелева под именем Михаила П. Будто бы из-за этих слухов правительство учредило под председательством великого князя Владимира Александровича особый негласный суд из 40 членов, который большинством в 33 голоса приговорил Скобелева к смерти, причем, исполнение приговора было поручено какому-то полицейскому чиновнику. В пользу этой версии говорит и тот факт, что незадолго до смерти Скобелев был срочно отозван из Парижа, так как стало известно, что он искал контакты с народовольцами, а через несколько месяцев скоропостижно скончался.

На этой точке зрения стоял В. И. Немирович-Данченко, убежденный в убийстве Скобелева «спадассинами Священной Дружины», совершенном по приговору, подписанному без ведома царя одним из великих князей и графом Шуваловым, считавшим «этого будущего Суворова опасным для российского самодержавия».

Правда это или нет, теперь сказать трудно, а может быть, правы благоразумные современники генерала, которые считали, что сердце Скобелева, подорванное бесконечным пьянством, не выдержало в момент сексуального напряжения. Но как бы то ни было, 26 июня вся Москва собралась у гроба генерала. Фрондирующие офицеры Генштаба прислали венок с надписью «Второму Суворову». Толпа целовала не только гроб, но и помост, на котором тот стоял. Траурный кортеж направился к Казанскому вокзалу, и 29 июня состав из 15 вагонов под охраной офицеров, которыми командовал генерал Дохтуров, привез тело Скобелева

на родину. «Белого генерала» похоронили в селе Спасском рядом с могилами отца и матери.

СУД ЧЕСТИ

Десять лет Надежда фон Мекк благодетельствовала композитору Петру Ильичу Чайковскому, но в 1893 году, узнав о гомосексуальных наклонностях своего друга, отказалась дать ему 18 тысяч рублей, которые тому позарез были нужны. Композитор рассылал письма, просил знакомых и друзей повлиять на богатую вдову. Но все было напрасно.

В 1893 году Чайковский концертировал в России и за границей. В Англии он получил степень почетного доктора Кембриджа (кроме него, такой чести из россиян удостоились только Тургенев и Бердяев). Но ни концерты, ни степень не принесли ему в тот неудачный год никакой радости.

Над гениальным композитором сгущались тучи общественного мнения. Стало известно о его подозрительных отношениях с кузеном императора Александра III, великим князем и поэтом Константином Романовым (на его стихи Чайковский написал пять романсов, в частности, «Растворил я окно» и «О, дитя, под окошком твоим»). В столице поползли слухи про юного царского родственника – племянника графа Стембока-Фермора. Отец юноши обратился к царю. Назревал скандал. Композитору грозили суд и каторга. Его должны были арестовать.

Во избежание громкого уголовного дела, которое опорочило бы не только имя известного композитора, но и царскую фамилию, бывшие однокашники Чайковского по юридическому факультету университета решили рассмотреть «дело» своего однокурсника в «суде чести». На заседании «суда» председательствовал прокурор Николай Якоби. После

пятичасового заседания, в котором участвовало восемь правоведов, в присутствии Петра Ильича Чайковского зачитали приговор: композитор должен добровольно уйти из жизни.

Правовед Артур Герке тут же передал Чайковскому яд. Яд выбрали такой, чтобы симптомы отравления походили на заболевание холерой (возможно, мышьяк). В ту же ночь композитор выпил яд. Существует и другая версия отравления. По ней, для «процедуры» выбрали ресторан Лейнера. Там Чайковскому, находящемуся в кругу приятелей, посыльный принес стакан с отравленной водой. Композитор взял его и молча выпил. Тут же почувствовал себя плохо и уехал домой. Вскоре он умер.

Священник в последние минуты жизни Чайковского отказался дать ему благословение – как самоубийце. То, что смерть была не природная, подтверждало и то, что гроб был открыт для публики и покойника целовали в лоб, что было бы невозможным в случае смерти от инфекционного заболевания.

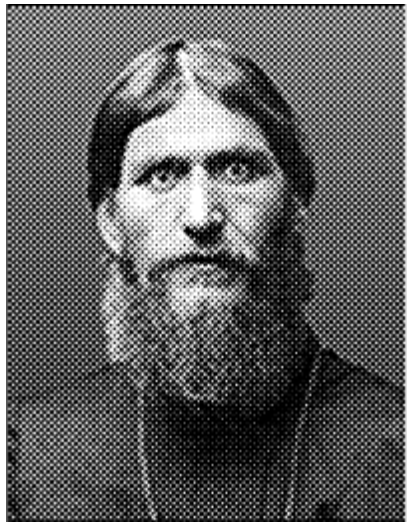
СМЕРТЬ РАСПУТИНА

Григорий Распутин был гений. Его магнетизм, его нечеловеческая сила внушения изменили ход истории и стали причиной, как считают, многих несчастий, обрушившихся на Российскую империю.

Убийство, которое произошло в декабре 1916 года во дворце Юсуповых, было неизбежным, но запоздало, с точки зрения многочисленных левых, правых, либеральных и консервативных группировок. Хотя самого Распутина давно уже предупреждали о неизбежности трагического конца. В 1905 году ясновидец Луис Хеммон предсказал Григорию Ефимовичу, что тот умрет от пули и яда, а могилой ему станут ледяные воды Невы. Не прислушался старец.

Для совершения непосредственно убийства собралась небольшая группа заговорщиков. В нее вошли великий князь Дмитрий Павлович, родственник Романовых князь Феликс Юсупов, депутат от правых Пуришкевич и поручик Сухотин. Именно этот тесный кружок решил, что нужно покончить с Распутиным при помощи яда, выбрав его как средство, наиболее удобное для скрытия следов убийства. Но все пошло совсем не так, как рассчитывали убийцы.

Чтоб не пересказывать события, связанные с убийством Распутина, следует лишь остановиться на одном факте: в мемуарной литературе неоднократно описывалось, что заговорщики хотели использовать яд – средство хоть и не для храбрецов, но, с точки зрения участников, верное. Известный писатель Э. Радзинский не согласен с тем, что яд был применен, и вообще приводит свою собственную версию убийства, причем, акцент делает на то, что, по его мнению, Распутин не любил и не ел сладкого. Вообще, чем далее в прошлое отступают события, тем более неправдоподобные и фантастические возникают версии. Так, в 1981 году в Англии вышла книга «Интимная и сексуальная жизнь знаменитых людей» Ирвинга Уоллиса, Сильвии Уоллис, Эмми Уоллис и Дэвида Валечински. Речь в ней идет и о Григории Распутине. Приведем только один пассаж из того творения, свидетельствующий о «научном» подходе авторов: «Когда Распутин стал терять сознание от начинающего действовать яда, Юсупов вначале изнасиловал его, а затем выстрелил в него четыре раза из пистолета. Распутин упал на пол, но был жив. Григория Распутина затем кастрировали. Его отрезанный половой член нашел позже слуга».



Однако, если следовать общепринятой картине убийства, зафиксированной в документах и мемуарах, то яд все-таки был использован, а сцена убийства была менее фантасмагорической, чем в измышлениях авторов из Англии. Например, французский посол в Санкт-Петербурге, Морис Палеолог, в своих воспоминаниях о старце пишет: «Между креслами, в которых развалились Юсупов и его гость, заранее помещен был круглый стол, на котором расставили две тарелки пирожных с кремом, бутылку мадеры и поднос с шестью стаканами.

Пирожные, поставленные возле Распутина, были отравлены цианистым калием, доставленным врачом Обуховской больницы, знакомым князя Феликса. Каждый из трех стаканов, стоящих возле этих пирожных, содержал по три дециграмма цианистого калия, растворенного в нескольких каплях воды; как ни кажется слабой эта доза, она однако огромна, потому что уже доза в четыре центиграмма смертельна…

Внезапно «старец» выпивает свой стакан. И, щелкнув языком, говорит:

– Мадера у тебя знатная. Я б еще выпил.

Машинально Юсупов наполняет не протянутый Гришкой стакан, а два других стакана с цианистым калием.

Распутин хватает и единым духом выпивает стакан. Юсупов ждет, что жертва свалится в обмороке.

Но яд почему-то не оказывает действия.

Третий стакан. Все никакого действия».

А вот что пишет в своих мемуарах сам Юсупов: «Мне удалось сбросить на пол рюмку, из которой пил Распутин, она разбилась. Воспользовавшись этим, я налил мадеры в рюмку с цианистым калием».

Единственная реакция Григория на попытку отравления,

описанная Палеологом, следующая: «Но Распутин едва слушает его; он ходит взад и вперед, отдуваясь и рыгая. Цианистый калий действует». Юсупов так описал воздействие яда на старца, который выпил отравленные напитки и съел отравленную снедь: «Да голова что-то отяжелела, и в животе тяжело. Дай-ка еще рюмочку – легче станет».

Но как известно, убийцам все же пришлось прибегнуть к револьверу и гантелям, а затем утопить жизнестойкого старца. Почему яд не подействовал на организм Распутина – это остается тайной, которую он унес с собой в могилу (впоследствии его разложившийся труп был сожжен). Возможно, чудо было связано с тем, что старец, подобно царю Митридату, приучил свой организм к различным ядам. В годы молодости в Прииртышье Распутин не раз в кабаках показывал фокусы с ядами. Он разбавлял предоставленный ему яд и давал немного собаке вместе с мясом. Та умирала в страшных судорогах. После чего Распутин выпивал весь яд и запивал его квасом из ларька. Точный ответ на вопрос о присутствии ядов могли бы дать судебно-медицинские эксперты, но им не разрешили этого сделать. При вскрытии в желудке Распутина была найдена тягучая масса темно-бурого цвета, но определить ее состав не удалось, так как по приказанию императрицы Александры Федоровны дальнейшее исследование было запрещено. Отсутствие результатов вскрытия и последующее сожжение останков великого старца не дают возможности подтвердить гипотезу о том, что размер печени у Распутина значительно превосходил норму и эта аномалия позволяла принимать дозы яда, смертельные для обычного организма.

БОЛЕЗНЬ ЛЕНИНА

Находясь в больничной палате в Горках, лишенный возможности полноценного общения с товарищами по партии, в начале 1920-х годов вождь мирового пролетариата, уже бессильный что-либо изменить, деградировал умственно и распадался физически, брошенный бывшими соратниками. Постоянным опекуном оставался лишь Сталин. Но уже после 30 августа 1922 года Сталин у Ленина в Горках не бывал. А после второго инсульта и паралича, случившегося у Ленина 16 декабря 1922 года, Сталин окончательно уверился, что «Ленину конец». Он не скрывал своего убеждения, и оно стало известно за пределами Политбюро. И Ленин оказался полностью отрезанным от внешнего мира, так как 18 декабря 1922 года было принято решение Пленума ЦК РКП(б): «На т. Сталина возложить персональную ответственность за изоляцию Владимира Ильича как в отношении личных сношений, так и переписки».

Неудивительно поэтому, что именно к Сталину обратился больной Ленин, прося помочь в приобретении яда. 30 мая 1922 года он настоял на вызове Сталина для конфиденциальной беседы. Вот что пишет в своих заметках сестра Ильича, М. И. Ульянова: «Зимой 20–21, 21–22 г. В. И. чувствовал себя плохо. Головные боли, потеря работоспособности сильно беспокоили его. Не знаю точно когда, но как-то в этот период В. И. сказал Сталину, что он, вероятно, кончит параличом, и взял со Сталина слово, что в этом случае тот поможет достать и даст ему цианистого калия. Ст. обещал.

Почему В. И. обратился с этой просьбой к Ст.? Потому что он

знал его как человека твердого, стального, чуждого всякой сентиментальности. Больше ему не к кому было обратиться с такого рода просьбою. С этой же просьбой обратился В. И. к Сталину в мае 1922 г. после первого удара.

В. И. решил, что все кончено для него и потребовал, чтобы к нему вызвали на самый короткий срок Ст. Эта просьба была настолько настойчива, что ему не решились отказать. Ст. пробыл у В. И. действительно минут 5, не больше. И когда вышел от Ильича, рассказал мне и Бухарину, что В. И. просил его доставить ему яд, т. к., мол, время исполнить данное раньше обещание пришло. Сталин обещал. Они поцеловались с В. И. и Ст. вышел. Но потом, обсудив совместно, мы решили, что надо ободрить В. И., и Сталин вернулся снова к В. И. Он сказал ему, что, переговорив с врачами, он убедился, что не все еще потеряно, и время исполнить его просьбу не пришло.

В. И. заметно повеселел и согласился, хотя и сказал Сталину: «Лукавите?» – «Когда Вы видели, чтобы я лукавил», – ответил ему Сталин. Они расстались и не виделись до тех пор, пока В. И. не стал поправляться и ему не были разрешены свидания с товарищами».

Бесхитростный рассказ сестры наводит на мысль: а не выполнил ли позднее товарищ Сталин просьбу умирающего вождя, возможно, даже без ведома больного? Может, использовал и не цианистый калий, а в грибной суп покрошил ядовитый гриб «паутинник особеннейший». Без сомнения, только «твердый и стальной» Сталин мог без колебания прервать уже не нужную ему жизнь больного В. И. Ленина. Существует и иной вариант описываемых М. И. Ульяновой событий. Согласно другой версии, Ленин вовсе яда и не просил, но Сталин об этом говорил членам Политбюро, ибо в то время (конец февраля 1923 г.) он решил во что бы то ни стало Ленина устранить. А Ленин, как политик, чувствовал угрозу для себя и знал, от кого она исходит. В 1921 году Ленин написал письмо партийцу Шкловскому в Париж, из которого было видно, что «под него подкапываются».

Как бы там ни было, а огромное количество людей узнало о просьбе больного вождя. По Москве поползли слухи, что Ленина мучает совесть. Об этом в частной беседе высказался Рыков: «Интересно бы знать, кто, с какой целью пустил и продолжает пускать эту пакостную болтовню. Никогда Ильич не пойдет на такое малодушие. Мы все, его знающие, уверены, что с болезнью и смертью он будет, как лев, бороться до самой последней секунды. Каждый лишний час жизни Ленина нужен нам, нужен партии, стране. Мы сделаем буквально все, чтоб Ильича снова поставить на ноги. Со всех концов света привезем самых

знаменитых докторов, будем лечить его и вылечим». Но кое-кто не разделял оптимизма Рыкова и готовил почву для смертельного исхода.

Вот что об этом писал Л. Троцкий: «Во время второго заболевания Ленина, видимо, в феврале 1923 года, Сталин на собрании членов Политбюро (Зиновьева, Каменева и автора этих строк) после удаления секретаря сообщил, что Ильич вызвал его неожиданно к себе и потребовал доставить ему яду. Он снова терял способность речи, считал свое положение безнадежным, предвидел близость нового удара, не верил врачам, которых без труда уловил на противоречиях, сохранял полную ясность мысли и невыносимо мучился…

Просьба, которую он передавал, имела трагический характер; на лице его застыла полуулыбка, точно на маске.

– Не может быть, разумеется, и речи о выполнении этой просьбы! – воскликнул я.

– Я говорил ему все это, – не без досады возразил Сталин, – но он только отмахивается. Мучается Старик. Хочет, говорит, иметь яд при себе… прибегнет к нему, если убедится в безнадежности своего положения.

– Мучается Старик, – повторил Сталин, глядя неопределенно мимо нас и не высказываясь по-прежнему ни в ту, ни в другую сторону».

По другому источнику, Ленин Кобу к себе не вызывал и о яде не просил, так как не мог этого сделать просто физически. Сталин сообщил членам Политбюро, что 17 марта Крупская «в порядке архиконспиративном… сообщила мне просьбу Вл. Ильича достать и передать порцию цианистого калия… Н. К. говорила… Вл. Ильич переживает неимоверные страдания… Должен заявить, что у меня не хватит сил выполнить просьбу и вынужден отказаться от этой миссии… о чем довожу до сведения Политбюро».

Вероятней всего, Крупская пыталась сама взять на себя смелость прервать мучения мужа, но сделать этого не смогла. Сталин пишет об этом Зиновьеву и Каменеву: «Надежда Константиновна сообщила… она пробовала дать калий, но «не хватило выдержки», ввиду чего требует «поддержки Сталина».

Но нельзя все же умолчать и о том факте, что Ленин впервые начал задумываться о добровольном уходе из жизни уже в 1911 году под влиянием известия о самоубийстве Лафаргов. Он делился тогда с Крупской: «Если не можешь больше для партии работать, надо посмотреть правде в глаза и умереть так, как Лафарг». Возможно, что Иосиф Виссарионович был безвинен, как ягненок. Согласно экспертизе медицинских документов,

посвященных болезни Ленина, проведенной в 1969 году, операция по извлечению пули, застрявшей у сонной артерии, привела к непредсказуемым результатам. Первый инсульт случился уже через месяц после удаления пули. Кстати, экспертиза развевает миф по поводу отравления Ленина пулями при покушении на него Каплан. «Даже если бы пули были отравлены ядом кураре, как предполагали, то и это отравление не могло иметь последствий, так как яд кураре страшен и смертелен на стрелах дикарей, но если им отравляется пуля, то этот яд, легко разлагающийся под влиянием высокой температуры, при выстреле разлагается и теряет свои ядовитые свойства».

Соратники вождя хотели опровергнуть и версию, ходившую по Москве, об ухудшении здоровья Ленина в результате заболевания сифилисом. В июне 1923 года по решению Политбюро врачи брали у Ленина спинномозговую жидкость. При исследовании спирохет там не оказалось, но абсолютной гарантии от возможности наличия наследственного сифилиса не было. Тогда отправили на родину вождя врачебно-генеалогическую экспедицию. Она обнаружила там столько негативной информации, что ее отчеты были засекречены. В 1970 году была проведена еще одна экспертиза. После появления на Западе книги Макса Фрейзера «Ленин-сифилитик» специальным постановлением ЦК КПСС была создана комиссия по изучению болезни Ленина. Выводы ее были осторожны и, в основном, сводились к констатации наличия у вождя тяжелого атеросклероза.

Незадолго до своей гибели Троцкий написал для журнала «Лайф» статью «Отравил ли Сталин Ленина?» Редакция «Лайфа» отказалась печатать статью, и за десять дней до убийства Троцкого сталинским агентом она была опубликована в херстовском издании «Либерти». В краткой биографии Сталина Троцкий так вспоминал время ухода Ильича: «К зиме Ленин начал медленно поправляться, свободно двигаться, слушал чтение и сам читал, начала восстанавливаться речь. Врачи давали все более обнадеживающие заключения… Именно в этот момент Сталин должен был решить для себя, что надо действовать… Под рукой был фармацевт Ягода. Передал ли Сталин Ленину яд, намекнув, что врачи не оставляют надежды на выздоровление, или же прибегнул к более прямым мерам, этого я не знаю. Но твердо знаю, что Сталин не мог пассивно выжидать, когда судьба его висела на волоске, а решение зависело от маленького, совсем маленького движения его руки… С Зиновьевым и Каменевым я возобновил личные отношения только через два года, когда они порвали со Сталиным. Они явно избегали разговоров об

обстоятельствах смерти Ленина, отвечали односложно, отводя глаза в сторону. Знали ли они что-нибудь или только подозревали? Точно свинцовая туча окутывала историю смерти Ленина. Все избегают разговоров об ней, как если бы боялись прислушаться к собственной тревоге. Только экспансивный и разговорчивый Бухарин делал иногда с глазу на глаз неожиданные и странные намеки: «О, вы не знаете Кобы, – говорил он со своей испуганной улыбкой, – Коба на все способен». Правда, Бухарин завуалированно высказал свое мнение на всю страну. В газете «Правда» была помещена его статья «Памяти Ленина», в которой он описал последние минуты Старика: «В тихий зимний вечер умирал Ильич в Горках. Еще за несколько дней все шло на улучшение. Повеселели родные, повеселели друзья. И вдруг разрушительные процессы быстро проступили наружу… Когда я вбежал в комнату Ильича, заставленную лекарствами, полную докторов, – Ильич делал последний вздох. Его лицо откинулось назад, страшно побелело, раздался хрип, руки повисли – Ильича, Ильича не стало».

Бухарин упоминает об улучшении, в описаниях жены Ленина последний день Владимира Ильича тоже не выглядит так трагично, чтобы завершиться его смертью. «В понедельник пришел конец. Владимир Ильич утром еще вставал два раза, но тотчас ложился опять. Часов в 11 попил черный кофе и опять заснул… Когда он проснулся вновь, он уже не мог совсем говорить, дали ему бульон и опять кофе, он пил с жадностью, потом успокоился немного, но вскоре заклокотало у него в груди. Все больше и больше клокотало у него в груди. Бессознательнее становился взгляд… временами он глухо стонал, судороги пробегали по телу, я держала его сначала за горячую мокрую руку, потом только смотрела, как кровью окрасился платок, как печать смерти ложилась на мертвенно побледневшее лицо». Из этого тяжелого описания видно, что состояние больного до определенного момента было более или менее нормальным, а ухудшение наступило после того, как Ленин поел. Такое ухудшение состояния после еды у Владимира Ильича было уже не в первый раз. В конце мая 1922 года Ленин на даче поел несвежей рыбы и отравился, – кстати, единственный из обедавших. Врачи признали у него «гастроэнтерит, который на почве переутомления и нервного состояния больного вызвал временное, преходящее расстройство мозгового кровообращения». Были ли эти ухудшения случайностью, определить очень трудно.

Главный аргумент критиков гипотезы Льва Давыдовича: почему Троцкий хранил свою тайну до 1939 года? На самом деле он ее не хранил – просто не знал. В том и была сила Сталина, что

никто из его партайгеноссе, включая Ленина и Троцкого, даже не предполагал в начале 20-х годов, на что он способен. Сообщение о просьбе Ленина дать яд не казалось Троцкому в 1923 году подозрительным, но он иначе оценил его в связи с другими событиями после процессов над вождями революции в середине 1930-х годов и сопутствовавшего им Большого Террора. Троцкий, с его интеллигентской слепотой по отношению к Сталину, понял суть последнего только под конец своей жизни и тогда по-новому взглянул на смерть Ленина.

УСТРАНЕНИЕ СОБИНОВА

12 октября 1934 года все население латвийской столицы Риги, особенно российское, было потрясено официальным сообщением об убийстве главы православной церкви в Латвии, члена Сейма – архиепископа Иоанна.

Не успело российское население прийти в себя от этой потрясающей вести, как вечером того же дня по улицам города неслись, как табун степных лошадей, мальчишки-газетчики с оглушительными криками: «Экстрателеграмма: подробности загадочного убийства архиепископа и внезапная смерть знаменитого российского певца Собинова!»

Расследование смерти архиепископа быстро было свернуто. Несмотря на то что тело Иоанна было жестоко изувечено пытками и все знали, что это дело рук работников советского представительства, следователи прекратили расследование за «необнаружением преступников». На фоне этого кровавого убийства смерть певца, последовавшая в рижском отеле «Петроград», прошла для всех незаметно. Был быстро установлен диагноз: разрыв сердца, и тело Собинова отправлено «товарищами» из полпредства в Москву.

Но многие не удовлетворились простым объяснением и кратким сообщением о его смерти: «Рига, 12 октября. Сегодня днем в отеле «Петроград» внезапно скончался в номере известный российский оперный артист Леонид Собинов. Вчера певец прибыл из Германии, где лечился в Наугейме. Артист направлялся в Москву, у нас же остановился для свидания с супругой, пребывающей в Риге. Вызванный врач констатировал внезапную смерть, вызванную разрывом сердца. Похороны знаменитого артиста состоятся в Москве, куда тело артиста будет отправлено».

Леонид Витальевич Собинов – знаменитый лирический тенор. Его хорошо знала не только вся Россия, он был известен и далеко за ее пределами. Билеты на оперные спектакли с его участием брались с боем. Его выступления считались событием в том городе, куда он приезжал. Количество поклонниц и поклонников Собинова превышало количество «шаляпинцев», главным образом, вследствие обаятельности вечно юного Собинова.

В каждый свой приезд в Ригу певец неизменно и привычно посещал архиепископа Иоанна. Этой привычкой и воспользовались агенты НКВД, которым было поручено устранить проповедующего антибольшевизм Иоанна. В роковой вечер чекисты проследили за артистом, и, когда он находился на крыльце дачи в ожидании появления владыки – последний лично

открывал дверь, – они, как только появился хозяин дачи, выскочили из засады, оттолкнули Собинова в сторону и ворвались в дом, где и совершили убийство. Певца затем насильно увезли в отель, где он и был устранен как свидетель посредством отравления.

Вскрытия тела Собинова не проводилось. Этому воспротивился представитель полпредства, заявивший, что «дело, мол, ясно – разрыв сердца, таково заключение советского врача». Гроб с телом покойного полпредство хотело тайно вывезти в Москву, но публика узнала о часе отправки, и все улицы, по которым двигалась траурная процессия, были запружены народом.

Протест общественности, связанный с безнаказанностью чекистов, совершивших двойное убийство, через некоторое время после отправки тела Собинова привел к отставке начальника уголовной полиции Риги, но улики уже уехали в Москву.

НЕУДОБНЫЙ ЛАУРЕАТ

После окончания Гражданской войны не так уж много талантливых и мыслящих людей осталось в советской России, а уж тем более тех, кто был признан мировым научным сообществом. Поэтому лауреат Нобелевской премии физиолог Иван Петрович Павлов себе не принадлежал. Он был достоянием республики.

Но ученый не хотел этого понять. Он откровенно сознавался, что не признает тот «социальный опыт», который проводят большевики и который, по его мнению, ничего не даст, кроме политической и культурной гибели России. «Меня безотступно гнетет эта мысль, – писал Павлов, – и мешает мне сосредоточиться на моей научной работе». Неоднократно Павлов писал в Кремль прошения о разрешении выезда на жительство за границу. Но большевикам не давала спокойствия откровенность ученого. «Отпустить за границу Павлова, – писал Ленин, – вряд ли рационально, так как он раньше высказывался в том смысле, что, будучи правдивым человеком, не сможет, в случае возникновения соответствующих разговоров, не высказываться против советской власти и коммунизма в России. Между тем ученый представляет собой такую большую культурную ценность, что невозможно допустить насильственного удержания его в России при условии материальной необеспеченности. Ввиду этого желательно было бы, в виде исключения, предоставить ему сверхнормативный паек и вообще позаботиться о более или менее комфортабельной для него обстановке не в пример прочим».

Большевики решили использовать для приручения физиолога теорию самого Павлова – об условном и безусловном рефлексе, а в качестве поощрения для правильного слюноотделения использовали систему льгот, созданную для компартийной верхушки. Кремлевские пайки, издание монографий с соответствующими гонорарами, персональный «линкольн» и даже поездки за границу изменили отношение академика к окружающему. В августе 1935 года на приеме в Кремле Павлов выступил с краткой, но идеологически выдержанной речью, и под бурные аплодисменты провозгласил тост: «За великих социальных экспериментаторов!»

Но органы знали о Павлове то, чего он не знал о себе сам. Все фиксировалось. И его отказ от преподавания в Военно-медицинской академии, и его «антисоветские» высказывания о диалектическом материализме, и выступления в защиту репрессированных. В середине 1930-х годов выросла уже новая

поросль абсолютно советских ученых, идеологически подкованных и уважающих руководящую роль партии. Нобелевский лауреат в орбиту советской науки не вписывался.

Павлов умер на 87 году жизни 27 февраля 1936 года. Но телом и душой он был еще молод и здоров. Поэтому позднее историк физиологии Ярошевский напишет: «Вполне возможно, что органы НКВД «облегчили» страдания Павлова». Еще весной 1935 года Иван Петрович сильно простудился и лишь к концу мая выздоровел. В одном разговоре он заявил: «А большевички желали меня уже хоронить, а я вот взял и выздоровел». И он назвал врачей, желавших ему смерти.

Зимой следующего года Павлов снова заболел, как говорилось в бюллетене, «гриппозным явлением» и бронхитом. Болезнь развивалась ураганно. К бронхиту добавилось двухстороннее воспаление легких, и за шесть дней ученый сгорел. Заключение о смерти подписал один из тех врачей, которых Павлов упоминал в связи со своей возможной смертью.

Возможно, смерть была и естественная, все-таки возраст, а возможно, и очень кстати. Впереди были «московские процессы», и как бы повел себя откровенный лауреат с иностранными гостями, предсказать было невозможно. Во всяком случае, в некрологе Бухарин написал: «Павлов – наш целиком, и мы его никому не отдадим».

МАТ ЧЕМПИОНУ

Будущий чемпион мира по шахматам Александр Алехин родился в Москве осенью 1892 года в дворянской семье. После учебы в московской классической гимназии Поливанова Алехин поступил в Петербургское училище правоведения. Закончив его, будущий чемпион, уже хорошо известный шахматист, получил чин титулярного советника.

Но карьера в области юриспруденции не очень привлекала молодого правоведа. Его манила шахматная доска. Очень скоро Алехин стал известен в шахматном мире как сторонник «неоромантизма» в шахматах. В 1914 году в Санкт-Петербурге состоялся шахматный турнир, покровителем и спонсором которого был сам император Николай П. По окончании шахматных баталий царь впервые присвоил титул «гроссмейстер» пятерым участникам турнира – Эммануилу Ласкеру, Хосе Раулю Капабланке, Фрэнку Маршаллу, Зигберту Таррахиу и Алехину.

Первая мировая война застала Алехина в Германии на шахматном турнире в городе Мангейме. Германские власти интернировали его, как и других граждан Российской империи. Некоторое время он находился в тюрьме, где играл шахматные партии вслепую со своими сокамерниками. Но, удачно просимулировав сумасшествие (а каждый гений немножечко сумасшедший), Алехин сумел вернуться в Россию.

В 1916 году он отправился на фронт. Результатом были тяжелая контузия и несколько наград. А затем жизнь перевернулась, и контуженный шахматист попытался сделать верный ход в новом мире – мире митингов, лозунгов и крови.

Государственная студия киноискусства, Московский уголовный розыск – этапы хождения по мукам Алехина. Но в 1921 году он встречает ее, свою спасительницу.

Швейцарская журналистка Анне Рюг, на которой женится Алехин, помогает ему выехать из страны абсурда. На Западе жизнь понятна и логична. В 1923 году в Сорбонне он защищает диссертацию и получает степень доктора права. А в 1927 году Алехин добивается титула чемпиона мира по шахматам. Его мечта осуществилась, кубинец Хосе Рауль Капабланка низвергнут с шахматного Олимпа. Правда, в 1935 году Алехин много пил и потерял корону, но через два года снова отобрал ее у Макса Эйве.

Алехина признает весь мир, но не признает советская Россия. Посольство в Париже отделывается отписками, когда он просит дать ему визу. Но в 1939 году примирение с бывшей родиной казалось таким близким. Алехин согласился на матч с Ботвинником, несмотря на противодействие международных шахматных кругов. В этом стремлении к примирению его поддерживала масонская ложа «Астрея», в которую Алехин вступил в Париже в 1928 году.

Здесь следует немного остановиться на отношении лучшего друга всех советских шахматистов к шахматам. Сталин эту благородную игру не любил, хотя и играл в шахматы, а к шахматистам относился с подозрением. Тем более, что большинство троцкистов и «врагов народа» эту игру любили и уважали. В 1920-е годы в стране благодаря попечению прокурора Николая Крыленко (будущий «враг народа») создается Всесоюзная шахматная секция. В 1925 году Крыленко и Ильин Женевский (известный большевик, брат Раскольникова, «предателя и врага народа») организуют знаменитый турнир в Москве, после которого «шахматная лихорадка» захлестывает СССР. Лев Давыдович Троцкий тоже любил «сыграть партейку» с Владимиром Ильичом.

Товарищ Сталин все это видел и хорошо понимал или думал, что понимает, кого его враги уничтожают на шахматной доске. В своей речи на Московской губернской партконференции в ноябре 1927 года он сравнил лидеров оппозиции не с кем-нибудь, а с шахматистами. В 1937 году, когда НКВД потребовался обвинительный материал на Крыленко, шахматисты превратились в презренных заговорщиков и шпионов. Так возникло «шахматное дело», жертвами которого стали десятки талантливых игроков; едва унес ноги из Советского Союза поселившийся в Москве Эммануил Ласкер с женой. О каком таком примирении мог думать Алехин в то время?

Вообще шахматы всегда настраивали Сталина на мысли о

смерти и о врагах. Вероятно, ему жалко было фигур, которые забирал у него противник. Кинорежиссер Михаил Чиаурели, создатель многих фильмов о вожде, бывал частым гостем на сталинской даче. Как-то в начале 1950-х годов Сталин прислал за ним машину, когда режиссер приехал, предложил сыграть в шахматы. Партнеры сделали всего несколько ходов, и вдруг Сталин, держа на весу фигурку, посмотрел на Чиаурели долгим немигающим взглядом: «А не собираешься ли ты, Михаил Эдишерович, меня убить?» Взгляд Сталина был холодным и жестоким. Прошла долгая минута. «Шучу, Михаил Эдишерович, шучу», – успокоил Сталин насмерть перепуганного партнера. С тех пор Сталин каждую неделю звал Чиаурели на партию в шахматы и всякий раз повторял свой вопрос. И, выдержав паузу, добавлял: «Шучу, Михаил Эдишерович, шучу».

Начавшаяся Вторая мировая война перечеркнула все планы Алехина. Париж был оккупирован, и чемпион, не желая отказываться от шахмат, соглашается признать немцев. В 1941 году он проводит две партии против Боголюбова в оккупированной Варшаве. Помощником у него числится гауляйтер Польши Франк, а консультантом Боголюбова – губернатор Варшавы Фишер. В марте 1941 года в газете «Парижершахцайтунг» появляются статьи Алехина об «арийских» и «еврейских» шахматах. Затем они издаются отдельными брошюрами в Третьем рейхе.

Эти выступления вышли боком чемпиону после разгрома нацистской Германии. Американская федерация шахмат, в которой в основном были евреи, обвинила Алехина во всех смертных грехах. Но Федерация шахмат СССР делала вид, что ничего такого не знает. Это было связано с согласием Алехина все-таки провести матч с Ботвинником, и руководство советских шахматистов надеялось на легитимный переход титула чемпиона в СССР.

Но матч не состоялся. Алехин внезапно умер. Умер без видимых причин, загадочно. По одной из версий, он подавился куском мяса в парижском ресторане, по другой – в его еду был подсыпан яд, и он умер на улице, а потом его тело незаметно перенесли в гостиницу. Мартовским утром 1946 года Алехина нашли мертвым в его номере, сидящим одетым за столом, на котором стояла шахматная доска с расставленными фигурами.

ТОТАЛИТАРИЗМ И ОТРАВЛЕНИЯ

«Идет штурм Берлина. Гитлер принимает яд. Корчась в конвульсиях, он говорит своему адъютанту: “Передай товарищу Сталину, что его задание полностью выполнено"».

Советский анекдот 60-х годов XX века

СПЕЦИАЛЬНЫЙ КАБИНЕТ

В 1921 году глава Совнаркома Владимир Ильич Ленин подписал распоряжение о создании токсикологической лаборатории, которую стали именовать «Специальным кабинетом». В первые годы после своего создания «кабинет» подчинялся непосредственно Совнаркому, а не спецслужбам. Опытные химики и врачи под руководством профессора Козакова создавали новые яды и составы для врагов первого в мире рабоче-крестьянского государства.

Одной из первых операций ОГПУ, проведенной с помощью «Специального кабинета», было устранение Ярославского. В. Л. Ярославский, бывший гвардейский офицер, во время Гражданской войны командовал знаменитой кавалерийской «Железной заволжской бригадой». Он воевал на Восточном, Южном фронтах. Когда его конников бросили против народной армии Нестора Махно, он начал понимать «всю бессмысленность войны против своего же народа». После войны Ярославский закончил Военную академию и был направлен в Вену, откуда координировал действия Военного центра Болгарской компартии по подготовке восстания. В середине 1920-х годов Ярославский принял участие в разработке и проведении теракта против главы болгарского правительства. Акция окончилась неудачей. 16 апреля 1925 года при отпевании покойного военного коменданта Софии в результате взрыва бомбы в софийском соборе погибло 150 человек, а тот, на кого покушались, премьер-министр Цанков, не пострадал. Бессмысленные жертвы привели к депрессии и разочарованию Ярославского в своей работе, и он решил порвать с военной разведкой. Он уехал в Германию, где попытался выйти на резидента английской разведки. Это стало известно Москве. По приказу начальника иностранного отдела ОГПУ М. А. Трилиссера он был отравлен в августе в одном из кафе немецкого города Майнца работниками военного аппарата Германской коммунистической партии братьями Голке. 29 августа 1925 года Трилиссер отправил телеграмму в Берлин тамошнему резиденту: «Уважаемый товарищ. Ваше сообщение об исполнении поручения в Майнце получено. Необходимо устранить свидетелей… Нами установлено, что Ярославский имел связь с каким-то англичанином, приехавшим из Америки в Париж, и к нему он и порывался ехать. Об установлении его личности нами сообщено в Париж». Подчищая хвосты после акции, ОГПУ вычислило, что англичанином был небезызвестный Сидней Рейли, который позднее тоже стал жертвой советских спецслужб.

В том же 1925 году из-за сходных причин порвал с ГПУ нелегальный резидент в Прибалтике Игнатий Дзевалтовский. В декабре 1925 года по приказу того же Трилиссера он был отравлен. Сделав небольшое историческое отступление, мы можем увидеть, что ликвидация невозвращенцев является старой доброй российской традицией, которую большевики только подхватили. В конце XVII века московский посол в Константинополе Петр Андреевич Толстой прислал царю Петру донесение, в котором речь шла о молодом подьячем Тимофее, который, познакомившись с турками, вздумал обасурманиться: «Я его призвал тайно и начал ему говорить, а он мне прямо объявил, что хочет обасурманиться; я его запер в своей спальне до ночи, а ночью он выпил рюмку вина и скоро умер; так его Бог сохранил от такой беды… Теперь, опасаясь того же, я хотел бы отпустить тех людей, от которых боюсь отступничества». Толстой впоследствии принимал участие во всеевропейской охоте российских спецслужб на царственного невозвращенца – царевича Алексея. Так что спецслужбы молодой советской республики развили добрые старые традиции российской монархии.

Под «крышу» НКВД «Специальный кабинет» перешел в 1937 году и подчинялся непосредственно начальнику спецотдела оперативной техники при комендатуре НКВД. «Кабинет» Ежова занял место «камеры» Ягоды. Спецам последнего «железный нарком» не доверял. Но с падением Ежова пал и «кабинет». В 1938 году профессора Казакова расстреляли. Остатки «кабинета» влились в 4-е Спецуправление, и во главе стал полковник медицинской службы, профессор Майрановский. Ведущую исследовательскую группу, которая непосредственно работала над созданием различных ядов, возглавлял директор Института биохимии академик Бах.

Следует сказать, что спецслужбы не терпели конкуренции в области ядов. Примером тому может служить судьба профессора Евгения Ивановича Шпитального. Он был крупнейшим специалистом в области химии отравляющих веществ, славился честностью и щепетильностью. Его арестовали весной 1929 года. Попытки знакомых выяснить причину ареста натыкались на стену молчания. И только Георгий Максимилианович Кржижановский под большим секретом рассказал ученым-ходатаям: Шпитального обвиняют в том, что три года тому назад на собрании в Большом театре он хотел разом отравить всех вождей, сам же показывал пузырек с ядом, которого на всех хватит. Коллеги «химика-отравителя» вспомнили тот случай. «Страшный яд» был всего-навсего пузырьком с водой, который для наглядности Евгений Иванович показал во время доклада, какие, мол, ужасные отравы

бывают. Попытка вызволить ученого не удалась, да и не могла удастся. Лубянка ликвидировала независимых спецов.

В 1951 году по личному распоряжению Сталина в МГБ прошла очередная чистка. По обвинению в космополитизме и сионизме был арестован целый ряд высокопоставленных чекистов, в том числе и Майрановский. Однако, в отличие от большинства арестованных, которых или расстреляли или приговорили к длительным срокам тюремного заключения, шефу «спецкабинета» повезло – ему дали всего лишь десять лет за незаконное хранение ядов и злоупотребление служебным положением. После смерти Сталина Майрановского должны были освободить по протекции Берии, но выйти из Лефортова специалист по ядам не успел – в июне расстреляли и Лаврентия Павловича. В итоге Майрановскому навесили еще один срок – на этот раз как соучастнику Берии.

МАСКА С ХЛОРОФОРМОМ

Написанная Борисом Пильняком «Повесть непогашенной луны» во второй половине 1920-х годов всколыхнула всю Москву. Судьба и образ героя этого произведения, командарма Гаврилова, зарезанного на операционном столе, были очень схожи с реальным персонажем, безвременно ушедшим из жизни Михаилом Васильевичем Фрунзе.

Герой Гражданской войны и руководитель Рабоче-Крестьянской Красной Армии был положен на операцию и умер во время нее по решению ЦК РКП(б) и лично товарища Сталина, заботившегося о здоровье старых друзей.

Операцию Фрунзе делали по поводу застарелой язвы желудка, но уже после вскрытия операционного поля выяснилось, что язва зарубцевалась и, фактически, резать нечего. Но процесс уже пошел. Для общего обезболивания Фрунзе первоначально дали эфир, но затем из-за резкого и длительного возбуждения перешли на хлороформ. В течение первых 20 минут было истрачено 140 г эфира, в последующие 45 минут – 60 г хлороформа, то есть расход эфира составил 7 г/м, хлороформа – 1,33 г/м.

В то время уже знали, что хлороформ представляет собой токсичное наркотическое вещество. Разница между наркотической и смертельной дозой была столь мала, а угроза передозировки столь велика, что применение его каждый раз напоминало игру с огнем. Скорость поступления хлороформа не должна была превышать 1 г/м. Совместное же использование эфира и хлороформа резко усиливало токсическое действие. Поэтому при комбинации данных препаратов их дозы всегда уменьшают. Но расход эфира и хлороформа в единицу времени во время операции у Фрунзе превосходил максимальные пределы, не говоря уже о комбинации наркотических средств.

Но был ли такой наркоз дан умышленно или же это обычная врачебная ошибка при необычном пациенте? Ответ можно найти в хронологии трагического для Фрунзе 1925 года.

19 марта 1925 года в Москве от «разрыва сердца» умер один из соратников Фрунзе в Гражданской войне, председатель союзного совета Закавказской СФСР Н. Нариманов.

Почти сразу после его смерти, 22 марта в авиакатастрофе погибли близкие друзья Фрунзе – Первый секретарь Закавказского крайкома РКП(б) А. Мясников и председатель Закавказской ЧК С. Могилевский. Причины катастрофы установлены не были.

В июне 1925 года Фрунзе дважды попадает в странные автокатастрофы. 6 августа на даче под Одессой убит командир 2-го кавкорпуса, герой Гражданской войны Григорий Котовский. Причиной убийства названа бытовая ревность. Убийце дали десять лет, но через два года выпустили на свободу.

27 августа в озере под Нью-Йорком агентами ГПУ утоплены Э. Склянский, бывший заместитель Троцкого в Реввоенсовете, поддерживавший Фрунзе, и И. Хургин, председатель АО «Амторг». 28 августа на подмосковной станции Перово под колесами поезда погибает В. Павлов, председатель Автотреста, близкий знакомый Фрунзе. В конце августа в автокатастрофе погиб начальник Мосгубмилиции Ф. Цируль, соратник Фрунзе в Гражданской войне. 2 сентября Фрунзе «выпадает на полном ходу из автомобиля», чудом остается в живых.

Слишком уж черным был 1925 год для окружения Фрунзе, чтобы это было простым совпадением. Чуть позже Иосиф Виссарионович, усмехаясь в усы, говорил, что Фрунзе сам настаивал на операции. Во всяком случае, никакого решения ЦК о срочной госпитализации, которое Ворошилов передал Фрунзе, не было. И именно Ворошилов, который представлял клан «конников», составивших оппозицию Фрунзе в вопросе военной реформы, был назначен наркомвоенмором.

Сам Михаил Васильевич говорил накануне операции: «От страха виски седеют». В письме жене он написал: «Чувствую, что на смерть иду, а умирать-то не хочется». Фрунзе видел и понимал, что смерть, ходящая вокруг кругами, все ближе и ближе и что операцию ему не пережить. И в ночь на 31 октября 1925 года, через 39 часов после операции, не приходя в сознание, он скончался. Через год после смерти мужа жена Фрунзе, убежденная в том, что его зарезали, покончила с собой.

Хирурги же, оперировавшие Фрунзе, вдруг сразу скончались в течение одного 1934 года, года смерти Кирова. Первым погиб «от сепсиса» А. Мартынов. За ним И. Греков, умерший «вследствие ослабления сердечной деятельности». В. Резанов скончался в октябре, «вследствие сердечной недостаточности».

Из тех, кто присутствовал в операционной, остался в живых лишь доктор А. Очкин. Именно он, не будучи наркологом и не имея опыта работы с анестезией, занимался наркозом во время операции Фрунзе. Он вынырнул на свет еще раз в связи со смертью высокопоставленного пациента в 1939 году. В течение трех суток Очкин наблюдал мучения вдовы Ленина, погибавшей от «перитонита», но не пришел ей на помощь, мотивируя отказ от операции тяжелым состоянием больной. А через неделю Очкин был награжден орденом Ленина «за выдающиеся заслуги».

Фрунзе был первым из когорты «верных ленинцев», которые последовали в могилу за вождем в 1920 -1930-е годы. Еще все делалось тайно, отрабатывалась методика, тем более, что ГПУ возглавлял не тот человек, который был нужен на этом месте Сталину. Из этого логически выплывала фигура следующей жертвы.

УХОД «ЖЕЛЕЗНОГО ФЕЛИКСА»

Конец жизненного пути «железного Феликса» пришелся на разгар НЭПа. В феврале 1924 года ко многим своим должностям он прибавил еще одну – председателя Высшего Совета Народного Хозяйства, несколько отойдя от руководства советской службой безопасности.

В целом ничто не указывало на то, что он мешает главному «любителю острых блюд» – Сталину, который не чурался «окончательных» решений. Фактически Дзержинский стоял на стороне генсека в борьбе с оппозицией. Троцкий писал: «Охлаждение между Лениным и Дзержинским началось тогда, когда Дзержинский понял, что Ленин не считает его способным на руководящую хозяйственную работу – это и подтолкнуло Дзержинского перейти на сторону Сталина. Со смертного одра Ленин направлял свой удар против Сталина и Дзержинского».

Стиль работы нового главного хозяйственника страны вполне удовлетворял кремлевское руководство. «Знаю одно, если не найдете хирургического метода и хирургов – ни черта не выйдет! Доклады, доклады, доклады. Отчеты, отчеты, отчеты. Цифры, таблицы, бесконечный ряд цифр. Как взяться за дело? Здесь необходима хирургия. Надо найти смелую и знающую группу людей и дать им нож, безапелляционный». Недаром Владимир Ильич называл Дзержинского «горячим кровным конем».

Но такое руководство и такие решения никак не могли привести к желаемому результату. И все больше погружаясь в трясину хозяйственной неразберихи, председательствований, Дзержинский из грозной фигуры шефа могущественной ЧК превращался в аутсайдера борьбы за место в Кремле. Поэтому его насильственная смерть никому не была нужна. И только драматичность кончины «железного Феликса» породила толки о яде.

20 июня 1926 года на съезде партии Дзержинский выступил с программной речью о хозяйственном положении страны и его перспективах. Волнуясь и пересыпая выступления угрозами в адрес противников, Дзержинский убеждал аудиторию в своей правоте. Сойдя с трибуны, он плохо себя чувствовал и через два часа упал и умер от «приступа грудной жабы».

Именно это драматическое выступление и внезапная смерть же после окончания доклада и породили многочисленные слухи об отравлении. В отравители «железного Феликса» записывали и Троцкого, и Каменева, и Сталина. Но, вероятнее всего, Дзержинский умер собственной смертью. Как политик он уже

никому не был страшен, хотя для старой ленинской гвардии был той фигурой, вокруг которой они могли бы сплотиться в противостоянии Сталину. Вот что написал по поводу смерти Дзержинского его старый товарищ по партии Бонч-Бруевич: «Известие о столь неожиданной и так поразившей меня смерти т. Ф. Э. Дзержинского застало меня за границей. Смерть его еще тем более ужасна, что она совпадает как раз с днями величайшего напряжения внутри нашей Партии».

О своевременности смерти «железного Феликса» пишет американский историк Роберт Конквест: «Как и в случае с Куйбышевым, мы видим, что смерть наступила в момент, очень для Сталина удобный. Большинство смертей, наступивших в удобное для Сталина время, «случилось» по очевидным причинам именно тогда, когда было надо, – ни раньше, ни позже». Разведчик-невозвращенец Игнатий Райе передал западным журналистам слова Ежова, что «Дзержинский ненадежен» и что он сопротивлялся решению Сталина подчинить ГПУ лично «лучшему другу чекистов». Известно, что Дзержинский отказывался делать оперативные доклады о работе ГПУ лично генсеку. Между генсеком и руководителем ГПУ возникали конфликты и по другим вопросам. Дзержинский высказался против назначения в органы людей аппаратом Орграспреда ЦК, который подчинялся Сталину. Иосиф Виссарионович на это мягко заметил: «Нет, Феликс, речь идет о системе партийного контроля, о системе партийного руководства. Нужно обязательно, чтобы партия назначала руководящих людей. Тебе трудно самому как наркому, и ты должен быть благодарен ЦК за это». Исходя из приведенных мнений, опять утверждать, что смерть Дзержинского была естественной на 100 %, невозможно.

Руководителю советской спецслужбы надо было бы в свое время обратить внимание на слова, которые произнес Сталин на похоронах Фрунзе, умершего несколько ранее на операционном столе от передозировки хлороформа: «Может быть, это так именно и нужно, чтобы старые товарищи так легко и так просто спускались в могилу». Товарищ Сталин всегда умел предвидеть будущее. Поэтому он не препятствовал отбытию 2 июня экспедиции Рерихов в Тибет, которая была организована под патронатом начальника ОГПУ Дзержинского и отбыла в день его похорон. Тайны тибетской медицины еще могли в дальнейшем пригодиться.

Он обладал своеобразным юмором. Чтобы окончательно подтвердить миф о «железном Феликсе», с его благословения в 1938 году в Ворошиловграде паровозостроительный завод выпустил новый паровоз «Феликс Дзержинский»; один из этих

паровозов потом тянул по рельсам правительственный поезд товарища Сталина.

ЧЕМОДАНЧИК ЯГОДЫ И ДРУГИЕ

После смерти Менжинского был наконец-то узаконен его преемник на посту начальника ОГПУ-НКВД, который фактически последние годы, когда шеф чекистов дипломатично прихварывал, выполнял работу главы карающего органа пролетариата. Глава ОГПУ с 1930 года находился в полуопале. Сталин его в Кремль не вызывал, но убрать не решался. Менжинский слишком много знал. Главный чекист все реже приходит на работу, сидит дома, учит древнеперсидский язык, чтобы читать в подлиннике Омара Хайяма. Врачи запрещают ему двигаться, и он, полупарализованный, лежит с книжкой на диване, с минуту на минуту ожидая убийц, так как в последние годы страдал паранойей. Он номинально возглавляет ОГПУ до мая 1934 года, но все больше власти забирает его бывший секретарь, а потом заместитель, Ягода. И наступил момент, когда Ягода дает ему яд и отправляет своего начальника в отставку. Закончилась карьера человека, о котором Ленин отзывался с усмешечкой: «У нас такое большое хозяйство, что всякий мерзавец нужен».

Генрих Григорьевич Ягода стал полноправным хозяином Лубянки. Не будем останавливаться на всех перипетиях его карьеры, напомним только одну его идею, высказанную в 1929 году о «гигантском строительстве искусственных водных путей», которая стоила сотни тысяч человеческих жизней, следует указать также на некоторые факты, имеющие касательство к теме данной книги.

Выходец из еврейского местечка Царства Польского Ягода на родительские гроши выучился на фармацевта (хотя по другим данным, аптекарем был его отец, Герш Филиппович, а Генрих выучился на статистика). Эта специальность и сыграла свою решающую роль в его карьере на ниве борьбы с врагами советской власти. Уже работая на высоких должностях в органах, Ягода стал инициатором создания серьезного медицинского подразделения, которое начало заниматься экспериментированием с медицинскими препаратами и ядами. Оно называлось «камера».

Когда на одном из «больших московских процессов» на скамье подсудимых оказался сам Генрих Григорьевич, то его специальность провизора ему припомнили не раз. Его обвинили в организации отравления своего предшественника Менжинского, великого пролетарского писателя Горького, сына писателя, М. Пешкова, и председателя Госпланового комитета В. В. Куйбышева. На следствии Ягоде напомнили, как он хвалился

отравлением Куйбышева перед Хозяином. Ягода, к которому, в отличие от его подельников, методов физического воздействия не применяли, согласился со всеми обвинениями, но не желал признавать работу на иностранные разведки. Потом пошел навстречу следствию и в этом вопросе. Обвинение Ягоды в отравлениях было совершенно правомочно, так как долгие годы он отвечал за питание кремлевских руководителей. Спецотдел ОГПУ, находившийся в непосредственном ведении Ягоды, контролировал снабжение Кремля, начиная со специальных подмосковных хозяйств, где все выращивалось под неусыпным наблюдением сотрудников Ягоды, и кончая обеспечением продукции кремлевских вождей, которых обслуживали сотрудники ОГПУ.

Но и за Ягодой был свой контроль. Вот что вспоминает В. А. Давыдова, заслуженная артистка РСФСР, впоследствии профессор Тбилисской консерватории: «Мне стало плохо. Ягода предложил валерьянку. Ответила, что принимаю те лекарства, которые выписывает врач поликлиники Большого театра. Ягода настаивал, чтобы я приняла таблетку. Тогда я тайком заменила ее таблеткой, которая была в моей сумочке… Вечером встретилась с Маленковым: «Хорошо сделали, что не воспользовались его лекарствами». Достала из сумочки спрятанную таблетку, и мы поехали в научно-исследовательский институт. Сотрудники привели немецкую овчарку. Профессор Воскобойников вложил таблетку в кусок мяса, который дал псу. Собака жадно сожрала угощение. Через час пес сдох. Этот эпизод был заснят на кинопленку. «Как это? Товарищ Сталин и Центральный Комитет партии, зная, что Ягода – бандит, все же позволяют ему занимать такой ответственный пост?» – «Все течет, все изменяется», – увернулся от ответа Маленков». Факты против Ягоды постепенно накапливались и стали уликами на процессе.

Прокурор, кипя от негодования, утверждал, что Ягода даже начал подмешивать яд самому Ежову, но, к счастью для граждан СССР, не успел добиться своей цели, т. к. был вовремя уличен. По показанию его секретаря и доверенного лица Буланова, Ягода имел особый шкаф с ядами, откуда, по мере надобности, извлекал драгоценные флаконы и передавал их своим агентам с соответствующей инструкцией. Ягода проходил по процессу «антисоветского правотроцкистского блока». В 1988 году комиссия ЦК КПСС рассмотрела материалы процесса, признала их сфальсифицированными и оправдала всех, кто был осужден по этому делу. Всех, кроме Ягоды.

Не один Ягода любил сильные яды для врагов. Уже в 1929 году начальник КРО ГПУ Артур Христианович Артузов создал

свою собственную лабораторию, где сотрудники осваивали приемы вскрытия дипломатической почты, подделку пломб, использование спецчернил для тайнописи, применение наркотических и отравляющих веществ.

Да и приход Ежова не означал отказа от ядов. В сентябре 1937 года в Лозанне в небольшом кафе должна была пройти операция по устранению разведчика-невозвращенца Натана Рейса и его жены Элизабет. Привлеченная к операции заместителем ИНО НКВД Шпигельглассом, немецкая коммунистка Шильдбах должна была передать приговоренной парочке коробку шоколадных конфет, отравленных стрихнином. Шильдбах встретилась с Рейсом и его женой в небольшом кафе в Лозанне 4 сентября 1937 года. Шильдбах была смертельна бледна и взвинчена, что, впрочем, неудивительно, поскольку рядом за столиком сидели проверяющие из советской резидентуры – Роллан Абиа и Рената Штайнер, разыгрывающие влюбленную парочку. И все же Шильдбах, которую в свое время привлек для работы в разведке именно Рейс, нашла в себе силы не до конца следовать инструкциям Шпигельгласса и не передала Элизабет коробку шоколадных конфет. Впрочем, после того как Элизабет ушла, Шильдбах взяла себя в руки и сумела заманить Рейса на дорогу, ведущую из Лозанны на Шамбланд, где его в упор расстреляли боевики – Абиа и Афанасьев. Позднее швейцарская полиция нашла злополучную коробку. Коробка была передана в Швейцарию из Парижа через так называемый «Союз возвращения на Родину», который был инфильтрован сотрудниками НКВД.

При проведении зачистки в НКВД отравили и главу внешней разведки А. А. Слуцкого, воевавшего в Средней Азии против басмачей, организатора в 1928 году «шахтинского дела». Авторитет Сталина для него был непоколебим, но он мешал Ежову. Слуцкому организовали повышение – наркомом внутренних дел одной из среднеазиатских республик, где он когда-то гонялся за отрядами басмачей, и во время банкета по поводу проводов на новое место службы он был отравлен прямо в кабинете Ежова. Слуцкому устроили пышные похороны, чтобы не распугать сотрудников Иностранного отдела и резидентов. Выступая на закрытом судебном заседании военной коллегии Верховного суда 3 февраля 1940 года, Ежов объяснил: «В отношении Слуцкого я имел от директивных органов указание: Слуцкого не арестовывать, а устранить другим путем… Так как иначе вся наша зарубежная разведка разбежалась бы. И Слуцкий был отравлен». Легко понять, кто был этот «директивный орган», приказывающий всесильному Ежову.

СМЕРТЬ НА ВЗЛЕТЕ

Иван Павлов был достаточно популярной фигурой в военных кругах Красной Армии. Бывший офицер, не раздумывая, перешел на сторону большевиков во время Гражданской войны, он был близок к окружению Тухачевского, с которым был знаком еще с 1920 года. В то время Павлов на Южном и на Юго-Западном фронтах командовал авиацией 8-й и 13-й армий. Гражданскую войну авиатор закончил с тремя орденами Красного Знамени. В 1920-е годы Павлов учился в академии и в начале 1930-х годов был назначен на должность начальника Главной инспекции Красной Армии. Он поддерживал Тухачевского в его борьбе с группировкой «кавалеристов» во главе с Ворошиловым и Буденным, за спиной которых стоял Сталин.

1936 год стал годом разработки плана устранения Тухачевского и его окружения. Готовился большой процесс, но одновременно практиковались и методы индивидуального устранения. В отдельных случаях использовались «несчастные случаи», в других – «чемоданчик Ягоды». На комдиве Павлове испробовали именно «чемоданчик».

Он поехал отдыхать в Крым в ведомственный санаторий. Пройдя курс лечения и получив необходимые процедуры, Павлов отправился в Москву. В вагонном окне уже мелькали палисадники Подмосковья, как вдруг ему стало плохо. Доехав на такси домой, он только и успел сказать жене: «Меня отравили». Прибывшая «скорая помощь» констатировала смерть. Позднее в заключении патологоанатома причиной смерти была названа типичная для того времени болезнь – сердечная недостаточность.

Хоронили Павлова пышно, по второму разряду, с почетным караулом, салютом, местом захоронения определили Новодевичье кладбище.

37-й ПО-МОНГОЛЬСКИ

Одним из ближайших друзей и последователей Советского Союза долгие десятилетия была Монголия. Не успевал кто-нибудь в Кремле чихнуть, как в Улан-Баторе уже желали доброго здоровья. Поэтому, когда в Москве началась «большая чистка», ее тут же подхватили в бескрайних монгольских степях.

Так как троцкизм и правый оппортунизм до Улан-Батора не добрались, начать решили с военных. В свое время возле вождя и учителя монгольского народа Сухэ-Ба-тора подвизался молодой арат Г. Дэмид. Он хорошо себя проявил в боях с войсками барона Унгерна, за что получил от Москвы орден Боевого Красного Знамени. Затем, следуя моде монгольских партийцев, женился на россиянке Нине Богдановой, получил военное образование в СССР, успешно делал военную карьеру. В начале 1930-х годов ему присвоили звание маршала и назначили военным министром и главнокомандующим.

Но бурная карьера молодого маршала не очень нравилась ставленнику НКВД, тоже маршалу – Чойбалсану. Поэтому доносы шли на Лубянку регулярно. Тем более, у Дэмида были подозрительные связи с Тухачевским и другими «врагами народа» из советских военных. Ежов пошел навстречу монгольскому другу, и на почву Монголии решено было перенести опыт, уже апробированный на просторах Советского Союза.

Маршал Г. Дэмид скоропостижно скончался в конце августа 1937 года в возрасте 37 лет. В Постановлении Президиума ЦК МНРП сообщалось, что смерть наступила в результате пищевого отравления. «Кончина товарища Г. Дэмида, – говорилось в документе, – весьма подозрительна, если учесть, что японские агрессоры оккупируют Северный Китай и готовятся напасть на нашу страну. Возможно, эта акция осуществлена по наущению врагов СССР и Монголии». Но эта версия продержалась недолго. Врагов аратов в Монголии становилось все больше, и монгольским чекистам и их московским консультантам нужно было найти главного врага. Поэтому уже полтора месяца спустя прокурор республики заявил, что Дэмид и Гэндэн (в то время премьер-министр Монголии) «сколачивали шпионско-контрреволюционную организацию».

После этого процесс пошел по накатанной колее. Были арестованы жена, отец и братья умершего главнокомандующего. Его сослуживцы также оказались разоблаченными «врагами», и у органов получилась настоящая контрреволюционная организация. Все по делу Дэмида-Гэндэна получили свое. Кто

пулю, кто сибирские лагеря (так как тайги в Монголии не было, то братья-монголы валили лес в СССР). После суда над «приспешниками Дэмида» репрессии в Монголии развернулись на полную катушку. Из 11 лидеров компартии Монголии остался один маршал Чойбалсан. А НКВД поставило галочку в перечне мероприятий по отработке очередного приема по устранению неугодных.

СТАЛИН И ЯДЫ

Иосиф Виссарионович, частенько делая гадости окружающим, и сам ожидал от них того же. Его становление как большевика-ленинца происходило в среде Боевой организации партии, занимающейся экспроприацией и устранениями сатрапов и провокаторов. Дележка добычи частенько превращалась в кровавые разборки. Нравы боевиков не смог выдержать даже ее создатель– Красин, но Сталин чувствовал себя как рыба в кровавых водах террора. Впоследствии, после захвата власти большевиками, нравы полукриминальной Боевой организации были перенесены в ЦК и Политбюро. И часто последним аргументом в партийной дискуссии становился яд. В середине 1920-х годов, просматривая газету, Сталин прочел сообщение об отравлении одного из лидеров оппозиции в Персии: «Вот видишь, – сказал генсек Ворошилову, – как они решают вопрос об оппозиции».

Поэтому вождь и друг детей постоянно был начеку, чтобы отразить попытку соратников решить кадровый вопрос с товарищем Сталиным с помощью яда. Но сам Иосиф Виссарионович был всегда не прочь испробовать что-нибудь из арсенала Борджиа на своих коллегах, правда не самолично, а используя для этого верных исполнителей.

Вот что писал известный исследователь коммунистического режима Б. Николаевский: «Отравления с помощью врачей с давних пор были излюбленным приемом Сталина. Вспомните рассказ Троцкого о том, что он уже тогда перестал покупать лекарства в кремлевской аптеке на свое имя. Конечно,

отравителями были не Плетнев и Левин. Но отравители были. Об этом знали, об этом говорили, и Сталин поступал по-сталински, возводя вину в отравлениях на тех, кто был препятствием в широком применении этого метода устранения противников… Сталин, сам применявший отраву для устранения противников, конечно, не мог не опасаться, что яд будет направлен против него. Отсюда его подозрительность».

У Сталина была служанка, единственная функция которой заключалась в том, что она заливала кипятком запечатанные пакетики чая, хранившиеся в запертом шкафу, который открывался только в присутствии сотрудников НКВД. Однажды охранник обнаружил в шкафу распечатанный пакетик с чаем, после чего эту женщину арестовали.

Сталин считал потенциальным отравителем любого из членов Политбюро. Хрущев рассказывал, что, садясь со своими соратниками за стол, Сталин сначала заставлял каждого из них под различными, хотя и весьма прозрачными предлогами, пробовать все, что подано, и лишь потом сам начинал пить и есть. «У нас имелись излюбленные блюда, а повара их хорошо готовили. Харчо был очень вкусным. Его брали все подряд, и тут уж Сталин не сомневался», – вспоминал Никита Сергеевич. Лишь Берия не должен был пробовать пищу: он ел только зелень и привозил ее с собой.

Для оправдания сталинской паранойи можно привести такой факт. Находясь на конгрессе в Копенгагене, доктор из Санупра Плетнев, который был впоследствии осужден на «московских процессах», заявил в частной беседе с Флемингом, лауреатом Нобелевской премии: «Моя родина превращена злым гением Сталина в концентрационный лагерь… Если бы я не принимал клятву Гиппократа или не был бы российским аристократом, я бы отравил Сталина, чтобы избавить мою несчастную родину от чудовища, но я – человек чести и слова, я выпью до конца ту чашу, которую принуждают пить мой несчастный, искалеченный и зараженный моральной проказой народ».

Значительно конкретнее были планы отравления Сталина, разработанные немецкой разведкой. В Смоленскую область были заброшены двое диверсантов: мужчина и женщина. Один из них, по документам Шилов-Таврин, – майор СМЕРШа, Герой Советского Союза, вторая, опять-таки по документам, – его жена. Они должны были устроиться в Москве. Затем им предписывалось проникнуть на какое-либо торжественное собрание, где бы присутствовал Сталин. «Майор Таврин» должен был выстрелить в вождя отравленной пулей. В качестве запасного рассматривался вариант, при котором им следовало расстрелять автомобиль

едущего отдыхать Верховного Главнокомандующего, для чего у диверсантов имелась портативная реактивная базука – «панцеркнакке». Но эти планы были из области шпионской фантастики. Диверсантов взяли 5 августа 1944 года там же, в Смоленской области, неподалеку от места приземления. 1 февраля 1952 года «Шилов» и его «жена» были приговорены к расстрелу.

На то, что Сталин больше всего боялся отравления, указывает и та тщательность, с которой он оградил свою Кунцевскую дачу-крепость от проникновения яда не только в пищу, но и из воздуха: «К его столу везли рыбу из специальных прудов, фазанов и барашков из специальных питомников, грузинское вино специального разлива, свежие фрукты доставлялись с юга самолетом. Он не знал, сколько требовалось транспортировок за государственный счет, чтобы регулярно доставлять все это к столу…» «База» существовала, главным образом, для того, чтобы специальные врачи подвергали химическому анализу на яды все съедобное, поставлявшееся на кухню. К каждому свертку с хлебом, мясом или фруктами прилагался специальный «акт», скрепленный печатями и подписью ответственного «ядолога»: «Отравляющих веществ не обнаружено». «Иногда доктор Дьяков появлялся у нас на квартире в Кремле со своими пробирками и «брал пробу воздуха» из всех комнат», – писала в своих мемуарах Светлана Аллилуева. Все приходящие в Кремль посылки с подарками вождю тут же отправлялись в лабораторию на исследование.

Кстати, Саддам Хуссейн, которого называли арабским Сталиным, тоже к столу получал запечатанные бутылки с напитками, которые прошли проверку у специалистов Амн-аль-Хасса, личной охраны диктатора, которой командовал сын Хуссейна, Кусай. А вот блюда на столе у вождя иракского народа пробовал сын шеф-повара. До такого даже Иосиф Виссарионович не додумался. В Москве распространились слухи о романтической смерти Надежды Аллилуевой, жены Сталина. Вместо вульгарного самоубийства ей приписывалось самопожертвование – якобы она отравилась, пробуя еду, приготовленную для своего достойного супруга. Но эта версия скорее всего – дезинформация.

Однако сталинская паранойя не позволяла ему полностью доверять даже членам Политбюро или проверенным медикам, и диктатор часто использовал для контроля за своей пищей случайных людей. Вот что вспоминал, например, Н. Т. Федоренко о своей работе переводчиком в 1949 году во время визита Мао Цзэдуна в Москву:

«… – Товарищ Федоренко, – обратился ко мне Сталин, –

подойдите ко мне с вашей тарелкой.

Когда я приблизился к нему, он, как обычно, не глядя в мою сторону, сказал:

– Возьмите это кушанье. Редкое это блюдо. Возможно, вы отведаете его первый раз в жизни… Первый и последний, как говорится.

Разумеется, я поблагодарил за угощение, но тревожная мысль сверлила мое сознание. Не могло не настораживать то, что официантка, показывая блюда хозяину, о чем-то с ним шепталась, а потом, вместо того, чтобы отнести это блюдо и поставить на сервировочный стол, поставила блюдо около Сталина.

– Так как же, товарищ Федоренко, понравилось вам блюдо? – вскоре спросил он меня.

– Извините, товарищ Сталин, замешкался я тут… – вымолвил я кое-как. – Очень деликатное…

– Что же вы молчали? – добавил он почти одобрительно.

Блюдо это, действительно, оказалось вкусным – печень индейки, приготовленная с перцем и солью. Кавказский деликатес».

После опробования на переводчике Сталин приступил к еде.

В ярко освещенном коридоре, ведущем к кабинету Сталина, через каждые десять метров стояли часовые в форме НКВД, вооруженные револьверами в раскрытых кобурах. Поговаривали, что пули в этих револьверах покрыты слоем цианистого калия. Любое, даже самое легкое ранение вызывало мгновенную смерть. И еще ходил слух, что больше всех боялся этих молодцов сам Сталин, убежденный, что когда-нибудь именно кто-то из них пристрелит его самого. Логика была простой: кроме этих головорезов, никто не имел права даже приближаться к кабинету вождя с оружием. Всех, независимо от звания и занимаемой должности, обыскивали на трех контрольных постах. Поэтому офицеров охраны расстреливали на всякий случай через каждые полгода, постепенно заменяя новыми, объявляя при этом, что те переведены на новое место службы, а родственники через известный промежуток времени получали извещение, что такой-то «погиб при исполнении служебных обязанностей», и им даже давали пенсию за погибшего.

«Собственные отравления» Сталин проводил не через Ягоду и его «чемоданчик», а по линии личного секретариата, хотя, конечно, отравители (особенно за границей) были из официального аппарата НКВД. Примером подобного использования яда на высшем уровне, например, была смерть Георгия Димитрова. Верный сталинист, Димитров, ставший после 1944 года безраздельным правителем Болгарии, укусил Хозяина

за руку. Задуманная им «балканская конфедерация» была попыткой выйти из-под контроля Сталина. Он поддержал независимый курс Белграда и, проезжая через Югославию в Москву по очередному вызову на «отдых» и «беседы», советовал югославам оставаться твердыми в своем споре с Москвой. В феврале 1948 года Сталин орал на Димитрова в своем кабинете: «Вы зарвались, как комсомолец… Вы и Югославия ничего не сообщаете о своих делах!» Из следующей своей поездки в Кремль Димитров в Болгарию больше не вернулся. Официальное сообщение гласило, что Димитров скончался 2 июля 1949 года «после продолжительной и тяжелой болезни (печень, диабет) в санатории «Барвиха» близ Москвы». Как и Ленина, по приказу Сталина Димитрова забальзамировали.

Но бывали случаи, когда Сталин категорически отказывался от использования яда и не давал возможности использовать его другим. Так, 10 декабря 1937 года он получил последнее письмо от «любимца партии» Бухарина, которое тот направил вождю из тюремной камеры смертников: «…Я бы просил, если это возможно, дать мне возможность умереть до суда, хотя я знаю, как ты сурово смотришь на такие вопросы… если вы предрешили смертный приговор, то я заранее прошу тебя, заклинаю прямо всем, что тебе дорого, заменить расстрел тем, что я сам выпью яд в своей камере (дать мне морфий, чтобы я заснул и не проснулся). Для меня этот пункт крайне важен. Дайте мне провести последние минуты, как я хочу, сжальтесь. Я не знаю, какие слова я должен найти, чтобы умолять об этом как о милости: ведь политически это ничему не помешает, да никто и знать не будет. Ты, зная меня хорошо, поймешь: я иногда смотрю в лицо смерти ясными глазами, точно так же, как знаю хорошо – что способен на храбрые поступки. А иногда тот же «я» бываю так смятен, что ничего во мне не остается. Так что если мне суждена смерть, прошу тебя о морфийной чаше (Сократ). Молю об этом…» Но Сталин был неумолим – никакого яда, Бухарчику только пуля.

Есть большая вероятность того, что и Сталина убрали с помощью яда. Его сын Василий категорически и во всеуслышание утверждал: отца отравили, отца убили! Дочь Сталина, Светлана Аллилуева, косвенно подтверждает это, описывая обстановку вокруг смертного одра вождя: «Агония была страшной. Она душила его у всех на глазах… В какой-то момент… он вдруг открыл глаза и обвел ими всех, кто стоял вокруг. Это был ужасный взгляд, то ли безумный, то ли гневный… Только один человек вел себя почти неприлично – это был Берия. Он был возбужден до крайности… лицо его то и дело искажалось от распиравших его страстей… Он подходил к кровати и подолгу

всматривался в лицо больного – отец иногда открывал глаза… Берия глядел тогда, впиваясь в эти затуманенные глаза». Следует заметить, что сын Сталина до самой своей смерти обвинял кремлевских соратников отца в убийстве. И сама смерть Василия 13 марта 1962 года вызвала много кривотолков об использовании яда. Диагноз о причинах смерти сына Сталина, поставленный казанскими врачами («сердечная недостаточность, развившаяся в результате резко выраженного атеросклероза на фоне алкогольной интоксикации»), мало кого убедил в естественности смерти. Хотя в деле о смерти Василия хранится также акт экспертизы: обследованы четыре бутылки с остатками вина, никаких следов яда в них не обнаружено.

В пользу версии отравления вождя говорит и тот факт, что незадолго до смерти Сталина был ликвидирован внутренний круг его охраны. Был арестован Николай Сидо-рович Власик, руководивший личной охраной. Он находился при Хозяине с 1919 года, а с 1936 года возглавил охрану генсека. Арестовали Власика 15 декабря 1952 года, а осудили уже при Хрущеве, в 1955 году. Во время допросов главного охранника у него добивались компромата на Поскребышева. Нашли или не нашли, но был убран и Александр Поскребышев, курировавший Особый сектор. 15 февраля 1953 года внезапно умирает комендант Кремля, генерал Петр Косынкин. Ему едва исполнилось 50 лет, а врачи ставят ему диагноз – инфаркт. В последние годы жизни Сталина был лишен доверия Сергей Александрович Ефимов, многолетний комендант сначала дачи в Зубалове, а потом Ближней в Кунцево. Убираются все специалисты Главсанупра, близкие к Сталину. Они проходят по «делу врачей». Фактически, Иосиф Виссарионович остается без системы охраны, которая создавалась десятилетиями.

Существует несколько версий смерти тирана, и одна из них гласит, что Сталина отравил Берия ядом замедленного действия. Это произошло с ведома Маленкова, Хрущева и Булганина. Авторханов, исследуя момент смерти Сталина, так описывает факт отравления: «Сообщив Сталину, что имеются убийственные данные против Хрущева в связи с «делом врачей», Берия вызывает свою сотрудницу с папкой документов. Не успел Берия положить папку перед Сталиным, как женщина плеснула Сталину в лицо какой-то летучей жидкостью, вероятно, эфиром. Сталин сразу потерял сознание, и она сделала ему несколько уколов, введя яд замедленного действия. Во время «лечения» Сталина в последующие дни эта женщина, уже в качестве врача, их повторяла в таких точно дозах, чтобы Сталин умер не сразу, а медленно и естественно».

В последние дни жизни «друга детей и спортсменов» добавилось работы его охране. Народ, узнав о болезни Сталина, засыпал своими предложениями разных методов лечения Минздрав. Экспертам пришлось разбираться – не было ли там рецептов, которые таили бы в себе отраву? В письмах отразилась вся палитра народных средств по лечению инсульта. От «горячих», поминутно сменяемых припарок в виде кусков ткани, «намачиваемых в горячей воде», до «приложения пиявок к голове» и «глубоких клизм из разведенной в воде молочной кислоты с сахаром». В числе добрых советов фигурируют медовые ванны из 10 кг меда, сырые яйца, сок из стеблей петрушки и сырого картофеля, вытяжки из эвкалипта, малиновое варенье, голодная диета.

Помимо этих невинных рекомендаций для спасения предлагались и довольно экзотические средства, такие как отвар из дохлых пчел. Домохозяйка Яковлева советовала попробовать целебный, по ее мнению, «настой из лягушек и лягушачьих гнезд». А некий Филипп Малушкин не поленился лично доставить капли на основе ландыша, корней мухомора и лаврового листа. Для подтверждения безвредности своего эликсира он даже отпил прилюдно глоток из бутылки. В Минздраве все рецепты аккуратно переписывались и отправлялись Маленкову в ЦК. Некоторые рекомендации рассматривались Ученым медицинским советом Минздрава. В отваре из петрушки специалисты не увидели криминала и признали, что этот метод применять можно, а вытяжку из эвкалипта дружно забраковали.

Пока одни искали пути спасения вождя, его приближенные уже делили власть. 5 марта 1953 года состоялось совместное заседание Пленума ЦК КПСС, Совета Министров, Президиума Верховного Совета СССР, которое продолжалось с 20 часов до 20 часов 40 минут, то есть закончилось за 1 час 10 минут до официально объявленного времени смерти Сталина. На заседании были решены оргвопросы – была поделена будущая власть между соратниками. Нужно было твердо знать, что диктатор уже не поднимется и не накажет товарищей из «ближнего круга», чтобы вести себя подобным образом.

Тайна смерти Сталина до сих пор остается тайной. Те, кто что-то мог знать, уходили за Хозяином. Так, охранник Хрусталев, дежуривший в ночь смерти Сталина и присутствовавший при его бальзамировании, был уволен. Но, будучи здоровым человеком, вдруг неожиданно заболел и умер. Мозг Сталина, как и многих других соратников и жертв вождя, был доставлен в Институт мозга, где должны были выявить материалистическую основу

гениальности «великого кормчего».

Возможно, действительно – что посеешь, то и пожнешь. Еще один факт в пользу версии об отравлении – Эрик Ян Хануссен, личный провидец Гитлера, который в начале 30-х годов, выступая в Берлине, предсказал, что Иосиф Сталин умрет насильственной смертью в августе 1953 года. Ошибся он ненамного. В конце 80-х годов XX века российские астрологи Глоба составили астрологический гороскоп для Иосифа Виссарионовича. В нем было сказано: «Его кончине предшествовали два затмения. Лунное затмение 29 января 1953 года было в 10-м разрушительном градусе Льва – оно коснулось его Нептуна, что могло дать ему тяжелую и тайную болезнь от отравления». Предсказывать после события, естественно, легче, чем до, но кто эти звезды знает? Символическим был последний жест умирающего вождя – он поднял левую руку и погрозил всем, кто стоял у смертного ложа. Он-то знал тайну своей смерти.

И даже после смерти Сталина его гроб был проверен на отсутствие отравляющих веществ, и данный факт был зафиксирован в акте. Дух вождя боялся ядов и на том свете.

ХОЗЯИН КУРОРТА

О руководителе Абхазии Несторе Аполлоновиче Лакобе лучше всего написал Фазиль Искандер в своем бессмертном «Сандро из Чегема». Хлебосольный хозяин, щедрой души человек, бессменный тамада на «пирах Валтасара», он обращался к Хозяину на «ты». Он был близок Иосифу Виссарионовичу и тем, что, как и Сталин, учился в семинарии и бросил ее, не доучившись. Но Коба, безжалостный горский разбойник, давно уже перестал быть Кобой, хотя разбойником оставался. Его коробило напоминание о прошлом. Он завидовал тому, что красавица Сарья, жена Лакобы, любит своего мужа. Он хмурился, видя искреннее веселье председателя ЦИК Абхазии, от его метких выстрелов вождя передергивало. И вообще, подозрительно это нежелание переезжать в Москву и делать карьеру по милости Хозяина, эта оппозиция фавориту Берии, который правил Кавказом – все это ставило руководителя солнечной Абхазии в двусмысленное положение. А Иосиф Виссарионович не любил, когда его старые друзья попадали в такую ситуацию.

И Нестора Лакобу отравили. Это случилось 28 ноября 1936 года во время его визита в Тбилиси. А вызвал его первый секретарь ЦК КП(б) Грузии Лаврентий Павлович Берия, ненавидевший Лакобу за его независимость, авторитет на Кавказе и близость к Сталину. Берия сидел в Тбилиси с 1931 года, когда из кресла главного кавказского чекиста пересел в кресло главного кавказского партийца. Сидел, ждал и дождался.

Тело старого большевика, одного из тех, кто беззаветно боролся за советскую власть на Кавказе, перевезли с почетом из Тбилиси в Сухуми для торжественного захоронения. Но прошло некоторое время, и Лакоба «оказался» троцкистом, турецким шпионом, вредителем, агентом охранки и иностранных разведок, а застолья закатывал, чтобы вождя отравить… Все эти обвинения подтвердили ближайшие сподвижники Лакобы в Абхазии, когда в 1937 году раскручивалось так называемое «абхазское дело». Причем, показания они подписывали добровольно, как, например, Михаил Чалмаз, заместитель председателя ЦИК Абхазии, которого даже не били.

Тело «врага народа» вырыли из могилы в центре Сухуми и куда-то вывезли. А солнечную Абхазию начали срочно грузинизировать, желая вытравить память о близком и далеком прошлом.

СМЕРТЕЛЬНЫЙ ДИАГНОЗ

Когда хоронили академика Владимира Михайловича Бехтерева, прочувственную речь у гроба произнес прокурор Вышинский. Речь имела большой резонанс, так как прокурор, хоть и не на процессе, а все же выступил.

А процесс по факту насильственной смерти не состоялся, возможный подсудимый сидел очень высоко. Как известно, Бехтерев, выдающийся невролог, психиатр и психолог, основатель науки рефлексологии, создатель научной школы, организатор и руководитель исследовательских институтов, один из которых до сих пор носит его имя, умер в одночасье внезапно и загадочно, будучи – до неожиданного быстро прогрессирующего ухудшения состояния организма – здоровым, бодрым и полным сил. В слухах, распространившихся по Москве, смерть ученого связали с диагнозом, незадолго до того поставленным им высокому пациенту – Иосифу Сталину, – паранойя.

В 1926 году Крамер, профессор кафедры нервных болезней Второго медицинского института, осматривал Сталина по поводу развивающейся атрофии мышц левой руки. Он и направил своего пациента на консультацию к Бехтереву, не подозревая о последствиях. Диагноз при обследовании действительно был поставлен. В понятие «паранойя» по отношению к Сталину Бехтерев вкладывал психопатию, когда человек сохраняет способность к логическим действиям, но в то же время преисполнен лживости и лицемерия, непомерной жестокости и стремления завуалировать свои личностные мотивы «высшей целью»; крайний эгоизм в сочетании с не менее крайней подозрительностью характеризует людей типа Сталина – «нероновского типа», как говорил Бехтерев.

Диагноз в истории остался, а вот отравление доказать невозможно, так как исполнители и организаторы сумели замести за собой следы. Но косвенные доказательства оказались настолько весомы, что эта история осталась в памяти нескольких поколений.

Неизвестно, каким образом после осмотра 23 декабря Сталину удается узнать заключение Бехтерева. Но с этого мгновения Бехтерев обречен, а поставленный им диагноз становится государственной тайной. Гнев Сталина усугубляется ясным пониманием того, насколько взрывоопасна эта информация в руках оппозиции, а Бехтерев – депутат Ленсовета – вполне способен поделиться ею с Зиновьевым.

Исполнители сталинской воли вынуждены спешить.

Операцию проводят по окончании спектакля, на котором присутствовал ученый. Расчет построен на применении одного из распространенных лекарственных средств, обладающих снотворным действием и высокой токсичностью в сравнительно малых дозах; тогда наступившую во сне смерть можно объяснить «параличом сердца». Этим требованиям отвечают, в частности, препараты группы опия. Однако вскоре после отравления у Бехтерева возникает рвота; при этом из организма удаляется значительная часть яда.

Операцию необходимо разрабатывать заново. Вечером в комнате Бехтерева появляются странные врачи. Принесенными с собой препаратами они подменяют лекарство, полученное в аптеке. Больной в очередной раз принимает якобы необходимую настойку. Через 30–40 минут его жена звонит в поликлинику. Смерть констатируют 23 декабря 1927 года в 23 часа 45 минут.

После смерти академика подделывается завещание, заметаются следы, проверяют и на всякий случай изымают записи Бехтерева за последние дни. Согласно подделанному завещанию, патологоанатомического исследования не проводят, тело кремируют, а мозг передают в созданный Бехтеревым институт в Ленинграде. Причем череп вскрывают прямо в квартире, мозг увозят на временное хранение в Патологоанатомический институт. Относительная масса мозга оказывается значительно больше средней, что можно объяснить его отеком. Следует добавить, что родные Бехтерева всегда отрицали версию отравления.

Несмотря на ликвидацию источника возможной утечки компрометирующей информации, сведения о диагнозе все же просочились за пределы СССР. Заключение о характере психического состояния Сталина передал на Запад Валентин Межлаук, зампредсовнаркома. Информация была передана из СССР через его брата Ивана Межлаука, который был организатором работы советского павильона на выставке в Париже в 1937 году. Позднее Валентин Межлаук был лично застрелен «железным наркомом» Ежовым.

О том, что болезнь у вождя прогрессировала, свидетельствовала и история постройки заборов на его любимой Кунцевской даче. Сначала она была ограждена простым деревянным забором без всякой колючей проволоки сверху, правда, высотой в 5 метров. А в 1938 году появился второй, внутренний, трехметровый забор, со смотровыми глазками. Между заборами бегали выдрессированные собаки, на заборах была электрическая сигнализация.

КОНФЕТЫ ДЛЯ БУРЕВЕСТНИКА

6 июня 1936 года в «Правде» появилось «Сообщение о болезни А. М. Горького», в котором говорилось, что 1 июня писатель «серьезно заболел гриппом, осложнившимся в дальнейшем течении катаральными изменениями в легких и явлениями ослабления сердечной деятельности», и что «он находится под врачебным наблюдением доктора Л. Левина и профессора Г. Ланга».

Болезнь развивалась точно так же, как два года назад у сына Максима. А сына, Горький был почти уверен в этом, убили сотрудники НКВД. Теперь Алексея Максимовича лечили и консультировали в Горках 17 самых известных врачей из Москвы и Ленинграда. Но больному становилось все хуже.

Затем до дня смерти Горького в газетах появлялись короткие бюллетени о состоянии его здоровья, которые подписывали, помимо вышеназванных медиков, нарком здравоохранения СССР Г. Каминский, начсанупра Кремля И. Ходоровский, известные терапевты М. Кончаловский и Д. Плетнев. Одновременно в доме писателя на Малой Никитской, а потом и в Горках (по кремлевской «вертушке») раздавались звонки – неизвестные интересовались, куда доставлять венки и посылать телеграммы соболезнования. Несколько таких телеграмм при жизни Алексея Максимовича были доставлены. Но этого мало. На Малую Никитскую приходили люди с ордером районного архитектора на занятие «освободившегося» дома. Такой психологический прессинг не прибавлял сил больному.

19 июня вместе с некрологом в газете «Правда» было

помещено медицинское заключение о болезни и смерти писателя и заключение к протоколу вскрытия, которое производил известный патологоанатом И.Давыдовский в присутствии лечащих врачей. Там сказано: «Смерть А. М. Горького последовала в связи с острым воспалительным процессом в нижней доли левого легкого, повлекшим за собой острое расширение и паралич сердца».

На следующий день «Правда» опубликовала беседу с профессором М. Кончаловским «Последние дни жизни А. М. Горького». В ней говорилось о том, что 8 июня писателя посетили Сталин, Молотов, Ворошилов. А. М. Горькому стало лучше. 16 июня после консилиума, узнав от врачей о благоприятной точке зрения на его болезнь, Алексей Максимович крепко пожал руку Кончаловскому и сказал: «– Ну, по-видимому, я поправлюсь…» Но не выдержало надорванное сердце… Не выдержали больные легкие… Алексея Максимовича не стало». 18 июня, когда умер писатель, его, в отличие от вождей, не успел посетить еще один гость. То был французский писатель Андре Жид. Он хотел видеть Горького, но тот умер, и встреча не состоялась. Не посетил Буревестника и Луи Арагон, прибывший в Москву после получения отчаянного письма от Алексея Максимовича. Луи Арагон в 1965 году написал роман «Умерщвление», в котором описал смерть Горького и высказал предположение, что гибель писателя ускорили его резкие протесты против репрессий, которые он направлял Сталину, и попытки связаться с западной интеллигенцией. Поводом для ускорения ликвидации могло послужить и то, что за несколько дней до своей смерти Горький получил из Лондона свой архив, присланный баронессой Будберг. Горький, имевший тесные связи с большевиками еще до революции, накопил за годы жизни достаточно взрывоопасного материала, который кое-кто хотел бы уничтожить.

Об изоляции Горького в последние годы перед смертью оставил свидетельства советский писатель Михаил Слонимский: «С 1933 года в доме Горького стали господствовать Ягода, Крючков. К ним прибавился Авербах, родственник Ягоды… После съезда писателей стало невозможно пробиться… Приходишь – а в первой же комнате, в углу, за большим столом, компания молодых людей с бицепсами, хорошо одетых, во главе с П. П. Крючковым. И сразу подымаются двое или трое, становятся на пути. Крючков и еще кто-нибудь кричат: «– А! Сюда!» А на столе коньяк, вина, ликеры, богатая закуска. И попадаешь в плен. Не вырваться. Расскажут случаи из жизни, подливают в рюмку… Пришвин, глядя поверх голов, прошел. Минут через 50 он вышел. Мы встали – и за ним. На улице Пришвин сказал: Алексей

Максимович все видит. Он говорит, что изолирован, в плену, в заключении». В последний месяц перед смертью Горькому отказали в поездке за границу на лечение. Вся переписка писателя просматривалась и его многочисленные письма к Ромену Роллану оседали в архиве Сталина.

Сразу же после смерти Горького присутствующие врачи приступили к вскрытию трупа прямо на стоявшем в спальне столе. Извлеченный мозг пролетарского писателя кинули в ведро. И его вынес к машине Петр Крючков, доверенный человек Ягоды, состоявший при Горьком в качестве личного секретаря. «Неприятно было нести это ведро с мозгами еще недавно живого человека», – запишет он 30 июля 1936 года. Мозг Горького по распоряжению Сталина доставили в Институт мозга для дальнейших исследований.

В марте 1938 года растиражированная версия смерти Горького была официально опровергнута в ходе процесса так называемого Второго антисоветского правотроцкистского блока. На этом суде шла речь об убийстве писателя, совершенном доктором Л.Левиным (он якобы преднамеренно усугубил болезнь Горького). Один из обвиняемых, Бессонов, бывший советский дипломат, который работал в Берлине, показал на процессе, что Троцкий сказал: «Горький близко стоит к Сталину, он ближайший друг его и проводник генеральной линии партии. Вчерашние наши сторонники из интеллигенции в значительной мере под влиянием Горького отходят от нас. Горького надо убрать. Передайте это мое поручение Пятакову». Эти слова, естественно, были придуманы во время следствия.

А вот еще одной причиной, вполне реальной для устранения, была так называемая «партия беспартийных», или «Союз интеллигентов». Идею создания подобной организации выдвинула часть оппозиционно настроенной советской научной и творческой интеллигенции и, прежде всего, Максим Горький. «Союз» мог бы выступить на выборах в советский парламент отдельным списком, а в дальнейшем «конструктивно помогать» правящей партии – ВКП(б). Предполагалось, что список кандидатов в депутаты от этой партии возглавят А. М. Горький, академик И. П. Павлов, А. П. Карпинский (президент АН СССР) и В. И. Вернадский. Максим Горький стремился сделать власть более гуманной, пытался «перевоспитать» сначала Ленина, а затем и Сталина. Конечно, из этого ничего не могло выйти. Но Горький думал иначе. К слову, сначала скоропостижно скончались Карпинский и Павлов, а затем и пролетарский писатель.

Организатором убийства признал себя Ягода. Из показаний

на процессе следовало, что он требовал от своих подчиненных во что бы то ни стало убрать Горького физически. Ягода, при проведении тайного обыска, нашел в матраце дневник писателя и сказал Крючкову, секретарю Горького и агенту НКВД: «Вот ведь, старая б…! Сколько волка ни корми – все равно в лес смотрит!» Еще одной причиной для неприязни Ягоды к Горькому могла быть и чисто бытовая – глава НКВД был любовником жены сына Горького, Н. Пешковой.

Как исполнителя своих планов, которые касались и Буревестника, Ягода на следствии назвал докторов Плетнева и Левина. Плетнев дал следующие показания: «Ягода мне заявил, что я должен помочь ему в физическом устранении некоторых политических руководителей страны… Должен признать, что в моем согласии на эти преступления сыграли роль и мои антисоветские настроения, которые я до ареста всячески скрывал, двурушничая и заявляя о том, что я советский человек». Конкретно об отравлении Горького рассказал Левин, которого публично допросил прокурор Вышинский.

> «Вышинский: Левин, уточните дозировку лекарств.
>
> Левин: Горький получал до сорока шприцев камфоры в день.
>
> Вышинский: Плюс?..
>
> Л е в и н: Две инъекции дигалена.
>
> Вышинский: Плюс?..
>
> Левин: Плюс две инъекции стрихнина.
>
> Вышинский: Итого сорок четыре инъекций в день».

Но впоследствии Левин был реабилитирован за отсутствием состава преступления.

О том, что, вероятнее всего, отравление все-таки было, впервые заявили открыто в 1954 году. Подробности смерти Горького были изложены бывшей заключенной ГУЛАГа Бригиттой Герланд в «Социалистическом вестнике». В 1948 году она встретилась с профессором Д. Плетневым в Воркутинском лагере. Немка по происхождению, Бригитта Герланд работала фельдшером в лагерном лазарете под началом Д. Плетнева. Доктор рассказал ей, что во время болезни А. М. Горького на его ночном столике стояла бонбоньерка, в которую накануне смерти писателя кто-то положил конфеты. 18 июня 1936 года Горький щедро одарил конфетами двух санитаров и сам съел несколько штук. Через час у всех троих начались мучительные боли, а еще через час все трое умерли. Было немедленно произведено вскрытие, которое подтвердило, что смерть наступила от яда. Врачи об этом промолчали, опасаясь «карающего меча

революции». Не противоречили они и тому, что была продиктована лживая версия о смерти Горького. Но по Москве поползли слухи, будто писателя отравили по приказу Сталина, которому независимость Буревестника стала надоедать. В день смерти Горького воспитательница увезла его внучек – Марфу и Дарью – кататься на лодке и долго не отпускала, даже когда дети начали проситься домой. Лишь дождавшись сигнала с берега, она причалила к пристани. Дома дети узнали о смерти дедушки.

Через несколько дней, вопреки воле писателя (он хотел быть похороненным на Новодевичьем кладбище рядом с умершим ранее сыном), по решению правительства тело его сожгли и отказали вдове в просьбе о выделении ей горсти пепла.

Кстати, «профессор-философ» Юдин, он же секретарь Союза писателей и негласный сотрудник НКВД, еще 31 мая говорил своим знакомым, что Горький смертельно болен и надежды на благоприятный исход нет никакой. Нужно было отвлечь внимание публики, и тогда были придуманы «врачи-вредители».

ТОРТИК ДЛЯ НАДЕНЬКИ

Конец 1930-х, Москва. Отшумели публичные процессы над троцкистами, зиновьевцами, бухаринцами, шпионами, диверсантами, вредителями. Но кого-то продолжают сажать, а кого-то начинают выпускать. И в это время незаметно угасает государственная вдова, Надежда Константиновна Крупская. После разгрома большевистской гвардии, непреклонно мечтавшей о мировой революции, она осталась почти в одиночестве.

Крупская стала помехой планам генсека еще в декабре 1922 года, когда Политбюро возложило на Сталина заботы о здоровье заболевшего вождя. То она в письме Л. Б. Каменеву просила оградить ее «от грубого вмешательства в личную жизнь, недостойной брани и угроз», и Сталину пришлось приносить по этому поводу письменные извинения. То рассказала мужу, как Сталин обругал ее по телефону, в связи с чем Ленин продиктовал предпоследнее в своей жизни письмо, угрожая некогда верному, но неизменно грубому соратнику разрывом отношений. То публично защищала оппозицию, то протестовала против мумифицирования тела умершего мужа и, наконец, отказалась посещать Мавзолей. «А чем, собственно, отличается тов. Крупская от всякого другого ответственного товарища?» – спрашивал усатый генсек еще в 1925 году, но ни изолировать, ни ликвидировать ее ни в одном из трех московских процессов, где все подсудимые были товарищами и друзьями Крупской, все-таки не решился. Он умел выжидать.

Одиннадцать томов собственных сочинений о коммунистической педагогике не могли согреть душу Надежды Константиновны, в которой поселились печаль и разочарование, но, естественно, только не в идеологии. Можно считать даже актом милосердия сталинский подарок с отравой в день рождения. Хотя следует заметить, что сталинская опала и недовольство были искусно замаскированы. Крупскую не трогали, когда она вступалась за арестованных старых большевиков, и даже устраивали показательные допросы в присутствии членов Политбюро. Правда, эти допросы, как, например, в случае обвинения Осипа Пятницкого, не могли убедить твердокаменную вдову в виновности старых товарищей. Как она могла поверить в предательство Пятницкого (Ароновича), если именно через него передала старому другу Карла Маркса – Эстману – ленинское «Завещание», которое Борис Суварин, один из руководителей французской компартии, позднее исключенный из нее по приказу Сталина, опубликовал в «Коммунистическом бюллетене».

Политбюро РКП(б) назвало эту публикацию фальшивкой и пропагандой, даже оппозиционный Троцкий выступил с опровержением ленинской работы, но все же руководителям партии пришлось ознакомить с «Завещанием» делегатов партийного съезда. И если бы Пятницкий действительно оказался тем, за кого его пыталось выдать следствие, то тайна передачи завещания непременно бы всплыла, и гнев Сталина был бы неописуем. Поэтому она не верила. В разгар арестов 1937 года Надежда Константиновна с Марией Ильиничной, сестрой Ленина, посетили в Кремле вождя. Они просили за старых большевиков, кинутых в застенки Лубянки. Сталин встретил их просьбы матом и криком: «Кого вы защищаете – убийц защищаете!» Крупскую и сестру Ленина вывели на улицу под руки, бледных и дрожащих.

Надежда Константиновна работала много и плодотворно – каждый день встречи, каждые два дня письмо, каждые три дня – выступление. Вот как прошел, к примеру, день 23 февраля, накануне дня ее рождения. Начала она работу с чтения 20 писем, написала одно, позвонила в ЦК партии Андрееву, затем Поспелову, потом встретилась с двумя товарищами, напоследок приняла участие в многочасовом заседании Совнаркома о Третьем пятилетнем плане. Говорить о какой-то болезни или упадке сил не приходится.

Хотя на окружающих Крупская производила впечатление призрака из прошлого. Вот какой ее видел в 1930-е годы молодой выдвиженец Никита Хрущев: «Бывало, придет дряхлая старушка, ее все сторонятся, потому что она была человеком, который не отражает партийной линии и к которому надо присматриваться, потому что он неправильно понимает политику партии».

26 февраля 1939 года Крупская праздновала свое семидесятилетие. Но так как этот день был рабочим, а настоящие большевики предрассудками не страдали, гости к юбилярше собрались заранее, 24 февраля съехались на дачу в Архангельском. Среди приехавших друзей были З. П. и Г. М. Кржижановские, В. Р. Менжинская. Прибывших встречала В. С. Дриздо, бессменная секретарша Крупской с 1919 года. Юбилярша была весела и бодра. Но уже поздним вечером, после десерта, Крупская почувствовала себя неважно, не отпускала боль в животе, и ее срочно увезли в кремлевскую больницу. Наблюдавшие ее врачи обнаружили все признаки кишечной непроходимости, но от оперативного вмешательства отказались. Было вынесено суждение о наличии воспалительного очага в брюшной полости в связи с закупоркой склеротических сосудов кишечника. Следствием закупорки стало общее омертвление части кишечника с последующим воспалением брюшины. Болезнь

развивалась стремительно и с самого начала сопровождалась резким ослаблением сердечной деятельности. Крупская потеряла сознание.

26 февраля она пришла в себя, была в полном сознании. Окружавшие рассказали ей обо всех поздравлениях, прибывших из Кремля «близкому другу и помощнику вождя», а также о телеграммах от советских пионеров. Крупская не теряла энергии и не собиралась долго лежать, намеревалась присутствовать на XVIII съезде партии, назначенном на март. Но 27 февраля 1939 года в 6 часов 15 минут утра ее сердце перестало биться. Вскрытие подтвердило вышеприведенный диагноз.

А теперь несколько слов о десерте, поданном на дне рождения. Это был присланный Сталиным торт. Все дружно ели его и хвалили. И лишь Крупская, одна из всех, умерла в больнице от острого отравления. Оставшиеся в живых участники вечера все последующие годы все как один отметали версию об отравлении. Однако, имея представление о разнообразии ядов, разрабатываемых в спецлабораториях, говорить о случайности не приходится.

После смерти Крупской 27 февраля появилось заключение врачей из «кремлевки»: «Заболевание началось с сильных болей во всем животе, к которым присоединилась многократная рвота, резко учащенный пульс, посинение носа и конечностей. При явлениях паралича сердечной деятельности тов. Крупская скончалась». Это заключение Сталин бережно хранил в своем архиве.

Уже 8 марта в прессе появился Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении орденом Ленина наблюдавших Крупскую врачей Спасокукоцкого и Очкина «за выдающиеся заслуги в области хирургии и лечебной помощи больным в больнице № 1 при Наркомздраве СССР».

На торжественных похоронах Сталин лично нес урну с прахом Крупской. Она удостоилась ниши в Кремлевской стене, но уже на следующий день после похорон на квартире и даче Крупской был произведен тщательный обыск, и часть архива была изъята. Издательство Наркомпроса получило директиву: «Ни одного слова больше не печатать о Крупской». Книги и брошюры Крупской изымались из библиотек для уничтожения и передачи в спецхран.

СЫН ТРОЦКОГО – ЖЕРТВА ОТРАВЛЕНИЯ

Лев Седов, сын Троцкого, в отличие от отца, за океан не уехал. Он оставался в Париже, осуществлял связь между группами троцкистов и выпускал, правдами и неправдами раздобывая средства, «Бюллетень оппозиции». Но его отец, живя в далекой Мексике и не зная условий работы в Европе, хотел значительно большего. Отчаянно пытаясь удовлетворить безрассудные требования Троцкого, Лев Седов продолжал откладывать операцию аппендицита, несмотря на рецидивы болей. После острого приступа, случившегося 8 февраля 1938 года, стало ясно, что медлить больше нельзя.

Этьен (агент Москвы Марк Зборовский) помог убедить Седова в том, что избежать наблюдения НКВД можно, сделав операцию не во французской больнице, а в небольшой частной клинике «Монморанси», которой владели российские эмигранты и где, хотя Седов ничего, вероятно, не подозревал, действовала агентура НКВД. Не успел Этьен вызвать «скорую помощь», как тут же (как он признался позднее) поставил в известность НКВД. Седова прооперировали вечером того же дня. В течение последующих нескольких дней он шел на поправку. Якобы по причинам безопасности Этьен отказался сообщить французским троцкистам адрес клиники (который он ранее сообщил НКВД). Седова посещали только его жена Жанна и Этьен. 13 февраля произошло неожиданное и таинственное обострение болезни. Седова обнаружили идущим по коридору клиники и выкрикивающим что-то в бреду. Хирург был настолько ошеломлен состоянием пациента, что спросил у его жены Жанны, не мог ли тот пытаться покончить с собой. В ответ на это Жанна расплакалась и сказала, что его, должно быть, отравили агенты НКВД. Состояние Седова быстро ухудшалось, несмотря на неоднократное переливание крови, 18 февраля он умер в мучениях. Ему исполнилось 32 года. Рутинная проверка определила причины смерти как послеоперационные осложнения, сердечную недостаточность и низкую сопротивляемость организма. Анализы на присутствие ядов в организме не проводились.

Ликвидацией Седова по личному распоряжению Ежова занимался сотрудник НКВД Серебрянский. Он был известен тем, что 13 июля 1937 года его утвердили начальником Специальной группы особого назначения (СГОН) при НКВД СССР. Серебрянский в свое время, по личному указанию Ягоды, принимал участие в создании токсикологической лаборатории НКВД. Первоначальной целью операции было не устранение

Седова, а его похищение. Для вывоза сына Троцкого за пределы Франции Серебрянский купил рыболовецкое судно, а для подстраховки – самолет. Но планы вывоза из-за подозрительности Седова сорвались, и тогда решили применить яд.

«ПАПУ ВСЕ-ТАКИ УБРАЛИ…»

8 ноября 1932 года в семье Сталина произошла страшная трагедия – застрелилась жена «кремлевского горца» (а может быть, он ее сам убрал) Надежда Аллилуева. Застрелилась из маленького дамского «вальтера», подаренного ей в Германии Павлом Аллилуевым, ее братом. «Ну, нашел что подарить», – сердился потом на брата жены Иосиф Виссарионович. Но, как обычно, расправу с провинившимся родственником он отложил.

Очередь Аллилуева пришла в период «большого террора». До этого он спокойно работал, занимаясь проблемами внешней торговли, дослужился до зам. наркома. Но кольцо вокруг него все сужалось и сужалось. Одного за другим сажали коллег Аллилуева по работе. Он по-родственному обращался к Сталину, и тот некоторых выпускал, еще больше свирепея от наглости подарившего пистолет брата.

Но дошла очередь и до провинившегося деверя. Как и комдив Павлов, Аллилуев приехал вечером 1 ноября 1938 года из Сочи, утром попил кофе, съел яйцо вкрутую, а в два часа позвонили с работы его жене: «Чем вы своего мужа накормили, его тошнит». Заболевшего Аллилуева отвезли в «кремлевку». Там он и умер. Жене даже не дали возможности попрощаться с ним.

Сталин сохранил в своем архиве заключение о смерти Павла Аллилуева: «2.11.38. Смерть П. Аллилуева последовала от паралича болезненно измененного сердца. Товарищ Аллилуев, вернувшись из Сочи 1.11.38, по словам окружающих, чувствовал себя хорошо, был оживлен и весел. Утром 2 ноября явился на работу также в хорошем настроении. В 11 часов почувствовал себя плохо, была обильная рвота, полуобморочное состояние… При поступлении обнаружено агонизирующее состояние, без сознания, с синюшностью лица. Больной в сознание не приходил, и через 20 минут наступила смерть».

Та же синюшность и рвота были у Крупской перед смертью.

Аллилуева хоронили пышно. Но семья знала, что «папу все-таки убрали». А вождь, вспоминая на Октябрьских праздниках о смерти жены, с чувством глубокого удовлетворения перечитывал заключение о смерти деверя: «Нашел что подарить».

Кстати, Сталин не оставил в покое и семью Павла Аллилуева. Берия, желая услужить Хозяину, сообщил, что вдова Павла, Женя, распространяет слухи, что ее муж был отравлен. Организация Лаврентия Павловича в ответ поспешила распространить свою версию событий: Аллилуев действительно был отравлен, но… женой! В конце концов 10 декабря 1947 года вдову арестовали.

«ЭВТАНАЗИЯ» – АКЦИЯ СС

Пробным камнем для начала чисток немецкого общества национал-социалисты избрали очищение немецкой нации от неизлечимо больных. Разработанная программа получила название «Эвтаназия больных с наследственными болезнями». В самом термине «эвтаназия», в принципе, нет ничего криминального. Он означает «облегчение умирания обезболивающими средствами». Но нацистская программа означала не «облегчение», а прямое убийство «людей, страдающих наследственными болезнями», как официально значилось в приказе Гитлера.

Для того чтобы обеспечить себе общественную поддержку, были задействованы средства массовой информации. Кроме газет, пропагандой «эвтаназии» занялось кино. В 1936 году был выпущен фильм «Необходимость для фризов», в 1940 году тему продолжил фильм «Я обвиняю».

Программу «эвтаназии» курировали лейб-врач Гитлера, профессор Брандт, и статс-секретарь по ведомству здравоохранения Леонардо Конти. Свои действия они координировали с рейхсляйтером Боулером. Программа умерщвления началась 1 сентября 1939 года, а официально была узаконена приказом фюрера, который был издан в октябре, но датирован 1 сентября. Как утверждают, это был последний приказ Гитлера об умерщвлении людей, на котором стояла его собственноручная подпись.

В приказе говорилось, что «эвтаназии» подлежат все люди, «жизнь которых не имеет ценности». К этой категории относились

все носители наследственных болезней. Этот пункт был несколько расплывчат. В 1930-е годы к наследственным болезням относили гемофилию, многочисленные болезни кожи, различные болезни глаз (катаракта, дальтонизм), отиты, эпилепсию, туберкулез и некоторые другие виды заболеваний. Приказ гласил, что «полномочия врачей должны быть значительно расширены, с тем чтобы к практически неизлечимым больным, критически проанализировав их состояние, можно было бы применить смерть из милости».

Приказ имел законную основу, так как опирался на закон рейха от 14 июня 1933 года «О предупреждении появления потомства, больного наследственными болезнями». По закону носитель наследственной болезни подлежал стерилизации. За 1934–1936 годы было насильственно стерилизовано 168 тысяч человек.

Поэтому на инструктивных совещаниях, проводимых в связи с началом программы «Эвтаназия» ссылались на этот закон и объясняли необходимость уничтожения больных тем, что немецкая «народная общность» для своего биологического здоровья нуждается в «отсечении больных зараженных ветвей». На курсах биологии, читаемых в то время в немецких университетах, пропагандировался тезис, что, если бы не новые законы и указы национал-социалистов и великого фюрера, германская раса могла бы через триста лет исчезнуть с лица земли.

Первоначально за умерщвление принялись с большим размахом. Составленные врачами после обследования больных списки передавались специальным эсэсовским командам. Затем больных забирали из клиник в другие учреждения, такие как «Общеполезное учреждение для лечебного ухода», «Общеполезная перевозка больных. Акционерное общество», «Имперское рабочее общество для больниц и психиатрических клиник».

Затем, используя душегубки, больных, и, в конечном итоге, их трупы перевозили в места утилизации. Но массовость умерщвлений привела к потере секретности программы. В Берлин посыпались письма и протесты со стороны лояльных членов партии. 19 декабря 1941 года рейхсфюрер СС Гиммлер дал свое заключение по демаскировке умерщвлений: «Поскольку эти мероприятия становятся столь публичными, то, значит, в их проведении допускаются ошибки». Накануне 1942 года программу «Эвтаназия» официально прекратили.

Но неофициально, получив кодовое название «14 Ф 13», программа продолжалась массово выполняться в концлагерях и индивидуально – в лечебных учреждениях. Именно к тем, кто не попал в массовый вывоз спецкомандами, и стали применять яды,

заодно проводя исследования реакции организма на токсичные вещества. В основном для инъекций использовались яды цианидной группы, а в концлагерях, в основном, газ «Циклон Б».

Также на приговоренных к смерти по программе «Эвтаназия» проводились опыты по исследованию различных ядов, которые собирались использовать в своей работе тайные службы рейха. Например, 11 сентября 1944 года в концлагере Заксенхаузен был проведен эксперимент с аконитиннитратовыми пулями. Это были пули калибра 7,65 мм, наполненные ядом в кристаллической форме. В каждого из подопытных был произведен выстрел в верхнюю часть левого бедра. У двоих пуля прошла навылет и яд не подействовал. У остальных через 40–50 минут началось сильное слюноотделение, отравленные делали частые глотательные движения, но через некоторое время поток слюны стал настолько сильным, что с ним нельзя было справиться глотанием. У отравленных изо рта вытекала пенистая слюна. Затем наступили рвота и удушье. Смерть подопытных настала, соответственно, через 121 минуту, 123 минуты и 129 минут после выстрела. Исследования, проводимые в концлагере Бухенвальд, имели аналогичные цели – установить влияние ядов на человеческий организм.

Нацистские экспериментаторы в отчете написали соответствующее резюме: пули, заполненные приблизительно 38 мг аконитиннитрата в твердой форме, невзирая на незначительное ранение, по прошествии двух часов приводят к смерти.

Проведение программы «Эвтаназия» стало одним из пунктов обвинения на Нюрнбергском процессе.

Подобные опыты были объектом судебного разбирательства и на Токийском процессе.

В 1937 году руководство японской армии дало согласие на строительство секретной лаборатории в оккупированной Маньчжоу-Го. Лаборатория получила название «отряд 731», она размещалась на станции Пинфань в 30 км от Харбина. Командиром «отряда» был назначен генерал-лейтенант медицинской службы Сиро Исии. Официально он командовал «карантинным отрядом по снабжению водой № 731 Квантунской армии». Отряду был предоставлен для использования полигон Аньда, площадью 100 квадратных километров. В Маньчжурии действовал еще один подобный отряд, № 516, расположенный возле города Цицикар. Эти отряды проводили опыты на пленных, исследуя возможности бактериологического оружия и поражения человека различными ядами, делая упор на синильную кислоту.

В сентябре 1945 года после разгрома японской группировки в

Северном Китае архивы и начальство были эвакуированы, а рядовые сотрудники на перроне железнодорожного вокзала в Харбине совершили массовое самоубийство – харакири. Те, кто не решился на сеппуку, разгрызли ампулы с цианистым калием, этого добра в лаборатории хватало. Но не все были такими фанатиками, кое-кто из персонала уцелел и даже применил приобретенные в отряде № 731 знания на практике. Так, например, один фельдфебель из отряда, используя синильную кислоту, отравил в конце 1940-х годов персонал одного токийского банка и ограбил его.

ОХОТА НА ШТУРМОВИКА

Главной боевой единицей вооруженных сил Национал-социалистической германской рабочей партии были штурмовые отряды, или сокращенно СА. В них состояла наиболее сознательная часть немецкого пролетариата, которая боролась за возрождение великой державы, против олигархов и еврейской буржуазии. С красными знаменами и громким пением «Хорста Весселя» (Все выше, и выше, и выше…) штурмовики шли в первых рядах борцов за немецкий социализм. К 1934 году их отряды насчитывали 4 млн человек. Ни профессионалам, которые видели в них конкурентов, ни промышленникам, которые с содроганием слушали речи штурмовиков о национализации предприятий, СА не нравились. Гитлеру тоже надоело их постоянное нытье, что они привели фюрера к власти. Поэтому в июне 1934 года армия и новая сила партии в лице СС устроили разборку с руководством СА, которая вошла в историю как «ночь длинных ножей». Большая часть бывших партийных соратников фюрера (1076 бойцов, из них 200 – верхушка движения штурмовиков) полегла под пулями расстрельных команд, часть была отправлена в концлагеря по имперскому закону о борьбе с извращенцами (крепкая мужская дружба практиковалась в отрядах СА), но кое-кто успел сбежать.

Одним из таких предусмотрительных был Отто Штрассер, брат которого, Грегор, был ближайшим соратником Рема, главы СА. Несколько лет он успешно скрывался за границей, беспокоя Берлин статьями в газетах и выступлениями по радио, горюя о преданной фюрером великой национал-социалистической революции. В конце концов Гитлеру это надоело, и он дал приказ

ликвидировать надоедливого штурмовика.

В апреле 1941 года Гиммлер поставил перед своими подчиненными задачу уничтожить Отто Штрассера, который в то время находился в Португалии. Гитлер был убежден, что Отто пытался организовать покушение на него и был связан с английской и американской разведками. Тем более, что бывшие штурмовики невысокого ранга организовали в рейхе подпольный «Черный фронт», тесно связанный с эмигрантами в Москве. Все это позволяло Гиммлеру не стесняться в выборе средств.

На роль руководителя операции в Лиссабоне был назначен Вальтер Шелленберг. Технической стороной дела руководил некий доктор Ш. из Мюнхена. Доктор занимался проблемами бактериологического оружия. Для Штрассера он приготовил бактериологическую сыворотку, действующую очень быстро. Достаточно было одной капли, чтобы убить человека, не оставив никаких следов. В зависимости от организма человека, сыворотка действовала в течение 12 часов. Симптомами «болезнь» напоминала тиф, хотя бактерии не принадлежали к разновидности паратифа или тифоидов. Сыворотка действовала даже в сухом виде. Например, если в стакане оставить ее каплю, дать ей высохнуть и снова налить в него воды, ее действие будет таким же эффективным, поражая слизистую оболочку глотки и рта.

Шелленберг получил два флакончика, в каждом было по 50 кубиков бесцветной жидкости. Для безопасности транспортировки, по требованию Шелленберга, сделали два герметичных стальных футляра, имевших внутри резиновую пористую прокладку. Запоры футляров имели специальные предохранители.

Осторожность Шелленберга с отравой имела свою причину. Он уже однажды испытал потрясение, связанное с ядами. Вальтер Шелленберг, занимая высокие посты, служил в подчинении у начальника СД Рейнхарда Гейдриха. Гейдрих, бывший морской офицер, любил музицировать на скрипке и претендовал на имидж культурного человека. Поддерживать этот имидж помогала ему жена, которая организовала светский салон для элиты вермахта. Шелленберг, будучи человеком достаточно образованным, с широкими культурными запросами, импонировал фрау Гейдрих. Общение подчиненного с женой вызывало у Гейдриха некоторую нервозность, и он решил произвести проверку.

После конференции руководящих работников СД на острове Фемарн в Балтийском море, где у Гейдриха была летняя резиденция, он пригласил Шелленберга провести у него день после конференции – отдохнуть в семейном кругу, поиграть в

бридж, поспорить о литературе и искусстве. Но сразу же после конференции Гейдрих, сославшись на срочный вызов, вылетел в Берлин. Шелленберг остался. Так Гейдрих создал ему и жене идеальные условия для любовного адюльтера.

Где-то через неделю Гейдрих пригласил Шелленберга в один из берлинских баров, который опекала берлинская полиция. Как только они выпили по стаканчику, Гейдрих сказал Шелленбергу: «Вы сейчас выпили яд. Но вы немедленно получите противоядие, которое вас спасет, если скажете мне всю правду о том, что было между вами и моей женой. В вашем распоряжении час, пока яд начнет действовать. Но чистую правду. Ложь будет вам стоить жизни». Ошеломленный Шелленберг сумел убедить шефа в своей невиновности, однако нервное потрясение возбудило его недоверие к ядам.

Две недели искали немецкие разведчики Штрассера в Португалии, но так и не нашли. Шелленберг отправился в Берлин, с облегчением передав неиспользованную отраву доктору Ш. Через 3 месяца поиски были прекращены окончательно. Гитлеру было уже не до фрондирующих экс-штурмовиков, на Востоке разворачивалась грандиозная битва.

ТРАГЕДИЯ АДМИРАЛА ДРОЗДА

Валентин Петрович Дрозд родился на глухом белорусском полустанке Буды Гомельской области. О море там и слыхом не слыхивали. Дрозд увидел море в 16 лет, когда в 1922 году его семья переехала в Петроград. В 1924 году он попал в морское училище по путевке Путиловского завода. Через пять лет после окончания училища Дрозд уже командовал эсминцем «Володарский», затем служил старпомом на линкоре «Марат». С сентября 1936 по октябрь 1937 Дрозд служил советником на флоте республиканской Испании. Именно там ему пришлось столкнуться с «пятой колонной» и настоящим, а не мнимым предательством, что так часто создают особистские фантазеры. Испанские адмиралы и капитаны лихо угоняли линкоры, крейсера и эсминцы из республиканских портов к Франко.

В 1941 году Дрозду было присвоено звание вице-адмирала, и с февраля 1941 он командовал отрядом легких сил (соединение эсминцев), базирующимся в Таллинне. Именно его корабли были основной силой, которая могла прикрыть проливы и Финский залив от немецкого флота. И именно эсминцы Дрозда стали пешками в непонятной игре.

Уже в первую неделю войны Дрозд потерял три корабля. Он сутками не сходил с мостика, бороздя волны Балтики, не спал ночами над картами, но все было напрасно. Немцы были неуловимы и неуязвимы. Но хуже всего, что враг знал о каждом шаге Балтфлота, о каждом отдельном корабле. Секретные маршруты эсминцев всегда были заминированными. Мины непонятно как оказывались и на секретных якорных стоянках, местах дозаправки топливом, а ведь они определялись на закрытых совещаниях в штабе флота. При любой облачности авиация противника точно выходила на корабли. В то же время противник обходил все минные заграждения и пользовался секретными фарватерами Балтфлота.

Объяснить провалы флота только одним шпионажем было нельзя. Дрозд, имея испанский опыт, все больше подозревал в предательстве кого-то на самом высоком уровне. И факты, подтверждающие его предположения, были. По личному приказу адмирала Трибуца был расстрелян подчиненный Дрозда, герой Либавы, командир эсминца «Ленин», капитан-лейтенант Юрий Афанасьев, который сумел вывести из строя наиболее ценные в боевом отношении корабли, брошенные в Либаве. Расстреляли его именно за взрыв этих кораблей. У многих на флоте сложилось впечатление, что Афанасьев сорвал чей-то план по передаче части

флота немцам, за что и поплатился. Во время обороны Таллинна первый секретарь ЦК компартии Эстонии Рос прямо на служебной машине сбежал к немцам, захватив планы всей будущей партизанской и подпольной деятельности на территории Прибалтики.

Дрозд продолжал терять корабли в бессмысленных заданиях, которые ему ставил штаб флота. А после потери 15 июля эсминца «Страшного» на секретной стоянке в результате налета авиации адмирал прервал все отношения со штабом КБФ в Таллинне. Впоследствии в разговоре с Трибуцем Дрозд прямо обвинил командование флота в передаче информации противнику. Это сошло ему с рук, так как он был фактически единственным плавающим адмиралом Балтфлота. Именно Дрозд командовал прорывом флота из Таллинна на Кронштадт. Именно он провел эвакуацию гарнизона Ханко в ноябре по минным полям, которых, по заверению штаба КБФ, там не было.

Неизвестно, что раскопал Дрозд во время своего расследования по делу о предательстве в штабе флота и обороны Ленинграда, но смерть его была загадочна. Уже проходя службу в Ленинграде, Дрозд 29 января 1943 года утонул в полынье на «дороге жизни». Говорили, что адмирал был убит водителем, который затем направил машину в полынью, что его отравили по чьему-то приказу, и он умер в машине, которая затем была сброшена водителем под воду. Спасшийся водитель сказал, что последние слова адмирала были: «Какая нелепая смерть». Чтобы пресечь слухи, распространяемые на флоте, именем Дрозда срочно назвали эсминец «Стойкий». Этой чести не был удостоен ни один адмирал, служивший на Балтике.

ОТРАВЛЕНИЕ СОЮЗНИКА

Одним из союзников Германии на Балканах была Болгария. И хотя ее войска не воевали на Восточном фронте, болгарские части довольно лихо громили греческих и югославских партизан. Причем стимулом для военных была не верность немцам, а идея возвращения исконных болгарских земель и создания Великой Болгарии.

Вдохновлял союз с Третьим рейхом царь Борис III (1894–1943). Хотя особого права на приставку «третий» он не имел. Его отец, Фердинанд Кобургский, сел на трон в Софии благодаря интригам Австрии и, просидев до 1918 года, сбежал за границу, подальше от благодарного болгарского народа. Поэтому Борис ничего общего с давними болгарскими царями не имел.

Сев на трон, Борис делал все для укрепления пошатнувшейся болгарской монархии. В 1920-е годы в этом ему помогали тысячи российских белогвардейцев, чувствовавших себя в Софии, как дома. Правление Бориса было достаточно авторитарным, достаточно просвещенным. Но, имея австрийские корни, царь тяготел к немецкому порядку, презирая славянскую неразбериху. Однако, чутко улавливая общеполитические тенденции в сентябре 1940 года, заключил союз с партнером Третьего рейха – Советским Союзом. Для равновесия 1 марта 1941 года царь также принял решение о присоединении к «пакту трех».

Грянуло 22 июня, на Восточный фронт солдат Болгария не посылала даже после ноября 1941 года, когда присоединилась к антикоминтерновскому пакту. Болгарским войскам хватало дел и на Балканах.

Но пришел 1943 год. Сталинград, Курская дуга. Любому здравомыслящему политику становилось ясно, что перспектива у Германии мрачная. В Болгарии нарастало недовольство военными тяготами, людскими потерями в Югославии. Появились первые партизаны, экипированные советским оружием. Все чаще стали вспоминать российских «братушек». Перед лицом нарастающего кризиса Борис, опираясь на поддержку финансовых и аристократических кругов, ищет контакты с Англией и США. Эти попытки найти выход в сепаратном мире не прошли незамеченными для работников немецких спецслужб. Донесения о колебаниях царя-союзника исправно ложились на стол фюрера.

Желая повлиять на ненадежную Болгарию, Гитлер приглашает царя Бориса для личной встречи и беседы в собственной ставке. Но разговор оказался бесполезным. Ситуация на Восточном фронте не давала Гитлеру привести весомые

аргументы. Тогда он развязал руки Гиммлеру в выборе способов решения проблемы. И возвращаясь в Софию из Третьего рейха, Борис, находясь в воздухе, внезапно почувствовал себя плохо, самолет же доставил в Болгарию уже мертвое тело балканского самодержца. Но эта акция не помогла нацистам, Болгария не оказала сопротивления Красной Армии и вышла из войны.

СМЕРТЬ ФЕЛЬДМАРШАЛА

Одним из наиболее популярных немецких военачальников времен Второй мировой войны в Германии был генерал-фельмаршал Эрих Роммель. «Африканский лев», как пропаганда называла Роммеля (англичане называли его «лис пустыни»), был в глазах немцев символом арийской мощи, непобедимости немецкой армии. И даже неудачное окончание африканской кампании не сильно испортило репутацию генерал-фельдмаршала. Все же назначенный Гитлером командовать группой армий «Б», которая дислоцировалось во Франции, Роммель ничего не смог противопоставить союзникам и помешать их высадке в Нормандии. Здесь не было его вины, но ставка искала стрелочников, и в Берлине к Роммелю начали относиться с прохладцей.

Поэтому ничего удивительного, что когда представители генеральской оппозиции обратились к генерал-фельдмаршалу с предложением о сотрудничестве, он дал слово офицера поддержать заговор против Гитлера. Неоднократные неудачи Штауффенберга в ставке Гитлера привели к тому, что покушение состоялось лишь 20 июля 1944 года. А к этому времени Роммель выбыл из строя.

17 июля 1944 года во Франции в районе Ливро (Кальвада) во время налета американской авиации Роммель был тяжело ранен (травма черепа и осколочные ранения лица). Сначала фельдмаршал лечился в госпитале в Париже, а когда почувствовал себя лучше, был доставлен в Геррлинген под Ульмом. Пока он лежал в госпитале, его коллеги по оппозиции

успели арестовать в Париже начальника гестапо и его подчиненных, взять власть в свои руки, а затем упустить ее. Отсутствие Роммеля привело к тому, что некому было отдать приказ о прекращении огня на линии фронта с целью заключения перемирия с западными союзниками. Пока гестапо и созданный Гитлером Народный трибунал вылавливали и казнили заговорщиков, Роммель лечился у себя дома.

Про него, конечно, не забыли. Во время допросов на Принцальбрехтштрассе не раз возникало имя Роммеля, но Гитлер все же не решался обвинить популярного в народе и армии фельдмаршала. В конце концов с Роммелем решено было расправиться без суда и следствия. 14 октября в 12 часов дня к генерал-фельдмаршалу в Геррлинген приехали два генерала из управления кадров сухопутных войск – Майзель и Бургдорф. Роммель сказал сыну, что его бывший начальник штаба генерал-лейтенант Шпейдель дал показания, что Роммель участвовал в заговоре 20 июля 1944 года и не принял непосредственного участия в путче только из-за ранения. Гитлер якобы не хотел очернить в немецком народе память о Роммеле и предоставил ему возможность покончить жизнь самоубийством.

После того как Роммель попрощался с сыном, он вышел из дому и сел вместе с приехавшими генералами в машину. Через 15 минут из тылового госпиталя «Вагнершуле» в Ульме сообщили, что генералы, с которыми выехал фельдмаршал, доставили в госпиталь труп Роммеля, скончавшегося от кровоизлияния в мозг. На самом деле он принял яд, который вручил ему один из генералов. Смерть наступила через три секунды. В случае, если бы Роммель отказался отравиться, он был бы немедленно арестован и доставлен в Берлин в Народный трибунал.

Роммель предпочел добровольную смерть от яда петле из рояльной струны и репрессиям против родных.

В официальном заявлении гитлеровского правительства от 14 октября 1944 года по поводу смерти Роммеля говорилось, что он скончался якобы вследствие тяжелых ранений, полученных в результате автомобильной катастрофы, которая произошла во время объезда немецких позиций на Западном фронте. Правду о смерти «африканского льва» немцы узнали уже после поражения рейха.

СМЕРТЬ ФЕЛЬДМАРШАЛА-2

Ханс Гюнтер фон Клюге родился в 1882 году в семье генерала. Поэтому никаких сомнений в его будущности не возникало. Его судьба – стать верным генералом армии кайзера. Так и случилось, только история поменяла кайзера на фюрера. В Первой мировой войне Клюге служил штабным офицером. После прихода к власти Гитлера его способности были высоко оценены. В 1934 году он становится командующим округом. Победоносная кампания во Франции принесла Клюге звание генерал-фельдмаршала. Война на Востоке должна была бы еще больше вознести потомственного военного к вершинам славы. И предпосылки к этому были. Его 4-я армия, как нож масло, разрезала позиции отступавшей Красной Армии. Войска группы армий «Центр», которой его назначили командовать, вот-вот должны были взять Москву. Но не взяли. И в 1942 году Клюге был отправлен в отставку. Чтобы как-то утешить фельдмаршала, фюрер выдал ему чек на 250 тысяч рейхсмарок. К счастью для фельдмаршала, Гитлер не догадывался, что уже в начале 1942 года Клюге установил контакт с высшими кругами антигитлеровской коалиции через Герделера, посланника руководителя заговорщиков Бека. А в 1943 году, когда фельдмаршал отдыхал в отставке на своей новой вилле, его ближайший помощник Тресков подложил бомбу в самолет фюрера, но, к сожалению, она не взорвалась.

Но отставка фельдмаршала была недолгой. Ему еще раз пришлось пройти через чистилище Восточного фронта, а в 1944 году Гитлер перебросил его на запад. После высадки союзных войск в Нормандии на западе сложилась критическая для рейха ситуация. 2 июля в штабном бункере командующего войсками во Франции фельдмаршала Рунштедта в Сен-Жермен-Ан-Ле появился личный адъютант фюрера; он вручил уставшему Рунштедту дубовые листья к Рыцарскому кресту и передал записку лично от Гитлера. Учитывая возраст и состояние здоровья, учтиво говорилось в этой записке, Гитлер освобождает фельдмаршала от занимаемой должности. Гитлер надеялся, что новый командующий Западным фронтом Клюге остановит танки Паттона и стабилизирует фронт.

Но надежды фюрера не сбылись. Очень скоро, выполняя невыполнимые приказы Гитлера, армия Клюге оказалась в котлах у Аржантайна и Фалеза. Немцы потеряли 50 тысяч солдат и офицеров. Из 2300 танков и штурмовых орудий, противостоящих англо-американцам, через Рейн переправилось всего 100.

К тому же грянули июльские события. Клюге попал под подозрение в связи с неоднократными контактами с заговорщиками. И действительно, фельдмаршал дал свое согласие сотрудничать с оппозицией, но только в случае смерти Гитлера. Неудачи на фронте и подозрение в заговоре привело к тому, что фюрер решил снять Клюге с поста командующего и отозвать его в Берлин. Клюге после поражения путча 20 июля понимал, что ему не удастся отсидеться. 23 июля он направился на своей машине без охраны в район Фалеза, где намеревался сдаться англо-американцам. Но присущая ему нерешительность в ответственные моменты не позволила сделать шаг навстречу возможному спасению.

Личная трагедия, в которую превратилось для Клюге поражение во Франции и неудача с заговором, подошла к своему логичному завершению. Новый избранник Гитлера, который должен был навести порядок на Западном фронте, фельдмаршал Модель, 18 августа вступил в должность командующего войсками. Клюге выехал в Германию на автомобиле, предварительно направив письмо лично Гитлеру.

Клюге подробно изложил причины неудач немцев в Нормандии, которые он приписывал, главным образом, неисчислимым материальным возможностям западных союзников, их изобилию в оружии и оснащении, он призывал фюрера заключить мир на Западе, заканчивалось письмо дифирамбами Гитлеру, который «ведет прекрасную и достойную битву». Но прежде, чем письмо пришло в ставку, Клюге был уже мертв. 19 августа по пути в Мец, недалеко от канала Морт-Ом, он раскусил ампулу с цианистым калием и на этом поставил точку в своей военной карьере и жизни.

ТОКСИН ДЛЯ ФЮРЕРА

Рассекреченные архивы британской тайной разведки под кодовым названием SOE дают возможность проследить некоторые «черные операции» Интеллидженс Сервис. Секретное подразделение SOE было создано в 1940 году по инициативе премьер-министра Великобритании Невилла Чемберлена. Задачи SOE заключались в проведении операций по устранению лидеров преступных режимов, в ведении пропаганды и осуществлении диверсий в тылу врага.

Во время Второй мировой войны британцы разрабатывали несколько планов, направленных на нейтрализацию Гитлера. Планировалось его похищение в начале 1941 года (пытались задействовать личного пилота фюрера Бауэра и вывезти Гитлера в Британию на самолете), и выстрел снайпера в Берхтесгартене (операция «Фоксли», с использованием винтовки «маузер», оснащенной оптическим прицелом и разрывными пулями), и отравление главы нацистского режима.

Для устранения с помощью яда в секретных лабораториях британской разведки был создан токсин мгновенного действия на основе ядов индийских змей. Яд, изготовленный с особой тщательностью, планировали подмешать в чай, который фюрер предпочитал всем другим напиткам. К тому же он еще до войны пристрастился к английскому чаю. Лондону удалось подкупить повара, который обслуживал Гитлера и Еву Браун во время их уединения в альпийской резиденции. Этому повару приближенные фюрера доверяли до такой степени, что с изготовленных его руками блюд никто не снимал пробу – они сразу шли на стол Гитлеру.

В Лондоне несколько раз точно назначали день и час отравления, но Черчилль так и не решился отдать приказ. В сомнениях относительно последствий устранения Гитлера прошло три года, и одна из самых сенсационных разработок в истории британской разведки так и осталась неосуществленной. Верховный главнокомандующий Сталин дважды, в 1943 и 1944 годах, запрещал орлам Берии претворять разработанные планы покушения на Верховного главнокомандующего Гитлера.

Правда, по инициативе одного из английских сотрудников, сэра Мэйсона Макфарлана, яд все-таки доставили в резиденцию фюрера, но операция с самого начала была обречена на провал. Достопочтенный сэр, узнав, что подчиненные называют Гитлера «коврогрыз», не смог додуматься, что это прозвище возникло из-за способности фюрера выходить из себя, распекая

провинившихся. Макфарлан все понял слишком буквально. Он пропитал ворс ковра цианидом и с огромным риском пронес эту отраву в штаб-квартиру фюрера. Но коврик так и остался нежеванным.

СМЕРТЬ ГИТЛЕРА

Лишь только в Берлине разорвались первые снаряды советской артиллерии, как подземный бункер имперской канцелярии стал центром быстро уменьшающейся территории уже не рейха, а всего лишь одного города. Непрерывные совещания, потоки приказов и маниакальные речи фюрера сотрясали в конце апреля 1945 годы бетонные стены подземного убежища, оторванного от реальной действительности. 24 апреля началась агония. В этот день прерывается не только сухопутная, но и регулярная воздушная связь имперской канцелярии с остальной частью рейха. В 17 часов в подземелье поступает сообщение, что единственный берлинский аэродром, еще находящийся в руках нацистов, Гатов, подвергся обстрелу и функционировать не может. Эсэсовцы охраны сгоняют население близлежащих домов и заставляют вырубать деревья и выворачивать фонарные столбы на Шарлоттенбургерштрассе с целью создания взлетной полосы. Но все понимают, что эвакуация воздухом уже невозможна, да и лететь практически некуда.

29 апреля Гитлер обручается с Евой Браун и диктует свое политическое завещание и дополнение к нему.

30 апреля созывается последнее совещание командиров дивизий, оборонявших центр города. Фюрер на нем уже не присутствует. Он ждет ответа на телеграмму, посланную Деницу. Он ждет, но ответа нет. Генерал Кребс докладывает Гитлеру, что советские войска овладели Тиргартеном, Потсдамской площадью, проникли на Фоссштрассе, куда выходит фасад имперской

канцелярии. Гитлер принимает свое последнее решение. Его камердинер Линге вызывает личного шофера фюрера Кемпка и отдает ему распоряжение раздобыть 200 литров бензина и перенести их в сад рейхсканцелярии. Тот сначала недоумевает, зачем Гитлеру понадобился бензин, ведь все наземные дороги уже отрезаны. Потом догадывается: для сжигания трупа фюрера. Удается найти лишь 180 литров бензина.

За обеденным столом, где, как обычно, собрались наиболее приближенные Гитлеру лица, царило мрачное молчание, все уже знали, что конец близок. Секретарша Гитлера Траудль Юнге назвала впоследствии этот обед «банкетом смерти». Тягостная процедура прощальной трапезы закончилась и, распрощавшись с присутствующими, Гитлер и Ева Браун проследовали в свои покои.

Сначала Гитлер, чтобы проверить действенность яда, приказывает отравить свою любимую овчарку Блонди и ее щенка. На щенка яд действует медленно, и его пристреливают. Мертвых собак показывают Гитлеру. Но он не спешит. И все-таки, в конце концов, страх перед местью союзников за злодеяния нацистов пересиливает страх смерти. Трясущаяся рука фюрера тянется к ампуле с ядом.

Перед запертой дверью кабинета ждут Борман, Геббельс, Аксман, Гюнше, камердинер Линге. В половине четвертого они входят в кабинет Гитлера. Фюрер, откинувшись, сидит в правом углу дивана. Левая рука прижата к телу, правая свисает с подлокотника дивана. Рядом с ним Ева Браун, ее губы прокушены, нос побелел. Оба мертвы. Стоявшая на столе ваза сброшена на пол, на ковре перед диваном лежит металлическая гильза от ампулы с ядом.

Камердинер Линге и врач Штумпфюггер заворачивают труп Гитлера в темно-коричневое армейское одеяло и выносят через запасной выход в сад имперской канцелярии. Сменяя друг друга, Борман, шофер Гитлера Кемпка и Гюнше несут за ним тело Евы Браун. Не желая рисковать под артобстрелом, приближенные предают тела кремации в двух метрах от входа. Гюнше, Кемпка и Линге обливают трупы бензином и поджигают. Борман и Геббельс присутствуют в качестве свидетелей. Вечером обгорелые трупы Гитлера и Евы Браун бросают в воронку в трех метрах от входа в бункер имперской канцелярии и забрасывают землей. 1 мая берлинское радио сообщило, что Гитлер погиб как герой.

Вскоре после взятия Берлина советскими войсками, 4 мая 1945 года, офицер группы «Смерш» 79-го стрелкового корпуса 3-й ударной армии И. Чураков обнаружил трупы Гитлера и Евы Браун. 8 мая состоялась судебно-медицинская экспертиза трупов.

В комиссию входили главный патологоанатом Красной Армии Н. А. Краевский, главный судебно-медицинский эксперт 1-го Белорусского фронта Ф. И. Шкаревский, другие известные специалисты-медики. В акте комиссии о причинах смерти говорится следующее: «На значительно измененном огнем теле видимых признаков тяжелых смертельных повреждений или заболеваний не обнаружено. Наличие в полости рта остатков раздавленной стеклянной ампулы… явный запах горького миндаля и результаты судебно-химического исследования внутренностей с обнаружением цианистых соединений… позволяют прийти комиссии к заключению, что в данном случае смерть наступила в результате отравления цианистыми соединениями». Тот же вывод комиссия сделала и в отношении причины смерти Евы Браун.

После окончания медицинского обследования, о котором, кстати, не знал даже Г. К. Жуков, командовавший войсками в Берлине, а затем оккупационными силами, все сведения о смерти Гитлера и ее причинах были засекречены. Только годы спустя широкой общественности было заявлено, что трупы Гитлера и Евы Браун были полностью сожжены. На самом деле отдельные фрагменты тел были доставлены на территорию СССР и сберегались в архиве Министерства обороны СССР в подмосковном городе Подольске.

Отравления в бункере смертью Гитлера не закончились. В ночь с 1 на 2 мая кончает жизнь самоубийством рейхсляйтер Геббельс. За ним следует его жена. Семейство Геббельса – жена и шестеро детей, имена которых в честь фюрера начинались с буквы «Н» (Hitler), занимало помещение сбежавшего доктора Морреля. Жена Геббельса с помощью врачей-эсэсовцев Куна и Штумпфеггера убивает своих шестерых малолетних детей. Сначала детям сделали инъекцию морфия, при этом Магда Геббельс объявила детям: «Не пугайтесь, сейчас вам доктор сделает прививку, которую делают всем детям и солдатам». Когда дети под воздействием морфия впали в сонное состояние, она сама каждому ребенку вложила в рот раздавленную ампулу цианистого калия. После умерщвления детей чета Геббельс упросила охранника-эсэсовца застрелить их.

25 октября 1956 года административный суд Берхтесгадена своим решением за № 2/48/52 официально подтвердил смерть Адольфа Гитлера, женатого на Еве Анне Пауле Гитлер, урожденной Браун, 30 апреля 1945 года в 15 часов 30 минут, последнее местожительство: Берлин, Вильгельмштрассе, имперская канцелярия.

Так сухим немецким бюрократическим языком была

подведена черта в карьере преступного создателя Третьего рейха.

САМОУБИЙСТВО БОРМАНА

После сожжения трупа фюрера по рейхсканцелярии разнесся клич – «Спасайся, кто может!» Одним из тех, кто решил воспользоваться хаосом в Берлине и ускользнуть, был Борман.

Рейхслейтер Борман – заместитель Гитлера по партии и начальник рейхсканцелярии, был самой загадочной фигурой Третьего рейха и человеком себе на уме. Уходить из кольца, замкнутого вокруг центра города советскими войсками, он решил в группе. Авось кого-нибудь удастся подставить в суматохе вместо себя. В группу прорыва входило 400 человек. Там были люди из ближнего окружения фюрера, эсэсовцы из дивизии «Нордланд», остатки частей, прикрывавших рейхсканцелярию. В ночь с 1 на 2 мая группа покинула здание канцелярии и начала движение на север к реке Шпрее. Но на самом берегу она попала под ураганный огонь советских танков и артиллерии и фактически распалась, после чего каждый выбирался в одиночку.

Среди пожарищ Берлина растаяла в дыму и фигура Бормана. На многие годы рейхслейтер перешел из истории в мир беллетристики и фольклора. Уходившие с ним то видели его труп, то присутствовали при его ранении, то осуществляли вместе с ним прорыв из Берлинского кольца. После войны Бормана встречали в Чили, в Испании, в Аргентине, в Парагвае, в Англии. Неуловимый партайгеноссе якобы в Москве получал орден и очередное звание как сотрудник советской разведки. Но все это сказки. Реальность была намного прозаичней, нежели романтические переезды из страны в страну.

В 1972 году во время строительных работ в Берлине были найдены останки человека в солдатской шинели. Экспертная комиссия, изучавшая их, пришла к выводу, что они принадлежат Борману. Это подтвердил и Эхтман, бывший зубной врач рейхслейтера, который опознал зубной протез, сделанный им для Бормана. Как сообщила комиссия, заместитель фюрера покончил жизнь самоубийством: в ротовой полости найденного черепа были обнаружены следы цианистого калия. На основании этого заключения в 1973 году суд вынес вердикт: Мартин Борман мертв, и умер он 2 мая 1945 года.

Это заключение было подтверждено в 1998 году, когда уставшие от множества романтических версий родственники Бормана обратились в прокуратуру ФРГ. Была проведена генетическая экспертиза с использованием ДНК анализа. Было точно установлено, что найденные останки принадлежат «неуловимому Борману», и умер он в результате отравления

цианистым калием.

Тень фюрера, как называли Бормана, ушла на тот свет следом за Гитлером. Не видя возможности вырваться из смертельного кольца, Борман предпочел яд ответственности за преступления нацизма.

САМОУБИЙСТВО ГИММЛЕРА

Крах Третьего рейха поставил перед Гиммлером вопрос – что дальше? Бежать или же поступить по примеру фюрера, сведя счеты с жизнью самолично. Второй вариант был неприемлем для рейхсфюрера. Всю свою жизнь Гиммлер сурово осуждал самоубийц, особенно тех, которые лишали себя жизни из-за каких-либо личных причин, допустим, из-за неразделенной любви. «Я не понимаю тех, кто выбрасывает свою жизнь, как грязную рубаху…» – сказал Гиммлер в речи 8 февраля 1938 года. И добавил: «Такое самоубийство – трусость, ибо в этой смерти не было смысла для Германии». Поэтому рейхсфюрер предпочел скрыться – в надежде на удачу. Но человек предполагает, а Бог располагает.

Вырвавшись из Берлина, Гиммлер отправился к адмиралу Деницу на север и начал требовать места в правительстве. Сначала он претендовал на пост первого заместителя Деница, потом просил любой министерский портфель, затем предложил сделать его министр-президентом Шлезвиг-Гольштейна. Но адмирал не уступил. Слишком уж одиозной для союзников фигурой был рейхсфюрер СС, тем более уже не имевший никакой реальной власти над разбегавшимися эсэсовцами.

Тогда Гиммлер решил искать путь спасения в одиночку. Он сделал себе на глаз черную нашлепку, сбрил усы, надел мундир полевого жандарма и запасся документами на имя Генриха Хитцингера. Его сопровождали личный секретарь Рудольф Брандт, хирург СС Карл Гебхардт и адъютант Гротман. Один из сопровождавших Гиммлера сбежал по дороге. Рейхсфюрер и два его спутника прошли Гольштинию, переправились через Эльбу и приготовились проскочить английские посты. Но 23 мая 1945 года англичане задержали их. Британская военная полиция водворила Гиммлера и его спутников в лагерь 031 вблизи Люнебурга.

Именно в этом лагере Гиммлеру и пришлось поступиться своими принципами в вопросе о целесообразности самоубийства. Комендант лагеря Том Сильвестер обратил внимание в толпе задержанных на трех человек. «Два из них были высоченные детины, – впоследствии вспоминал Сильвестер, – зато третий показался мне маленьким, неприметным и довольно потрепанным». Капитан подозвал к себе трех немцев. Когда он распорядился отправить в одиночку двух громил, «маленький снял повязку, надел очки. Стало ясно, кто стоит передо мной», – вспоминал Сильвестер. Капитан немедленно связался с

британской секретной службой. И вскоре в лагерь прибыли два офицера из секретного отдела в штабе Монтгомери, а затем и начальник разведотдела Второй армии полковник Майкл Мэрфи. Один из разведчиков, майор Райе, опираясь на сличение документов, вынес вердикт: «маленький немец», имевший документы на имя Генриха Хитцингера, – Генрих Гиммлер.

Ознакомившись с результатами обыска, Мэрфи приказал заключенному снова раздеться и надеть другую одежду. Тот отказался, заявив, что уже раздевался и что не желает надевать предложенную ему британскую военную форму. Однако под угрозой применения силы узник все-таки разделся, но надевать форму враждебной державы отказался и после обыска надел свою серую рубашку, кальсоны и носки. Чтобы заключенный не продрог, ему выдали шерстяное армейское одеяло, в которое тот завернулся.

При первом обыске был найден футляр, где находилась ампула с ядом, а также аналогичный пустой футляр. Исчезнувшая вторая ампула не давала покоя полковнику Мэрфи. По его словам, он понимал, что на теле заключенного есть лишь два места, куда ее можно спрятать, – рот и ягодицы. Полковник решил провести медосмотр, для чего пришлось доставить заключенного в штаб армии. В какой-то момент водителю показалось, что он сбился с дороги, и тогда узник подтвердил, что автомобиль на правильном пути к Люнебургу.

Тем временем в штабе нашли врача. Это был капитан Клемент Уэллс. Узнав, в чем состоит его задача, Уэллс заявил: «Я врач, а не сыщик». На что Мэрфи ответил: «Делайте, что вам говорят». Уэллс начал с полости рта. Заключенного усадили в кресло. Стоящий рядом сержант держал лампу. При первом же взгляде Уэллсу почудился некий серебряный отблеск во рту. Сержант поднял лампу выше. «Откройте рот», – приказал Уэллс. Вместо этого узник сжал челюсти и резко откинул голову назад. Его лицо мгновенно позеленело, изо рта исходил запах синильной кислоты. Несмотря на попытки промыть желудок и искусственное дыхание, заключенный скончался в 11 часов 14 минут вечера.

Существует, правда, другая версия смерти Гиммлера. По этой версии, рейхсфюрера заперли в одиночку. Он потребовал от коменданта лагеря встречи с Монтгомери: «Очень важно, чтобы я мог немедленно поговорить с фельдмаршалом Монтгомери». Далее события совпадают: поняв, что разговор с Монтгомери ему ничего не даст, Гиммлер разгрыз ампулу с цианистым калием.

Но имеет право на существование и третья версия. Гиммлер, будучи носителем секретов о связях верхушки Третьего рейха с

союзниками, был просто ликвидирован. Учитывая его отношение к самоубийству, можно предположить, что ампулу с цианистым калием ему просто насильно всунули в рот.

Что интересно, ранним утром 2 мая врачи провели вскрытие тела. В ответ на свое предложение снять отпечатки пальцев они услышали, что этим займется военная полиция. Однако отпечатки пальцев так никто и не снял. В 4 часа 30 минут Мэрфи созвал пресс-конференцию и показал труп журналистам.

Наутро 26 мая по приказу полковника труп захоронили в близлежащем парке без гроба. Могилу тщательно замаскировали листвой и ветками. В 10 часов 30 минут утра из Берлина прибыла делегация из трех советских офицеров во главе с полковником Василием Горбушиным. Узнав, что труп уже погребен, он потребовал встречи с полковником Мэрфи и получил отказ. Такую же реакцию встретило его требование эксгумировать останки. После нескольких часов тщетного ожидания советская делегация в гневе удалилась. Этот инцидент послужил поводом для рождения в Москве четвертой версии – вместо Гиммлера похоронили другого.

Но как бы там ни было, рейхсфюрер, как и его фюрер, умер от яда.

САМОУБИЙСТВО ГЕРИНГА

Герман Геринг был типичный пруссак и нетипичный нацист, хотя, изучая его биографию, можно прийти к совершенно противоположным выводам.

Геринг начинал обыкновенно. Кадетский корпус. Служба лейтенантом в пехоте. Курсы пилотов. Летчик. Летчик-разведчик, летчик-истребитель. Ранение. Возвращение в воздушный флот. Командир эскадрильи асов «Рейхтгофен». Кумир немцев. После войны первый вынужденный отъезд за границу. Возвращение и встреча с Гитлером. Организация отрядов штурмовиков и участие в Мюнхенском путче. Ранение и побег из Германии. Вернулся Геринг окончательно в Германию только в 1927 году.

А дальше шла борьба за власть. Геринг участвовал во всех крутых поворотах в истории нацизма. Он осуществлял связь между промышленными кругами и Гитлером накануне выборов, он был причастен к поджогу рейхстага 27 февраля 1933 года, он уничтожает берлинскую организацию штурмовиков в «ночь длинных ножей», он формирует новое правительство Австрии, он занимается проблемой перевооружения Люфтваффе. Геринг становится рейхсмаршалом, главнокомандующим военно-воздушных сил Третьего рейха. Одновременно занимает должности президента рейхстага, министра внутренних дел Пруссии и президента Прусского государственного совета, министра воздушного транспорта Германии, назначает себя Главным егерем и Главным лесничим империи.

Но с приходом к власти Геринг перестает быть таким уж преданным членом партии, каким был до этого. Его сибаритская

натура одерживает верх над аскетизмом истинного нациста. Его кухня становится самой изысканной в Берлине. Его замок Каринхалле сделался хранилищем художественных ценностей, свезенных со всей Европы. Только из Парижа прибыло 25 вагонов с экспонатами. Вблизи поместья, в урочище Шофхайде, Геринг содержит для личной охоты стадо зубров. Чтоб увековечить свои охотничьи подвиги, он ставит в урочище камень с надписью следующего содержания: «Древнему дикому зверю, охота на которого означала для германцев пробу на мужество, поставил этот камень Главный егермейстер Третьей империи Герман Вильгельм Геринг». В Каринхалле проводится личная электричка. Коллекция орденов и медалей, которыми его наградили разные страны, самая большая в рейхе. Он жалел, что так и не заполучил в свою коллекцию немецкий Золотой крест, которым был награжден лишь полковник Рудель. Его мундиры – фельдмаршала, Главного егеря и т. д. – самые роскошные (мундир рейхсмаршала – светло-голубой, брюки украшены лампасами из золоченой парчи, на погонах – отлитые из червонного золота знаки отличия). Его концерн «Герман Геринг» входит в пятерку крупнейших в Германии. Он – миллионер, он – счастливый муж и любовник, он купается в роскоши, собирая о самом себе анекдоты, он безгранично предан фюреру.

Если бы можно было, Геринг наверное, и не воевал бы. В своем последнем слове в Нюрнберге он сказал: «…Я вообще противник войны… Я не хотел войны и не помогал ее развязывать». Верится с трудом, но, возможно, в Каринхалле ему уютнее, чем в ставке фюрера. Геринг не любил планомерной работы, подменял ее авралами и штурмовщиной. Но, тем не менее, он все время завидовал власти фюрера и ждал своего часа, несмотря на то что его репутация военачальника была подмочена проигранной воздушной битвой за Англию, катастрофой под Сталинградом и «ковровыми» бомбежками англо-американскими союзниками самой территории рейха. Время шло, войска противника приближались, шансы Геринга на лидерство уменьшались с каждым часом, терпению рейхсмаршала пришел конец. Тем более, что война била по самому дорогому – по его карману. Многие предприятия концерна «Герман Геринг» лежали в руинах. Роскошное поместье Каринхалле пришлось взорвать, чтобы оно не попало в руки варваров-большевиков.

23 апреля 1945 года Геринг направляет Гитлеру телеграмму следующего содержания: «Мой фюрер! Ввиду вашего решения остаться в Берлине согласны ли вы с тем, чтобы я немедленно взял на себя в качестве вашего преемника на основе закона от 29 июня 1941 года общее руководство рейхом с полной свободой

действий внутри страны и за рубежом? Если я не получу ответа до 10 часов вечера, я буду считать это подтверждением отсутствия у вас свободы действий и что условия, требуемые в вашем указе, имеют место, и буду действовать во имя блага нашей страны и нашего народа. Вы знаете, что я чувствую по отношению к вам в этот суровейший час моей жизни. Я не имею возможности выразить это словами. Может быть, Бог защитит вас и быстро доставит сюда, несмотря ни на что. Преданный вам Геринг».

Ответ пришел раньше, чем его ожидал Геринг. Командующему войсками ССв Оберзальцберге был дан приказ, согласно которому рейхсмаршал Герман Вильгельм Геринг, обвиняемый в измене фатерлянду, приговаривается к смерти; приговор следовало привести в исполнение незамедлительно. Брызгая в бункере рейхсканцелярии слюной, Гитлер назвал рейхсмаршала «гнилым и продажным морфинистом, виновником коррупции в вермахте, губителем авиации». Одновременно Геринга сняли со всех занимаемых им должностей, исключили из партии, но, самое главное, лишили всех званий и наград, что особенно уязвило экс-рейхсмаршала. Но эсэсовцам уже было не до опального заместителя фюрера, они думали лишь о том, как унести ноги. Поэтому Геринг дожил до унизительного и сокрушительного удара, который ему нанес партайгеноссе. 30 апреля по завещанию Гитлера было объявлено о назначении преемником гросс-адмирала Деница. Оскорбленный в своих лучших чувствах Геринг отправился к западным союзникам. 8 мая он сдался американскому лейтенанту Дж. Шапиро (как сказал со вздохом Геринг: «И тут еврей»).

Находясь в плену, Геринг наконец-то исполнил свою давнюю мечту – он похудел на 32 килограмма. Несмотря на обиду, нанесенную ему Гитлером, в Нюрнберге Геринг «запретил» другим подсудимым говорить что-либо плохое о фюрере.

Его сибаритство не позволило ему пойти по стопам Гиммлера или Бормана. Он сдался, рассчитывая на свое солдатское прошлое и приговор фюрера, но золотой значок ветерана НСДАП стал клеймом, которое не сотрешь. Поэтому, как и его коллеги из верхушки Третьего рейха, 1 октября 1946 года в 15 часов 40 минут по среднеевропейскому времени он услышал из уст лорда Лоренса свой смертный приговор, которым завершился многомесячный Нюрнбергский процесс, первый процесс над военными преступниками в XX веке.

Казнь была намечена на 16 октября. Сержант американской армии Джон Вуд проверял веревки и эшафот, готовясь принять одиннадцать клиентов. Но обслужил лишь десять. Накануне

казни Геринг сумел уйти из жизни.

В день своей смерти он вел себя спокойно и обычно. Сначала читал роман, потом писал, позднее лег на койку, долго ворочался, кряхтел, затем затих. Как произошло самоубийство, кто помог Герингу избежать петли, до сих пор осталось тайной. Достоверно известно лишь одно: после того, как полковник Эндрюс объявил подсудимым, что их ходатайства о помиловании отклонены, часов в десять вечера солдат, наблюдавший за камерой Геринга, обратил внимание, что тот слишком уж неподвижно лежит на спине. Видимых нарушений не было. Руки заключенного, как и полагалось по тюремному распорядку, лежали поверх одеяла. Но часовому показалось, что из камеры доносится хрип. Он позвал дежурного офицера, и оба они склонились над уже бездыханным телом. Тюремный врач констатировал мгновенную смерть от отравления цианистым калием.

Как попал яд в тюрьму, куда смотрела охрана, если после самоубийства Лея, руководителя нацистских профсоюзов, она была усилена, неизвестно. При трупе нашли четыре письма: пастору, семье, Уинстону Черчиллю и начальнику караула. В последнем Геринг сообщал, что сохранил при себе три капсулы с ядом. На этом сообщении покоится первая версия самоубийства. Имеется предположение, что смертоносную ампулу передал Герингу кто-то из адвокатов. Распространялась даже романтическая версия, будто яд принесла Эмма Геринг, приходившая к мужу на последнее свидание, и передала изо рта в рот при прощальном поцелуе (это всего лишь версия, так как мужа и жену разделяла плексигласовая стенка). Возможно, ампулу подбросил подкупленный охранник. Но как бы там ни было, веревка не коснулась шеи рейхсмаршала: как и другие главные заправилы Третьего рейха, он ушел из жизни с помощью яда.

После казни 16 октября 1945 года остальных осужденных их трупы, как и труп Геринга, были вывезены в крематорий и сожжены, а прах выброшен в реку. Но о Германе Геринге не забыли.

ОТЕЦ ГЕОПОЛИТИКИ

Идеология нацизма, которую Гитлер изложил с помощью Гесса в своей книге «Майн кампф», родилась не на пустом месте. Начало XX века было временем, когда зарождались первые учения о глобализации, когда, под воздействием Первой мировой войны, исчезала романтическая философия XVIII и XIX веков. На смену ей приходят прагматические, пахнущие кровью и оружейной смазкой учения о новом миропорядке.

Одним из таких новых философов был профессор и отставной генерал Карл Хаусхофер. В историю он вошел под именем «отца геополитики». Его мысли о новом мировом порядке вдохновили Гитлера на создание Третьего рейха. Будущий фюрер в свободное время с удовольствием читал основанный в 1924 году Хаусхофером журнал «Цейтшрифт фюр геополитик», считая себя интеллектуалом.

Хаусхофер заявлял, что «право и долг Германии – завоевание территорий на Востоке» и ее общая «реорганизация» на основе англо-германского союза. Конфликт с Англией и распад Британской империи не в германских интересах. Он не приветствовал войну Германии с Англией из-за Польши. Германия вообще не имела права на войну до тех пор, пока не заключен пакт с Англией.

После поражения Франции Хаусхоферу стало ясно, что следующей весной Гитлер нападет на Россию, что грандиозное наступление будет проиграно, что Красная Армия в своем контрнаступлении достигнет сердца Европы, и Германия будет вынуждена безоговорочно капитулировать.

Фактически профессор так и не был востребован нацистами, которые, кичась, называли себя его учениками. Его идеи о создании единой Европы, о создании общеевропейского рынка не были нужны творцам «нового порядка». Тем более пессимистические прогнозы Хаусхофера в тот момент, когда танки Гота рвались к Москве.

Хаусхофер замкнулся в своем профессорском уединении, но абстрагироваться от окружающего мира ему не удалось. Под воздействием отца сын профессора примыкает к заговору против Гитлера. Когда в июле 1944 года заговорщики были разгромлены, сын Хаусхофера кончает жизнь самоубийством. Перед смертью он проклял отца за его идеи, породившие гитлеровский режим. Надломленный морально, Хаусхофер встречает май 1945 года как конец света. С его точки зрения, поражение Германии и Нюрнбергский процесс зачеркивали его жизнь как немца и как

ученого.

В 1946 году, после казни в Нюрнберге верхушки Третьего рейха, он в своем профессорском особнячке обливает бензином себя и жену, бросает спичку, а затем принимает яд. Как всякий добропорядочный немец, Хаусхофер был основателен даже в смерти.

Семью годами ранее не так драматично, но тоже по своей воле ушел из жизни человек, который своими исследованиями раскрыл психопатологическую сущность нацистского режима. Изгнанный из рейха, в эмиграции покончил с собой великий Зигмунд Фрейд. Он умер через несколько дней после начала Второй мировой войны -23 сентября 1939 года, когда извращения в человеческой психике, которые он изучал всю жизнь, вырвались на свободу. Возможно, это ускорило его решение. По просьбе Фрейда доктор в течение двух суток вводил ему определенные дозы морфия, после чего наступило состояние комы, и Зигмунд Фрейд тихо ушел из обезумевшего мира.

ОТРАВЛЕНИЯ В ЯНЬАНИ

Продолжая старую традицию китайских императоров, которые считали яды лучшим средством устранения своих приближенных, Мао Цзэдун использовал отравляющие вещества для упрочения своей власти в партии.

Засев с остатками китайской Красной армии в глухом местечке в провинции Шэнси (Особый район Китая со столицей в Яньани, основан в 1935 году), подальше от японцев-милитаристов, Мао начал чистку рядов партии, которая шла беспрерывно с начала сороковых и до конца 1945 года. Это прореживание коммунистических рядов получило красивое китайское название – «Движение за упорядочение стиля».

Как свидетельствует один из тогдашних партийных руководителей КПК Ван Мин, впоследствии нашедший прибежище в СССР, «абсолютному большинству руководящих деятелей, кадровых работников, членов партии Мао Цзэдун также наносил различной степени удары». Кроме него самого, его тогдашнего «самого близкого союзника и соратника» Лю Шаоци и некоторых так называемых «прирожденных маоцзэдунистов», все руководители и кадровые работники характеризовались как «элементы, подозреваемые в контрреволюции», а все партийные организации в гоминьдановских районах считались «контрреволюционными организациями, которые под прикрытием красного знамени действуют против красного знамени». «Применив всевозможные методы обмана и клеветы, угроз и насилия, – пишет Ван Мин, – он заставил всех признать себя либо догматиками, либо эмпиристами, то есть «пленниками и помощниками догматиков» и, конечно, всех без исключения проводниками… так называемых «левой» и «правой» линий Ван Мина. Кроме того, жестокими пытками он заставил значительную часть коммунистов и комсомольцев признать себя «предателями», «контрреволюционерами» и «шпионами» Гоминьдана, империалистов и Советского Союза. Многие из тех, кто не признавал себя преступниками, были арестованы или убиты, или совершили самоубийство. Так продолжалось более трех лет». Ван Мин вовремя сбежал, остался жив и доживал свои дни на московской даче в Серебряном Бору.

Для китайских коммунистов все это было в новинку, но Мао использовал те методы, которые уже были апробированы в 1930-х годах «старшим братом» в Москве. За время яньанских чисток было уничтожено несколько сотен тысяч человек, более 20 тысяч покончили жизнь самоубийством. Для того чтобы «враги народа» не мучились совестью, им помогали ядами, и сколько человек действительно покончили жизнь самоубийством, а сколько было отравлено, знали, возможно, только Мао и его подручный Кан Шен. Хотя не всегда яд выполнял свою функцию по очистке рядов партии. Тот же Ван Мин был отравлен, но сумел преодолеть последствия отравления и выжил.

Продолжались «политические отравления» в КПК и после прихода коммунистов к власти. В Маньчжурии на пост руководителя с помощью советской военной администрации был посажен товарищ Гао Ган. Он чувствовал себя независимым от Пекина, и поэтому в Харбине везде висели портреты Сталина, а не Мао. Гао Ган регулярно слал доносы на руководство китайской компартии в Москву. Единственное, чего Гао Ган не знал, так это того, что копии его доносов Сталин отправлял Мао. Не любил вождь, когда подкапываются под руководителя. Пока у власти был Иосиф Виссарионович, Мао опасался трогать непокорного члена Политбюро, но после 1953 года Гао Гана сначала убрали из Маньчжурии, лишив его поддержки на местах. Ему дали небольшой пост в Пекине. Потом посадили под домашний арест, затем отправили в тюрьму и там «раскаявшийся в своих ошибках товарищ Гао Ган отравился», как сообщили об этом печальном событии из Пекина в Москву.

«УБИЙЦЫ В БЕЛЫХ ХАЛАТАХ»

Сталин, неоднократно прибегавший к помощи ядов, легко мог представить себе, что и его, и ближайших сподвижников могут отравить те, кто имеет доступ к высокопоставленным лицам. Поэтому уже на первых московских процессах на скамье подсудимых появились врачи.

Во время третьего процесса вместе с троцкистами, бухаринцами и шпионами судили трех врачей – 66-летнего профессора Плетнева, старшего консультанта Медицинского управления Кремля Левина и широко известного в Москве врача Козакова. Перед этим Ежов провел длительную обработку подсудимых врачей. Сначала была сломлена воля одного из них, затем его показания использовались против запирающихся. Первым подвергся обработке кардиолог Плетнев. Чтобы деморализовать Плетнева еще до начала так называемого следствия, Ежов прибег к коварному приему. К профессору в качестве пациентки была послана молодая женщина, обычно используемая НКВД для втягивания сотрудников иностранных миссий в пьяные кутежи. После одного или двух посещений профессора она подняла шум, бросилась в прокуратуру и заявила, что три года назад Плетнев, принимая у себя дома, в пароксизме сладострастия набросился на нее и укусил за грудь. Попытки Плетнева доказать абсурдность обвинения ни к чему не привели и дело попало в суд. Профессора признали виновным и приговорили к длительному тюремному заключению. В газетах печатались статьи, посвященные «садисту Плетневу», почти ежедневно публиковались резолюции медицинских учреждений

из разных городов, поносивших профессора Плетнева, опозорившего советскую медицину. Плетнев был в отчаянии и в таком состоянии был переведен из камеры в следственный «конвейер». Следователи намечали назначить Левина главным помощником Ягоды по части «медицинских убийств», а профессору Плетневу и Козакову отвести роль левинских соучастников.

Согласно легенде, состряпанной Сталиным при участии Ежова, Ягода вызывал этих врачей в свой кабинет, каждого поодиночке, и путем угроз добивался от них, чтобы они неправильным лечением сводили в могилу своих пациентов – Куйбышева, Менжинского и Горького. Из страха перед Ягодой врачи будто бы повиновались.

Все это было шито белыми нитками, но для интриги свидетелем по делу выступил сам Ежов, объявив и себя жертвой покушения отравителей. Вышинский подвел под это широкую историческую базу. Приведя многочисленные примеры удачных отравлений, он как дважды два доказал, что и в СССР травили и травить будут. Таким образом профессор Плетнев, доктора Козаков и Левин были осуждены по прецедентам, на которые так богата история человечества, хотя во время суда ни одного доказательства их вины обвинение так и не предъявило.

В отличие от других подсудимых, врачи воспользовались услугами адвокатов. Но защита была довольно специфической. «Огромны, кошмарны, чудовищны преступления наших подзащитных. Но, возможно, вы их пожалеете?» – спрашивали у обвинения защитники. «Пожалели» только Плетнева, он получил 25 лет, а потом долгие годы слал письма наверх, рассказывая в них об ужасах следствия.

Экспертами на процессе выступали коллеги осужденных – профессор В. Виноградов и профессор Н. Шерешевский. Через 14 лет они сами стали «врачами-отравителями». Виноградов подписал медицинское свидетельство о естественной смерти А. Жданова, а затем был обвинен в преднамеренном его убийстве по заданию британской разведки. Спасла врачей только смерть Сталина, и если б не это, то крупного процесса было не избежать.

Это было ясно всем, читавшим советскую прессу. 13 января 1953 года под рубрикой «Хроника» все центральные газеты поместили сообщение ТАСС «Арест группы врачей-вредителей»: «…все эти врачи-убийцы, ставшие извергами человеческого рода… состояли в наемных агентах у иностранной разведки. Большинство участников террористической группы (М. С. Вовси, Б. Б. Коган,

А. Й. Фельдман, А. М. Гринштейн, Я. Г. Этингер и другие)

были связаны с международной еврейской буржуазно-националистической организацией «Джойнт», созданной американской разведкой якобы для оказания помощи евреям в других странах… Другие участники террористической группы (В. Н. Виноградов, М. Б. Коган, П. И. Егоров) оказались давнишними агентами английской разведки».

Фактически подготовка к процессу врачей началась еще в 1950 году, когда был арестован профессор-терапевт Яков Гилярович Этингер. Его арестовали в ноябре, и первоначально вопрос о вредительстве и отравлениях следствие не ставило. Врача обвиняли в обычных клеветнических измышлениях, типа «маршал Тито никакой не немецкий шпион». Но Этингер лечил слишком много не тех людей – Кирова, Орджоникидзе, Лакобу, Чичерина, Ходжаева, Литвинова, Тольятти, Тито, Димитрова, Хосе Диаса,

В. Пика. С сентября 1951 года из врача-арестанта начали выбивать показания на врачей-вредителей, которые еще в то время были на свободе и продолжали лечить пациентов Главсанупра. Этингер умер в следственном изоляторе МГБ в 1951 году. Но после него осталось достаточно следственного материала, чтобы посмертно обвинить и его, и врачей-коллег во вредительском лечении. Этингера непосредственно обвиняли во «вредительском лечении секретаря ЦК, МК и МГК ВКП(б), кандидата в члены Политбюро ЦК А. С. Щербакова.

Перед началом «большого» процесса была проведена репетиция будущего судилища. Была арестована группа врачей, работавших в медицинской части крупнейшего автомобильного завода имени Сталина (ЗИСа). К ним прибавили сотрудников дирекции, работников министерства и даже журналистку, писавшую о ЗИСе. У всех арестованных были фамилии, которые сразу показали народу, кто его враги: А. Финкельштейн, Д. Смородинский, М. Айзенштадт, Э. Лифшиц. Все обвиняемые были расстреляны в ноябре 1950 года.

Добавив к имевшимся материалам Этингера донос заведующей электрокардиографическим кабинетом Кремлевской больницы, врача-патриотки Лидии Тимашук, органы вполне могли рассчитывать на громкий процесс с антисемитским душком, но смерть «лучшего друга чекистов» оборвала начавшуюся раскрутку «врачей-отравителей». Однако перед этим во все газетах появлялись погромные статьи с обвинением «космополитов», готовивших отравления маршалов Василевского, Говорова, Конева и других. В больницах началась паника, больные смотрели на врачей как на коварных злодеев, отказывались принимать прописанные лекарства. Одна женщина-

врач из Москвы рассказывала в то время: «Вчера пришлось весь день глотать пилюли, порошки, десять лекарств от десяти болезней – больные боялись, что я «заговорщица».

21 января 1953 года, в годовщину смерти Ленина, был опубликован указ о награждении Лидии Тимашук орденом Ленина «за помощь, оказанную Правительству в деле разоблачения врачей-убийц». Атмосфера подозрительности, страха и ненависти нагнеталась по всей стране. В коммунальных квартирах соседи уже делили жилплощадь евреев, которых «выселят». Еврейские дети подвергались в школах издевательствам со стороны одноклассников, и многие учителя поощряли антисемитизм. Советское общество благополучно катилось к погромам.

Но смерть Сталина полностью изменила ситуацию. Дело врачей оказалось не нужным, а хороших специалистов в Главсанупре было не так уж много. Всех, кто выжил, выпустили и реабилитировали.

Но уже 4 апреля 1953 года в «Правде» появилось опровержение ранее напечатанной информации об «отравителях», а также информация об отмене указа о награждении Тимашук. 6 апреля «Правда» печатает передовую о следствии по делу врачей, которым руководил Рюмин: «Презренные авантюристы типа Рюмина сфабрикованным ими следственным делом пытались разжечь в советском обществе, спаянном морально-политическим единством, идеями пролетарского интернационализма, глубоко чуждые социалистической идеологии чувства национальной вражды». Так закончилась эпопея с «врачами-отравителями», а их реабилитацией Берия начал свою игру в доброго царя, пытаясь добраться до вершин кремлевской власти.

ШПИОНСКИЕ СТРАСТИ «ПО ЯДАМ»

«Генерал: Вот вам портативная рация, в кончике зонта – яд. Вот коронка с ядом, вот перстень с ядом, вот просто чистый яд в бутылочке из-под шампуня. На всякий случай будете писать донесения невидимыми чернилами, они тоже ядовиты».

М. Любимов. «Легенда о легенде»

СПЕЦЫ И СПЕЦЛАБОРАТОРИИ

Когда в 1940-е годы было организовано 4-е Управление НКВД СССР, ему был передан 4-й Специальный Отдел НКВД СССР. Он занимался изысканиями и изобретениями диверсионной техники, имел отделения токсикологии и биологии, занимавшиеся изучением и исследованиями всевозможных ядов. История его создания относится к 1930-м годам. Когда Ягода и его «чемоданчик» сгинули во время «больших московских» процессов, эстафету создания и использования ядов подхватил «железный нарком» Ежов. Именно при нем в 1937–1938 годах был образован 4-й Спецотдел как отдельное подразделение. Руководил Отделом сначала Анохин, затем Лапшин, а с 1939 года – полковник Филимонов. При Ежове жертвами спецотдела не раз становились и сами наркомвнудельцы. Так, в 1937 году был отравлен один из руководителей НКВД Слуцкий (ему подсыпали яд в стакан с чаем), другому генералу специальным отравляющим составом опрыскали шторы в служебном кабинете.

Отделения токсикологии и биологии работали по планам и темам, утверждаемым Берией и его замом Меркуловым. Работой по бериевским планам непосредственно занимались: начальник отдела Филимонов – фармаколог, кандидат наук; начальник отделения Муромцев – доктор биологических наук; начальник отделения Майрановский – доктор медицинских наук. Эти работники непосредственно докладывали Берии и Меркулову, получали от них указания, отчитывались за свою работу.

Специалисты-токсикологи занимались и профилактикой покушений не только на вождя, но и на руководство МГБ. Как-то на имя министра МГБ Меркулова пришел из-за границы странный пакет, в котором оказался какой-то порошок (сразу вспоминается паника в США по поводу «сибирки»). Все насторожились. Не диверсия ли какая? Может, порошок ядовитый. Отправили на экспертизу химикам Майрановского. Те установили, что порошок безвреден, дали его химическую формулу, но установить, что это за субстанция, так и не смогли. Случайно министр поделился возникшей проблемой в домашнем кругу. И тут тайна порошка разъяснилась. Жена Меркулова, волнуясь, сообщила, что эта персидская хна, которую ей пообещал прислать посол Ирана.

4-й Спецотдел не имел особых проблем ни до мая 1946 года, когда был назначен новый министр государственной безопасности СССР Абакумов, ни после. «Новая метла» прикрыла филиал 4-го Спецотдела, так называемую Специальную лабораторию при коменданте НКВД СССР. Разработкой ядов в ней

занимались Муромцев и Майрановский, а курировал комендант НКВД, генерал-майор Блохин. Причем, эта спецлаборатория считалась важнее Спецотдела, а их конкуренция не шла на пользу дела, новых ядов было создано мало. Абакумов восстановил полную самостоятельность Спецотдела Филимонова, ликвидировав комендантскую спецлабораторию. Получив новые возможности, 4-й Спецотдел развернул широкую работу. Непосредственно изготовлением ядов занялась наследница «спецкабинета» и «спецкамеры» – спецлаборатория № 12 Института специальных и новых технологий КГБ, действовавшая в структуре Оперативно-технического управления.

В 1991 году, при Бакатине, спецлабораторию убрали из системы российского КГБ под прикрытие профильного института. Но контроль за ее работой по-прежнему в руках спецслужбы.

«ПТИЧКУ ЖАЛКО!»

Одновременно ядами занималось и 9-е Управление, которое охраняло партийных деятелей от возможных покушений, в т. ч. и с помощью ядов. Именно сотрудники «девятки» обучали египетских охранников, как защитить их президента Насера от покушений, в том числе и со стороны ЦРУ и Моссада. Египтяне хотели получить от советских друзей из КГБ специальную аппаратуру для обнаружения отравляющих веществ и были шокированы, когда им порекомендовали проверять помещения при помощи… птички в клетке. Если птичка погибнет – значит, и человеку находиться в этом помещении опасно. Египтяне никак не могли поверить в эффективность этого способа и все время спрашивали, нет ли более современных технологий. «Технологии, конечно, есть, но самая надежная – все равно птичка», – отвечали им коллеги из КГБ. Но технический прогресс не стоит на месте, и в XXI веке птичку все же заменили приборами. В наши дни Российская Федеральная служба охраны, берегущая тело президента, во время многочисленных поездок Владимира Путина по России и миру во всех резиденциях и гостиницах берет пробы воды (питьевая привозится с собой) и даже воздуха. А анализ на присутствие яда делается на месте в экспресс-лабораториях. В обязанности сотрудников ФСО входит и контроль за питанием президента. Правда, телохранителей не заставляют пробовать еду до того, как ее подадут на стол главы государства. Экспертиза продуктов для первых лиц уже давно проводится цивилизованно. Как конкретно, в ФСО не говорят, ссылаясь на секретные методики обеспечения безопасности.

УБИЙСТВО СВЯТОГО

Летом 2003 года тысячи людей из разных стран съехались в Ужгород, чтобы поклониться мощам святого Теодора Ромжи. Епископ украинской греко-католической церкви был канонизирован папой Иоанном Павлом II во время визита понтифика в Украину в июне 2001 года. История украинского святого мученика непосредственно связана с МГБ.

Теодор Ромжа в 33 года стал самым молодым владыкой УГКЦ. Родился он 14 апреля 1911 года, а епископская хиротония его была произведена 24 сентября 1944 года, накануне прихода советских войск. Вместе с другими пастырями униатов он не пошел на компромисс с вернувшимся в 1944 году на Западную Украину коммунистическим режимом и решительно выступал против ликвидации УГКЦ и объединения ее с послушной Сталину Российской православной церковью. Как Сталин ни соблазнял клир УГКЦ «ЗИСами» и мирскими благами, подавляющее большинство духовенства не поддалось. Поэтому наиболее стойких было решено уничтожить. В списке вместе с Йосипом Слипым был и Ромжа.

27 октября 1947 года телега, в которой священнослужитель возвращался из села Лавок Мукачевского района домой после архиерейской литургии, была протаранена армейским «студебеккером». Но Теодор Ромжа и несколько его спутников остались живы. Солдаты, выскочившие из машины, избили епископа и его спутников до потери сознания. Ромжа попал в районную больницу. Оказанная ему медицинская помощь была своевременной, и он пошел на поправку.

Это не входило в планы МГБ. По указанию Москвы в Мукачево был срочно откомандирован палач МГБ Судоплатов (по другим данным, Майрановский). В Киеве к нему в вагон пришел Хрущев и от имени советской власти в Украине дал приказ казнить Ромжу. Агента МГБ немедленно устроили санитаркой в больницу, и судьба владыки была решена. Помощница Судоплатова 1 ноября поднесла больному вместо лекарства ампулу с ядом кураре. Смерть наступила мгновенно, от «естественных причин», как записано в истории болезни.

Позднее в покаянном письме к XXIII съезду КПСС Судоплатов, прося о помиловании, писал, что расправа над владыкою была произведена «по указанию члена Политбюро ЦК ВКП(б) и первого секретаря ЦК ВКП(б) Украины Хрущева и по плану, который разработало Министерство государственной безопасности Украины и одобрил Хрущев, что уничтоженный Ромжа – глава

греко-католической церкви, оказывал активное сопротивление присоединению греко-католиков к православию». К тому времени, когда убийца написал письмо, Хрущев находился в опале, и на него можно было валить все, что угодно. Но все равно, даже если инициатором был Киев, без одобрения Москвы Судоплатов действовать не мог.

Уже в наши дни останки Ромжи были подвергнуты судебно-медицинской экспертизе в Будапеште. Врачи подтвердили факт мученической смерти, что позволило ускорить процесс канонизации. Мощи святого доставили из Будапешта через Словакию в Ужгород и поместили в боковой часовенке кафедрального собора города.

ДОЗУ ЯДА – И ПОД КОЛЕСА

13 января 1948 года в автокатастрофе в городе Минске погиб великий актер и режиссер Соломон Михоэлс. Он был убит по прямому приказу товарища Сталина. Организацией ликвидации занимались непосредственно Сергей Огольцов, замминистра ГБ Лаврентий Цанава, министр ГБ Белоруси и Федор Шубняков, начальник отдела 2-го Главного управления МГБ. Непосредственного исполнителя называет в своих мемуарах гэбэшный ликвидатор Судоплатов – это полковник Лебедев. Убийство происходило, как и все подобные преступления, под покровом тьмы. В 10 часов вечера Михоэлса вместе с сексотом Голубовым, который заманил актера в ловушку ГБ, привезли на дачу Цанавы. И Михоэлсу, и Голубову сделали инъекцию яда, а потом раздавили грузовиком. Тела бросили на улице, имитируя случайную смерть под колесами автомобиля.

Подобная процедура МГБ была уже отработана. В июне 1946 года сам Судоплатов успешно провел подобную ликвидацию в Ульяновске. Ее жертвой стал польский инженер Самет, работавший над секретными проектами по использованию трофейного немецкого оборудования на советских подлодках. Он был тайно обвинен и приговорен к смерти – якобы за то, что раздобыл секретные сведения о подводных лодках ВМФ СССР и хотел продать их американцам. В ближайшее окружение Самета был внедрен агент, который выдавал себя за врача заводской поликлиники. Через несколько дней туда же приехал сам Майрановский, который вместе с врачом сделал Самету во время профилактического осмотра инъекцию яда кураре. Затем Самета вывезли за город, переехали грузовиком и оставили лежать на шоссе. В операции в Ульяновске были задействованы полковник Лебедев и еще один участник убийства Михоэлса – лейтенант Круглов. За минскую операцию они, как и другие руководившие и принимавшие в ней участие, в октябре 1948 года были удостоены правительственных наград.

Но операция по устранению Михоэлса, несмотря на ее отработанность, была выполнена настолько топорно, что следователь по особо важным делам Прокуратуры СССР Лев Шейнин (известный автор детективных рассказов и романов) быстро раскопал правду. Вместо подсовываемых ему еврейских националистов из «Джойнта» он вышел на офицеров МГБ. Это открытие послужило причиной того, что его выгнали из Прокуратуры, а затем и самого отправили на Лубянку. Смерть Михоэлса нужна была «вождю» как отправная точка в кампании

искоренения «космополитов».

Практически в тоже время умер «от инфаркта» человек, связанный с судьбой европейских евреев, шведский дипломат Рауль Валленберг, выкраденный агентами МГБ в Венгрии. Валленберг, судя по рапорту начальника медицинской службы внутренней тюрьмы МГБ Смольцова, неожиданно скончался в своей камере 17 июля 1947 года. Существует большая вероятность того, что неожиданный «инфаркт» был вызван искусственно.

УКОЛ ОТ РАКА

С 1942 года в Яньани, особом районе Китая, работала разведгруппа ГРУ, которую возглавлял Петр Парфенович Владимиров (Власов). Под колпаком группы оказались все основные политические фигуры китайского коммунистического руководства. Владимиров шаг за шагом прослеживал политическую ориентацию верхушки КПК, их связи с руководством СССР и с американцами.

Владимиров был одним из самых компетентных разведчиков, которые занимались Китаем. В 1938 году он закончил Институт востоковедения. Несколько раз побывал в спецкомандировках в разных районах Китая, а с мая 1941 года был отправлен в Особый район Китая – Янь-ань, базовый район китайской Красной армии и руководства компартии. Официально он возглавлял группу корреспондентов ТАСС, а фактически цель его командировки заключалась в организации сбора данных о Квантунской армии.

Сталин относился к группе Владимирова-Власова с большим доверием. Об этом свидетельствовали высокие награды, полученные руководителем группы, – несколько орденов Красной Звезды, ордена Ленина и Красного Знамени. Особенно ценил вождь информацию о «Пугачеве» – под такой кличкой в донесениях проходил Мао Цзэдун. Донесения Владимирова дали возможность составить полную картину о расстановке враждебных сил в Политбюро КПК и обусловили выбор ключевой фигуры для Сталина. Разведка четко показала, что самый беспринципный, самый жестокий и самый властолюбивый – это Мао. На него и сделал ставку Сталин.

После войны, учитывая заслуги Владимирова и его компетентность, руководство разведки переводит его на легальное положение. Владимиров в 1952 году в ранге посла готовится к отправке в Бирму, которая на тот момент была ключевым местом, откуда можно было влиять на партизанскую войну в Малайе и прокоммунистические группировки в Юго-Восточной Азии. Но в Рангун посол не прибыл.

Перед отправкой новоиспеченного посла пригласил к себе на инструктаж Берия. Он недолюбливал военную разведку, а Владимирова особенно. Тот в свое время отказался пойти на сотрудничество с загранотделом НКВД. И еще ему не нравилось то доверие, которое Сталин оказывал этому выскочке из ГРУ. На Владимирова-Власова Лубянка имела достаточно обширное досье. В одном из донесений указывалось, что Владимиров страдает болезнью желудка и панически боится рака. Поэтому

Лаврентий Павлович по-дружески предложил послу, уезжающему к черту на кулички, сделать противораковый укол, «импортное лекарство, привезли из-за кордона».

Владимиров вернулся домой с опухшей рукой, а спустя несколько дней его привезли в госпиталь с тяжелым горловым кровотечением. Скончался он, по официальному заключению, от саркомы легких. Место несостоявшемуся послу Берия выделил на Новодевичьем кладбище, причем, с удовольствием.

Кстати, это была не первая расправа Лаврентия Павловича с причастными к разведке лицами. Когда в Токио в конце 1941 года был арестован Рихард Зорге, Берия лично допрашивал на Лубянке его жену – Екатерину Максимову. Довольно легко он выбил из запуганной женщины признание в связях с японской разведкой. Эти показания тоже сыграли свою роковую роль в трагической судьбе Рамзая. А Максимову отправили в сибирские лагеря, перед этим отобрав сына и направив его в спецдетдом. Вскоре, чтобы меньше болтала, жену Зорге отравили в Красноярске.

ПРИГОВОР КРЕМЛЯ ВЫПОЛНЕН

13 октября 1959 года в канцелярии 34 ОУН в Мюнхене прозвучал телефонный звонок. Звонила жена Степана Бандеры, Ярослава. Она сообщила, что с ее мужем произошло несчастье: залитый кровью, он упал на лестнице их дома. Госпожа Ярослава просила немедленно прислать медицинскую помощь. Прибывшие на место происшествия друзья нашли мертвое тело руководителя ОУН, но подозрения, что это теракт, еще не возникло, хотя уже несколько месяцев к руководству ОУН поступали предупреждения о такой возможности.

Приблизительно в 13.10 приехала «скорая помощь» и отвезла тело Бандеры в сопровождении жены в больницу «Красного креста». Первый осмотр тела врачами не дал возможности установить причину смерти. Бандера был записан под вымышленным именем Степана Поппеля. Врач во время осмотра трупа нашел под одеждой кобуру с револьвером и сообщил об этом в полицию. По указанию правоохранительных органов тело перевезли в Судебно-медицинский институт. Там и было проведено патолого-анатомическое исследование трупа.

В понедельник 19 октября 1959 года мюнхенская комиссия по расследованию убийств сообщила прессе следующее: «Проведенные в субботу 17 октября в Судебно-медицинском институте исследования по установлению причин смерти дали результат, по которому смерть Бандеры наступила от отравления цианокалием. Теперь комиссия по расследованию убийств проверяет, что произошло – убийство или самоубийство».

КГБ постаралось распространить дезинформационные материалы, в которых речь шла о самоубийстве Бандеры, о его убийстве соратниками из-за разногласий, во многих городах мира были проведены провокационные антисемитские выступления, которые приписывались украинским националистам. Но вся эта агиткампания потерпела крах.

12 августа 1961 года, за день до установления Берлинской стены, границу западного сектора перешел Богдан Николаевич Сташинский. Он сообщил американским полицейским, что является сотрудником КГБ, по заданию которого убил Степана Бандеру, а двумя годами ранее, 12 октября 1957, украинского журналиста из Мюнхена Льва Ребета. Как орудие убийства Сташинскому передали специально сконструированный пистолет-шприц с ядом. Это был, собственно, двуствольный цилиндр, снабженный предохранителем и спусковым крючком, которым, с помощью небольшого количества пороха, можно было выстрелить две ампулки с ядом – синильной кислотой. Притаившись на лестнице мюнхенского дома, где жил Степан Бандера, Сташинский в подходящий момент выстрелил в лицо своей жертве яд, который парализовал дыхательные органы и привел к быстрой смерти.

Сташинский за свои «подвиги» получил орден Боевого Красного Знамени и разрешение на брак с немкой из Восточного Берлина. Через месяц после свадьбы, которая состоялась в Берлине, Сташинский был направлен вместе с женой в Москву для продолжения учебы. Прослушивание домашних разговоров с женой дало начальству основание подозревать Сташинского в недостаточной лояльности к советскому режиму. Его отчислили из школы и запретили покидать Москву.

Жене Сташинского в связи с предстоящими родами весной 1961 года было разрешено выехать в Восточный Берлин. В начале 1962 года пришло известие о неожиданной смерти ребенка. Для похорон сына Сташинскому позволили непродолжительную поездку в Восточный Берлин. Были предприняты усиленные меры безопасности по наблюдению за ним. Однако за день до похорон Сташинскому с женой удалось оторваться от сопровождения,

следовавшего на трех автомобилях, и сбежать в Западный Берлин. Так тайна убийства стала достоянием гласности.

Сообщили об этих фактах на пресс-конференции, которую собрало руководство ОУН в пятницу 17 ноября 1961 года. В тот же день радиостанции свободного мира разнесли эту весть повсюду. Сотни антимосковских демонстраций прошли в странах мира. Даже в советской Украине были попытки высказать свое возмущение убийством Бандеры. Но Москва, а также председатель КГБ, все отрицали.

Последнюю точку в раскрытии правды о Мюнхенском покушении поставил суд над Сташинским. Он начался в октябре 1962 года в городе Карлсруэ. Во время судебного процесса выяснилось, что Лев Ребет также был убит с помощью пистолета с ядом. Сташинский сообщил подробности инструкций по пользованию этим оружием: «В человека нужно стрелять спереди, нужно обязательно попасть ему в лицо или грудь. После того как ампулка разлетится, жидкость начинает испаряться, и человек вынужден вдыхать пары цианида. При вдыхании этих паров человек немедленно теряет сознание… а через 2–3 минуты умирает от паралича сердца… После испарения жидкости нельзя найти никаких следов; через минуту после смерти кровеносные сосуды возвращаются в прежнее состояние, из-за чего нельзя подтвердить насильственную смерть… Для того чтобы ничего не произошло с убийцей, есть специальные таблетки, которые необходимо принять за один или полтора часа перед покушением. Их действие продолжается 4–5 часов. Эти таблетки действуют так, чтобы сужения сосудов не произошло». Для изготовления таблеток было использовано вещество содиум тиосульфат, нейтрализующее действие яда.

19 октября 1962 года суд приговорил Сташинского к 8 годам тюрьмы. Шелепина на посту председателя КГБ сменил Семичастный, который не был сторонником ликвидации. На XXII съезде КПСС Хрущев заявил, что партия отказалась от террористических методов борьбы с врагами. Но спустя некоторое время, когда на политической арене не было уже ни Хрущева, ни Семичастного, все вернулося на круги своя.

ПОКУШЕНИЯ НА ОКОЛОВИЧА

КГБ неоднократно планировал похищение и убийство Георгия Сергеевича Околовича, руководителя НТС (Народно-трудовой союз – антисоветская эмигрантская организация, активно работавшая с советскими гражданами за рубежом и распространявшая свои материалы в пределах СССР. Выступала за демократизацию советского общества и права человека).

В 1949 году в деревушке Рункель (западная зона оккупации) четыре агента МГБ попытались похитить или ликвидировать председателя исполкома НТС Околовича.

В июне 1951 года полиция арестовала трех агентов МГБ, направлявшихся к Околовичу, у которых были изъяты усыпляющие средства и ломик.

В 1953 году была сделана попытка похитить жену Околовича. Советским агентам удалось выкрасть и убить одного из руководителей НТС – Александра Трушновича.

Последняя операция должна была поставить окончательную точку в карьере «матерого антисоветчика». Санкционировалась она, как и все операции по ликвидации за рубежом, непосредственно Президиумом ЦК КПСС. Подготовкой исполнителя, Николая Хохлова, занимались лучшие оперативники МГБ. В стрельбе его, например, натаскивал полковник Годлевский, пятикратный чемпион СССР по стрельбе из пистолета. Орудие убийства – пистолет с глушителем – было спрятано в пачке сигарет. Пистолет, стрелявший отравленными цианистым калием пулями, был разработан в секретной оружейной лаборатории МВД-МГБ.

18 февраля 1954 года Хохлов зашел в квартиру Околовича во Франкфурте и сказал: «Георгий Сергеевич, я прибыл из Москвы, ЦК КПСС приказал вас ликвидировать. Убийство поручено моей группе». Затем Хохлов вместе с Околовичем связались с ЦРУ, но резидентура в Германии отнеслась скептически к неудавшемуся покушению. Желая доказать свою правоту, Хохлов 20 апреля созвал пресс-конференцию, на которой рассказал о планах покушения и продемонстрировал оружие.

Откровения перебежчика не понравились Лубянке, и по приказу Шелепина 13-й отдел в сентябре 1957 года попытался отравить Хохлова во Франкфурте во время конференции в издательстве «Посев» радиоактивным таллием (этот метод был выбран в надежде, что следы таллия не будут обнаружены при вскрытии), но неудачно. Немецкие, а затем и американские врачи, быстро распознав, что имеют дело с таллием, спасли его от

смерти. Интересно, что в 1991 году Хохлов был амнистирован, а в 1992 году вернулся в Москву, где впервые за 38 лет встретился с женой и сыном.

«ТИХИЕ» ОПЕРАЦИИ ЦРУ

Первая лаборатория, аналогичная спецлаборатории № 12 КГБ, была создана в Управлении стратегических служб в 1940-е годы, но особого расцвета она достигла после 1947 года, когда на смену УСС пришло ЦРУ. В его структуре был создан отдел специальных операций. Он появился на свет в 1950 году благодаря стараниям доктора Джона Шваба и базировался в Форт-Детрике. При Швабе ОСО разработал целый арсенал ядов на все случаи жизни и для любой ситуации.

Поскольку США были обеспокоены наступлением коммунизма не только у себя на родине, но и во всем мире, на долю «спецов» из ОСО выпадало особенно много работы. Им приходилось разрабатывать секретные операции «тихого» (на сленге спецслужб – чистого) устранения многих политических и государственных лидеров просоветской или просто антиамериканской ориентации.

Для этих целей в их арсенале имелись самые разнообразные яды. Были токсины, которые получали из некоторых видов моллюсков и которыми за секунду можно было убить человека (причем, для стороннего наблюдателя эта смерть выглядела бы как самоубийство).

Этим быстродействующим ядом ЦРУ снабжало своих агентов, которые должны были воспользоваться им в критических ситуациях, например при провале. Яды прятали в различные предметы: авторучки, зажигалки и даже серебряные доллары. 1940-е и 1950-е годы, в целом, отличались своеобразной романтикой, символом которой и была ампула с ядом. Многочисленные шпионы, которых забрасывали на парашютах в села Смоленщины, называли пароль, типа «Здесь продается славянский шкаф?» и имели ампулу с ядом. Вот как описывал пойманный шпион из группы НТС свою отраву. Американский агент «отыскал надрез на внутренней стороне воротничка рубашки Боба и затолкал туда маленькую плоскую ампулу: «Извлекать ампулу не надо, просто следует надкусить, яд действует мгновенно. Ты даже ничего не почувствуешь: будто провалился в сон, и все». Потом все эти ампулы попадали после исследования в музей КГБ на Лубянке.

Серебряный доллар с ядом имел при себе знаменитый Фрэнсис Гарри Пауэре, сбитый 1 мая 1960 года над Свердловском во время разведывательного полета. Когда на базе в пакистанском Пешаваре проходила подготовка к вылету, Пауэрсу вручили булавку с ядом. Она имела вид обычной булавки: прямая, из

белого металла, длиной 27 мм. Но внутри по всей длине имелся канальчик, в который была вставлена игла. Она извлекалась, если сильно потянуть за головку булавки. На заостренном конце иглы проходили глубокие бороздки, сплошь покрытые слоем липкой буроватой массы. Это был яд, относящийся к группе кураре, – наиболее быстро действующий из всех известных ядов: смерть при уколе должна была наступить мгновенно. Булавка находилась в серебряном долларе, покрытом целлофаном. Пауэре так вспоминал о первых минутах своего пребывания на земле после экстренного прыжка из подбитого самолета: «…Я вспомнил о серебряном долларе и вынул его. Взглянув на монету, я понял, что такая маскировка была весьма неудачной. Может ли быть лучший сувенир на память о захвате пилота капиталистической Америки, чем новенький американский доллар? У меня сразу же его отберут. Раскрыв монету, я вынул из нее булавку с ядом и положил в карман, где ее могли и не найти. Затем выбросил доллар». Наивный американец – нашли и иглу, отыскали и доллар. Позднее сотрудники КГБ отдали этот доллар в свою спецлабораторию, там испытали его содержимое на подопытной собаке: собака умерла через десять секунд. Наивными были и начальники Пауэрса, они официально отрицали разведывательную миссию, будучи уверены, что пилот воспользуется иглой.

В 1960-е годы ОСО предоставило на вооружение следующие средства, с помощью которых можно было умертвить человека или надолго вывести его из строя: пистолеты, стреляющие отравленными иглами; микрошприцы, при помощи которых жертве можно было сделать смертельный укол (при этом ни одна экспертиза не обнаружила бы следа от укола); специальные зажигалки, которые распыляли яд при зажигании и т. д. Были придуманы даже особые болты, которые вставлялись в головки цилиндров автомобиля и при нагревании мотора выстреливали яд в направлении водителя и пассажиров, превращая салон машины в душегубку.

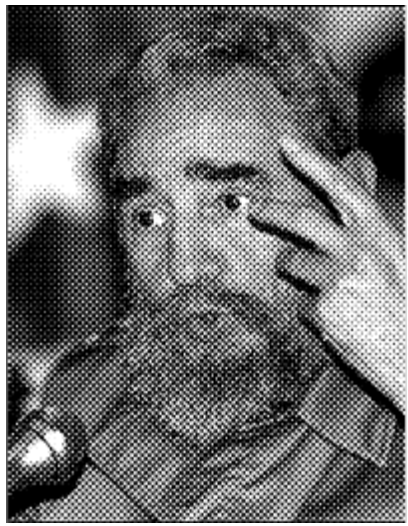
Дальнейшая разработка спецсредств для нужд ЦРУ была поручена подразделению «Группа изменений в здоровье». Эта группа занималась быстродействующими отравляющими веществами (ядами) и средствами, с помощью которых можно было их вводить в организм объекта, то есть человека, подлежащего убийству. Как сообщил сенатской комиссии в 1975 году директор ЦРУ Уильям Колби, была разработана программа под условным названием «План Наоми» стоимостью в 3 млн долларов по созданию такой «комплексной группы ядов», которые способны вызывать все заболевания, начиная с тяжелого поноса,

шизофрении и потери памяти до полного паралича и смерти.

Сенатской комиссии было показано также действующее с помощью простой карманной батарейки и потому совершенно бесшумное оружие, которое выстреливает отравленную ядом стрелу-иголку. И яд и наконечник стрелы растворяются в организме так, что не остается никакого следа. Одним из вариантов этого оружия был цанговый карандаш, стрелявший иглой со смертельной дозой кураре. Далее на заседании комиссии упоминалось о прогулочных тростях и зонтиках, которые также испускают стрелы; об электрической лампочке, которая, когда ее зажигают, выделяет ядовитый газ; о пуговице, которая на самом деле не пуговица, а ядовитая таблетка огромной силы; говорилось также об «остроумном аппарате, который в момент запуска автомобиля впрыскивает в салон машины ядовитый газ. Шла речь и о «невидимом дорожном знаке», а на самом деле, аэрозольном устройстве, которое систематически опрыскивает шоссе и железнодорожные рельсы возбудителями болезней, и проходящие мимо транспортные средства увозят на своих колесах опасные бактерии на большие расстояния».

Сенатор Франк Черч вел заседания комиссии шестьдесят дней, допросил за это время 75 свидетелей. Протоколы заседаний комиссии заняли восемь тысяч страниц. Но вряд ли что-то изменилось в ведомстве рыцарей «плаща и кинжала». Читателю также следует иметь в виду, что ЦРУ и КГБ настолько были инфильтрованы агентами противной стороны, что все разработки в области спецсредств быстро становились достоянием противника и брались на вооружение обеими спецслужбами.

ЦРУ И СИГАРА КАСТРО



Самый большой «плохой парень» сидел (да и сейчас сидит) под самым носом у Соединенных Штатов на Кубе, и поэтому во времена романтической холодной войны американские спецслужбы не раз предпринимали попытки убрать Фиделя Кастро. 11 декабря 1959 года начальник отдела стран западного полушария ЦРУ Дж. Кинг направил Алле-ну Даллесу докладную записку, в которой речь шла о Кастро: «Никто из его приближенных – ни его брат Рауль, ни соратник Че Гевара не имеют такого магнетического воздействия на массы, как он. Многие информированные лица считают, что исчезновение Фиделя в значительной степени ускорило бы падение нынешнего режима».

Комиссия сената, расследовавшая деятельность ЦРУ в 1975 году, нашла конкретные доказательства не менее восьми заговоров с целью убийства человека с сигарой (с 1960 по 1965 год). Приведем выписку из доклада комиссии: «Хотя некоторые заговоры не вышли за рамки планирования и подготовки, установлено, что один из них, в котором были замешаны уголовные элементы, дважды достигал такого уровня, когда на Кубу были посланы таблетки с ядом и направлялись группы для совершения покушения. Другой заговор предусматривал использование для убийства диссидента. Диапазон предполагаемых способов убийства был очень широк – от стрелкового оружия большой мощности до таблеток с ядом, авторучек, заряженных ядом, смертельных бактериологичных порошков и других способов».

Сенатская комиссия, упоминая об уголовных элементах, имела в виду попытки устранить Кастро в 1961 году. С этой целью ЦРУ вышло на представителей лос-анджелесской мафиозной семьи. У мафия были свои счеты с Кастро. Во времена Батисты большие средства, полученные от торговли наркотиками, были вложены в гаванские казино и ночные клубы. Когда отряды Кастро начали всерьез угрожать режиму Батисты, представители мафии встретились с Фиделем и предложили ему крупную партию оружия в обмен на гарантии своих капиталовложений на Кубе. Кастро пообещал не трогать отели мафии, оружие взял, но, придя к власти, обещание не выполнил и национализировал недвижимость, заодно прихлопнув проституцию и торговлю наркотиками. «Люди чести» не могли простить «барбудосу» утраты десятков миллионов долларов. Поэтому и состоялась в 1960 году встреча агентов ЦРУ и трех мафиози. Один из них, Сэм Джанкана, предложил устроить не гангстерскую разборку, а устранение с помощью яда. Химики спецслужбы приготовили требуемый состав и, испытав его на обезьянах, передали свое зелье в феврале 1961 года начальнику отдела оперативной поддержки, а тот – Роберту Мэхью, бывшему агенту ФБР, связному между конторой и мафией. Мэхью отправился с ядовитым грузом в Майами на встречу с мафиози. В номере одного из отелей «Мэхью открыл свой портфель и вывалил себе на колени кучу денег… затем достал капсулы и объяснил способ их пользования… Их не следовало класть в горячий бульон или другую пишу подобного рода, а нужно было растворить в воде или напитках, причем надлежало использовать как можно быстрее». Отравленный должен был умереть через два-три дня, а вскрытие не нашло бы никаких следов яда.

Вскоре один из партнеров, Джон Роселли, докладывал Мэхью, что яд уже доставлен на Кубу. Доставку осуществил один из подручных третьего мафиозного компаньона – Сантоса Траффиканте. В Гаване курьер передал яд кубинцу, работавшему в том ресторане, который посещал Фидель Кастро. Вскоре газеты сообщили о болезни Кастро, и Мэхью поделился своей радостью с другими, считая, что Фиделю осталось жить недолго. Но то оказалась обычная простуда. А несколько недель спустя Джон Роселли огорчил ЦРУ: человек мафии в Гаване потерял доступ к руководителям Кубы и вернул яд. Курьер привез капсулы в Майами, а оттуда они проследовали на склад в Лэнгли, чтобы быть востребованными спустя некоторое время, и опять неудачно.

«Наиболее ироничный из этих заговоров имел место 22 ноября 1963 года. В тот самый день, когда президент Кеннеди был застрелен в Далласе, сотрудник ЦРУ предложил одному из

кубинцев авторучку с ядом для использования против Кастро, хотя в то же время эмиссар Кеннеди встречался с ним для выяснения возможности развития отношений», – сказано в докладе. Подобную авторучку намеревались использовать и в 1971 году.

Другие заговоры преследовали целью подорвать авторитет Кастро: облить его радиостудию жидкостью, которая бы имела действие, подобное действию наркотика ЛСД, но эта задумка не удалась – доступ в помещение всем посторонним лицам был перекрыт; засыпать в его обувь сильнодействующий порошок, созданный на основе таллия, который вызывает выпадение волос (он был испробован на животных в секретных лабораториях Лэнгли), для того, чтобы лишить его бороды; подсунуть сигары, пропитанные химическим веществом, которое вызывает временную потерю ориентации.

Некоторые планы убийства Кастро предлагали: вручение ему в 1960 году коробки любимых сигар, отравленных токсином ботулизма «настолько сильного действия, что человек погибал, едва прикоснувшись к сигаре ртом»; использование экзотической морской черепашки с взрывным устройством и подкинутой в район, где Кастро обычно занимался подводным плаванием. Зная любовь команданте к подводному плаванию, ЦРУ в начале 1963 года через американских друзей Фиделя Кастро попыталось подарить ему костюм аквалангиста, обработанный болезнетворными микробами.

Осенью 1960 Кастро должен был умереть, пообедав в одном из ресторанов Гаваны, куда незадолго до того устроился работать в качестве официанта один из агентов ЦРУ. Однако охрана диктатора за пару дней до появления в заведении своего подопечного заменила почти весь персонал ресторана. Однако в апреле 1962 года попытку повторили. ЦРУ передало своим агентам на Кубе специальную жидкость, которую следовало влить в пищу Фиделю, после чего тот должен был заболеть и через 2–3 дня умереть, причем, вскрытие не обнаружило бы наличия яда. ЦРУ всегда отличалось упрямством и консерватизмом, поэтому в апреле 1962 года оно снова передает на Кубу таблетки для десерта, но на этот раз не только для Фиделя, но и для его брата Рауля и Че Гевары.

Впоследствии объекты заговоров остались неизменными – Фидель Кастро, Рауль Кастро и Че Гевара (которого все-таки достали в Боливии). Но все эти планы так и не были реализованы, потом США как-то смирилось с бородатым кубинцем, и экзотика отошла на второй план перед необходимостью мирно сосуществовать с коммунистическим соседом.

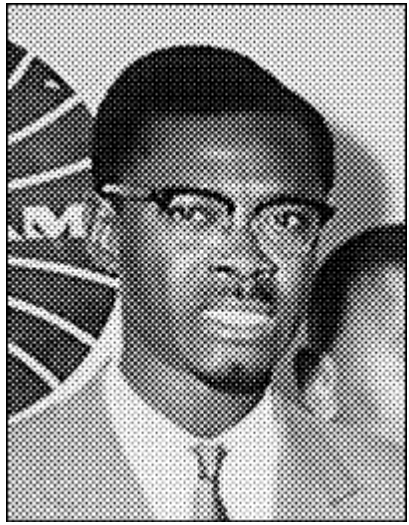
ЛУМУМБАУМЕР НЕ ОТ ЯДА

Негативное отношение США к премьер-министру Демократической Республики Конго было обусловлено националистической и просоветской позицией Патриса Лумумбы. Появление нескольких советских самолетов и десятков советников, которые помогали его правительству справиться с сепаратистами, стало причиной для тревоги Запада. Виктор Хеджмен, секретарь американского посольства в Конго сигнализировал в Вышингтон: «Неважно, что представляет из себя по сути своей Лумумба: коммунист он или только делает ставку на «красных», чтобы тем самым укрепить свою власть, но влияние антизападных сил в Конго нарастает, и не исключено, что у нас останется слишком мало времени, чтобы воспрепятствовать появлению новой Кубы».

18 августа 1960 года на заседании Совета Безопасности ООН президент Эйзенхауэр выразил сильную озабоченность тем, что «один человек, поддерживаемый Советами», может угрожать операции ООН, и кто-то из его высокопоставленных помощников, присутствовавших на заседании, вспоминал потом, что президент, кажется, разрешил убийство. Существует запись беседы Президента США Эйзенхауэра с британским министром иностранных дел Алеком Хоумом от 19 сентября 1960 года. В ней есть такая фраза: «Президент выразил желание, чтобы Лумумба свалился в реку, полную крокодилов». Примерно в том же духе телеграфировал в Вашингтон шеф резидентуры ЦРУ в Леопольдвиле (Киншасе) Лоуренс Девлин.

В 1960 году ЦРУ послало убийц с ядом в Конго с целью уничтожения Патриса Лумумбы. Руководил устранением премьер-министра Конго Ричард Биссел, один из заместителей Аллена Даллеса. Иозеф Шайдер, специалист ЦРУ по ядам и химическим препаратам, получил задание выбрать и отправить в Леопольдвиль такое биологическое средство, которое вызовет смертельное заболевание, похожее на одну из часто встречающихся местных болезней. Отдельно были упакованы наконечники для стрел, предназначенные для того, чтобы ранить Лумумбу. Их предварительно нужно было смазать ядовитым веществом. В Леопольдвиль были также отправлены резиновые перчатки, а обычным рейсовым самолетом – два наемных убийцы… Хеджмен радировал в Вашингтон, что поручил двум своим агентам провезти контрабандой отравляющее вещество в Леоподвиль, чтобы там подмешивать его в пишу Лумумбы или в молоко, которое он пьет. Ответ ЦРУ гласил: «Нужно спешить,

пока яд «хорошего качества», потому что со временем его действие слабеет…»



Главный удар должен был нанести некий европеец с криминальным прошлым, «готовый на все». Но необходимого доступа к конголезскому лидеру в Леопольдвиле не было обеспечено. Несмотря на это, агенты ЦРУ не очень огорчились, так как в Лэнгли получили сообщение о планах министра обороны Мобуту Сесе-Секо, захватившего власть в столице, выдать Лумумбу его врагам в Катанге в январе 1961 года и понимали, что Лумумба, наверняка, будет ими убит. Для поддержки Мобуту, задолжавшего солдатам зарплату, выделили средства. После раздачи денег генерал, опираясь на военнослужащих из своего племени, предал Лумумбу. Расчет спецслужб оказался верен, 18 января 1961 года премьер-министра и двух его министров казнил Чомбе, правитель провинции Катанага. Поэтому яд спецслужбы сэкономили, но он оставался уликой. Узнав о смерти Лумумбы, американский резидент Девлин выбросил в реку Конго зубную пасту и другие отравленные предметы, предназначенные для убийства бывшего премьера.

Попытка отравления обнаружилась только в 1975 году, когда проходили слушания в сенатской комиссии о работе разведки. Сидни Готлиб, в 1961 году руководивший отделом технических служб ЦРУ, заявил, что «управление приготовило и направило в Заир дозу смертельного яда, предназначенную для использования при покушении на жизнь бывшего премьера Патриса Лумумбы в 1961 году».

«КРАСНАЯ РУКА» С ЯДОМ

1960 год вошел в историю XX века как год Африки. Одна за другой страны черного континента получали независимость. На волне борьбы за независимость президентами и премьер-министрами в молодых государствах становились, в основном, авантюристы и беспринципные люди. Почти ни одно государство Африки не обошлось без своего диктатора, без коррупции, без гражданской войны.

Разница между новыми африканскими лидерами была небольшая: одни готовы были заплатить бывшей метрополии побольше, другие поменьше. Воспринимая политику слишком серьезно, некоторые политические круги решали одну проблему: сколько можно взять из бывших колоний с помощью радикальных методов. Одной из таких организаций была «Красная рука», действующая во имя колониальных интересов Франции. Эта организация возникла в Марокко. Ее основателями были полицейские, служившие в африканских колониях. Главные ее операции были направлены против алжирского Фронта национального освобождения, но и другие французские колонии «Красная рука» не оставляла своим вниманием. Руководил ею полковник секретной службы Марсель Мерсье. Оружием «Красной руки» были бомбы, ее сотрудники специализировались на подрывах автомобилей. Но и ядов «хранители империи» не чурались.

19 сентября 1957 возле своего дома в Женеве был убит некий Марсель Леопольд. Неизвестный выстрелил ему в спину из оружия, напоминающего трубку, при помощи которой выпускают отравленные стрелы южно-американские индейцы. Леопольда убила отравленная маленькая металлическая стрелка. Он был приговорен за то, что продавал оружие алжирским боевикам из ФНО.

В 1959 году объектом тревоги полковника Мерсье стал некий врач из Камеруна Феликс Ролан Мумье, который мог нанести ущерб французским интересам в колонии.

Партия народов Камеруна (ЮПК) в течение нескольких лет вела вооруженную борьбу против французской колониальной администрации. В одном из боев погиб ее лидер – Ниобе. На посту руководителя его сменил врач Мумье, а тут как раз подоспела независимость. С 1 января 1960 года Камерун становится независимым, но Франция контролирует 55 % его экономики, в основном, главный экспортный товар – алюминий. Поэтому упускать Камерун из-под своего влияния метрополия не

собирается. Президентом страны был избран А. Б. Агидьо, который готов дать бывшим хозяевам побольше, лишь бы сохранить власть. Однако влияние ЮПК было сильным и могло повлиять на расстановку сил после провозглашения независимости. Мумье решили убрать.

Операцию по его устранению запланировали провести в Европе, так как доктор Мумье находился в это время в Швейцарии, ведя в Женеве переговоры с некоторыми учреждениями ООН. Был ноябрь 1959 года. Расчет убийцы и его работодателей был прост. Они знали, что Феликс Ролан Мумье заказал билет на 12 ноября до Аккры. За два дня до отлета доктора пригласил на обед в ресторан «Плад Аржане» некий Вильям Бехтель, который выдавал себя за журналиста, аккредитованного при ООН. Его с Мумье познакомила подруга африканца, девушка по вызову Лилиана Ферреро.

В ресторане, судя по показаниям официанта, оба клиента вели дружеский разговор. Во время обеда не произошло ничего подозрительного. Всего-навсего оба пили лишь перно. Вот и все.

Но Бехтель пил обычное перно, а Мумье – отравленное. Для отравления был использован таллий. Убийцы знали, что это сильнодействующий яд (он используется для уничтожения крыс), но действие его замедленное. Если бы убийца в соответствующее время, в данном случае, во время обеда в ресторане, дал своей жертве нужную дозу яда, то первые признаки отравления камерунского политического деятеля проявились бы только в Африке и вряд ли кто-нибудь смог бы связать его смерть с Бехтелем и его приглашением на обед в Женеве.

План был простой и не предполагал никакого риска. Но доза таллия была рассчитана неправильно, она не учитывала веса жертвы. Доктор Феликс Ролан Мумье обнаружил признаки отравления раньше, чем предполагалось, хотя здоровый и тренированный организм молодого африканца был чрезвычайно выносливым. Еще находясь в сознании в санитарной машине, он поставил себе диагноз и назвал предполагаемого убийцу. Но доза была слишком велика, и врачи уже ничего не смогли сделать. Как, кстати, и женевская полиция. Бехтель к этому времени уже пересек швейцарскую границу. Правда, потом ему пришлось оправдываться перед Мерсье, почему доза не была рассчитана более точно, но это уже детали. Лишь через 14 лет швейцарские власти возбудили против Бехтеля дело по обвинению в убийстве и объявили его в международный розыск.

Коварные планы отравления экзотическими ядами могут разрабатывать только извращенные умы создателей детективов или сотрудников разведслужб. Обычный человек не додумается

или же не поверит в отравление тем же таллием. Для подтверждения этого вывода можно привести случай, который произошел в конце 80-х годов прошлого столетия.

Это случилось в Лондоне. Полуторагодовалую девочку, прилетевшую с родителями из Катара, в аэропорту Хитроу сняли с самолета в полубессознательном состоянии. У ребенка наблюдались сильные конвульсии, обильный пот, было затруднено глотание. Врачи провели всевозможные клинические исследования, но даже через пять дней не смогли установить диагноз. На шестой день, когда светила медицины, собравшиеся на консилиум возле умирающего ребенка, признали свое бессилие, в разговор вмешалась няня, Марта Майтленд. Дежуря возле больного ребенка, она читала роман Агаты Кристи «Вилла “Белый конь"». В книге было описано расследование целой серии смертельных отравлений таллием. Майтленд заявила лондонским врачам, что симптомы болезни ребенка полностью совпадают с описанными в романе. Анализы действительно показали высокое содержание этого элемента в организме ребенка. После беседы с родителями выяснилось, что девочка, по-видимому, проглотила таблетку крысиного яда. Через три недели лечения малышку выписали из больницы здоровой. Случай был описан в журнале «Бритиш джорнэл оф хоспитэл медисин», где вспоминались с благодарностью писательница Агата Кристи и Марта Майтленд.

РАЗРАБОТКА ЯДОВ ЦРУ

По совместному проекту ЦРУ и армии в США долгие годы накапливались запасы химических и биологических веществ, которые надолго выводили из строя противника или были смертельными для него, а также разрабатывались способы их использования. Еще при предшественнике ЦРУ – Управлении специальных служб в годы Второй мировой войны в местечке Фор-Детрис был разработан яд рицин, получаемый из клещевины. Так что наработки уже имелись.

Эта совместная программа, которая продолжалась с 1951 по 1970 год, включала производство отравленных иголок и пистолетов для них не только для убийства, но и для временной нейтрализации объектов покушений. Один из таких пистолетов стрелял иголками, покрытыми химическим веществом, которое усыпляло бы сторожевую собаку для того, чтобы дать возможность ЦРУ, не поднимая шума, ее обезвредить и проникнуть в помещение. Затем, после окончания операции, собака приходила в сознание. В проект входило также отравление посевов.

Вероятно, наиболее сенсационным случаем был отказ сотрудника ЦРУ, который ведал приготовлением устричного (ракушечного) яда, уничтожить его (приблизительно 11 граммов– около одной трети всего мирового производства, которых было достаточно для десятков тысяч смертоносных иголок) по приказу президента Никсона в 1970 году. Ученый хранил яд в лаборатории ЦРУ, где тот и находился на протяжении 5 лет и мог быть использован бесконтрольно за пределами лаборатории.

Для испытаний препаратов использовались, кроме собак, и высшие приматы. В 1970-е годы на острове Калимантан была найдена представителем Общества охраны животных из Макао затерянная в джунглях база, где работали американские биохимики – отец и сын. Они экспериментировали с ядовитыми компонентами химического оружия и смертоносными гербицидами, используя местных животных. Обезьян также вывозили в США на базу ВВС Брукс и в научно-исследовательские центры. «Отработанный материал» затем сжигали.

Параллельно этому проекту с 1953 года до конца 1960-х годов существовала программа «МК-Ультра», целью которой было «исследование и разработка химических, биологических и радиологических способов, подходящих для использования в тайных операциях с целью контроля над поведением человека». Сюда включались – «радиация, электрошок, методы из области

психологии, психиатрии, социологии, антропологии, графологии, раздражающие методы и полувоенное оборудование и материалы». Испытания проводились как в лабораторных условиях, так и в нормальной бытовой обстановке, включая введение наркотиков, аналогичных ЛСД, ничего не подозревающим лицам. В федеральном наркологическом реабилитационном центре в Лексингтоне (штат Коннектикут) ЦРУ испытывало средства, которые вызывали галлюцинации. Испытания проводились на наркоманах, получавших в качестве поощрения дозы наркотиков.

Все было шито-крыто до тех пор, пока доктор Фрэнк Олсон в состоянии депрессии через 8 дней после введения ему ЛСД не покончил с собой. Однако ЦРУ еще десять лет, несмотря на скандал, продолжало давать ЛСД ничего не подозревающим жертвам. На конспиративной квартире какому-нибудь молодому сотруднику ЦРУ подмешивали ЛСД в еду или питье, а затем наблюдали за реакцией через окошечко. В 1973 году глава ЦРУ Ричард Хэлмс прекратил эти развлечения и приказал уничтожить все документы программы. Но параллельно спецслужбам исследованиями ЛСД занималась и армия, которая применяла наркотики во время допросов. А вот о результатах их работы сведений нет.

Вероятнее всего, эти разработки и достижения последних лет не лежали без дела. Примером может служить устранение как ненужной фигуры бывшего иранского шаха. В 1979 году после исламистской революции шах Ирана Реза Пехлеви бежал в Панаму, где у него лежали на счетах деньги, оттуда перебрался поближе к Ирану – в Египет. В 1980 году он дал интервью каирской газете «Аль-Ахбар»: «Иранский шах секретно осведомлен, что всесильная организация намеревается отравить его пищу в расчете на то, что смерть шаха сочтут естественной, так как он неизлечимо болен. Шаха предупредили, что план покушения разработан ЦРУ с целью ликвидировать кризис, возникший из-за американских заложников в Тегеране». Вскоре шах скончался. По официальной версии причина смерти – рак. А спустя два года бывший начальник персонала Белого дома Гамильтон Джордан издал мемуары, в которых описал, как в 1980 году в Париже на тайном свидании с иранским министром Садеком Гобтзаде он торговался о компенсации за выдачу заложников, удерживаемых стражами исламской революции в американском посольстве в Тегеране. Джордан услышал от своего визави такое предложение: «ЦРУ, вероятно, может впрыснуть шаху что-нибудь эдакое, от чего его смерть будет выглядеть натурально». Джордан возразил: «Вы, конечно, шутите!» Но после

этих торгов 27 июля 1980 года шах умер, и кризис с заложниками был ликвидирован.

В более близкое к нам время, в 2003 году, на даче в Подмосковье при странных обстоятельствах скончался Эдвард Ли Ховард, агент ЦРУ, перебежавший в 1985 году в СССР.

В последние годы одной из главных задач американских спецслужб стало устранение Усамы бен Ладена, главы «Аль-Каиды». Агент ЦРУ, который втерся в доверие к руководству «Аль-Каиды», сумел угостить Усаму чашечкой ароматного кофе, в котором находилась доза яда. Но Усама, как в свое время и пророк Мухаммед, лишь только пригубил напиток. Он долго после этого болел, почти ослеп, у него болели почки (возможно, яд был из семейства нефротоксинов), но выжил.

СМЕРТЬ МЭРИЛИН

Когда в калифорнийском доме Мэрилин Монро утром 5 августа 1962 года был обнаружен труп кинозвезды, эта смерть потрясла Америку. Ей было 36 лет. У нее не было причин убивать себя, и все же она ушла из жизни. Ее смерть до сих пор остается загадкой. Было много версий. Одна из них – Мэрилин убила мафия по приказу Роберта Кеннеди. Об этом четырем ясновидцам сказала с того света непосредственно Мэрилин и братья Кеннеди. Но загадка остается загадкой. Криминальную бригаду выслал дежурный полицейского участка города Брентвуд сержант Джек Клеммонс. Экспертиза установила, что причиной смерти стала передозировка барбитурата нембутал, который покойница принимала как снотворное. Что же произошло – самоубийство или предумышленное отравление снотворным?

4 августа многие неприятности, преследовавшие Мэрилин, отошли на второй план. Студия «XX век-Фокс» перезаключила с ней контракт на съемки, значительно увеличив гонорар. На 8 августа было назначено ее повторное бракосочетание с Джо Ди Маджио. Единственное, что ее огорчало, так это отказ братьев Кеннеди от близкой дружбы.

Около 8 часов утра труп Мэрилин был доставлен в городской морг Лос-Анджелеса. В 10.30 заместитель коронера Лос-Анджелеса д-р Томас Ногучи завершил вскрытие. Заключение о причинах смерти претерпело три редакции. 10 августа коронер Теодор Карфи подписал предварительный документ, где причиной смерти была указана «возможная» передозировка барбитуратов. В дальнейшем слово «возможная» исчезло.

Вывод о передозировке был основан на результатах токсикологического анализа, который показал высокую концентрацию нембутала в печени покойной. Кроме того, на ночном столике Монро полицейские обнаружили, среди прочих лекарств, пустой пузырек из-под нембутала. В пузырьке должно было быть 25 капсул, но он был пуст. В другом пузырьке оставалось всего 10 капсул.

Однако Ногучи и еще несколько других авторитетных патологоанатомов не согласились с версией самоубийства. Медикаменты можно ввести в организм лишь тремя способами: через рот, при помощи инъекции или посредством клизмы. Барбитурат, оказавшийся в печени, не мог быть введен в организм в ночь смерти – для усвоения требуется несколько часов. Если бы имела место инъекция, анализ показал бы присутствие в большей концентрации барбитурата в крови. Такая инъекция оставила бы явный след на теле. Однако «каждый дюйм тела был исследован с лупой», и никаких следов иглы шприца не обнаружили.

Одновременно с нембуталом патологоанатомы обнаружили присутствие в крови Мэрилин хлоралгидрата. Причем, его содержание вдвое превышало содержание нембутала в печени. Эффект от взаимодействия этих двух препаратов поистине убийственный.

Итак, остался вопрос: кто же ввел лекарства в организм актрисы, кто выбрал эту комбинацию, которая привела к летальному исходу? Вопросы остаются без ответа уже много лет, а эротический символ Америки 1950-х все так же улыбается со старой кинопленки.

О возможной причастности братьев Кеннеди к гибели Мэрилин свидетельствует смерть и второй любовницы Кеннеди – Мэри Пинчот, которая случилась уже после покушения в Далласе.

Будучи студенткой колледжа, Мэри стала последовательницей профессора Тимоти Лири, адепта широкого применения наркотика ЛСД-25. Многочисленным девицам, которые окружали его, Лири проповедовал свои взгляды на жизнь с ЛСД-25: «Используйте его! Заставьте мужчин, с которыми вы встречаетесь, принимать его – в особенности, мужчин известных, влиятельных, обладающих властью решать судьбы страны, а может быть, и мира». Пинчот сначала стала любовницей Лири, а потом, воплощая его заветы в жизнь, проникла в постель к Джону Кеннеди. Затем она остепенилась, вышла замуж и жила в Джорджтауне, респектабельном пригороде Вашингтона. Там ее и застрелили 16 октября 1964 года. Кто – неизвестно, но есть сведения, что ЦРУ охотилось за ее дневниками, куда она заносила подробности своих встреч с Кеннеди и то, что

происходило с нею и ее любовником после приема дозы ЛСД-25.

ЕМУ НЕ ПОВЕРИЛИ

Когда Конон Молодый, известный на Западе как Лонсдейл, предприниматель-миллионер, в 1964 году получил трехкомнатную квартиру на Фрунзенской, то радовалась вся семья. Но вскоре радость от новой квартиры поугасла. Делая ремонт, хозяева наткнулись на систему подслушивания. Когда коллеги-гэбисты с извинением сняли аппаратуру, то Конон Молодый произнес выстраданную им фразу: «Нет, не верят мне «господа-товарищи», не верят».

И это было действительно так. Резиденту, «вернувшемуся с холода», не верили. Уж слишком независимо вел себя экс-резидент, побывавший в шкуре миллионера, имевший возможность сравнить две системы и сделать выводы, причем, не в пользу советской системы. Он стал мешать, он стал проблемой. А как гласит народная кремлевская мудрость: «Есть человек – есть проблема, нет человека – нет проблемы». Поэтому вопрос с разведчиком-критиканом был решен быстро.

Осенью 1970 года Молодый вместе с другом, летчиком-испытателем Владимиром Романенко, и его женой отправился в лес за грибами. Выехали в Медынь за 200 км от Москвы. Грибов было достаточно. Вечерком подуставшие грибники ужинали у костра снедью, привезенной из дома. Внезапно Молодый почувствовал себя плохо. Началась рвота, затем он потерял сознание. Романенко сумел доставить его в сельскую больницу. А там дежурный врач, не мудрствуя лукаво, поставил привычный для больницы диагноз – инсульт и паралич правой стороны тела. 9 октября 1970 года, не приходя в сознание, Молодый скончался. До иных возможных причин смерти врачи не доискивались. Его родные считают, что Конон Молодый умер странной смертью, которая не соответствовала состоянию его организма.

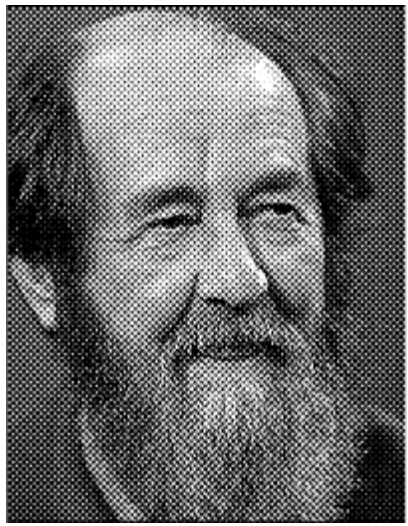
13 октября все западные газеты поместили сообщение о смерти Лонсдейла, советского супершпиона. Некролог о смерти разведчика-нелегала Конона Молодого появился в «Красной звезде» только 16 октября. Согласовывали и утверждали.

Похожая странная смерть произошла с антиподом Конона Молодого, тоже бизнесменом, майором КГБ Сергеем Папушиным. Долгое время он работал в ПГУ КГБ, а в августе 1990 года ушел в отставку и занялся бизнесом. Новая профессия Папушину не подошла, и он в 1991 году во время одной из своих деловых поездок в США решил пойти на сотрудничество с американскими спецслужбами. Бывший майор сообщил американцам чрезвычайно важные сведения о том, что один из

высокопоставленных сотрудников ЦРУ завербован КГБ, намекая, возможно, на Эймса. И через несколько часов после того, как его сообщение дошло до высокого начальства ЦРУ, Папушин скончался при загадочных обстоятельствах.

При загадочных обстоятельствах скончался в госпитале КГБ еще один из сотрудников органов. В 1985 году ушел на Запад Олег Гордиевский. Те из начальства, кто непосредственно ответствечал за его бегство, вывернулись, а наказание понесли «стрелочники». Один из них пытался протестовать, был уволен, а затем внезапно заболел, попал в госпиталь и оттуда уже не вышел.

ЯД ДЛЯ ПИСАТЕЛЯ



В августе 1971 года Александр Исаевич Солженицын в течение нескольких дней по своим делам находился в Новочеркасске, где за ним неотступно следовали агенты местного КГБ. Задание у них было одно – не спускать с гостя глаз. Между тем на следующий день после приезда писателя в Новочеркасск, туда же из Москвы прибыл сотрудник центрального аппарата КГБ. В помощь ему был направлен майор ростовского управления Борис Иванов. В тот же день они с Ивановым спустились в ресторан гостиницы «Московская», чтобы поужинать, и майор обратил внимание на ничем не примечательного молодого человека, плотного, невысокого роста, с короткой стрижкой. Московский гость переглянулся с ним, хотя ничем и не выдал, что тот ему известен.

На следующий день «наружка» несколько часов следила за писателем по всему городу. Когда тот со своим приятелем оказался на центральной улице города, по их следам уже пошли гость из Москвы, невзрачный молодой человек из ресторана и Иванов. Вскоре вся компания вошла в продуктовый магазин, где Солженицын встал в очередь в кондитерском отделе. Следом за ним в эту же очередь встал и человек из гостиницы. Находясь в непосредственной близости от Солженицына, прикрываемый живой «ширмой» в лице одного из своих коллег, он в течение нескольких секунд делал некие манипуляции руками. Как заметил Иванов, в руках у него был какой-то предмет. Постояв несколько мгновений возле писателя, незнакомец отошел от него и уже на улице произнес: «Все, теперь он долго не протянет».

Однако то ли агент был неудачником, то ли препарат некондиционным, но писатель выжил. В тот же день к вечеру, почувствовав недомогание, он собрал вещи и срочно выехал в Москву. Здесь ему стало хуже, и он около двух месяцев провалялся в постели, мучаясь страшными болями. Врач Н. Жуков, лечивший его, поставил диагноз «ожог второй степени». Однако, судя по симптомам, это было отравление рицином, который содержится в клещевине.

СМЕРТЬ «ЕКАТЕРИНЫ III ВЕЛИКОЙ»

Многие годы на небосклоне московского бомонда и Политбюро ЦК КПСС сверкала звезда Екатерины Алексеевны Фурцевой, женщины неоднозначной и явно не вписывающейся в рамки привычной партийной номенклатуры. Еще на праздновании своего 70-летия в Большом театре ее заметил Сталин и проворчал благодушно в усы: «Нужно выдвигать молодых специалистов».

Получив благословение вождя, Фурцева оказалась на должности второго секретаря Московского горкома партии, а вскоре стала и первым. Тогда же она познакомилась со своим будущим мужем. Николай Павлович Фирюбин был дипломатом и работал за границей – то в Чехословакии, то в Югославии. Он был женат, но красавица первый секретарь его покорила. Вся Москва обсуждала, как Фурцева по нескольку раз летала к любимому то в Прагу, то в Белград.

По Москве о Екатерине Алексеевне ходило множество слухов, но то были всего лишь слухи – советский народ не привык к самостоятельным и деловым женщинам. Феминистское движение – это лишь на загнивающем Западе. Она просто умела работать лучше любого мужчины. Во время визита в Индию жена Ворошилова, которая была в поездке вместе с Фурцевой, говорила: «С вечера мы с ней сядем, она примет стакан водки, расслабится, а утром в 6 часов будит меня звонком, как ни в чем не бывало – пора идти».

Но слухами не было то, что во время достопамятного Пленума ЦК в 1957 году, когда была осуждена «антипартийная группа Молотова, Кагановича, Маленкова и примкнувшего к ним Шепилова» именно Фурцева с Жуковым сумели повернуть настроение срочно перевезенных на стратегических бомбардировщиках ТУ-16 в Москву провинциальных партийных руководителей в поддержку Хрущева. А потом мужчина и Первый секретарь, как это не раз бывало в жизни Екатерины Алексеевны, предал ее, отодвинув с первых ролей в политической жизни страны, переведя в конце концов на вечно «отстающую культуру».

Естественно, она не простила Никите Сергеевичу пренебрежения, после того как фактически спасла его на пленуме. Но как человек открытый, Фурцева камня за пазухой не таила. Как-то раз Екатерина Алексеевна нелицеприятно высказалась о Хрущеве. Он уже на следующее утро от «доброжелателей» узнал, что Фурцева «не разделяет политических взглядов партии и правительства». Кроме того, и

КГБ не раз докладывало о критике Фурцевой в адрес Первого. И уже после обеда Екатерина Алексеевна из влиятельного секретаря ЦК КПСС превратилась в обычного министра культуры. Она пыталась сопротивляться. Даже имитировала самоубийство – пригласила домой подругу и за 10 минут до ее прихода перерезала вены. Но Никиту Сергеевича это не убедило. «У Фурцевой обычный климакс», – заявил он на пленуме. С Брежневым у энергичного министра тоже отношения не сложились, и, если бы не заступничество Косыгина, быть бы ей давно на персональной пенсии. Поэтому недовольство, осложнившееся жизненными обстоятельствами, у Фурцевой накапливалось и накапливалось. Женская часть клана Брежневых высказывала недовольство соперницей, которая затмевала всех элегантностью и независимостью, столь редкими у партийных дам.

24 октября 1974 года министр приехала домой в расстроенных чувствах. Уйдя с празднования юбилея Малого театра, она спешила, чтобы поделиться с мужем новостью, переданной ей «доброжелателями»: Политбюро приняло решение не рекомендовать ее в Верховный Совет. Это был конец карьеры. Но дома ей не дали оправиться от потрясения. Ее любимый муж, замминистра иностранных дел Фирюбин, заявил, что полюбил другую и собирается уйти из семьи.

Это новость стала дополнительным фактором, усугубившим депрессию. Долгое время у Екатерины Алексеевны душа была не на месте из-за дочки, муж которой, Игорь Козлов, сын видного партаппаратчика, заигрался с КГБ в перебежчика то на Запад, то с Запада. Чаша женского терпения переполнилась. Закрывшись в комнате, Фурцева приняла яд. Когда обеспокоенный муж взломал дверь и ворвался в спальню, Екатерина Алексеевна с открытыми глазами лежала на кровати. Врачи Кремлевской больницы констатировали смерть «от сердечной недостаточности», типичный диагноз для сомнительных смертей высокопоставленных партийцев.

Так ушла из жизни бывший первый секретарь МГК КПСС, секретарь ЦК КПСС, член Президиума ЦК КПСС, министр культуры СССР и просто необычная женщина.

ШАСТРИ ОБЪЕЛСЯ

В январе 1976 года в Ташкенте торжественно принимали премьер-министра Индии Шастри. После поездок в передовые хлопководческие колхозы, концертов самодеятельности и прочих удовольствий был дан прощальный ужин с чисто рашидовским гостеприимством, длившийся несколько часов. Внезапно в самом конце банкета Шастри почувствовал себя плохо. Тут же вызвали врачей, но те оказались бессильны – премьер скончался. ЦК КП Узбекистана овладело отчаяние. Желая сбросить с себя ответственность, руководители начали искать виновников. Возникло подозрение, что Шастри отравили во время ужина, тогда всех поваров, готовивших блюда в тот вечер, посадили под домашний арест. В течение нескольких часов они сидели, ожидая приговора, который им должен был вынести патологоанатом. Если бы версия отравления подтвердилась, то вместо солнечного Узбекистана их ждала бы республика Коми. Но все обошлось – врачи констатировали смерть от инфаркта. Индийский гость просто не выдержал узбекского гостеприимства.

Сделать что-нибудь нехорошее с помощью отравленной еды даже в годы брежневского правления было тяжеловато. Система контроля, созданная еще при Сталине, продолжала работать четко. В правительственных резиденциях всегда снимал пробу санитарный врач. Если повар делал котлеты, то одну отдавал на проверку в лабораторию. Пока присланные на правительственную кухню продукты проходили досмотр, все они находились в специальном контейнере в холодильнике.

Подобные системы контроля продолжают существовать и в наши дни практически у всех первых лиц государства. Но одна из самых замысловатых систем существует в Северной Корее, у руководителя Трудовой партии Кореи и светоча идей чучхэ товарища Ким Чен Ира. Для приготовления риса повара-специалисты отбирают совершенно идентичные по цвету, форме и размеру рисовые зерна. Дрова для печи, на которой готовится рис, заготовляют только в одном месте – на священной горе Пэкту, которую принято считать колыбелью корейской цивилизации и, что особенно важно, местом рождения великого вождя и основателя учения чучхэ товарища Ким Ир Сена. Варят рис на воде, взятой из расположенного на той же горе источника. Любое другое использование воды из него строго запрещено. Для охраны воды, на которой варится этот рис, выделено подразделение Службы безопасности КНДР.

«ОТЕЦ» И ЕГО ПАСТВА

1978 год. Южная Америка. Кооперативная республика Гайана. Сквозь влажные джунгли, настороженно прислушиваясь, продвигаются гайанские коммандос. По приказу президента Форбса Бернхэма они должны разобраться с «Народным храмом», который прибыл из Калифорнии с целью построения социализма в одной отдельно взятой секте. Операция коммандос обошлась без стрельбы. В лагере «Народного храма» военных встретили одни трупы. Всего насчитали 914 трупов, из них 276 – детских. Что же произошло?

«Народный храм» возник в 1957 году в Индианаполисе. Его организатором стал Джим Джонс, которой очень скоро из простого проповедника, сына белого расиста, превратился в защитника цветных и основателя собственной религии. Опираясь на поддержку черной общины и собственные незаурядные способности к бизнесу, Джонс сумел создать себе репутацию и превратить «Народный храм» в самую богатую религиозную общину. Пожертвования в виде чеков и недвижимости текли рекой, особенно когда секта обосновалась в солнечной Калифорнии – в Сан-Франциско.

Самого Джонса все время посещали апокалиптические видения, связанные с ядерной войной. Когда начался Карибский кризис и две супердержавы готовы были развязать войну, Джонс уехал на два года в Бразилию, выбрав для проживания местность, которая однозначно бы уцелела при обмене ядерными ударами. И в Сан-Франциско был выбран уголок, удаленный от возможных ядерных ударов. В этом бегстве от войны просматривается параноидальная натура Джонса.

Джонс успешно занимался политической деятельностью в органах местного самоуправления, лечением неизлечимо больных, борьбой за права черных, сексуальными оргиями, борьбой с наркотиками, в то же время не чураясь крепких напитков и наркотиков. Его влияние распространилось на Лос-Анджелес. 20 тысяч приверженцев религии Джонса были весомым аргументом при торгах с политиками. В 1976 году на президентских выборах Джонс поддержал демократов.

В августе 1977 года журнал «Нью уэст» рассказал о деятельности Джонса, обвинив его в мошенничестве, открытии незаконных счетов в Панаме, растлении малолетних, оскорблении словом и действием, а также в преступном вымогательстве. Это был сигнал. В таких делах, которые вершил проповедник, главное – вовремя скрыться.

Собрав деньги на создание социалистической коммуны, «отец», как его почтительно называли верующие, вместе со своей паствой переселился под крылышко черного марксиста Бернхэма в южно-американскую республику Гайана, которая строила кооперативный социализм. По его заказу в джунглях построили поселок Джонстаун для 150 человек, но с проповедником прибыло более тысячи.

Удалившись под сень джунглей, Джонс развернулся вовсю. Лагерь «Народного храма» превратился в концентрационный лагерь с оттенком советской психушки. Люди работали на полях за жалкий паек. Кто возмущался – получал благословение от Джонса электротоком. Непослушных детей уводили в джунгли и бросали в специально выкопанный колодец. Там их подстерегала «Большая нога» – двое подручных Джонса, которые просто топили детей. Те, кто спаслись, бежали в поселок, выкрикивая на ходу: «Извини, отец!» Экзекуциями занимались две команды по 25 человек, набранные из физически сильных сектантов.

Джонс долго мог бы строить социализм в своем «храме», если бы не нервы. По просьбам родственников сектантов, «Народный храм» посетил конгрессмен Райан, а с ним восемь журналистов и представитель правительства Гайаны. Особого криминала они не обнаружили. Недовольные сидели под замком, дети пели псалмы, еда была отменная. Но нашлось все же тридцать отщепенцев, которые попросили Райана забрать их из коммуны папы Джонса. Ему пришлось отдать приказ ликвидировать гостей. Дело, возможно, и удалось бы замять, джунгли большие, но боевики «храма» расстреляли делегацию прямо на поле аэродрома городка Порт-Айтума, где скрыть следы преступления было невозможно.

Понимая, что час расплаты близок, Джим Джонс начал акцию «перемещения», т. е. одновременного ухода из жизни всех верующих. Врач секты Ларри Шахт приготовил яд. Это был жидкий цианид, смешанный с валиумом и лимонадом. По приказу «отца» все надели новые одежды и приготовились к «Белой ночи». Для жителей Джонстауна это была привычная процедура, так как репетиции массового самоубийства Джонс проводил неоднократно.

Джонс выступил с проникновенной речью перед возбужденной паствой. Вокруг стояли вооруженные охранники, но они не понадобились. «Отцу» верили. Его аргументы, а может, автоматы, направленные на толпу, убедили сектантов, что первыми яд должны принять дети.

Доктор Шахт с медсестрой принесли корыто с цианидом и поставили на обеденный стол. Потом разложили вокруг корыта шприцы и расставили пластмассовые стаканчики. Охранники

дали команду, и «строители социализма» покорно стали в очередь. Первой выпила яд молодая женщина, которая напоила им и свою дочку. Через несколько минут у матери и ребенка начались судороги. На губах выступила кровавая пена. Выпившим отраву приказывали лечь в ряд лицом вниз. Охранники аккуратно подравнивали мертвецов. Лишь десяток беглецов сумели укрыться во мраке джунглей и двое больных не смогли прийти к алтарю.

Их бегство сопровождали дикие крики Джонса, несшиеся вслед: «Поторапливайтесь! – подгонял он людей. – Смерть – это сон. Жизнь из сна. Мы пытались дать новое начало, но теперь поздно. Разве мы не социалисты?» Сам Джонс яда не принял. Сначала он застрелил жену, а затем застрелился сам, обагрив своей кровью алтарь «Народного храма».

В Гайану, на место трагедии, прибыли американские военные, которые занимались эвакуацией трупов. Цинковые гробы были отправлены в США, где погибших похоронили в братских могилах. Только в Окленде в одну могилу было уложено 251 тело.

Информация к размышлению. Через некоторое время после трагедии в Гайане всплыли документы, в которых речь шла об использовании ЦРУ «Народного храма» в программе «МК-Ультра» (буквы МК означали «мозговой контроль»), где разрабатывались методы психотропного управления личностью и массами.

Следует также добавить, что использование яда – не редкость среди тоталитарных сект. 17 марта 2000 года шестьсот членов секты «Верность десяти заповедям» были сожжены в помещении церкви деревни Канунгу, которая находится в африканской республике Уганда. Все международные информационные агенства передали сообщение о грандиозном акте коллективного самоубийства в Уганде. А еще через неделю неожиданное открытие в Канунгу дало новый поворот делу.

В выгребной яме на подворье секты были обнаружены трупы шести крупных мускулистых мужчин, изуродованные серной кислотой. Следствие установило, что все они служили телохранителями у главы секты Кледонии Мверинде и умерли от отравления смертоносным ядом. В результате дальнейших поисков было найдено великое множество братских могил, заполненных телами людей, отравленных тем же ядом. Было найдено свыше двух тысяч отравленных. В отличие от Джонса, умершего вместе со своей паствой, Мверинде, не дожидаясь обещанного ею же в 2001 году конца света, сбежала с деньгами и приближенными в Конго.

Однако в конце 2003 года трагедия опять повторилась и

снова в Африке. В городе Бособе на севере Конго священник отравил 64 человека из своего прихода. Во время службы он предложил прихожанам выпить снадобье, дарующее людям спасение. Около сотни человек поверили ему и приняли неизвестный напиток. В результате 64 из них скончалось. Священник же, идя по стопам своих «святых» предшественников, вовремя скрылся.

СМЕРТЬ ТРИАНОНА

Колумбия 70-х годов XX века славилась не только футболом, кофе и кокаиновой мафией, но и тем, что была местом активного противостояния разведслужб США и СССР. Шпионские битвы шли с переменным успехом. Одной из удачных операций ЦРУ была вербовка сотрудника американского отдела Управления по планированию внешнеполитических мероприятий МИД СССР некоего Огородника.

Вычислять агента группе безопасности МИДа пришлось долго. Одной из весомых улик против него стал отказ перейти на более высокооплачиваемую работу. Так советские люди не поступали. К тому же сотрудников безопасности насторожили любовные похождения подозреваемого и развод с женой после возвращения из Колумбии.

Но первой вычислила шпиона его любовница, Ольга Серова. Как и всякая советская женщина, она быстро раскрыла тайные встречи Огородника с вербовщицей из ЦРУ Пилар и его работу на американцев. Вернувшись в Москву, Ольга и Огородник развелись со своими половинами и стали встречаться уже как жених с невестой. Но подозрения Серовой переросли в уверенность – у ее будущего мужа есть тайная жизнь. Агент начал нервничать.

В июле 1976 года связь ЦРУ с Огородником прервалась. Для восстановления контакта ЦРУ решило выйти на прямую связь, а не использовать тайник, так как считало, что агенту угрожает опасность. Эту задачу поручили группе «маскировщиков», которая должна была, в случае необходимости, эвакуировать Трианона из СССР. Но прежде, чем выходить на связь с агентом, «маскировщикам» необходимо было хорошо замаскироваться, их внешность хорошо известна КГБ. Переодевшись в броские костюмы, часть группы отвлекала внимание наружного наблюдения. В результате связь с Огородником была восстановлена, и вскоре узнали, что его длительное молчание было связано с болезнью и госпитализацией. Вскоре «маскировщики» получили и долгожданный контейнер с фотокопиями секретных документов. Входе этой операции была опробована новая техника маскировки, которая затем была «поставлена на поток» в ЦРУ.

Но Огороднику она не помогла. Кольцо вокруг него сжималось все туже. Он попросил, чтобы ему передали ампулу с ядом на случай провала. Это было сделано. Именно эту ампулу он и использовал, чтобы убрать опасного свидетеля – Ольгу. Готовясь к убийству, он купил специальную литературу о ядах и

их воздействии на организм человека. Чтобы скрыть убийство, Огородник приурочил убийство невесты к разгару эпидемии гриппа в Москве.

Яд подсыпал в еду Ольге малыми дозами, разрушая ее организм постепенно, о чем вычитал в соответствующей статье о ядах. Когда Ольге стало совсем плохо, он позвонил ее отцу. Тот немедленно забрал дочку к себе в больницу, где она и умерла. Вскрытие отец делать не разрешил. Во время похорон Огородник выглядел подавленным. К американцам обратился с просьбой передать еще одну ампулу с ядом.

Контрразведчики все это время вели слежку за Огородником, но прямых улик так и не обнаружили. Квартира шпиона была оборудована спецаппаратурой, его крики по ночам записывались на пленку, на работе и вне его окружала агентура. Однако прямых доказательств работы на ЦРУ не было. Арест шпиона ускорила его сексуальная активность. Он начал ухаживать за дочкой секретаря ЦК КПСС Русакова. Вхождение американского агента в семью партийного босса было бы катастрофой. Руководство дало санкцию на арест Трианона (псевдоним, который Огородник получил в ЦРУ). Руководители Огородника в ЦРУ поняли, что опасность близка и подготовили план эвакуации Трианона. Но было уже поздно.

Операцию по задержанию назначили на 22 июня 1977 года. Арест произошел поздно вечером. Группа захвата и понятые ворвались к Огороднику в квартиру. Начался обыск. Нашли шифровальный блокнот, батарейки с микропленкой, записи уже расшифрованных текстов. Прямые улики были налицо. Около двух часов ночи Огородник заявил, что готов признать свою вину. Его усадили за стол, дали лист чистой бумаги и он начал писать: «В Комитет государственной безопасности СССР. Объяснение. Я, Огородник Александр Дмитриевич, признаю…» Закончив лишь первую строчку, он что-то сделал с авторучкой – вдруг откинулся назад, захрипел и стал сползать со стула. Вызвали «скорую». Однако все попытки привести его в чувство не увенчались успехом. Около 4 часов утра врачи зафиксировали смерть.

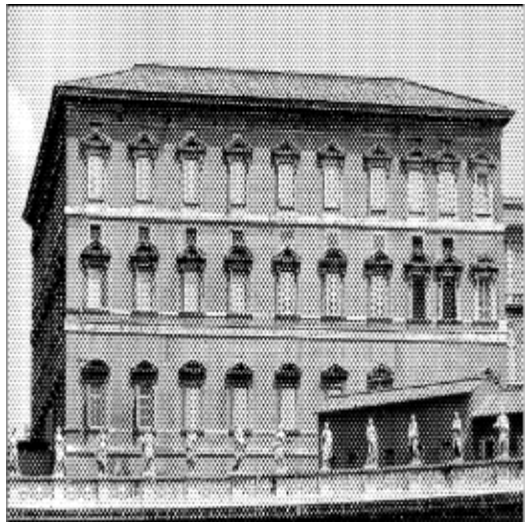
Хотя операция по задержанию закончилась провалом и агент отравился, главным было то, что враг не проник в семью секретаря ЦК. Об этой истории писатель Юлиан Семенов написал шпионский триллер «ТАСС уполномочен заявить», и по заказу КГБ на «Мосфильме» сняли многосерийный фильм.

ВАТИКАНСКИЕ ТАЙНЫ

Начало 1980-х в Европе было ознаменовано введением в Польше правления военных, которые желали остановить набиравший силу профсоюз «Солидарность», и покушением на папу Иоанна Павла II, который поддерживал Леха Валенсу и его организацию. Али Агджа и болгарские спецслужбы, руководимые Кремлем, где бывший шеф КГБ, а ныне генсек Андропов, пытаясь убрать папу-поляка, сработали весьма топорно. Выстрелы в Риме вызвали негодование во всем мире. На этом фоне как-то подзабылось более удачное покушение на папу Иоанна Павла I, преемником которого стал польский кардинал Войтыла, принявший при интронизации то же имя, но с цифрой П.

Альбано Лучани, итальянский кардинал и патриарх Венеции, был избран папой на волне недовольства католическим духовенством, негибкостью и консерватизмом римской курии. Меняющийся в результате научно-технической революции мир поставил перед церковью новые задачи, на которые предыдущий папа и его кардиналы ответов найти не могли. Связи Ватикана с миром теневой политики и экономики, спецслужбами как Запада, так и Востока компрометировали святого понтифика в глазах миллионов прихожан. Альбано Лучани понимал необходимость перемен, но он знал, как трудно их провести. Поэтому, когда конклав 82 голосами из 111 избрал его папой, он произнес: «Да простит вам Бог то, что вы со мной сделали». Но все же, став Иоанном Павлом I, Альбано Лучани заявил о пересмотре внешней и внутренней политики Рима. Это не понравилось очень многим.

Ватиканский банк был удобной финансовой организацией для отмывания денег и финансирования криминальных операций. Средства, поступающие на его счета, шли на финансирование правых партий Италии и «красных бригад». Сицилийская мафия и неаполитанская каморра пропускали через банк Ватикана миллионы и миллионы, полученные от торговли наркотиками. То была первая недовольная группа.



Во вторую входили многочисленные политические деятели. Безоговорочная поддержка антикоммунизма в странах Запада не помешала Ватикану подписать негласный конкордат с Кремлем, по которому католическая церковь получала возможность более или менее свободно действовать в странах Восточной Европы, а Кремль мог рассчитывать на молчание папы при расправе Москвы с католиками в Прибалтике и греко-католиками в Украине.

Желание избавиться от папы-реформатора привело к конкретным действиям. Но не таким грубым, как позднее, в 1982 году, во время покушения «серого волка» Али Агджи на папу Иоанна Павла II.

5 сентября 1978 года произошло событие, которое должно было бы насторожить папу и послужить ему предупреждением. Иоанн Павел I принимал архиепископа РПЦ Никодима, приехавшего с визитом из Ленинграда. Внезапно, без каких бы то ни было предварительных симптомов недомогания, 49-летний российский прелат уронил голову на грудь и упал из кресла, в котором сидел. Несколько мгновений спустя он был мертв. Позднее говорили, что ему по ошибке досталась чашечка кофе, предназначенная папе.

Но Иоанн Павел I не внял предупреждению. 28 сентября он передает статс-секретарю Ватикана, кардиналу Вийо указание: «Провести исчерпывающее расследование скандальных афер Ватиканского банка, осуществить многочисленные новые назначения в римской курии, начиная с назначения кардинала Венелли статс-секретарем на место Вийо; отправить на покой таких-то, приступить к пересмотру позиции церкви по вопросу о правах человека и контролю над рождаемостью». Попытка избавиться от скомпрометировавших себя церковнослужителей запоздала. В 19.50 папа садится ужинать. Это была его последняя

трапеза. В 21.10 он еще разговаривает с генералом ордена иезуитов, патером Педро Аррупе, о своем желании ограничить участие Ватикана и контролируемых им банков в международных финансовых операциях.

В 21.30 он попрощался со своими секретарями: «Спокойной ночи. И до завтра. Если Богу угодно». То были его последние слова. А утром, когда в папской спальне нашли уже холодное тело, началась операция-прикрытие, которую возглавил статс-секретарь Вийо. Было изъято лекарство, которое папа принимал перед сном, но многого так и не нашли: исчез проект решений, пропали забрызганные рвотой очки и домашние туфли покойного. С письменного стола исчезло завещание папы.

Доктор Буццонетти, вызванный Вийо, дает заключение о смерти в результате инфаркта миокарда. Но еще до заключения врача статс-секретарь принимает решение о бальзамировании тела. Нежелание производить вскрытие объясняется смутными слухами о самоубийстве Иоанна Павла I. Вероятнее всего, при вскрытии было бы обнаружено наличие в организме чрезмерной дозы дигиталиса, который находился в пузырьке, вместо эффортила, который принимал папа по настоянию врачей. Объяснить эту замену статс-секретарю было бы трудно. 3 октября тело понтифика находилось уже в базилике храма Святого Петра. При бальзамировании все внутренние органы, которые послужили бы для разрешения загадки, были уничтожены. Иоанн Павел I умер на 66-м году жизни, он правил всего 33 дня.

Эпитафией на смерть папы послужили слова кардинала Баджо, одного из тех, кого он собирался удалить: «А теперь мы сотворим другого папу». Каково же было разочарование всех тех, кто принимал участие в устранении Павла Иоанна I, когда на престол Св. Петра воссел энергичный поляк, провозгласивший преемственность реформаторской политики своего кумира. Раздраженные этой преемственностью и новым папой недовольные круги на этот раз действовали грубо и в результате – неудачно. После попытки Агджи проведение операции по устранению папы взяла на себя непосредственно Москва. Но последовавшая внезапная и, несмотря на болезнь почек, загадочная смерть Андропова поставила точку в этой истории. Ежи Войтыла выжил.

БОЛГАРСКИЕ ЗОНТИКИ

Болгарская спецслужба ДС (Державна Сигурность) в качестве братской помощи получила из советской секретной лаборатории КГБ, приданной ОТУ (оперативно-техническому управлению), некоторые образцы специальных ядов. Комитет не желал сам марать руки терактами. Времена Судоплатова прошли, но в помощи братьям-славянам по устранению нежелательных элементов спецслужбы не отказывали.

Для связи с болгарами с одобрения Крючкова был назначен генерал Сергей Михайлович Голубев из КГБ. В течение 1978 года Голубев трижды или четырежды ездил в Софию, чтобы помочь своим коллегам спланировать операцию против эмигрантов. Первой мишенью стал болгарский эмигрант, живший в Англии, в отсутствие которого агенты службы ДС покрыли стены его комнаты ядом, впитывающимся через поры кожи и, по заверениям сотрудников лаборатории КГБ, являющимся смертельным, при этом не оставляющим следов. Этот человек впоследствии серьезно заболел, но ему удалось выжить.

Голубев вернулся в Софию для работы над планом следующего убийства. Поначалу сошлись на том, чтобы смазать отравляющим веществом дверцу автомобиля болгарского диссидента, писателя Георгия Маркова, сымитировав смерть от остановки сердца. Затем от этой идеи отказались: не было гарантии, что дверцу откроет именно Марков, а не кто-то из родственников – жена или дети. А незапланированные жертвы были не нужны. По той же причине отказались и от такого способа, как смазка руля специальным ядом, который вызывает внезапную потерю сознания. Водитель отключается, и машина либо выскакивает на встречную полосу, либо летит в кювет. В итоге остановились на уколе зонтиком. По просьбе Голубева главная резидентура КГБ в Вашингтоне закупила несколько зонтиков и вставила в них небольшие металлические капсулы с высокотоксичным ядом рицином, полученным из клещевины. Острым наконечником зонтика можно было кольнуть жертву. Голубев увез зонтики в Софию, где и проинструктировал убийцу.

Первое покушение с использованием зонтика произошло 7 сентября 1978 года. Жертвой стал именно Марков. Его роман «Мужчины» был удостоен Димитровской премии. Марков пользовался благосклонностью людей, стоявших у власти в Софии, его часто приглашал на охоту, на званые обеды Тодор Живков. В 1969 году писатель уехал на Запад и не вернулся. Обосновался он в Лондоне и стал сотрудничать с радиостанциями

Би-би-си, «Свободная Европа», «Немецкая волна».

Вечером, когда Марков направлялся на работу в болгарскую редакцию Би-би-си, некий прохожий вроде бы случайно столкнулся с ним и уколол ногу зонтиком. Маркову показалось, что это был иностранец, но он не обратил особого внимания на него. Но на следующий день ему стало плохо прямо на работе, поднялась температура. Вызвали врача. Несмотря на то что Маркова госпитализировали, спасти его так и не удалось. Как писали западные газеты, патологоанатомы установили множество мелких кровоизлияний, которыми и объяснили приведший к смерти инфаркт. Ткани тела, в частности, срез вокруг едва заметной двухмиллиметровой ранки на бедре, были отправлены на экспертизу в знаменитую лабораторию в Порт-Дауне. Там военные, занимающиеся химическим оружием, обнаружили миниатюрный шарик, не больше тех, что используются в шариковых ручках, только в нем были два отверстия диаметром 0,34 мм. И хотя следов от яда не было обнаружено, возникло предположение, что был использован рицин – вещество, по токсичности многократно превосходящее яд кобры. Одной унции рицина достаточно, чтобы убить 90 тысяч человек. Рицин вызывает затруднение дыхания и боли в сердце. Смерть наступает в течение 36–48 часов после поражения. Противоядия не существует даже в наши дни. Эксперименты с рицином, по данным западных разведок, активно велись в Венгрии и Чехословакии.

Второе покушение на болгарского эмигранта, на сей раз Владимира Костова, неделю спустя произошло в Париже и окончилось неудачей. Стальную пульку удалось извлечь из тела Костова еще до того, как рицин начал поступать в кровь. Впоследствии неунывающие французы обыграли «болгарские

зонтики» в кинокомедии «Укол зонтиком» с участием Пьера Ришара. Но в том же году, что и Марков, при загадочных обстоятельствах в Лондоне погиб другой болгарский политический эмигрант – Владимир Симеонов. За всеми перечисленными инцидентами угадывался один и тот же почерк болгарской Державной Сигурности, верной союзницы КГБ.

После ареста Тодора Живкова в конце 1989 года Софию посетила вдова Маркова в надежде установить, кто ответственен за смерть ее мужа. Но досье на убитого писателя в архивах болгарской спецслужбы не было найдено.

Следует добавить, что подобные зонтики появились и на Западе. Очень уж удобно одному джентльмену кольнуть другого джентльмена и спокойно удалиться. В 2003 году в Париже на аукционе было выставлено на продажу подобное оружие. Первоначальная цена лота -2500 евро, но после торгов зонтик купил неизвестный коллекционер из Марселя за 65 тысяч евро. Однако зонтик того стоил. Его можно было использовать по прямому назначению, то есть прятаться от дождя. Но, кроме того, в это шпионское приспособление были вмонтированы радио, фотокамера, рация, часы-будильник и даже зубная щетка. А если нажать на одну из многочисленных кнопок зонтика, он превращается в мини-парашют. С самолета с ним, конечно, не прыгнешь, но, упав с третьего этажа, не разобьешься. Зонтик можно было использовать и как щит: нож его не пробивал. Правда, в зонтике на аукционе не было иглы с ядом, ее предусмотрительно удалили.

Но все это западные изыски. Болгарские зонтики были значительно проще, но работали исправно.

СМЕРТЬ «ВТОРОГО ХРУЩЕВА»

В 1978 году «большие кремлевские игры» за спиной дряхлеющего генсека вступили в решающую стадию. Результатом, для многих неожиданным и неприятным, стало возвышение в Москве провинциального лидера Федора Давыдовыча Кулакова, безусловно, самого талантливого и принципиального человека в брежневском Политбюро, куда он попал в 1971 году. Один из журналистов «Правды» в узком кругу назвал секретаря ЦК и члена Политбюро «вторым Хрущевым», правда тут же добавил: «…но без его закидонов».

В то время Брежнев был тяжело болен, и, хотя агония затянулась на несколько лет, в 1976–1977 годах настойчиво поговаривали, что его собираются с почетом проводить на пенсию, а на его место назначить Кулакова.

По другому, более позднему варианту, за Брежневым должны были сохранить только что учрежденный им номинальный пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР, а пост Генерального секретаря будет передан Кулакову. Предсказаниям одних, надеждам и опасениям других относительно Кулакова не суждено было сбыться.

В ночь с 16 на 17 июля 1978 года Федор Кулаков, как сообщило ТАСС, «скончался от сердечной недостаточности с внезапной остановкой сердца». Одновременно КГБ распространил слухи, что крестьянский сын Федор Кулаков после неудачной попытки захватить власть перерезал себе вены. Люди, близко знавшие Кулакова, опровергли оба сообщения, утверждая, что он был здоров как бык, не знал, что такое головная боль или легкая простуда, и был неисправимым оптимистом. Кулаков в компаниях часто хвалился своим сердцем, работавшем, как мотор.

Детальный и одновременно путаный отчет специальной медицинской комиссии за подписью медицинских светил во главе с главным кремлевским врачом Евгением Чазовым вызвал обратную реакцию, а когда Брежнев, Косыгин, Суслов и Черненко не пришли на похороны своего коллеги, подозрения усилились еще больше. По Москве поползли зловещие слухи, что в Кремле появился убийца, который метит на место безнадежно больного Брежнева и не брезгует ядами. Партийным вождям надо было вместо «кремлевской таблетки» иметь под рукой «золотую пилюлю». Согласно тибетской книге медицины «Чжудит», эта пилюля излечивает от всех болезней, включая и злоумышленное отравление ядом. В чудодейственную пилюлю входит 75 компонентов, среди них жемчуг, бирюза, камни из желчного

пузыря слона, рог носорога и др. Но в Кремле не признавали тибетских врачей, за что и поплатились.

20 июля 1978 года на похоронах Кулакова, где демонстративно отсутствовали кремлевские лидеры, с надгробным словом, посвященным усопшему, выступил его ставропольский, а вскоре и московский преемник Михаил Горбачев. Это было его первое выступление с трибуны Мавзолея, оно прошло незамеченным. Следующее его выступление, через 7 лет на похоронах Черненко, будет слушать весь мир. Яд, устранивший «второго Хрущева», не достиг своей цели, открыв путь в кремлевское Зазеркалье еще более крутому реформатору.

История с Кулаковым не была чем-то исключительным во времена Брежнева, тогда «развитой социализм» казался раем по сравнению со сталинскими временами. Не забудьте, что Леонид Ильич тоже вышел из шинели Сталина, познал жестокую аппаратную борьбу во всех ее ипостасях на собственной шкуре. Вспомните его действия в 1964 году во время подготовки свержения Хрущева.

Бывший в те года председателем КГБ В. Е. Семичастный вспоминал, что накануне событий к нему обратился Брежнев, пытаясь выяснить, имеются ли возможности физического устранения Хрущева.

«– Что вы имеете в виду, Леонид Ильич? – спрашивает пораженный глава госбезопасности.

– Ну, там, что-нибудь такое…

– Яд, например, или пуля?..

– Да не мне вас учить, Владимир Ефимович!

– А как вы представляете себе все это? Вы можете дать гарантию, что тайна останется нераскрытой?

Брежнев был явно разочарован.

– А я-то думал, что одной из важнейших задач вашей службы является обеспечение тайны…

– Да, но любая тайна рано или поздно перестает быть таковой.

Полагая, что ему удалось убедить своего собеседника, Семичастный направляется к выходу, но Брежнев останавливает его.

– Неужто так и нельзя ничего сделать?.. Вот, например, Никита Сергеевич собирается с официальным визитом в Швецию… Может быть, когда будет возвращаться, арестуем его?

– Мы не заговорщики, и этот вопрос надо решать законным путем».

Да, все-таки время было уже другое, хотя потом Семичастный и поплатился должностью. Его сменил Андропов, у которого

имелась собственная точка зрения на методы решения кадровых вопросов.

ЗАГАДОЧНЫЙ ГЕНСЕК

Наиболее противоречивой фигурой послебрежневского кремлевского бомонда был Юрий Владимирович Андропов. С одной стороны, его считали либералом и реформатором, он писал стихи и мечтал о реформах и демократизации; с другой – его руки были испачканы кровью преданного им Имре Надя. В 1962 году Хрущев назначил его секретарем ЦК КПСС. 19 мая 1967 года, в возрасте 52 лет, Андропов стал председателем Комитета госбезопасности, а через месяц, уже будучи кандидатом в члены Политбюро, он начинает реорганизацию деятельности органов. При нем КГБ снова становится репрессивным органом по отношению к диссидентам, отказникам, деятелям национальных и религиозных движений. КГБ начинает активно вмешиваться во внешнюю политику СССР, материально поддерживая террористические организации типа ИРА, РАФ, НФОП и другие, провозгласившие себя борцами с империализмом.

Андропов восстановил практику «возмездия» перебежчикам в стиле сталинского СМЕРШа. После того как заместитель Генерального секретаря ООН Аркадий Шевченко стал невозвращенцем, его жену насильно вывезли из Нью-Йорка в Москву, и вскоре пришло сообщение о ее самоубийстве, причем, одновременно были озвучены две взаимоисключающие версии – отравление и удушение.

В поисках ушедших на Запад сотрудников были задействованы работники Первого главного управления, которым приходилось во время разыскных операций по ликвидации решать сложные и многоходовые комбинации. Когда небезызвестный Олег Калугин доложил председателю, что его управлению удалось найти двух перебежчиков _ одного в Австралии, другого в США, сбежавших в 1950-е годы, Андропов сказал: «Черт с ними. Они теперь старики. Найдите мне Лялина [сотрудник КГБ, сбежал в 1971 году] или Носенко [сотрудник КГБ, сбежал в 1963 году], и я санкционирую их ликвидацию». В поисках Носенко и для его ликвидации задействовали раскаявшегося перебежчика Артамонова [Николай Артамонов, лейтенант ВМФ СССР, зять командующего ВМФ СССР адмирала Горшкова, в 1959 году переплыл с любовницей на лодке в Швецию, работал в управлении разведки ВМФ США]. Артамонов нашел Носенко, но ликвидация сорвалась: киллер, который в 1975 году за 100 тысяч долларов согласился выполнить задание, попал в тюрьму. После провала Артамонова вызвали на встречу в Вену. Там его бесцеремонно затолкали в машину, где сделали

инъекцию седативного препарата, но не рассчитали дозу – Артамонов скончался на месте. За удачную ликвидацию перебежчика Олег Калугин получил орден Боевого Красного Знамени. Вот так действовала «служба ликвидации» при председателе КГБ. В ее списке и устранение за рубежом старшего лейтенанта Беленко, который в свое время угнал в Японию новейший образец МиГа. В последний год Беленко жил на военной базе США, его мучили сильные боли в печени.

Но следует отметить, что Андропов так и не согласился на устранение Брежнева, хотя его доверенное лицо и ближайший советник генерал Питовранов неоднократно предлагал эту акцию. Возможно, сдерживающим моментом стала позиция лидеров так называемых «стран народной демократии», которую изложил председателю старый друг Янош Кадар: «Юрий Владимирович, Христом-Богом вас умоляю, только не трогайте Брежнева! Мы знаем, что он двух слов не свяжет, но не будоражьте сейчас ситуацию! Пусть он стреляет своих кабанов». Те же мысли высказали руководители и других соцстран, которым Андропов доверял.

Сменив на посту генсека Брежнева, Андропов действительно начал реформы. Но они, в основном, свелись к «закручиванию гаек», появлению дешевой водки «андроповки» и уничтожению брежневско-днепропетровского клана. На международной арене такие акции, как уничтожение южно-корейского боинга, размещение ракет средней дальности в странах Восточной Европы и эскалация войны в Афганистане, привели к нарастанию конфронтации между Востоком и Западом. Андропов был инициатором разработки ядерных устройств малой мощности, так называемых «ядерных чемоданчиков». Несколько из них разместили в странах Ближнего Востока, и представитель отдела

«П» КГБ СССР даже договорился с ближневосточными террористами, что за определенную сумму они возьмут ответственность за проведение взрывов на себя. К счастью, взрыв так и не произошел, однако часть «ядерных чемоданчиков» разошлась по миру и, по некоторым данным, даже попала в руки «Аль-Каиды».

Поэтому смерть Генерального секретаря ЦК после 15-месячного правления в феврале 1984 года вызвала шок. Привыкнув к долголетней геронтократии, советское общество ожидало чего-нибудь новенького из Кремля, и вдруг все резко закончилось. Тем более, что кремлевская медицина, имея многолетний опыт борьбы за жизнь генсеков, справиться с болезнями Андропова почему-то не смогла. В сентябре 1982 года, пребывая на отдыхе в Крыму, Юрий Владимирович простудился, на спине его образовался глубокий фурункул, который никак не проходил. Операция тоже не дала результата. Начался сепсис – заражение крови, – который поддавался лечению с большим трудом. Дважды из США прилетал Майкл Рубин, специалист с мировым именем по болезням крови. На почве этого заболевания начался инфекционный миокардит. В марте 1983 года, не выдержав, отказали почки, и до самой смерти генсек находился на аппарате диализа. В середине января 1984 года Андропов потерял сознание и, не приходя в себя, умер 9 февраля того же года. Поэтому смерть Андропова не могла не вызвать слухов о насильственной смерти. Имея в виду специфику болезни генсека, слухи были именно об отравлении. Слухам способствовала и атмосфера таинственности, которой была окутана его болезнь и смерть.

Версий отравления было несколько. Одну распространил сам Андропов. В 1969 году он, возвращаясь из Ханоя, куда летал с Косыгиным на похороны Хо Ши Мина, сделал остановку в Пекине, где в аэропорту встречался с товарищами из КПК. После этой встречи он почувствовал себя плохо. «Китайцы меня чем-то отравили тогда, но чем, наши врачи так и не выяснили», – частенько повторял Андропов.

По версии сотрудников КГБ, Андропова отравили в Афганистане, куда он летал с визитом в 1977 году. Бывший глава КГБ В. Чебриков свидетельствует: «Когда мы провожали его в Москве в аэропорту, он легко взбежал по трапу в самолет. Вернувшись через несколько дней, он не мог даже самостоятельно сойти с трапа вниз. Его спускали на носилках и прямо из аэропорта увезли в ЦКБ». Эвакуация Андропова из Кабула происходила в спешном порядке. Нулевая видимость при жестокой снежной буре не позволяла подняться в воздух ни

одному самолету. Но самолет главы КГБ все же взлетел, так как промедление было действительно смерти подобно. Возможно, высокопоставленный визитер из Москвы стал жертвой интриг соперников из пришедшей к власти в Кабуле НДПА: представителей двух фракций – «Халька» и «Парчама». Не секрет, что халькисты искали поддержки на Лубянке, а парчамисты – на Старой площади. Подтверждает эту версию и случай с популярным тележурналистом ЦТ СССР Александром Каверзневым. В начале 1983 года он работал в Афганистане, снимал фильм, который ему так и не суждено было завершить. Будучи талантливым журналистом, он побывал в тех местах, куда официальная власть ДРА иностранцев не допускала. В своем дневнике он сделал много критических записей о ситуации в Афганистане. Каков был бы сюжет его фильма – неизвестно, но факт тот, что в марте 1983 года по возвращении домой Каверзнев буквально сгорел от какой-то экзотической болезни. Если же обратиться к более ранним временам, то существуют данные об отравлении всего персонала советского посольства в Кабуле в 1920-е годы.

Афганистан стал причиной таинственной смерти и валькирии революции – Ларисы Рейснер. Она была известна не только как страстная сторонница Троцкого, но и как любовница большевистских вождей Карла Радека и Федора Раскольникова. Именно к Раскольникову, назначенному послом при дворе короля Афганистана, уезжает в 1923 году Лариса. В Кабуле она заводит тайные связи с гаремом эмира Бухарского, перебравшегося в Афганистан. Лариса добывает сведения о действиях повстанческих отрядов басмачей в советской Средней Азии. В 1925 году она покидает Афганистан совершенно больной. Ее мучают приступы, похожие на малярию, однако Рейснер все же едет в Германию, где проникает в лабораторию Юнкерса, в неприступный исследовательский центр Круппа, и участвует в вооруженной демонстрации в Гамбурге. В СССР она возвращается умирать. Врачи констатируют диагноз – тиф. А ведь это болезнь, которой в послевоенной Европе 1920-х годов просто не существовало. 9 февраля 1926 года Лариса Рейснер умирает в Кремлевской больнице, несмотря на лучших врачей, уход и лекарства. Писатель Варлам Шаламов писал о ее смерти: «Молодая женщина, надежда литературы, красавица, героиня Гражданской войны, тридцати лет от роду, умерла от брюшного тифа. Бред какой-то. Никто не верил. Но Рейснер умерла». Борис Пастернак написал такие стихи:

«Лариса, вот когда посожалею,

Что я не смерть и ноль в сравненью с ней.
Я б разузнал, чем держится без клею
Живая повесть на обрывке дней».

Как считали многие после смерти Ларисы, к ее гибели приложила руку секретная служба эмира Бухарского, не простившего неверной осквернения своего гарема…

Возвращаясь же к тому, что случилось с Андроповым в Афганистане, следует добавить, что среди сотрудников КГБ была распространена версия о болезни – будто председатель в Кабуле подхватил оспу.

По другой же версии, выдвинутой одним из бывших сотрудников ЦК, Андропова отравили консерваторы из Политбюро. «Он [Горбачев] верил, что сумеет провести страну через пучину реформ и сохранит ее. Когда Андропов был уже при смерти, он хотел собрать заседание Политбюро прямо в своей больничной палате, чтобы Горбачева избрали генсеком прямо тут же, при нем. Об этом решении заранее стало известно противникам Горбачева, которые приняли контрмеры». Став в 1967 году во главе КГБ, Андропов тут же приобрел многочисленных врагов из старых друзей Брежнева. Его попытки убрать некоторых из них решительно пресекались генсеком. Однажды, например, председатель КГБ передал Брежневу данные о том, что некий полномочный посол Советского Союза сотрудничает с американской разведкой. Но… «Среди членов ЦК не может быть предателей», – заявил Леонид Ильич. Попытка убрать Андропова насильственным путем уже предпринималась накануне смерти Брежнева в сентябре 1982 года, однако Юрий Владимирович сумел ускользнуть из сетей, расставленных Щелоковым. Понимая, что теперь пошла борьба не на жизнь, а на смерть, Андропов, в свою очередь, экстренно убирает из окружения Брежнева грузинскую целительницу и экстрасенса Джуну Давиташвили, которая неоднократно выводила Леонида Ильича из критических состояний. Деморализованный престарелый генсек, с трудом доставленный в последний раз на Мавзолей для проведения Октябрьского парада, вскоре умер.

По версии же некоторых западных журналистов Андропова убрали по заказу ватиканской Службы безопасности. После неудачного покушения Али Агджы на Иоанна Павла II, организованного болгарской спецслужбой (интересно то, что позднее даже в беседах с отдельными представителями КГБ руководство болгарской разведки не признавало покушения «своим» и отказывалось от арестованного по этому делу

болгарина Антонова), дело в свои руки, по приказанию уже генсека Андропова, взял КГБ. Вскоре после осуждения террориста была совершена попытка отравить его в римской тюрьме Ребибиа. После этого пишу Агдже начал готовить специально назначенный тюремный повар, а всю отправляемую в камеру еду обязательно должен был попробовать начальник очередной вахты тюремщиков.

Желая предотвратить вторую попытку теракта против папы, Ватикан обратился к польскому движению сопротивления, которое сумело внедрить в Кремль под видом консультанта-нефритолога своего человека. Возможно, во время одного из осмотров тот и ввел яд своему высокопоставленному подопечному.

Как бы то ни было, а Андропова не стало. Но зато осталась легенда о кагэбисте-демократе.

УБИЙСТВО АМИНА

Хафизулла Амин пробыл другом Советского Союза очень недолго. В новые стратегические планы Кремля по завоеванию Юго-Западной Азии он со своей радикальностью уже не вписывался. В разработанном сценарии его устранение должно было бы стать первым этапом в оказании «интернациональной помощи» Демократической Республике Афганистан.

Методы по устранению Амина обсуждались на Политбюро, но конкретные действия разрабатывались в Первом главном управлении под руководством В. Крючкова. Операция была поручена Восьмому отделу управления. Способы устранения афганского лидера рассматривались еще ранней осенью 1979 года. В частности, не исключалось применение снайперского оружия и специальных минклэйморов, обладающих направленным зарядом большой мощности. Но по разным причинам все это отвергалось, пока наконец не остановились на варианте военной операции с одновременным выведением Амина из строя ядом. Непосредственным руководителем назначили подполковника Михаила Талибова, азербайджанца, который провел в Кабуле несколько лет и мог сойти за афганца. Поздней осенью 1979 года Талибов прибыл в Кабул с ядом, полученном в Восьмом отделе. Выдавая себя за шеф-повара афганца, он приступил к работе на кухне президентского дворца. Работать ему было трудно, так как, по данным Владимира Кузичкина, который через несколько лет сбежал на Запад, «Амин был осторожен не менее, чем семейство Борджиа. Он постоянно менял пищу и напитки, как будто боялся быть отравленным».

27 декабря 1979 года Амин пригласил гостей. На обед вместе с женами съехались члены Политбюро, министры. Формальным поводом собрать всех стало возвращение из Москвы секретаря ЦК НДПА Панджшери. Но имелась и еще одна существенная причина. Недавно Амин переехал в специально отремонтированный для главы партии и государства роскошный дворец, расположенный на холме в конце проспекта Дар-уль-аман. Раньше здесь размещался штаб кабульского гарнизона, теперь же этот величественный замок принадлежал Генеральному секретарю ЦК НДПА, председателю Революционного совета, вождю всех афганских трудящихся. Хафизулле Амину не терпелось показать гостям роскошные покои. После ремонта обслугу набрали новую, что позволило Талибову легко обойти Службу безопасности.

Обед проходил в легкой, непринужденной обстановке, тон

задавал радушный хозяин. Когда Панджшери, сославшись на предписание врачей, отказался от супа, Амин пошутил: «Наверное, в Москве тебя избаловали кремлевской кухней». Панджшери понял шутку и еще раз повторил для всех то, что уже рассказывал Амину: советское руководство удовлетворено изложенной им версией смерти Тараки и сменой руководства страны. Его визит еще больше укрепил отношения с Москвой, там подтвердили, что СССР окажет Афганистану военную помощь.

После вторых блюд гости перешли в соседний зал, где был накрыт чайный стол. И тут случилось необъяснимое.

Почти одновременно гости почувствовали себя плохо: всех одолела чудовищная сонливость. Люди падали в кресла и буквально отключались. Напуганная прислуга бросилась вызывать докторов из советского посольства и центрального военного госпиталя.

Странная болезнь в одночасье поразила всех, кроме Панджшери. Амин не был исключением. Когда приехавшие из советского посольства врачи промыли ему желудок и привели в чувство, он, едва открыв глаза, удивленно спросил: «Почему это случилось в моем доме? Кто это сделал?»

Повар Талибов скромно промолчал, но Амин еще не знал, что главное ждет его впереди. Почти все гости, пришедшие в себя, разъехались. В 19 часов 30 минут – уже темнело – несколько страшных взрывов потрясли здание. На дворец был обрушен такой шквал огня, что нечего было и думать о каких-то отдельных террористах. На штурм дворца пошли подразделения советских спецслужб, переодетые в форму афганских военнослужащих. Пять спецназовцев из ПГУ и тридцать из группы «Зенит» обеспечивали захват и прикрытие подступов к дворцу. В помещениях действовала группа «Гром», состоящая из спортсменов. Бабрак Кармаль пообещал дать в поддержку 500 верных бойцов из крыла НДПА «Парчама». Для них захватили оружие, но на место сбора явился только один. В охране дворца Амина было задействовано 300 человек, во время боя 150 из них сдались. Вокруг дворца находились позиции афганского полка в составе 2000 человек. Спецназовцы прорывались тихо, действуя ножами. Приказ – Амина в плен не брать. За удачный штурм было представлено к наградам 400 человек, медали получили даже машинистки и секретари.

Вторжение в Афганистан началось. Кстати, при штурме спезназовцы потеряли убитыми шесть человек, а всего из 60 бойцов в строю осталось 14. Эти были самые большие потери спецназа до событий 2004 года в городе Беслане, Северная Осетия.

Когда Амин услышал выстрелы, он оторвал от подушки тяжелую голову и сказал: «Дайте мне автомат». – «В кого ты хочешь стрелять? – спросила его жена. – В советских?» Когда штурмующие ворвались в аппартаменты Амина, он начал отстреливаться. Осколки гранаты настигли Хафизуллу Амина за стойкой бара, который он за несколько часов до того с гордостью показывал своим гостям.

Через несколько минут к уже бездыханному телу подошел вооруженный человек в военной форме, но без знаков отличия, достал из своего кармана фотографию. Убедившись, что не ошибся, человек без знаков отличия сделал контрольный выстрел в голову.

Что за яд был применен против Амина – неизвестно, но симптомы и последствия отравления очень схожи с газом, примененным против чеченских боевиков, захвативших в октябре 2002 года заложников во Дворце культуры на Дубровке в Москве. Возможно, яд 1978 года был аналогом отравляющего вещества, созданного на основе опия и примененного через 24 года. Как обычно, все подробности узнать невозможно, остается только строить догадки, тем более, что все документы по разработке операции свержения Амина были уничтожены по личному указанию Андропова.

ЯД ДЛЯ «НОВЫХ»

1 августа 1995 года российский банкир Иван Кивелиди был доставлен в Центральную клиническую больницу Москвы с диагнозом «обострение мочекаменной болезни». Через три дня, 4 августа, он скончался. Медиков ничего не насторожило. Но на следующий день с таким же диагнозом была госпитализирована секретарь банкира – Зара Исмаилова. А чуть позже погибли следователь и два оперативника, осматривавшие кабинет Кивелиди.

Уголовное дело получило гриф «секретно». Сотрудник ФСБ рассказал, что отравляющее вещество было нанесено на телефонную трубку в кабинете банкира – на ней обнаружили бурое пятнышко диаметром 3 мм. Кивелиди был отравлен разновидностью фосфороорганического нервно-паралитического «ви-газа» (по международной классификации – VX). В промышленных масштабах в России он не производится, но некоторое количество хранится в лаборатории при военно-химическом заводе в городе Шиханы Саратовской области.

Скорее всего, вещество было украдено. Именно высокой токсичностью яда объясняется то, что следов преступника найти не удалось. Вероятно, о последствиях убийцу не предупредили, и он тоже умер от «мочекаменной болезни». Миллион долларов, который обещали друзья погибшего за поимку преступника, остался невостребованным.

Случившееся произвело настоящую революцию в криминалистике. Теперь любая, даже самая «типичная» смерть «от болезни» тщательно расследовалась экспертами-криминалистами.

В 2002 году странная история произошла в одном южном украинском городке. Следствие пришло к выводу, что криминал в данном случае отсутствует, поэтому место действия и имя жертвы называть не будем. Речь идет о смерти городского головы этого городка. Он энергично взялся за преобразование облика города, в котором многое не менялось годами. Ошеломленные его энергией и планами, горожане восприняли внезапную смерть мэра как месть со стороны определенных коммерческих структур, которых городской голова хорошо «потряс», добывая средства в местный бюджет. По мнению простых граждан, его отравили, а если и не отравили, то довели до смерти – когда ему стало плохо в сауне, «скорую» вызвать не смогли, так как мобильные и обычные телефоны оказались заблокированными. Когда почти через час врачи все-таки приехали, было поздно. Но если не знать

точно, когда случится сердечный приступ, то как вовремя заблокировать связь? Но это, всего лишь упорные слухи, циркулирующие в городе, официально же – «сердечная недостаточность».

Зато осенью 2004 года в Северной Пальмире было совершено бесспорное отравление, тоже породившее массу слухов. 11 сентября в одну из петербургских клиник попал с легким недомоганием некто Роман Игоревич Цепов, но врачи не смогли поставить четкий диагноз, хотя были уверены, что опасности для жизни нет. Однако позже больному стало совсем плохо, и его поместили в больницу им. Свердлова. Цепова собирались отправить на лечение в Германию, но не успели – пациент скончался от поражения спинного мозга, наблюдались симптомы ярко выраженной лучевой болезни. Экспертиза констатировала отравление большой дозой сильнодействующего лекарственного препарата, применяемого при лейкемии: большое количество выделяемых красных телец смертельно для абсолютно здорового человека. Яд в виде раствора или порошка, предположительно, попал в организм жертвы с едой. Судмедэксперты говорят, что признаки отравления могли появиться через 4-10 часов после приема препарата. Петербургские следователи, расписав день жертвы по минутам, попытались установить, у кого была возможность подмешать в пищу Цепову смертельное лекарство.

Так кто же такой Цепов, чтобы тратить на него дорогостоящий препарат? По словам одного из тех, кто хорошо знал покойного, его «могли захотеть заказать очень многие в Питере и за его пределами, еще большему числу людей это невыгодно. На нем очень многое завязано в Питере. Сейчас начнется, во-первых, какой-то передел, а во-вторых, органы копать по этому делу будут очень активно». Раскрывая причину возможной активности органов, следует сказать, что Цепов принадлежал к элите Санкт-Петербурга. Выходец из Внутренних войск МВД СССР, Цепов в 1992 году зарегистрировал охранное предприятие «Балтик-эскорт». Его сотрудники охраняли семейство Собчака, клиентами фирмы были представители властных структур Питера, приезжие звезды и криминальные авторитеты.

Правоохранительные органы безуспешно пытались доказать причастность фирмы Цепова к ряду вымогательств. Самого Цепова в 1993–1995 годах пытались застрелить, в 1996 году – взорвать. И все-таки его смерть на 42-м году жизни стала полной неожиданнностью. Так кто же мог убрать главного охранника Санкт-Петербурга? По одной версии, Цепов стал жертвой криминальных авторитетов, которым он перешел дорогу. По

другой – он слишком много знал. Считалось, что ни одно важное решение в Санкт-Петербурге не обходилось без Цепова, благодаря его связям на федеральном уровне. Его бизнесовые интересы расширялись с каждым годом, распространяясь на топливную и металлургическую промышленность. Цепов выступал посредником между государством и ЮКОСом, он лоббировал в администрации президента кандидатуру губернатора и т. д. Так что в больнице умер не рядовой петербуржец, а человек, охранявший финансовые интересы олигархов на таком высоком уровне, что дефицитной отравы было не жалко.

Кому было выгодно его отравление, возможно, определит следствие, но уже сейчас питерские следователи отмечают, что использование отравляющего вещества – метод, не свойственный для представителей криминального мира. Существует несколько версий случившегося: криминальные раздоры, связь с убийством Галины Старовойтовой и просто – он слишком много знал…

БЛИЖНИЙ ВОСТОК И ЯДЫ

В деятельности любой разведывательной службы есть моменты, когда следует вовремя остановиться и свернуть операцию, если, конечно, еще не поздно. Подобное как-то случилось с прославленной израильской разведкой Моссад.

Как всякая уважающая себя разведка, Моссад разрабатывал для своих спецопераций различные яды, которые могли бы решить проблему устранения неугодного лица. И эти яды не лежали без дела. Сколько их использовалось и где – тайна. Как всякая уважающая себя разведка, Моссад признавала и признает только раскрытые спецоперации и только при наличии неопровержимых улик. Подобное признание, связанное со скандалом, было сделано в 1999 году. Спецназ Моссада с благословления высшего руководства страны (а право на подобные спецоперации дают только политики) попытался ликвидировать в Омане одного из руководителей палестинской боевой группировки «Хамас», которая уже много лет ведет партизанскую войну против израильтян. Прикосновением некоего предмета в организм боевика был введен сильнодействующий яд. Однако «хамасовец» вовремя обратил внимание на появившиеся симптомы заболевания. Сопоставив факты, контрразведка «Хамас» и спецслужбы эмира Омана сумели раскрыть операцию, спецназовцы Моссада были задержаны, разразился грандиозный международный скандал.

Чтобы не выносить его на всеобщее обсуждение, что было невыгодно обеим сторонам, в Оман был отправлен израильский врач, который сделал боевику укол с противоядием, и тот остался жив. При этом никогда и никому, в том числе и врачу, не было сообщено, что это за яд и что из себя представляет противоядие. А правительству Омана принесли извинения. Но утверждать, что больше подобные средства не применялись, было бы неправильно.

Последний случай возможного отравления произошел совсем недавно, в октябре 2004 года, когда заболел бессменный в течение многих лет глава ООП, руководитель Палестинской автономии 75-летний Ясир Арафат. 29 октября он был госпитализирован во Франции с подозрением на лейкемию, но его соратники заявили, что Арафат отравлен ядом замедленного действия. Все, кто готовил еду для главы ООП, были арестованы и сейчас находятся под следствием. Во французском госпитале сделали соответствующие анализы, чтобы выявить наличие яда в организме. Если отравление действительно было, то виновниками могут быть или израильские спецслужбы, которым надоели взрывы шахидов, или же более молодые сподвижники престарелого главы ООП, которые рвались к власти.

Бывший министр безопасности Палестинской автономии Хани Хасан заявил, что премьер-министр Израиля Ариэль Шарон отдал тайный приказ Моссаду уничтожить Арафата не позднее 2006 года и подыскать приемлемую замену. Версию о причастности израильтян к смерти Арафата поддержали и иранские спецслужбы. Израильтяне же заявили, что Арафат умер от СПИДа. В то же время существует манифест организации «Бригады мучеников Аль-Аксы», в котором молодые палестинцы упрекают руководителей автономии в том, что они извратили сущность Организации Освобождения Палестины и что старикам пора уйти.

Следует добавить, что после недельного обследования больного лидера французские врачи так и не смогли поставить точный диагноз заболевания Арафата, что косвенно может служить подтверждением версии отравления. Уже перед самой смертью Арафата представитель палестинской администрации заявил, что, подозрения, что Арафата отравили, не имеют

оснований. Но чем же болел Арафат, так и не уточнил. Даже после драматичных похорон палестинского лидера точная причина его смерти так и не была установлена, несмотря на требование многих лидеров ООП. Вскоре после погребения Арафата член фракции ЛДПР в Госдуме России Алексей Митрофанов заявил о необходимости создания международной медицинской комиссии для выяснения подлинной причины смерти палестинского лидера.

После того как Арафат впал в кому, премьер-министр палестинского правительства Ахмед Куреи объявил, что Ясир Арафат мог быть отравлен ядом или ядами нового поколения, разрабатываемыми в секретных лабораториях ведущих мировых держав. В организме человека их попросту невозможно обнаружить. К версии об отравлении присоединилась и жена Арафата – Суха. Она заявила, что виновато палестинское руководство, совершившее переворот. В ответ руководители ООП обвинили вдову в отравлении мужа и в желании прибрать к рукам его счета в западных банках.

ШУТКА КУХАРКИ

В феврале 2002 года в Англии разразился скандал вокруг кухарки, служившей в Букингемском дворце.

46-летняя кухарка Моника Трауб в порыве откровенности поделилась со своими коллегами мыслью, что ей ничего не стоит отравить королеву, а заодно и всю царствующую семью. И шутки ради она поинтересовалась у кого-то из коллег, где можно достать цианистый калий. В тот же день кто-то из присутствующих позвонил в Службу безопасности дворца. И шутницу-кухарку уволили. Причем главный королевский дворецкий не побоялся написать в справке об увольнении истинную причину, по которой кухарку удалили из дворца: «Причина вашего увольнения состоит в том, что вы имели неосторожность заявить, будто бы сможете подсыпать яд в еду Ее Величества, и что об этом никто не узнает…»

Эта история стала достоянием прессы, которая риторически спрашивала: неужели действительно так легко отравить «символ британской нации»? Если внимательно изучать открытую информацию, то можно ответить, что не очень легко. Оказывается, в 1977 году был создан закрытый «Клуб президентских шеф-поваров», который в настоящее время объединяет более 50 поваров, обслуживающих президентов, премьер-министров и королей. Среди них – и шеф-повар королевской фамилии Лайонелл Мэнн, проработавший в Букингемском дворце более 40 лет. По соображениям безопасности, многие члены клуба избегают публичности. Но известно, что в уставе клуба, которого члены должны придерживаться неукоснительно, есть статья, полностью исключающая возможность злоупотребления доверием работодателя и использования против него отравы.

В советские времена такого клуба не существовало, но повара были на особом учете у спецслужб. Так, известный российский повар Валентин Житарев не смог стать шеф-поваром первых лиц СССР из-за того, что его отец побывал в плену. Ему доверили лишь посольскую кухню, и он 20 лет обслуживал Дом приемов МИДа СССР. А вот дед Президента России, Спиридон Путин, в 1920-х годах работал поваром у Ленина в Горках и у Сталина в Кремле. Доверяли.

РИЦИН ДЛЯ «АЛЬ-КАИДЫ»

5 января 2003 года в одной из лондонских квартир в районе Вуд-грин британские спецслужбы обнаружили лабораторию по производству яда рицин. Он хорошо известен в мире спецслужб и террористов. Клещевина, красивое растение с крупными темно-зелеными листьями на красно-коричневом стволе, высотой до 2,5 метров, поселившееся на клумбах многих городов Украины, содержит в себе этот яд. Он считается смертельно опасным, потому что до сих пор медицина не знает противоядия от него, хотя сам метод добычи яда достаточно прост – в Европе его получают из семян растения. С этим справится даже небольшая домашняя лаборатория. При попадании в легкие он так же токсичен, как и зарин, а симптомы отравления напоминают сильный бронхит или пневмонию. Между тем первые признаки отравления иногда принимают за симптомы инфекционного заболевания. Они проявляются не сразу, а только через несколько часов после попадания яда в организм. Если он принят в пище, действие яда начинается не сразу, а через 15 часов. Симптомы отравления рицином: высокая температура, глаза наливаются кровью, возникают тошнота, сильная боль в животе, рвота и понос с кровью, судороги, психологическая заторможенность. Смерть наступает через 6–8 дней.

В связи с причастностью к рициновой лаборатории было арестовано семь человек – в основном выходцы из Алжира. Британская полиция пыталась выяснить у арестованных, сколько смертельно опасного рицина успели произвести жители квартиры-лаборатории до того, как были арестованы

сотрудниками антитеррористического подразделения британских спецслужб. Однако так и осталось невыясненным, сколько яда было вынесено за пределы лаборатории. Тем более, что двое соучастников задержанных – один из Алжира, второй – из Эфиопии – скрылись.

Как только данные о производстве рицина в Лондоне подтвердились, власти разослали во все британские больницы циркулярные письма, в которых описывались симптомы отравления рицином и содержались инструкции, как максимально снизить результаты его действия, хотя противоядия от него не существует.

Но особой паники не было, так как британская полиция утверждала, что задержанные применяли кустарные методы и потому извлекли из сырья только небольшое количество рицина. По мнению специалистов, этот яд относительно просто изготовить в небольших дозах, но трудно использовать в качестве оружия массового поражения. В 1990-е годы над рицином работали в Ираке, но надежд он не оправдал, хотя иракские химики и получили 10 литров яда. Впоследствии инспекторы ООН нашли емкости от рицина, и среди них четыре со следами яда. Рицин более подходит для нанесения точечных ударов, с помощью конструкций типа пресловутых «болгарских зонтиков».

Для британских спецслужб главным стали поиски следов, которые вели бы из лаборатории к «Аль-Каиде», так как еще в 2001 году были получены документы, свидетельствующие о том, что члены организации экспериментировали с рицином и обсуждали возможности его использования. ФБР даже выпустило специальное руководство для своих сотрудников, где подробно описаны все свойства этого токсина.

Во Франции спецслужбы также заинтересовались проблемой ядов. Известная террористическая организация ЛЗФ, которая уже прославилась минированием французских железных дорог, изменила свой modus operandi[5] и обратилась к ядам. В октябре 2004 года из Тулузы в Париж пришло письмо, в котором было сказано, что ЛЗФ обещает отравить партии продуктов, если к требованиям этой организации не прислушаются. Французские правоохранительные органы, имея уже опыт общения с этими террористами, отнеслись к предупреждению со всей серьезностью. Яд, которым предполагалось отравить продукты, назван не был.

ЯД В ДЖУНГЛЯХ И НА МОСТОВЫХ

«Узнаю ли? Разумеется, узнаю! – Мистер Клэнси напыжился от гордости и сознания собственного превосходства.

– Этот предмет, джентльмены, не что иное, как туземный дротик! Таким дротиком стреляют, выдувая его из специальной трубки. Трубками подобного рода вооружены воины у некоторых племен… хм… Я, пожалуй, не смогу с точностью сейчас утверждать, южно-американских или же островитян с Борнео… Но это, вне всякого сомнения, именно такой туземный дротик, выпущенный из стреляющей трубки, и я подозреваю, что его острие…

– …было смазано знаменитым ядом южно-американских индейцев, – закончил его фразу Эркюль Пуаро».

А. Кристи. «Смерть в облаках»

ГАИТЯНСКИЕ ХУНГАНЫ

Колдуны (хунганы) на Гаити из кладбищенской земли и костей мертвецов изготовляют специальные порошки, чтобы «наслать мертвеца» на врага. Порошок, рассыпанный рядом с дверью жертвы или по пути ее следования, может привести к параличу и даже смерти, если в это время хунган не примет контрмеры.

Хунганы также занимаются превращением человека в зомби. Этот процесс схож с заказным убийством. Неугодный человек становится жертвой колдовских чар, заболевает, потом умирает. Его хоронят, соблюдая соответствующие обряды. А через несколько дней по велению колдуна откапывают. Колдун совершает над умершим некий ритуал, и покойник оживает. Он не может говорить, не проявляет никаких эмоций, но, подчиняясь воли оживившего его колдуна, действует и наводит ужас на людей. Долгое время феномен зомби оставался загадкой. Немало ученых пытались объяснить это явление, но только в последнее время удалось приоткрыть завесу над тайной зомби. Стало известно, что живого человека превращают в зомби с помощью некоего яда. Американскому этноботанику Уэйду Дэвису, посетившему Гаити именно с целью изучения этого феномена, удалось раздобыть немного порошка «зомби» и подвергнуть его химическому анализу. Оказалось, что основной составляющей этого снадобья является сильнодействующий яд тетродотоксин, один из сильнейших природных ядов нервно-паралитического свойства. По своему действию он в 10 раз превосходит знаменитый кураре и более чем в 400 раз – стрихнин. Это вещество содержится в организме некоторых животных, в том числе в рыбе фугу.

Так как фугу у берегов Гаити не водится, то колдуны используют другие виды рыб. Дэвис, в частности, указывает иглобрюха, который содержит тетродотоксин. По мнению Дэвиса, процесс приготовления порошка «зомби» следующий: иглобрюха сушат на солнце от 2 до 5 дней, а затем измельчают в порошок. Для другого компонента необходима гаитянская жаба буфо маринус, которую нужно продержать ночь в банке вместе с морским червем, который будет ее кусать. В результате каратоидные железы жабы вырабатывают большое количество химических веществ – буфотеин, буфогенин, буфотоксин. Утром жабу и червя убивают, сушат на солнце и тоже растирают в порошок. Также добавляют желчный пузырь мертвого мула или человека, некоторые местные растения, человеческие останки,

предпочтительно свежие (особенно ценятся кости и кожа ребенка), черный порох и тальк. Рецепт ясен, но неясно – пытался ли Дэвис хоть раз его проверить?

Отравление – операция, требующая большой осторожности. Слишком большая доза может вызвать подлинную смерть. Когда зомби выкапывают, его насильно кормят смесью батата и дурмана, усиливающей воздействие тетродотоксина и вызывающей галлюцинации, под воздействием которых зомби бродит по улицам, сопровождаемый возгласами ужаса прохожих.

Надо отметить, что тетродотоксин по-разному влияет на гаитян и европейцев. Если последние, оправившись после отравления, возвращаются к нормальной жизни, то гаитяне послушно играют роль зомби. Здесь мы переходим в область чистой психологии: европеец воспринимает отравление как болезнь, гаитянин же верит в то, что навсегда покинул мир живых людей, и ему не остается ничего другого, как подчиниться воле колдуна. Именно этот психологический феномен использовал «тигр Карибов» – Франсуа Дювалье, папа Док. Гаитяне верили, что многолетний диктатор острова, объявивший себя «помазанником африканских богов и потусторонним существом», был наделен сверхъестественной силой, и что убитых по его приказу людей он превращал в зомби, делая их своими невидимыми шпионами. Папа Док перед своими подданными всегда появлялся одетым в черный смокинг. Он ходил медленно, вытянув губы трубочкой и закатив глаза. Так одевается и ходит по преданиям вуду бог мертвых папа Геде. Дювалье заставил всех хунганов во всех умфро (помещение для проведения обрядов вуду) повесить на митаны (священные столбы) его изображения и приносить им жертвоприношения, как и другим богам вуду. Колдуна-вудуиста Захари Делву диктатор назначил шефом «тонтон-макутов» (личная тайная полиция Дювалье, использовавшая в своей работе традиции вуду). После смерти папы Дока его тело захоронили в стоячем положении. Согласно принципам вуду, кто попадет в ад стоя, тот сможет и после смерти вечно повелевать своими врагами.

Неподалеку от Гаити находится небольшое островное государство Гренада. На нем одно время правил диктатор Эрик Гейри, который тоже возвел местную разновидность вуду – «обиа» – в ранг государственной религии и принимал участие в колдовских ритуалах обиаменов (местные колдуны).

В уголовном кодексе Гаити даже существовала 246-я статья, посвященная хунганам. «Также покушением, – было написано там, – является использование веществ, с помощью которых субъект погружается в более или менее продолжительный

летаргический сон, вне зависимости от цели применения вещества и последствий. Если же субъект похоронен в состоянии летаргического сна, то покушение становится предумышленным убийством».

Ученые долгое время пытались разгадать секреты колдовских веществ, но пришли к неутешительному выводу. «Мы долго строили теории, объясняющие возникновение зомби. Это, конечно, не случай воскрешения из мертвых, а скорее всего они были погружены в состояние, очень близкое к смерти, с помощью каких-то лекарств, – способ их изготовления, возможно, был вывезен из Африки и передавался из поколения в поколение… Они, очевидно, разрушают ту часть мозга, которая управляет волей и речью. Жертвы могут действовать и двигаться, но не способны сформулировать свою мысль. Двум врачам, сильно заинтересовавшимся этими средствами, так и не удалось узнать способ изготовления. Эта тайна, и посвященные скорее умрут, чем расскажут».

Однако тем, кто сильно интересуется тайнами хунганов, следует посетить в начале января небольшое африканское государство Бенин (Дагомея). Раньше в этой стране строился социализм, но после распада СССР подарки приходить перестали, и поэтому бенинцы обратились к своим корням. А корни у них уходят в далекое прошлое черного континента, в котором и зарождалось искусство вуду. Поэтому в Бенине с 1993 года официально отмечают праздник вуду. На праздничный фестиваль съезжаются колдуны со всего мира. Именно в Бенине тот, кто жаждет тайн, может получить посвящение и доступ к святая святых вудуизма.

С первых шагов гость, посетивший бенинскую глубинку, где правят не власти, а колдуны, встречается с чарами и отравлениями. Бенинцы – гостеприимный народ, они сразу предлагают выпить по стаканчику содаби – пальмовой водки. Хозяин сначала наполняет напитком на четверть свой стакан, затем переливает его содержимое в стакан гостя, пополаскал-пополаскал – и переливает в следующий, и так далее по кругу. Из последнего стакана переливает содаби в свой и наконец наполняет остальные. Этим действом гостям хотят показать, что ни в водке, ни в стакане яда нет.

В бенинской деревне и в городах, даже крупных, при всякой скоропостижной смерти зачастую выдвигается версия об отравлении. «Яды являются самым опасным оружием, которое применяет колдун или заклинатель, чтобы покарать богохульство или неверие, – пишет в своей книге «Посвященные» известный бенинский писатель Жюльен Алапини. – Кроме смертельных, им

известны яды, вызывающие внутренние болезни, бессонницу, сумасшествие, смятение, ненависть, страх». Причем эти яды, отмечает Алапини, не обязательно подмешивать в пищу – колдун может отравить врага, прикоснувшись к нему рукой, посыпав ядом тропу, по которой тот пройдет.

В ночь, когда по всему Бенину бьют священные барабаны, всем, кроме «посвященных», запрещается выходить из своих домов. Как-то раз в такую ночь вышел погулять священник из католической миссии. На вежливое предложение главного колдуна вернуться домой священник ответил грубым отказом. «Ты пожалеешь об этом», – сказал колдун и слегка прикоснулся к его плечу рукой. Прошло несколько дней, плечо опухло, и, сколько ни обращался священник к городским врачам, никто не мог ему помочь. Пришлось извиниться перед колдуном, и тот дал священнику противоядие. Под ногтем у колдуна была закреплена колючка, пропитанная каким-то неизвестным европейским врачам ядом.

Бенинские хунганы получили свою колдовскую силу от богов вуду. Одним из главных богов, которому поклоняются и в Бенине, и на Гаити, является Легба, или папа Легба. Он пришел из мифологии дагомейского народа фон. Легба первым среди богов занялся гбо (вуду). Он сделал ядовитую змею, положил ее у дороги, ведущей к рынку, и приказал жалить проходящих. После каждого укуса появлялся Легба и предлагал пострадавшему вылечить его за вознаграждение. Человек по имени Аве заинтересовался прибыльным бизнесом Легбы, был приобщен им к магии и стал первым дагомейским хунганом.

Колдунов в Бенине не только боятся, порой они являются единственной надеждой на спасение при заболевании или несчастном случае. В Бенине, например, водится единственный вид смертельно опасных змей – габонская гадюка, которая неспровоцированно нападает на людей. Колдуны же знают противоядие от укуса любой змеи, и не к врачам, а к ним обращаются бенинцы. Но секреты колдунов вуду оберегаются от непосвященных.

Традиция держать в тайне рецепты опасных снадобий существует не у одних гаитянских колдунов. Если перенестись на другой конец Земли, в Сибирь, то подобный обычай можно встретить и у эвенкийских шаманов. У них в шаманском обиходе есть так называемый медвежий корень. Показывают его только избранным. Этот корень лечит многие болезни, но при передозировке смертельно опасен – резко повышает давление, что приводит к летальному исходу.

Как уже было сказано, рецепты гаитянских хунганов

использовались на острове Гаити не только с религиозной целью, но и с политической. Не только папа Док, но и другой диктатор – Трухильо из соседней Доминиканской республики на том же острове Гаити, выглядевший более цивилизованно, но не менее кровожадный, использовал колдовской опыт. Он не зомбировал своих врагов, но, пользуясь любым стихийным бедствием, уничтожал их тысячами. Когда же погода была нормальной, то его спецподразделение ликвидаторов «Белая роза» использовало яд хунганов. На его приготовление шел экстракт коры отростков лианы вида «стрихнос», имеющий свойства яда кураре. В яд также добавлялась концентрированная вытяжка из так называемой рыбы-мухомора, которая водится у берегов Гаити и потребление которой, даже в вареном виде, вызывает паралич верхних дыхательных путей, слепоту и расстройство органов чувств – холодное начинает казаться горячим, а при высокой температуре знобит. Изготовленный из этой смеси яд сохраняет свои ядовитые свойства, так же, как и кураре, на протяжении по крайней мере 200 лет (это стало известно при изучении старых индейских стрел). Даже самая минимальная доза действует молниеносно – яд немедленно разносится по кровеносной системе, хотя сердце и гладкие мышцы яд не поражает. Ликвидаторы кололи свои жертвы в голову, чтобы скрыть следы укола среди волос и чтобы мгновенный паралич в первую очередь охватил мышцы лица, рта и другие, пищевод и аорту. Вслед за введением яда быстро начиналось расслабление мускулатуры, яд достигал конечностей, полости живота и диафрагмы. Так как процесс начинался с головы, то на лицах убитых всегда сохранялось выражение испуга.

Сама ядовитая рыба-мухомор длиной с полметра, окраска у нее фантастически меняется, как в калейдоскопе. Золотисто-желтая хищная головка обведена идеально ровной красной линией, на лбу пурпурные и желтые полосы, оранжевые пятна на спине и большие белые точки на золотистом животе. Ее плавники почти полностью прозрачны и покрыты симметричными оборками, как на плиссированной юбке. Рыба-мухомор предупреждает о своей ядовитости окружающих и одновременно подсказывает хунганам, где они могут добыть необходимый им яд.

Патент на создание зомби имеется не у одних гаитянских или бенинских колдунов. На далеком Востоке, в таинственном Тибете, также часто появляются «живые мертвецы», но метод их создания окутан еще большей тайной. Занимаются этим садхаки – люди, идущие по пути изучения тантрического учения сандханы. При постижении одной из ступеней учения садхака должен пройти

ритуал «оживления» трупа. Для этого подходит не всякий труп.

Можно взять труп погибшего в бою, укушенного змеей, погибшего от молнии, но ни в коем случае не умершего от болезни. Найдя подходящего мертвеца, садхака садится на грудь трупа, а гуру садханы, произнося нужные мантры, оживляет тело. Труп, не сознавая окружающего, пытается убежать. Садхака обязательно должен удержать оживленного. После окончания ритуала ожившее тело или разрубают на части, или сжигают (понятно, почему труп хочет сбежать). При оживлении яды вроде бы не применяются, но точно это не известно, так как ритуал изучен недостаточно.

ПРИЗРАКИ НОЧИ

Не менее таинственны и рецепты многочисленных ядов ниндзя, которые создавались и совершенствовались на протяжении веков. Отравление врага вошло составляющей в ниндзюцу – искусство ниндзя. По некоторым данным, количество разнообразных ядов достигает 300 видов. Все они различаются по симптоматике, а общая их черта одна – они были созданы на основе природных веществ.

Описания ядов ниндзя встречаются очень редко. И это понятно. Если для овладения боевыми приемами нападения и обороны нужны годы безжалостных тренировок, то зная рецептуру яда, его может использовать и дилетант.

Остановимся на нескольких известных описаниях случаев применения яда ниндзя. Как говорят свидетели (все ниндзя молчат), в большинстве случаев пить некоторые виды ядов можно без особого вреда для организма. А для того, чтоб он убивал, делают быстросохнущий состав. Им намазывают сякэн – тонкую металлическую пластину в форме звездочки. Она является составной частью оружия ниндзя – сюрикэна. Маленькие пластинки легко скрываются в одежде, и отравить врага можно как вблизи, так и на расстоянии.

Известно название одного из ядов – доку. Это невероятно сильный яд растительного происхождения. Добывают его из пестиков хризантем. Результатом отравления доку является сердечный приступ и смерть от остановки сердца. Определить наличие этого яда в организме невозможно.

Легенды ходят и о «плевке дьявола». Для отравления им ниндзя используют маленькую трубочку и иголку. Стоит яду, нанесенному на кончик иглы, попасть на ранку или даже на кожу, как наступает паралич нервной системы и человек умирает без видимых причин. Известен также яд, после отравления которым жертва медленно угасает в течение нескольких недель.

Используется ли древнее искусство разработанных ниндзя отравлений в наши дни – это покрыто мраком тайны.

Не менее изощренно и таинственно, нежели ниндзя, действовала в Индии секта тугов-душителей, поклонявшихся богине Кали. Эта секта делилась на три части – собственно душителей, пользовавшихся веревочной удавкой; тутов, предпочитавших убивать свои жертвы ударом кинжала в голову и выбрасывать трупы в колодец, и, наконец, тутов-отравителей. Последние пользовались ядом хуккой, а в случае надобности, когда яд действовал не полностью, отравленных добивали

копьем.

ЗМЕИНАЯ СЕМЕЙКА

Змеи, с их арсеналом ядов, издавна привлекают любителей сделать гадость своему ближнему. Особенно легко сотворить подобное в джунглях, где змей – пруд пруди.

Остров Новая Гвинея представляет собой страну, где в изобилии водятся змеи. Не так давно колдуны из местных племен пользовались этими пресмыкающимися как смертоносным оружием против своих врагов. Как не раз свидетельствовали в начале XX века миссионеры, на совести этих колдунов лежит не одно убийство, совершенное ими при помощи змей. Какими способами колдуны ловили ядовитых гадов, дрессировали их и превращали в убийственное оружие, об этом было известно очень мало, потому что заинтересованные лица старались сохранить это в тайне. Тем не менее удавалось кое-что разузнать и на основании добытых сведений утверждать, что приманка для змеи состояла из измельченных метеоритов, к осколкам которых примешивали сок некоторых растений.

Узнав о падении метеорита, колдуны не мешкая разыскивали его. Метеорит клали рядом с каким-то другим неизвестным камнем, который, по-видимому, вбирал часть смертельной силы первого. Затем они размельчали оба эти камня в порошок, приобретавший запах, не ощутимый для человека, но привлекавший змей, которые приползали со всех сторон и лежали, словно очарованные, около приманки. Ловцы хватали их за голову при помощи маленьких деревянных рогатин и сажали в горшок из обожженной глины, где и держали, пока они не понадобятся. С приходом цивилизации умелых колдунов почти не стало, а змей заменили более грубые, но не менее эффективные способы расправы с врагами.

Змеи как особый вид оружия использовались на протяжении столетий. Один из греческих мифов рассказывает: когда вновь основанный город Бизант (будущая Византия) осадили скифы во главе с царем Одрисом, то женщины, которых вдохновляла Фидалея, жена основателя города, спасли его, забросав лагерь осаждавшего город неприятеля ядовитыми змеями. В античных рукописях не раз описывалось, как во время осады в крепость забрасывали горшки со змеями. Змеи как оружие сохранились даже в средневековой Европе. В 1191 году корабль английского короля Ричарда Львиное Сердце, направляясь в крестовый поход, шел спокойно по Средиземному морю, но вдруг встретил сицилийский дромон («бегун» – скоростной стовесельный корабль), с которым вступил в бой. Однако бой окончился

неудачей для англичан, так как дромон был вооружен греческим огнем и двумястами большими ядовитыми змеями.

Издавна змеи вызывали страх; однако их нередко обожествляли. В Персии, как и в Вавилоне, считалось, что змеи предвещают несчастье: когда Кир решил завоевать государство мидян, околицы медянской столицы Сард заполонили змеи. В Древнем Египте врагом великого бога Ра был Апоп, огромный змей. Ра в борьбе помогал Геб, древнеегипетский бог земли, он охранял живых и мертвых от змей. Но он не помог, когда богиня Исида создала и наслала на Ра ядовитую змею. Ужаленный бог просил затем Исиду об исцелении. Но была у Ра и хранительница Уто, огнедышащая змея. Она охраняла и фараонов. Ее изображение в виде урея, извергающего яд, укреплялось на лбу правителя Египта. И в целом для египтян змея была символом мудрости. За порядком на полях египетских крестьян следила богиня Рененутет в образе змеи.

В Древнем Риме появление змеи в доме считалось предвестием смерти. Падение древнеримского царя Тарквиния Гордого было предсказано знамением: из деревянной колонны выползла змея. Длинное скользящее тело, немигающий, «змеиный», взгляд, ядовитость некоторых из них с давних времен были поводом для сказок и суеверий. В Древнем Риме змей использовали и как орудие казни. Соратника Тиберия Гракха после поражения в борьбе за реформы в 133 году до н. э., Гая Виллия, кинули в бочку, наполненную ядовитыми змеями и гадюками. В италийской же мифологии змеиным обликом было наделено божество Ангития, к которому обращались для исцеления от змеиных укусов.

А вот в более ранние времена, у античных греков, змея была символом постоянно возрождающейся жизненной силы и потому стала священным животным, посвященным богу врачевания Асклепию. До сих пор на медицинских эмблемах змея обвивает чашу. Змея была священным животным древних Афин. Легенды рассказывают, что великий полководец Александр родился от змея, в облике которого к его матери Олимпиаде являлся Зевс. Царь Филипп застал Олимпиаду, возлежащую со змеем, после чего любовь его ослабла и он стал редко проводить с ней ночи. Возможно, рождение этой легенды было связано с тем, что Олимпиада принимала участие в оргиях в честь бога Диониса и на праздничные процессии брала с собой больших прирученных змей, которые выползали из корзинок и обвивали женщин, нагоняя ужас на мужчин.

Но в христианские времена отношение к змее стало иным. «Змей был хитрее всех зверей полевых, которых создал Господь

Бог». Даже еретики-альбигойцы, исповедовавшие мирное сосуществование со всем живым, не распространяли на змей запрета умерщвлять живые существа. Ни одно колдовское снадобье Средневековья не могло обойтись без змеиного компонента. Змеям приписывали умение гипнотизировать свои жертвы, которым они в действительности не обладают. Во П-Ш веках вышла книга «Физиолог», которая давала самое «правдивое» описание змеи: «Когда идет к реке пить воду, не берет яда своего с собою, а изливает в пещере; когда видит голого человека, то страшится, а если видит одетым, нападает на него». Ученые-медики Средневековья считали, что мертвое человеческое тело, когда «заживающие жидкости вокруг спинного мозга сольются и загустеют, порождает змея». В средневековом «Бестиарии» описаны змеи сенс и усенса: яд первого проникает в кости отравленного, а яд второй действует столь мгновенно, что лицо жертвы не успевает исказиться. Также рассказывалось о змее семфисбене с двумя головами – впереди и сзади. По ночам запуганные французские крестьяне накрепко закрывали окна, чтобы к ним не влетели кодриллы – таинственные и опасные для человека летающие змеи.

В Библии упоминается «медный змей», сделанный Моисеем в пустыне для защиты еврейского народа от «ядовитых змеев», которые были насланы на него за малодушие и ропот во время скитаний по пустыне. После того как от их укусов умерло множество людей, еврейский народ обратился к Моисею с покаянной просьбой помолиться Яхве о спасении от них. Моисей по указанию Бога сделал «медного змея и выставил его на знамя, и когда змей жалил человека, он, взглянув на медного змея, оставался жив» (Числа 21:9).

В былинах Киевской Руси рассказывается, как основатель города Киева князь Кий победил змея, впряг его в плуг и вспахал землю, создав оборонительные Змиевы валы. Упоминается в истории и о том, как на тридцать третьем году своего правления погибает от предсказанной смерти, вызванной укусом змеи, легендарный древнерусский князь Олег. Он узнает, что четыре года уже мертв конь, который должен был принести ему смерть, и, насмехаясь над предсказанием, хочет видеть конские кости: Олег наступает на череп, из черепа выползает змея и жалит его в ногу. В старорусской мифологии существовал заговор от укуса змеи: «Господь, Царь Небесный, услышь, Господи, молитву мою и моление мое, раба Божия (имярек), от черной змеи или от пестрой змеи проклятой: проклятая, лютая змея, людоедицы змея, чтоб тебе, проклятой, сквозь землю пройти, а тебе, рабу Божию (имярек), по белу свету ходить. Аминь». А у литовцев укушенный

ядовитой змеей тут же обращался за помощью к богине земли Жемине.

Символом нелюбви людей к ядовитым змеям стал василиск, описанный Плинием Старшим. Исходным материалом для создания мифического животного послужили совершенно реальные египетская кобра и рогатая гадюка. Василиск наделялся сверхъестественной способностью убивать не только ядом, но и взглядом, и дыханием, от которого сохла трава и растрескивались скалы. Можно было спастись от василиска, показав ему зеркало: змей погибал от собственного отражения; смертельным для василиска считался также взгляд или крик петуха (это было связано с преданием о том, что василиск рождается из яйца, снесенного петухом, которое затем высиживает жаба). Василиск имел также гребень в виде диадемы, откуда его название – «царь змей». В произведениях Плиния Старшего описан случай, когда воин, проткнувший василиска длинным копьем, пал с коня мертвым – яд вошел в его тело через древко копья. В трудах Лукиана сказано, что однажды ратник, разрубивший василиска мечом, спасся – он немедленно отсек себе руку, державшую меч.

Однако еще в древности медицина не могла обойтись без змеиного яда. Змеиный яд мог нести и смерть, и исцеление. Древнеиндийское божество Рудра насылал смерть через яд, но он же мог дать и лекарства, дарующие долгую жизнь, его называли целителем и лучшим из врачей. Из-за этих свойств змеиного яда к самим пресмыкающимся люди питали не только ужас, но и почтение. Недаром одна из змей получила название по имени древнегреческого бога врачевания – Асклепия (Эскулапа). Эта змея и теперь называется эскулаповой, и именно ее изображение стало частью эмблемы медицины. У некоторых народов змеи почитались мудрейшими существами на земле, но их считали самыми коварными – вспомним, кто предложил яблоко Еве.

На Востоке отношения к змеям неоднозначное. В Казахстане вспоминают Коркута, первого казахского шамана, который умер от укуса ядовитой змеи. А в корейской мифологии существует Куроньи – большая змея, приносящая богатство и долголетие в дом. В армянской мифологии на вершине горы Арарат (Мани) находится пристанище царя змей с драгоценным камнем на голове. Раз в семь лет все змеи Армении являются на поклон к царю, и в это время к горе лучше не подходить. Нар-джхеу, герой абхазского эпоса, попадает в гости к коварным богатырям-нартам, которые хотят его отравить. Для этого они опустили в вино мелко нарубленную красную змею. Но Нарджхеу процедил вино сквозь свои стальные усы и остался жив, а старший из нартов, попробовавший вина, умер. В Африке у народов, говорящих на

суахили, существует пословица – «Укушенный змеей пугается, увидев травинку». И это верно. А у народов банту объяснение вражды между человеком и змеей очень простое. Когда главный бог Имана создавал мир, то он по ошибке принял змею за человека и даровал ей бессмертие, но когда он понял свою оплошность, то велел людям убивать змей.

Сейчас из яда змей – гюрзы, гадюк, кобры, щитомордника – изготовляют различные препараты: сыворотки для лечения от змеиных укусов и лекарства, которые в ряде случаев трудно или невозможно заменить – вирпалгин, випратокс, випросал, випраксин (от «випера» – гадюка) и др.

В 1971 году в индийском журнале «Дхармаюг» появилась заметка, в которой говорилось о странных взаимоотношениях змеи и человека: «До сих пор было известно, что от укуса ядовитой змеи человек умирает. Однако в деревне Джетаран, что в 68 милях от города Джодхпура, случилось как раз обратное. Одного пятидесятилетнего крестьянина ужалила змея – кабри кумария – и… тут же подохла в страшных конвульсиях. Крестьянин говорит, что это уже второй случай в его жизни. Первый раз его ужалила ядовитая змея бичхуна, которая тоже погибла таким же образом».

В Индии проводится традиционный праздник, посвященный кобре. Раз в году в город Ширала на реке Кришна со всей страны съезжаются люди, и каждый в особом ящичке везет только что отловленную «королеву змей». Кобра считается доброй змеей – индийцы верят, что она никогда не нападет первой на человека. Когда праздник кобры в Ширале заканчивается, змей выпускают на волю. Через год по обычаю на праздник кобры следует привезти новый экземпляр найа-найа – «доброй змеи». Если все же «добрая змея» укусит, то индийцы обращаются с молитвами к богине Манасе, дочери Шивы, которая способна излечивать от змеиных укусов. В Индии также существует специальная стихотворная молитва, обращенная к кобре:

О, укрой меня под капюшоном,
И не дай душе изведать страх,
И тревогу усмири скорее,
Что стучит в испуганных сердцах.

У индуистов и буддистов вообще особое отношение к змеям. Это связано с верованиями, в которых змея является положительным персонажем. Вот лишь один пример. Во время второго прибытия Будды на Цейлон дикие племена яктасов спрятались в джунглях. Но вместо людей навстречу

Просветленному выползла целая армия змей. Две главные змеи – королевские кобры – подползли к Будде, держа во рту листья бетеля, сложенные по два. Будда принял приношение и благословил змей. В 1968 году нашествие ядовитых змей едва не сорвало храмовый праздник в бирманском городе Нангмасре. Ядовитых змей находили повсюду, но паломники отказывались истреблять пресмыкающихся. Городским властям пришлось обратиться к мусульманам, которые не имели религиозных запретов на уничтожение рептилий.

Единственное, что следует добавить, так это то, что не во всех районах Индии наблюдается столь благостная картина сосуществования змей и человека. Во многих местах змей, и особенно кобр, боятся и ненавидят. Кобры считаются злобными и злопамятными, готовыми отомстить обидчику смертельным укусом даже через несколько месяцев после случившегося. Там, где змеи доставляют неприятности, индусы от них оберегаются высаживанием возле домов раувольфии змеиной, отпугивающей запахом пресмыкающихся. Кстати, в пятом круге древнеиндийского ада «нараки» грешников терзают именно змеи, а также ядовитые насекомые, символизирующие укоры совести.

Отряд змей, насчитывающий около 2500 видов, изучен достаточно хорошо. Однако лишь недавно ученым удалось установить самого ядовитого из его представителей. Это *Parademanisa microlepidotus* – коричневая змея с темной головой, достигающая в длину шести футов. Место ее обитания – пустынные районы Центральной Австралии. Она известна науке с 1879 года, но только столетие спустя в Мельбурнский университет поступил первый живой экземпляр этой змеи. Как показали опыты, ее яд в 20 раз сильнее яда кобры и в 300 раз – гремучей змеи. В среднем за один раз она дает около 44 миллиграммов, рекорд же составил ПО миллиграммов. К счастью, ученым удалось изготовить и сыворотку против укусов самого ядовитого пресмыкающегося. В Африке же наиболее ядовитая змея является и наиболее красивой. Живущей в центральных районах Африки змее природа подарила великолепную черно-красную окраску. Ядовитые африканские змеи хорошо известны местному населению и могут отпугнуть любого преступника, поэтому, например в Мбабане (Свазиленд), существует контора по сдаче змей напрокат – как ночных сторожей офисов и магазинов.

Степень ядовитости у всех змей разнится. Например, средним количеством яда гремучей змеи можно убить 24 собаки, или 60 лошадей, или 800 крыс, или 2000 морских свинок, или 300 000 голубей, но от ее укуса погибает всего лишь 3 % укушенных людей, и то больше от страха. Во времена освоения Дикого

Запада голодные переселенцы, лишенные пищи в полупустыне прерий, спасались именно мясом гремучих змей. Их называли «угрями прерий». Мясо гремучей змеи, по утверждениям знатоков, напоминает по вкусу телятину. И в наши дни мясо змеи продается в американских супермаркетах – на любителя – в консервах, под соусом или в виде супа. В свое время Бенджамин Франклин вообще предлагал ввести гремучую змею в герб США – как змею-джентльмена, предупреждающую о своем нападении.

Но природа разнообразна, и в той же Австралии водится еще одна змея, претендующая на титул самой ядовитой. Это змея, живущая в море, тайпан, или *Oxyuranus microlepidotus.* Хотя ее яд слабее, чем у некоторых других морских змей (морских ядовитых змей известно 50 видов – это ластохвост, пеламида и др.; от их укуса у человека наблюдается паралич конечностей, туловища, шейных мышц), зато при укусе тайпан выделяет его столько, что этим количеством можно убить 100 взрослых людей. Тайпан имеет окраску зеленого цвета и составляет в длину около двух метров, так что любой трезвый человек может избежать встречи с этой ядовитой рептилией. Сам укус морской змеи безболезненный, но порой может пройти несколько мучительных суток агонии (хотя в основном действие яда морских змей проявляется в промежутке от 30 секунд до 1 часа), прежде чем при прогрессирующем параличе легких, наступает смерть. Недаром в мифологии полинезийцев морская змея выступает как Хикулео – хозяин потустороннего мира.

Однако на острове Увеа, что к востоку от Австралии, местные жители не бегут от морских змей, а наоборот, ищут встречи с ними. Аборигены ловят руками этих пресмыкающихся, которые ядовитее кобры, засовывают змеиные головы себе в рот и откусывают их. Из трепещущих обезглавленных змей потом варится вкусный суп. Возможно, подобный рецепт приготовления змеи имели и скандинавские викинги. В их сагах упоминается чудесная пища из змеиного яда, благодаря которой некий Хед побеждает светлого бога Бальдра.

А вот японцы коптят морских змей в несметном количестве. Морские змеи входят в состав азиатских рецептов приворотного зелья и лекарств. Например, в состав средства от острого нефрита входят сушеные змеи, ящерицы и сороконожки, смешанные с сахаром, живицей и медом. На японских островах Рюкю ежегодно специально отлавливают 130 морских змей. Отловленных рептилий варят, затем коптят. 20 змей оставляют островитянам, остальных, по одной, развозят на каждый остров Японского архипелага. Копченая морская змея – тончайший деликатес, но главное: поевшему мяса копченой змеи уже не страшен никакой

яд.

Поэтому теперь, чтобы встретить морскую змею, надо отправляться подальше от цивилизации. Только там можно попасть в царство этих страшных и ядовитых морских существ. В Малаккском проливе наблюдали «пояс» из змей шириной метра в три и длиной в 60 миль. Специалисты считают, что именно там, подальше от человека, собираются морские змеи на свои «змеиные свадьбы».

АРАХНОФОБИЯ

Со времен неолита у человека существует врожденный страх по отношению еще к одному насекомому – пауку. В мире насчитывается 35 тысяч всевозможных видов паукообразных, из них 20 тысяч пауков, но ядовитых – всего несколько десятков. Однако легенды об ужасной смерти, которая таится в жвалах пауков, существуют почти у всех народов, которые имели честь видеть блестящую паутину с замершим черным паучком посредине.

Старое название паука у англосаксов – эттеркоп, у датчан – эддеркоп; оба означают «ядовитая голова». «По старому английскому поверью, – читаем мы в примечании к «Зимней сказке» Шекспира, – пауки считались ядовитыми. В деле сэра Томаса Оверберга, деле, которое наделало много шуму в царствование короля Якова I, один из свидетелей обвинения сказал: “Графиня Сомерсетская просила меня, чтобы я достал яду самого сильного, а поэтому я купил для нее семь больших пауков"».

На Востоке в Древнем Китае пауков опекали целых два божества из многочисленного небесного пантеона. Первое – Чун Ван, князь насекомых. Он повелевал вредными насекомыми, гадами, земноводными и червями. Второе – Чжан Тяньши, даосский маг. Он занимался борьбой с ядоносами, то есть скорпионами, ядовитыми пауками, змеями и тому подобным. Ему подчинялись пять громов, убивавших эту нечисть.

Во многих рецептах отравителей Средневековья пауки числились как сильная отрава. С этим мнением были согласны и короли, и церковь. В 867 году войска Людовика Немецкого вторглись в Италию. Но в горах Калабрии их настигла неведомая болезнь, губившая солдат одного за другим. Что-то вроде буйного помешательства: судороги, похожие на пляску, и – смерть. Не помогали никакие известные на то время лекарства. И тогда решили, что во всем виноваты пауки. Так странно люди погибали от их укусов.

По всей Европе вскоре прокатилась эпидемия этой болезни, сопровождавшаяся мучительной изнурительной непроизвольной пляской. Назвали ее тарантизмом. Ученые подтвердили этот вывод, отыскав в старинных манускриптах мнение греков и римлян о ядовитых пауках, о тарантулах и апулийских тарантулах в особенности.

Так как лекарства против яда пауков не помогали, то больных лечили музыкой. Играли весело и быстро на скрипке, на

тамбурине и на гитаре. Больной, даже если он едва дышал, должен был встать и танцевать. Танцевать долго, сколько сил хватит или пока не умрет. Иные пляски продолжались по 36 часов подряд. Тарантолати (укушенный тарантулом), изнурив себя в пляске и изойдя потом, падал в изнеможении и засыпал крепким сном. А наутро был уже здоров, хотя и слаб. Через год нередко приступы тарантизма повторялись, и вновь родные бежали за музыкантами. Особенно полезной для здоровья считалась игра на скрипке священника, но чаще музыкотерапией занимались бродячие студенты. Со временем болезнь просто исчезла. Остался веселый танец тарантелла и зря оболганные тарантулы (их название произошло от города Таранты в Италии).

Уже в XVII веке начался процесс их реабилитации. В 1693 году итальянский врач Санкуинетти при свидетелях дал укусить себя двум тарантулам. Боли, как он уверял, не чувствовалось. Лишь на второй день укушенные места опухли и появились две маленькие язвочки. Сами тарантулы также имеют свою фобию. Если в норку к пауку попадет безобидная божья коровка, то хозяин не съедает ее, а старается вытолкнуть из своего дома. Это связано с тем, что божьи коровки вырабатывают яд кантаридин, опасный для птиц и насекомых. В старые времена люди божьими коровками лечили зубную боль – ее живьем запихивали в больной зуб или раздавленными жучками натирали десны. Лекари держали зимой божьих коровок в коробочках с отверстиями, с травой и землей, а гомеопаты делали вытяжку из 80 жучков в одной унции спирта. Из родичей божьих коровок – жуков-нарывников – в степи делали пластырь от кори, и он сохранял свои свойства даже спустя 40 лет после изготовления. Кантаридин имеет очень плотное строение молекулы, быстро кристаллизируется и плохо растворяется в воде, поэтому долго сохраняется. Так что не зря тарантулы боятся красненьких жучков в черную крапинку.

Большая часть ядовитых пауков живет в тропиках. В Европе водятся уже упомянутый тарантул и каракурт. Если с первым все ясно, то второй наводит ужас на людей и животных, хотя ядовитыми в семействе каракуртов являются лишь женские особи. Зато их яд в 15 раз сильнее, нежели яд гремучей змеи. После укуса каракурта через 10–15 минут появляется резкая боль в области живота, поясницы и груди, немеют ноги, начинается головокружение, головная боль, удушье, рвота. Укушенный испытывает сильное нервное возбуждение, страх смерти. Затем больной становится вялым, но ведет себя беспокойно, сильные боли лишают его сна. Выздоравливают после укуса через 2–3 недели, но слабость остается еще на месяц. Если не оказана

медицинская помощь, то через день-два после укуса наступает смерть.

А вот дрофа поедает каракуртов в таком количестве, что желудок птиц бывает просто набит ими. И все же, несмотря на наличие ядовитых видов пауков в Европе, народная мудрость предостерегает против убийства домашнего паука, считая это греховным делом, приносящим несчастье. А в Англии паучок-крестовичок к тому же и зовется «мани слайдер» – денежный паук, приносящий удачу в финансовых делах.

Родичи каракурта, похожие на него и видом, и образом жизни, и убийственной силой яда, живут и в Северной Америке – «черная вдова», в Южной – мико, на Мадагаскаре – меноведи (единственное животное, которого здесь боятся), в Австралии и Новой Зеландии – катино. Есть ядовитые пауки и в Африке, и в Азии. Яд паука по-разному воздействует на животных. Укус, гибельный для одних, практически никак не действует на других, причем это не всегда зависит от размера жертвы. Скажем, пауку «черная вдова» требуется в 160 раз больше яда, чтобы убить лягушку, чем куда более крупного цыпленка. Бывает, что из двух животных одного вида, укушенных одним пауком, одно погибает, а у другого нет даже никаких признаков отравления.

Существует два вида паучьего яда – нейротоксический (действует на весь организм, в частности на нервную систему) и гемолитический (вызывает некротическую реакцию, т. е. омертвение и разрушение кожи и глубоколежащих тканей в области укуса).

Нейротоксины присутствуют в большинстве паучьих ядов и воздействуют на нервную систему жертвы. Гемолитический яд южно-американского паука-скрипача воздействует на кровь и кожу человека, и на выздоровление после его укуса может потребоваться несколько месяцев. Там же, в Южной Америке, живет паук фонеутриа нигривентор, укус которого смертельно опасен даже для крупных млекопитающих. Но сразу жертва паука не умирает, яд парализует жертву на десятки дней. Анестезирующий токсин весьма своеобразно воздействует на нервную систему жертвы, превращая ее в «живые консервы». Не раз отмечалась гибель людей, укушенных некоторыми крупными тропическими пауками-птицеядами. На виноградниках в Перу живет паук, после укуса которого чувствуется резкая боль, затем появляется отек и в дальнейшем начинается разрушение тканей – настолько, что обнажаются кости; смерть наступает от инфекционного заражения. Паук-скакун размером 4–5 мм своим укусом может вызвать воспаление и сильнейшую боль, как от раскаленного железа, в моче появляется кровь, через несколько

часов наступает смерть.

Бушмены Калахари прекрасно осведомлены о токсичности паучьего яда и поэтому используют его, смешивая с соком луковиц амариллиса, для смазки острий своих стрел. А вот в Лаосе яда пауков не очень опасаются, они здесь уже давно – деликатес для гурманов. «У жареных пауков довольно приятный аромат, а напоминают они обыкновенные лесные орехи», – говорят не знающие арахнофобии лаосцы. В штате же Канзас (США), наоборот, закон запрещает употреблять в пищу тарантулов, скорпионов, сороконожек и ящериц. Каждому свое. И эту давнюю мудрость подтверждает чета Уэббс из Англии, в доме которой живут 80 тарантулов, а также скорпионы, змеи и гигантские многоножки. Мистер Уэббс с полной ответственностью заявляет, что его квартиранты «способны на теплые чувства и ответную любовь. Они не опасны и вовсе не мстительны».

В Бразилии, США и Мексике уже давно выпускают сыворотку против паучьих укусов. Слабым электротоком паука слегка парализуют, и тогда без особых хлопот берут у него яд. Яд впрыскивают лошади, из сыворотки ее крови готовят противоядие. А вот в Германии из яда каракурта получают лекарство против ревматизма. Единственное, что не нашло еще широкого применения, хотя попытки делались неоднократно на протяжении веков, – это паутина. Да, из нее производили чулки, перчатки и даже платье. Вещи получались красивыми, прочными и элегантными, но… очень дорогими и сложными в производстве. В Китае ткань из паутины называли «тканью восточного моря», полинезийцы употребляли паутину в качестве ниток для шитья и плетения рыболовных снастей. В начале XVIII века во Франции из паутины крестовиков были изготовлены перчатки и чулки, представленные в Академию наук и вызвавшие всеобщее восхищение. В 1899 году пытались от мадагаскарского паука получить ткань для покрытия дирижаблей; удалось даже изготовить образец ткани длиной 5 метров. Однако попытки акклиматизировать этих пауков *(nephila)* во Франции кончились неудачей. Главной проблемой в разведении пауков является их кормление. В наши дня паутина используется в оптике для изготовления визиров (перекрещивающихся нитей) и окуляров различных приборов. Кто смог наладить массовое производство вещей из паутины, так это папуасы острова Новая Гвинея. В одном из племен делают из паутины головные уборы, и шляпа служит хозяину всю его жизнь.

Ближайшие родственники пауков – скорпионы – тоже имеют плохую репутацию. Еще Плиний Старший описал первого

ужасного скорпиона с двумя хвостами, который жалит насмерть. Скорпионы фигурируют в древних мифах египтян и греков, в рецептах средневековых алхимиков как магический атрибут «превращения» свинца в золото, в астрологии – поскольку имя скорпиона носит одно из зодиакальных созвездий, у христиан упоминается как непременный компонент фауны преисподней. На самом деле укус скорпиона не так страшен, как вид самого насекомого, хотя в некоторых жарких странах отмечены смертельные случаи, особенно детей.

Относящиеся к семейству паукообразных сколопендры своим отталкивающим видом создали себе репутацию смертельно опасных насекомых. Но, скажем, укус сколопендры кольчатой, которая водится в Украине, похож на укус шершня, а опухоль на укушенном месте обычно сходит через двое суток. Но вот укус гигантской сколопендры, как считают, смертелен для человека. В народной песне негров с острова Тринидад говорится, что «самец сколопендры – плохо, самка сколопендры – хуже, чем плохо!» Однако в Бразилии провели опыты, и оказалось, что и этот вид сколопендр оболгали – их укус болезнен, но не смертелен. Ну, а в Таиланде и в Африке ужасных сколопендр просто-напросто едят.

Еще во времена Плиния пауков не только боялись, но и лечились ими. Стоит вспомнить о паутине, которая была обязательным средством для лечения открытых ран. Паука носили на шее в скорлупе ореха или в специальном мешочке для излечения от малярии и других болезней. Это средство практиковалось позднее и врачами Средневековой Европы. Если нет живого паука, то можно использовать и каменного, утверждали медики в XVII веке. Вырезанные из камня или на камне пауки были ходовым товаром у ювелиров и аптекарей. В конце концов больные дошли до того, что залепляли живого паука в хлеб и глотали его вместо пилюль.

О пауках сложено множество легенд, они герои сказок многих народов (западно-африканские народы имеют ряд сказок, например о пауке Ананке, с которым связывают восход солнца). Пауки – божественные герои многих мифов. Так, у индейцев хопи есть миф про Кокнянгвути – паучиху, олицетворяющую мудрость и силы созидания. Пауки предсказывают погоду, паутину пытаются использовать для прядения.

Но, несмотря на все положительное, человек все равно испытывает страх и желание тут же уничтожить маленькое восьминогое насекомое, как только оно появится поблизости. По данным опроса, проведенного в 2004 году, жители Британских островов боятся пауков больше, чем даже вездесущих террористов. Арахнофобия!

ЯД ДЖУНГЛЕЙ

В центральном Перу, на восточных склонах Анд, проживают индейцы племени кампа. Они очень любят рыбу, но ловить ее удочкой не желают – долго и нудно. Кампа просто травят рыбу в реках. Во время этого процесса они опрокидывают в воду пироги, наполненные растительными ядами. Индейцы растирают корень барбаско, смешивают его с глиной и водой, а затем спускают в реку. Барбаско парализует жабры рыб, отчего те задыхаются и всплывают, а на поверхности их ждут индейские стрелы. Для людей этот растительный яд безвреден. Глина в смеси используется для того, чтобы она достигала дна реки и рыбе некуда было податься.

Там же, на территории Перу, на берегах речки Пастаса, живет индейское племя хибаро. Ядовитые вещества обычны в их быту и являются средством для выживания в диких джунглях. Ядовитые существа встречаются в этом районе не только на земле, но и в воздухе. Индейцы избегают, например, небольших бабочек, которые называются «летающей крапивой». Если бабочка заденет своим крылом человека, то он тотчас же почувствует ожог и на коже у него появятся красные пятна.

Рыбу хибаро ловят с помощью кахали – растения, которое отравляет воду и оглушает или убивает рыбу. Сперва индейцы перегораживают узкое место речки бамбуковыми циновками. Затем поднимаются вверх по течению, где погружают в заводь большую корзину с листьями и ветками кахали, раскрошенными и измочаленными камнями. Корзину окунают снова и снова, «вымывая» ядовитый сок. Проходит минут пятнадцать-двадцать, и рыба начинает всплывать, правда, не очень крупная. Какие-то рыбешки еще шевелятся, другие лежат кверху брюхом. Хибаро заходят в воду и начинают выбрасывать рыбу на берег.

Хибаро, как и многие другие племена Амазонии, например ваурани, смазывают наконечники стрел ядом кураре, который приготовляется из некоторых видов лиан. Процедура приготовления этого яда очень длительная и сложная. Индейцы ксикрины смазывают острия своих стрел раствором растертой в порошок коры с дерева кураре и воды. Долгое время считалось, что индейцы смазывают наконечники стрел слюной любимых жен, но впоследствии выяснилось, что женщины ни при чем. После долгих исследований ученые все же точно установили, что яд индейцев – это кураре, который добывают из растений семейства хондродендронов. По внешнему виду кураре – это комочки серовато-бурого цвета или темная блестящая масса. Яд

получают длительным и трудоемким способом, соблюдая при этом ряд церемоний. Различают три вида кураре по способу его сохранения – трубочный (в бамбуковых стволах), тыквенный (в высушенных тыквах) и горшечный (в глиняных горшках). Кураре содержится в растениях рода стрихнос. Среди этих растений есть деревья, кустарники и лианы с усиками (например строфант, растущий и в Африке, и в Азии). Всего к этому роду относится от 150 до 200 видов тропических растений. Яд, близкий к кураре, можно добыть и из морских растений актиний. Актиния во время охоты на мелкую морскую живность выстреливает длинные нити-иконции с «отравленными» стрелами на конце. Схожий с кураре яд тут же парализует добычу.

В 30-40-е годы XX века кураре ценился очень дорого. Как известно, яд кураре нашел применение в европейской медицине; его употребляют для наркоза и как средство, расслабляющее мышцы, что особенно важно при хирургических операциях. Один бизнесмен из Кито, столицы Эквадора, даже продал свой дом и все деньги вложил в «ядовитый бизнес». И… разорился! Вернувшись из шестимесячной экспедиции по Амазонии с большими запасами кураре, он узнал, что его товар не пользуется спросом. Как раз в то время научились делать синтетический кураре, который обходился несравненно дешевле. Из кураре выделены алкалоид тубокурария и родственные по строению яды.

Когда во время охоты индейская стрела, смоченная в кураре, попадает в мелкую птицу, та погибает мгновенно, птица покрупнее – через минуту-две. Это происходит из-за влияния яда на грудные мышцы, которые перестают работать, и жертва задыхается. Обезьяна, пораженная такой стрелой, способна протянуть от силы пять-шесть минут. Матерого зверя – кабана или медведя – одной стрелой не убьешь, нужно несколько. Для охоты с духовой трубкой на обезьян стрелы изготовляют специально. На колчане охотника обычно висит челюсть пираньи, неказистой на вид, но известной во всей Амазонии хищной рыбы. Этим инструментом индейцы делают насечку рядом с наконечником стрелы. Стрелы для духовой трубки тонкие, как спичка, а в качестве пыжа на них надевают нечто похожее на вату, которую добывают из ягод пальмы капок. Раненая обезьяна пытается выдернуть стрелу, но из-за насечки отравленный наконечник обламывается и остается в теле.

Племя кофана в Эквадоре тоже традиционно использует кураре. Яд для племени делает колдун. Изготовление кураре окутано тайной. Далеко в джунглях, в потайном месте, есть хижина, где колдун несколько дней варит в глиняных сосудах экстракт плода *ocotea venenosa.* До 70-х годов XX века кофанский

вид кураре не был известен исследователям. Колдун по потребности делает яд разной концентрации, которая измеряется числом прыжков обезьяны после попадания стрелы: кураре одного прыжка, двух, четырех. Не все амазонские племена знают, как делать стойкий и длительно сохраняющийся яд кураре, поэтому кофанский яд для стрел и в наши дни – ценная валюта в меновой торговле индейских племен.

Кроме кураре, индейцы добывают слабо действующий яд для лечебных целей из тропических муравьев. Эти насекомые используют против врагов смесь из цитронеллаля и цитроля (в соотношении 9:1). Получаемое из этой смеси вещество убивает возбудителей холеры, тифа и туберкулеза, парализует мелких животных и безвредно для человека. Яд тропических муравьев выбрасывается насекомыми на расстояние полуметра, т. е. на расстояние, в 500 раз превышающее длину тела муравья. Подобный яд из муравьев, но более эффективный, делают и африканские пигмеи, у которых побывал путешественник Генри Стэнли: «Этот яд делают из сушеных красных муравьев… Один из моих людей, раненный в руку и грудь, как бы тонкой иголкой, умер в течение минуты; другой – старшина – промучился час с четвертью». Яд, приготовленный пигмеями Конго из красных муравьев, один из самых сильных. Одной стрелы достаточно, чтобы свалить слона.

Муравьиный яд используют и при различных церемониях. Племя индейцев моэс на реке Мадейра в Бразилии ежегодно проводит церемонию посвящения юношей в женихи путем небезопасного испытания. Перед началом церемонии растирают и смешивают с водой корень дерева тимбо. Полученное вещество действует как обезболивающее. Этим раствором обливают двухметровый муравейник. Когда огромные рыжие муравьи тукандейра, живущие в нем, засыпают, делают в стене муравейника дыру, набирают полную корзину 2-3-сантиметровых муравьев, затем кладут их в рукавицу, изготовленную из соломы и сухих листьев. Испытание юношей начинается в полнолуние. Участвующему в церемонии жениху шаман надевает рукавицу. Испытуемый протягивает руку над костром, от тепла действие снадобья проходит и разъяренные муравьи просыпаются. Они начинают кусать руку, а юноша в это время спокойно рассказывает о своих героических подвигах. После окончания испытания рука от муравьиного яда распухает до размеров арбуза. Но самое главное – прошел испытание будущий жених или нет – решает шаман. И если он говорит «нет», то на следующий год испытание повторяется.

Для наконечников копий некоторые амазонские племена

используют шип речного ската. Скат водится в бассейне Амазонки на песчаных и илистых отмелях. Хвостовой шип снабжен ядовитыми железами и при уколе вызывает очень сильное отравление, которое может привести к параличу конечностей у человека.

Также у аборигенов тропической Африки и Азии имеется растение чилибуха (невысокое дерево до 15 м), в семенах которого содержится стрихнин (от греч. «стрихнос» – рвотный орешек) и бруцин. В основном из чилибухи добывается стрихнин и используется на охоте. Его водный настой имеет темно-синюю окраску. Стрихнин вызывает сокращение гладкой мускулатуры стенок желудка и кишечника, чем и вызывает рвоту, отраженную в названии. На островах Индонезии водится птица калао, и особенностью ее является то, что в пищу она в основном употребляет плоды именно чилибухи. Секрет ее неуязвимости от стрихнина в том, что калао переваривает только безвредную мякоть плода и извергает ядро, содержащее яд. Голландские мореплаватели, первыми прибывшие на эти острова, не разобравшись, посчитали калао невосприимчивой к ядам и отвезли эту птицу в Европу как диковинку.

Духовые трубки не применяют против людей. Их также не применяют против змей, стервятников, сов и носух. Некоторых из перечисленных животных считают несъедобными, другие – «бесы»: они работают на шаманов, когда те насылают свои «магические стрелы» на врага. Если использовать кураре против них, яд, как считают индейцы, утратит свою силу. Раньше в столкновениях между племенами индейцы вместо кураре использовали боевой отравляющий газ. Для его получения сжигали красный перец и полученными едкими клубами выкуривали врагов. Следует отметить и такой психологический фактор: жители джунглей, искушенные в составлении тончайших ядов, живут в постоянном страхе отравления. Многие знания приносят и многие печали.

Органический яд, схожий с кураре, используется в наши дни не только в джунглях. Охранные системы биолабораторий для предотвращения побега подопытных животных оснащены датчиками с отравленными стрелками, которые парализуют беглеца. Датчанин Ван Флигер вместо гарпунной пушки охотится на китов с луком и стрелами. Каждая стрела оканчивается иглой с дозой яда. Когда стрела попадает в кита, находящийся в ее стержне небольшой капсюль взрывается и посылает иглу в глубь китовой туши. Доза органического яда безопасна для людей и мясо безвредно для потребителя.

Во время путешествий в Южную Африку путешественник и

миссионер Давид Ливингстон в 1859 году был свидетелем того, как африканцы смазывали свои стрелы и заграждения для охоты экстрактом из растения комба. Оно относится к семейству строфантов и, как выяснили путешественники, негативно влияет на сердце. Много лет спустя из комбы был выделен ядовитый гликозид, получивший название строфантина, в большой дозе останавливающий работу сердца в стадии сокращения.

Бушмены, живущие в пустыне Калахари, используют на охоте яд, приготовленный из сока ягод, кореньев, из личинок жуков, из змей, пауков и скорпионов. Один из самых эффективных ядов бушмены готовят из внутренностей ядовитой гусеницы; полученная отрава по действию напоминает змеиный яд. Некоторые африканские племена делают ядовитые смеси растительных и животных ядов. Мощным ядом служит млечный сок растения из семейства молочайных, смешанный с ядом змеи, черного паука или ядовитого жука.

На островах Индонезии аборигены добывали яд для стрел из дерева семейства тутовых: унас-дерева, или анчара. В млечном соке последнего находится яд антиарин. Приготовленный из сока яд индонезийцы называют ант-яр и из убитого отравленной стрелой животного вырезают ту часть, куда она попала. Даже в XIX веке анчар был пугалом для ученых Европы: «Дерево растет в пустынных местах на расстоянии не менее 10–12 миль от прочих деревьев. Осужденным на смерть преступникам обещали пощаду, если они подойдут к дереву и принесут его яд (млечный сок вытекает, когда снимают с дерева кору)… Они подходили к дереву, вооружившись длинной палкой из бамбука, чтобы рассечь кору с наветренной стороны… из 20 преступников только двое вернулись живыми… Окрестность была покрыта костями их предшественников, и сила яда была так велика, что в водах не было рыб и кругом не было видно живых существ… Когда птицы залетали близко к дереву, его испарения достигали их, и они мертвыми падали на землю». Такое мрачное описание давал «Английский ботанический словарь». Что-то подобное, наверное, читал и А. С. Пушкин, иначе не написал бы стихотворение «Анчар». А голландские солдаты из колониальных войск на Яве просто впадали в панику при упоминании ядовитого дерева. Они считали, что достаточно одной ветки анчара, чтобы вымер целый полевой лагерь. Все эти преувеличения связаны с тем, что анчар растет на острове Ява, кстати, откуда и пошли эти легенды, в долинах с сильной вулканической деятельностью, и испарения вулканов часто приводят к гибели всего живого.

На индонезийском архипелаге Ментавай, где нет анчара, местные охотники используют яд омае. Его рецепт прост – берут

по одной части коры и листьев дерева кураре, острого, почти ядовитого перца, листьев дерева батлой и корней дерева туба, и яд, смертельный для всего живого, готов к употреблению.

В Китае и Японии растет родственник анчара – лаковое дерево из семейства сумаховых. В мае во время его цветения опасно даже находиться поблизости. При прикосновении к его коре на теле появляются волдыри, начинается сильный зуд. Заболевание кожи напоминает оспу и носит название «лаковой болезни». Неприятные ощущения сохраняются от двух недель и более. Но как и всегда, у темной стороны яда есть и светлая. Китайцы использовали сок лакового дерева в лечебных целях еще за 3000 лет до н. э. Также в Китае и Японии из ядовитого сока получают очень красивый и стойкий лак, почему дерево и носит такое название. Само дерево сумах вырастает до 12 м высотой. Кроме лакового дерева, известен сумах дубильный, а из плодов сумаха сочного получают воск.

ЛЯГУШКИ-ОТРАВИТЕЛЬНИЦЫ

В Коста-Рике индейцы добывают не менее смертоносный яд, чем кураре, но значительно легче. Там водится маленькая красненькая лягушка – одно из самых смертоносных существ на земле. Относится она к семейству дендробанист, а семейство это известно тем, что его представители выделяют через кожу токсичные вещества, по сравнению с которыми яд кобры или, скажем, скорпиона – «детские штучки». Индейцы, прекрасно осведомленные о свойствах лягушки, ловили и утилизировали ее. Они поджаривали земноводных на костре, при этом железы лягушки выделяли яд в большом количестве. Затем в смертоносную жидкость опускали наконечники стрел. А далее отравленные стрелы свистели в джунглях. Используется для отравления стрел и яд южно-американской жабы ага. Яд у этих жаб содержится в крупных околоушных ядовитых железах-паротидах позади глаз.

Подобная лягушка была обнаружена и в Колумбии. Известная исследовательница колумбийских джунглей Марта Латам приобрела у индейцев 50 лягушек кокоа и отправила их в Национальный институт здравоохранения США. Эти земноводные размером в полтора дюйма и весом всего в один грамм были известны зоологам под названием *Phyllobates latinasus.* Индейцы чоло утверждали, что кокоа очень ядовиты и даже простое прикосновение к ним влечет за собой неминуемую смерть. О своей смертоносности лягушки предупреждают двумя ярко-золотистыми полосами на черной спинке.

Экземпляры, пойманные Латам, были первыми кокоа, попавшими в руки ученых за пределами Колумбии. Правда, при доставке уцелело лишь семь особей, из которых шесть умерло на следующий день в институте. Но последняя особь, хотя и находилась в плачевном состоянии, успела потрясти научный мир. Выделяемый ее кожей яд в десять раз сильнее яда японской рыбы-собаки *Sphéroïdes,* до последнего времени считавшегося самым смертоносным веществом в мире. По своему действию он сходен с кураре, вызывает паралич дыхательных мышц, а затем неизбежную смерть. Яд кокоа назвали батрахотоксином – «лягушачьим ядом». Батрахотоксин – стероидный алкалоид, содержится не только в яде кокоа, но и у всего вида короткоголовых лягушек. Яд действует, в основном, на сердце и нервную систему.

Колумбийские индейцы добывали яд так же, как и их костариканские собратья. Они насаживают кокоа на палку, подносят к

огню и трут кончики стрел о ее спину. Яда одной лягушки хватает на пятьдесят стрел, причем они остаются смертоносными целых пятнадцать лет.

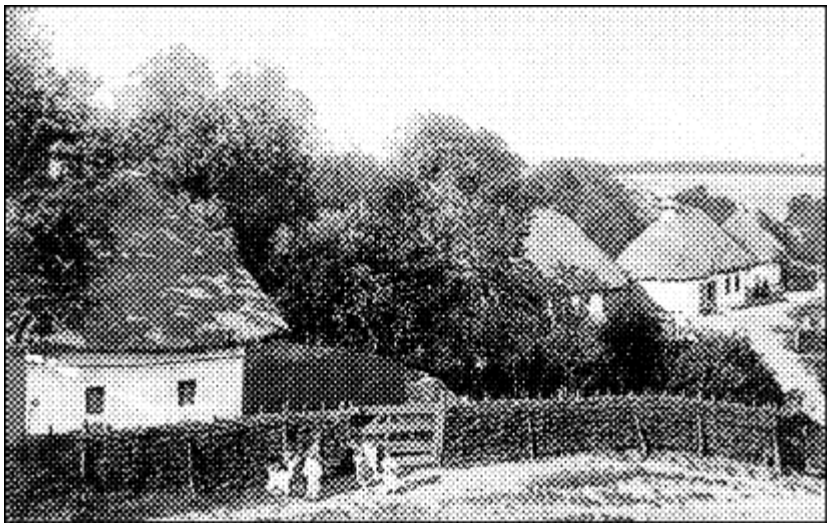
Яд лягушки хорошо растворяется в спирте, при этом не теряя своих свойств. По заданию института Латам обработала 2400 кокоа, снимая со спины кусочки кожи и растворяя их в спирте. Из спиртового раствора яда в лаборатории Национального института здравоохранения было получено 30 миллиграммов кристаллического батрахотоксина, которых достаточно, чтобы убить 3 миллиона мышей. Но ученым этот яд нужен не для избавления от грызунов, а для получения лекарств, регулирующих сердечную деятельность человека.

На далеком севере, где ядовитые лягушки не водятся, чукчи и эвенки лягушек, однако, знают. Здесь лягушка выступает в роли божества. Большая лягушка Баха в мифах северных народов достала землю из воды, укрепила ее и с тех пор поддерживает среди водного пространства. Тропическая лягушка есть и во вьетнамских мифах. Вьетнамцы зовут ее Каук и поклоняются ей, как подательнице дождя.

В нашей местности лягушки ядовитые, или мифические, не водятся, но живет маленькая жерлянка. Она имеет предупреждающие красные пятна на брюшке. В случае опасности она покрывается белой пенистой жидкостью, от которой птицы падают в обморок. Но спешу успокоить – яд жерлянки для людей не опасен.

Мы можем быть спокойными, а вот австралийцы уже который год страдают от страшного нашествия лягушачьего племени. В 1935 году завезли в Австралию лягушку «буфо маринус», чтобы та помогла фермерам расправиться с жуками, поедающими сахарный тростник. Лягушка-спасительница была не простая, а гигантская: достигала в длину 30 сантиметров, а весила до двух килограммов. Прошло время, и «буфо» перестали поедать вредителей, а принялись за более калорийных полезных насекомых. Бороться с лягушкой-гигантом трудно: она способна «выстреливать» из заднего конца туловища струйку яда, который и человеку-то причинит крупные неприятности, а для кошек и собак просто смертелен. Бывшие «спасительницы» прожорливы и неразборчивы в еде – не брезгуют бумажными пакетами, картоном и даже… непотушенными окурками. К сожалению для австралийцев, живут «буфо» по 40 лет и плодятся с невероятной быстротой. Некоторые «умные» головы предлагали для борьбы с лягушками завести змей, но не смогли ответить на вопрос – а кого потом завозить для борьбы со змеями?

«ОЙ, НЕ ХОДЫ, ГРЫЦЮ, ТА Й НА ВЭЧОРНЫЦИ…»



Так поется в украинской песне, героиня которой в конце концов отравила непослушного Грыця. Яд и отравления хорошо известны в украинском народном фольклоре.

Одним из наиболее старинных поверий об отравлениях была вера в ядовитость пресмыкающихся. Следует заметить, что убеждение в ядовитости лягушек и жаб принадлежит к одним из наиболее распространенных предрассудков. Уже индийская медицина признавала укушение лягушки ядовитым, а в седьмой новелле четвертого дня «Декамерона» любовники погибают, отравленные ядом огромной жабы.

В украинских песнях вдова отравляет любовника жабами. В устных народных рассказах жаба и лягушка могут вредить человеку различными способами: например, впиваясь в тело человека, они наносят тяжелые, а иногда и смертельные раны.

Считалось, что ядовитая моча жаб провоцирует образование бородавок и рака. Особенно опасен яд жаб, принятый внутрь. Такое отравление может быть или случайным или умышленным. Например, плавает жаба в колодце и выпускает из себя яд, а человек зачерпнет воды, напьется и заболевает. Или человек, выпив по ошибке назначенное для другого употребления питье, содержащее жабий яд, распухает и умирает.

Чаще бывает умышленное отравление: разыскав особую, большую, мохнатую жабу, живущую в болотной кочке или под кустом, кладут ее в печь живую или посеченную на сковороде. Часть высушивают, а часть только слегка привяливают.

Принявший яд сыроватой жабы, подмешанный к питью, умирает мгновенно; редко-редко, если промучится дня два-три, причем отравленный источает неприятный запах. Принявший же сухую или вяленую, но мелко стертую жабу, страдает до семи лет. Он сохнет, мучается болями в сердце. Считалось, что при этом внутри заводятся жабы, и исход большей частью смертельный. Последний предрассудок имел место и в высших слоях общества. В. И. Даль в сочинении «О повериях, суевериях и предрассудках российского народа» приводит данные о пиявках и змеях, живших в желудке и извергнутых рвотой.

В случаях отравления ядом жаб знахарки стараются вызвать у отравленных рвоту, для чего дают внутрь сырое конопляное семя, молочай или настой корня умана *(verbascum nigrum)* и немного купоросного масла. Применялся и еще один способ выманивания жаб, основанный на тщеславии последних. Необходимо поставить напротив человека, у которого в желудке жаба, зеркало. Когда больной откроет рот, жаба, сидящая внутри, увидев зеркало, а в нем свое отражение, тут же выйдет. Человека при этом необходимо держать, чтобы не упал, когда жаба будет выходить.

Хотя ящерица признавалась украинцами другом человека, предупреждавшем его о появлении змеи, но укушение этого друга считалось смертельным. Укушенное место необходимо было обложить глиной с квасом или кислым молоком, а зародившихся внутри ящериц старались изгнать горячей сывороткой. Опасливое отношение к ящерицам присуще не только украинцам, их боятся и в других частях света. Так, племя баконго в африканской республике Конго считает ядовитым и приносящим несчастье совершенно безвредного трехрогого хамелеона, длиной всего 7 см.

Не меньшие опасения вызывали и черепахи. Считалось также, что и они могут размножаться внутри человека. Наоборот, укушение змеи признавалось излечимым. Опаснее яд змеи, принятый внутрь. Добывали яд таким образом: взяв змею за хвост, опускали головкой вниз, подставляя чашку, куда стекала «ропа» изо рта змеи. Эту ропу давали в пище или питье, желая отравить. Примешивали туда же и сушеную змею. Однажды девка, желая отравить подругу, дала последней змееныша в стебле лука. Потом, по народному рассказу, из отравленной вытянули трехаршинную змею. Из пауков также приготовляли яды для отравлений. Особенно из широко распространенных тарантулов. Тарантула ловили и бросали в банку. Там он подрастал. Если тарантул укусит, никакой доктор на поможет – человек умрет, утверждала народная медицина.

Отравить младенца могли и ночницы, проникавшие ночью в

дом через окно и дававшие ребенку пососать грудь с отравленным молоком. Ночницы выступали в образе летучих мышей, червяков и всякой другой ночной нечисти.

Правда, непослушного Грыця отравили все же ядом растительного происхождения, хотя пресмыкающиеся и насекомые были далеко не на последнем месте в меню украинских отравителей. В любом саду под опавшими листьями можно найти кивсяка – небольшую червеобразную многоножку. Она малоподвижна и безвредна. Однако на брюшных сегментах на случай опасности у нее расположены защитные железы. У каждого вида кивсяка своя защитная жидкость – или остропахучая, или жгучая, а иногда и ядовитая. Один из видов вообще выделяет свободную синильную кислоту.

Говоря же о растениях, содержащих отравляющие вещества, можно перечислить десятки видов, растущих буквально у каждого дома. Так, растения семейства пасленовых, к которому относятся красавка, белена, дурман и др., содержат атропин, вызывающий тяжелое отравление, приводящее к расслаблению гладкой мускулатуры и уменьшению секреции желез. Дурман вонючий растет на пустырях, у жилья, в огородах, содержит в себе, кроме атропина, также алкалоид гиосциамин и др. Но еще более ядовита декоративная разновидность индийского дурмана (датуры). Он, со своими огромными белыми цветами-граммофонами, сейчас на улицах городов встречается чаще, чем другие разновидности дурмана. Основные признаки отравления этим растением: сухость слизистой оболочки рта и кожи, нарушение голоса, дыхания, гиперемия горла, жажда, тошнота, рвота.

У нас растет и болиголов пятнистый, который ядовит полностью, но особенно большую концентрацию яда – алкалоида кониина – содержат плоды. Издавна в Украине использовали против грызунов сок и корни растения чернокорень, в корнях и семенах которого содержатся ядовитые алкалоиды. А в чистотеле, растущем повсюду (цветочки желтые, ярко-оранжевый сок, цветет все лето) содержится 20 алкалоидов, близких к опийным.

В Восточной Европе имеется и 20 видов веха, а вех древние эллины называли цикутой. У нас встречается его вид – вех ядовитый, растущий по заболоченным берегам водоемов, болот. Все части растения, а особенно корневище, разделены поперечными перегородками на камеры, содержащие в себе смертельный токсин. Ядовиты все части растения и у волчеягодника – медоноса, которого в наших широтах произрастает около 20 видов, но наиболее распространен вид волчье лыко. Для озеленения балконов, беседок и стен часто

используется переступень белый, или двудомный, но мало кто знает, что и он содержит яд.

На Кавказе произрастает лавровишня. Без опасений можно есть только мякоть ее плодов, все остальное у дерева ядовито, а в семенах содержится синильная кислота. Даже букет из ландышей, подаренный возлюбленным и оставленный на ночь в спальне, может принести большие неприятности.

«ЧЕРНАЯ СМЕРТЬ»

Чума, или «черная смерть», как ее называли в Средние века, неоднократно собирала урожай людских жертв еще со времен античности. Но если древние греки считали, что смерть от чумы несут стрелы Аполлона, то христиане Средневековья грешили на присутствие яда и отравителей.

Особенно массовыми поиски отравителей были в годы Великой чумы 1348–1350 годов. Признаки надвигающейся беды были однозначны. Купцы привозили страшные подробности о «каменном дожде» в Индии, жестоких засухах, сменившихся не менее жестокими «потопами» в Китае. Все это предшествовало возникновению болезни в Европе. И когда чума появилась, людей охватил панический ужас. Тем более, что последствия ее были действительно катастрофическими.

Одна только Германия лишилась 1,5 миллиона своих граждан. Во Франции чума особенно свирепствовала в Авиньоне, городе, являвшемся папской резиденцией. Там она поразила 60 тысяч человек, в том числе и Лауру, любимую поэта Петрарки. Посты, молитвы и колокольный звон не помогали. Тогда начали искать отравителей. Масло в огонь подозрений подливало и то, что вспышки чумы и ее последствия были непредсказуемы. Скажем, в одной и той же местности в одной деревне вспыхивает болезнь, а другую обходит, или в одном и том же городе на одной улице все вымирают от эпидемии, а на другой большая часть выживает. На одних лекарство – смесь из патоки 10-летней выдержки, мелко изрубленных змей, вина и 60 других компонентов – действует, а на других нет.

И отравителей, конечно, нашли. Во всяком случае, немецкие бюргеры признали отравителями евреев. В немецких городах начались погромы. Евреев жгли на кострах или просто поджигали улицы, где они жили. Иногда и сами евреи, придя в отчаяние от ожидания расправы, поджигали свои дома, предпочтя смерть с семьей в огне смерти от рук мучителей. И их можно понять, так как часто смерть приходилось выпрашивать после долгих пыток и мучений, благодаря которым выбивались нужные показания об отравлениях и зараженіях чумой в немецких городах и селах. В поисках евреев с ядом и горожане, и дворянство действовали заодно, отчасти потому, что все в той или иной мере были в долгу у евреев и видели в их избиении удобное средство избавиться от долгов.

Городские власти, которые пытались прекратить бессмысленное избиение «отравителей», часто сами подвергались опасности от разбушевавшихся толп. В Страсбурге, например, членам магистрата пришлось спасаться бегством, так как их обвинили в соучастии в отравлении. Немецкий король Карл IV имел свой интерес щадить и охранять «верных слуг нашей королевской казны» – так он называл евреев в своем официальном акте, они собирали ему подати, составили королю фонд, из которого он мог черпать для себя любые суммы. Если фонд оскудевал, то несколько погромов «отравителей» сразу же приводили евреев в чувство.

Во Франции при Филиппе Красивом также начались погромы евреев с аналогичным обвинением в отравлении колодцев чумой. Надевший на себя в 1350 году корону Иоанн Добрый тоже не сумел прекратить насилие над евреями.

Подобные поиски «отравителей» происходили и в других странах. Так, в республиканской Женеве в 1542–1545 годах Кальвин организовал судебный процесс над нищими. Несчастных пытками заставили сознаться в том, что это они вызвали чуму с помощью дьявольской мази, которой намазывали дверные ручки. В XIV веке суеверные псковитяне, желая смягчить небо, сожгли 12 женщин, объявленных ведьмами и обвиненных в распространении чумного яда.

Только позднее медицина сумела определить настоящих отравителей, которые без зазрения совести разносят бациллы чумы по всему миру, – крыс. Причем, то ли природа, то ли Господь на страх людям создали этих животных почти неуязвимыми. В наше время яды-антикоагулянты, вызывающие смертельное внутреннее кровотечение, – передовая линия в борьбе с крысами. В 40-е годы XX века американские ученые, исследуя, почему скот, поедавший порченое сено, часто истекал

кровью, выделили химический препарат дикумарол. Затем появился синтетический антикоагулянт ворфарин – смертельный для крыс и относительно безопасный для других теплокровных животных. Но даже имея такие яды, человек проигрывает борьбу с длиннохвостыми «отравителями». Крысы хитры и проницательны. Они могут определить яд в пропорции один к миллиону. Раз испугавшись приманки, крыса будет голодать, но не возьмет подозрительный кусок. Недаром в Средние века крыс считали спутниками ведьм и колдунов, но они смогли ускользнуть и от костра инквизиции.

ЯДОВИТЫЕ ДЕТИ БОГОВ

Одним из любимых средств отравителей на протяжении веков были грибы. Люди долгое время считали грибы одним из самых таинственных порождений природы. Вопрос о происхождении грибов долгое время считался загадкой. Та внезапность, с которой появлялись грибы и сразу шли в рост, поражала воображение человека. Их таинственное появление пытались связать с ударом молнии, действием росы, испарением гниющих органических веществ. Грибам приписывалось и дьявольское, и божественное происхождение. Так, немецкий «Травник» в конце XVI века указывал: «Грибы называются детьми богов, ибо родятся они без семян, не так, как другие». А французский ботаник XVIII века Веян уверял, что грибы были специально изобретены дьяволом. И недаром круги из грибов, образованные грибницей, в народе называли «ведь-миными кругами» (или кольцами).

По отношению к ядовитым грибам Веян не ошибался. Еще древнегреческие и древнеримские писатели и историки сообщали о многочисленных смертельных отравлениях грибами. Римский император Клавдий, отравленный Агриппиной, был не единственной высокопоставленной жертвой грибов. Из-за частых смертей римских императоров один из видов мухомора стали называть «цезарским грибом» (хотя по некоторым данным именно этот вид вполне съедобен). Грибы сыграли роковую роль в смерти французского короля Карла VI и Папы Римского Климента VII.

Уже тогда ученые пытались объяснить природу грибного яда. Долгое время существовала официальная версия о том, что гриб впитывает ядовитые вещества из окружающей среды. Этим же обстоятельством объясняли бурный рост грибов возле змеиных нор, мусорных свалок, кладбищенских оград или зарослей ядовитых растений. Люди стали опасаться грибов и зачастую отказываться вообще от их употребления. И не зря. Из более 100 тысяч видов грибов трудно определить, какие из них не съедобные. Наиболее часто встречается 25 видов ядовитых грибов, среди которых 10 смертельно опасны.

В одном из гимнов арийского эпоса «Ригведа» поется: «Мы выпили сому, мы стали бессмертны, мы достигли света, мы нашли богов». Есть версия, что для изготовления священного напитка сомы использовался мухомор, широко известный по многим шаманским культам. Действительно, в ведийском гимне, посвященном соме, описывается растение без листьев, цветов, плодов и корней, но имеющее стебель и «голову» (шапку),

красную при солнечном свете и серебристую ночью. Описание вполне подходит под красный мухомор.

Римский писатель Плиний Старший в I веке н. э. разделял грибы только на два класса – съедобные и несъедобные. И в чем-то был прав. Но человек может использовать даже яды для своей пользы. Ядовитые грибы тоже стали предметом «тихой охоты», но с другими целями, нежели съедобные. Уже в начале нашей эры индейцы майя славили грибы «теонанакатл» в своих книгах и выбивали их изображения в камне. И славили не за вкус, а за яд, который вызывал галлюцинации, приближавшие индейцев к богам. Майя были не одиноки в своем пристрастии к ядовитым грибам. Мухоморами вгоняли себя в транс чукотские шаманы, расслаблялись скифские воины и доводили себя до исступления перед боем викинги-берсеркеры. В древнекитайских сказаниях известен волшебный гриб «чжи». Он тоже красного цвета, как и мухомор, однако дарует человеку долголетие и может возвращать умерших к жизни.

Мухоморам даже поклонялись, изображая их в виде человекообразного бога. В Средние века ядовитые грибы были непременным атрибутом нечистой силы. А грибы, выраставшие по кругу на лугах и лесных полянах, называли «ведьмиными кольцами», по ним определяли место проведения очередного шабаша. Трава внутри такого «хоровода», как правило, оказывалась чахлой – естественно, по вине нечистой силы. Считалось, что скот, употребивший такую траву, может умереть. Особый страх вызывало ежегодное увеличение диаметров колец. В годы неурожая, когда в крестьянских избах от голода кричали дети, требуя еды, ядовитые грибы, или «губы», как их раньше называли в России, использовались по назначению. Писатель Платонов рассказывает: «Была одна старуха Игнатьевна, которая лечила от голода малолетних; она им давала грибной настойки пополам со сладкой травой, и дети мирно затихали с сухой пеной на губах».

Кстати, грибы не едят народы Крайнего Севера России: эвенки, ненцы, чукчи, эскимосы и др. Хотя еще 3500 лет тому назад шаманы познали способы разговаривать с богами через грибы. У чукотских шаманов мухомор называется ванак, а у эвенкийских – окап. Довольно равнодушны к грибам коренные народы Средней Азии, Кавказа, а также центральных и восточных областей Российской Федерации, например татары, башкиры. И наоборот, россияне не могут жить без грибов, где б они ни обретались.

Ядовитость гриба определяется наличием токсинов – ядовитых веществ, которые могут поражать не только желудочно-

кишечный тракт, но и центральную нервную систему. Даже в ядовитых грибах токсины распределяются неравномерно. Для того чтобы погибнуть от красного мухомора, нужно съесть его 3–4 килограмма за один присест. Только тогда подействуют токсин мускарин и грибной атропин. Наиболее опасными считаются бледная поганка и мухомор вонючий (в нем содержится фаллин – сильный гемолитический токсин, который при кипячении разлагается). В одном килограмме свежей бледной поганки содержится 0,25 г токсина вирозина, которого нужно 0,1 мг на 1 кг живого веса для смертельного исхода. В мухоморе кроме мускарина содержится еще и алколоид холин, а также гидроксиловая кислота и мурцилин – это токсическое, сильно возбуждающее нервную систему вещество.

Токсины ядовитых грибов поражают почки, печень и сердце, иногда приводя гриболюба к смерти. Многие грибы отличаются коварством. После отравления первые двое суток могут отсутствовать какие-либо симптомы отравления. Когда же признаки отравления наконец появляются, порой бывает уже поздно, так как к этому времени внутренние органы оказываются смертельно поражены. Очень коварен гриб паутинник оранжево-красный, который мы смело можем назвать мечтой отравителей, так как он проявляет свое действие лишь через две недели после употребления и насмерть поражает почки, а затем всю опорно-двигательную систему. Ну, а если взять гриб со страшным названием «сатанинский», то окажется, что он вполне безвреден.

В конце XX века техногенное воздействие на грибы привело к тому, что даже ранее съедобные грибы становятся ядовитыми и начинают мстить человеку за свое перерождение. В 2004 году отравление грибами, купленными на киевских рынках, стоит на третьем месте среди причин госпитализации больных в Киеве.

Кстати, самый большой несъедобный гриб найден в швейцарском национальном парке возле города Офенпаеса. Длина монстра в 8 раз превышает длину футбольного поля. Он занимает почти 35 га. Большая его часть – грибница, спрятана под землей. По мнению специалистов, гриб-монстр – это 1000-летний опенок.

Следует также обратить внимание и на младших братьев растущих в лесах грибов – плесневые грибки. Ядовиты главным образом из этого семейства аспергиллы. Они вырабатывают афлатоксины, действующие на печень, и другие канцерогены. На основе аспергиллов британские военные разработали один из видов биологического оружия.

А вот микроскопический грибок фитофтора изменил всю мировую историю. Грибы фитофторы появились в Европе в

середине XIX века. Вероятнее всего, их завезли из Перу вместе с чилийским картофелем. Главный удар фитофторы пришелся по острову Св. Патрика – Ирландии.

В 1845 году в Ирландии жило около 8 млн человек. Из них для 6 млн картофель занимал половину пищевого рациона, а остальные питались исключительно картофелем. И вдруг картофель пал жертвой грибка фитофтора. Лишившись его, люди лишились единственного источника существования. Очевидцы картофельной катастрофы описывают селения, жители которых походили на обтянутые кожей скелеты: у них не было даже сил подняться с постелей. Некоторые селения полностью вымерли. Вид гниющих растений, пораженных грибком, вызывал у людей ужас. Бедствие усугублялось тем, что люди боялись употреблять в пищу пораженные клубни. За голодом последовали его неминуемые спутники – инфекционные болезни. Началась массовая эмиграция оставшихся в живых ирландцев в Англию и США. К 1851 году население Ирландии уменьшилось на 2 млн человек. Так грибок фитофтора, чье название переводится всего лишь как «пожиратель растений инфекционный», перекроил карту мира, дав мощный толчок для развития и превращения Соединенных Штатов Америки в ту мировую державу, которую мы знаем сегодня.

ТАЙНА «АНТОНОВА ОГНЯ»

В известной историкам хронике испанского монаха-францисканца Бернардино де Саагуна, жившего в XVI веке, сообщалось, что индейцы-ацтеки во время празднеств употребляли какой-то «дьявольский» гриб, вызывающий галлюцинации. Правда, хронист делал оговорку, сообщив, что индейцы отнюдь не считали его порождением сил тьмы, даже называли «теонанакатл» – «божественный гриб». Пользование им было привилегией жрецов, поскольку, вкусив гриб, те приобретали дар ясновидения и могли не только указать пути исцеления страждущих, но выявлять и виновника болезней. И тогда горе ему!

Об этом фрагменте хроники скоро забыли, может быть, просто не придали значения. А ботаники посчитали, что выживший из ума францисканец скорее всего спутал с грибами мексиканские кактусы, многие виды которых содержат дурманящие алкалоиды.

Четыре века спустя о грибах вспомнили снова. Этнографы открыли, что в некоторых горных районах Южной Мексики существует обычай ночных бдений, во время которых индейцы употребляют неведомые грибы, навевающие чудесные видения.

На сей раз этим сообщением заинтересовалась американская чета Р. Дж. и В. П. Уоссон. Он – банковский служащий, она – детский врач. У них было чрезвычайно редкое увлечение: более тридцати лет супруги занимались этномикологией – наукой, исследующей влияние грибов на развитие культуры различных народов. И поэтому ничего удивительного, что, несмотря на свои немолодые годы, муж и жена отважились предпринять путешествие к наследникам ацтеков.

Индейцы встретили Уоссонов холодно. И все же, надеясь на лучшее, супруги поселились на окраине негостеприимной деревни. Со временем местные жители привыкли к соседству странной, но добродушной четы. Тем более, что миссис Уоссон спасала от смерти не только детей, но и взрослых. Через два года жители уже буквально боготворили Уоссонов и считали их полноправными членами общины. И вот настала ночь, когда мистера Уоссона пригласили принять участие в таинственном ритуале.

Место для ритуала было выбрано необычное – заброшенная хижина на окраине деревни. Небольшой костер слабо освещал алтарь с распятием, около которого на камне покоились «священные» грибы. Правила ритуалом старая женщина. Для

начала она неторопливо съела двенадцать грибов, потом торжественно вручила по нескольку грибов собравшимся. И, подождав, когда собравшиеся вкусят их, начала медленный танец. В монотонном пении жрица передавала содержание своих видений, а присутствующие один за другим впадали в странное состояние полузабытья.

Уоссон, всегда сохранявший ясный и четкий ум, мужественно боролся с действием съеденного им кусочка гриба, но безуспешно. Сначала в сознании возникли хорошо известные ему цветные индейские орнаменты, затем одноклассница, но почему-то в индейском пончо и с копьем, а далее уж и вовсе нечто несуразное.

Грибное действо длилось всю ночь, пока под утро индейцев не свалил глубокий обморочый сон. Уоссон, очнувшись, направился к себе домой, прихватив в кармане таинственные грибы.

По возвращении Уоссон передал свое ценное приобретение французскому микологу профессору Г. Гейму, который сумел вырастить гриб в искусственных условиях. За дело взялись биохимики… Подопытные мыши и собаки не реагировали на высушенные грибы, сколько бы их не скармливали. Тогда швейцарский химик А. Гофман рискнул отведать их сам. К своему изумлению, он тоже увидел индейские орнаменты, хотя в Южной Америке не бывал. Галлюцинировал испытатель шесть часов, а когда очнулся, записал в лабораторном журнале, что в общем-то впечатление такое, будто бы он вернулся из дальнего путешествия в странный, но все же реальный мир. В дальнейшем исследователям пришлось убедиться, что только человеческий организм реагирует на этот гриб.

Вскоре с помощью хроматографии удалось выделить активное вещество гриба. Его назвали псилобицином. А спустя некоторое время вещество синтезировали искусственно, и теперь медики используют его для изготовления лекарств.

Ученые затем установили, что «магические» свойства имеют не только «священные» грибы Южной Америки. В Средневековье крестьян многих стран Европы нередко поражало странное и страшное заболевание – «антонов огонь». Причина этого явления долгое время оставалась неизвестной. А вызывал ее, оказывается, ядовитый гриб, паразитирующий в завязях злаковых культур – ржи, пшеницы, ячменя, риса, кукурузы. Клавицептоксикоз, или эрготизм, как наука называет отравление этим грибом, обусловлен способностью алкалоидов спорыньи вызывать сокращение гладкой мускулатуры и сосудов. Известно два вида воздействия при отравлении спорыньей – гангренозный «антонов

огонь» и конвульсивный («злые корчи»). Во французской рукописи конца X века так описаны вспышки эрготизма: «Ужасные бедствия распространились среди людей, скрытый огонь, съедающий конечности и тело». В этой рукописи описана вспышка эрготизма в Лиможе в 994 году, унесшая 40 000 жертв. Распространение эрготизма в Западной и Центральной Европе было так велико, что в 1095 году папа Урбан II основал орден Св. Антония, в задачи которого входило лечение людей, страдающих эрготизмом. Отсюда и произошло название болезни – «огонь Св. Антония», или «антонов огонь». В России это заболевание впервые упоминается в Троицкой летописи в 1408 году.

Имеется и другой вид спорыньи, вызывающий токсикоз только у животных – коров, лошадей, овец. Это заболевание было известно в США еще в XIX веке. В 1942 году оно достигло Закавказья. Токсикоз проявляется в расстройстве координации движений, в связи с чем получил у кавказских народов местное название «бандала» (пьяная походка). При длительном кормлении зараженным сеном или травой животные гибнут.

Но вот что вызывало недоумение историков. Доподлинно было известно – у ацтеков спорынью использовали для одурманивания на религиозных торжествах (в семенах некоторых вьюнковых из Центральной Америки (ипоме и др.) обнаружен пептидный алкалоид эр-гозин; эти растения входили в состав лекарства древних ацтеков и индейцев Мексики, обладавшего галлюциногенными свойствами), а в древнем Китае и Египте ее каким-то образом применяли как кровоостанавливающее средство. Да и такие светила античной медицины, как Гиппократ, Диоскорид, не пренебрегали спорыньей, используемой в виде наваров, наливок и вытяжек. Что же скрывала спорынья?

За разгадку секрета взялись химики и медики. Химики выделили из спорыньи целую серию алкалоидов. А медики убедились, что некоторые из них действительно обладают кровоостанавливающим действием и незаменимы при тяжелых внутренних кровотечениях. На этом открытия не закончились. В 1943 году химик А. Гофман, начавший тогда работать со спорыньей, случайно проглотил крупицы лизергиновой кислоты – физиологически активного вещества гриба. Через полчаса с экспериментатором стало твориться что-то неладное. Ему показалось, что он раздвоился. Пространство и время «материализовались», стали физически ощутимыми, но «выглядели чудовищно деформированными».

Выделенное вещество, лизергиновый синтетический диэтиламин, получило обозначение – ЛСД-25 и стало одним из самых опасных наркотиков XX века.

САЛЕМСКИЕ ВЕДЬМЫ

Раскрытие тайны спорыньи позволило приблизиться к пониманию событий, которые происходили в британской колонии Массачусетс в 1692 году.

Аресты начались в феврале. К июню тюрьмы по всей округе были переполнены подследственными. В сентябре 19 человек были уже отправлены на виселицу. Эти события, произошедшие в Массачусетсе, вошли в историю США под названием «процессов над салемскими (или сейлемскими) колдуньями».

Впрочем, все началось еще в декабре 1691 года, когда восьмерых местных девушек охватили некие приступы «хвори и смятения». Беспорядочная речь, странные позы и искажения жестикуляции, дерганье конечностей и конвульсивные гримасы не могли не испугать богобоязненных провинциальных пуритан.

Очень скоро несчастные девушки бросили обвинение в адрес нескольких своих односельчан и односельчанок, которые якобы их околдовали. Новые обвиняемые показали на новых «соучастников», те на других – и незначительное дело, к удовольствию судебных крючкотворов, вылилось в шумный процесс. А ведь было уже не глубокое Средневековье, когда любого могли отправить на костер за связи с Сатаной.

Все это добавило историкам немало загадок. Было выдвинуто множество версий: массовая клиническая истерия, коллективные галлюцинации, ведьмофобия у нескольких тысяч законопослушных и трезвых людей сразу, фрейдистский психодинамический эффект или даже преднамеренный заговор с целью захвата власти во всей колонии. Некоторые исследователи вполне серьезно заявили, что колдовство и ведьмовство реально проявили себя в глухих деревушках колонии.

К иному выводу пришла доктор Линда Капорел из Калифорнийского университета в Санта-Барбаре. Проведя исследования, она пришла к выводу, что виновата все та же спорынья.

В XVII веке рожь сеяли в Новой Англии, в том числе и в Массачусетсе, повсеместно. Только вот простого средства уберечься от действия спорыньи, видимо, не знали: погрузить посевное зерно в 25-процентный раствор поваренной соли, зерно потонет, а спорынья всплывет.

Грибок же, попадая в муку, а с нею и на стол человека, вызывал симптомы, официально именуемые медиками так: «злые корчи». Яд спорыньи может накапливаться в организме постепенно. В числе описанных наукой симптомов – ощущение

того, что что-то ползает по коже, зуд в пальцах, звон в ушах, головокружение, галлюцинации и конвульсии, иногда гангрена и изжога. И все, все эти ощущения упоминаются в протоколах суда над салемскими колдуньями. Так из-за невежества и перепутали колдуний с наркоманками, а Сатану– с ЛСД-25.

Подобные массовые отравления фиксировались и позднее. Наиболее известен случай, когда почти три сотни жителей небольшого городка Сент-Эспри во Франции отравились спорыньей в 1951 году. Яд находился в плохо обработанной муке, закупленной местной булочной.

Эксперты криминологической лаборатории в Марселе, в отличие от салемских судей, знали, с чем имеют дело. К тому времени яд, содержащийся в спорынье, был уже изучен и описан швейцарским химиком Гофманом. Он установил, что выделенный им из спорыньи алкалоид без цвета, вкуса и запаха, является сильнейшим ядом в мире и дал ему название ЛСД-25. Одна пипетка вмещала около 5 тысяч смертельных доз. Незначительная концентрация этого алкалоида (250 микрограмм на один литр, что соответствует одной капле на целый плавательный бассейн) вызывала глубокие психические расстройства с галлюцинациями и бредом.

ЛСД-25 заинтересовались и спецслужбы. На его основе был создан ряд психотропных средств. Во Вьетнаме на солдатах американской армии испытывалось ЛСД-25 как лекарство против страха. Но куммулятивный эффект снадобья, которое, накапливаясь в организме, разрушало мозг, привело к отказу армии от его использования, и ЛСД-25 остался только средством для «путешествий» наркоманов.

Апологетами таких «путешествий» в США стали профессор из Гарварда Тимоти Лири и писатель Карлос Кастанеда. Попав в струю интереса к мистике и оккультизму, они стали основателями идеологии наркотиков. Результаты для неофитов ЛСД-25 были плачевными. Производные лизергиновой кислоты, которые содержатся в грибах и ЛСД, быстро превращают людей в шизофреников, уверенных в том, что они нашли дверь в Иной Мир. Но дверь

эта открывается только лишь в психбольницу. В России молодые последователи Кастанеды, не имея возможности пользоваться ЛСД-25, но все же желая попасть в Икст-лан, использовали для путешествия дурман-траву. Попробовавшие свой особый российский путь в страну грез на несколько суток ослепли – типичный побочный эффект дурмана. В Бурятии кастанидисты по примеру древних викингов ели ядовитые грибы. А «продвинутая» молодежь Санкт-Петербурга в институтских

лабораториях просто-напросто начала изготавливать наркотик ПСП – российский аналог ЛСД-25.

ВКУСНАЯ РЫБА ФУГУ

Японская пословица гласит: «Хочешь есть фугу – напиши завещание». Первое описание признаков отравления тетродотоксином, который содержится в рыбе, дал в своем дневнике знаменитый мореплаватель Джеймс Кук. В сентябре 1774 года его шлюп «Резольюшн» бросил якорь у берегов Новой Каледонии. Именно там Куку предложили свежеприготовленную рыбу неизвестного вида. Кук попробовал печень и молоки. «Около трех или четырех часов утра я почувствовал небывалую слабость во всех членах, сопровождаемую таким ощущением, будто окоченевшие на морозе руки и ноги сразу попали в огонь. Я уже почти ничего не чувствовал…»

Специалисты утверждают, что симптомы отравления тетродотоксином описаны очень точно. Сначала происходит потеря чувствительности в конечностях, потом немеют язык, кончики пальцев рук и ног. Затрудняется глотание, становится трудно дышать, потом паралич охватывает все тело. Бывает, что отравившийся не умирает, а впадает в коматозное состояние, похожее на летаргический сон. Известны случаи, когда пострадавшие «оживали» незадолго до погребения и восставали из гроба на пути к кладбищу, чем приводили в немалое смятение окружающих.

И все же фугу, или рыба-собака, считается в Японии деликатесом. Несмотря на то, что каждый год бывают сотни случаев смертельного отравления, фугу продолжают готовить и есть. Дело в том, что в небольших концентрациях тетродотоксин действует как наркотик, вызывая эйфорию и приятные физические ощущения у гурмана. Яд находится в кожных покровах, в брюшине и печени.

Для того чтобы клиент не умер прямо в заведении, из фугу вынимают смертоносные печень и яичники. Это очень тонкая операция, поэтому в Японии шеф-повар должен иметь правительственную лицензию на приготовление фугу. Рыбу начинают разделывать с затылка. Делается два глубоких надреза у начала хребта. Резким движением выуживается хребтина и рыба выворачивается наизнанку. Затем снимается шкура, которая повисает у хвоста. Далее удаляются ядовитые органы и нарезается ломтиками белое филе фугу. К рыбе подается острый соус подзу. Если повар совершил ошибку и концентрация яда превысила допустимую норму, то клиент узнает об этом очень быстро – симптомы отравления проявятся через 15 секунд.

На кухнях, где готовят фугу, висят гравюры с изображением

Вани, морского божества японцев, появляющегося в сопровождении рыб, мясо которых ядовито для людей. Так что приступая к поеданию фугу, помолитесь Вани – может и пронесет. Ну, а если вы поели фугу вне стен специального ресторана, то знайте – в 60 случаях из 100 вас ждет смерть.

В подобную «русскую рулетку» играют и жители Юго-Восточной Азии. Для получения особого вина, которое излечивает множество болезней и укрепляет потенцию, они используют ядовитую сороконожку. Несчастное насекомое ловят и топят в бутылке, наполненной спиртом. Захлебнувшись, сороконожка умирает, перед смертью выбрасывая яд в виде белого облачка, которое опускается на дно сосуда. Пить вино можно лишь через пару месяцев, когда оно приобретает желтоватый оттенок. Если же поспешить, то вместо увеличения потенции можно получить кардинальное укорочение жизни. Несмотря на то что дегустаторы часто ошибаются, вино пользуется огромной популярностью. А закуской к этому вину может послужить блюдо из канавалии, растения семейства бобовых. Эту культуру люди возделывают уже несколько тысяч лет и все время играют в прятки с отравлением. Имеется два вида канавалии – мечевидная, которая растет в Южной Америки, и палашевидная, которую едят в Южной Азии. В пишу употребляют незрелые бобы и семена, так как стоит им созреть, и они становятся смертельно опасными, в них появляется ядовитая аминокислота канавалин, вызывающая острое отравление. Многие жители Африки и Южной Америки разнообразят свой стол блюдами из маниоки. Из ее клубней делают крупу и муку. Но малейшая ошибка на кухне может стать последней в жизни. Сырые или неправильно приготовленные клубни содержат смертельный яд – синильную кислоту.

Известны ядовитые рыбы, подобные фугу, и в истории. В VI веке святой Брандан Мореплаватель, проповедовавший христианство среди древних ирландцев, совершил несколько морских путешествий и во время одного из них попал на остров, море вокруг которого кишело ядовитыми рыбами. Святой Брандан уцелел лишь благодаря молитве.

В Красном море испокон века гурманы промышляли небольшую, но вкусную рыбку *Pardahirus marmoratus.* В минуту опасности эта кроха выделяет из желез похожую на молоко жидкость, которая содержит токсин, смертельно опасный для нервной системы акул. Но при варке или жарении ядовитый токсин полностью разрушается и вкус этой рыбки становится… специфическим! А вот мясо барракуды, или морской щуки, то ядовито, то вполне съедобно. Ученые не могут понять причину этого и не могут выделить яд, образующийся в теле барракуды. А

так как мясо у нее неплохое, то морскую щуку едят, и тут уже – как кому повезет.

На австралийских рифах водится рыба-камень, или бородавочник, ее тоже можно есть, но только следует соблюдать осторожность, чтобы не пораниться о торчащие иглы спинного плавника, таящие смертельный яд. Спасение от яда – немедленное использование горячего воска, которым заливают разрез, сделанный поперек раны.

Рыбы разновидности каранксов тоже имеют вкусное мясо, но некоторые из них обладают ядовитыми свойствами. Мясо этих рыб, в особенности их икра и печень, может при употреблении человеком в пищу вызвать тяжелое заболевание – сигуатеру, приводящее к смерти заболевшего. Сигуатерное отравление – плохо изученное, но опасное заболевание. Смертность от сигуатеры, особенно распространенной на островах Вест-Индии и Полинезии, достигает 12 %. Вкусными, но ядовитыми, являются черный каранкс, живущий в тропиках Запад-

ной Атлантики, а также гавайский каранкс, обитающий в водах Гавайских островов. Сигуатера может настигнуть беззаботного гурмана, попробовавшего рыбу-бабочку, рыбу-ангела, вкусное мясо губанов, рыб-хирургов, рыб-единорогов. А иногда вполне приличную рыбу считают отравленной, чем значительно обедняют свой стол. В Центральной Америке и на юге США, например водятся панцирные щуки, имеющие икру ядовитого зеленого цвета. Белое население редко употребляет их мясо. Рыбаки выбрасывают панцирных щук на берег или выпускают обратно в воду, предварительно искалечив. Но щуки ничем не заслужили подобного варварского обращения. Они вполне съедобны, и индейцы-семинолы, живущие во Флориде, а также индейцы Центральной Америки с удовольствием уплетают жареных щук. А вот рыбу бельдюгу, которая иногда попадала на прилавки магазинов в советское время, люди, живущие возле Белого моря на севере России, не ели. А не ели из-за того, что при варке кости бельдюги зеленели и рыба приобретала неприятный внешний вид. Из-за зеленого цвета мяса не пользуется популярностью и рыба мраморник, длиной до 75 см, имеющая вкусное мясо и живущая у берегов Северной Америки. Но тут хоть можно оправдать эту брезгливость – у мраморника икра ядовитая.

Но не только рыбы травят людей, а и люди отравляют рыб. На Филиппинских островах при ловле экзотических аквариумных рыбок (рыб-клоунов, бабочек, белок и др.) ныряльщики используют раствор цианистого натрия. Этот яд действует на рыбок как анестетик. Добывать рыбок с ядом легче, но это варварский способ добычи, так как от цианида погибает до 75 %

улова.

Но даже в наших безопасных водах имеются рыбы, отдаленно напоминающие фугу. Речь идет о «царской рыбе» – осетре. Казалось бы, что может быть вкуснее и безопаснее осетриного филе? Но вот что говорят опытные рыбаки. В позвоночнике осетра, от головы до хвоста, проходит так называемая визига, или спинная струна. Она представляет собой круглую, полупрозрачную трубку. И если ее не вынуть вовремя, то она начинает источать яд, превращая благородное осетровое мясо в мину замедленного действия. Рыбаки, надрезая позвоночник под головой осетра, всегда вынимают эту визигу. Кстати, ее не выбрасывают. Визигу сушат. Затем, желая использовать ее в кулинарных целях, визигу варят. При варке она разбухает, и в таком виде, мелко нарубленную, ее раньше использовали для кулебяк, а нынче для пирожков. Из визиги также производят лекарство.

А на Дальнем Востоке в реке Амур живет сомик-скрипун. У него очень нежное и вкусное мясо, напоминающее по вкусу куриные яйца, но выпутать его из сетей, не уколовшись о ядовитые колючки, весьма затруднительно. Не менее трудно его разделать, поэтому вкусные сомики удостаиваются лишь нехороших слов у рыбаков, когда попадают в сети.

Подобные соленые слова можно услышать и от черноморских рыбаков, которым может попасться среди улова морской дракончик. Этих рыб хищники не трогают, так как на шипах дракончиков находится яд нейротоксического и гемолитического действия. Три вида дракончиков водится у берегов Европы, а в Черном море один – большой дракончик. При уколе шипом возникает острая, мучительная, жгучая или колющая боль, которая продолжается весь день. Она настолько сильна, что пострадавший кричит, мечется и иногда в отчаянии пытается выброситься за борт. Пораженная конечность воспаляется и сильно опухает. В числе других симптомов – потеря сознания, сильное сердцебиение, замедление сердечного ритма, лихорадочное состояние, бред, сильная рвота, судороги. В общем, весь комплект. В тяжелых случаях может наступить смерть. Морфий обычно не помогает, а для полного излечения требуется несколько месяцев. Но мясо дракончика вполне съедобно. Удалив шипы, дракончиков жарят и продают в ресторанах под разными названиями. Особенно много дракончиков на рыбном рынке Парижа.

В ПАРАХ ТУЙОНА

Абсент – излюбленный напиток поэтов и художников Европы конца XIX – начала XX века. Пили абсент и Пикассо, и Ван Гог, и Уайльд, и Верлен с Рембо. Тулуз-Лотрек увековечил изумрудного цвета жидкость на своем полотне «Месье Буало в кафе», а Хемингуэй – в романах. Чем же так привлекал и привлекает этот напиток?

Абсент – это крепкая настойка на спирту из горькой полыни с добавлением аниса или мяты крепостью в 70 градусов, а секрет ее действия – в веществе туйоне. Фармацевты относят его к категории нервно-паралитических ядов, вызывающих конвульсии. Туйон содержится и в лекарственной пижме, и в туе. Все дело в концентрации: если ее процентов десять, то эффект минимальный, а если более 50, туйон способен вызвать у человека галлюцинации. При длительном употреблении можно впасть в депрессию, появятся озноб, судороги, нарушится координация движений. В самом дорогом абсенте концентрация туйона приближается к 100 %, но употреблять его следует не более чем по капле в день.

Своими необычными свойствами полынь горькая была известна еще римлянам. Плиний жаловался, что солдаты бродят по холмам возле Рейна, ищут полынь, после вываривают в котлах, пьют и ходят одурманенные. Виктор Гюго начинал день со стакана абсента и им же день завершал, а Антуан Тулуз-Лотрек, не в силах избавиться от пагубной привычки пить абсент, носил его с собой во фляжке, вделанной в рукоятку трости. Ван Гог, который пил абсент в больших количествах каждый день, писал своему брату Тео, что его чуть не хватил паралич и что ему тяжело справляться с судорогами. Возможно, художник отрезал себе ухо под воздействием туйона.

Поль Гоген, чтобы избавиться от туйонового соблазна, сбежал на острова Тихого океана. Сначала на Таити в 1891 году, а затем перебрался еще дальше от цивилизованного мира, на глухие Маркизские острова, поселившись на острове Доминика. Но и там язвы западной цивилизации продолжали разъедать его душу. 8 мая 1903 года туземный друг художника Тасока обнаружил мертвого Гогена в его хижине. Гоген лежал на постели, рядом на тумбочке валялся пустой флакон из-под морфия. Художник проводил свои последние годы не в парах туйона, а в морфийном забытье, но результат был не менее печален – он отравился. Гогена похоронили на холме Хузакихи, к северу от Атуоны.

После множества трагических случаев в начале XX века интерес к абсенту стал падать. Особенно негативное отношение к напитку было в Швейцарии – стране, где как раз и появился абсент. К концу XIX века каждый десятый ее житель был производителем настойки. Но точку в производстве швейцарского абсента поставила кровавая трагедия, которая разыгралась в 1908 году: в абсентном опьянении крестьянин расстрелял всю свою семью – жену и пятерых детей. Было собрано всенародное собрание кантонов, после чего производство и продажа «зеленой феи» были официально запрещены. Именно с легкой руки швейцарского судьи появилось выражение «зеленый змий» – это об абсенте. И только в 1998 году в некоторых странах сняли запрет и разрешили продавать абсент с низким содержанием туйона. Наиболее распространена в наши дни настойка горькой полыни из Чехии.

Подобный абсенту напиток нехваи был известен и на Востоке. В Индии и Гималаях произрастает растение, называемое бич. Оно содержит близкий к яду акониту алкалоид псевдоаконитин, отличающийся еще большей ядовитостью. Заготовки корня в Индии происходят осенью и сопровождаются мистическими церемониями, а при высушивании и измельчении корня принимают меры предосторожности, боясь его ядовитого действия. Корень сохраняют в бамбуковых трубочках и в таком виде продают. При приготовлении напитка нехваи, который получается при брожении разваренного риса, к нему добавляют корешок с аконитом, что при несоблюдении пропорций не раз приводило к отравлению любителей такого вида расслабления.

ПОПУЛЯРНЫЙ «Е-605»

Яд «Е-605» был разработан как средство защиты растений от насекомых немецкими химиками во время Второй мировой войны. Между 1934 и 1945 годами химик Герхард Шрадер на заводах Байера в Леверкузене выделил органические соединения фосфора, которые в экспериментах, проведенных биологом Кюккенталем, показали необычно сильное ядовитое воздействие на все виды вредителей растений. Испытание этого средства защиты растений в полевых условиях началось как раз тогда, когда американцы стремительно продвигались по дорогам Германии. Емкости с новым веществом были конфискованы оккупационными властями.

Получив технологию изготовления, американцы начали выпускать его у себя, назвав «паратион». Только за один 1950 год во Флориде были распылены тысячи тонн препарата, чтобы очистить от вредителей апельсиновые плантации. Под различными названиями – от фолидола до тиофоса-3423 – «Е-605» распространился по всему миру и снова оказался в Германии. Здесь ему вернули старое название и стали производить в больших количествах, расфасовывая в простые медицинские флаконы, а позже – в пластмассовые ампулы и свободно продавая в магазинах семян и удобрений, а также в аптеках. На этикетках было предостережение, что средство оказывает ядовитое воздействие «при ненадлежащем обращении».

До 1953 года во всей Северной Америке были известны лишь 168 случаев отравления данным препаратом, из которых все, кроме девяти, протекали легко. Причиной отравления была грубая неосторожность, из-за которой яд попадал в рот. Опытным путем американцы установили, что по своему действию «Е-605» похож на синильную кислоту.

В Германии тоже было не так уж много подобных случаев, но после того, как в 1953 году в Вормсе прошел процесс по делу об отравлении Анни Хаман «Е-605», интерес к этому веществу у публики значительно возрос. Немного позднее отравительница Криста Леман подсыпала и подливала «Е-605» в пирожное, молоко, йогурт. В 1954 году в ФРГ не было второго такого уголовного дела, которое имело бы столь смертельные последствия, как дело Леман. Как только название яда попало на страницы газет, так в тот же момент в ФРГ и Австрии прокатилась волна самоубийств с помощью «Е-605». Заголовки в газетах следовали один за другим: «Вормский яд требует очередной человеческой жертвы», «Еще пять самоубийств с помощью

“Е-605”», «Шесть новых самоубийств с использованием средства для борьбы с сельскохозяйственными вредителями», «Семья из четырех человек отравилась “Е-605”».

Волна смертей пошла на спад только тогда, когда препарат был изъят из свободной продажи, а суд над отравительницей закончился. Мода на «Е-605» прошла, и «модным» стало другое ядовитое вещество.

ШПРИЦ И КАТЕТЕР

В Соединенных Штатах, где смертная казнь до сих пор является адекватным ответом на преступные действия, в некоторых штатах при проведении акта покарания преступника отдано предпочтение яду, а не электрическому стулу или газовой камере.

Введение смертельной дозы яда, впервые примененное в Оклахоме и Техасе в 1977 году, считается более гуманным способом совершения правосудия. Приговоренного к смерти – после обычных процедур: последнего свидания, последней еды, душа, переодевания и встречи со священником – привязывают к каталке на колесах и привозят в камеру смерти. Там находится «человек с медицинским образованием», который вводит катетер в вену приговоренного. Смертнику разрешается произнести последнее слово. После чего тюремные служащие (они отделены от камеры стеной – через нее пропущены резиновые трубки, соединяющие катетер с капельницей) начинают вводить нейтральный раствор, который сменяется смертельной смесью. С момента введения катетера до поступления яда может пройти около получаса.

Иногда процедура смертной казни может превратиться в дополнительную пытку для осужденного. В одной из тюрем Техаса, например, лица, приводившие в исполнение смертный приговор, более 40 минут не могли ввести в вену приговоренному шприц с огромной дозой хлорида кальция.

В штате Оклахома 11 июня 2001 года при помощи яда был казнен Тимоти Маквей. Он прославился тем, что взорвал административное здание в Оклахоме-сити. При взрыве погибло 168 человек, 500 получили ранения. На расследование и судебное разбирательство было затрачено 100 миллионов долларов. Приговор суда, с которым Маквей полностью согласился, был однозначен – смертная казнь. Во время проведения процедуры казни Маквею сделали в вену правой ноги смертельную инъекцию. Еще живой Маквей отказался от последнего слова. Казнь транслировали по телеэфиру – ее зрителями стали родственники погибших.

Яд в конце XX века стал в США и полуофициальным средством для ухода из жизни тех, кто был приговорен к мучительной смерти от неизлечимой болезни. Во всем мире стал известен американский врач Джек Кеворкян по прозвищу «доктор Смерть». Вопреки существующим в мире правилам медицинской этики он предоставлял приспособления с ядом для отчаявшимся

и страдающим больным. В приспособлении Кеворкяна, нажав кнопочку, больной сначала получал транквилизатор, а затем смертельный хлорид калия. Изобретение «доктора Смерти» в прессе назвали «машиной самоубийств». Кеворкян, после организации почти двух десятков самоубийств, был арестован и осужден. Но его смертельный почин был подхвачен в мире, и, несмотря на осуждение подавляющим большинством врачей подобной практики, свои «доктора Смерти» появились во многих странах. И до сих пор их действия подпадают под статью уголовного кодекса, так как ни одна страна так и не решилась легализовать эвтаназию – легкую смерть.

РАЗВИТИЕ ТОКСИКОЛОГИИ

Впервые на научную основу изучение ядов и поиск следов отравления были поставлены в начале XVIII века, когда нидерландский клиницист Герман Берхааве установил, что различные яды, сгорая или испаряясь, издают столь же различные, специфичные для каждого из них запахи. Если до него и предпринимались попытки доказать наличие яда, то лишь судебными медиками в ходе производимых ими вскрытий трупов. Но найти яд при вскрытии практически невозможно, за исключением только едких ядов, в частности кислот, вызывающих очевидные разрушения тканей, а также воспалительных ядов (например, опасное любовное зелье – порошок «шпанская мушка»), которые приводили к разрушению почек.

О мышьяке было известно, что он не имеет особого запаха и легко может быть подмешан в супы, тесто и напитки. Почти все знали, что симптомы отравления мышьяком мало чем отличаются от симптомов одной из самых распространенных в ту пору болезней – «холера нострас», а у полиции и судей не было средств, чтобы неоспоримо установить, потерпевший умер от мышьяка или нет.

Но в 1775 году немец Карл Шееле сумел выяснить, что белый мышьяк под воздействием добавленного в него хлора или «царской водки» преобразуется в мышьяковидную кислоту. Если эта кислота приходит в соприкосновение с металлическим цинком, то получается чрезвычайно ядовитый, пахнущий чесноком яд. Когда Шееле описывал коллегам свойства новой, только что открытой жидкости, то отметил не только ее удельный вес, запах, цвет, но и характерный вкус и ощущение теплоты, которое она вызывает во рту. Ученый был на краю гибели: он открыл сильнейший яд, получивший впоследствии название «синильной кислоты». Через десять лет Самуэль Ханеман сделал открытие, что в жидких веществах, где предполагается наличие мышьяка, последний выпадает в виде желтоватого осадка в случае добавления соляной кислоты и сероводорода. Полиция получила первую возможность поставить обвинение в отравлении на доказуемую основу.

В 1813 году европейскую полицию заинтересовал первый том «Трактата о ядах, или Общей токсикологии», написанный Матье Орфилой. За свои работы в области изучения ядов испанец Орфила получил титул «отец токсикологии». В своих опытах он обрабатывал азотной кислотой ткань человека до тех пор, пока она полностью не обугливалась. Чем полнее удавалось разрушить

материю, впитавшую в себя яд, тем легче было доказать наличие в ней мышьяка.

Но недостаточная экспериментальная база и отсутствие стройной теории не позволяли ученым первой половины XIX века со стопроцентной уверенностью давать заключение о присутствии или отсутствии яда в организме жертвы. Хотя и эти, еще первые шаги токсикологии начали уже давать свои результаты.

Иллюстрацией возможностей токсикологии в России в конце XIX века служит дело об отравлении купца из Ростова-на-Дону Максименко, тело которого было эксгумировано в ночь на 14 марта 1889 года. Умер он за год перед этим и, как подозревала полиция, не без помощи жены. Исследование, проведенное тюремным врачом М. Красом, ничего не дало. И только 31 октября того же года химическая экспертиза, проведенная во врачебном отделении областного правления Войска Донского, подтвердила наличие в теле умершего значительного количества сильнодействующего минерального яда – мышьяка. Против вдовы Максименко Александры и ее любовника Аристарха Резниченко было возбуждено уголовное дело.

Но осуждения преступников так и не последовало. Был привлечен 101 свидетель. Дело рассматривали суды в Таганроге, Харькове, а также правительственный Сенат. Труп вскрывался три раза. Однако адвокат сумел развалить обвинение, несмотря на четкую экспертизу. Присяжные сочли доказанным, что смерть Николая Максименко последовала от умышленного отравления мышьяком, но признали подсудимых невиновными. Авторитет экспертизы был еще невысок.

Тем временем параллельно исследованию путей обнаружения мышьяка, сурьмы, свинца, ртути, фосфора, серы и многих других металло-минеральных ядов изучалась группа растительных ядов, которые человечество чисто эмпирическим путем использовало тысячелетиями. Все растительные алкалоиды оказывают воздействие на нервную систему человека; в малых дозах действуют как лекарства, в более значительных – как смертельный яд.

В 1803 году аптекарь Зертюнер получил из опиума морфий. В 1818 году Каванту и Пелетье выделили из рвотного ореха стрихнин. В 1820 году Десос нашел хинин в коре хинного дерева, а Рунге – кофеин в кофе. В 1826 году Гизекке открыл кониин в болиголове. В 1828 году Поссель и Райман выделили никотин из табака, а Майн в 1831 году получил атропин из белладонны. Позднее было открыто еще примерно две тысячи растительных алкалоидов – от кокаина, гиосцимина, глосцина и колхицина до аконитина.

Каждое убийство и самоубийство доказывало, что растительные яды приводят к смерти, не оставляя, в отличие от мышьяка и других металломинеральных ядов, никаких следов в организме умершего, которые можно было бы обнаружить. Правда, к 1850 году токсикологам удалось найти некоторые химические реактивы, с помощью которых можно было доказать наличие алкалоидов, если они были в виде чистого вещества. В XIX веке в Венской фармакологической школе широко проводились эксперименты, позволяющие проанализировать действие ядовитых веществ на человека. В этих опытах участвовали врачи или студенты-медики. Объектом эксперимента была избрана цикута – яд, давно известный в истории. Внутрь организма принимались разовые дозы кониина от 0,003 до 0,008 г. Они вызывали местное раздражающее действие на слизистые, резко выраженную мышечную слабость, которая при малейшем мышечном напряжении приводила к болезненным судорогам. Отравление сопровождалось головной болью, головокружением, расстройством со стороны желудочно-кишечного тракта, сонливостью и помрачением сознания. Подобным же экспериментом в венской лаборатории химика Штоффа проверили действие никотина – яда нервной системы. При дозе 2 мг наблюдалось лишь небольшое раздражение языка и горла. При увеличенной до 4,5 мг дозе – кратковременная потеря сознания, слабость, вялость, озноб, рвота и судороги конечностей, а затем и всего тела.

Но лишь в начале XX века токсикология сделала первые шаги по пути поиска абсолютно безупречных методов обнаружения ядов, которые к середине XX столетия привели к поразительным результатам.

В 1910 году была усовершенствована идея Стаса о кристаллизации алкалоидов. Заинтересованные лица узнали о способе обнаружения растительных ядов, в основе которого – расплавление алкалоидов после кристаллизации. Однако развитие науки привело к изготовлению как новых ядов, так и открытию новых методов их обнаружения.

Известный список растительных ядов расширился синтетическими алкалоидами. Новые названия были введены в оборот в 1937 году, когда во Франции были выпущены первые антигистамины – искусственные активные вещества против аллергических заболеваний всех видов – от астмы до кожной сыпи. За несколько лет их число превысило две тысячи и несколько десятков из них приобрели популярность и как лекарство, и как потенциальные яды.

Идентификация алкалоидов на основе определения точки их

плавления получила дальнейшее развитие благодаря таким ученым, как Остеррайхер, Фишер, Брандштетер и Раймерс, а также благодаря Кофлеру, который в 1951 году создал аппарат для определения точки плавления. В то же время англичанин Э. Кларк создал в Лондоне коллекцию не менее чем из пятисот кристаллических форм различных алкалоидов, чтобы сделать возможным быстрое сравнение с ними под микроскопом кристаллов неизвестных объектов исследования.

В 50-е годы XX века токсикологи датчанин Т. Гаунг и бельгиец Лакруа обратили внимание на чрезвычайное значение для токсикологии рентгеноструктурного анализа. Они сделали возможным простое и быстрое распознавание многих алкалоидных кристаллов и самих алкалоидов. Американцы У. Барнз, Б. Марвин, Габарино и Шепард возглавили это направление и изучили характерные признаки, которые позволяли идентифицировать значительное число алкалоидов с помощью рентгеноструктурного анализа.

В то время как шла борьба с алкалоидами, токсикологи научились распознавать действие многих других ядов и обнаруживать их. Из небольшого некогда ряда металломинеральных ядов эпоха химии создала необозримый по длине перечень. Он простерся от соединений марганца, железа, никеля и меди до таллия. В виде моющих и чистящих средств, дезинсектицидов или лекарств они попали в руки миллионов людей. Небольшое количество газообразных ядов, таких, например, как синильная кислота, также стало невообразимым по объему. Возглавляла группу газов все еще окись углерода, пожиравшая год за годом тысячи жертв. За ней шел целый ряд сероводородных и сероуглеродных соединений вплоть до трихлорэтилена. Широкое распространение во всем мире получило и множество кислот и щелочей – от метилсульфата до салициловой кислоты, этого компонента аспирина, который в течение десятилетий стоял на третьем месте среди ядов, применяемых самоубийцами, вслед за окисью углерода и барбитуратами. О барбитуратах следует сказать отдельно. В 1863 году А. Байер получил в лаборатории барбитуровую кислоту, назвав ее по имени подруги своей юности Барбары. В 1904 году два других немецких исследователя – Фишер и Меринг – установили, что производные барбитуровой кислоты – барбитал и фенобарбитал – могут применяться как снотворные средства. Первое снотворное вошло в историю как веронал, а второе – как люминал.

И все же после всех достижений остается нерешенным вопрос: достаточно ли доказать наличие яда в выделениях, крови,

тканях тела живых или умерших людей, чтобы распознать, идет ли в данном случае речь о жертве отравления ядом, самоубийства, медицинского или профессионального отравления? Токсикология может оперировать формулой, которую дал немецкий токсиколог Герберт Шрайбер: «Отравление – это явление, при котором вещество вступает во взаимодействие с организмом, вследствие чего наступают негативные последствия для организма», но определить с абсолютной точностью это вещество или как оно попало в организм – наука о ядах не в состоянии.

ТРАВИТЬ ИЛЬ НЕ ТРАВИТЬ?

Если до второй половины XX века на протяжении столетий яд был наиболее удобен для совершения тайного преступления, то после того как уровень медицины вырос, он постепенно исчез из арсенала преступников или же его использование упало до минимума. Медицинские эксперты распознавали присутствие в организме того или иного растительного или минерального токсичного соединения буквально за несколько минут. Однако в последние десятилетия, учитывая новые возможности, которые дают химия, генетика, фармацевтика и развитие компьютерных информационных систем, появилась возможность синтезировать новые уникальные и гораздо более опасные яды, чем те, которые использовались веками.

Самым закамуфлированным и эффективным способом устранения конкретной жертвы становится использование так называемых «антилекарств», созданных по принципу направленного карцирогенеза. Ученые создают в секретных лабораториях индивидуальные препараты, учитывающие особенности организма конкретного человека. Эти препараты нельзя даже назвать ядами в привычном понимании этого слова. Они образуют в организме жертвы очень кратковременные биологические соединения, которые действуют на ту или иную систему, вызывая симптомы естественных заболеваний, таких как инфаркт, инсульт. Причем, по некоторым сведениям, подобные препараты могут ни внешним видом, ни вкусом не отличаться от куска сахара или стакана водки. К труднораспознаваемым экспертизой ядам относится, например, и куратин: через 10–15 минут после приема наступает паралич всей мускулатуры, в том числе и сердечной мышцы. Врачи же констатируют смерть от «сердечной недостаточности».

Человечество уже синтезировало семь миллионов различных ядов. К тому же каждый год появляется несколько десятков новых лекарств, которые в определенных дозах тоже можно использовать для отравлений. В США, например, разработано так называемое «магическое вещество», обладающее удивительным свойством во много раз усиливать действие других ядовитых и вредных веществ, находящихся в человеческом организме. Это вещество способно проникать непосредственно сквозь кожу человека.

Естественно, в наши дни доступнее неорганические яды, в любой школьной лаборатории легко получить любую отраву, но все же профессионалы-отравители верны традициям и по-

прежнему отдают предпочтение натуральным продуктам: попав в организм и сделав свое черное дело, яд распадается на органические соединения, в той или иной пропорции всегда встречающиеся в живом организме. Выделить токсин, ставший причиной смерти, порой сложно, а спустя некоторое время – почти невозможно.

Ситуация с ядами в конце XX – начале XXI века вышла из-под контроля. С каждым годом они становятся все изощреннее и доступнее. С учетом того, что яд – самое надежное средство, позволяющее убить человека и остаться безнаказанным, картина получается очень безрадостная. Средневековые отравители возрождаются.

Интересную картину дает статистика начала XX века. В Санкт-Петербурге в 1912 году 70 % самоубийств совершались с помощью ядов. А вот уже в 1925–1926 годах – лишь половина, а в 1934 году – чуть больше четверти. Эти цифры можно экстраполировать на весь бывший Советский Союз. Сокращение фактов отравлений в 20—30-х годах по сравнению с дореволюционным временем свидетельствует прежде всего о нарастающей бедности. В 30-е годы большинству ленинградцев, а остальным советским гражданам тем более, были недоступны уже известные и распространенные в Европе снотворные и другие фармакологические средства, способные привести без особых мучений к летальному исходу. В конце XX столетия и в начале XXI ситуация резко изменилась после наполнения фармацевтического рынка сотнями препаратов, которые можно использовать не по их прямому назначению. Поэтому статистика смертей от отравлений снова поползла вверх.

В 30 % случаях, когда возникает подозрение, что человек отравлен, судебно-медицинская экспертиза выносит заключение: «Определить наличие яда не представляется возможным». Причина в несовершенстве оборудования и огромном количестве новых ядов. Хотя в большинстве случаев наши люди предпочитают травить друг друга по старинке – ртутью, таллием, мышьяком и другими апробированными веками средствами.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Библия. – М.: Изд. патриархии, 1999. – 565 с.

Брокгауз Ф., Ефрон И. Энциклопедический словарь: В 82-х основ, и 4-х доп. томах. – С.-Пб., 1890–1907.

Винничук Л. Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима. – М.: Высш. Шк., 1988. – 496 с.

Гадаскина П., Толоконцев Н. Яды – вчера и сегодня. – Л.: Наука, 1988. – 204 с.

Дандамаев М. Политическая история Ахеменидской державы. – М.: Наука, 1985. – 319 с.

Жадько Е. 100 великих династий. – М.: Вече, 2001. – 480 с.

Иегер О. Всеобщая история: Т. 1. – С.-Пб.: Изд. А. Маркса, 1908. – 614 с.

Историки античности: Сб. Т. 1. – М.: Правда, 1989. – 624 с.

Коадовсъший З. Біблшні оповда. – К.: Полггвидав, 1978. -398 с.

Кравчук А. Нерон. – М.: Радуга, 1989. – 295 с.

Мифологический словарь. – М.: Сов. Энциклопедия, 1990. -672 с.

Петросян Ю. А. Древний город на берегах Босфора. – М.: Наука, 1986. – 240 с.

Плутарх. Избранные жизнеописания: В 2-х т. – М.: Правда, 1990.

Плутарх. Пор1внялып життеописи. – К.: Дншро, 1991. -440 с.

Радзинский Э. Загадки истории: Т. 5. – М.: Вагриус, 1999. -352 с.

Светоний Г. Жизнь двенадцати цезарей. – М.: Худож. лит., 1990. – 255 с.

Словарь античности. – М.: Прогресс, 1989. – 704 с.

Хрестоматия по истории Древнего Рима. – М.: Высш. шк., 1987. – 431 с.

Черняк Е. «Судебная петля». – М.: Мысль, 1991. – 605 с.

ОТ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ДО НАШИХ ДНЕЙ

Балезин С. У великих африканских озер. – М.: Наука, 1989. -208 с.

Богданов А. Смирение по Иоакиму // Наука и религия. -1995. – № 7.

Большая Советская Энциклопедия: Т. 40. – М.: Госнаучиздат, 1955. – 760 с.

Борисов Ю. Дипломатия Людовика XIV. – М.: Междунар. отношения., 1991. – 384 с.

Брокгауз Ф., Ефрон И. Энциклопедический словарь: В 82-х основ, и 4-х доп. томах. – С.-Пб., 1890–1907.

Великая хроника о Польше, Руси и их соседях. – М.: МГУ, 1987. – 264 с.

Вермуш Г. Алмазы в мировой истории. – М.: Междунар. отношения, 1988. – 288 с.

Всеволодов С. Преступление, раскрытое через 400 лет // Техника – молодежи. – 1965. – № 4.

Гадаскина И., Толоконцев Н. Яды – вчера и сегодня. – Л.: Наука, 1988. – 204 с.

Гончаренко Н. Руки Москвы, прочь от Долгорукого // Всеукраинские ведомости. – 1997. – 16 дек.

Горсей Д. Записки о России. – М.: МГУ, 1990. – 288 с.

Грановский Т. Лекции по истории Средневековья. – М.: Наука, 1987. – 428 с.

Грушевсъкий М. Історія України – Руси: В 9 т. – К.: Наук, думка, 1992–1997.

Диакон Лев. История. – М.: Наука, 1988. – 240 с.

Добиаш-Рождественская О. Крестом и мечом. – М.: Наука, 1991. – 110 с.

Дюма А., Доза А. Путешествие в Египет. – М.: Наука, 1988. – 287 с.

Задорожный В. Всем зверям зверь // Наука и религия. – 1989. – № 2.

Записки русских путешественников XVI–XVIII веков. – М.: Сов. Россия, 1988. – 528 с.

Зимин А. В канун грозных потрясений. – М.: Мысль, 1986. – 333 с.

Зимин А. Витязь на распутье. – М.: Мысль, 1991. – 286 с.

Иегер О. Всеобщая история: В 2-х т. – С.-Пб.: Изд. А. Маркса, 1908–1909.

Іванченко Р. Золоті стремена. – К.: Дніпро, 1982. – 232 с.

Карамзин Н. Избранное. – Л.: Дет. лит., 1985. – 334 с.

Клари де Р. Завоевание Константинополя. – М.: Наука, 1986. – 176 с.

Кларов Ю. Печатка і дзвін. – К.: Веселка, 1986. – 229 с.

Константинова Т. Пощечина самодержавию // Известия. — 1990. – 8 сент.

Костомаров Н. Исторические монографии и исследования. – М.: Книга, 1989. – 239 с.

Костомаров Н. Смутное время Московского государства. – М.: Чарли, 1994. – 800 с.

Костомаров Н. Царь Иван Васильевич Грозный // Сельская молодежь. – 1990. – № 7.

Лавис Э., Рамбо А. Эпоха крестовых походов. – М.: Изд. – во Сабашниковых, 1914. – 900 с.

Лозинский С. История папства. – М.: Политиздат, 1986. -382 с.

Лукницкий В. Жертвы отравлений // Секретные материалы. -2003. – № 13.

Макиавелли Н. История Флоренции. – М.: Наука, 1987. -448 с.

Марек Я. По следам султанов и раджей. – М.: Наука, 1987. -254 с.

Новицкий В. Из воспоминаний жандарма. – М.: МГУ, 1991. -254 с.

Ольгин Л. Встреча единорогов // Вокруг света. – 1975. – № 1.

Парадисис А. Жизнь и деятельность Балтазара Коссы. – Л.: Экслибрис, 1991. – 224 с.

Петросян Ю. А. Древний город на берегах Босфора. – М.: Наука, 1986. – 240 с.

Плугин В. «Государева дела искатели» // Наука и религия. -1995. – № 3.

Прицкер Д. Жорж Клемансо. – М.: Мысль, 1983. – 316 с.

Пу И. Г. Первая половина моей жизни. – М.: Прогресс, 1968. – 424 с.

Радзинский Э. Загадки истории: Т. 5. – М.: Вагриус, 1999. -352 с.

Салтыков А. Письма об Индии. – М.: Наука, 1985. – 176 с.

Салтыков М. Цезарь Борджиа. – Л.: СП «СМАРТ», 1990. -80 с.

Скрынников Р. Иван Грозный и сын его Иван // Наука и жизнь. – 1966.

Скрынников Р. Россия накануне «Смутного времени». – М.: Мысль, 1985. – 206 с.

Скрынников Р. Самозванцы в России в начале XVIII века. – М.: Наука, 1987. – 220 с.

Скрынников Р. Святители и власти. – Л.: Лениздат, 1990. -349 с.

СнисаренкоА. Рыцари удачи. – С.-Пб.: Судостроитель, 1991. –

448 с.

Соловьев В. Царь-девица. – М.: Эврика, 1990. – 304 с.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен: В 29-ти т. – М.: Соцэкиздат, 1959–1963.

Строкань С. Опять к нам едет Ким Чен Ир // Совершенно секретно. – 2004. – № 8.

Хейфиц М. Выстрел из «Ада» // Знание – сила. – 1966. -№ 6–7.

Черняк Е. Приговор веков. – М.: Мысль, 1971. – 437 с.

Черняк Е. «Судебная петля». – М.: Мысль, 1991. – 605 с.

Шмидт С. В начальный год Московского царства // Знание – сила. – 1983. – № 13.

Эйделъман Н. XIX таинственный век // Знание – сила. -1970. – № 1.

Эйленбург А. Маркиз де Сад. – С.-Пб.: Унюн, 1909. – 80 с.

Янин В. XV век, 2 апреля… какого года? // Знание – сила. -1983. – № 8.

БакшеевА. Игнат, Кондрат и Соломон // Вечерний регион. -2003. – 18 дек.

Белый генерал. – М.: Патриот, 1992. – 539 с.

Валентинов Н. Наследники Ленина. – М.: Терра, 1991. -240 с.

Вейдер Б., Хэпгуд Д. Кто убил Наполеона? – М.: ИКПА, 1991. – 240 с.

Вилъбуа. Рассказы о российском дворе // Вопросы истории. – 1992. – №№ 1, 4–5.

Глазкова Н. Зачем Сионской общине Святой Грааль? // Секретные материалы. – 2004. – № 22.

Гусейнов Г. Господи зерна. – Кривий Pir: ПП Видавничий дам, 2000. – 592 с.

Ирвинг В. Жизнь Магомета. – Ставрополь: Кавказский край, 1992. – 288 с.

Костомаров Н. Богдан Хмельницкий. – М.: Чарли, 1994. -768 с.

Крупская Н. Последние полгода жизни Владимира Ильича // Известия ЦК КПСС. – 1989. – № 4.

Нео-Сильвестр. Кто совершил злодеяние? // Слово. – 1991. – № 7.

Павленко Н. Александр Данилович Меншиков. – М.: Наука, 1989. – 198 с.

Палеолог М. Распутин. – М.: 9 января, 1923. – 120 с.

Панова В., Важнин Ю. Жизнь Мухаммеда // Наука и религия. – 1989. – № 1.

Переписка Николаевского и Валентинова // Слово. – 1991. – № 8.

Потапов А. Легенды о русском Казанове // Секретные материалы. – 2004. – № 25.

Равдин Б. История одной болезни // Знание – сила. – 1990. -№ 11.

Радзинский Э. Загадки истории: Т. 4. – М.: Вагриус, 1998. -415 с.

Славин А. Защита Алехина // Секретные версии. – 2003. -№ 3.

Снисаренко А. Рыцари удачи. – С.-Пб.: Судостроитель, 1991. – 448 с.

Черненко Г. Скандальное дело академика Павлова // Секретные материалы. – 2003. – № 22.

Шифман И. Александр Македонский. – М.: Наука, 1988. – 208 с.

ТОТАЛИТАРИЗМ И ОТРАВЛЕНИЯ

Абаринов В. Тень Гиммлера // Совершенно секретно. – 2002. – № 5.

Авторханов А. Загадка смерти Сталина. – М.: Прибой, 1992. – 320 с.

Бунич И. Таллиннский переход. – Ростов-на-Дону: Проф-пресс, 1994. – 544 с.

Ваксберг А. Царица доказательств. – М.: Книга и бизнес, 1992. – 351 с.

Валентинов Н. Наследники Ленина. – М.: Терра, 1991. – 240 с.

Васильева Л. Кремлевские жены. —Х.: Эврика-дефант, 1992. – 535 с.

Владимиров О., Рязанцев В. Страницы политической биографии Мао Цзэдуна. – М.: Политиздат, 1975. – 112 с.

Гаранин Л. Второй человек в рейхе // Вопросы истории. – 1992. – № 1.

Гуль Р. Дзержинский. – М.: Мол. гвардия, 1992. – 125 с.

Гусейнов Г. Господні зерна. – Кривий Ріг: ПП Видавничий дім, 2000. – 592 с.

Енко К, Енко Т. Частная жизнь вождей. – М.: Центр полиграф, 2000. – 381 с.

Иванов И. Англичане могли убить Гитлера // НЛО. – 2003.

Косарев А. Вырезанные из разного дерева // Секретные материалы. – 2004. – № 14.

Костиков В. Иллюзион счастья // Огонек. – 1990. – № 1.

Кравец А. Загадка смерти Буревестника // Секретные версии. – 2003. – № 11.

Кривицкий В. Я был агентом Сталина. – М.: Терра, 1991. – 365 с.

Лавров В. Кровавая плаха. – М.: Крон-пресс, 1992. – 304 с.

Литвин А. Последний год Василия Сталина // Комсомольское знамя. – 1993. – Февраль.

Мельников Д., Черная Л. Империя смерти. – М.: Политиздат, 1987. – 414 с.

Милыштейн М. А. Заговор против Гитлера. – М.: Воениздат, 1962. – 128 с.

Михайлов Н. Личный конфликт// Родина. – 1989. – № 9.

Молчанов А. Схождение в ад. – М.: Центрполиграф, 1996. – 348 с.

Народ должен знать правду // Эхо планеты. – 1988. – № 8.

Орлов А. Тайная история сталинских преступлений // Огонек. – 1990. – № 50.

Полевой Б. В конце концов. – Роман-газета. – 1969. – № 6.

Прохоров Д. Посмертные путешествия Мартина Бормана // Секретные материалы. – 2003. – № 16.

Радзинский Э. Сталин: Т. 2. – М.: Вагриус, 1999. – 640 с.

Розанов Г. Л. Конец Третьего рейха. – М.: Междунар. отношения, 1990. – 384 с.

Тополянский В. Гибель Фрунзе // Вопросы истории. – 1993. – № 6.

Тополянский В. Как умирала Крупская // Дем. Россия. – 1991. – № 18.

Тополянский В. Ночь перед Рождеством в 1927 году // Огонек. – 1990. – № 14.

Федоренко Н. Ночные беседы // Правда. – 1988. – № 297.

Шелленберг В. Секретная служба Гитлера. – К.: Доверие, 1991. – 214 с.

Эренбург И. Люди, годы, жизнь: Кн. 5–6. – М.: Сов. писатель, 1966. – 752 с.

ШПИОНСКИЕ СТРАСТИ ПО ЯДАМ

Абаринов В. Выборы с дымком // Совершенно секретно. – 2004. – № 10.

Абаринов В. Кто убил Мэрилин? // Совершенно секретно. – 2002. – № 8.

Абаринов В., Велехов Л. Крот на связь не вышел // Совершенно секретно. – 2002. – № 2.

Абаринов В., Велехов Л. Сафари на Лумумбу // Совершенно секретно. – 2002. – № 3.

Аксютин Ю. Хрущев, 1964 // Труд. – 1989. – 26 нояб.

Американский экспансионизм: Сб. – М.: Наука, 1986. – 612 с.

Андронов И. Яд, пули, клевета: история тройного заговора // Литературная газета. – 1984. – № 40.

Антонов-Овсеенко А. Берия // Юность. – 1983. – № 12.

Белаш В. Идеальное преступление // Секретные версии. – 2003. – № 3.

Бобков Ф. КГБ и власть. – М.: МП Ветеран, 1995. – 384 с.

Боровичка В. П. Выстрелы из засады. – М.: Прогресс, 1979. – 304 с.

Брудна робота ЦРУ в Західній Європі. – К.: Політвидав, 1983. – 254 с.

Вайда П. Подлежит устранению // Вокруг света. – 1980. – № 1.

Вандышева О. Телохранители проверяют даже воздух, которым дышит Путин! // Комсомольская правда. – 2000. – 15 дек.

Васильева Л. Кремлевские жены. —Х.: Эврика-дефант, 1992. – 535 с.

Гореночкин И. Легенда о Романе Цепове // Секретные версии. -2004. – № 11.

Грязная работа ЦРУ в Африке. – М.: Воениздат, 1983. – 349 с.

Жернов Е. Шпионские страсти в СССР // Имею право. – 2004. – № 2.

Игнатьев В. Лучший портретист ЦРУ // ВВС. – 2003. – № 48.

Исповедь терминатора// Совершенно секретно. – 1998. – № 11.

Истомин Ю. Лаборатория Х // Свое мнение. – 2004. – 20 окт.

Ізгаршев І. Просто С. Фурцева // Селянська правда. – 2002. – 21 лют.

Кеворков В. Трианон // Совершенно секретно. – 2003. – № 9.

Китаев М. Лекарство от секретов // Секретные версии. – 2004. – № 11.

Кравец А. Лондонская «фабрика смерти» // Секретные версии. – 2003. – № 3.

Макаров Д. Кто отравил Андропова? // ВВС. – 2004. – № 6.

Марченко В. Жизнь и смерть Степана Бандеры // ВВС. – 2004. – № 42.

Молодый Т., Колосов Л. Мертвый сезон // Совершенно секретно. – 1996. – № 10.

Московські вбивці Бандери перед судом. – Дрогобич, 1992. – 695 с.

Не лейте теще ртуть в тапочки // Комсомольская правда. – 2002. – 8 сент.

Парное Е. Под ливнем багряным. – М.: Политиздат, 1988. – 447 с.

Писарева Л. Тайна «болгарского зонта» // 24 часа. – 1990. – № 5.

Польский Ф. Враги грешного мира // Секретные материалы. —

2003. – № 13.

Прохоров Д. Похищение Александра Трушновича // Секретные материалы. – 2004. – № 7.

Прохоров Д. Роллан Абиа – от агента до резидента // Секретные материалы. – 2004. – № 3.

Раззаков Ф. Виртуозы «бесшумной смерти» // Визит-Венал. – 2002. – № 9-Ю.

Сапунов В. Крест и политика // Секретные материалы. – 2003. – № 24.

Снегирев В. Переворот, в котором участвовал Крючков // Комсомольская правда. – 1991. – 21 сент.

Соловьев В., Клепикова Е. Заговорщики в Кремле. – М.: АО Центр искусств, 1991. – 304 с.

Строканъ С. Двуликий Ясир // Совершенно секретно. – 2004. – № 12.

Червонная С, Геевский В. Под кодовым названием и без. – М.: АПН, 1985. – 327 с.

Щербаков А. Апологеты безумия // Секретные материалы. – 2004. – № 1.

Эндрю К., Гордиевский О. КГБ – история внешнеполитических операций. – [Б. м.]: Nota Bene, 1992. – 766 с.

Яллоп Д. Таинственная смерть папы Иоанна Павла I // За рубежом. – 1984. – № 299.

Азимов А. Язык науки. – М.: Мир, 1985. – 280 с.

Баранов И. Добрый колдун // Вокруг света. – 1977. – № 1.

Биологический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1989. – 864 с.

Бломберг Р. Люди джунглей // Вокруг света. – 1965. – № 2.

Борлей С. Пока не звучит танец войны // Вокруг света. – 1966. – № 1.

Віджинський А. Остання ніч у Сьюдад-Трухільйо. – К.: Рад. письменник, 1974. – 360 с.

Гаранин В. Слово в защиту змей и лягушек // Вокруг света. – 1973. – № 9.

Гросс П. Тайны незримого мира. – М.: Рипол-классик, 2001. – 415 с.

Денисова А. В Киеве культовым напитком становится абсент // Факты. – 2002. – Февраль.

Жизнь животных: Т. 3 / Под ред. Л. Зенкевича. – М.: Просвещение, 1969. – 576 с.

То же: Т. 4 / Под ред. Т. Расса. – М.: Просвещение, 1971. – 656 с.

Задорожный В. Сколько нравов у змеи? // Наука и религия. – 1989. – № 1.

Зелены М. Пестрые кофаны // Вокруг света. – 1980. – № 5.

Кто такие зомби // Визит-Венал. – 2002. – № 12.

Лаптев Ю. Тайна мексиканского гриба // Вокруг света. – 1984. – № 3.

Левина Н. За последней чертой // Родина. – 1994. – № 8.

Левина А. Безобидная макси и смертоносная мини // Вокруг света. – 1980. – № 2.

Мир растений: Т. 2. Под ред. А. Тахтаджяна. – М.: Просвещение, 1991. – 475 с.

Мифологический словарь. – М.: Сов. Энциклопедия, 1990. – 672 с.

На суше и на море: Сб. – М.: Мысль, 1970. – 621 с.

Не лейте теще ртуть в тапочки // Комсомольская правда. 2002. – 8 сент.

Непомнящий Н., Низовский А. Сто великих тайн. – М.: Вече, 2000. – 576 с.

Орлов М. История сношений человека с дьяволом. – М.: Республика, 1992. – 352 с.

Пестрый мир // Вокруг света. 1972. – № 6.

Пестрый мир // Вокруг света. – 1984. – № 6.

Полунов Г. Трагедия в Сент-Эспри // Техника – молодежи. – 1973. – № 6.

Пфеффер П. Бивуаки на Борнео. – М.: Мысль, 1964. – 189 с.

Силкин Б. Салемские колдуньи оправданы // Вокруг света. – 1977. – № 6.

Старикович С. Самые обычные животные. – М.: Наука, 1989. – 271 с.

Токаревич К., Грекова Т. По следам минувших эпидемий. – Л.: Лениздат, 1986. – 258 с.

Торвалъд Ю. Век криминалистики. – М.: Прогресс, 1991. – 336 с.

Українські чари. – К.: Либідь, 1994. – 96 с.

notes

Примечания

1

Modus operandi (лат.) – способ действия.

2

Так проходит слава мира (лат.).

3

Ростра – ораторская трибуна на форуме, которая впервые была украшена корабельными носами после победы римлян в Латинской войне в 338 году до н. э.

4

Геммология – наука о свойствах камней.

5

Modus operandi (лат.) – метод (механизм) действия.